Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
**«Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I»**

На правах рукописи

ГАЗИЕВА Людмила Леонидовна

ОРГАНИЗАЦИЯ СПАСЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА (1941–1944)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор,
Владимир Валентинович Фортунатов

Том I

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I

Введение ……5

Глава первая. Организация спасения гражданского населения Ленинграда (1941–1944) как историческая проблема.....26

§ 1. Освещение положения гражданского населения осажденного Ленинграда в исторической литературе 26

§ 2. Источниковая база исследования 52

Общие выводы к главе.....92

Глава вторая. Статус и наличие гражданского населения в осажденном Ленинграде в 1941–1944 годах …….....94

§ 1. Статус гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг. ….....94

§ 2. Наличие гражданского населения в осажденном Ленинграде.....120

Общие выводы к главе.....132

Глава третья. Организация эвакуации населения и ценных грузов из Ленинграда в 1941–1942 годах …...……...133

§1. Основные направления историографии проблемы……133

§2. Эвакуация гражданского населения и ценных грузов из Ленинграда в 1941 г. …….....135

§ 3. Эвакуация гражданского населения и ценных грузов из Ленинграда в 1942 г. 167

Общие выводы к главе.....204

Глава четвертая. Важнейшие проблемы организации эвакуации и реэвакуации ленинградского населения в 1942–1945 годах ..……207

§ 1. Эвакуация подростков вместе с ремесленными и железнодорожными училищами.....207
§2. Взаимодействие центральных и местных органов власти по спасению ленинградских детей, подростков в эвакуации.....212
§ 3. Проблемы эвакуации и реэвакуации гражданских высших и средних профессиональных учебных заведений Ленинграда в 1942–1943 гг…….....220
§ 4. Организация реэвакуации гражданского населения в Ленинград в 1944–1945 гг…….....235
Общие выводы к главе 248

Глава пятая. Военные преступления против гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 годах 251
§ 1. Преступления фашистских войск против гражданского населения при осаде Ленинграда и эвакуации населения.....251
§ 2. Заболеваемость и смертность гражданского населения в результате блокады Ленинграда 282
Общие выводы к главе 307

Глава шестая. Политико-правовые проблемы и противоречия осуществления мероприятий по спасению гражданского населения Ленинграда.....311
§ 1. Взаимодействие центральных и местных органов власти и управления.....311
§2. Деятельность правоохранительных органов власти в Ленинграде по охране личных и имущественных прав граждан в 1941–1944 гг…….....354
§3. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков….....399
§ 4. Идеологический контроль и цензура в вопросах положения гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг.....427
Общие выводы к главе.....437

Заключение.....439

Список сокращений и условных обозначений……...450
Список источников и литературы …….....456
Список иллюстративного материала……..538

Том II

Приложения IV
Приложение ко второй главе «Статус и наличие гражданского населения в осажденном Ленинграде в 1941–1944 годах» ……IV
II. Приложение к третьей главе «Организация эвакуации населения и ценных грузов из Ленинграда в 1941–1942 годах».....XXV
III. Приложение к четвертой главе «Важнейшие проблемы организации эвакуации и реэвакуации ленинградского населения в 1942–1945 годах»…… LXXVIII
IV. Приложение к пятой главе «Военные преступления против гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 годах» LXXXI
V. Приложение к шестой главе «Политико-правовые проблемы и противоречия осуществления мероприятий по спасению гражданского населения Ленинграда».....XCIII

VI. Важнейшие нормативные акты органов власти и управления СССР и РСФСР, а также решения Ленгорисполкома по вопросам обеспечения жизнедеятельности гражданского населения. 1941–1944 годы…… XCIX

VII.Список имен.....CLIII

VIII.Старые названия улиц, площадей, проспектов (1941–1945) CLVIII

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на значительное количество исследований, проблема положения гражданского населения в период Великой Отечественной войны осталась актуальной. Особое место в ее изучении занимает жизнь ленинградцев в осажденном городе в 1941–1944 гг. Оценка одного из наиболее значительных в истории Мировых войн героического подвига гражданского населения стала одним из важных звеньев идеологической борьбы, развернувшейся в 1949–1991 гг.

Тема Ленинградской блокады как «гуманитарного фактора» Холодной войны своеобразно отразилась в музыкальной и поэтической культуре рубежа веков, пропустивших проблему межгосударственных отношений через призму отношений между людьми. Как например, в песне Билли Джоэла «Ленинград» (1989 год)[1].

Преломление политики через личностный фактор характерно для исторической литературы. В то же время вторжение искусства в область памяти о блокаде привело к своеобразному конструированию пространственно-временного континуума, связанного с этой памятью.

Немногословные воспоминания матери о войне были, как у многих, частью и моего детства[2].

Одна из ключевых и наиболее нераскрытых проблем положения ленинградского населения в блокированном городе: взаимосвязь социально-правовых и индивидуально-личностных факторов. Несмотря на обилие

---

1 Гляжу: опять идет война, и там мои друзья, за что продолжена борьба – не видно ей конца? (Пер. Л.Г.)

2 В семье моей матери (Ильиной Валентины Михайловны), которой в 1941 г. исполнилось 11 лет, в пятикомнатной квартире на ул. Боровой, кроме ее отца и матери, их с сестрой, проживали бабушка (Минина Татьяна Павловна), тетя (сестра матери) с мужем и сыном, дядя (брат матери) с женой и двумя детьми. Всего двенадцать человек. Во время войны четыре человека (трое мужчин и сестра моей матери Надежда Михайловна Ильина) ушли на фронт, трое уехали в эвакуацию. Мать со своей матерью (моей бабушкой) остались в Ленинграде, где пробыли всю блокаду. Изо всей семьи погибли двое мужчин на фронте и двое маленьких детей от голода. Большинство вернулось после окончания войны в свою квартиру. Однако чаще судьба ленинградской семьи была более трагичной.

исторической литературы, можно сказать, что в ней рассмотрены лишь отдельные аспекты вопроса.

Объект-субъектные взаимосвязи. Проблема деятельности государства и общества в условиях тотальных войн как объекта исторического исследования была с позиций современной науки обозначена рядом международных конференций в связи со столетием Первой Мировой войны. При этом как специфический предмет исторического анализа учеными было выделено положение и статус гражданского населения в ходе такой войны[1].

Актуальность данного исследования обусловлена с идеологической и с историографической стороны.

Идеологическое содержание данного вопроса заключается в необходимости анализа практики спасения гражданского населения в условиях тотальных войн XX века. Оно актуализировано Конвенцией о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, принятой резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г.[2] В начале XXI века возобновились международные судебные процессы по военным преступлениям, совершенным против гражданского населения в ходе II мировой войны[3].

В соответствии с принципами Нюрнбергского процесса, в Международную судебную практику включаются концепции компетентных юристов, которые применялись и практиковались в военных судах[4]. В то же время отсутствие срока давности не устраняет презумпции невиновности (отсутствия обратной силы у

---

1 *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировой войны в истории России: сборник статей / Редкол.: И. В. Нарский и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 12–28 ; *Байрау Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Там же. С. 28–49.

2 Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [Электронный ресурс] // ООН. Официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml. (дата обращения: 16.01.2017).

3 Наибольшие споры, в связи с этим, вызвало «Дело Кононова против Латвии». (Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" (жалоба N 36376/04) (Большая Палата) [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends. (дата обращения: 16.01.2017)).

4 Факты. Гл. III. Часть E, п. 4, § 119. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends. (дата обращения: 16.01.2017)

правовой нормы) как основного принципа права.

Таким образом, хотя в судебных процедурах решения принимаются исключительно на правовой основе, однако существование *права Мировой истории*, действующего в условиях отдаленного времени, предполагает необходимость предварительного историко-философского и конкретно-исторического анализа данных вопросов[1]. В частности, исследование конкретно-исторической практики и этического ядра применения гуманитарных правовых норм в условиях культурно-исторического прошлого.

Недостаточность такой проработки сказывается в современных процедурах международного суда Организации Объединенных Наций (ООН), касающихся нарушения прав человека в условиях войн и военных конфликтов.

В конце XX – начале XXI века жертвы гражданского населения в военных конфликтах, по некоторым оценкам, составляют от 80 до 90% от всех военных жертв[2]. Последние военные конфликты в Сирии и на Украине (2012–2021) обращают внимание на сохраняющуюся жестокость по отношению к гражданскому населению, несмотря на предпринимаемые меры.

В начале XXI века возобновились судебные процессы по обвинению правительств ряда стран в политике геноцида. В процессах 1999–2005 гг. были продемонстрированы внутренние противоречия действующей системы Международного гуманитарного права (МГП)[3].

---

1 *Гегель Г.-В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. С. 365.

2 *Roberts A.* Lives and statistics: Are 90% of war victims civilians? // Survival. – 2010. Vol. 52. № 3. P. 115–136 [Электронный ресурс] // URL: https://weblearn.ox.ac.uk/access/content/user/1044/survival_jun-jul_2010_-_ar_on_lives___statistics_-_non-printable.pdf. (дата обращения: 31. 07. 2016). В статье автор полагает, что эти данные подлежат критическому анализу.

3 2 июня 1999 г. Международный суд ООН отклонил иски правительства Союзной Республики Югославия (СРЮ) к правительствам десяти государств (Бельгия, Канада, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Соединенное Королевство, США), участвовавших в массированных бомбардировках гражданских объектов на ее территории соединенными войсками НАТО. Были отклонены и ходатайства правительства СРЮ заменить бомбардировки временными мерами, на основании несоблюдения ряда формальных требований Статута Суда. Дискуссию среди судей вызвала и возможность применения в данном случае определения «геноцид» для массированных бомбардировок жилых кварталов, в том числе с применением ядерных боеголовок, разрушающих среду обитания людей. Представителем Нидерланд *цели военных действий неизбирательного характера были определены как направленные против территории, а не против групп населения* [курсив наш – Л. Г.]. Тот факт, что отклонение исков противоречило Уставу ООН, вызвал возражения со стороны только двоих членов суда: Верещатина и Кречи. (Дело, касающееся правомерности применения силы (Временные меры). Югославия против.... Постановления от 2 июня 1999 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений

Амбивалентность применения Международного гуманитарного права, в том числе, использование его с политическими целями, выявленная указанными прецедентами, требует специальных исследований как общетеоретического, так и конкретно-исторического характера. В том числе необходимо опираться на практический опыт защиты прав гражданского населения Нюрнбергским Международным трибуналом.

Разрешение данной парадигмы следует начать с определения институциональной инфраструктуры, связанной со статусом гражданского населения воюющих стран в условиях II Мировой войны. В то же время исторические исследования данного вопроса во всей полноте отсутствуют.

Актуальной является характеристика этического ядра ноосферы, определяющего сущность гражданского состояния, что становится предметом междисциплинарных исследований.

В 1950 г. была опубликована Декларация «Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала», которая явилась результатом работы Комиссии по Международному праву[1]. Декларация способствовала дискуссии по поводу разделенной ответственности за жертвы гражданского населения, в том числе указывались жертвы массированных англо-американских бомбардировок германских городов, осуществленных в качестве репрессалий (1944–1945), атомных бомбардировок ВВС США японских городов: Хиросимы и Нагасаки (1945).

В ответ Г. Солсбери обвинил Советское руководство в предумышленном сокрытии блокадных жертв, увязывая эпилог блокады с «Ленинградским делом». Современной западной историографией Советское правительство обвиняется в

Международного суда. 1997–2002 годы. ООН., 2006. С. 86–139 [Электронный ресурс] // URL: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/files/sum_1997-2002.pdf. (дата обращения: 01. 08. 2016)).

1 Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала / работа Комиссии международного права, 1950 [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml. (дата обращения: 16.01.2017)

тотальной политике, осуществляемой в период Великой Отечественной войны в отношении собственного гражданского населения, в том числе блокированного Ленинграда[1].

Недостаток общетеоретических исследований позволяет превратить проблему преступлений против гражданского населения в ходе Второй Мировой войны в очередной миф современной идеологической борьбы, острота которой обусловлена продолжающимся международным кризисом, в связи с украинским и сирийским вопросами, имеющей место «русофобией»[2]. Имеют место попытки оказать силовое давление на нашу страну со стороны США и ЕС, манипулируя идеологическими противоречиями.

Таким образом, идеологические споры перенесены в область исторической науки.

С позиций историографии, *актуальность* обусловлена отсутствием конкретно-исторического исследования организации спасения гражданского населения в блокированном Ленинграде, которое бы охватило работу центральных органов власти и управления, чрезвычайного органа, каковым являлся Государственный Комитет обороны СССР, органов местной власти и управления, политико-правовую инфраструктуру, на основе анализа новых рассекреченных документов, а также используя уже введенные документы в пространство исторических исследований в последние десятилетия. Необходим анализ стратификации ленинградского населения, ее специфических особенностей. Подобный подход позволяет вывести данную проблему на более высокий парадигматический уровень.

Современный период развития историографии проблемы характеризуется исследованием отдельных аспектов указанных вопросов, что расширяет и

---

1 *Salisbury H. E.* The 900 days: The Siege of Leningrad. – N. Y., 1969; *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей …, 2007. С. 12–25.

2 *Бордюгов Г. А.* «Война все спишет?» Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей / Редкол.: И. В. Нарский и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 592–606.

обогащает возможности ее изучения как результата работы коллектива историков. В то же время для окончательного разрешения проблемы требуется освоение широкого круга неопубликованных первоисточников делопроизводственного и личного характера, большая часть которых рассекречена в последние десятилетия.

Спорным остается вопрос о жертвах гражданского населения СССР, в том числе блокадного Ленинграда. Согласно расчетам Управления демографической статистики Госкомстата СССР в 1991 г., общее число людских потерь СССР в период с 22 июня 1941 г. – по 31 декабря 1945 г. составили: 26 600 тысяч человек, включая неродившихся. Из них 42,4% или 11 285 057 – безвозвратные потери Красной Армии и Военно-Морского флота. Отмечается наибольшая убыль гражданского населения городов, так и не захваченных полностью фашистами: Воронеж (80,2%), Керчь, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Сталинград (87,8%). За 100% берется предвоенная численность населения[1].

Потери гражданского населения блокированного Ленинграда, установленные на основе анализа документов и признанные научным сообществом, колеблются от 32 % населения, имевшегося на начало блокады, или около 800 тысяч, до 38%, или около 900 тысяч[2].

В то же время остается актуальной проблема факторов выживания блокадного населения, в том числе социокультурных и политико-правовых.

Степень разработанности проблемы. Положения гражданского населения в блокированном Ленинграде касались в своих диссертационных работах наши предшественники. Одной из первых была защищена кандидатская диссертация А. В. Кутузовым[3]. В этой работе впервые были обозначены ряд аспектов проблемы, в том числе раскрыта тема бомбежек продовольственных складов. Данный вопрос

---

1 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. – М.: Вече, 2010. С. 221, 225, 236. В указанной монографии данные потерь по Ленинграду и Ленинградской области не приводятся. Вероятно, в связи с дискуссионностью данного вопроса.

2 *Ежов М. В., Фролов М. И.* Духовный подвиг защитников Ленинграда. – СПб.: Знание, 2010 ; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011.

3 *Кутузов А. В.* Проблемы жизнеобеспечения населения блокадного Ленинграда. Автореф. дисс. … к. и.н. – СПб.: СПбГУ, 1995.

имел важное значение в идеологической борьбе против западных фальсификаций истории блокады, к которым относится и утверждение о мифологизации фактов уничтожения запасов продовольствия гитлеровцами[1]. Однако в рамках кандидатской диссертации столь обширная тема как обеспечение жизнедеятельности гражданского населения блокированного Ленинграда не могла быть полностью раскрыта.

В 1999 г. была защищена докторская диссертация А. В. Похилюк, посвященная теме близкой к нашей[2]. Хотя работа имела ряд несомненных достоинств: был обозначен ряд новых аспектов проблемы (как например, противоречия в пенсионном обеспечении инвалидов войны), расширена база исследования за счет сравнительно-исторического анализа мероприятий по жизнеобеспечению гражданского населения во всем Северо-Западном регионе, проанализировано взаимодействие военных и государственных органов по обеспечению жизнедеятельности гражданского населения, в то же время она оставила нерешенными ряд вопросов. В последнее время отечественной исторической наукой достигнуты успехи в изучении данной проблемы: опубликованы новые документы, рассекречены архивные коллекции, не использованные в упомянутых работах, появились новые подходы к ее решению, в том числе в результате тесного взаимодействия международного сообщества ученых-историков. Эти результаты требуют обобщения и дополнения. Осталась не рассмотрена проблема взаимодействия центральных и местных органов власти и управления. Не раскрыты дискуссионные вопросы организации эвакуации населения. Таким образом, данная тема научного исследования требует нового анализа с учетом достижений современной науки.

В новейшем трехтомном исследовании проф. Г. Л. Соболева подробно

---

1 *Clapperton J.* The siege of Leningrad and the ambivalence of the sacred: conversations with survivors. 2006. P. 118-119. [Электронный ресурс] // URL: http://www.yumpu.com/en/document/view/26478757/the-siege-of-leningrad-and-the-ambivalence-of-the-sacred-conversations-with-survivors/ (дата обращения: 16.03.2015).

2 *Похилюк А. В.* Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны. Автореф. дисс....д.и.н. СПб., 1999.

проанализирована борьба за выживание ленинградцев в контексте нравственных ценностей социально-политической и духовной культуры. Борьба за жизнь и спасение ленинградцев рассматривается им во взаимосвязи с проблемами организации обороны города. Важное место занимает проблема взаимоотношений руководителей обороны Ленинграда и Ставки Верховного главнокомандования, а также взаимоотношений населения города с представителями Советской власти[1]. В то же время остается открытым полемическое пространство: каково соотношение тех или иных факторов в спасении гражданского населения Ленинграда.

Ранние работы, написанные в 1960-ые – 1990-ые годы на эту тему, устарели, в силу как наличия новых источников, открытых в последние годы, так и влияния в предыдущий период идеологических концепций, сменявших друг друга[2].

Противоречия советского военного и гражданского права привели к отсутствию глубоких исследований институциональной инфраструктуры Великой Отечественной войны советского народа, как важной составляющей II Мировой войны, на материалах как опубликованных, так и не опубликованных источников[3].

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных проблеме организации спасения детей и подростков в условиях блокады Ленинграда, некоторые аспекты оказались недостаточно раскрыты. Существует необходимость рассмотреть данный вопрос в контексте положения гражданского населения Ленинграда в целом[4].

Остается актуальным вопрос о человеческом факторе в борьбе за спасение гражданского населения. В том числе наиболее конфликтные аспекты спасения

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2013 ; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2015 ; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2017.

2 *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941–1943). КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады – Л.: Лениздат, 1960; *Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л., 1985.

3 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). – СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2017. Одно из новых исследований правовых институтов охраны здоровья, в том числе в условиях войны, затрагивает некоторые аспекты этой проблемы.

4 Результаты изучения данного вопроса автором были изложены в монографии: *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944 / под ред. Г. Л. Соболева. – СПб.: Нестор-История, 2014. В работе положение детей и подростков рассмотрено как отдельная проблема, вне положения гражданского населения в целом.

ленинградцев: борьба за выживание в эвакуации, на оккупированной территории; эвакуационная статистика. Остается нераскрытой проблема взаимодействия различных стран и международных общественных организаций в решении вопросов спасения гражданского населения.

Лишь в последние годы стали объединяться усилия специалистов различных областей знания для разработки методологии анализа коммуникативных взаимосвязей в содержании исторических источников, а также метасвязей исторического документа и исторического действия[1], что делает актуальным применение новых методов к исследованию блокады Ленинграда.

Более подробный анализ историографии вопроса, а также новых и уже известных источников дается в первой главе.

Объект диссертационного исследования – деятельность Советского государства и общества, направленная на спасение гражданского населения СССР (на примере Ленинграда) в период Великой Отечественной войны.

Предмет – организация спасения гражданского населения Ленинграда как результат взаимодействия государственных органов власти и управления: общесоюзных, республиканских и местных (гор. Ленинграда и Ленинградской области) в период битвы за Ленинград. В ходе исследования, в некоторых случаях, приходилось расширить предмет, включая в его состав население Ленинградской области, ради полноты изучения проблемы.

Хронологические рамки исследования: с 10 июля 1941 до 9 августа 1944 гг. (период битвы за Ленинград)[2]. Предшествующий и последующий периоды затронуты в случае необходимости, обусловленной полнотой исследования, непрерывностью конкретного исторического явления.

Территориальные рамки: Ленинград, Ленинградская область в границах 1941 – нач.1944 годов, а также районы СССР и РСФСР, куда осуществлялась эвакуация

---

1 Речь идет о постоянном семинаре ИВИ РАН проф., д. и. н. М. С. Бобковой «Люди и тексты» и выпускаемом ежегодном одноименном альманахе.

2 Ленинградская битва // Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия». – 1980. С. 708.

ленинградцев.

Данный объект исследования характеризуется двойственностью, что обуславливает структуру и цели исследования. С одной стороны, условия войны предполагают формирование государственной политики, направленной на сохранение гражданского населения, как необходимого условия победы. Макросвязи, возникающие между важнейшими социальными институтами, расширяются за счет международных связей. Наиболее значимыми среди них в условиях Великой Отечественной войны являлись дипломатические взаимоотношения внутри антигитлеровской коалиции, связанные с формированием фундаментальных принципов Организации Объединенных наций: гуманизацией международного права, а также связи Советского общества Красного Креста и Международной Лиги Красного Креста. С другой стороны, это деятельность гражданского общества, для которого характерны межличностные и микрогрупповые отношения (внутри семей, трудовых и учебных коллективов, этнических диаспор или землячеств, религиозных общин). Специфика демократического общества заключается в формировании особого рода микрогрупп, связанных с политико-идеологической деятельностью гражданского населения, а также деятельностью внутри профсоюзов, творческих союзов, других общественных организаций. Уровень активности таких организаций в условиях войны усилился. Так, в блокированном Ленинграде наличие межличностных связей и включение ленинградцев в разнообразные общественные организации, в том числе соседские и семейные сообщества (Дом политкаторжан, Совет жен командиров и т. п.), явилось важным фактором самоорганизации гражданского населения и обороны города. В то же время необходимо выделить этапы в развитии общественных организаций в блокированном городе, в связи с изменением возрастного состава, кадрового состава, эвакуацией, смертностью.

Таким образом, данный предмет находится на стыке исследования политико-правовых актов и практических мероприятий, направленных на спасение населения, включая «обыденность»: общественное сознание и самоорганизацию

гражданского общества как совокупность различного рода объединений и отношений между ними (общественные организации, трудовые коллективы, семьи и отдельные личности).

За границами нашего исследования осталось большинство вопросов, связанных с организацией военных действий по обороне Ленинграда. Сужение рамок предмета следует из статуса гражданского населения, имеющего безусловный иммунитет в условиях военных действий, в том числе, обусловленный военным правом актуальным в 1941–1944 гг. Однако в тех случаях, когда вопросы организации самообороны и спасения гражданского населения переплетаются с проблемами организации военных действий, они становятся предметом данного исследования во взаимосвязи.

Цель исследования: определить содержание системы общественных взаимоотношений, как совокупности факторов спасения гражданского населения, включая характер взаимодействия центральных и местных органов власти, органов государственной власти и гражданского общества, в период битвы за Ленинград в 1941–1944 годах.

Задачи диссертационного исследования:

1 – уточнить основные направления, этапы и тенденции развития историографии данного предмета на основе анализа новейших исследований;

2 – собрать, классифицировать, выявить противоречия и установить достоверность наиболее полного собрания документальных источников по данному предмету, включая неизвестные нашим предшественникам;

3 – установить факты, свидетельствующие о мероприятиях центральных и местных органов власти и управления, направленных на спасение гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг., их эффективности;

4 – определить макроструктуру[1] общественных взаимоотношений, направленных на спасение гражданского населения блокированного Ленинграда;

---

1 Макроструктура, социол. – в данном случае: система политико-правовых актов, нормативно регулирующих общественные отношения, методов, способов и результатов их реализации.

5 – выявить микроструктуру[1] тех же общественных взаимоотношений, как гуманитарный фактор спасения населения;

6 – обобщить результаты исследования и представить в виде полезных рекомендаций по организации актуального социально-исторического пространства.

Научная новизна диссертационного исследования:

– значительно расширена и систематизирована источниковая база,

– на основе комплексного исследования документов федеральных и государственных архивов, как опубликованных, так и ранее не опубликованных, делопроизводственного и личного характера уточнена блокадная статистика;

– на основе вновь выявленных документов раскрыта эволюция институциональной инфраструктуры гражданского населения осажденного Ленинграда в 1941–1944 годах;

– установлена эффективность мероприятий по эвакуации гражданского населения из Ленинграда с учетом впервые введенных в научный оборот документов, а также обобщения результатов работы наших предшественников;

– раскрыты проблемы и противоречия организации эвакуации подростков, обучавшихся в системе Трудовых резервов, с учетом впервые введенных в научный оборот документов Главного Управления «Трудовых резервов», а также обобщения результатов работы предшественников;

– определена система социально-правовых мероприятий, направленных на мобилизацию жизненных ресурсов и жизнеобеспечение гражданского населения, со стороны центральных и местных органов власти и управления в их тесном взаимодействии;

– раскрыты отличия правового статуса гражданского населения и военнослужащих в СССР в период 1941–1944 годов.

---

1 Микроструктура, социол. – в данном случае: система коммуникативных взаимосвязей внутри гражданского общества: трудовых коллективов, домохозяйств, общественных организаций, первичных партийных организаций и пр.

Подводя итог, еще раз отметим, что необходимость всестороннего исторического исследования вызвана включением Ленинградской проблемы в конфликтное пространство внутренних и международных отношений, где она прочно обосновалась еще в 1949 г.

Теоретическая значимость – решение проблемы организации спасения ленинградского населения в период битвы за Ленинград как ключевой в оценке гуманитарного фактора победы во II Мировой войне антигитлеровской коалиции.

Практическая значимость – решение проблемы спасения ленинградского населения как комплекса вопросов, имеющих фундаментальное значение для формирования российской национальной идеологической концепции, динамичного развития гражданского пространства Российской Федерации, а также для преодоления противоречий в содержании интерпретаций блокадного положения гражданского населения Ленинграда в современной исторической литературе.

Методологическая основа исследования: диалектический подход; использование совокупности методов, характерных как для классической исторической теории, так и для современных направлений: историко-психологического, историко-социологического, культурно-антропологического подходов.

Ключевым отличием методологии, положенной в основу нашего исследования, является стремление выявить соотношение политико-правовых институтов власти, направленных на сохранение Советских государственных отношений, и индивидуально-личностных интересов выживания. Место и роль коммуникативных и коллективных отношений в развитии основного вектора этих взаимосвязей: личности – общества – власти.

С этой целью мы рассматриваем каждый из аспектов борьбы за сохранение гражданского населения как стратифицированную многоуровневую систему, включающую сугубо личностные интересы и вопросы индивидуального выживания, объективированные гуманитарным правом на жизнь.

Методологической основой данного исследования является концепция

целостного историко-философского исследования, которое включает в себя анализ коммуникативных отношений, обороны Ленинграда и самозащиты гражданского населения, социальных и правовых институтов, определивших устойчивость ленинградского гражданского общества и его субкультуры как целого, и, наконец, организация общественно-исторической практики, с целью актуализации ключевых этических ценностей обороны Ленинграда в историческом сознании современного Санкт-Петербургского социума и выявления этического универсума данной парадигмы.

Данная проблема требует конкретно-исторического исследования генезиса общественного сознания ленинградцев – петербуржцев в постблокадном историко-временном пространстве как обыденного, научного, политико-правового исторического самосознания, способы и пути его самоидентификации, проблемы и противоречия реализации свободы духа как самосознания петербуржцев.

В основе данной концепции лежат принципы диалектической логики Г.-В.-Ф. Гегеля[1]. Следует обратить внимание на то, что с позиций исторического материализма рассматриваются конкретно-исторические проявления универсальных метасвязей нравственной воли, правового сознания и деятельности людей, но не сущность и содержание собственно правовых процессов, остающихся предметом юриспруденции.

Включение в пространство исследования блокады современными историками многочисленных воспоминаний, дневников и прочих личных нарративных документов, в том числе написанных и опубликованных спустя десятилетия часто по идеологическому заказу, делает необходимой глубокую скептическую проверку данных источников. При этом целесообразно применение

---

1 Гегель выстроил стройную концепцию взаимосвязей внутри человеческого сообщества, в ядре которой находится нравственная воля как самовыражение свободного Духа. Данная воля предстает в тройной ипостаси: естественное нравственное чувство, исследуемое антропологией; креативное состояние души, исследуемое психологией; всемирно-историческое воплощение нравственного волеизъявления человеческой организации как право Мировой истории, исследуемое Всемирной историей. При этом история отдельных народов становится ступенью всемирной истории, в которой реализуется освобождение: раскрытие и действительность сущности мирового духа. (*Гегель Г.-В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. С. 365–366).

методов, характерных для культурной антропологии, исторической психологии, феноменологии, в совокупности, сообразно гегельянской концепции[1].

Таким образом, в качестве методологии использована совокупность методов, в основе которых лежит работа с нарративными источниками. Здесь необходимо уточнить понятие нарратива. *Нарратив*, от лат. Nārrātio – рассказ, повествование, в том числе устное, касающееся каких-либо известий, сведений. К нарративным источникам можно отнести не только мемуарную литературу, дневники, записки, письма, но и стенограммы устных сообщений, в том числе стенограммы совещаний, собраний, для которых характерны развернутые выступления участников. Наибольший интерес вызывают диалогические нарративы, поскольку в них запечатлены коммуникативные взаимосвязи: стенограммы и протоколы партийных собраний, совещаний и т. п.

В то же время критический анализ источников требует комплексного использования документов делопроизводственных, публицистических и личного происхождения. При этом сохраняют значение принципы целостности, полноты, диалектического единства, научности исследования.

Таким образом, базовой для данного исследования является совокупность традиционных научно-исторических методов, основанных на логическом анализе эмпирически собранной и наиболее полной базы данных: историко-сравнительного, -системного, -типологического, -генетического, а также идеографического, и новых методов: биографического, лингвистического или семиотического, статистического.

Соответствие цели, задач, методов исследования структуре объекта и предмета исследования обеспечивают его научный характер.

---

1 *Газиева Л. Л.* Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) …, 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70) [Электронный ресурс] // URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1 (дата публикации: 13.09.2018); *Ее же*. Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 6. С. 118–124 ; *Ее же.* Феномены времени в дневниках воспитателей дошкольных учреждений блокадного Ленинграда (1941 – 1944) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2008. – Выпуск 3. С. 67–74.

Основные понятия: осада Ленинграда, блокада Ленинграда, гражданское население, эвакуация, спасение гражданского населения, выживаемость населения, военное преступление, преступление против человечности.

Понятие блокада и его временные рамки в отношении осады Ленинграда стали предметом научной дискуссии. Исследователи отмечают, что после прорыва блокады 18 января 1943 г. теряет смысл употреблять этот термин. Предлагается сдвинуть начало блокады на 30 августа 1941 г.[1] С этими замечаниями нельзя согласиться, так как они не учитывают специфики правового использования термина блокада, а также периодизации блокады Ленинграда как морской крепости.

Блокада крепости в международном военном праве XX века, в первую очередь регламентировалась правилами морской блокады, которая подразумевала обязательную нотификацию. В ином случае блокада лишалась статуса правового режима при осаде морской крепости[2]. В связи с этим, использование гитлеровцами при *осаде Ленинграда* смешанной: воздушной, сухопутной и морской блокады требовало нотификации последней, что не было сделано. Таким образом, режим морской блокады Ленинграда с позиций действовавшего международного военного права, в том числе обычного военного права, не являлся правовым. Кроме того, спецификой осады Ленинграда было присутствие в городе на начало блокады около 80% от довоенного количества гражданского мирного населения: в основном женщин, детей, стариков, инвалидов. С позиций обычного военного права к началу II Мировой войны данное население обладало безусловным иммунитетом, сохранялось основное правило: «не-комбатанты не должны являться объектом прямых нападений со стороны неприятельских вооруженных сил»[3]. Это также

---

1 *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 28–35 ; *Ильин Е. В., Пономарева Т. В.* Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944) // Битва за Ленинград 1941 – 1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / ред. кол.: А. Х. Даудов, Г. П. Жирикова, Е. В. Лезик и др. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 15–21. Подробнее: глава пятая.

2 Обязательность нотификации морской блокады оговаривалась Лондонской декларацией о праве морской войны 1909 г. (глава I, ст. 9–11). Хотя Декларация не была ратифицирована, но эта норма рассматривалась как обычай морской войны.

3 О*ппенгейм Л.* Международное право. Т. II. Споры. Война. Полутом 1.–М., Изд-во ин. лит., 1949. – С. 232–234.

делало неправовым режим блокады со стороны гитлеровцев.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в Ленинграде было введено военное положение[1], что значительно ограничивало систему военного управления, и усиливало значение основных государственных органов власти и управления, в том числе сугубо гражданских[2].

В целях данного исследования понятие блокада применяется к истории обороны Ленинграда в традиционных для историографии рамках: с 8 сентября 1941 г. до 27 января 1944 г.

Гражданское население – ключевое понятие нашего исследования. Данное понятие широко применяется в юриспруденции, в которой к 1944 г. понятие гражданственности служило связью между физическими лицами и международным правом[3]. Концептуально в конце XIX – сер. XX в. в военном праве *гражданское население* имело негативное по отношению к комбатантам содержание: не-комбатанты (невоюющее население), а также население, не сотрудничающее с комбатантами[4]. В современной юридической и военно-антропологической литературе при анализе иммунитета гражданского населения часто употребляется термин «не-комбатанты», который несколько сужает группу гражданского населения, обладающего иммунитетом. Современное Международное гуманитарное право также наделяет иммунитетом детей и подростков – комбатантов, предполагается и возможность необходимой самообороны гражданским населением.

В связи с дискуссионностью данного вопроса, ниже мы подробно остановимся на эволюции статуса гражданского населения в Международном

---

1 Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (Ленгорсовета). 1941. № 26 / 488 (от 7 июля). С. 1–5.

2 Подробнее ниже, глава пятая.

3 *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. I. Мир. Полутом 1. – М., Изд-во ин. лит-ры, 1948. С. 212.

4 «к 1944 г. "гражданские лица" определялись как противоположность к определению комбатантов* (*Кодекс Либера 1863 г. (статья 22); Оксфордское руководство 1880 г. (статья 1)…; Полевое руководство США: Законы сухопутной войны, § 8, 1 октября 1940 г.; ex parte Квирин 317 US 1(1942 г.).)» Цит. по Пункт 203. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" (жалоба N 36376/04) (Большая Палата). [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends (дата обращения: 16.01.2017).

(договорном и обычном) праве актуальном в период Второй Мировой войны[1].

Под *спасением гражданского населения* во время военных конфликтов современным правом понимается сохранение уровня нравственного, физического, психического и социального здоровья групп индивидуумов, достаточного для дальнейшей адаптации к нормальным социальным условиям.

Понятие *спасения* предполагает конкретные усилия гражданского и военного руководства, направленные на сохранение гражданского населения. Понятие *выживание* включает в себя как характеристику эффективности принимаемых мер, так и конкретное жизнеобеспечение гражданского населения, необходимое для выживания.

Понятие *обыденность* или *повседневность,* используемое в военной и культурной антропологии для изучения общества, до сих пор как научная категория определено недостаточно. Под обыденностью (повседневностью) общества условимся понимать: общественное сознание и самоорганизацию общества как совокупность различного рода отдельных личностей и микрогрупп, включая трудовые коллективы, общественные организации, клубы, кружки, семьи, соседей, дружеские компании, объединенные разного рода деятельностью и ее мотивами. В то же время, рассматривая повседневность гражданского общества, необходимо включить в предмет: объединение указанных сообществ и личностей деятельностью, направленной на защиту гражданских интересов и ценностей, в том числе на спасение жизни[2].

Данное диссертационное исследование продолжает исследовательский труд наших предшественников, опираясь на их результаты.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

---

1 Глава вторая, §1.

2 Такое понимание «обыденности» соотносится с содержанием связанного с ним понятия «социальной (или коллективной) памяти» как результата социокультурной деятельности групп людей, прежде всего репрезентативной. О социальной памяти см. например: *Сафронова Ю. А.* Историческая память. Введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2020 ; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2020.

1 – Деятельность центральных и местных органов власти и управления, направленная на спасение и нормализацию положения гражданского населения, представляла собой систему мероприятий социально-правового, экономического, социокультурного характера, осуществляемых на основе конституционных норм. Взаимодействие центральных и местных, гражданских и военных органов власти иногда принимало конфликтный характер, что было обусловлено, в первую очередь, особенностями функционирования социально-политических институтов в условиях войны. В том числе война усилила проявление субъективных, личностных, факторов.

2 – Несмотря на преступную деятельность захватчиков, целесообразно направленную на уничтожение гражданского населения, в результате принятых мер удалось спасти не менее 60% гражданского населения Ленинграда, в том числе не менее 50% детей и подростков, от числа проживавших в городе до войны. В условиях смешанной блокады, когда линия фронта проходила внутри города, подвергавшегося в течение почти трех лет комбинированным артобстрелам и бомбардировкам массированного характера со стороны противника, это является показателем эффективности принятых мер.

3 – Первоочередные мероприятия по спасению гражданского населения Ленинграда, наряду с населением Москвы и Смоленска, были направлены на организованную эвакуацию детей и подростков (от 0 до 15 лет) с детскими учреждениями, а также инвалидов. При организации эвакуации ленинградского гражданского населения в 1941–1942 гг. осуществлялось значительное финансирование как за счет средств, выделяемых по мобилизационным планам из местного бюджета на военные расходы, так и за счет дополнительных средств, выделяемых из бюджета РСФСР. Принимались меры по социальной защите эвакуированных, их психической и физической реабилитации, а также по включению их в полноценную хозяйственную, учебную, научную и прочую социально значимую деятельность в тыловых районах.

4 – эвакуированное гражданское население: женщины, старики, инвалиды,

дети, из-за преступных нарушений гитлеровцами международного гуманитарного права, зачастую становилось жертвами военной агрессии гитлеровцев. Наряду с этим имелись и определенные просчеты со стороны Советских органов государственной власти, вызванные трудностями военного положения.

В результате до 30% эвакуированных не достигали места назначения, судьба многих из них может быть отнесена к военным жертвам.

5 – Тяжелое положение гражданского населения в условиях войны входило в число тем, запрещенных военной цензурой, что подтверждается рядом документов Главлита. Существовавшие цензурные запреты, обычные в военное время, явились одной из причин формирования определенных идеологических стереотипов в этой области. Эти стереотипы сохранились и в последующий послевоенный период, в том числе из-за начала Холодной войны, что сказалось на научном изучении проблемы.

Все данные положения были раскрыты в публикациях в научных журналах, входящих в список рекомендованных ВАК, и получили признание научной общественности, о чем свидетельствует их высокая цитируемость. Они были также изложены в докладах на Международных конференциях, в том числе организованных при участии РАН, в 2015 – 2020 гг.

Апробация и введение в научный оборот результатов диссертационного исследования: результаты исследования были опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК (19 публикаций), в том числе индексированных в RSCI (9 публикаций), доложены и опубликованы в сборниках международных и всероссийских конференций (всего 38 публикаций). По теме диссертации вышла монография автора «Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде», в которой обобщены результаты исследования данной проблемы.

В процессе апробирования темы исследования автором подготовлены и прочитаны доклады на Международных конференциях, организованных Институтом российской истории РАН (2015, 2016 годы), на Круглом столе «Миф и история», проведенном в Институте Всеобщей истории РАН (2017 год), а также на

ряде конференций и семинаров в 2004 – 2020 гг.

В течение 2003–2017 гг. автором, совместно с группой единомышленников, осуществлялся общественный научно-исследовательский проект «Историко-психологический подход к организации учебно-воспитательного процесса в колледже». В 2004–2007 гг. данная работа опиралась на финансовую и информационную поддержку Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга (государственный контракт № 003/119 от 14.02.2005 г.). Результаты исследований участников проекта были опубликованы[1].

В процессе изучения проблемы в 2011 г. автором было защищено диссертационное исследование на степень кандидата исторических наук на кафедре Новейшей истории России Санкт-Петербургского университета под руководством проф. Г. Л. Соболева, «Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах», в которой рассмотрен один из аспект проблемы[2].

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списков сокращений, использованных источников и литературы, иллюстративного материала (таблиц) и восьми приложений.

---

1 Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева; редкол. В. В. Шапкин и др. – СПб.: Изд-во ИПК СПО; Изд. Газиева Л., 2004 ; Эта память – наша совесть…» / Сост. Е. Н. Дмитриева, Л. Л. Газиева ; ИППК-РГИ СПбГУ. – СПб.: Изд. Газиева Л., 2007.

2 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде. Автореф. дисс... к. и.н. – СПб., 2010.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОРГАНИЗАЦИЯ СПАСЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА (1941–1944) КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

§ 1. Освещение положения гражданского населения осажденного Ленинграда в исторической литературе

1.1.1. Основные этапы и направления развития историографии вопроса с 1941 по конец 1990-х гг.

Следует указать, что в последнее время появилось множество исследований историографии данного вопроса[1]. Необходимо отметить, что некоторые из авторов страдают верхоглядством, путают имена и даты. В некоторых случаях выпущены важные аспекты историографических исследований и даже труды, ставшие вехой в изучении вопроса[2].

Особое место в исследовании современной историографии занимает Петербургская школа историков блокады[3]. Необходимо также указать на статьи Г. Л. Соболева и М. В. Ходякова, раскрывающие проблему с позиций глубокого социально-политического конфликта, возникшего в связи с изучением блокады Ленинграда в послевоенное время[4]. Этот аспект получил подробное освещение

---

1 *Абракова Т. А.* Современная историография о новых источниках для изучения настроений Советского общества в годы Великой Отечественной войны // Начало Великой Отечественной войны: уроки истории. Взгляд из XXI века. Материалы Международной научно-практической конференции с участием студентов. – 2016. С. 56–60 ; *Серебрянская Г. В., Сакович Т. В*. Современные направления историографии тыла Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. В 2-х томах. – 2017. С. 157–168 ; *Суржик Д. В., Буранок С. О., Левин Я. А.* Блокада Ленинграда в оценках прессы США // Вестник ВолГУ. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 1. С. 123–129.

2 Так, например, в одной из работ рассматривается Г. Солсбери как автор современной работы. Упущена его работа в качестве одного из лидеров англоязычной журналистики времен войны, лично побывавшего вместе с группой журналистов Британии и США в блокированном Ленинграде. Схематично представлена подача в американских СМИ Советской политики по спасению гражданского населения, что приводит к искажению реальной политической ситуации.

3 *Соболев Г. Л.* Глава первая. Постижение правды // Его же. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2013. С. 6–55 ; О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники. Исследования. Историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. – СПб., 2005.

4 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.:

также в сборнике памяти В. М. Ковальчука[1].

Отдельно можно остановиться на Круглом столе, посвященном выходу в свет трехтомной монографии Геннадия Леонтьевича Соболева «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде», который состоялся в 2019 году[2].

Ниже дается характеристика ключевых моментов в развитии как отечественной, так и зарубежной историографии проблемы, которые в силу субъективных факторов остаются мало раскрытыми в современной литературе. Более подробно историография отдельных аспектов положения гражданского населения рассмотрена в содержании соответствующих разделов.

Историографию положения гражданского населения в осажденном и блокированном Ленинграде с 1941 по конец 1990-х гг. обычно делят на три этапа[3]. К ним необходимо добавить четвертый этап, начавшийся в период массового рассекречивания и оцифровывания источников.

Первый этап: 1941–1954. Период рационализации исторической памяти, а также накопления документального материала, свидетельствующего о мероприятиях по спасению гражданского населения (женщин, детей, инвалидов) от преступной деятельности агрессоров.

Собирание такого материала происходило различными путями. Во-первых, стихийно, в результате внутренней потребности образованных людей и деятелей культуры рационализировать пережитое: это объясняет значительное количество сохранившихся личных дневников, записных книжек, стихотворений, зарисовок и

Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2017. С. 729–748 ; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 1. С. 8–34.

1 *Соболев Г. Л.* Валентин Михайлович Ковальчук (22.07.1916–04.10.2013) // Новейшая история России. 2014. – № 1. С. 302–304 ; *Его же.* Даниил Натанович Альшиц (03.02.1919–13.02.2012) // Новейшая история России. 2012. – № 3. С. 275–279 ; *Его же.* Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. – № 2. С. 72–87 ; *Ходяков М. В.* Г. Л. Соболев – историограф битвы за Ленинград // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. – СПб. С. 8–16 ; Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука. – СПб.: Нестор-История. 2016.

2 Диалог о книге. Г. Л. Соболев «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде» // Российская история. – 2019. – № 3. С. 150–169.

3 Подробнее о выделении этапов в историографии блокады за период 1941–1999 гг. см. *Похилюк А. В.* Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны. Автореф. дисс....д.и.н. СПб., 1999. С. 8–19.

других следов интеллектуальной деятельности ленинградцев, вне и независимо ни от каких идеологических «заказов». Во-вторых, в результате идеологического заказа: подготавливаемых судебных процессов над гитлеровскими преступниками[1].

Уже в период войны сбор исторического материала осуществлялся работниками государственных архивов Ленинграда. Эти материалы становились частью экспозиции выставок, проходивших в городе с 1942 года. В 1944 г. на основе данных материалов была открыта стационарная выставка «Героическая оборона Ленинграда», положившая начало первому музею обороны Ленинграда. Музей работал в 1946–1953 годах, сменив стационарные выставки, проходившие в 1942–1946 гг.

В организации выставки, а затем музея, принимали участие сотрудники Института истории АН СССР (Ленинградское отделение), Института истории ВКП(б), Центрального государственного исторического архива Ленинграда (ЦГИАЛ). Собранные материалы легли в основу сборников документов «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза»[2], а также научных сборников статей и монографий, начавших выходить уже в период войны и вплоть до конца 1940-х годов[3]. Одно из первых глубоких исследований – труд Н. Д. Худяковой, заместителя директора по науке музея обороны Ленинграда, «За жизнь ленинградцев», посвященный организации всенародной помощи Ленинграду (1948 г.)[4].

В этот период западные ученые анализировали опыт организации мероприятий по спасению гражданского населения в ходе Великой Отечественной

---

1 *Чистиков А. Н.* «Мы живем в интересное время…» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг. // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / ред. кол.: А. Х. Даудов и др. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 5–14. В статье рассказывается об инициативе ленинградцев по сбору материала.

2 Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 1–2. – Л., 1944, 1947.

3 Героическая молодежь Ленинграда на страже города революции: Материалы для докладов и бесед. – М.: Молодая гвардия, 1942 ; Героический Ленинград 1917–1942 / Под ред. С. И. Авакумова; Ленинградский ин-т ист. ВКП (б). – Л.: Огиз, Госполитиздат, 1943.

4 *Худякова Н. Д.* За жизнь ленинградцев. Помощь комсомольцев населению Ленинграда в блокадную зиму 1941–1942 гг. – Л.: Лениздат, 1948. [2-е изд. 1958] ; *Ее же.* Из воспоминаний... // Забвению не подлежит. Вып. X / Ком. по культуре СПб; ГММОБЛ. – СПб.: Президентская библиотека. С. 285–291.

войны в качестве исторических уроков. Американские педиатры призывали изучать и внедрять опыт совместной реабилитационной работы советских педиатров и педагогов[1]. Высокую оценку получила деятельность Советской авиации в войсках ПВО в монографии одного из организаторов ПВО Германии Дж. Флетчера[2].

В то же время на этом этапе многие вопросы оставались в тени из-за секретности документов и противоречий внутреннего развития Советского государства. В 1948 г. Е. И. Волковой, начальником Управления дошкольным воспитанием при Наркомпросе РСФСР, была поставлена задача подготовки книги по истории дошкольного воспитания в период Великой Отечественной войны[3]. Однако она не была выполнена. Причиной был идеологический кризис, затронувший систему советской педагогики в 1948–1950 гг.

«Ленинградское дело» являлось диалектическим антитезисом блокадной трагедии Ленинграда. Наряду с компанией политических репрессий начались репрессии деятелей культуры: 5 марта 1953 года, уже после смерти И. В. Сталина, был ликвидирован музей обороны Ленинграда.

Второй этап. 1955 – конец 1980-х. В конце 1950-х гг. возобновляются попытки научно осмыслить положение гражданского населения в блокированном Ленинграде. После реабилитации Ленинградской организации ВКП (б), которая произошла 30 апреля 1954 года, дискуссия о «виновности или невиновности» Советских руководителей обороны Ленинграда в жертвах гражданского населения превратилась в один из аспектов «Холодной войны».

За ответ на этот вопрос принялась советская академическая историческая наука. Начало было положено статьей Ф. И. Сироты, появившейся в 1956 году[4]. В

---

1 Pediatrics and the emotional needs of the child: as discussed by pediatricians and psychiatrists at Hershey, Pennsyvannia. March, 6–8, 1947. – N.Y., 1948.

2 *Fleutcher G. W.* Geschichte des Luftkriegs. Entwicklung und Jukunft. Athenäum=Verlag, Bonn. 1954.

3 *Волкова Е. И.* Дошкольное воспитание в РСФСР // Дошкольное воспитание. – 1948. – №8. С. 6–20.

4 *Сирота Ф. И.* Военно-организационная работа Ленинградской организации ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. – 1956. – №10. С. 16–17. Британская исследовательница Л. Кирсченбаум обратила внимание на то, что Сирота метафорически связал партийную организацию с Душой Ленинграда, при этом сравнивая с оценкой, данной Д. Гланцем. (См. *Kirschenbaum L.* The legacy of the siege of Leningrad, 1941-95 / Myth, memories, a. monuments. – Cambridge, 2006. P. 161 ; *Glantz D.* The siege of Leningrad 1941-44: 900 days of Terror. – Osceda, Wi : MB & Publishing. 2001. P. 18–30).

1958–1959 гг. выходят: книга Д. В. Павлова, изданная Министерством обороны СССР, и скептическое исследование А. В. Карасева, посвященное ленинградцам[1]. А. В. Карасев сумел обозначить многие проблемы и установить объективные факты, подтверждаемые современными научными данными на основе многочисленных рассекреченных документов.

Доказательству достойного руководства со стороны центральных органов партийной (ВКП(б)) и советской власти, а также вклада ленинградской партийной организации в оборону города и заботу о населении, в начале 1960-х были посвящены труды Ф. И. Сироты и Н. Д. Худяковой. В 1961 г. была опубликована монография заместителя председателя Ленгорисполкома Н. А. Манакова, посвященная деятельности Ленгорисполкома по налаживанию хозяйства и быта осажденного города. Эти книги опирались на многочисленные факты, почерпнутые из документов региональных и центральных архивов, а также из газетных публикаций военных лет[2].

Эскалация Холодной войны способствовала скептическому направлению американской историографии. После публикации ряда статей, в 1962 г. появилась книга американского политолога Леона Гуре «Осада Ленинграда», изданная Стэнфордским университетом. Интерес Гуре был вызван организацией гражданской обороны в СССР и взаимоотношениями между населением и Ленинградским партийным и советским руководством[3]. В то же время следует заметить, что Гуре являлся одним из экспертов по вопросам гражданской обороны в период войны во Вьетнаме 1963–1973 гг., оценивая моральную силу Вьет Конга. Его ошибочные суждения о слабости духа вьетнамского населения способствовали разжиганию американской агрессии[4]. Так соединились в период Холодной войны

---

1 *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. – М.: Министерство обороны СССР, 1958 ; *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959.

2 *Сирота Ф. И.* Ленинград – город-герой. – Л.: Лениздат, 1960 ; *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941–1943). КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады – Л.: Лениздат, 1960 ; *Манаков Н. А.* В кольце блокады. – Л.: Лениздат, 1961.

3 *Gouré L.* The siege of Leningrad. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1962.

4 Leon Goure. Some Findings of the Viet Cong Motivation and Morale Study: June – December 1965 (1966) [Электронный ресурс] // Rand corporation. Objective analysis. Effective solutions. URL:

судьбы вьетнамского народа и ленинградского населения, силой духа и гражданской дисциплины оказавшихся способными противостоять империалистическому насилию и жестокости.

Развивалось скептическое направление в изучении обороны Ленинграда и защиты ленинградского населения и в отечественной историографии. Так подверглось осторожной критике руководство защитой Ленинграда и ленинградского населения в ряде трудов ленинградских историков. В монографии группы авторов: С. П. Князева, М. П. Стрешинского, И. М. Франтишева, П. Р. Шевердалкина, Ю. Н. Яблочкина «На защите Невской твердыни» были отмечены, наряду с помощью со стороны ГКО СССР в обороне Ленинграда, просчеты и давление со стороны Сталина на ленинградское руководство. В монографии впервые были указаны ссылки на телефонограммы переговоров по Боде между Ставкой и руководителями обороны Ленинграда[1]. В 1965 г. в журнале «Вопросы истории» появилась знаковая публикация Г. Л. Соболева и В. М. Ковальчука. Авторы статьи, научные сотрудники Института истории СССР АН СССР (Ленинградского отделения), исследовав данные документов, пришли к выводу, что потери ленинградцев в годы блокады были значительно больше официальных сведений[2].

В конце 1960-х выходит многотомное академическое издание «Очерки истории Ленинграда», пятый том которого был посвящен обороне Ленинграда. Авторский коллектив пятого тома, в составе: В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, В. А. Шишкин, Т. С. Александрова, А. Л. Фрайман, А. Н. Цамутали, А. Р. Дзенискевич, А. В. Свешников, Б. М. Хромов, Б. И. Загурский, В. Б. Азаров, А. И. Павловский, В. А. Шошин, постарался осветить все возможные аспекты жизни гражданского

---

https://www.rand.org/pubs/authors/g/goure_leon.html (дата обращения: 12.04.2020). Гуре являлся эмигрантом из России, настоящая фамилия Гуревич.

1 На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / *С. П. Князев, М. П. Стрешинский, И. М. Франтишев И. М.* [и др.] – Л.: Лениздат, 1965. С. 138–145.

2 *Соболев Г. Л., Ковальчук В. М.* Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. – 1965. – № 12. С. 191–197. В последние годы исследователи обратились к истории этого вопроса. (*Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942 .... С. 11 ; Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука. – СПб.: Нестор-История. 2016).

населения Ленинграда в период с 22 июня 1941 года и до августа 1944 года, в пределах основной идеологической концепции[1]. В то же время были внесены уточнения в важные исторические факты. Так, если в книге «На защите Невской твердыни» указывалось, что план обороны города был принят только 21 августа 1941 г., то в «Очерках» отмечалось, что уже 23 июня с.г. было предложено генералом армии К. А. Мерецковым, представителем НК обороны, приступить к рекогносцировке оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом. 25 июня Военный Совет Северного фронта утвердил принципиальную схему обороны юго-западных подступов Ленинграда и принял решение начать инженерные работы на намеченных рубежах[2].

Следует заметить, что в этот период борьба за спасение гражданского населения и оборона Ленинграда неразрывно связывались между собой.

Скептическое направление историографии блокады Ленинграда приобретало острое идеологическое значение в связи с возрождением неофашизма в Западной Европе в 1965–1975 гг. Отбывшие наказание бывшие гитлеровские преступники требовали пересмотра решений Нюрнбергского процесса, сомневаясь в своей виновности. Эти позиции поддерживали реакционные историки США и Великобритании, стремившиеся сузить значение Нюрнбергского процесса одним политическим событием[3]. Косвенно этим требованиям способствовало бы нахождение противоречий в документах, представленных Нюрнбергскому трибуналу.

В 1969 – начале 1970-х гг. начался «жертвенный» этап историографии положения гражданского населения в блокированном городе. Он был вызван появлением на английском языке книги Г. Солсбери, а затем, как ответа на нее, «Блокадной книги» Д. Гранина и А. Адамовича[4].

---

1 Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967.

2 На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация …, 1965. С. 138–139 ; Очерки истории Ленинграда. Т. V…, 1967. С. 38–39.

3 *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: Наука, 1975. С. 201–209.

4 *Salisbury H.* The 900 days: The siege of Leningrad. – N.Y., 1969 ; Солсбери, Г. 900 дней: блокада Ленинграда / Пер. с анг. к. ф. н. И. С. Вольской. – М.: Эдиториал УРСС, 2000 ; *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. – М.: Изд-

В книге Г. Солсбери приводился анализ смертности ленинградского населения, опиравшийся на данные опубликованных источников и результаты исследований советских историков[1]. Г. Солсбери пришел к выводу, что наиболее обоснованным является количество умерших от голода: свыше 1 миллиона человек, а вместе с военнослужащими 1300–1500 тысяч. Он указывал, – «Гибель стольких людей в Ленинграде имела скрытую подоплеку для Сталина и ленинградского руководства во главе со Ждановым. Возникал вопрос, насколько были правильными главные решения, все ли было сделано, что можно было сделать, чтобы избавить город от невероятных испытаний. А ведь с этими решениями переплетались личные и политические судьбы всех советских вождей»[2].

Книга Солсбери спровоцировала развертывание нового витка информационной войны вокруг проблемы обороны Ленинграда и жертв ленинградского населения и вызвала необходимость ответа ленинградских ученых: В. М. Ковальчука, Г. Л. Соболева, В. А. Шишкина, выступивших с критикой труда американского журналиста[3].

В дискуссию включились Г. К. Жуков и Д. В. Павлов, как представители военно-политического руководства обороной Ленинграда. Жертвы блокады Ленинграда были отражены на одной из иллюстраций к вышедшим в 1970 г. «Воспоминаниям и размышлениям» маршала Советского Союза Г. К. Жукова[4]. В книге содержалось категорическое опровержение заявления Г. Солсбери о преднамеренности действий советского руководства по преуменьшению данных об

во РАГС, 2005.

1 *Солсбери Г.* 900 дней: блокада Ленинграда ..., 2000. С. 522–527. В своей книге автор ссылался на труды советских историков: В. М. Ковальчука, Г. Л. Соболева, Н. Д. Худяковой, А. В. Карасева. (*Ковальчук В. М., Соболев Г. Л.* Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. – 1965. – № 12. С. 192 ; *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941–1943). КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады – Л.: Лениздат, 1960. С. 57 ; *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959. С. 184).

2 *Солсбери Г.* Указ. соч. С. 525, 526.

3 *Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Шишкин В. А.* Измышления мистера Солсбери // Ленинградская правда. – 1969. – 1 сентября. (По Новейшая история России: Время, события, люди. Сборник статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева) / Под ред. М. В. Ходякова. – СПб.: Фора-принт, 2010. С. 479).

4 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 13.

умерших от голода[1]. Более жесткую позицию занял Д. В. Павлов, который в 3-ем издании своей книги «Ленинград в блокаде» заявил о необходимости сохранить данные о количестве жертв, полученные правительственной комиссией[2].

Подробно о развернувшейся в 1975–1985 гг. полемике между идеологами ЦК КПСС и учеными группы истории советского общества Ленинградского отделения Института истории СССР Академии Наук СССР пишет Г. Л. Соболев в третьем томе «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде»[3].

Скепсис, присущий исторической науке, требовал объективного научного анализа, который был невозможным из-за сохранявшейся секретности многих архивных материалов. Специфика исторической науки, в отличие от политологии, делает ее предмет открытым не ранее чем через 50 – 100 лет. Тогда становятся доступны не только документальные источники, но и выясняются отдаленные последствия событий, вызванные ими трансформации общественного сознания.

В 1970 г. появился коллективный труд «Непокоренный Ленинград», подготовленный учеными Ленинградского отделения Института истории АН СССР (А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин). Труд выдержал два издания. В книге авторы уклонились от точного указания статистических данных жертв ленинградцев от голода, в то же время подробно описывались трудности эвакуации на основе воспоминаний участников и делопроизводственных документов, подтверждавших официальные данные[4].

Другая дискуссионная проблема: государственная измена А. Власова, с апологетикой которого в данный период выступил А. И. Солженицын в «Архипелаге Гулаг». Ответ на нее прозвучал в воспоминаниях маршала Советского

---

1 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во агентства печати новости, 1970; *Его же.* Воспоминания и размышления. Т. 1. – М.: Изд-во агентства печати новости, 1978. С. 381.

2 *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. – 3-е изд. – М.: Министерство обороны СССР, 1967. С. 147–149.

3 *Соболев Г. Л.* Приложение. Ленинградский «реквием»: история с продолжением (О жертвах населения в годы войны и блокады) // *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. ун-та, 2017. С. 744.

4 Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. (1-е изд., перер. и доп.) / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. – Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1970. С. 92–99.

Союза А. М. Василевского, бывшего личным представителем Сталина в период войны. Во второе издание мемуаров вошла глава, посвященная обороне Ленинграда. Маршал объяснял, что лично отвечал за выход 2-й ударной армии из окружения и эвакуацию штаба, однако полностью осуществить это не удалось, в том числе из-за препятствий со стороны А. Власова. Тем самым была подчеркнута преднамеренность преступления генерала[1].

Новое направление исследованиям придала книга А. В. Бурова «Блокада день за днем», вышедшая в 1979 году. Автор – военный корреспондент газеты «На страже Родины», изложил события с 22 июня 1941 года по 27 января 1944 года в виде дневника: день за днем. Идея создания такой летописи им была высказана 16 декабря 1955 г. в газете «Красная звезда». Она была поддержана бюро Ленинградского обкома КПСС 24 июня 1956 г. Однако дело застопорилось. А. Буров самостоятельно завершил задуманное, использовав, наряду с документами, собственные записи, сделанные в блокнотах корреспондента военных и послевоенных лет. Книга, говоря словами М. Дудина, охватила «все пространство блокадного времени»[2].

Противоречия исторического развития нашей страны и международных отношений в 1970–1980-ые годы продолжали сказываться на содержании литературы, отражавшей блокаду Ленинграда в контексте довоенных и послевоенных переживаний.

В условиях идеологической борьбы продолжали выходить работы, посвященные роли Ленинградской организации ВКП(б) в период обороны Ленинграда[3]. В то же время появляются книги, связанные так или иначе с людьми,

---

1 *Василевский А. М.* Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1975. С. 186–187.

2 *Буров А. В.* Блокада день за днем. Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Геликон Плюс, 2011. С. 5.

3 *Ковальчук В. М.* В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. – Л., 1985 ; *Шумилов Н. Д.* В дни блокады. – М.: Мысль, 1977 ; *Байдаков П., Яробков В.* Деятельность политорганов и партийных организаций железнодорожных войск Ленинградского фронта в период обороны города Ленинграда (июнь 1941 – январь 1944 гг.). – Л., 1971 ; *Позина Л. Т.* Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации). Дисс. …к.и.н. – Л., 1983 ; *Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1985.

пострадавшими от репрессий и реабилитированными позднее. Личности одного из преданных забвению секретарей ОК и ГК ВКП(б): А. А. Кузнецова посвящалась монография Н. Д. Шумилова и В. Н. Базовского, которые смогли передать не только некоторые исторические детали, но и эмоциональную атмосферу коммуникативных взаимосвязей внутри партийной верхушки в период войны. Причем Н. Д. Шумилов, бывший секретарь Ленинградского ГК ВКП(б), затем редактор «Ленинградской правды», сам был репрессирован, а затем реабилитирован, в связи с «Ленинградским делом»[1].

Третий этап. С конца 1980-х до начала 2000-х. Начался период изменений в общественном самосознании советского народа. Выделение данного этапа как целого достаточно спорно, однако объясняется закономерностями острой идеологической борьбы, развернувшейся в связи с крахом и трансформациями Советской идеологической системы в новое демократическое общество. Правовые реформы, сопровождаемые идеологической борьбой, заняли период с 1985 по 2004 годы. Предпосылкой нового этапа в изучении блокады стало повторное развенчивание сталинизма.

Необходимо остановиться на дискуссии, начатой интервью, данным писателем В. Астафьевым и помещенным в газете «Правда» журналистом Е. Дворниковым (30 июня 1989 года). В интервью писатель отстаивал свое мнение об ошибочности решения о защите Ленинграда и необходимости сдать город. Достойный ответ дал историк Д. Н. Альшиц, участвовавший в обороне Ленинграда: «Менее всего допустимо представлять себе миллионы военных и гражданских защитников Ленинграда стадом, которое гнали на заклание. Вот уж кто явил пример коллективного, массового, сознательного и единодушного выбора: стоять насмерть и победить»[2].

Публикация секретных стенограмм прямых переговоров И. В. Сталина с

---

1 *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985.

2 *Альшиц Д. Н.* Письмо писателю Виктору Астафьеву // *Его же.* За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку. – СПб.: Наука, 2010. С. 307–316.

руководителями обороны Ленинграда в «Известиях ЦК КПСС» явилась самым крупным событием в историографии вопроса в 1990 году[1]. Важным направлением развернувшейся общественной и научной дискуссии стало изучение персональной деятельности Советских руководителей, в том числе руководителей обороны Ленинграда. Среди других работ этого направления выделялись труды Г. Л. Соболева, одним из первых попытавшегося объективно объяснить позицию Ставки ВГК по отношению к ленинградцам[2]. Историки, проф., д. и. н. Н. И. Барышников, проф., д. и. н. М. И. Фролов, оспаривая заявления о возможной сдаче Ленинграда, выступили с анализом планов фашистских правительств Германии – Финляндии по уничтожению Ленинграда и его населения[3].

Важным этапом в изучении роли руководителей обороны Ленинграда, наряду с критикой сталинизма, стал сборник «Ленинградское дело» (составители: В. А. Кутузов, В. И. Демидов)[4].

В значительной степени творчество ленинградских – петербургских историков было вызвано полемикой, в связи с появляющейся на Западе литературой, посвященной руководителям обороны Ленинграда. Западные историки продолжали развивать линию Солсбери об имевшемся конфликте между ленинградским и московским руководством уже в годы войны[5].

Основные направления исторических исследований в этот период были подсказаны, с одной стороны, феноменами постблокадных переживаний

---

1 Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6–10.

2 *Соболев Г. Л.* Собирался ли Сталин сдавать Ленинград // Ленинградская панорама. – 1991. – № 6. С. 24–26 ; *Его же.* Г. К. Жуков и оборона Ленинграда в 1941 г. // С. -Петерб. ун-т. – 1996. – № 26. С. 11–12 ; *Его же.* Собирался ли Сталин сдавать Ленинград? // Книга памяти Ленинградской области. – СПб., 2004. – Вып. 36. С. 279–290. (Новейшая история России: Время, события, люди. – СПб.: Фора-принт, 2010).

3 *Фролов М. И.* «Хотел ли Гитлер взять Ленинград» // Битва за жизнь: Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда / Сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2007. С. 9–18 ; *Барышников, Н. И.* Отношение осенью 1941 года финского политического и военного руководства к блокаде Ленинграда // Указ. соч. С. 19 – 27.

4 «Ленинградское дело» / Сост. *В. И. Демидов, В. А. Кутузов.* – Л.: Лениздат, 1990. В. А. Кутузов неоднократно возвращался к личности А. А. Жданова (*Кутузов В. А.* «В личном плане поведение А. А. Жданова во время блокады было вполне достойным» // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 г. / Ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. – С. 64–67 ; *Его же.* Жданов и политические репрессии // Новейшая история России: Время, события, люди. Сборник статей и воспоминаний.... – СПб.: Фора-принт, 2010. С. 362–369).

5 *Boterbloem K.* The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948. – Montreal, 2004.

участников описываемых событий, с другой – конъюнктурными особенностями идеологической борьбы. Сложность политической обстановки, трудности в развитии науки привели к возникновению общественных объединений. В изучении блокады Ленинграда важнейшую роль сыграла Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград (рук. Ю. И. Колосов), объединившая многих известных исследователей, в том числе и зарубежных. Ассоциация способствовала изданию сборников рассекреченных документов, проведению конференций с международным участием, изучению закрытых ранее вопросов. Усилиями ученых возрождалась работа музеев, собирался и накапливался новый материал о блокаде из личных коллекций.

Пожалуй, впервые отчетливо важнейшие направления исследований положения гражданского населения в этот период были отражены в сборнике «Ленинградская эпопея», среди авторов которого были: Р. Бидлак, В. А. и М. В. Ежовы, В. М. Ковальчук, А. П. Крюковских, Н. А. Ломагин, А. Н. Цамутали, М. В. Шкаровский[1].

Первое направление: изучение проблемы численности жертв блокады и ее последствий для физиологического и психического развития ленинградцев. Здесь наиболее известны работы: А. Р. Дзенискевича, В. М. Ковальчука, С. В. Магаевой, В. Б. Симоненко, Г. Л. Соболева, М. Н. Фролова (единственного из названных ученых не пережившего блокаду), Н. Ю. Черепениной[2] . В рамках международной программы «Выживание в условиях голода», при благотворительной поддержке фонда «The Wellcom Trust» (Великобритания), в 2001 г. состоялась совместная историко-медицинская конференция «Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде», где были подведены итоги общей работы в этом направлении[3].

---

1 Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / ред. кол. В. М. Ковальчук, Н. А. Ломагин, В. А. Шишкин. – СПб., 1995.

2 *Магаева С. В.* Ленинградская блокада: психосоматические аспекты. – М.: АБС, 2001 ; *Дзенискевич А. Р.* На грани жизни и смерти: Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. – СПб.: Нестор, 2002 ; *Фролов М. И.* «Салют и реквием»: Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. – СПб.: ЛГОУ, 2003.

3 Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001.

Особое место в этих исследованиях занимали усилия историков медицины. Сотрудниками музея Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета (при зав. Н. В. Павловой) был отреставрирован фильм В. Гаршина о блокадной дистрофии, пеллагре и скорбуте[1]. Публиковались труды, посвященные героической деятельности ленинградских медиков в условиях блокады[2]. Изучалось влияние отдаленных последствий блокады, пережитой в детстве, на состояние здоровья пожилых людей. Важное значение имела работа в этом направлении Л. П. Хорошининой[3].

Данные исследования при всей их обширности оставили без ответа целый ряд вопросов: не была осуществлена детальная проработка статистики и стратификация блокадного населения по материалам государственных архивов (отчасти к этой работе приступил С. Б. Бизев[4]), изучение блокадного детства, как и положения женщин и подростков, носило фрагментарный характер.

Второе направление: исследование деятельности органов власти и управления по спасению ленинградского населения, которое стало актуальным в связи с обострением идеологической борьбы вокруг истории блокады Ленинграда.

Внимание отечественных историков изначально было сосредоточено на документах партийных и правительственных, районных и городских органов власти и управления. Изучением документов Советской власти в этот период занимался М. В. Ежов. Появилась и работа А. А. Амосовой о деятельности

---

1 Пеллагра – заболевание, обусловленное недостатком в организме никотиновой кислоты и некоторых других витаминов группы В; скорбут (цинга) – заболевание, обусловленное недостатком в организме витаминов С и Р. (Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1980. С. 991, 1487).

2 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944). – М.: Медицина, 1985 ; *Бякина В. П., Зимин И. В.* 1 ЛМИ в годы блокады: «Цель № 89» // Ученые Записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. – Том XV. – № 04. – 2008. С. 5–10 ; *Микиртичан Г. Л.* Характеристика патологии и организация питания детей в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны // Вопросы современной педиатрии. – 2010. – Т. 9. – № 3. С. 158–162.

3 *Хорошинина Л. П.* Особенности соматической патологии у людей старших возрастных групп, переживших в детстве блокаду Ленинграда. Автореф. дисс. ... д. м. н. – СПб., 2002 ; *Хорошинина Л. П.* Изменение частоты и характера соматических заболеваний у людей среднего и пожилого возраста, переживших блокаду Ленинграда в детском или подростковом периоде жизни (секционные данные) // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде ... С. 65 –79.

4 *Бизев С. Б.* Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дисс. …к. и. н. – СПб., 2001.

председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова[1].

Одними из первых исследований проблем жизнеобеспечения гражданского населения стали работы А. В. Кутузова и О. А. Сербиной[2].

Важное значение имела докторская диссертация, защищенная в 1999 г., и монография на ту же тему А. В. Похилюка. Предметом комплексного исследования стала деятельность центральных органов ВКП(б) и Советского государства, наряду с местными органами власти, Военным Советом Ленфронта и КБФ, городских комитетов обороны, общественных организаций, направленная на защиту населения[3].

В названных работах были обозначены многие проблемы. В диссертации А. В. Похилюка была осуществлена первая попытка сравнить мероприятия по спасению гражданского населения в Северо-Западном регионе в целом: на материалах Ленинградской, Новгородской и Псковской [до 1944 г. входивших в состав Ленинградской области], Мурманской, Архангельской, Вологодской областей, Карело-Финской республики. В то же время ученый отмечал, что целостное исследование социального положения населения в Ленинграде на тот момент отсутствовало.

Необходимо указать, что историки долгое время были лишены возможности сравнивать документы, свидетельствующие о работе ленинградских органов власти, с важными документами СНК СССР и СНК РСФСР, находившимися в закрытых хранилищах из-за более длительного периода их секретности[4]. В результате исследования порой страдали от вынужденного схематизма, неполноты.

---

1 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны : Опыт, проблемы, уроки. – СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993 ; *Амосова А. А.* Государственная и партийная деятельность П. С. Попкова. 1937–1950 гг. Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб., 2010.

2 *Кутузов А. В.* Проблемы жизнеобеспечения населения блокадного Ленинграда. Автореф. дисс. к. и. н. – СПб.: СПбГУ, 1995 ; *Сербина О. А.* Обеспечение населения Ленинграда продовольствием в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.). Автореф. дисс. к. и. н. – СПб., 1996.

3 *Похилюк А. В.* Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны. Автореф. дисс....д. и. н. СПб., 1999 ; *Его же.* Война, власть, народ (Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны) / Министерство обороны РФ. – СПб.: изд-во Военного университета ПВО, 1998.

4 *Артизов А. Н.* Общественная миссия российских архивов // Отечественные архивы. – 2014. – № 5. С. 3–11.

В 1995 г. поле доступных источников из официальных архивов вновь было расширено[1]. Вскоре Н. А. Ломагин осуществил попытку сравнить документы Архива НКВД Ленинградской области (ЛО) с аналогичными материалами Немецкой разведки (Айнзатцгруппы) 18-й армии по копиям в микрофильмах из Национального Архива США. В третье издание данной книги были включены некоторые письма ленинградцев в Продовольственную комиссию Ленинградского фронта: в основном авторы избранных писем – старые большевики, деятели науки, искусства[2].

Важное место в исследовании деятельности НКВД по обеспечению безопасности населения заняла монография Б. П. Белозерова, до сегодняшнего дня остающаяся базовой в этих вопросах[3].

Выявленные противоречия поставили вопрос об эволюции менталитета ленинградцев, о наличии скрытых конфликтов с Советской властью. Так определилось *третье направление* исследований. Н. А. Ломагиным было начато изучение коммуникативных отношений ленинградцев: «настроения», выраженные в дневниках и других неформальных источниках[4]. Методология историко-психологического исследования коммуникативных отношений Санкт-Петербургской исторической школой восходит к ранним трудам Г. Л. Соболева и В. И. Старцева[5]. В то же время недостаточность методологического опыта сказалась

---

1 Ленинград в осаде: Сборник документов / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995 ; Блокадные дневники и документы. Архив «Большого Дома» / Сост. С. *К. Бернев, С. В. Чернов.* – СПб.: Европейский Дом, 2004 ; План «Д». Архив «Большого Дома» / Сост. С. *К. Бернев, Н. А. Ломагин.* – СПб.: Европейский Дом, 2005.

2 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб и НКВД. – СПб.: Европейский Дом, 2000 ; *Его же.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. – М: Яуза-каталог, 2017.

3 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001.

4 *Ломагин Н. А.* Ленинград в блокаде. – М.: Яуза – Эксмо, 2005 ; *Его же.* Документы личного происхождения как источник изучения настроений в Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Победа была за нами! Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны / сост. Л. *А. Наливкин;* Государственный Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – 2006. С. 57–78.

5 *Соболев Г. Л.* Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября // История и психология / под ред. *Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой*. – М.: Наука, 1971; *Его же.* Блокадная повседневность в дневниках ленинградцев // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. – СПб., 2007. С. 578–584 ; Санкт-Петербургское философское общество. Ассоциация «Историческая психология». [Электронный ресурс] // URL://http://anthropology.ru/ru/partners/psociety/struct/histpsy.html (дата обращения: 10.06.2010). В настоящее время этот ресурс обновлен: Ассоциация возродилась с именем В. И. Старцева.

на переходе в этот период отечественных историков к экстенсивному накоплению источниковой базы[1].

Пробел был заполнен зарубежными филологами и искусствоведами, опиравшимися на мемуарную литературу, зачастую публицистического характера. Так первая публикация воспоминаний О. Н. Гречиной (1994) была использована в сборнике Ц. Симменс и Н. Перлин[2]. Западные исследователи заинтересовались прозаическими и поэтическими рефлексиями ленинградцев в 1960 – 1990-ые годы. Если Г. Солсбери цитировал стихотворения Ю. Воронова, то Л. Кирсченбаум – А. В. Молчанова. Напротив, Д. Н. Альшиц в своей книге «За нами был наш гордый город» поместил «Хронику великого подвига Ленинграда, написанную стихами поэтов сражающегося города...»[3]. Особое место заняли художественные произведения Л. Я. Гинзбург, которые стали анализироваться как часть мемуарной литературы[4].

Попытки составления общетеоретического труда носили в этот период скорее описательный, чем аналитический характер[5].

Четвертое направление связано с возобновившимся в середине 1990-х гг. интересом к темам коллаборационизма, с одной стороны, и, с другой – партизанского движения в СССР в период войны[6]. Профашистский коллаборационизм не популярен в Европе со времен Второй Мировой войны. Поэтому акцент естественным образом сместился на изучение партизанского движения: женщин – партизанок и подпольщиц[7]. Своеобразие западной

---

1 Трудности в развитии методологии истории связаны с необходимостью соединения глубоких теоретических исследований с практическими технологиями. О проблемах методологических поисков писал Г. Л. Соболев. (*Соболев Г. Л.* В поисках новой методологии истории // Вестник молодых ученых. – СПб., 2000. – № 5. С. 2–6).

2 *Simmons C., Perlina N.* Writing the siege of Leningrad: Women ` s diaries, memoirs, a. doc. prose. – Pittsburg, 2002.

3 *Альшиц Д. Н.* За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку. ... С. 31–60.

4 Op. cit. P. XXXI ; *Kirschenbaum L.* The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. – Cambridge, 2006. Цит. по *Баскирк Э.* Личный и исторический опыт в блокадной прозе Лидии Гинзбург // *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. – М.: Новое изд-во, 2011. С. 507.

5 Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941–1944 / редколл. *Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров, А. Р. Дзенискевич, И. З. Захарова* [и др.]. – СПб.: Ланс, 1994 ; *Буров А. В.* Блокада день за днем. – изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 2011.

6 *Ферретти М.* Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. *Габович.* – М.: Нов. Лит. Обозрение, 2005. С. 135–146.

7 *Kazimera J.* Defending Leningrad. Women behind enemy lines. – Nepean, Canada, 1998.

историографии заключается в попытках применить сценарии европейских моделей поведения в той исторической обстановке к российской общественной жизни на базе опубликованных в нашей стране источников.

Работы в этом направлении продолжили дискуссию о статусе гражданского населения в условиях тотальных войн. Начатая германскими историками, в связи со стремлением реконструировать чувство ответственности за жертвы гражданского населения во Второй Мировой войне у современных немцев, она далее была переадресована россиянам[1]. Предложение разделить ответственность и коллективную память приобрело характер идеологического противостояния из-за отказа от детальной проработки институциональной инфраструктуры тотальных войн XX века и активной мифологизации истории войны. Начало было положено в 1995 г. монографией М. И. Семиряга, которая вызвала бурную полемику. Не имея прямого отношения к блокаде Ленинграда, она затрагивала новые аспекты вопроса[2].

Наконец, *пятое направление:* изучение конъюнктуры исторических исследований блокады. Появляется ряд трудов, посвященных различным аспектам идеологической борьбы, использующей проблематику обороны Ленинграда с целью дискредитации не только Советской власти, но и Российской государственности, менталитета населения, в целом. С точки зрения противостояния таким попыткам представляет интерес анализ информационной войны, проделанный А. В. Кутузовым, в котором исторические традиции, ценности русского народа и, конкретно, ленинградцев противопоставляются антиисторическим концепциям[3].

В то же время мировая историческая наука с конца 1980-х гг. переживает

---

1 60-летие окончания Второй Мировой войны и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти / Под ред. Ф. *Бомсдорфа, Г. Бордюгова.* – М., 2005.

2 *Семиряга М. И.* Как мы управляли в Германии. – М., 1995.

3 *Дзенискевич А. Р.* Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. – СПб.: Нестор, 1998 ; *Кутузов А. В.* Блокада Ленинграда в информационной войне / Северо-Западный (г. Санкт-Петербург.) фил. гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Российская правовая акад. Мин-ва юстиции Российской Федерации», науч. учреждение «Центр стратегических исслед.». – СПб., 2008.

кризис, связанный с наступлением скептицизма на позиции истории. Скептики объявляют ее служанкой идеологии, разновидностью фикционизма (школа Х. Уайта), предлагают использовать исторический конструктивизм (школа М. Оукшотта).

Все это сохранило свое влияние на новейший период развития истории блокады. Позитивным следует назвать совместное изучение проблем обороны и блокады Ленинграда отечественными и западными историками, которое началось в означенный период. Наряду с этим, некоторые концепции западных историков, негативно оценивавших усилия по спасению гражданского населения Ленинграда со стороны советского руководства на основе фрагментарного анализа документов, порой не критично воспринимались отечественными историками. Во многих исторических исследованиях закрепилась практика выборочного и фрагментарного изучения источников. Порой сказывалась самоцензура историков.

1.1.2. Новейшие труды историков по исследованию выживаемости и этики поведения ленинградского населения. 2010–2021 годы

Оживление блокадной темы в 2010 г. было связано с очередным витком информационной войны: появились новые исследования американских и британских ученых, которые пытаются переадресовать Советскому руководству многие обвинения в адрес гитлеровцев. Советское общество обвиняют в мифологизации «коллективной памяти», в которой героические образы замещают «реальную правду о войне».

Одним из лидеров Петербургской школы, исследующей политическую историю Петрограда – Ленинграда в 1917–1945 гг., остается почетный профессор Санкт-Петербургского университета Геннадий Леонтьевич Соболев. Капитальным аналитическим трудом, посвященным положению ленинградского населения, обобщающим многолетние исследования в этой области, явилась трехтомная книга «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде» (с июня 1941 до января 1944 годов)[1].

---

1 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013 ; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь

В книге показаны героизм и стойкость ленинградцев, усилия Советских органов власти и управления по спасению населения. В то же время использованы без купюр рассекреченные документы. Относительно новым в работе Г. Л. Соболева является и то, что в содержание исторического исследования включена (в виде приложения) сугубо медицинская статья[1]. Сам ученый указывает, что тенденция объединять в исследовании этого вопроса усилия медиков, биологов, демографов и историков впервые проявилась в работе международной конференции «Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде»[2].

Как отмечают историки, в труде дается высокая оценка профессионализма представителей региональной власти, что, одновременно, позволяет возложить на их плечи ответственность за просчеты и ошибки при подготовке Ленинградского хозяйства к войне[3]. Значительное место уделено недостаткам в организации обороны Ленинграда, в том числе психическому давлению, со стороны представителей высших органов государственной власти[4]. Можно сказать, что диалоги о книге Г. Л. Соболева показали, что каждый историк блокады находит в них что-то важное и нужное именно ему, открывая пути для дальнейшего изучения проблемы. Это, безусловно, черта выдающегося фундаментального произведения исторической науки.

Таким образом, этот труд обозначил целый ряд проблем, возможность решения которых связана с продолжающимся процессом рассекречивания архивов и выявлением новых документов. Остается открытым вопрос об институциональных аспектах взаимодействия центральных и местных органов

1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015 ; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017.

1 *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза // Клиническая медицина. – 2014. – Т. 92. С. 5–14. Приводится по *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943.... С. 502–525.

2 Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001.

3 *Пученков А.* Классическая история блокадной эпопеи // Российская история. – 2019. – № 3. С. 153; *Твердюкова Е.* Проживая историю // Российская история. – 2019. – № 3. С. 155–156.

4 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2013. С. 70, 109, 161–162, 267, 283–284.

власти[1].

Необходимо заметить, что в трудах представителей как Петербургской исторической школы: Г. Л. Соболева, М. В. Ходякова, Н. А. Ломагина и др., так и Московской школы: Г. А. Куманева, Н. Я. Комарова[2], определенное внимание уделяется критике ошибок в организации обороны Ленинграда со стороны И. В. Сталина, А. А. Жданова, К. Е. Ворошилова. В то же время в трудах Геннадия Леонтьевича Соболева, который и сам пережил ребенком блокаду Ленинграда, потеряв во время обороны Ленинграда обоих родителей, значительное место уделяется проблеме преступной деятельности гитлеровцев, направленной на уничтожение ленинградского населения[3].

В работах Г. А. Куманева и Н. Я. Комарова уделено внимание тому, что анализ ошибок и просчетов, допущенных Советским руководством в период стратегических оборонительных операций 1941 года, не должен мешать постижению той истины, что дальновидность многих решений в этот ответственный период была также главной предпосылкой организации успехов нашей армии, победы в последовавших далее стратегических наступательных операциях, подкрепляемой успехами тыла, в том числе достигнутыми ленинградским населением как в городе-фронте, так и в эвакуации[4].

Таким образом, в работах наших предшественников показана принципиальная разница между действиями гитлеровских преступников и Советского руководства. Если первые целенаправленно уничтожали население Ленинграда и мешали мероприятиям по его спасению, то органы Советской власти, в чрезвычайной обстановке направлявшие свои действия на защиту Советского

---

1 На это обращает внимание сам Геннадий Леонтьевич Соболев (*Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 1. С. 8–34).

2 *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944. Исторический дневник. Комментарии. – М.: Олма-Пресс, 2004 ; *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. – М.: Кучково поле ; М/н благ. фонд «Живая память», 2008.

3 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943 …, 2015. С. 162–163.

4 *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней. ..., 2004 ; *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. ..., 2008.

государства, наряду с этим заботились о спасении гражданского населения страны и, конкретно, Ленинграда. В то же время продолжающиеся идеологические дискуссии требуют более полно раскрыть данную проблему.

Одним из наиболее спорных в исследовании обороны Ленинграда стал анализ социокультурных аспектов коллаборационизма К. М. Александровым. Результатом данного труда явилось доказательство того, что основу офицерского корпуса Российской освободительной армии («власовцев») составили бывшие белогвардейцы (из 4000 офицерского корпуса Российской Освободительной Армии советские военнослужащие составили менее 10%)[1]. Необходимо сказать, что попытка автора оправдать коллаборационизм «власовцев» встретила негативную оценку: диссертации Александрова было отказано в присуждении докторской степени.

Напротив, важное место в новейшей исторической литературе сохраняет проблема духовного подвига населения Ленинграда, ставшего подлинным его защитником. Этот вопрос на огромном фактическом материале раскрыт в монографии М. И. Фролова и М. В. Ежова «Духовный подвиг защитников Ленинграда»[2].

Новым направлением историографии блокады является изучение социокультурного содержания борьбы за выживание ленинградского блокадного населения, в том числе коммуникативной культуры. Наиболее интересные из теоретических работ Санкт-Петербургской школы, вышедшие в последние годы в данном направлении, представлены книгами В. Л. Пянкевича, С. В. Ярова[3].

---

1 *Александров К. М.* Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России. 1943–1946 гг. Дисс. на соиск. ст. д. ист. н. – СПб., 2016. – С. 838 [не утвержд. ВАК]. Некоторые из авторов обратились к этической стороне проблемы. (*Семенова Е. В.* Советский «коллаборационизм» в Великой Отечественной войне – предательство или борьба за выживание // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму. Материалы Международного этико-философского семинара им. Андрея Платонова: к 70-летию со дня рождения В. П. Фетисова. – М., 2012. С. 338–340).

2 *Ежов М. В., Фролов, М. И.* Духовный подвиг защитников Ленинграда. – СПб.: Знание, 2010.

3 *Яров С. В.* Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – СПб.: Нестор-История, 2011 ; *Его же.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – М: Молодая гвардия, 2013. *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. – СПб.: Владимир Даль, 2014. В октябре 2019 г. В Институте истории России (Санкт-Петербургское отделение) РАН состоялась конференция, посвященная 60-летнему юбилею со дня рождения С. В. Ярова. Доклады, представленные на конференции, посвящались кругу проблем, раскрываемых в работах С. В. Ярова. (Обычный человек в необычное время: к 60-

Российскими учеными доказывается, что, несмотря на неизбежные в жестоких условиях блокады трансформации моральных установок в диффузных сообществах людей, в целом нравственные традиции Петербургской культуры способствовали стойкости духа жителей. Антисоветские высказывания, озлобленность части блокадного населения отмечаются как исключения на фоне лояльного, в основном, отношения к Советской власти и к партийному руководству обороной города. Важное место в решении наиболее острых проблем продолжают занимать работы известного историка блокады Н. А. Ломагина, в том числе написанная совместно с Р. Бидлаком и М. Шварцем «Ленинградская блокада»[1].

Для современной американской исторической литературы характерно опосредствование политики личностным фактором. В последние годы этот подход активно дискутируется на международных конференциях[2].

В новейших исследованиях американских историков вновь актуализировалась проблема продовольственного обеспечения как важнейшего фактора выживаемости гражданского населения в условиях войны. Одна из ведущих американских исследовательниц В. Голдман приходит к выводу: история продовольственных поставок была не борьбой индивидуумов, но людей, включенных в мощную государственную структуру, стратегически сочетавшую центральные и местные поставки, усилия коллективов и отдельных лиц, элементы свободной торговли; именно это интегративное начало стало решающим в борьбе за выживание населения. Этот вывод углубляет основную концепцию, распространенную в американской историографии: об иерархическом перераспределении продовольствия среди гражданского населения в СССР в период II Мировой войны, формировании «продовольственной элиты», и героизме

летиюсо дня рождения С. В. Ярова: Сборник статей. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021).

1 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. – М.: Яуза-каталог, 2017 ; *Его же.* Политэкономия и мораль блокады // Российская история. – 2014. – №3. С. 12–17 ; *Bidlack R., Lomagin N.* The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New Documentary History from the Soviet Archives. – 2012.

2 Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). – СПб.: Нестор-История, 2012.

тружеников тыла как парадоксе или феномене Советской российской истории. Попытку проанализировать отражение социальной стратификации и трансформаций советской системы в блокадных дневниках в рамках данной концепции делает А. Пери. В ее работах выражен характерный для американской историографии подход к оценке организации обороны города как скрытого социального конфликта, проявляющегося в значительной мифологизации «блокадной» памяти. «Мифологизация» вскрывается А. Пери при структурно-лингвистическом анализе дневников[1].

Наиболее спорным является аспект, который позволяет переложить часть ответственности с гитлеровцев за жертвы блокированного Ленинграда на советских руководителей, так как игнорируются или недооцениваются мероприятия, направленные на спасение населения Ленинграда со стороны Советского военного и гражданского руководства. Развернувшаяся вокруг монографии А. Пери социально-политическая дискуссия указывает на идеологический характер данной концепции[2]. Факт наличия скрытого конфликта между гражданским обществом и властью фактически был подтвержден Н. А. Ломагиным с оговоркой: Советская власть не была главным врагом ленинградцев[3]. В январе 2019 года книга А. Пери была удостоена высокой награды в Лондоне Пушкинским Домом.

Еще одним важным направлением исследования социально-политических проблем через призму обыденного сознания стало изучение советского детства в период войны. Этот вопрос был раскрыт Дж. Де Граффенрид в ряде публикаций.

---

1 *Голдман В.* Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство // СССР во Второй мировой войне: оккупация, холокост, сталинизм. – М: РОССПЭН, 2014. – С. 221–249 ; *Фильцер Д.* Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй Мировой войны // Указ. соч. С. 196–220 ; *Peri A.* Queues, canteens, and the politics of location in diaries of the Leningrad blockade, 1941–1942 // Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II / ed. by *W. Goldman, D. Filtzer.* – Indiana Univ. Press, 2015. – P. 130–160 ; *Idem.* The War Within Diaries from the Siege of Leningrad. – Garvard University Press, 2017.

2 В. Милонов. Мы потребуем запрета книги британской лжеученой о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс]//Life.ru.URL:https://life.ru/t/life78/952644/milonov_my_potriebuiem_zaprieta_knighi_britanskoi_lzhieuchionoi_o_blokadie_lieninghrada (дата обращения: 06.01.2017); Блокадники возмущены публикацией об осажденном Ленинграде в журнале Гардиан [Электронный ресурс]//URL:https://life.ru/t/life78/952561/blokadniki_vozmushchieny_publikatsiiei_ob_osazhdionnom_lieninghradie_v_zhurnalie_the_guardian (дата обращения: 06.01.2017).

3 Историк Никита Ломагин. «Каннибалы и преступники в блокаду дневников не вели» [Электронный ресурс] // Фонтанка. URL: http://www.fontanka.ru/2016/12/29/155/ (дата обращения: 06.01.2017).

Основная мысль вынесена в название одной из них: «Жертвуя детством», что, по мнению автора, было характерно для политики Советского государства, нацеленной на победу. Среди других, в качестве примера, приводится блокадное детство[1].

Таким образом, организация коммуникативных отношений в Ленинграде, средства и формы жизнеобеспечения населения остаются дискуссионными и актуализированы современным этапом идеологической борьбы. Среди социально-политических мероприятий органов Советской власти, направленных на спасение гражданского населения, российскими историками изучаются: продовольственное обеспечение, развитие народного хозяйства, эвакуация[2].

В центре внимания остаются проблемы взаимоотношений власти и общества, руководства борьбой за спасение ленинградского населения. Выходят труды, посвященные деятельности отдельных руководителей Ленинграда в военное время[3].

В то же время спорным остается вопрос взаимодействия ГКО СССР и ленинградских ОК и ГК ВКП(б)[4]. Недостаточно проработаны вопросы

---

1 de*Graffenried J. K.* Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War. – University Press of Kansas, 2014 ; *Граффенрид Д. К. де.* Мобилизуя юность: труд советских детей в военное время // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / ред. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. – М.: РОССПЭН, 2019. С. 126–147 ; *Ее же.* Рисуем детство в Великую отечественную войну: оформление обложки и детские журналы, 1941-1945 гг. // Конструируя детское: филология, история, антропология / Под ред. М. Балиной, В. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана. – М.-СПб: «Азимут», Нестор-История, 2011. С. 352-368.

2 *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. – 2016. – № 1. С. 8–21 ; *Зотова А. В.* Народное хозяйство Ленинграда. – СПб: Изд-во Полторак, 2015 ; *Ее же.* Экономика блокады. – СПб.: Издательский Центр “ОСТРОВ”, 2016 ; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. – СПб.: Нестор-История, 2014 ; Побратимы / [отв. ред. *Ю. З. Кантор*]. – М.: Политическая энциклопедия, 2019.

3 *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937 – 1950. СПб.: Алетейя, 2014 ; *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. СПб.: СПб Академия Следственного комитета, 2017 ; *Болдовский К. А.* Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 61–73 ; *Его же.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». – СПб.: Нестор-История, 2018.

4 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 1 (09). С. 275–292 ; Журнал посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг. / Фонд исслед. проблем новейшей истории; сост. *К. А. Болдовский.* – СПб.: Нац. центр социальной пом., 2014 ; «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л. Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. С. 31–35.

координации действий военных и гражданских властей, статуса Ленинграда как военного города[1]. Вне внимания ученых оказалось сотрудничество местных органов власти и управления с СНК РСФСР.

Затрудняло труд наших предшественников отсутствие взаимосвязи между различными историческими школами в этой сфере исследований. Лишь в последнее время наметились позитивные изменения, которым призваны способствовать Всероссийские конференции на базе крупных музейно-научных центров Москвы и Петербурга.

Одной из традиций Ленинградской – Петербургской исторической науки является включение в реконструктивное исследование «устной истории» музейного интерактивного пространства. Эта деятельность объединяет государственные музеи, Народные музеи, общественные организации. Ведущую роль в таких исследованиях играет научно-практическая деятельность коллективов «блокадных» музеев при участии широких кругов общественности, конструирующих психо-историческое пространство «военных реминисценций». Как пример можно привести коллективные сборники, выходящие в результате такой работы: серия «Забвению не подлежит» Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (выпуски I–X, 2006–2014), серия публикаций Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», ныне Санкт-Петербургского педагогического колледжа № 8[2]. Данные публикации разнообразны как по характеру, жанру, так и по составу авторов: от маститых ученых до студентов, школьников, учителей, ветеранов войны и жителей блокадного Ленинграда. Можно сказать, что данное направление сочетает в себе традиционную деятельность «блокадных» музеев и новые формы интерактивного

---

1 *Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни..., 2018. С. 28–35 ; *Даудов А. Х., Кунцевич Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.

2 Забвению не подлежит. Статьи. Воспоминания. Документы / Комитет по культуре, ГММОБЛ. – СПб.: Президентская библиотека, 2014 ; *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней: Из опыта работы детских садов Куйбышевского района Ленинграда / Ред. коллегия: *Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева, Т. А. Кондраткова.* – СПб: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2010 ; *Береговая Л. Б.* Дыхание Клио. – СПб., 2012; Мы храним бесценное наследство/авт.-сост. *Е. Н. Дмитриева.* – СПб., 2014.

конструирования музейного пространства.

Своеобразным отражением возникшего пространства «Живой памяти» является монография проф. В. В. Яробкова «Дорога жизни – Дорога к Победе: вчера, сегодня, навсегда», в которой проведена ретроспективная связь между судьбами ветеранов Дороги жизни из 1940-х в 2000-ые[1].

В то же время опасения вызывают попытки мифологизации проектируемого историко-психологического пространства с позиций «Живой памяти» и трансформаций реального исторического прошлого. Опасным для современного мирового сообщества является стремление преуменьшить вклад советского народа в разгром фашистов. Наряду с этим имеется тенденция вычеркнуть историю Великой Отечественной войны и историю обороны Ленинграда из вузовских и школьных кусов истории Отечества[2].

Таким образом, сохраняется необходимость комплексного и наиболее полного исследования организации спасения гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг., которое бы учитывало результаты работы наших предшественников.

§ 2. Источниковая база исследования

1.2.1. Опубликованные источники

Опубликованные источники, которые были использованы в данном исследовании, можно разделить на пять групп.

Во-первых, это политико-правовые, нормативные документы: сборники указов, постановлений и решений органов власти и управления СССР и РСФСР,

---

1 *Яробков В. В.* Дорога жизни – дорога к победе: вчера, сегодня, навсегда. – СПб.: Полигон, 2005.

2 Исследование представления об обороне Ленинграда в вузовских учебниках в 2011 г. проделал Л. А. Наливкин. В результате им было выявлено, что из 60 учебников, изданных в России за период с 2000 по 2011 годы, только в 8 Ленинградская битва была отражена полноценно (13%), в одном из учебников присутствовал плагиат, в 39 книгах понятие «Ленинградская битва» заменено понятием «блокада Ленинграда», в одном учебнике (2007 года) раздел о Великой Отечественной войне отсутствует. (*Наливкин Л. А.* К вопросу о «тьютерской помощи» вузовских учебников: освещение Ленинградской битвы // *Его же*. Авиация Балтики летом сорок первого. – СПб.: Нестор-История, 2015. С. 401–408).

выходившие в 1941–1945 гг. Они дополнены выпусками бюллетеня, издаваемого Ленинградским городским советом депутатов трудящихся, и сборниками указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени: 1941–1942 и 1942–1944 гг. Использованы выпуски бюллетеня распоряжений и методических инструкций Научно-практического института детских домов НКП РСФСР.

Важное место в данной группе занимают издания 1941 г. с последними поправками Конституций СССР и РСФСР, кодексы РСФСР (семейного, уголовного, гражданского и гражданско-процессуального права) с изменениями, в том числе Указами Президиума ВС СССР, и комментариями к ним, изданные в 1940–1948 гг. Эта группа может быть дополнена военными уставами как РККА, так и других воюющих стран (Великобритании, США, Франции и Германии). Данные документы позволяют выявить эволюцию статуса гражданского населения в нормативных документах обычного (уголовного, гражданского, военного) права СССР и других воюющих стран в 1941–1945 годах.

С этой же целью следует ознакомиться с опубликованными декларациями и конвенциями Международного гуманитарного права (МГП), действовавшие в 1941–1950[1], а также конвенциями Международной организации труда (МОТ) за период 1919–1950 годов[2]. Ценность представляет значительное по объему исследование статуса «гражданского населения» в обычном и Международном гуманитарном праве за период 1941–1950 годов, которое содержится в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ)[3]. Так как оно базируется, в качестве основного источника, на компетентном труде, подготовленном кафедрой Международных отношений Кембриджского

---

1 ООН. Официальный сайт/документы/декларации-конвенции [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/. (дата обращения: 16.01.2017); Международный Комитет Красного Креста/Официальный сайт/ Россия/ война и закон/ Женевские Конвенции [Электронный ресурс] // URL: http://www.icrc.org/rus/war-and-law/treaties-customary-law/geneva-conventions/index.jsp. (дата обращения: 17.08.2014).

2 Документы Международного трудового права [Электронный ресурс] // Международная Организация Труда. Сайт. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/ (дата обращения: 18.02.2015).

3 Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" (жалоба N 36376/04) (Большая Палата) [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends. (дата обращения: 16.01.2017).

университета (зав. проф. Л. Оппенхейм и, с 1944 г., К. Лаутерпахт), этот труд привлечен в качестве справочного. Полезно сравнить его постулаты с подходами к решению важных правовых вопросов советских юристов А. Н. Трайнина, Б. С. Утевского, которые были привлечены к выработке Устава Нюрнбергского процесса[1].

Были использованы сборники действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами и вступивших в силу за период с 1925 по 1 января 1937 гг., а также Положение о военнопленных Советского правительства, принятое в 1931 г. Эти сборники международных документов дополнены выходившими в период Великой Отечественной войны: в 1942–1943 гг.[2]

В качестве справочного подспорья при изучении институтов защиты прав гражданского населения в блокированном Ленинграде можно прибегнуть к специальному аннотированному указателю: Забота об инвалидах войны и семьях военнослужащих, изданному в 1944 г.[3]

Во-вторых, это публикации политико-правовых документов, выходившие в 1990-х – 2000-х годах.

Особое значение имеют сборники материалов Нюрнбергского процесса, многократно переиздаваемые в нашей стране. Наиболее полно отражает ход процесса последнее издание в 8 томах (1989–1999 гг.)[4].

В 2014 года появился приказ Министра обороны Российской Федерации о рассекречивании документов Великой Отечественной войны[5]. С этого времени началась работа Федерального архивного агентства (Росархив) по созданию

---

1 *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. – М., 1944 ; *Его же.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. – М., 1956 ; *Утевский Б. С.* Преступления гитлеровцев против мирного населения. – М., 1946.

2 Международные документы Великой Отечественной войны. Вып. II (1942 г.). – М., 1943; Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III (1943 г.), Ч. 1–2. – М., 1944 ; Российское историческое общество. Документы [Электронный ресурс] // URL: http://docs.historyrussia.org/ru/docs/4-obratnaya-svyaz/ (дата обращения: 18. 04. 2020)

3 Забота об инвалидах войны и семьях военнослужащих. Аннотированный список литературы / Сост. *П. Б. Захаревич* / Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. – М., 1944.

4 Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Отв. ред. т. 1 А. М. Рекунков, т. 3 – А. Я. Сухарев, т. 8 – Н. С. Лебедева; научный редактор 1–8 тт. Н. С. Лебедева. М. 1987–1999. Имеются электронные ресурсы некоторых материалов.

5 *Артизов А. Н.* Общественная миссия российских архивов // Отечественные архивы. – 2014. – № 5. С. 3–11.

электронной базы основных государственных документов Советской эпохи, в которой участвуют Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и некоторые региональные архивы. В настоящее время оцифрована значительная часть документов личного фонда Сталина (Фонд 558), рассекреченные документы из коллекции Постановлений Государственного Комитета обороны СССР (Фонд 644), продолжается работа по электронной публикации Постановлений Совета Народных Комиссаров СССР (Фонд Р-5446. Опись 1)[1]. Все же значительная часть документов осталась неопубликованной.

Имеются некоторые особенности формуляра Постановлений СНК СССР, которые важно учитывать при работе с ними. В заключительной части документ сопровождался списком рассылки, в который, наряду с членами СНК СССР, входил перечень наркоматов и конкретных исполкомов. Таким образом, определялся круг тех регионов, которых данный документ касался. В ряде случаев Постановления имели репрессивный характер, осуждающий грубые нарушения прав гражданского населения, в том числе Ленинграда. На Постановлениях СНК СССР стояли, как правило, две подписи: председателя СНК СССР И. В. Сталина или одного из его заместителей: Н. А. Вознесенского, или В. М. Молотова, а также управляющего делами СНК СССР Я. Чадаева. Если дело было чрезвычайной важности, Сталин мог отозвать текст ранее принятого Постановления, подписанного Вознесенским, и заменить его на идентичное за собственной подписью. Так, например, Постановление № 269 от 28 февраля 1942 г. о подготовке МТС Ленинградской и других областей к весеннему севу было переиздано за подписью Сталина 2 марта 1942 г. Отсутствие каких-либо изменений в тексте свидетельствует в данном случае

1 РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Фонд 644 (Государственный Комитет обороны) [Электронный ресурс] // Великая Отечественная война. Документы Советской эпохи. Архивы РФ. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=366099/ (дата обращения: 12.02.2018) ; РГАСПИ. Фонд 558 (Личный фонд И. В. Сталина) [Электронный ресурс] // Личные фонды видных деятелей Советской эпохи. Архивы РФ. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality//cards/4462/childs/ (дата обращения: 16.04.2020) ; ГА РФ. Фонд Р-5446 (Совет Министров СССР) [Электронный ресурс] // Великая Отечественная война. Документы Советской эпохи. Архивы РФ. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#tematicchilds&rootId=408001/ (дата обращения: 22.07.2018).

об использовании подписи для повышения статуса документа[1].

Постановления ГКО СССР также подписывались как И. В. Сталиным, председателем ГКО, так и членами Комитета. Зачастую номер Постановления присваивался должностным запискам или решениям, присылаемым для подтверждения. Так, многие Постановления ГКО СССР по Ленинграду представляют собой должностные записки Ленинградского горкома ВКП(б), которым был присвоен номер ГКО СССР. Такой порядок демонстрирует коллегиальность принимаемых решений, атмосферу взаимного уважения, единомыслия, в том числе в отношении ленинградских руководителей.

При работе с Постановлениями ГКО СССР полезно использовать аннотированный каталог документов, в котором приводятся археографические описания взаимосвязей документов из коллекции ГКО с иными смежными коллекциями[2].

Интерес представляют и отдельные электронные собрания правовых документов Советской эпохи, которые облегчают поиск благодаря систематизированной базе данных[3].

Особое значение имеют документы из личного фонда И. В. Сталина, касающиеся организации обороны СССР. Выборочная публикация их в 1990 г. в журнале «Известия ЦК КПСС»[4] вызвала информационный кризис и бурную реакцию идеологических противников КПСС. В то же время практически одновременно вышел труд Н. Я. Комарова, в котором дана была развернутая характеристика ключевых постановлений ГКО СССР, чуть более ста, сопровождаемая анализом их реализации и эффективности. Во вступительной части была дана краткая историко-психологическая характеристика административного поведения Сталина в 1941 г., его эволюции, способствовавшей

---

1 ГА РФ (Государственный архив РФ). Ф. Р- 5446. Оп. 1. Д. 269. Л. 154–162.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог : в 2 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне).

3 Библиотека правовых документов Советской власти [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/. (дата обращения: 24.07.2017).

4 Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6–10.

повышению эффективности принимаемых решений. Аналитический характер имела и публикация Ю. А. Горькова[1].

В 2003 г. были опубликованы постановления Государственного Комитета Обороны СССР, связанные с жизнеобеспечением ленинградцев (всего 21 документ из 156, непосредственно касающихся обороны Ленинграда)[2]. В то же время следует заметить, что в комплексе опубликованных документов ГКО СССР нами было выявлено до 210, касающихся вопросов спасения гражданского населения, в том числе Ленинграда. К их числу относятся Постановления, Распоряжения, Приказ Уполномоченного ГКО.

Стенограммы переговоров Ставки с руководителями обороны Ленинграда по БОДО[3] были опубликованы вторично в 2004 году[4].

Объективную характеристику как трудностям обороны Ленинграда, так и усилиям по деблокированию города, предпринимаемым под руководством ГКО СССР и Ставки ВГК осенью 1941 года, психологии отношений внутри властной партийной элиты Москвы и Ленинграда, постаралась дать группа петербургских ученых, возглавляемых проф., д. и. н. Г. Л. Соболевым. Были обозначены основные направления дальнейшего исследования данной проблемы[5]. Важным дополнением служит публикация новых документов из коллекции РГАСПИ, личного фонда «А. А. Жданов» (Фонд 77), в которую входят, в том числе и стенограммы личных переговоров Жданова с Хозиным, Маленковым, и др.[6]

---

1 *Комаров Н. Я.* Государственный Комитет постановляет…: Документы. Воспоминания. Комментарии. – М.: Воениздат, 1990. С. 8–9 ; *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

2 «Государственный Комитет Обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. (Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев) // Исторический архив. – 2003. – № 2. С. 131–165.

3 БОДО – буквопечатающий телеграфный аппарат. (Ленинград в осаде…, 1995. С. 581).

4 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов/ Под ред. *Н. Л. Волковского*. – М.: Аст, СПб: Полигон, 2004.

5 *Соболев Г. Л.* Глава четвертая. И. В. Сталин: «Для нас армия важней...» (октябрь 1941 г.) // *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. ун-та, 2013. С. 160–180 ; Введение: Ленинград в 1941–1942 гг. // *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2017. С. 4–27 ; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, № 1. С. 8–34.

6 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942

Высокую оценку историков получила публикация неизвестных писем А. А. Жданова И. В. Сталину, отправленных им в декабре 1941 г. и в июне 1942 г.[1] Письма позволяют уточнить ряд фактов в истории защиты Ленинграда, значение, придаваемое идеологической работе с населением.

Надо сказать, что среди других появляются и публикации документов с нарушением принятых в историческом сообществе норм. Еще Д. С. Лихачев предупреждал, что порой легче найти «новый» документ, чем восстановить кто, когда и как уже работал с ним: насколько он действительно является новым. В новейших археографических публикациях появилась тенденция пренебрегать всем накопленным опытом анализа совокупности исторических документов по определенному вопросу. Справедливой критике ведущими историками блокады подвергся сборник документов из личных фондов И. В. Сталина и А. А. Жданова, который «вводит» в научный оборот документы, многие из которых давно известны историкам, другие предлагается использовать некритично как базовый документ[2]. При этом авторы сборника забыли, что историк, некритично относящийся к документу, по словам Р. Коллингвуда, не является историком вообще.

Напротив, публикация документов из личных фондов И. В. Сталина и А. А. Жданова могла бы расширить источниковую базу исследования проблемы и дать новое направление изучению роли государственных институтов в организации военного сопротивления захватчику, если бы составители сборника представили документы по блокаде Ленинграда из фонда Сталина в контексте тех документов, вместе с которыми они хранятся, таким образом, чтобы исследователи увидели весь объем и сложность работы Ставки, откуда шло одновременное руководство действиями на нескольких театрах военных действий: Ленинградском, Смоленском

гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 1 (09). С. 275–292.

1 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. Публ. *Л. Л. Газиевой* // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. С. 31–35.

2 *Соболев Г. Л. Ходяков М. В.* Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. №2. С. 529–539. Речь идет о сборнике документов и материалов, хранящихся в коллекции РГАСПИ (Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред., авт. вступ. ст. А. К. Сорокин. – М.: РОССПЭН, 2019).

и пр.

Таким образом, остается непочатый край работы по публикации документов Великой Отечественной войны. Очень важно, чтобы эта работа осуществлялась компетентно, базируясь на принципах классической исторической науки и источниковедения.

В-третьих: сборники комплексов документов, характеризующих положение гражданского населения Ленинграда, а также публикации отдельных документов и подборок на эту тему.

Первая такая публикация: сборник «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза», составленный в основном по материалам газетных публикаций, выпущенный в 1944–1947 гг.[1] Следующее издание появилось спустя почти 20 лет. Это был сборник «900 героических дней» – одно из первых крупных собраний документов, посвященных жизни и героической борьбе гражданского населения в Ленинграде (составители: Х. Х. Камалов, Р. В. Серднак, Ю. С. Токарев)[2]. Из выявленных трех тысяч документов были опубликованы только 127, в основном фрагментарно. В то же время следует сказать, что сборник продолжает представлять огромный интерес для исследователей широтой показанных аспектов социальной жизни города в блокаде. Спустя почти 30 лет вышел сборник «Ленинград в осаде», где впервые удалось опубликовать без купюр многие документы из собраний ленинградских архивов, ряд которых был выявлен еще в процессе работы в 1960-ые годы[3]. Содержание данного сборника, в том числе уникальных комментариев к нему, может заслуженно считаться крупнейшим результатом работы историков блокады Петербургской школы.

---

1 Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 1. – Л., 1944 ; Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 2. – Л., 1947.

2 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг./ Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966.

3 Ленинград в осаде: Сборник документов / Под ред. А. Р. Дзенискевича. – СПб.: Лики России, 1995 ; Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят. Сборник документов. – СПб.: Фонд «Креатив», Лики России, 2014. [Электронный ресурс] // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». Ленинград в осаде. Архивные документы Второй Мировой войны. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2014. URL: http://blockade.spbarchives.ru. (дата обращения: 02.04.2016).

Почти одновременно коллективы историков Санкт-Петербурга, Вологды, Томска, Новосибирска, Иваново приступили к изданию архивных документов, способных пролить дополнительный свет на мероприятия по спасению гражданского населения Ленинграда[1].

Среди новейших публикаций коллекций документов необходимо отметить: сборник документов Центрального архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), охватывающий период 1944–1945 годов, а также сборник архивных документов по Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны (интерес для нашего исследования представляют разделы I–III)[2].

В 2017–2018 гг. были опубликованы в двух томах стенограммы несекретных заседаний Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся с дополнительными материалами за период 1941–1943 гг.[3] Данный сборник, вышедший под эгидой Архивного Комитета правительства Санкт-Петербурга, имеет электронный вариант доступа[4].

Начало публикациям внутренних документов горкома ВКП(б) было положено в 2014 г. изданием К. А. Болдовским «Журнала посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг.»[5]. Особое место занимает начатая в 2019 г. публикация

---

1 Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В 3-х т. – Томск: Томский государственный университет, 2005. Т. 3: Спасенное детство ; Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1. – Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1990, Ч. 2. – Л.-Я., 1991 ; Страна – Ленинграду. 1941–1945: сб. документов / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. Л. И. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В. Серднак. СПб.; Кишинев, 2002.

2 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / Арх. ком. С. -Петербурга, Центр. гос. архив ист.-полит. док. С. -Петербурга; отв. ред. Н. Б. Лебедева ; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – СПб.: Лики России, 2013 ; Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник архивных документов. 1941–1944 гг. – СПб.: Изд-во «Аврора» ; ТО «Балтийская звезда», 2015.

3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.] ; сост. *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель). – СПб.: Арт-Экспресс, 2017 ; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Арт-Экспресс. – 2018.

4 Ленинградский городской совет депутатов трудящихся. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета : записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.] [Электронный ресурс] // URL: https://spbarchives.ru/documents/10157/18919/сборник.pdf/7d47718d-a1b1-4b74-b77d-40a5959aa1ae (дата обращения: 25.07.2018).

5 Журнал посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг. / Фонд исслед. проблем новейшей истории ; сост. *К. А. Болдовский.* – СПб.: Нац. центр социальной пом., 2014.

протоколов горкома ВКП(б). В настоящее время вышел ее первый том, охватывающий период с начала войны до марта 1942 года[1].

Следует отметить переиздание документов германских спецслужб о положении гражданского населения Ленинграда осуществленное Н. А. Ломагиным. Книга включает некоторые, наиболее конфликтные, письма-обращения граждан в Продовольственную Комиссию Военсовета Ленфронта[2].

Важное значение имеют новые публикации региональных документов в приложениях к изданию «Побратимы»[3]. Весомый вклад в изучение положения гражданского населения в Ленинграде в контексте организации его обороны внес 5-томный цикл сборников научных статей «Ленинград. Война. Блокада», сопровождаемых публикацией уникальных документов из Военной исторической библиотеки Генерального штаба ВС РФ (ГШ ВС РФ), Архива научно-исследовательского института Военной Академии Генерального штаба ВС РФ (Архив НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ, Фонд 34), Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) и Архива Военно-Морского флота – филиала ЦАМО РФ)[4]. Таким образом, появилась уникальная возможность сравнить данные документов военных и гражданских государственных архивов об организации эвакуации и мероприятиях по спасению гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг.

Необходимо отметить проект, запущенный в канун празднования 75-летия Победы над фашизмом, весной – летом 2020 года: «Без срока давности». Проект включает в себя археологическую и археографическую работу поисковых групп по выявлению и публикации данных о преступлениях фашистов против гражданского

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. *К. А. Болдовский.* Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2019. (Имеется Интернет-ресурс).

2 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. – М.: Яуза-каталог, 2017.

3 Побратимы / отв. ред. *Ю. З. Кантор*. – М.: Политическая энциклопедия, 2019.

4 Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2018 ; Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019 ; Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019 ; Ленинград. Война. Блокада. Снятие блокады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019.

населения на территории России. В проект входит публикация 23 томов документов[1].

В-четвертых: газетные и журнальные публикации 1941–1944 годов. Газеты и журналы, будучи средством агитационно-пропагандистской работы, выходили всю войну значительными тиражами. В данном исследовании были использованы публикации, посвященные детям и подросткам, в газете «Ленинградская правда»; в научно-методических журналах: «Дошкольное воспитание», «Начальная школа», «Советская педагогика», «Педиатрия», «Советская медицина»; в художественно-иллюстративном журнале «Мурзилка», а также номера художественно-иллюстративных журналов «Звезда» и «Ленинград», выходившие до августа 1941 года.

В-пятых: опубликованные источники личного происхождения, мемуары и дневники. Так как публикация мемуаров часто придает им характер публицистический, в этом разделе упомянем и публицистические издания.

Целесообразно придерживаться периодизации той же, что и в историографическом обзоре, так как некоторые мемуары часто включаются в обзоры исторической литературы.

Положение гражданского населения, в том числе детей, в блокированном Ленинграде освещалось в период войны в различного рода публицистических, художественных, научно-методических произведениях[2]. Начиная с 1942 года проводилась работа по записи стенограмм докладов и мемориальных сообщений по «запретным» темам сотрудниками Института истории ВКП(б). Одно из таких сообщений: стенограмма выступления в 1946 г. директора Института

---

1 Без срока давности [Электронный ресурс] // Трагедия мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Сайт. URL: https://безсрокадавности.рф/ (дата обращения: 07.07.2020).

2 *Раскин Л. Е.,* директор Ленинградского городского института усовершенствования учителей. Год работы с дошкольниками в Ленинграде // Дошкольное воспитание. – 1943. № 1. С. 16–26 ; *Лаврикова Е. Ф.,* зав. дошкольным сектором Ленгороно. Детские сады города Ленина // Дошкольное воспитание. – 1942. – № 11–12. С. 34–38 ; *Леушина А. М.,* к. п. н. Борьба за жизнь детей в городе-фронте // Дошкольное воспитание, 1943, № 11–12. С. 2–4 ; *Волчок С. И.* Забота о детях в блокированном Ленинграде // Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда / Редколл.: проф. Ю. А. Менделева, проф. А. Ф. Тур, проф. А. Н. Антонов. Сб. 1. – Л.: Медгиз, Лен. отд., 1944. С. 3–8 ; *Фадеев А. А.* Ленинград в дни блокады / Из дневника. – М.: Советский писатель, 1944. С. 50–59.

Усовершенствования учителей Леонида Евгеньевича Раскина[1]. А. Н. Чистиков указывает, что первые записанные воспоминания были: доцента З. В. Оглоблиной, проф. Ю.М. Гефтера из 1 ЛМИ, П. С. Сергеева, рабочего завода им. Калинина, сотрудников эвакопункта Кобона-Лаврово[2]. В 1944 г. вышел сборник публицистических статей о положении женщин и детей в Ленинграде, который готовился начиная с 1942 г. О работе над ним имеются свидетельства известной художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой[3]. Аналогичного характера ретроспекции публиковались в 1946–1948 году[4].

Деятельность Дороги Жизни освещалась в одном из первых опубликованных в годы войны дневников: в «Записной книжке командира» Е. Федорова. В 1945 г. были опубликованы записки А. Августынюка, обобщение опыта ленинградских железнодорожников. Тогда же вышел один из первых трудов военачальников об обороне Ленинграда: сборник очерков Л. А. Говорова[5].

Положение детей и женщин, эволюция семьи накануне и в начале войны, как фактор сопротивления фашизму в России, описывались британскими и американскими журналистами. Одна из наиболее известных в России книг – «Ленинград» Александра Верта, посетившего блокадный город и издавшего свою книгу в Лондоне в 1942 году. В книгу А. Верта «Россия в войне 1941–1945» включена часть III «Ленинградская эпопея», в которую входят личные впечатления о посещении Ленинграда в сентябре 1943 года[6] . Следует также отметить сборник

---

1 *Раскин Леонид Евгеньевич.* Директор Ленинградского городского института усовершенствования учителей. Стенограмма сообщения. 12/IV 1946 // ЦГАИПД. Ф. 4000 (Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС, филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Оп. 10. Д. 1382. 38 л. Данные воспоминания были изданы в отредактированном виде. (Оборона Ленинграда. 1941–1944. Вторая Мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах: Воспоминания и дневники участников / АН СССР ….).

2 *Чистиков А. Н.* «Мы живем в интересное время…» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941 – 1942 гг. // Битва за Ленинград…, 2019. С. 12.

3 Женщины города Ленина. Рассказы и очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады / Редколл.: *А. Ф. Волкова, Т. В. Закржевская, В. М. Инбер* и др. – Л.: Лениздат, 1944. С. 32–36.

4 *Днепровский М., Негинский С.* Народное образование в Ленинграде. (В помощь помощнику пропагандиста и агитатора). – Л.: Лениздат, 1947 ; Ленинградцы в дни блокады. Сборник. – Л.: Лениздат, 1947. – С. 195–233 ; *Ползикова-Рубец К. В.* Они учились в Ленинграде. Дневник учительницы. – М. -Л.: Детгиз, 1948.

5 *Федоров Е.* Ледовая дорога. Записки командира. – Л.: Госполитиздат, 1943 ; *Августынюк А.* Сквозь блокаду: (Записки железнодорожника). Л., 1945 ; *Его же.* В огненном кольце: Воспоминания. Л., 1948 ; На фронтовой магистрали: Из опыта работы ленинградских железнодорожников в дни Отечественной войны. Л., 1945 ; *Говоров Л. А.* В боях за город Ленинград. – Л.: Лениздат, 1945.

6 *Верт А.* Россия в войне 1941–45. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2003 ; *Wert A.* Leningrad. – L., 1942. [Рус. пер. в

очерков Мориса Хиндуса «Россия борется» и Бюллетень Общества Советско-Американской дружбы, издаваемый под редакцией Рос Моурер (США)[1]. Интересны издания на английском языке советской публицистики в период войны[2].

Фрагментарно свидетельства о трагедии ленинградских детей, об организации работы детских дошкольных и школьных учреждений, домов детей-инвалидов, продолжали публиковаться в 1948–1958 гг. в публицистических очерках и художественных произведениях мемориального характера[3].

В помощь исследователю вышел многотомный аннотированный указатель изданных воспоминаний о войне и дневников. К сожалению, в нем содержатся упущения, например, отсутствуют дневники В. Инбер, В. Саянова, А. Фадеева[4].

В начале 1960-х начинают публиковаться мемуары военачальников. Выходят мемуары И. И. Федюнинского, К. А. Мерецкова, совместный труд В. П. Свиридова, В. П. Якутович и В. Е. Василенко[5]. Важный вклад в изучение роли дважды Краснознаменного Балтийского флота в оборону Ленинграда внесли труды адмирала, д. и. н. В. Ф. Трибуца[6]. Эти воспоминания дополняют недавно изданные в полном объеме мемуары наркома военно-морского флота, адмирала Н. Г. Кузнецова[7]. Следует отметить и воспоминания о работе Генерального штаба С. М. Штеменко, в которых детально раскрыта работа штаба по составлению уставов, оперативная проработка военных кампаний, специфика коммуникативных

1984].

1 *Hindus M.* Russia Fights on. – L., 1942 ; *Maurer R.* Child care in the Soviet Union / *By Rose Maurer.* – N. Y., The National Council of American – Soviet Friendship. [194.].

2 Heroic Leningrad. Documents, sketches and stories of its siege and relief / Transl. By J. Finberg/ – M.: Foreign languages publishing house, 1945 ; The defence of Leningrad. Eye-witness Accounts of the Siege/ By N. Tikhonov and others. – L.; N.Y.; Melbourne. [194.]. По содержанию издание датируется не позднее января 1944 г.

3 *Инбер В.* Почти три года. Ленинградский дневник. – М. –Л.: Советский писатель, 1947 ; *Саянов В. М.* Ленинградский дневник. – М.: Воениздат, 1963 (1-е изд. 1958) ; *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. – М., 1961 ; *Вишневский В. В.* Ленинград. Дневники военных лет. 1943, 1945. В 2 кн. – М.: Воениздат, 2002 (1-е изд. 1956) ; *Матюшина О. К.* Жизнь продолжается. – Л.: Молодая гвардия, 1950.

4 Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Библиографический указатель. Т. 2, 5, 6. – М.: Изд-во Российской государственной библиотеки, 1990–2006.

5 *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. – М.: Воен. изд-во мин-ва обор. СССР, 1961 ; *Свиридов В. П., Якутович В. П., Василенко Е. В.* Битва за Ленинград 1941–1944. – Л.: Лениздат, 1962 ; *Мерецков К. А.* На службе народу. – М.: Политиздат, 1966.

6 *Трибуц В. Ф.* Балтийцы наступают. – Калининградское книжное изд-во, 1968 ; *Его же.* Балтийцы вступают в бой. – Калининградское книжное изд-во, 1972.

7 *Кузнецов Н. Г.* Адмирал Советского Союза : воспоминания. – М.: Алгоритм, 2015.

взаимоотношений Сталина с оперативным управлением Генштаба[1]. Необходимо также указать мемуары Б. В. Бычевского, начальника Инженерного управления Ленинградского фронта[2]. Интересны воспоминания академика В. В. Шулейкина, работавшего в Гидрографическом Управлении Военно-Морского флота[3]. Роль и значение мемуаров военачальников, издаваемых в данные годы и позднее, выборочно раскрыты современными авторами[4].

Важность имеют воспоминания наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева, начальника Главного медико-санитарного управления Советской Армии Е. И. Смирнова, опубликованные в 1975 – 1976 гг.[5]

Анализ документов Городской комиссии по расследованию ущерба от преступной деятельности фашистов подтолкнул к детальному изучению обширной коллекции персональных свидетельств о пережитой трагедии, хранящейся в закрытом в тот период «Партархиве» (ныне Фонд 4000 «Института истории марксизма-ленинизма» в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, далее ЦГАИПД СПб). Так появилось первое академическое издание воспоминаний после реабилитации «ленинградцев»: «Оборона Ленинграда. 1941–1944». В подготовке сборника участвовали научные сотрудники Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР, активно занимавшиеся в то время разработкой методологии историко-психологических исследований (в том числе тогда ст. н. с., к. и. н. Г. Л. Соболев). Материалы включали как воспоминания, записанные уже в ходе войны и сразу после нее, так и подготовленные в начале 1960-х годов. Среди других впервые были опубликованы фрагменты из воспоминаний Юлии Ароновны Менделевой

---

1 *Штеменко С. М.,* ген. армии. Генеральный штаб в годы войны. – М.: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1968 ; *Его же.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. – М.: Воен. изд-во Минобороны СССР, 1974.

2 *Бычевский Б. В.* Город-фронт. – Л.: Лениздат, 1967.

3 *Шулейкин В. В.* Дни прожитые. – М.: Наука, 1972.

4 *Гриднев В. П.* Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград // Управленческое консультирование. – 2018. – №5. С. 162–171 ; *Михайлов А. А.* Дорога жизни: историографический очерк // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 11–27 ; *Его же.* Прорыв блокады: советская историография // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады. – СПб.: Галарт, 2019. С. 19–41.

5 *Митерев Г. А.* В дни мира и войны. – М.: Медицина, 1975 ; *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина: Мысли и воспоминания. 1939–1945. – М.: Медицина, 1976.

(директора педиатрического института), из дневника Александры Николаевны Мироновой (учительницы истории школы № 10), стенограммы Леонида Евгеньевича Раскина (директора Института усовершенствования учителей). В предисловии был подведен итог многолетней работы сотрудников института и Музея обороны Ленинграда по сбору материалов, указаны ее принципы: «Ценной особенностью этих воспоминаний является стремление авторов раскрыть в них моральный облик, достоинства и недостатки, живые черты людей – участников описываемых событий»[1].

Таким образом, возникли очертания основного направления формирования «живой истории» обороны Ленинграда как героического и мужественного подвига, единения деятелей культуры, женщин, детей, подростков, рабочих и работниц ленинградских заводов, работников транспорта, наряду со сражавшимися воинами вставшими на защиту города, каждый на своем посту[2]. Эта концепция была отражена и в монументах, посвященных героической обороне Ленинграда.

Тогда же появилась и первая попытка источниковедческого исследования, в том числе классификации как делопроизводственных, так и личных документов, касающихся трудовой деятельности ленинградцев[3].

В 1969 г. активизировали работу многие Советы ветеранов, в том числе Дороги жизни. Это способствовало подготовке многочисленных сборников воспоминаний ветеранов войны – участников обороны Ленинграда. Выходят сборники воспоминаний и документов о работе водного и железнодорожного транспорта в грозный период[4]. Были изданы воспоминания о восстановлении

---

1 Оборона Ленинграда. 1941–1944. Вторая Мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах: Воспоминания и дневники участников / АН СССР. Ленинградское отделение Института истории. Пред. Маршала Советского Союза *М. В. Захарова.* – Л.: Наука, 1968.

2 *Дзенискевич А. Р.* Военная пятилетка рабочих Ленинграда. – Л.: Лениздат, 1972 ; *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1962 ; *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – М. –Л.: Наука, 1966.

3 *Аранова Л. И.* Трудовая деятельность ленинградцев в период блокады (1941–1943 гг.). Источники, их анализ и приемы издания. Автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 1965.

4 Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников в работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под ред. *В. В. Чубарова*, сост. *М. Д. Опендик*. – Л., 1970 ; Ладога родная. Восп. Ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. – Лениздат, 1969 ; На боевой вахте. Водники Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник воспоминаний и документов. – Л.: Лениздат, 1972.

Ленинграда, подготовленные В. А. Кутузовым и Э. Г. Левиной[1].

Показательно как в воспоминаниях журналиста П. И. Капицы, члена редколлегии журнала «Звезда» в период войны, все острые вопросы обходятся молчанием. Вскользь он описывает старческий облик ребенка – образ, ставший одним из центральных в мемуарной литературе последующего периода[2]. Удивительно честным звучал дневник Ольги Берггольц, изданный как книга очерков в 1975 г. «Дневные звезды» – метафорический образ из детства раскрывал душу поэта как телескоп-колодец, в котором можно увидеть сущность бытия[3].

К этому же периоду относятся публикации воспоминаний деятелей искусства, в том числе знаменитый сборник «Подвиг века» (автор-составитель Н. Паперная), сопровождаемый мемориальным списком погибших на Ленинградском фронте и в блокадном кольце художников[4].

Пробел, возникший после закрытия первого музея обороны Ленинграда в 1953 году, заполнил в 1950-х – 1980-х гг. музей истории Ленинграда (ныне Государственный музей истории Санкт-Петербурга). Именно Музей истории Ленинграда стал сценой возобновившегося в 1984 г. диалога между жительницами трех шотландских городов, прихожанками местной церкви, и Ленинграда. В 1985 г. в Шотландии и России прошли выставки двух альбомов, которыми обменялись в 1942–1943 гг. женщины-союзницы из Котбриджа, Эйрдри, Уирсайда и Ленинграда. История этих альбомов легла в основу книги Маргарет Хендерсон, взявшей на себя организацию акции дружбы в 1984–1985 гг. при поддержке Советско-Великобританского Общества и Шотландско-Советского Общества[5] .

В сентябре 1989 г. под давлением общественности был возрожден

---

1 Возрождение. Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда / сост. В. А. Кутузов, Э. Г. Левина. – Л.: Лениздат, 1977.

2 *Капица П. И.* В море погасли огни. Блокадные дневники. – Л.: Советский писатель, 1972.

3 *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. – М.: Современник, 1975.

4 Художники Города-Фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников. – Л., 1973 ; Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания. Дневники. Письма. Очерки / ред. Н. Паперная. – Л., 1969.

5 *Henderson M.* Dear allies. A story of women in Monklands and besieged Leningrad. – Coatbridge, Monklands dist. libr., 1988.

Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. В его экспозиции были представлены дети-дошкольники блокированного Ленинграда детскими игрушками, имевшими свою историю: плюшевый мишка, которого брала с собой девочка в бомбоубежище, игрушки поднятые со дна Ладоги[1] .

Среди крупных публикаций периода конца 1980-х – 1990-х гг.: «Память: Письма о войне и блокаде» и «Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе»[2]. Особое место занимает публикация первой части повести Л. Я. Гинзбург «Записки блокадного человека» в журнале «Нева» в 1984 г., охарактеризованная ею же как «промежуточная литература», включающая феномены автобиографического характера. Последовавшие за ней публикации включали фрагменты «Записных книжек»[3].

Можно также назвать получившие известность две публикации воспоминаний воспитателей дошкольных учреждений в 1994–2000 гг.: О. Н. Гречиной в том же литературном журнале «Нева» и Л. Антоновой, О. Орловой, Д. Шпринцин об эвакуации интерната детей Эрмитажа[4]. И те, и другие были написаны много лет назад и изданы спустя десятилетия. Интерес представляют публикации воспоминаний эвакуированных в Сибирь ленинградцев, детей блокады, Новосибирским отделением РАН, а также воспоминания д. м. н. С. В. Магаевой и художницы Е. О. Мартилла, которые содержат заметки о детях и воспитателях[5].

В литературно-художественной редакции вышли дневники драматурга Е. Л. Шварца (в приведенных тут же произведениях Е. Шварца военных лет имеются

---

1 *Шишкин А. А., Сергеева М. А.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда и его библиотека // Война и блокада Ленинграда в коллекциях музеев и библиотек. – СПб.: Борей арт, 2007. С. 35–41 ; *Сотчихин Д. Г.* Экспозиционно-выставочная работа в музее обороны Ленинграда // Там же. С. 42–49.

2 Память: Письма о войне и блокаде / *А. Варсобин, И. Лисочкин, Ю. Гальперин*. Вып. 2. – Л.: Лениздат. 1987 ; Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе / сост. З. Дибаров. – СПб.: Наука, 1996.

3 *Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. – Л.: Советский писатель, 1989.

4 *Гречина О. Н.* Погибельная зима (1941–1942). Спасаюсь, спасая // Нева. – 1994. – № 1. С. 211–282 ; *Ее же.* Сказка о гороховом дереве (1942–1944). Спасаюсь, спасая // Нева. – №2. С. 199–249 ; Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда / сост. *Л. Антонова, О. Орлова, Д. Шпринцин.*– Пермь, 2000.

5 900 блокадных дней: Сборник воспоминаний. – Новосибирск: ГП НТБ СО РАН, 2004 ; *Магаева С. В., Марттила Е. О.* Мученики ленинградской блокады. – М.: Сестр-во во имя препд. мчн. вел. кн. Елизаветы. 2006.

неточности, поэтому их стоит сравнивать с первоисточниками) [1].

Отдельно следует назвать несколько изданий дневников ленинградской интеллигенции, на которые широко опирается в своем фундаментальном труде Г. Л. Соболев, в том числе публикуя фрагменты из них[2].

Новейший период, 2010–2021 гг., представлен, прежде всего, нашумевшей публикацией блокадного дневника О. Ф. Берггольц, который разительно отличается от ранней литературной версии, известной под названием «Дневные звезды»[3]. Продолжают издаваться дневники ленинградской интеллигенции, в том числе из коллекции Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ)[4].

В последние годы частично были опубликованы дневники и воспоминания педагогов из коллекции Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», с попытками их интерпретации современными студентками педагогического колледжа[5].

Интерес представляет публикация в форме интервью воспоминаний ленинградских интеллигентов, переживших блокаду в детстве, среди которых известные историки блокады Г. Л. Соболев и А. Н. Цамутали[6].

Существование значительного количества «блокадной» мемуарной литературы требует выявления ее специфических внутренних особенностей.

---

1 *Шварц Е.* Бессмысленная радость бытия. Дневники и письма: Произведения 30-40-х гг. / Сост. М. О. Крыжановская, И. Л. Шершнева. – М.: Корона-Принт, 1999.

2 Человек в блокаде. Новые свидетельства / отв. ред. В. М. Ковальчук. – СПб., 2008 ; *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. Дневники 1941–1945 гг. – СПб., 2009 ; *Болдырев А. Н.* Осадная запись. (Блокадный дневник) / подг. к печ. В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. – СПб., 1998.

3 Ольга. Запретный дневник. – СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2010 ; *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. – М.: Современник, 1975.

4 Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014 ; Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / отв. сост. *И. А. Муравьева*. – СПб.: Лениздат, 2014 ; «…Сохрани мою печальную историю…». Блокадный дневник Лены Мухиной / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. – СПб.: Азбука, 2011.

5 Эта память – наша совесть…» / Сост. Е. Н. Дмитриева, Л. Л. Газиева ; ИППК-РГИ СПбГУ. – СПб.: Изд. Газиева Л., 2007 ; *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней / редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010 ; Мы храним бесценное наследство / авт.-сост. *Е. Н. Дмитриева.* СПб ГБПОУ «Педагогический колледж № 8». – СПб: Изд. Газиева Л., 2014.

6 Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект/ сост. Н.И. Богомазов, И. В. Петров, О. В. Пржигодзкая, Г. Л. Соболев, Е. А. Тарасова, М. В. Ходяков. – СПб.: Первый класс, 2019.

Методология изучения источников личного происхождения, отражающих события военного времени, стала самостоятельным предметом военной антропологии[1]. Анализируя дневники и воспоминания, исследователи выявили специфику этих источников как формы мифологизации исторической памяти[2], оказывающей безусловное влияние на современную историю и политику, в том числе через литературные произведения[3]. Особую нишу в историографии заняла также проблема «женщина на войне», разрабатываемая отечественными[4] и зарубежными[5] учеными с обязательным привлечением документов, авторство которых принадлежит женщинам. Интерес представляет статья С. В. Ярова «Лена Мухина на границах времен»[6].

Опыт изучения опубликованных произведений и неопубликованных рукописей, в том числе личного происхождения: дневники, записки, блокноты, одного автора свидетельствует о возможности анализировать их в сравнении, конструируя целостное пространство, помня о необходимости соблюдений этических правил и правовых норм. Одним из первых таких исследований можно назвать публикацию А. Зориным и П. ван Бискарк рукописей и опубликованных произведений из архива Л. Я. Гинзбург[7].

Еще одной попыткой реконструирования пространства осмысления блокадного и постблокадного опыта является книга о книге: подготовленная Н. Е.

---

1 Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н. *А. Араловец, Е. Н. Бикейкин, Н. Ф. Бугай, О. М. Вербицкая* и др. Отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. – М., 2010 ; *Сенявская Е. С.* История войн России XX века в человеческом измерении: Проблемы военно-исторической антропологии и психологии: Курс лекций. – М., 2012.

2 *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и идеологического противостояния // Отечественная история. – 2007. – № 2. С. 139–151; Там же. № 3. С. 107–121.

3 *Ellis F.* The Damned and the Dead. The Eastern Front through the Eyes of Soviet and Russian Novelists. – University press of Kansas, Lawrence. 2011; *Lovell S.* The Shadow of War. Russia and the USSR. 1941 to the present. – Wiley-Blackwell, USA. 2010.

4 *Волкова Е. Ю.* Победа одна на всех: роль женщин России в создании прочного тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг. / Ярославский гос. ун- им. П. Г. Демидова; Костромской гос. технол. ун-т. – Кострома, 2006 ; Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944: Сб. ст. – СПб., 2006.

5 *Kirschenbaum L.* The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995. Myth, memories, a. monuments. – Cambridge, 2006 ; *Simmons C.* Writing the siege of Leningrad. Women`s diaries, memoirs, a. doc. Prose / C. Simmons, N. Perlina. – Pittsburg, 2002 ; *Kazimera J.* Defending Leningrad. Women behind enemy lines. – Nepean, Canada, 1998.

6 «…Сохрани мою печальную историю…». Блокадный дневник Лены Мухиной …, 2011. С. 5–14.

7 *Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. – М.: Новое изд-во, 2011.

Соколовской подборка документов, раскрывающая «кухню» написания и издания «Блокадной Книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина[1].

В то же время, несмотря на внимание к блокадным мемуарам, дневникам, литературе: поэзии и прозе, даже к мемориалам и отдельным памятникам, журнальная и газетная проза военной поры остается недостаточно изученной.

Специфика блокадной публицистики как исторического источника.

В течение всей войны издавались значительными тиражами журналы Наркомата здравоохранения СССР и Наркомата просвещения РСФСР. Общий тираж периодических изданий Наркомпроса РСФСР составил в конце 1942 г. 70 000 экземпляров.

Можно проследить эволюцию характера освещения положения ленинградских детей и женщин в военный период. Так, в вышедших с июля 1941 по сентябрь 1942 г. в научно-методическом журнале Наркомпроса РСФСР «Дошкольное воспитание» статьях ленинградских педагогов, в том числе о работе эвакуированных учреждений, лишь косвенно упоминалось о тяжелом положении города[2]. В журнале систематически публиковались приказы об ежегодном награждении дошкольных педагогов Ленинграда, с предвоенного периода не выпускавших республиканское переходящее Красное знамя победителей социалистического соревнования[3].

---

1 «Люди хотят знать»: История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. – СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2021.

2 *Антонова М. Я.,* воспитатель дошкольного интерната № 23 Кировской обл. Воспитание детей в дошкольном интернате // Дошкольное воспитание. – 1942. – № 10. С. 35–41 ; *Авербух Д.,* воспитатель дошкольного интерната № 51 Кировской обл. Моя работа с эвакуированными детьми // Дошкольное воспитание. – 1941. – № 12. С. 16–18 ; *Голубева Н. М.* О работе в интернатных группах / Детский сад № 44 г. Ленинграда; при участии С. *Хинич,* методиста районного кабинета // Дошкольное воспитание. – 1941. – № 10. С. 39–42 ; *Головизнина А.* Детский сад при эвакопункте / Городской отдел народного образования, г. Киров // Дошкольное воспитание. – 1942. – № 3–4. С. 58 ; *Лепилов К. М.* Декоративная лепка (из опыта работы детсада № 3 Дзержинского р-на, детсада № 32 Свердловского р-на, детсада № 37 Выборгского р-на Ленинграда) // Дошкольное воспитание. – 1941. – № 11. С. 59–61 ; *Отс Л. И,* зав. детсадом № 7, г. Ленинграда. Детский сад в городе-фронте // Дошкольное воспитание. – 1942. – № 10. С. 25–28 ; *Пипунырова Н. И*. Наши друзья-бойцы / Н. И, Пипунырова, С. З. Шейнина ; Детсад № 3, г. Ленинград // Дошкольное воспитание. – 1942. – № 10. С. 28–31 [корреспондирует с дневниками Е. Л. Щукиной – *Прим. Л. Г.*] ; *Фукс М*. Игры с кубиками как одно из средств умственного воспитания ребенка / Детский сад № 46, г. Ленинград // Дошкольное воспитание. – 1942. – № 3–4. С. 21–28.

3 Приказ Наркома просвещения РСФСР № 345 от 18 марта 1941 г. «Об итогах соцсоревнования» // Дошкольное воспитание. – 1941. – № 5. С. 1–7 ; Приказ Наркома просвещения РСФСР № 1339-м от 12 ноября 1942. «О награждении по итогам соцсоревнования» // Дошкольное воспитание. – 1943. – № 1. С. 1–9 ; Приказ Наркома просвещения РСФСР № 303 от 6 ноября 1943. «Об итогах социалистического соревнования детских садов РСФСР»

Впервые трагическое положение ленинградских детей-дошкольников было описано без прикрас в ноябрьском и декабрьском номерах журнала «Дошкольное воспитание» 1942 года и в январском 1943 года, в статьях Евгении Федоровны Лавриковой, заведующей дошкольным сектором Ленгороно (1941–1943 гг.) и Леонида Евгеньевича Раскина, директора Ленинградского городского института усовершенствования учителей (ИУУ)[1].

Факты, приведенные в статьях, корреспондируют с рукописным дневником Елизаветы Леонидовны Щукиной, старшего инспектора Куйбышевского РОНО, 1944 года, а также книгой Александра Фадеева «Ленинград в дни блокады. Из дневника», подписанной в печать 1 сентября 1943 г. Фадеев указывает, что использовал выдержки из отчета Лидии Марковны Сержантовой, заведующей детским домом № 38 Куйбышевского района[2].

В сдвоенном номере журнала «Советская педагогика» (подписан в печать 2 декабря 1942 г.) была опубликована статья Л. Е. Раскина. Сдержанно описывая ситуацию, автор привел один из парадоксальных фактов: проведение детских Новогодних праздников в голодающем городе[3].

В январском номере за 1943 год «Советской педагогики» был напечатан один из первых и наиболее сильных рассказов о героизме и трагедии ленинградских учителей и школьников: дневник директора школы № 114 Выборгского района И. П. Кобыш[4]. Вслед за этим репрессии коснулись и школы № 114. Постановлением Исполкома Ленгорсовета от 25 января 1943 г. школа была объявлена отстающей из-за расхождения четвертных оценок и результатов городских контрольных работ[5].

// Дошкольное воспитание. – 1944. – № 1. С. 5–15.

1 *Лаврикова Е. Ф.* Детские сады города Ленина // Дошкольное воспитание. С. 34–38 ; *Раскин Л. Е.*. Год работы с дошкольниками в Ленинграде // Дошкольное воспитание. С. 16–26.

2 *Раскин Л. Е.* Там же ; *Фадеев А. А.* Ленинград в дни блокады … С. 50–59. А. Фадеев указывает на источник: дневник заведующей детдомом № 38. Об этом дневнике писала в своем отчете инспектор дошкольных учреждений Куйбышевского района г. Ленинграда Е. Л. Щукина (НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 10. (Щукина Е. Л. Очерки блокадных дней (Так мы жили). На опыте работы детских садов Куйбышевского района г. Ленинграда. Вторая тетрадь). Л. 114–318).

3 *Раскин Л. Е.,* директор ЛИУУ. Ленинградские школы в дни Отечественной войны // Советская педагогика. – 1942. – № 11–12. С. 21.

4 *Кобыш И. П.* Из дневника директора 114-й средней школы Выборгского района г. Ленинграда (1941–1942 учебный год). // Советская педагогика. – 1943. – № 1. С. 61.

5 Решение Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 25 января 1943 № 83, п. 1-з:

Недопустимость освещения трагедии ленинградских женщин и детей исходила из самых верхних эшелонов власти и была связана с цензурными запретами как военная тайна. Даже умеренные упоминания о подвиге ленинградских медиков и педагогов, жертвах среди детей подвергались репрессиям.

Так, в журнале «Педиатрия» за декабрь 1942 г. (подп. в печать в январе 1943 г.) появилась статья заместителя наркома здравоохранения СССР в области охраны материнства и детства М. Н. Казанцевой, в которой приводились факты бомбежек 13 родильных домов, гибели 9 человек детей из-за обстрела детского дома и яслей. Называлось общее число пострадавших от бомбежек яслей, домов малютки, консультаций, детских поликлиник: 52 с 5000 детей. Отмечался героизм воспитателей, благодаря которым удалось сохранить жизнь почти всем детям. Приводились примеры самоотверженности воспитателей яслей № 165 (зав. Галуткина) и яслей № 34 (зав. Чернова)[1]. В том же номере была размещена статья профессора А. Ф. Тура о методах лечения детской дистрофии (летом 1943 года была напечатана его же новая статья на эту тему, в связи с сохранившейся ее актуальностью)[2], а также помещен отчет о Всесоюзном совещании по детскому здравоохранению, которое состоялось 9–11 марта 1943 года. На совещании выступили профессор Ю. А. Менделева, директор Ленинградского педиатрического института, и профессор Г. Н. Сперанский, председатель общества детских врачей. Оба доклада были посвящены борьбе с детской дистрофией в условиях блокады и эвакуации[3].

Надо заметить, что эти выступления видимо были оценены как слишком

«О работе школ в 1-м полугодии 1942– 1943 учебного года» // Бюллетень Ленинградского городского совета ... – 1943. – № 3– 4 (535– 536). С. 2– 3.

1 *Казанцева М. Н.,* зам. Наркома здравоохранения СССР. 25 лет советского здравоохранения в области охраны материнства и детства // Педиатрия. – 1942. – № 6. С. 11–26. Подп. в печать 5 января 1943.

2 *Тур А. Ф.,* профессор кафедры госпитальной педиатрии (зав. – проф. А. Ф. Тур) Ленинградского педиатрического института (директор – Ю. А. Менделева). Основные принципы лечения алиментарных дистрофий (истощений) у детей // Педиатрия. – 1942. – № 6. С. 54–58 ; *Его же*. Пеллагра у детей // Педиатрия. – 1943. – № 3. С. 21–28. Подп. в печать 15 июня 1943.

3 *Хохол Е. Н.,* доц. Отчет о всесоюзном совещании по детскому здравоохранению. 9–11 марта 1943 // Там же. – 1943. – № 3. С. 61–71.

откровенные: журнал вышел уже после того, как М. Н. Казанцева была сменена на посту заместителя наркома М. Г. Ковригиной (октябрь 1942 г.)[1].

Постепенно характер публикаций изменился. В десятом номере журнала «Советская педагогика» за 1943 г. была опубликована статья К. В. Ползиковой, учителя истории, заведующей учебной работой ленинградской школы № 239, в которой описывалась работа старшеклассников в летнем сельскохозяйственном лагере. За основу статьи были взяты фрагменты двух редакций дневников К. В. Ползиковой-Рубец, хранящихся в ЦГАИПД СПб[2]. Редактирование принимало иногда курьезный характер, например: причинами выбытия школьников в декабре 1941 года были названы эвакуация и опасения простудиться[3].

Среди хранящихся рукописных материалов, переданных К. В. Ползиковой-Рубец, не только два варианта ее собственных дневников 1941–1942 гг. и 1947 г., дневники ее учеников, но стенная газета, вышедшая в мае 1943 г. к вечеру воспоминаний[4]. Интересен сам факт проведения такого «вечера воспоминаний» весной 1943 года. В своей статье автор указала на сбор мемуаров сотрудниками Института истории ВКП(б). В рукописном дневнике К. В. Ползиковой-Рубец военной поры есть вопрос, – «Стоит ли отдавать эти дневники в Институт истории партии?». Несмотря на стойкое умалчивание безусловно было известно о репрессиях авторов публикаций в декабре 1942 – январе 1943 г.

Публикации 1942–1943 гг., посвященные ленинградским детям, в журнале «Начальная школа» имели несколько иной характер, не излагая драматических фактов, они предлагали воспитывать детей на примерах патриотизма и героизма женщин-матерей, наряду с краснофлотцами[5].

---

1 *Волкова Е. Ю.* Победа одна на всех: роль женщин России в создании прочного тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Ярославский государственный университет им. Демидова П. Г., Костромской государственный технологический университет. – Кострома, 2006. С. 181.

2 ЦГА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 2076 (Плановая комиссия исполкома Ленгорсовета народных депутатов). Оп. 4. Д. 54. 212 л. (Отчет отдела народного образования Исполкома …).

3 *Ползикова К. В.* Одна из школ города-фронта // Советская педагогика. – 1943. – № 10. С. 50.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 343. (239 школа Октябрьского района г. Ленинграда в дни Отечественной войны / Воспоминания К. В. Рубец. 8 декабря 1947). 29 л. ; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 93. (К. В. Ползикова-Рубец. Заведующая учебной частью 239 школы. Дневник. 31 декабря 1941 – 31 декабря 1942). 80 л.

5 *Малофеев А. Г.* О некоторых вопросах воспитательной работы в школьных интернатах // Начальная школа. – 1942. – № 11–12. С. 11–16 ; Воспитывать детей на примере советских патриоток // Начальная школа. – 1943. – №

Все же сохранялся и полемический характер статей. В 1943 г. появляется в журнале «Дошкольное воспитание» статья А. М. Леушиной о борьбе с дистрофией и туберкулезом у ленинградских детей в 1941–1943 гг.[1]

Книги мастеров пера, даже получавших солидную официальную поддержку, как Н. С. Тихонов, выходившие в этот же период также несут отпечаток скрытого конфликта между деятелями культуры и руководителями обороны Ленинграда[2].

Своеобразно содержание отчета о Всероссийском совещании по народному образованию, проходившего в Москве 2–5 августа 1943 года, в котором указывалось: «У ленинградцев имеется не больше возможностей для осуществления всеобуча, чем у любой школы повсюду в стране»[3]. Здесь же отмечалась точность официальных данных о количестве ленинградских школьников: около 21 000 детей[4].

Анализ выпускаемого Обществом американо-советской дружбы бюллетеня позволяет заметить знакомство западных обозревателей с информацией официальных печатных органов Наркоматов просвещения и здравоохранения[5].

В ноябре 1942 г. советское правительство обратилось с запросом к американскому и английскому о возможности открытия в 1943 г. Второго фронта[6]. Появление в этот период публикаций на страницах научно-методических журналов секретной информации, подтверждающей тяжелое положение населения Ленинграда, могло рассматриваться как свидетельство наличия оппозиции существующему руководству, доказательство политического кризиса в стране.

Утечка информации происходила несмотря на наличие Указа Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время

2–3. С. 3.

1 *Леушина А. М.,* к. п. н. Борьба за здоровье детей в городе-фронте // Дошкольное воспитание. – 1943. – № 11–12. С. 2–4.

2 *Тихонов Н. С.* Героическая защита Ленинграда. – М.: Огиз, Госполитиздат, 1943. С. 21. Подп. к печати 14 июня 1943. Тираж 100 000 экз.

3 Всероссийское совещание по народному образованию 2–5 августа в Москве // Начальная школа. – 1943. – № 10. С. 2.

4 О работе школ в 1-м полугодии 1942–1943 учебного года // Бюллетень Ленинградского городского совета .... – 1943. – № 3– 4 (535–536). 28 февраля. С. 2–3.

5 *Maurer R.* Child Care in the Soviet Union. …

6 *Уткин А. И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. С. 292.

ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»[1]. 18 ноября 1943 г., с некоторым запозданием, появился Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»[2]. Вслед за ним прокатилась волна репрессий, коснувшаяся руководителей, допустивших утечку информации.

В то же время в публикациях центральной прессы сохранялся скрытый протест замалчиванию стоицизма ленинградцев, который в 1945 г. выражался, главным образом в выражении гордости и уважения к подвигу ленинградцев[3].

Таким образом, несмотря на значительную работу, проделанную историками по выявлению и публикации документов, касающихся истории II Мировой войны, Великой Отечественной войны, блокады Ленинграда и положения гражданского населения в блокаде, остаются значительные лакуны.

1.2.2. Неопубликованные источники.

Делопроизводственные документы, касающиеся положения гражданского населения Ленинграда в целом. Первая группа документов включает в себя документы из коллекции Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ): Фонд 558 «Личный фонд Сталина Иосифа Виссарионовича. 21. XII. 1879 – 5. III. 1953» и Фонд 644 «Государственный Комитет обороны». Частично эти документы были опубликованы, в том числе в электронном виде.

В то же время среди неопубликованных документов имеются содержащие неизвестные факты по обороне Ленинграда, например, справки П. Ф. Жигарева и Н. Н. Воронова по наличию самолетов и артиллерии под Ленинградом в августе 1941 г., или переписка И. В. Сталина и А. А. Жданова.

Вторая группа документов включает в себя документы из коллекции

---

1 Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения (Указ от 6 июля 1941 г.) // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 247.

2 Бюллетень Ленинградского городского совета… – 1943. – № 22 (554). С. 1.

3 *Залогина В. П.* Воспитание дружного коллектива // Дошкольное воспитание. – 1945. – № 2–3. С. 6–7.

Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ). Это фонды Правительства СССР и важнейших комиссий при правительстве: СНК СССР (Ф. Р-5446), Совет по эвакуации (Ф. Р-6822), Наркомат здравоохранения СССР (Р-8009), Главное Управление по охране государственных тайн в печати (Ф. Р-9425), Главное Управление Трудовых резервов (Ф. Р-9507). Особенно хочется обратить внимание на документы Совета по эвакуации, в том числе протоколы его заседаний, которые, наконец-то, позволили ответить на ряд существенных вопросов по организации эвакуации летом 1941 г. Далее документы Правительства РСФСР (Ф. А-259), а также Наркомата Просвещения РСФСР (Ф. А-2306) и Переселенческой комиссии (Ф. А-327), которая была преемственна Совету по эвакуации в 1942 г. Данные документы практически остались неизвестны петербургским исследователям, за редким исключением. Многие из них были рассекречены в 2010–2013 гг.

Третья группа документов представляет коллекцию Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Некоторые из этих документов были частично изучены нашими предшественниками и даже опубликованы, иногда фрагментарно. Другие оставались долгое время неизвестными. В то же время их глубокое исследование позволяет восполнить некоторые существующие лагуны в источниковой базе истории блокады. Это фонды Ленгорисполкома и его комиссий (Плановой, эвакуационной, по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков): Ф. Р-7384, Р-330, Р-2076. Далее отделы Ленгороно (Ф. Р-5039), Ленгорздравотдел (Ф. Р-9156). Важное значение имеет Научно-методическое бюро санитарной статистики ЛГЗО (Ф. Р-9713). Частично изучены, но мало использованы фонды Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), Уполномоченных Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) по Ленинграду и Ленинградской области (Ф. Р-9023) и Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области (Ф. Р-9324). Наибольший интерес представляют документы Секретной части Ленгорисполкома (Опись 3с),

рассекреченные в 2013 г. Некоторые из них позволяют наконец раскрыть ряд вопросов, которые прежде имели лишь гипотетический ответ.

Четвертая группа: коллекция Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), которая представляет обширную базу данного исследования. Это, прежде всего, документы Обкома ВКП(б), Ф. 24, и Горкома ВКП(б), Ф. 25. Наибольший интерес представляют документы из описи 2с, Секретная часть Обкома ВКП(б), частично рассекреченной в 2013 г. Далее это документы Обкома и Горкома ВЛКСМ (Ф. 598-к), а также райкомов ВЛКСМ Дзержинского и Петроградского районов (Ф. 2-к и Ф. 9-к). Особый интерес представляют протоколы собраний первичных партийных организаций (п/о), а также отчеты партийных организаций. Базу исследования представляют документы первичных партийных организаций педиатрического института (Ф. 54), 1 Ленинградского медицинского института (Ф. 257), Ленгороно (Ф. 285), городского управления Трудовых резервов (Ф. 671), областного управления Трудовых резервов (Ф. 1627), Отдела народного образования Леноблисполкома (Ф. 827), городского Института усовершенствования учителей (Ф. 937), Ленгорздравотдела (Ф. 1538). Кроме того, протоколы собраний п/о аппарата Ленгорисполкома (Ф. 2238) и Леноблисполкома (Ф. 2862). А также протоколы заседаний политотделов Октябрьской железной дороги (Ф. 2398) и Ленинградской железной дороги (Ф. 2408). Данные документы, хотя и относятся по характеру к делопроизводственным, однако позволяют реконструировать коммуникативные отношения внутри конкретных социальных групп, деятельность которых была направлена на спасение гражданского населения[1].

Особое место занимают документы Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б), Фонд 4000, освещающие деятельность продовольственной комиссии Ленинградского фронта, опись 20.

---

1 *Газиева Л. Л.* Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70) [Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1] (дата публикации: 13.09.2018). DOI: 10.18254/S0002245-8-1.

Совокупность этих документов позволяет составить более полное представление об усилиях, предпринимаемых органами Советской власти союзного, республиканского и местного значения по организации спасения ленинградского населения. В то же время они позволяют выявить имевшие место просчеты и ошибки в организации спасения гражданского населения мегаполиса, дать им объективную оценку[1].

На момент публикации все использованные документы имеют гриф рассекречено.

Собрания документов, касающиеся блокадного детства. Можно выделить несколько комплексов документов, хранящихся в центральных и региональных архивах, а также в музеях Санкт-Петербурга

К первой группе относятся делопроизводственные документы, содержащие статистические данные о динамике численности детского населения Ленинграда в 1941–1944 гг.[2].

В источниковедческом отношении это делопроизводственные материалы центральных государственных учреждений, местных советских и партийных органов и организаций. Рассмотрим их более подробно в порядке значимости, предварительно сгруппировав по принадлежности к определенным государственным и общественным структурам. В первую очередь упомянем статистические отчеты отделов образования (Ленгороно) и здравоохранения (Ленгорздрав) Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся, сдававшиеся в его плановый отдел, а также отчеты автотранспортного управления (Атула) и планового отдела Октябрьской железной дороги[3]. Они были засекречены, что отражено в формуляре документов: обязательно имелся штамп с указанием секретной части планового отдела и входящего номера, фамилии составителя

1 *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Беспримерный подвиг Ленинграда // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов; Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2004. С. 27–50.

2 *Газиева Л. Л.* Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в документах органов государственной власти и управления // Отечественные архивы. – 2013. – № 3. С. 33–40.

3 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. 215 л.

отчета и сопроводительной записки. Отчеты Ленгороно содержат статистические данные об эвакуации контингента детских учреждений (детсадов, детдомов, школ, спецшкол)[1], материалы Ленгорздрава – сведения о работе детских яслей за 1941–1943 гг.[2], а Октябрьской железной дороги и Атула – о количестве вывезенных соответствующими транспортными средствами, а также реэвакуированных детей и сопровождавших их взрослых за тот же период[3]. Во всех этих документах встречаются многочисленные поправки, помарки и вычеркивания фамилий составителей, поэтому их сведения нуждаются в проверке.

Названную подгруппу документов дополняют статистические отчеты, создававшиеся планово-финансовыми секторами отделов Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся, для отделов статистики планово-финансовых управлений вышестоящих наркоматов. Так, ежегодная статистика, представляемая планфинсектором отдела здравоохранения Ленгорисполкома в Наркомздрав СССР, отражает динамику численности контингента детских яслей и роддомов[4], а поквартальная статистика отдела образования Ленгорисполкома в Наркомпрос РСФСР – ситуацию в детских учреждениях (детсадах, детдомах, школах, включая больничные) и с патронажем сирот за 1941–1944 гг., в том числе в связи с эвакуацией[5]. Необходимо отметить, что отчеты об изменениях контингента школ составлялись за 1942–1943 уч. г. с дополнениями за ноябрь – декабрь 1942 г., март – июль 1943 г. в основном в табличной форме, в них крайне редки исправления. При всех различиях числовых показателей документы обеих подгрупп близки по происхождению, что подтверждает подпись одного и того же ответственного лица на представленных планово-финансовым сектором Ленгорздрава в плановый отдел

1 Там же. Л. 167–215 об.

2 Там же. Л. 14–38, 109–121, 122–143.

3 Там же. Л. 100–108, 148–162.

4 ГА РФ (Государственный архив РФ). Ф. Р-8009 (Народный комиссариат здравоохранения СССР). Оп. 6. Д. 633. Л. 9 ; Д. 804. Л. 4 об ; Д. 962. Л. 5 об, 6 ; Д. 1115. Л. 5 об, 6.

5 ЦГА СПб. Ф. 5039 (Ленинградский городской отдел народного образования). Оп. 3. Д. 568 (Статистические отчеты о школах за 1942–1943 уч. год). 19 л. ; Д. 569 (Статистические отчеты об итогах приема в школу за 1942–1943 уч. год). 23 л. ; Д. 570 (Статистический отчет по детским домам на 1 января 1943. Подписано 22 апреля 1943). 1 л. ; Д. 571 (Статистический отчет о детских садах и о патронированных детях за 1942. На 6 апреля 1943). 3 л. ; Д. 601 (Статистические отчеты по начальным, неполным средним, средним школам на 1943–1944 уч. год). 16 л. ; Д. 602 (Статистическая сводка по детским домам на 1 января 1944. Подписано 23 февраля 1944). 1 л.

Ленгорисполкома и Наркомат здравоохранения СССР статистических отчетах. Они нуждаются в сравнительном анализе и уточнении.

Третью подгруппу образуют финансовые документы Ленгороно (балансы, сметы, планы счетов), содержащие сведения о движении денежных средств, выделенных на эвакуацию детских учреждений[1]. Они строго формализованы в соответствии с требованиями бухгалтерской отчетности. Содержащиеся в финансовых документах данные позволяют верифицировать статистическую отчетность посредством корреляции с теми или иными финансовыми потоками, и тем самым выявить факторы внутренней, в том числе скрытой, динамики этих компонентов. Помимо отчетной финансовой документации, в документах Ленгороно встречаются примерные балансы и сметы отдельных детских учреждений (детсадов, детдомов, военных спецшкол)[2]. Анализ таких балансов свидетельствует о проблемах и трудностях организации финансирования эвакуации детских учреждений в период блокады в связи с динамикой численности их контингента, а также говорит о необходимости дополнительно верифицировать данные.

Подгруппа контрольной и отчетной документации Наркомата здравоохранения СССР и Наркомата просвещения РСФСР включает в себя, прежде всего, отчетные сводки Управления лечебно-профилактической помощи детям Наркомздрава, содержащие лишь фрагментарные сведения о ленинградских детях. Однако эти данные представляют интерес, поскольку позволяют уточнить показатели Ленгорздрава, а также позволяют сравнить их с другими, в целом по стране.

Для анализа статистических данных важно иметь в виду, что отчеты наркоматов составлялись на основе записок, справок и отчетов по результатам единовременных проверок уполномоченных СНК СССР, а также инспекторов

---

1 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 545. (Сводный финансовый отчет Ленгороно. Об исполнении сметы по внебюджетным централизованным учреждениям за 1941 г.) 5 л.; Д. 557. 19 л.

2 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 546. 6 л.; Д. 556. 33 л.

Ленгорисполкома и облисполкомов органов власти по месту эвакуации детских учреждений. Как правило, это были частично формализованные сообщения с многочисленными статистическими приложениями в виде аналитических таблиц за период 1943–1944 гг., когда подобным образом осуществлялся контроль за состоянием эвакуированных детских учреждений разного ведомственного подчинения на территории как РСФСР, так и СССР. Подобная документация в большом количестве сосредоточена в фондах Наркомздрава СССР и Наркомпроса РСФСР и характеризует контингент ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях, условия их жизни, нормы снабжения, динамику численности, заболеваемости, смертности[1]. Имеющиеся сведения целесообразно сравнить с отчетами уполномоченных Ленгорисполкома о нахождении детей в эвакуации в Свердловской и Горьковской областях[2] за тот же период, а также дополнить информацией из опубликованных документов Омского окружного отдела народного образования (окроно). Последние детализируют условия и результаты вывоза детей в Сибирь[3].

Сходную по видовому составу с предыдущей подгруппу образуют документы Городской эвакуационной комиссии (ГЭК) Ленгорисполкома и Главного управления трудовых резервов (ГУ ТР) при СНК СССР. Ежедневные сводки комиссии отражают динамику эвакуации населения из Ленинграда по Ладожской дороге жизни с 27 мая по 10 декабря 1942 г., а также суммарную численность проехавших по ней к концу отчетного периода, а итоговые сводки – число выехавших за период с 8 июля по 10 ноября 1942 г. и с 27 мая по 22 сентября 1942

---

1 ГА РФ. Ф. А-2306 (Народный комиссариат просвещения РСФСР). Оп. 69. Д. 2963 (Докладные записки и ходатайства НКП в СНК СССР о состоянии эвакуированных детских учреждений, об улучшении материально-бытового положения работников просвещения и по др. вопросам. 5 января – 12 июня 1943 г.). 40 л. ; Д. 3004. (Докладные записки и справки НКП РСФСР в СНК РСФСР о состоянии детских домов в республике с приложением материалов). 88 л. ; Д. 3005. (Докладные записки и ходатайства НКП РСФСР в СНК РСФСР о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, и о работе детских домов. 9 апреля – 21 июня 1943 г.). 49 л. ; Ф. Р-8009. Оп. 21. Д. 61. (Материалы по эвакуированным детским учреждениям). 125 л.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384 (Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся). Оп. 17. Д. 983 (2 сентября 1943 – 31 декабря 1944. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 51–60, 68–69, 82.

3 Заявка Нарымского окроно Агентству госпароходства о перевозе эвакуируемого ленинградского детсада от 2 октября 1942 г. // Во имя Победы… С. 96 ; Из справки бригады НКП, НКЗ, НКТ РСФСР СНК РСФСР о состоянии детучреждений, эвакуированных в Омскую область от 5 августа 1942 г. // Там же. С. 80–88.

г. тоже с нарастающим итогом[1]. На их основе была подготовлена справка, распространенная отделом пропаганды горкома ВКП (б) в качестве официальной информации об эвакуации из Ленинграда населения[2].

Сравнительный анализ сводок и справки позволяет выявить механизм искажения статистических данных о численности эвакуированных детей и подростков. Он заключается в том, что сводки имеют исправления, в них субъективно отражен контингент целого ряда важных страт (детских домов, ремесленных училищ), а также имеются их смещения, при которых количественные показатели одной страты переходят в показатели другой. Вместе с тем скрупулезное сопоставление числовых показателей всех сводок позволяет соотнести качественные и количественные характеристики потоков эвакуируемого детского населения.

Сравнение данных ГЭК и статистических отчетов, справок, докладных записок ГУ ТР, в которых есть сведения об эвакуации контингента ремесленных училищ, школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) за 1941–1945 гг. по Ленинграду и Ленинградской области, позволяет уточнить количество потерь среди эвакуируемых подростков[3].

В отчетных документах, представленных в Ленинградский горком ВКП (б), а оттуда – в ЦК ВКП (б), сохранились данные о контингенте детских учреждений в Ленинграде в 1943–1944 гг., а также в период летней оздоровительной работы. Эти количественные показатели близки к числовым значениям, позднее вошедшим во все официальные отчеты и сводки[4].

---

1 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 91. 12 л.; Д. 93. 89 л. ; Д. 174. 15 л.

2 ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка по эвакуации населения из г. Ленинграда за пер. с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943). 6 л.

3 ГА РФ. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР). Оп. 1 (Главное управление трудовых резервов). Д. 199. (Материалы по эвакуации РУ, ЖУ и школ ФЗО г. Ленинграда и Ленинградской области. Справки, докладные записки. 20 августа 1941 – 26 мая 1942). 104 л. ; Д. 201. (Справки по размещению эвакуированных РУ, ЖУ и школ ФЗО. 17 ноября 1941 – 31 декабря 1942). 43 л. ; Д. 213. (Справки о передаче учащихся школ ФЗО на предприятия. Выпуски декабря 1941, июня, июля и декабря 1942, января 1943). 40 л. ; Д. 217. (Отчет о выполнении плана направления в промышленность молодых рабочих, окончивших РУ, ЖУ и школы ФЗО за 1941–1945 гг. Т. 1). 74 л. ; Д. 218. (Отчет о выполнении плана направления в промышленность молодых рабочих, окончивших РУ, ЖУ и школы ФЗО за 1941–1945 гг. Т. 2). 61 л.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. 25 (Ленинградский горком ВКП (б)). Оп. 11 (Отдел школ). Д. 260. Л. 17; Д. 284. Л. 52 ; Ф. 285 (Первичная партийная организация Ленгороно.). Оп. 2. Д. 11. (Отчеты. Начато 1 января 1943 – окончено 1 декабря

В протоколах закрытых собраний и бюро первичной партийной организации Ленгороно зафиксировано неоднократное обсуждение вопросов организации эвакуации детей, их заболеваемости[1]. Документы подписывались председателем собрания или секретарем партбюро, а отчеты о заседаниях передавались на контроль в Куйбышевский райком ВКП (б). В 1943 г. в парторганизации Ленгороно провели ряд проверок, выявивших нарушения в хранении секретной информации, по их результатам были приняты репрессивные меры к руководителям.

В тексте протоколов и отчетов имеется множество исправлений, сделанных авторами и получателями[2]. При анализе манипуляций с цифровыми данными об эвакуации детей видна скрытая полемика, носившая конфликтный характер. Он объяснялся как репрессивным характером партийного контроля, так и приближенностью партийных заседаний к производственным совещаниям. Тем не менее содержащийся в протоколах статистический материал затем вошел в официальные отчеты Ленгороно.

Расхождения в численности эвакуированных в первичных и окончательных документах незначительны, но они позволяют увидеть механизм появления искажений. В документах имеются неряшливые исправления, сделанные чернилами поверх основного машинописного текста, и дополнения карандашом[3].

Таким образом, анализ документов советских и партийных органов подтверждает, что, в силу специфики распределения функций между ними, статистическая информация подвергалась корректировке под влиянием контрольно-репрессивной функции партийной организации и проверяющих ее учреждений. Зачастую эти документы являлись первичным источником искажения информации.

Отчетно-статистическая и планово-финансовая документация секторов и отделов Ленгорисполкома, несмотря на видимую точность сведений (благодаря

1943). Л. 17–19.

1 Там же. Д. 7. Л. 1–36 ; Д. 9. Л. 2 ; Д. 10. Л. 30–36 ; Д. 11. Л. 17–19 об.

2 Там же. Д. 9. (Протоколы партсобраний. 12 января – 21 декабря 1943). Л. 2.

3 Там же. Л. 22, 25 об.

регулярным проверкам), тоже имеет искажения.

Специфические особенности формирования статистических показателей в партийной документации позволяют сравнить данные партийных и иных документов и установить ментальный фактор их расхождений.

Необходимо заметить, что верификация данных может быть осуществлена на основе максимально полного изучения источниковой базы. Таким образом, возникла необходимость приобщить к исследованию рассекреченные документы Секретной части Ленгорисполкома, которые позволили завершить исследование, подтвердив выводы, полученные ранее[1].

Источники личного происхождения.

Борьбы за спасение гражданского населения Ленинграда, в том числе женщин и детей, касаются документы личного происхождения 1941–1945 гг. из нескольких петербургских собраний: Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (РО РНБ) и Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ), Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа № 8 г. Санкт-Петербурга (НМПК).

Однако, несмотря на серьезное внимание к истории блокадного Ленинграда в документах личного происхождения, в том числе женского, зарубежных и отечественных исследователей, многие аспекты остались вне поля зрения историков. В том числе неизученными остались уникальные дневники, записные книжки, стенограммы свидетельств женщин-педагогов блокадного Ленинграда, записанные в 1941–1944 гг.[2] Таким образом, целесообразно заполнить эту лакуну.

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 93–108.

2 Они мало известны исследователям за исключением дневников К. В. Ползиковой-Рубец (*Ползикова-Рубец К. В.* Они учились в Ленинграде: Дневник учительницы. – М; Л., 1948), и мемуаров М. М. Шарый («Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись воспоминаний директора детского дома № 51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. / Публ. Л. Л. Газиевой // Отечественные архивы. – 2013. – № 5. С. 87–113). А также из собрания педколледжа №8 (*Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней. – СПб., 2010). Кроме того, фрагменты

В этой группе источников можно выделить дневники и ежедневные записи, записные книжки, годовые отчеты и планы-учеты, стенограммы воспоминаний и переписку педагогов. Они взаимно дополняют друг друга, поскольку сведения одних документов использовались при составлении других. Так, дневники зачастую писались на основе записных книжек, а затем использовались при составлении отчетов. Дневники очевидцев событий имеют личный, как например ежедневники заведующей учебной частью школы № 239, учительницы истории К. В. Ползиковой-Рубец[1], или служебный, как планы-учеты воспитателей детских дошкольных учреждений[2], их записи наблюдений за природой[3]. Встречаются смешанные формы документов служебно-личного характера с записями, принадлежащими множеству авторов[4]. Но большинство дневников педагогов обобщает записанные «по свежим следам» события. Они создавались в 1941–1945 гг., по более ранним записям и журналам.

В коллекции ЦГАИПД СПб (Фонд 4000) насчитывается свыше 69 дневников и стенограмм воспоминаний участниц спасения детей.

Во-первых, это стенограммы сообщений 1941–1946 гг., составленные сотрудниками института истории партии, оригинальные машинописные тексты, датированные и авторизованные. Среди них пять стенограмм о состоянии дошкольных учреждений, записанных в октябре 1943 г., декабре 1944 г., феврале 1945 г., в том числе принадлежащая Л. Е. Раскину[5].

некоторых рукописей были опубликованы (Эта память – наша совесть… / сост. *Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева*; РГИ СПбГУ, ГММОБЛ. СПб., 2007).

1 ЦГАИПД. Ф. 4000 (Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС, филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Оп. 10. Д. 343. 29 л.; Оп. 11. Д. 93 (Воспоминания К. В. Ползиковой-Рубец, зав. учеб. ч. средней шк. № 239. 31/XII 1941 – 31/ XII 1942 г.). 79 л.

2 НМПК (Народный музей педагогического колледжа). Ф. БВ (Блокадные воспитатели). Д. 40 (План-учет на июль 1943 г., мл. группа, д/с № 38. Воспитатели: Т. М. Пятницкая, Д. А. Горбунова). 12 л.; Д. 10 (Гречина О. Н. План и учет на сентябрь 1943 г.). 4 л.

3 Там же. Д. 22 (1) (Никольская Е. А. Дневник наблюдений за огородом. 1943 г.). 4 л.

4 Например, Книга жалоб и предложений Смольного стационара, которую по типу записей можно отнести к дневникам (ГММОБЛ. Фонд рукописно-документальный. Д. 38 (Дело о стационаре санчасти Смольного. 3/III.1942 – 5/VIII 1943 г.). 95 л.). Она иллюстрирует формат коллективной записи впечатлений. Такой формат может создаваться искусственно, как при публикации дневника К. В. Ползиковой-Рубец: внутри него помещен дневник ученицы В. Петерсон. (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 86 (Валя Петерсон, ученица 7-го кл. 239-й шк. Дневник. 9/X 1941 – 6/I 1942 г.). 8 л. ; Там же. Оп. 10. Д. 345 (Вечер воспоминаний учащихся 239-й шк. Октябрьского р-на г. Ленинграда накануне 1 мая 1943 г.). 37 л.).

5 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 349; 350 (Стенограмма сообщения директора и воспитателя детдома № 25

Стенограммы подкреплялись дневниками, стенгазетами и другими рукописями, освещавшими трагические события и преступления фашистов. Некоторые записи были изданы в 1947–1954 гг., но подверглись жесткой цензуре и значительному литературному редактированию[1]. Порой воспоминания, дневники, статьи, подготовленные к публикации, превращались в повод для начала инспекционных проверок и репрессий[2].

Во-вторых, это подлинные рукописи 1941–1944 гг., время создания которых и авторы известны. Например, Н. Г. Горбунова, заведующая детдомом, в своем дневнике, который она вела с 22 июня 1941 г. по 11 мая 1943 г., ярко описала бомбежки при реэвакуации детей в Ленинград летом 1941 г.[3]

В целом данные документы целесообразно изучать в совокупности с делопроизводственными и другими источниками.

Крупная коллекция личных документов педагогов осела в общественных музеях. С конца 1960-х до конца 1980-х гг. развернулось массовое патриотическое движение юношества, создавались общественные музеи при активном участии ветеранов обороны Ленинград[4]. Важное место в исторической памяти народа отводилось духовной стойкости ленинградцев, а также борьбе за жизнь детей-дошкольников. Ветеранами передавались реликвии, писались многочисленные воспоминания, в том числе педиатрами и педагогами дошкольного воспитания – о положении детей в блокированном Ленинграде. В большинстве своем эти мемуары не публиковались, но оседали в музеях.

Такова судьба рукописи старшего инспектора по дошкольному воспитанию

Приморского района М. К. Ивановой и Е. Г. Бронниковой. 25/X 1943 г.). 17 л. ; Д. 768 (Стенограмма сообщения С. Д. Горовой – инспектора охраны детства Свердловского роно. 8/ II 1945 г.). 11 л. ; Д. 784 (Стенограмма сообщения Н. Д. Шимановской – зав. детсадом № 2 Ленинградской им. Урицкого табачной фабрики. 29/XII 1944 г.). 42 л. ; Д. 1382 (Стенограмма собеседования директора ИУУ Л. Е. Раскина 12/IV 1946 г.). 38 л.; Д. 1393 (Стенограмма собеседования М. М. Шарый, директора детдома № 51 Выборгского р-на). 34 л.

1 Ленинградцы в дни блокады: Сб. / Сост.: Э. Корольчук, А. Волкова. – Л., 1947 ; *Августынюк А.* В огненном кольце. – Л., 1948 ; *Ползикова-Рубец К. В.* Они учились в Ленинграде: Дневник учительницы. – М.-Л., 1948.

2 *Раскин Л. Е.* Год работы с дошкольниками в Ленинграде // Дошкольное воспитание. С. 18–19.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 26 (Н. Г. Горбунова, зав. детдомом № 58 г. Ленинград. Дневник. 22/VI 1941 – 11/V 1943 г.). Л. 4 об, 5.

4 *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб.: Эго, 2002. О работе Ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ в данном направлении.

Куйбышевского района г. Ленинграда Е. Л. Щукиной «Очерки блокадных дней» (1964), подготовленной к печати и положительно отрецензированной В. Инбер[1]. Рукопись стала одним из первых экспонатов Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» в 1972 году. В его создании принимали участие многие выдающиеся деятели ленинградской культуры: педагоги, как д. п. н. А. А. Люблинская, д. п. н. А. И. Сорокина, Е. Л. Щукина, заслуженные учителя РСФСР А. В. Сергеева, Л. Б. Береговая; поэты, музыканты. Следует с глубокой благодарностью отметить выдающийся просветительский вклад двух педагогов: Л. Б. Береговой и Е. Н. Дмитриевой, в течение 36 лет возглавлявших деятельность студентов по сбору, созданию и сохранению уникальной коллекции Народного музея, организовавших в нем своеобразное живое пространство исторической памяти[2].

Ныне в коллекции 10 фондов, причем только фонд «Блокадные воспитатели» включает 245 личных дел педагогов дошкольных учреждений блокированного Ленинграда. Наиболее активно музей пополнялся в 1972–1986 гг., когда в данный фонд вошли 998 документов, среди которых 211 воспоминаний и дневников за 1941–1986 гг.; 86 интервью, взятых у воспитателей учащимися колледжа в 1979–1986 гг.; 33 – исторических нарратива (статьи, доклады, сообщения, сделанные в 1942–1982 гг.); 435 фотографий воспитателей (индивидуальных и групповых, в том числе вместе с детьми) за 1930–1986 гг. Имеются рукописи исторических записок, написанных в 1946–1986 гг. заведующими детских садов В. В. Бурлуцкой, А. А. Люблинской, Н. М. Любович, М. Н. Николаевой, З. Е. Флоренской, Е. Л. Щукиной и др. Среди авторов воспоминаний – ученые, выдающиеся педагоги, д-ра пед. наук,

---

1 *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней. 24/Х 1964 // НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 1. № 4. 60 л. Рукопись, оригинал ; Инбер В. Рецензия на "Очерки блокадных дней" // НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 1. № 3. 5 л. ; Колесников А. Рецензия на Очерки блокадных дней Е. Л. Щукиной. 1.5.67, рукопись // НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 10. № 195. Л. 1 ; *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней / Редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010.

2 Влияние на развитие музея продолжают оказывать психолого-педагогические установки на воспитание милосердия Л. Б. Береговой. О «милосердии» как способе актуализировать историческую память (*Береговая Л., Колобаева А.* Воспитываем патриотов // Дошкольное воспитание. – 1987. – № 2. С. 47 ; ср. *Колосова Е. М., Свиридова И. А., Федорова Н. М.* Вузовский музей как компонент образовательной среды педагогического университета. – СПб.: Астерион, 2007).

проф. Е. А. Гребенщикова, А. А. Люблинская, А. И. Сорокина.

С краткой характеристикой данной коллекции можно познакомиться по ряду публикаций[1]. Однако, большая часть коллекции не опубликована.

Один из базовых в коллекции народного музея – Фонд Е. Л. Щукиной, включающий записные книжки 1942–1943 гг., дневники 1944 г., начатая 24 октября 1964 г. рукопись книги «Очерки блокадных дней»[2], а также методические материалы, рисунки, фотографии, иллюстрирующие содержание дневников, грамоты, дипломы, наградные листы. Документы хорошо сохранились, легко датируются и идентифицируются.

В июне 1941 г. Е. Л. Щукина заведовала методкабинетом Куйбышевского района, а в сентябре стала единственным старшим инспектором Куйбышевского районного отдела народного образования (Роно). Весь период блокады она вела методическую работу под руководством Е. О. Зейлигер-Рубинштейн, изложившей принципы ведения дневников наблюдений еще перед войной[3].

Дневники Елизаветы Леонидовны опираются на записные книжки, которые велись ею в 1942–1943 гг., а также дневники наблюдений воспитателей, отчеты заведующих детскими садами, детские рисунки. Вместе с тем сопоставление этих источников вскрывает их принципиальные отличия, ведь дневник был начат 6 декабря 1944 г., то есть спустя год после снятия блокады. Дневниковые записи носят обобщающий характер, а по структуре и содержанию сходны с журналом Наркомпроса РСФСР «Дошкольное воспитание» и другими публикациями этого периода. Так, вторая глава дневника «Условия жизни детских садов в I период войны» начинается с описания выезда детского сада № 38 с дачи (эпизод

---

1 Мы храним бесценное наследство / авт.-сост. *Е. Н. Дмитриева*. СПб ГБПОУ «Педагогический колледж №8». – СПб: Изд. Газиева Л., 2014 ; *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней / редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010 ; Эта память – наша совесть… / сост. *Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева* …, 2007.

2 НМПК. Ф. Щ (Щукина). Оп. 2. Д. 8 (Дневник. Записная книжка. Первая тетрадь, начат 1 октября 1942 г.) Л. 50; Д. 9 (Дневник. Записная книжка. Вторая тетрадь, 1943 г.). 65 л. ; Д. 10 (Записная книжка. Дневник. 1942–1943 гг.) Л. 45; Д. 1 (Очерки блокадных дней. 24/X 1964 г.). 60 л. ; Д. 10 (Очерки блокадных дней. Так мы жили. 6/XII 1944). Первая тетрадь. 132 л. ; Вторая тетрадь. 178 л.

3 *Зейлигер-Рубинштейн Е. О.* К вопросу о собирании и изучении опыта школы // Ученые записки ЛГПИ. Вопросы педагогики / Отв. ред. проф. Е. Я. Голант. – Л., 1941. – Т. XL. С. 106–140.

заимствован из отчета заведующей Л. М. Сержантовой), которое напрямую соотносится с отрывком, приведенным в статье директора Института усовершенствования учителей Л. Е. Раскина[1]. Многочисленные совпадения обнаруживаются также при сравнении текста дневника с отрывком из отчета Л. М. Сержантовой, приведенным А. А. Фадеевым[2]. По словам Елизаветы Леонидовны, она вела дневник для того, чтобы он мог послужить документальным подтверждением обвинений против гитлеровской Германии, которые, по ее мнению, мировое сообщество должно было вскоре ей предъявить. Об этом же писал А. А. Фадеев, опираясь на документы детского дома № 38[3]. Таким образом, названные источники объединяет не только наполнение и структура, но также мотивация создания.

Опора на отчеты заведующих, воспитателей и личные наблюдения придает дневникам Е. Л. Щукиной характер собрания эмпирических данных, что и было предусмотрено методикой, разработанной кафедрой дошкольного воспитания Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (ЛПИ). Под руководством специалистов ЛПИ осуществлялись: включение детей в активное взаимодействие с ранеными в госпиталях и направление этого процесса на формирование гуманной мотивации поведения детей[4]. Несмотря на эвакуацию основной части герценовцев в г. Кыштым в марте 1942 г., в Ленинграде в октябре 1943 г. открыли филиал института, куда в декабре в качестве заведующего кафедрой школьной педагогики пришел и Л. Е. Раскин[5].

В дневниках Щукиной запечатлен огромный объем кропотливой научно-методической работы, осуществленной психологами и педагогами в условиях блокады ради спасения физического и психического здоровья детей посредством тщательного отбора методов и средств. Дневники демонстрируют в практической

---

1 Эта память – наша совесть …, 2007. С. 259–260 ; *Раскин Л. Е.* Год работы с дошкольниками в Ленинграде // Дошкольное воспитание. С. 16.

2 *Фадеев А. А.* Ленинград в дни блокады. … С. 52–58.

3 Там же. С. 58–59.

4 НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 10. Л. 184–186.

5 *Фруменкова Т. Г.* Мы вышли из блокадных дней. – СПб., 2005. С. 366.

деятельности воспитателей установку на воспитание любви и сострадания к раненым, бойцам, пострадавшим детям. Дети, воспитатели, детские учреждения превратились в источник эмоционального здоровья и для членов семьи ребенка, раненых бойцов из соседних госпиталей, взаимодействуя с ними и вовлекая их в единый процесс борьбы за сохранение человеческой культуры.

Среди 40 имен воспитателей, заведующих, ученых, методистов, чьи выдающиеся заслуги и опыт отмечены Щукиной, встречаются русские, украинские, белорусские, армянские и другие фамилии, не подчеркнута национальность и в отношении детей. Содержание дневников и записных книжек воспитателей говорит о целесообразной направленности интернационального воспитания[1].

Значительную часть своего архива Е. Л. Щукина передала Народному музею педагогического училища (НМПК), другую: методические материалы, отчеты – зимой 1942/43 г. изъяли сотрудники института истории ВКП(б)[2], третья: в основном детские рисунки – хранится в Государственном музее истории Санкт-Петербурга.

В коллекции НМПК представлены также годовые отчеты воспитателей, заведующих и старших инспекторов дошкольных учреждений (14 отчетов за блокадный период). По существу, это коллективный обобщающий источник, по функциональным особенностям: хронометрия, отбор событий, их анализ, прогнозирование, близкий к служебным, коллективным, обобщающим дневникам. Его дополняют годовые и квартальные планы и планы-дневники.

Записные книжки составлялись очевидцами событий и зачастую содержали планы на день или месяц, с последующим отчетом и попутными заметками. Обычно они носят неофициальный характер как образец внутренней организации

---

1 Интернациональное воспитание составляло одно из важнейших направлений идеологической работы в период войны. Так, при приеме в члены ВКП(б) Е. А. Гребенщиковой состоялся диалог: «Вопрос: Какие установки даны к проведению празднования 25-летия Октября. Ответ: Наши основные установки сводились к следующему: 1. При проведении 25-летия Октября в детских садах отметить следующие моменты: а) Все на защиту своей Родины б) В суровый год отечественной войны крепить дружбу народов СССР в) Как партия и Советская власть заботиться о детях г) Организовать посылку на фронт». (ЦГАИПД СПб. Ф. 285 (Первичная партийная организация Ленинградского городского отдела народного образования). Оп. 2. Д. 6. Л. 31).

2 В ЦГАИПД СПб и РГАСПИ эти документы не обнаружены.

человека, соответствующий его социальному положению. Интересны записные книжки 1941–1942 гг. Е. Л. Щукиной. В одной из них приведены сведения об оплате родителями содержания детей в детских садах. Они предназначались, прежде всего, для работавших родителей, однако были и учреждения полностью финансируемые из бюджета. Так, численность детских мест, обеспеченных финансированием в дошкольных учреждениях Куйбышевского района в IV квартале 1942 г., составляла 1964 человека[1].

Своеобразным документом являются записные книжки, которые велись в хозяйственной части дошкольных учреждений, с реестром расходов. В деле И. Ф. Зиверт в Народном музее хранится такая тетрадь расхода продуктов детсада № 35 на июль 1942 г.[2] Подобные записи, знакомые домохозяйкам, информируют не только об экономике, но и хронометрии блокады в сознании женщины. Аналогичные книжки за 1931–1946 гг. хранятся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (РО РНБ) в фонде известной художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой[3].

Общие выводы к главе: Особенностью наступившей эпохи в историческом исследовании Второй Мировой войны является, с одной стороны, масштабное рассекречивание архивных материалов, с другой стороны, актуализация исследования данных проблем, в связи с возобновлением агрессивных войн. Оба обстоятельства способствуют возрождению интереса к изучению Второй Мировой войны, история которой связана с первым прецедентом осуждения военных преступников.

Гуманитарный аспект данной проблемы делает необходимым преломление политики через личностный фактор. Историческая наука при этом оказывается перед необходимостью анализа не только фактов, но также интерпретаций и

1 НМПК. Ф. Щ. Оп. 2. Д. 10. 207 л.
2 Там же. Ф. БВ. Д. 14. 12 л.
3 РО РНБ (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки). Ф. 1015 (Остроумова-Лебедева А. П.). Д. 36. 54 л.

ретрансляций фактов как научным, так и художественным воображением. Взаимосвязь социально-правовых и индивидуально-личностных факторов положения ленинградского населения в блокированном городе осталась одной из наиболее нераскрытых проблем. Оживление блокадной темы в 2010 г., связанное с очередным витком информационной войны, привело к появлению новых исследований, авторы которых пытаются переадресовать Советскому руководству многие обвинения в адрес гитлеровцев. Советское общество обвиняют в мифологизации «коллективной памяти», в которой героические образы замещают «реальную правду о войне».

В работах таких крупных исследователей Советского общества как Г. Л. Соболев, Г. А. Куманев, Н. Я. Комаров показана принципиальная разница между действиями гитлеровских преступников, целенаправленно уничтожавших гражданское население Ленинграда и препятствовавших мероприятиям по его спасению, и действиями Советского руководства в чрезвычайной обстановке по спасению гражданского населения.

В то же время остается открытым дискуссионное пространство: каково соотношение тех или иных факторов в спасении гражданского населения Ленинграда. Недостаточно раскрыто диалектическое единство личностных факторов в связи с социально-политическими и правовыми явлениями.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СТАТУС И НАЛИЧИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ В 1941–1944 ГОДАХ

§ 1. Статус гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 годах

2.1.1. Проблема нарушения фашистской Германией прав гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг.

Ленинградский вопрос в материалах Нюрнбергского процесса остается в поле исторической дискуссии. Так, например, проф. Н. А. Ломагин указывает, что «Женевское право не запрещало использование голода, как средства ведения войны. Из-за этого Советскому Союзу в Нюрнберге не удалось обвинить фашистское руководство в геноциде ленинградцев»[1]. Многочисленные заявления Ю. М. Лебедева касаются другого вопроса: отсутствия планов Гитлера по уничтожению Ленинграда[2].

Здесь необходимо возразить, ссылаясь на материалы Нюрнбергского процесса, которые неоднократно публиковались в нашей стране[3]. Последнее 8-томное издание, предпринятое в 1987–1999 гг., включает обширные дополнительные документальные материалы, на которых основывалось обвинение. Интерес представляет издание 1960 года стенограмм допросов подсудимых и их адвокатов, изданных под редакцией главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко[4].

---

1 Стенограмма заседания Круглого стола «Актуальные вопросы истории блокады Ленинграда» (27 января 2012 г.) / *С. Н. Полторак, Л. В. Алпеева,С. К. Бернев, Ю. С. Васильев [и др.]* // Клио. – 2012. – № 3 (63). С. 4.

2 *Лебедев Ю. М.* Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942. – М., 2011. С.13, 234–235. Данная концепция подверглась обоснованной критике (*Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 4–6).

3 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 2-х тт. – М., 1951–1952 ; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах / под общей ред. Р. А. Руденко. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960 ; Нюрнбергский процесс. Сборник документов в 3 тт. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1965–1966.

4 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. – М.: Юридическая литература, 1987–1999 ;

Имеются обширные электронные публикации, включающие аудио- и фотоматериалы процесса[1].

Правовое обоснование приговора Международного военного трибунала (МВТ) содержится в статье 6 Устава МВТ. В Уставе специально оговаривалось, что статьи 46, 50, 52 и 56 Гаагской конвенции 1907 г., и статьи 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской конвенции 1929 г. предусматривали ответственность за военные преступления, определенные ст. 6 Устава. Причем в 1939 г. правила, изложенные в Гаагской конвенции, «были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев войны». Также обосновывалось, что бесчеловечные действия против гражданского населения, осуществляемые при ведении агрессивной войны или в связи с ней, являются преступлениями против человечности[2].

Таким образом, хотя гражданское население Ленинграда не находилось на оккупированной территории, но жестокий террор по отношению к нему, в том числе голодный террор, при ведении агрессивных военных действий являлся преступлением против человечности с позиций Устава МВТ, составленного на основе установившегося международного права, законов и обычаев войны[3].

Важным являлось обоснование уголовно-правовой ответственности преступников в Заключительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко (стенограмма заседания МВТ от 29 и 30 июля 1946 г.), в связи с попытками защиты подвергнуть сомнению право и законность Нюрнбергского процесса. Принцип «Nullum crimen sine lege» (Нет преступления без указания на то в законе) использовался для того, чтобы обосновать, что якобы действовавшие законы не предусматривали ответственности за совершенные подсудимыми деяния.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах / под общей ред. Р. А. Руденко. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960.

1 Нюрнбергский процесс в документах российских архивов [Электронный ресурс] // URL: http://nurnberg.rusarchives.ru/index. (дата обращения: 06.06.2019).

2 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. – М.: Юридическая литература, 1999. – Т. 8. С. 636–637.

3 Приложение ко второй главе. Документ № 1 «Основные принципы применения Международного гуманитарного права в первой половине XX века к статусу гражданского населения» (справочный материал).

Согласно Декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г., подсудность военных преступников за преступления, совершенные на территории оккупированных стран, осуществлялась по законам и судебными органами этих стран, в соответствии с общепринятыми правилами уголовного и уголовно-процессуального права, которое предусматривало ответственность за подобные преступления на момент их совершения: убийства, истязания, насилия, грабежи и т. п. В то же время, согласно ст. 1 Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г., преступления главных военных преступников не были связаны с определенными географическими местами, поэтому были подсудны МВТ, действующему на основании Устава.

Принцип ответственности за исполнение явно преступного приказа был специально оговорен в п.8 Устава МВТ[1].

В экспертном заключении Большой палаты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Кононов (Kononov) против Латвии» (жалоба N 36376/04) в 2010 г. было доказано существование нормы международного права о безусловном иммунитете гражданского населения (не-комбатантов) накануне II Мировой войны, и, во всяком случае, к 1943 г. [2]

Вопрос о терроре в отношении гражданского населения Ленинграда поднимался на заседаниях МВТ неоднократно. В выступлении помощника Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнова (стенограмма заседаний МВТ от 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 г.) говорилось: «В ряду злодеяний немецких фашистов, совершенных на территории СССР, особое место занимает террор, который они проводили в отношении мирного населения Ленинграда...“Немцы сбросили на Ленинград 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб, 150 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Каждый ленинградец ежеминутно в течение всех 900

1 Нюрнбергский процесс. …, 1987. – Т. 1. С. 148.

2 Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" (жалоба N 36376/04) (Большая Палата). [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends (дата обращения: 16.01.2017). Приложение ко второй главе. Документ № 1 «Основные принципы применения Международного гуманитарного права в первой половине XX века к статусу гражданского населения (справочный материал)».

дней осады был как бы на поле боя, ежеминутно ему угрожала гибель или опасность быть искалеченным на всю жизнь...”. Ограничиваю дальнейшую цитату лишь оглашением цифр о людях, погибших в Ленинграде от голода зимой 1941–1942 г.: “В результате голодной блокады в городе Ленинграде погибли 632 253 человека”»[1].

Таким образом, гибель от голода, как и от комбинированных воздушных бомбежек и артиллерийских обстрелов, указывалась, при рассмотрении преступлений против человечности, как основное средство террора против населения Ленинграда во время преступной осады Ленинграда в ходе агрессивной войны, развязанной фашистами.

В то же время лишение населения продовольственного снабжения, в том числе планы в отношении Ленинграда и Москвы полного прекращения снабжения продовольствием, в соответствии с «Директивами по экономической политике для организации экономики на Востоке, сельскохозяйственная группа» (документ ЕС-126, США-316), в выступлении помощника Главного обвинителя от СССР Л. Р. Шейнина (Стенограмма заседания МВТ от 20 февраля 1946 г.) рассматривалось как доказательство преступного разграбления общественной и частной собственности, грабительских мотивов гитлеровской агрессии[2].

В Заключительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко были сформулированы окончательные обвинения советского обвинения в отношении главных военных преступников. В том числе в адрес Геринга, Кейтеля и Редера было отмечено, что при их участии планировалось сравнять Ленинград с землей. В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г. Геринг указывал, что «население в этих районах, в особенности городское, обречено на голод»[3].

Данная директива была объявлена преступной в приговоре МВТ и, таким

---

1 Нюрнбергский процесс. …, 1991. – Т. 5. С. 165. В выступлении обвинителя приводятся также примеры артиллерийских обстрелов детских учреждений гитлеровцами и их жертв (Там же. – С. 150–151).

2 Нюрнбергский процесс. …, 1990. – Т. 4. С. 278–279.

3 Там же. С. 479, 480, 494.

образом, голод как жестокость в отношении гражданского населения в результате преступного ограбления территории фигурировал в приговоре[1].

Кроме того, в приговоре МВТ указывалось на преступное разрушение и ограбление культурных ценностей пригородов Ленинграда (Петергофа, Царского Села, Павловска)[2].

Два свидетеля: И. А. Орбели (стенограмма заседания МВТ от 22 февраля 1946 г.) и Н. И. Ломакин (стенограмма заседания МВТ от 27 февраля 1946 г.) дали свои показания на суде в связи с разрушениями и разграблениями культурных ценностей Ленинграда и его пригородов[3].

Вопрос о разрушении Ленинграда, а также и Москвы, как преступной цели гитлеровцев, рассматривался в отдельном заседании в выступлении помощника Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинского и был подтвержден ссылками на два известных документа: секретную директиву военно-морского штаба за номером 1а 1601/41 от 22 сентября 1941 г. «О будущности города Петербурга» и на секретную директиву верховного командования вооруженных сил от 7 октября 1941 г. № 44 1675/4, подписанную Йодлем [в тексте А. Иодль]. В выступлении были приведены многочисленные доказательства того, что, согласно показаниям военнопленного Ф. Кепке: «обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения». Ф. Кепке также указывал со слов командующего 18 армией фон Кюхлера, что только его полк выпустил по городу 150 тысяч снарядов[4].

Планы разрушения Ленинграда были подтверждены Кейтелем при его допросе, при этом указывалось на два известных ему распоряжения: Гитлера, на совещании 16 июля 1941 г., и директиву Оперативного командования вермахта (ОКВ), подписанную Йодлем[5].

---

1 Нюрнбергский процесс. …, 1999. – Т. 8. С. 662–663.
2 Там же. С. 626.
3 Нюрнбергский процесс. …, 1990. – Т. 4. С. 466–478.
4 Там же. С. 497–499, 507, 509, 511 ; Документ № 171. Протокол допроса военнопленного Ф. Кепке о его участии в обстрелах Ленинграда // Ленинград в осаде…, 1995. С. 401.
5 Допрос Кейтеля // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник

В приговоре МВТ в преступной директиве об уничтожении Ленинграда обвинялся Йодль, который с августа 1939 г. являлся начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил, фактически планировал войну и в большой степени был ответственным за стратегию и ведение операций[1].

Таким образом, несмотря на отказ признать свою виновность обвиняемыми, осуществление намеренного разрушения Ленинграда, преднамеренная организация голода как форма жестокости в отношении гражданского населения и военнопленных подробно рассматривались на заседаниях МВТ. Доказательства такой формы жестокости входили в аргументацию обвинения в преступлениях против мира, в военных преступлениях и преступлениях против человечности. *Данные обвинения фигурировали в приговорах МВТ главным военным преступникам*.

Необходимо здесь указать, что конкретные преступления против человечности в отношении ленинградского населения, будучи связаны с географическим местом, в связи с ведением агрессивной войны и преступной осады Ленинграда, были подсудны советским правоохранительным органам. Это было реализовано Военным трибуналом Ленинградского военного округа в декабре 1945 г. Как и в международном праве, в Советском военном праве, накануне и во время II Мировой войны, преступный приказ рассматривался как подстрекательство к совершению преступления, за которое несут ответственность и тот, кто подстрекает, и тот, кто совершает преступление[2].

Приговор МВТ подтвердил все основные обвинения против главных гитлеровских преступников, в связи с преступным характером ленинградской блокады: использование террора против гражданского населения, в том числе

материалов в семи томах / под общей ред. Р. А. Руденко. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. С. 110–111.

1 Нюрнбергский процесс…, 1999. – Т. 8. С. 702–704.

2 Устав внутренней службы РККА. 1937 (УВС-37). – Йошкар-Ола : Марийское изд-во, 1942. С. 12–14. Приложение ко второй главе. Документ № 2 «Обзор Уставов РККА, вооруженных сил европейских стран и США накануне и в период II Мировой войны» (справочный материал).

посредством доведения его до голодной смерти, ограбление и расхищение художественных и культурных ценностей (в Петергофе, Пушкине, Павловске), оперативные планы по уничтожению Ленинграда. Таким образом, внимательное изучение правовых документов МВТ не оставляет места для мифологизации данного вопроса.

В то же время споры в историографии по поводу точности документов, использованных на Нюрнбергском процессе, имеют важное политико-правовое значение. Несмотря на многочисленные попытки опровергнуть данные представленных документов как по смертности в Ленинграде, так и по количеству выпущенных снарядов, можно сказать, что они не опровергают, а подтверждают материальную сущность представленных документов.

Статус гражданского населения в обычном военном праве СССР, европейских стран, США в первой половине XX века. Основной целью вооруженных сил РСФСР и СССР, сформулированной в Полевом Уставе РККА, введенном 30.12.1936 г. (ПУ-36), являлось обеспечение неприкосновенности границ и независимости СССР[1]. Вопросы взаимодействия с гражданским населением в ПУ-36 представлялись с двух позиций: организации обеспечения войск местными средствами, а также политической работы по обеспечению правильных взаимоотношений с местным населением, воспитание «каждого бойца Красной Армии в духе уважения к национально-бытовым особенностям местного населения»[2]. Отдельно рассматривались вопросы организации тыла войск, в том числе эвакуации и обороны. Оговаривалось взаимодействие с местными органами государственной власти для обеспечения местными средствами находящихся в тылу войск[3]. Таким образом, ПУ-36 вопросы, связанные с гражданским населением, рассматривались через призму взаимодействия с гражданскими властями.

---

1 Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. – М.: Воениздат, 1938. С. 9.
2 Там же. С. 63.
3 Там же. С. 29–37, 45–49.

Временный характер Полевого Устава, а также смена на посту наркома обороны К. Е. Ворошилова С. К. Тимошенко, а затем И. В. Сталиным, позволили ряду историков считать его в начале войны недействительным[1]. С этим нельзя согласиться, так как полевой Устав, подготовленный С. К. Тимошенко, не был утвержден.

В воспоминаниях С. М. Штеменко описывается сколь высокое значение политической роли уставов отводилось Сталиным[2]. Должен был способствовать влиянию уставных документов при обороне Ленинграда и тот факт, что К. Е. Ворошилов в июле 1941 г. был назначен главнокомандующим Северо-Западного направления.

Принципиально важным было возложение ответственности за выполнение явно преступного приказа как на начальника, так и на подчиненного Уставом внутренней службы РККА (УВС 37), утвержденным 21 декабря 1937 г., которое сохранялось в течение всего периода II Мировой войны[3].

Такая же ответственность возлагалась в Положении о Рабоче-Крестьянской милиции за выполнение противозаконного приказа.

Охрана личной безопасности граждан и их имущества, наряду с охраной революционного порядка, являлись целью и обязанностью рабоче-крестьянской милиции как административно-исполнительного органа власти[4].

Несмотря на крайне противоречивый характер Уставов Красной Армии, все же нельзя согласиться с выводом ряда исследователей, что обычное право складывалось в СССР уже в период войны[5]. Скорее оно эволюционировало[6].

В полевых уставах Великобритании и США вопросы о взаимодействии с

---

1 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001. С. 49.

2 *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны…, 1974. С. 18–21.

3 Устав внутренней службы РККА. 1937 (УВС-37). – Йошкар-Ола : Марийское изд-во, 1942. С. 12–14.

4 Положение о рабоче-крестьянской милиции. П. 1. Раздел I (Общие положения) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – М., 1931. – № 33. С. 430, 435.

5 *Иванов В. А.* Человек и какофония начавшейся войны (лето – осень 1941 г.): новые источники и попытки осмысления // Новейшая история России. – 2016. – № 2. С. 31–40 ; *Боев В. И.* Война и уголовный закон. – М., 2009. С. 130–131.

6 Приложение ко второй главе. Документ № 2.

гражданским населением отсутствовали. В уставе США война рассматривалась как общенациональное дело, конечной целью которого является достижение удовлетворительного мира. На оба устава наложил отпечаток характер колониальных войн[1]. Во Французском пехотном уставе указывалось на необходимость вежливого обращения с пленными. О мирном населении не было ни слова[2].

Напротив, в штабном уставе немецкой армии в 1939 г. впервые определенно ставились задачи сохранения населения путем эвакуации, обеспечения гражданской обороны силами войсковой ПВО[3]. Эти правовые нормы расходились с конкретной военной практикой действий вермахта. В инструктивном материале, распространяемом среди немецких военнослужащих, истребление населения в качестве военной цели было определено германским командованием самым циничным образом[4].

Таким образом, если статус гражданского населения в военных уставах европейских стран и США в период II Мировой войны, как правило, не рассматривался, то можно отметить в качестве исключения устав вермахта, в котором сохранение населения рассматривалось в качестве одной из задач подготовки театра военных действий. Однако противоречие этого положения с практикой организации военных действий свидетельствовало о формализме правовых отношений в фашистской Германии, усугубив виновность германского командования в совершении военных преступлений в период II Мировой войны.

Роль и значение гражданских органов власти Советским обычным военным правом определялись задолго до войны: обеспечение безопасности населения,

---

1 Полевой устав английской армии. 1935. Часть II. Боевые действия войск. Общие основы. – М., 1940. С. 242, 244 ; Временный полевой Устав Армии Соединенных Штатов Америки. – М.: Воен. издат. НК Обороны СССР, 1941. С. 36–43.

2 Французский пехотный устав. Часть II. Бой. – М.: Воениздат, 1940. С. 9–11.

3 Справочник для высших штабов на военное время. Устав немецкой армии. № 92. Часть I. : пер. с нем. [сокр.]. – М.: Воениздат, 1946. С. 3–4, 7–9, 57–59.

4 В «Памятке немецкого солдата» было записано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек». Цит. по Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М., 1946. С. 7.

взаимодействие с РККА в организации ПВХО, эвакуации, содействие материальному обеспечению. Это подтверждается анализом деятельности Ленгорисполкома по реализации мобилизационных планов, организации эвакуации, МПВО, содействии материальному обеспечению РККА накануне и во время войны.

Международные договоры, соглашения и конвенции, актуальные для СССР в 1941 – 1944 гг., касающиеся положения гражданского населения

Международные договоры, соглашения и конвенции, действовавшие на 1 января 1937 г. и актуальные для СССР, публиковались в сборниках, издаваемых Наркоматом юстиции СССР, начиная с 1921 г. Целесообразно назвать важнейшие из документов, опубликованных в данных сборниках, так или иначе затрагивающие статус гражданского населения в военное время.

Декретом СНК РСФСР были признаны все международные Конвенции о Красном Кресте (опубликован в «Известиях ВЦИК» от 4 июня 1918 г. № 112)[1]. В СССР действовал Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП), в который входило Российское общество Красного Креста (РОКК). С 1925 г. в СССР подтверждались Женевские Конвенции: об улучшении во время сухопутной войны участи раненых и больных воинов от 6 июля 1906 г.[2]; о применении ее начал к морской войне от 18 октября 1907 г.; об освобождении госпитальных судов от портовых и иных сборов от 21 декабря 1904 г. 25 августа 1931 г. СССР декларировал присоединение к Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 1929 г.

Женевская Конвенция о режиме военнопленных от 1929 г. не была подписана СССР, вместо этого 19 марта 1931 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР № 46 об утверждении проекта постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных» (далее Положение). Примечание 1 к пункту 1

---

1 Документ № 125 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Выпуски I-II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 г. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1928. С. 359–360 ; Документ № 127 // Указ. соч. С. 360.

2 Документ № 125 // Указ. соч. С. 359–360 ; Документ № 127 // Указ. соч. С. 360.

Положения указывало на возможность распоряжением главного военного командования приравнивать к военнопленным гражданских лиц, сопровождающих войска противника (репортеры, поставщики и др.), а также гражданских лиц, находящихся на морских и воздушных судах[1]. Данный документ был заменен новым Положением о военнопленных, утвержденным Постановлением СНК СССР № 1798-800с от 1 июля 1941 г.

25 декабря 1936 г. СССР подписал Декларацию о присоединении к Правилам действия подводных лодок в отношении торговых судов во время войны.

Действовали конвенции и соглашения в разнообразных сферах хозяйственной жизни, которые имели значение при решении конкретных вопросов жизнеобеспечения населения в условиях обороны Ленинграда: при прокладывании подводного телеграфного кабеля по дну Ладоги (Конвенция по охране подводных кабелей, 1884–1887), при спасении уникальной коллекции семян во всесоюзном институте растениеводства (Конвенции по защите растений и о создании Международного сельскохозяйственного института, 1936). Значительная часть кредитных средств городского бюджета хранилась в векселях, что регулировалось Конвенцией, устанавливающей единообразный закон о переводном и простом векселях (1936 г.), а работа почты и отправление эшелонов с посылками в эвакуацию детям или на фронт – Соглашением о письмах и ящиках с объявленной ценностью (1934). Действовал также ряд конвенций и соглашений по вопросам здравоохранения: Соглашение об учреждении Международного Бюро Общественной гигиены (с 1925 г. к нему присоединился СССР), о взаимной защите от [тропической – Л.Г.] лихорадки Денге (1934), Конвенция об ограничении производства и регламентации распределения наркотических средствах (1935)[2]. В

---

1 Положение о военнопленных. 1931 [Электронный ресурс] // Документы 20 века. URL: http://www.doc20vek.ru/node/337/ (дата обращения: 09.01.2017).

2 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I-II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 г. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1928 ; Указ. соч. Вып. №_. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 и 1 февраля 1928 г. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1936. С. 92–96 ; Указ. соч. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. – М., 1938. С. 214–218, 218–250, 328–421, 472–496 ; Российское историческое общество. Документы [Электронный ресурс] // URL: http://docs.historyrussia.org/ru/docs/4-

скобках указаны даты присоединения СССР, в том числе как правопреемника Российской империи, к данным конвенциям.

Действовали *конвенции, регулирующие трудовое право* странами-участницами Международной организации труда (МОТ), которые были ратифицированы РСФСР и СССР. Всего 10 конвенций[1]. Необходимо учесть, что СССР входил в Лигу наций, при которой работал МОТ, только в 1934–1939 гг. Это отразилось на незначительном количестве конвенций МОТ, ратифицированных РСФСР и СССР, в том числе касающихся труда женщин, детей и подростков. В то же время конвенции МОТ, не ратифицированные СССР в довоенный период, принимались во внимание при формировании советского трудового законодательства[2].

Таким образом, обеспечение жизнедеятельности ленинградского населения было связано со взаимными обязательствами международного характера, на которые опиралось Советское правительство.

2.1.2. Статус детства и материнства в соответствии с международным договорным и обычным (военным, гражданским и уголовным) правом СССР и РСФСР, актуальным в 1941–1944 годах

Проблема статуса детства и материнства в Международном праве в первой половине XX века: договорное и обычное право. Неопределенность статуса гражданского или мирного населения, в том числе отсутствие правового определения статуса женщин, детей, подростков, в МГП первой половины XX века затрудняла его применение[3].

В то же время многие конкретные мероприятия по охране детства и

---

obratnaya-svyaz/ (дата обращения: 18. 04. 2020).

1 Приложение ко второй главе. Документ № 3. «Конвенции Международной Организации труда»

2 *Лушников А. М.* Международное трудовое право и право социального обеспечения: генезис и развитие (XIX – начало XXI в.) // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2009. – Вып. 4. С. 25.

3 На 5-й сессии Лиги наций в 1924 г. была принята Международная (Женевская) Декларация прав ребенка, содержавшая гуманные принципы защиты детей. Однако она так и не была ратифицирована, что свидетельствовало также о незрелости обычного права в вопросах охраны детства и материнства. Одной из причин отказа от ратификации являлось отсутствие определения субъекта – ребенка (*Ханахмедова Л. В.* Международная правовая защита детей: история и современность // Философия права. – 2016. – № 3. С. 49). Инициаторами Декларации были члены Международного союза спасения детей: Эглантин Джебб, Януш Корчак, Гюстав Адорно (президент Международного Комитета Красного Креста (МККК), 1910–1928 гг.).

материнства получили первоначальное закрепление в обычном праве. Перед войной было принято три конвенции МОТ, регламентировавших женский труд: Об охране материнства (о применении труда женщин до и после рождения ребенка) С 003 была принята в 1919 г. (вступила в силу 13 июня 1921 г.). Согласно данной Конвенции, женщины-матери имели право на декретный отпуск 6 недель после родов, указывались перерывы в работе для кормлений (2 раза в день), необходимость пособий достаточных для полноценного развития ребенка (ст.3). Конвенцией 004 О ночном труде женщин (за исключением семейных предприятий), принятой в 1919 г. и вступившей в силу в 1921 г., запрещался ночной (с 22-00 до 5-00 часов) труд женщин и определялись возможные исключения из этого правила. В 1935 г. была принята Конвенция 045, запрещавшая труд женщин в подземных шахтах любого вида (вступила в силу в 1937)[1].

Международным трудовым правом был определен правовой статус детства как подлежащего обучению и воспитанию. В 1919–1937 гг. было подписано Международной организацией труда (МОТ) при Лиге наций в общей сложности 10 конвенций, а также распоряжения к ним, вводившие возрастные ограничения применения детского труда. Минимальный возраст привлечения подростков к производственному труду в 1936–1937 гг. поднялся до 15 лет, за исключением учащихся технических школ[2]. Из конвенций, принятых МОТ перед войной, регламентирующих труд детей и подростков, СССР была подписана только С016, о необходимости медицинской экспертизы для подростков 14–17 лет, работающих на борту судна в море. В то же время указанные нормы международного трудового права учитывались советским законодательством при определении возраста, подлежащего обучению и воспитанию.

Статус материнства и детства в СССР накануне войны рассмотрен во многочисленных современных исследованиях[3]. В то же время далеко не всегда

---

1 Конвенции [Электронный ресурс] // МОТ. Правовые нормы. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/ (дата обращения: 24.07.2017).

2 Приложение ко второй главе. Документ № 3 «Конвенции Международной Организации труда». Таблица I.1.

3 Охрана здоровья матери и ребенка: историко-правовой обзор / *М. С. Денисов, О. В. Салицева, М. Л. Толстова,*

авторам удается раскрыть внутренние противоречия социальной политики в СССР накануне войны[1].

Сложившийся порядок охраны материнства и детства, социального страхования в Советском государстве содержался в Кодексе законов о труде РСФСР 1922 года, который применялся и в СССР. Регламент работы женщин и несовершеннолетних определялся главой XIII Трудового Кодекса. В ней закреплялось право женщин, занятых физическим трудом, на 16-недельный отпуск по беременности и родам (служащие имели 12-недельный отпуск), перерывы в работе для кормления младенца. Трудовая повинность не распространялась на детей до 16 лет, запрещался труд за вознаграждение до 16 лет, а также использование труда женщин и несовершеннолетних ночью (с 22-00 до 6-00 часов), в особо вредных и опасных условиях, на подземных работах. Глава XVII определяла порядок социального страхования, которое включало пособия на оказание лечебной помощи, по временной утрате трудоспособности (болезнь, увечье, карантин, беременность, роды, уход за больным членом семьи), по инвалидности, по безработице, единовременные пособия на кормление ребенка и предметы ухода, а также на погребение, для работающих по найму при потере кормильца и пр. Причем срок выплаты пособия по временной нетрудоспособности не ограничивался временными рамками[2].

Некоторые правовые положения Кодекса шли дальше Конвенций МОТ. Один из примеров: Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года запрещал ночной труд несовершеннолетних, с 16 до 18 лет (с 22-00 до 6-00), в то время как конвенция 006 МОТ (1919 года) разрешала ночной труд для подростков с 16 лет (с 22-00 до 5-00).

Т. Г. Денисова // Здравоохранение Чувашии. – 2016. – № 4. С. 76–81; *Шабатура, Е. А.* Образ «Новой женщины» в советской культуре 1917–29 гг. Автореферат дисс. на соиск. ст. к. и. н. – Омск, 2006; *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. (1917–1937). – М: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010 ; *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). – СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2017.

1 Приложение ко второй главе. Документ № 4 «Эволюция статуса материнства и детства в РСФСР и СССР (1917–1939). Справочный материал».

2 РСФСР. Законы. Кодекс законов о труде 1922 года: Утв. IV сессией ВЦИК Советов 30 окт. 1922 г. / Наркомат труда. – Ростов н/Дону, 1922.

Конвенция 045 МОТ (1937 г.), запрещавшая труд женщин в шахтах, была единственной в сфере охраны женского труда, ратифицированной СССР и то, только в 1961 году. Однако, согласно Трудовому кодексу 1922 г. в СССР труд в подземных шахтах, как и ночной труд (с 22-00 до 6-00), женщин запрещался, в то время как конвенция 004 МОТ запрещала труд женщин с 22-00 до 5-00. В случае с обязательным страхованием по болезни, Трудовой кодекс опередил конвенцию МОТ С024 на пять лет: конвенция была принята в 1927 г. и вступила в силу в 1928 г.

В то же время Постановлением ЦИК и СНК СССР 1930 г. право на социальное и пенсионное обеспечение не распространялось на широкую группу лиц, лишенных избирательных прав в Советские органы власти («лишенцев»). Статья 135 Конституции СССР 1936 г. вводила лишение избирательных прав решением суда[1].

Использование женского труда в народном хозяйстве планомерно расширялось с 1929 года. В. Голдман обращает внимание на две составляющие этого процесса: политико-идеологическую, феминистическую, в которой лидирующую роль играли женские организации во главе с деятельницами Комитета по улучшению труда и быта работниц и крестьянок, и прагматичную, связанную с деятельностью Госплана Народного комиссариата труда. Голдман ссылается на появившийся в 1930 г. «Пятилетний план женского труда», подготовленный Госпланом. С 1929 по 1935 годы численность женщин, занятых в главных отраслях народного хозяйства, возросла на 239%. В 1936 г. женщины составляли 40% студентов вузов, 43% – техникумов, 35% – рабфаковцев. Список специальностей, резервируемых для женщин, согласовывался с Институтом охраны труда[2]. В целом эти данные подтверждаются статистикой по населению

---

1 Данное ограничение без изменений сохранялось до 7 октября 1977 г., и было исключено только из новой Конституции 1977 года (СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. – [Москва]: Госполитиздат, 1941. С. 135).

2 *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. (1917–1937). – М: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. С. 179–180, 190, 212, 330–337.

Ленинграда в 1939–1941 гг. Так, в январе 1941 года только 33% ленинградских женщин старше 16 лет находились на иждивении, то есть были домохозяйками, инвалидами, пенсионерками[1].

Вовлечение женщин в общественное производство сопровождалось укреплением статуса трудящейся женщины-матери. 27 июня 1936 г. вышло Постановление Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»[2]. Этим Постановлением 16-недельный декретный отпуск, в который ранее уходили женщины-работницы и некоторые служащие, распространялся на всех женщин-служащих, пособия были увеличены, выдавались и незастрахованным женщинам, работающим в кооперативных артелях и предприятиях. Впервые были введены специальные государственные пособия многодетным матерям, имевшим 6–10 и более детей[3]. Одновременно ограничивались разводы, вводилась уголовная ответственность за аборты, сделанные помимо медицинских показаний. Вслед за этим было принято Постановление, устанавливающее уголовную ответственность за отказ в приеме на работу беременным женщинам (уточнено в 1937)[4]. Охрана детства и материнства была закреплена в Конституции СССР 1936 г. (ст. 122)[5].

Укрепление статуса женщины-работницы, женщины-матери в СССР явилось

---

1 ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов СПб). Ф. 24 (Ленинградский областной комитет ВКП(б)). Оп. 2 В. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. учета Г. Лен-да о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Лен-да на 01.01. 41 г., численности детей, заболев-ти и смерт-ти насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41-13.VII.41). 326 л. (Документ рассекречен в 2013 г., не публиковался).

2 Счастливое материнство, брак и семья при социализме // *Рабин А. Э.* Женщина в стране социализма. Краткий указатель литературы. – Л., 1940. С. 18–20.

3 Инструкция о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям. – Минск, 1937. [Постановление СНК СССР от 22 мая 1937 г.]

4 ЦИК СССР N 76, СНК СССР N 1813. Постановление от 5.10.1936 «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности». [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4090.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

5 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. – [Москва]: Госполитиздат, 1941. С. 20.

важным фактором в организации победы над фашизмом, что отмечал британский журналист Морис Хиндус[1]. В то же время необходимо иметь в виду указанную специфику правового режима «сталинизма», с наибольшей силой проявившую свои противоречия в период Великой Отечественной войны.

Переход ко всеобщему начальному (7-летнему) образованию и укрепление статуса детства в связи с обучением. Трудовая эмансипация подростков и молодежи. В статье 121 Конституция СССР 1936 года закрепила право трудящихся на всеобщеобязательное начальное образование, бесплатное включая высшее образование, систему государственных стипендий, обучение в школах на родном языке, бесплатное производственное, техническое и агрономическое обучение трудящихся[2].

Основой для введения всеобщеобязательного начального (семилетнего) образования явилась реализация постановлений 1930–1936 годов. Переход ко всеобщему начальному образованию (1–4 класс) на основе бесплатной и общедоступной Трудовой школы начался уже в 1925 г. в РСФСР[3]. 14 августа 1930 г. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» было положено начало созданию единой системы государственного образования. В 1930–1958 гг. эта система включала всеобщее начальное двухступенчатое образование (I ступень 1–4 классы, II ступень 5–7 классы)[4]. Решению данной задачи было дано политическое значение, что целиком определило специфику структуры и деятельности Наркомпроса РСФСР.

Принципиальное значение имело приобретение учащимися навыков производственного (овладение основными рабочими профессиями) и

---

1 *Hindus M.* Russia Fights on. – L., 1942. P. 145.

2 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР…, 1941. С. 20.

3 Временно в школах разрешалось взимать плату за обучение. (ВЦИК. СНК РСФСР. Постановление от 31.08.1925 г. О введении в Р.С.Ф.С.Р. всеобщего начального обучения и построении школьной сети // Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению. – М.-Л., 1929. С. 221).

4 ЦИК СССР. N 43. СНК СССР. N 308. Постановление от 14.08.1930 г. О всеобщем обязательном начальном обучении [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3264.htm/ (дата обращения: 08.08.2017).

сельскохозяйственного труда. Базовыми для формирования единой системы обучения и воспитания явились Постановления ЦК ВКП (б): 25 августа 1931 года «О начальной и средней школе» и 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе наркомпросов»[1] .

В то же время Постановлением ЦИК СССР № 3 и СНК СССР № 598 от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» к детям с 12 лет применялись все формы уголовной ответственности. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» дети-правонарушители до 14 лет должны были содержаться в трудовых колониях и других детских учреждениях НКВД. Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей при отделах народного образования ликвидировались, а дела передавались в органы НКВД [2].

С началом II Мировой войны политическую значимость приобрела трудовая эмансипация подростков (14–15 лет) и молодежи (16–18 лет). В связи с этим уже 2 октября 1940 года были приняты Указ Президиума ВС СССР и Постановление СНК СССР № 1852 «О государственных трудовых резервах». 28 декабря 1940 года вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ходе выполнения Указа Президиума ВС СССР “О трудовых резервах СССР”». В Постановлении подводились итоги первого призыва, указывались недостатки, связанные с призывом в школы ФЗО городской и колхозной молодежи, не достигшей 16-летнего возраста, или с образованием в объеме двух классов начальной школы[3] .

---

1 В Постановлении 1931 года были разработаны основные направления реформы школы: перехода ко всеобщей семилетней политехнической школе для несовершеннолетних до 17 лет, в которой учащиеся овладевали бы широкими систематизированными знаниями по общеобразовательным предметам в тесной связи с производственным овладением основными рабочими профессиями, получали хорошую подготовку для дальнейшей учебы в техникумах и вузах. Продумывались меры по оказанию содействия школьным учителям и администрации. Постановление 1936 г. «О педологических извращениях...» искореняло ложную практику создания специальных школ для «дефективных» детей на основании педологических методик, прежде всего дифференцирования детей по биосоциальным признакам. В школах восстанавливались в правах педагогика и педагоги. (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Изд-во полит. литературы, 1984. – Т. 5. С. 353–361; Т. 6. С. 364 – 367).

2 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6 (1933–1937). – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 213–218 ; Приложение ко второй главе. Документ № 4 «Противоречия эволюции статуса материнства и детства в РСФСР и СССР (1917–1939). Справочный материал».

3 Согласно Указа Президиума ВС СССР и Постановления СНК СССР № 1852 «О государственных трудовых резервах» ежегодно проводилась мобилизация молодежи для обучения основным рабочим профессиям: 2-годичного

Трудовая дисциплина подростков и молодежи, учащихся в системе Трудовых резервов (ТР), регулировалась Указом Президиума ВС СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» (опубликован в № 1 за 1941 г. «Ведомостей ВС СССР»). Согласно Указу за эти нарушения дисциплины полагалось заключение в трудовые колонии сроком до одного года[1].

Начало Великой Отечественной войны расширило границы трудовой эмансипации. 26 июня 1941 г. вышел Указ Президиума ВС СССР, а 2 июля 1941 г. Постановление СНК СССР № 1802, которые разрешили привлекать детей до 16 лет к сверхурочным работам, с 14 лет к сезонным сельскохозяйственным работам.

Однако выполнение закона о всеобщеобязательном начальном (7-летнем) образовании оставалось в поле зрения правительства СССР всю войну. Об этом свидетельствуют передовая статья журнала «Начальная школа», № 7, первого вышедшего после начала войны, а также статья Е. И. Волковой, начальника Управления по дошкольному воспитанию НКП РСФСР, в журнале «Дошкольное воспитание», № 10 за 1941 год. В обеих публикациях подчеркивалось руководящее значение Постановления от 5 сентября (25 августа) 1931 года о всеобщеобязательном обучении[2].

В 1942 г. статус «учащиеся», как подлежащие обучению, был закреплен за подростками 14–16 лет, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1942 г. № 16/м/18/4. Статус «учащиеся» давал освобождение от трудовой мобилизации. Были внесены соответствующие изменения в уголовное

в системе ремесленных и железнодорожных училищ и 6-месячного в системе фабрично-заводского обучения (ФЗО). Юноши и девушки 14–15 лет призывались в ремесленные училища и приступали к трудовой деятельности по достижении 16 – 17-летнего возраста, получая вместе с профессией образование. В систему ФЗО призывалась молодежь с 16 лет. (КПСС в резолюциях и решениях …. Т. 7. С. 185).

1 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 124.

2 Великая Отечественная война и школа // Начальная школа. – 1941. – № 7. С. 6–9. В статье указана дата публикации в № 245 газеты «Правда»: 5 сентября 1931 года; *Волкова Е. И.,* Член Коллегии Наркомпроса, Начальник Управления по дошкольному воспитанию. За дальнейшее повышение качества работы детских садов: Рекомендации по использованию Устава и Руководства для воспитателей детских садов // Дошкольное воспитание. – 1941. – № 10. С. 25–32.

законодательство[1].

Таким образом, несмотря на трудовую эмансипацию подростков 14–15 лет и молодежи 16–17 лет, вовлекаемых в хозяйственно-производственную деятельность, важнейшей политической задачей в 1930–1940 гг. становится реализация начального (7-летнего) обучения несовершеннолетних. В условиях войны (1941–1945) эта задача утвердилась как один из факторов победы.

Эволюция статуса детства в уголовном и гражданском законодательстве СССР в 1940–1944 гг. Специфической особенностью регулирования правовых отношений в период войны является включение в военное право обычного, принятого у воюющих стран, прежде всего уголовного и гражданского права. Поэтому важно определить статус детей как группы, обладающей безусловным иммунитетом, в соответствии с действующим в период II Мировой войны уголовным и гражданским правом в СССР и РСФСР.

В Кодексе законов о браке, семье и опеке (р. III, гл. 1, ст. ст. 69, 70) с изменениями на 15 ноября 1940 г. в качестве основного критерия при определении статуса детства использовался критерий неполной дееспособности и иждивенчества: опеки (до 14 лет) или попечительства (14 – 18 лет), дающих право на получение алиментов[2]. Поэтому в Гражданском и семейном праве использовались термины: несовершеннолетние (дети) и до 14 лет, и до 18 лет.

Следует иметь в виду, что Кодекс законов о труде 1922 года лишал лиц до 16 лет права заниматься возмездным трудом (п.13)[3]. В то же время в юридической практике с 14 ноября 1927 г. имелись прецеденты эмансипации прав 14 – 18-летних лиц в области трудовых отношений (право распоряжаться зарплатой и заключать сделки, с согласия родителей, усыновителей и опекунов). В постатейные комментарии к Гражданскому кодексу они были включены в 1948 г., когда этот

---

1 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 114.

2 РСФСР. Законы. Кодекс законов о браке, семье и опеке. С изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 18.

3 РСФСР. Законы. Кодекс законов о труде 1922 года: Утв. IV сессией ВЦИК Советов 30 окт. 1922 г. / Наркомат труда. – Ростов н/Дону, 1922.

процесс уже стал де-факто[1] .

В 1942 г. в Кодексе законов о браке, семье и опеке (комм. к ст. 68, §1) получил развитие институт патронирования (воспитания) детей-сирот, а также воспитанников детских домов или домов младенцев от 5 месяцев до 14 лет. Патронирование осуществлялось до достижения 16-летнего возраста [2] .

В Уголовном кодексе (УК) РСФСР 1941 г. термины «дети» и «несовершеннолетние» также употреблялись как взаимозаменяемые. В ст. ст. 122, 152, 156 Уголовного кодекса выделялась группа «малолетних»: уголовная ответственность в случае их правонарушений возлагалась на лиц, обязанных заботиться о жизни и здоровье малолетних, в виде исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев или штрафа до трехсот рублей (УК РСФСР, ст. 156). Возраст малолетних детей впервые был определен в Постановлении Наркомата государственного призрения в 1918 году[3], где «малолетние» до 16 лет отделялись от «несовершеннолетних» 16–18 лет. Однако развитие исправительно-трудового законодательства в 1924–1935 гг. внесло путаницу в этот статус, отделив детей-правонарушителей до 14 лет, подлежавших исправлению в трудовых колониях, от «молодежи», подлежавшей устройству в ФЗУ и на другие промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Кроме того, уголовное преследование детей с 12 лет позволяло внутри слоя «малолетних» выделить группу правонарушителей 12–14 лет, подлежащих заключению в трудовые колонии.

В ст. 12 Уголовного кодекса указывалось, что несовершеннолетние с 12 лет, будучи уличены «в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, убийстве или попытке к убийству», должны привлекаться к уголовному суду с применением всех мер наказания. [25 ноября 1935 г. (СУ 1936 г.

---

1 РСФСР. Гражданский кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 августа 1948 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. издат-во мин-ва юстиции СССР, 1948. С. 14.

2 РСФСР. Кодекс законов о браке, семье и опеке, в 1942 г. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. С. 77.

3 НК госпризрения РСФСР. Постановление от 26.01.1918. «О переходе в ведение Народного Комиссариата государственного призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении коллегии призрения несовершеннолетних». [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_203.htm/ (дата обращения: 31.07.2017).

№ 1, ст.1)]. Если в УК РСФСР 1940 г. имелись ограничения применения этой статьи в отношении детей 12–16 лет, то в августе 1941 г. в данной статье УК РСФСР термин «дети» перестал употребляться, будучи вытесненным «несовершеннолетние, достигшие 12 лет», одновременно были сняты ограничения в наказании для лиц до 16 лет[1] .

В Уголовном кодексе 1941 г. был также исключен из комментариев § 2 к ст. 36., ограничивавший применение ссылки для несовершеннолетних и замену другими мерами социальной защиты, которые «дают большую возможность приспособить несовершеннолетних к труду и повысить их квалификацию [Постановление Пленума Верховного суда РСФСР, 26 июля 1931 г., пр. № 10]». Само понятие «социальной защиты», применительно к уголовному наказанию, перестало быть актуальным.

В связи с эвакуацией детей важное значение приобрело их материальное обеспечение. В качестве меры социальной защиты в УК, редакция августа 1941 г., приводятся меры наказания (включая лишение свободы от 2 до 3 лет) опекунам за уклонение от обеспечения детей, а также: «Непринятие мер охраны и заботы о воспитании детей-сирот председателями сельских советов и назначенными сельскими советами опекунами, допустивших своими действиями или бездействием вступление этих детей на путь бродяжничества» (УК РСФСР, ст. ст. 158, 158[1])[2] .

В то же время неоказание помощи больному со стороны медицинского персонала наказывалось более строго: исправительными работами на срок до 1 года или штрафом до трехсот рублей, если имелась опасность для больного – штрафом до 1 тысячи рублей (УК РСФСР, ст. 157)[3]. Это объясняет указание статуса детей в большинстве случаев в сводках Городской эвакуационной комиссии (ГЭК) в 1942 г. как больных, что предполагало более строгую уголовную ответственность со

1 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. … С. 6.
2 Там же. С. 81–82.
3 Там же. С. 81.

стороны медперсонала в их отношении.

В 1942 г. вновь стал актуальным критерий различения статусов «детство» и «несовершеннолетие»: обучение или трудовая деятельность. Это позволило отделить «детей» и «подростков» до 15 лет, подпадающих под действие закона о Всеобуче (о всеобщем 7-летнем обучении детей, начиная с 8 лет)[1], от «несовершеннолетних» или «молодежи» 16–18 лет.

Однако, в сентябре 1942 г. Указом Президиума ВС СССР вновь изменилась возрастная граница «молодежи», подлежащей призыву в школы ФЗО: для мужчин нижняя граница призывного возраста стала 15 лет[2].

В июле 1942 г. Указом Президиума ВС СССР продолжительность рабочего дня, во время обучения и на производстве, для подростков и молодежи 14–16 лет устанавливалась 6 часов[3].

Уголовное право 1942 года закрепило трудовую эмансипацию несовершеннолетних 16–18 лет. В УК 1942 г. вошел Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» («Ведомости ВС СССР», 1942 г., № 8) с указанием меры уголовного наказания: 1 год принудительных работ за уклонение от работ, начиная с 16–18 лет.

От мобилизации освобождались лица 16–18 лет, подлежащие призыву в школы Фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленные и железнодорожные училища (РУ и ЖУ), а также учащиеся высших и средних учебных заведений[4] .

Была расширена уголовная ответственность несовершеннолетних, начиная с 14 лет, за трудовые преступления, не предусмотренные в постановлениях ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди

---

1 С 1 сентября 1944 г. нижняя граница возраста поступления в школу опустилась до 7 лет.

2 Президиум ВС СССР. Указ от 14.09.1942 г. О возрасте молодежи, призываемой в школы фабрично-заводского обучения. [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4364.htm/ (дата обращения: 08.08.2017).

3 Президиум ВС СССР. Указ от 14.07.1942 г. О продолжительности рабочего дня для подростков от 14 до 16 лет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4360.htm/ (дата обращения: 08.08.2017).

4 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1942. С. 113–114.

несовершеннолетних», а также, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 31 мая 1941, наступление уголовной ответственности в случае совершения преступления по неосторожности[1] .

Различение статусных категорий «несовершеннолетние» и «подростки», как трудоспособные, и «малолетние», «дети», как нетрудоспособные, было закреплено в постатейных комментариях в Уголовном кодексе в 1943 году: появился юридический термин «подростки», со ссылкой на термин «несовершеннолетние». Это соответствовало реализации закона о всеобуче, охватывавшего несовершеннолетних от 8 до 15 лет, а с 1 сентября 1944 от 7 до 14 лет. Тогда же статус «учащиеся» был закреплен за подростками: за уклонение от участия в сельскохозяйственных работах подростки 14–16 лет освобождались от уголовного наказания в связи с основным статусом «учащиеся», распространявшимся и на не обучающихся подростков этого возраста (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1942 г. № 16/м/18/4)[2]. В то же время подтверждалась уголовная ответственность за нарушение дисциплины и самовольный уход с работы: заключение в трудовую колонию сроком на 1 год[3]. В ряде работ исследователи приравнивают это заключение к тюремному, что спорно[4].

Необходимо указать на специфические особенности применения правовых норм определения статуса детства в блокированном Ленинграде в 1941–1943 годах, порождавших правовые конфликты. Во-первых: выделение группы «дети до 12 лет» при распределении продовольствия. Внутренние противоречия такого статуса наиболее отчетливо выражены в эвакуационной статистике: докладных и актах организации питания в пути (1942 год)[5]. Например, в детских домах «детей»

---

1 Там же. С. 116.

2 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 114.

3 Там же. С. 124.

4 *Чернов С. Н.* Подготовка промышленных кадров РФ в годы Великой Отечественной войны. Дисс. … д. и. н. – Петрозаводск, 1998. С. 76–77 ; *Калайчева Т. М.* Трудовые резервы Ленинграда в годы блокады (1941-1944). Дисс. … к. и.н. – СПб., 2002. С. 72. Следует заметить, что действие п. 5 Указа от 26 июня 1940 о заключении в тюрьму за самовольный уход из учреждения и предприятия не распространялось на лиц до 16 лет.

5 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 37. (Докладные и акты начальников эшелонов). 159 л.

оказывалось ничтожно мало, а в группе инвалидов они составляли большинство[1]. Критерий нормирования при распределении продовольственных карточек был неустойчивым, так как в 1942 г. в группу «детская норма» попадали и 13-летние.

Другой особенностью являлось смещение идентификации детства и молодости, что приводило к нарушениям статистики контингента в детских учреждениях: в 1945 г. в эвакуированных детдомах среди воспитанников находились 20-летние молодые люди[2]. В детских дошкольных интернатах содержались дети до 10 лет, по решению Ленгорисполкома 1942 г.[3].

В правительственных документах, касающихся призывов в Трудовые резервы, употреблялось понятие «молодежь»: мужского пола, начиная с 14 лет, и женского пола, начиная с 15 лет. Амбивалентность этого понятия проявлялась в том, что питанием, одеждой и обувью призывников должны были снабжать детские дома, колхозы или родители. Таким образом, эта «молодежь» обладала основным свойством детства: материальной зависимостью[4].

Весной 1943 г. эта конфликтность обострилась в связи с организацией всеобуча. Так, Постановление СНК РСФСР № 675 «О возвращении в школу детей в возрасте до 14 лет» от 3 октября 1942[5] противоречило конституционной норме всеобуча (ст. 121). 14 июля 1943 г. было издано Постановление СНК РСФСР № 637 «Об утверждении инструкции об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении»[6].

Конфликтность правового определения статуса детства, как имевшего иммунитет и подлежащего спасению, проявилась в недостоверности блокадной статистики, анализ которой затруднен из-за многочисленных искажений данных.

---

1 Там же. Д. 91. (Итоговые сведения по эвакуации. 27 мая – ок. 22 сентября 1942). 12 л.

2 Такая возможность предусматривалась для трудовых домов НКВД исправительно-трудового типа.

3 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда. – М.: Медицина, 1985. С. 76.

4 Постановление СНК СССР № 1083 от 4 октября 1943 г. «Об очередном призыве молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 219. Л. 1 – 9об.

5 Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. – Л., 1942. – № 21 – 22 (529– 530). С. 14.

6 Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – М., 1943. – № 4. С. 46–50.

В целом определение правового статуса детства в законодательстве РСФСР в 1940–1944 гг. соответствовало нормам Международного трудового права, в котором различались возрастные группы лиц до 18 лет: несовершеннолетние, дети, малолетние дети, подростки. Основными критериями различения статусов «детство» и «несовершеннолетние» являлись: обучение или трудовая деятельность. Соответственно в РСФСР группы «детей» и «подростков» до 15 лет, подпадающих под действие закона о всеобще-обязательном обучении (Всеобуче) как «учащиеся», подлежащие обучению[1], отделялись от «несовершеннолетних», то есть старших подростков 16–18 лет, трудовая эмансипация которых была закреплена в 1942 г. уголовным правом. В Уголовном кодексе РСФСР 1941 г. дополнительно была выделена группа «малолетние» до 12 лет. Эта группа определялась как «дети» при нормировании питания.

Сохранение за несовершеннолетними 14–15 лет статуса подлежащих обучению позволяет нам включать данную категорию в число детей, имевших иммунитет, которых должно было спасать в условиях военной осады и блокады Ленинграда. В то же время несовершеннолетние 16–18 лет, несмотря на сохранение статуса неполной социальной зрелости: попечительство их со стороны родителей, усыновителей, статус детства утратили в результате частичной эмансипации: включения в трудовые отношения[2].

Таким образом, несмотря на тяготы войны, Советское правительство в 1941–1945 гг. принимало меры для соблюдения конституционных прав по охране детства и материнства (ст.122), на образование (ст.121). Чрезвычайные условия усугубляли выявленную внутреннюю конфликтность при реализации этих прав.

§ 2. Наличие гражданского населения в осажденном Ленинграде в 1941–1944 годах

1 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 114.

2 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011. С. 42.

2.2.1. Численность гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 годах

Историко-демографические данные о наличии гражданского населения в Ленинграде в июне 1941 г. в течение длительного времени являлись секретными. Обычно использовались результаты переписи 1939 года, в которые исследователями вносились поправки.

Н. А. Ломагин привел данные Главного управления имперской безопасности Германии от 16 октября 1942 г., в соответствии с которыми в Ленинграде находилось около 4–4,5 миллионов человек, включая военнослужащих и беженцев (за основу брались 3, 2 млн. человек, согласно переписи 1939 г.)[1]. В статье А. З. Ваксера указывается число постоянно проживавших в Ленинграде на начало 1941 г.: 3 398 тыс. чел. без учета приезжавших из пригородов. Это число берется как основное в исследовании С. Б. Бизева[2]. Динамика населения за 1939–1941 годы была воспроизведена Н. Ю. Черепениной на основе работы с документами Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), с учетом показателей смертности и рождаемости. В то же время исследовательница указала, что ей не удалось найти данные по естественной динамике населения за 1941 г.[3]

Ю. З. Кантор, на основе Справки Начальнику Управления милиции г. Ленинграда, ст. майору милиции т. Грушко от 6 сентября 1941 г. о численности ленинградского населения, пишет, что на 22 июня 1941 г. в городе состояло: 2 812 634 чел., и на 4 сентября 1941 г.: 2 457 605 чел. В том числе, на 22 июня 1941 г. в

---

1 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб и НКВД. – СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 133.

2 *Бизев С. Б.* Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дисс. … к. и. н. – СПб., 2001. – С. 147 ; *Ваксер А. З.* Политические и экономические катаклизмы в России XX века и население Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга // Россия в XIX – XX веках. Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. – СПб., 1998. С. 349. Можно сравнить с данными статистического справочника, где указана численность населения Ленинграда в 1939 г. 3 421 тыс. (СССР в цифрах в 1980 году. Краткий статистический справочник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1981. С. 12).

3 *Черепенина Н. Ю.* Демографическая обстановка и здравоохранение в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 18–34. Исследовательница сравнила данные ЗАГСА (ЦГА СПб. Ф. 7484. Оп. 3. Д. 13); ЦУНХУ (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 261); переписи 17 января 1939 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 305).

городе проживали 591 603 чел. детей, из которых с родителями в эвакуацию до 4 сентября 1941 г. выбыли 3889 чел. Всего за период с 22 июня до 4 сентября 1941 г. по этим данным в эвакуацию выехали 363 318 чел.[1]. Однако в самой справке указано, что не отмечены дети, выбывшие в эвакуацию с детскими учреждениями, и, частично, ополченцы. Очевидно, что справка составлена с учетом военных ограничений на демографическую информацию[2].

В 2013 г. был рассекречен Статистический отчет УНХУ г. Ленинграда и Ленинградской области за 1940 год, переданный в ОК ВКП(б), который позволяет привести демографические данные на 1 января 1941 года[3]. Документ не публиковался[4]. В Отчете на основе сложных вычислений, произведенных на базе материала переписи (17 января 1939 г.) с учетом изменений за истекшие два года, в том числе данных о естественном и механическом движении за 11 месяцев 1940 г., сделаны выводы о динамике населения Ленинграда (с городами Кронштадт, Колпино, Петергоф, Пушкин) и Ленинградской области[5]. Этот документ положен в основу дальнейшего исследования[6].

В таблице I.2 приведены данные по динамике различных слоев населения по полу и возрасту по г. Ленинграду и пригородам. В таблице I.3 приведены данные по стратификации занятого населения в этих же регионах.

На начало 1939 года, согласно переписи населения в Ленинграде, вместе с Колпино, Кронштадтом, Петергофом и Пушкиным, проживало 3 193 677 чел.

Анализ таблицы I.2 показывает, что к началу 1940 г. произошло снижение

---

1 *Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады // Побратимы / [отв. ред. *Ю. З. Кантор*]. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 29–30; Справка УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области о численности населения в городе на 4 сентября 1941 [фотокопия] // Побратимы..., 2019. С. 368.

2 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. …. С. 6.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 24 (Ленинградский областной комитет ВКП(б)). Оп. 2 В. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Ленинграда на 01.01.1941 г., численности детей, заболеваемости и смертности насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41–13.VII.41). 326 л.

4 Несмотря на секретность документа с ним были знакомы некоторые зарубежные исследователи. Так, в карточке дела указано, что в 1993 г. с ним работал Р. Бидлэк. Очевидно, с этим был связан возросший научный интерес британских ученых к демографическим проблемам Ленинграда в 2001 г.

5 Естественное движение – рождаемость и смертность; механическое движение – выбытие и прибытие на место регистрации.

6 Приложение ко второй главе. Документ № 5. Таблицы I.2, I.3.

численности населения на 64 566 чел., по сравнению с началом 1939 г. Количество мужчин уменьшилось на 95 611 чел., женщин увеличилось на 31 045 чел. Следует предположить, что причинами этого явления были Советско-Финляндская война и политика репрессий, сопровождаемые сдвигами в различных возрастных стратах населения, взаимосвязанных между собой.

К 1 января 1941 года число мужчин выросло на 56 745 чел., а женщин на 31 206 чел., очевидно за счет как естественного прироста, так и механической миграции. Таким образом, общее число жителей Ленинграда с пригородами составило **3 217 062**, что на 23 385 чел. больше, чем в январе 1939 г.

Суммарный прирост произошел за счет женского населения, так как количество мужчин по сравнению с 1 января 1939 г. уменьшилось на 38 866 чел. Также прирост населения произошел за счет значительного увеличения числа младенцев 0–3 лет на 58 195 чел., в то же время сократилось число детей 8–15 лет на 17 623 чел.

По таблицам с данными по возрастам и причинам смерти, которые хранятся в ЦГА СПб, в фонде Научно-методического бюро санитарной статистики Ленгорздравотдела, можно уточнить наличие населения на 1 июля 1941 г. в Ленинграде с пригородами: Кронштадт, Колпино, Петергоф, Пушкин. За шесть месяцев 1941 года естественный прирост составил 17 457 чел.[1] Механическое движение за этот же период (по 15 районам, без пригородов) суммарно составляет выбытие 21 965 чел., за счет весенне-летних месяцев: апрель–июнь[2]. Все население Ленинграда с четырьмя пригородами в конце июня 1941 г. должно было составить ок. **3 212 554** чел., с учетом естественного прироста и механической миграции. Имеется незначительная погрешность из-за отсутствия данных о механическом

1 ЦГА СПб. Ф. 9713 (Научно-Методическое бюро санитарной статистики ЛГЗО). Оп. 2. Д. 18. (Статистические сведения об умерших по возрасту и полу и причинам смерти по районам города Ленинграда помесячные. 1941). 134 л. Суммарный результат вычислен мной – Л.Г.

2 Справка городского статистического управления директору педиатрического института Ю. А. Менделевой о механическом движении населения 15 районов Ленинграда за 1941–1943 гг. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 350–351. Подсчитано мной. В данном случае механическое движение очевидно предполагает изменение регистрации (прописки) – Л.Г.

движении населения в пригородах.

В то же время этот результат отличается от количества ленинградцев, которое приводят В. Жиромская, В. Исупов, Г. Корнилов в своей статье: 3 155 тысяч. Следует заметить, что авторы в своих подсчетах исходят из того, что в официальной переписи 1939 г. имели место преднамеренные приписки в среднем 1,7%. При этом демографические потери в Ленинграде за период с января 1939 г. по январь 1941 г. составили около 38,5 тысяч человек. Сами авторы замечают, что полученные данные недостаточно конкретны, в том числе отсутствуют сведения по естественному приросту населения[1]. Таким образом, есть основания полагать, что указанное нами число: 3 212 554 чел., которое учитывает прирост населения за указанный период ок. 19 тысяч человек на основе данных региональных архивов, является более точным.

Из таблицы I.3 видно, что на 1 января 1941 г., наряду с изменением демографической структуры населения за счет увеличения числа малолетних детей, уменьшилось количество занятых в народном хозяйстве, по сравнению с 1939 г., на 63 997 чел. (мужчин на 55 198 чел.; женщин на 8 799 чел.).

По материалам УНХУ по Ленинграду и Ленобласти число занятого населения включало 158 тысяч иногородних, ежедневно приезжавших на работу в Ленинград, в том числе 128 тыс. мужчин и 30 тыс. женщин. Всего женщины составляли в 1941 г. 47,2% от занятых в народном хозяйстве, среди них иногородние – только 3 %.

Несмотря на абсолютное уменьшение числа женщин, работавших в основных отраслях хозяйства (промышленности, строительстве), можно говорить о том, что общие выводы В. Голдман о влиянии гендерных факторов и росте занятости женщин в народном хозяйстве, в Ленинграде в 1941 г. подтверждаются[2]. Так, если на 01.01.1939 г. женщины составляли 46% занятых в промышленности Ленинграда, то на 01.01.1941 г. – 49%. С января 1939 по январь 1941 г. удельный вес

---

1 *Жиромская В., Исупов В., Корнилов Г.* Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. – 2019. – № 3. С. 5, 13. Использованы данные Российского государственного архива экономики.

2 *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. (1917–1937). … С. 330–337.

женщин, работавших в строительстве, остался без существенных изменений: 23%; почти не изменилось количество женщин в здравоохранении – ок. 77 %; также в просвещении, науке, искусстве – 52 %. На 01.01.1941 г. женщины составляли 49,7% от всех рабочих и служащих Ленинграда, что больше, чем в начале 1939 г.

Блокадная статистика несовершеннолетнего населения в Ленинграде в 1941–1944 гг. Ранее, на основе вычислений, нами было получено число детей и подростков 0–16,5 лет, проживавших в Ленинграде в июне 1941 г.: 848 067 чел., с указанием на возможность незначительной погрешности из-за механического движения населения[1].

С учетом рассекреченных материалов УНХУ г. Ленинграда и Ленобласти, в этот результат можно внести некоторые уточнения. Так, на 01.01.1941 г. **840 885** чел. ленинградского населения составили дети 0–15 лет (таблица I.2). Несовершеннолетних 16–18 лет Госплан учитывал как взрослых людей, относя к трудоспособному населению[2].

В то же время по сведениям Научно-Методического бюро санитарной статистики ЛГЗО, за первые шесть месяцев 1941 г. родилось живыми детей всего: 37 935 чел.[3] По этим же данным естественная смертность детей от 0 до 15 лет, с учетом пригородов, за январь – июнь 1941 г. составила: 5 999 чел.[4] Таким образом, естественный прирост составил 31 936 чел.

Тогда, к началу войны число детей и учащихся-подростков до 15 лет должно было бы составить: 872 821 чел. Однако, с учетом неизбежного перехода в старшую группу ок. 24 422 чел., можно получить более точное число: **848 399** чел.

Необходимо учесть механическое движение детей (0–15 лет) в январе – июне 1941 г., всего прибавилось 6 383 чел. (без учета пригородов)[5], тогда в июне 1941 г.

---

1 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011. С. 44.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 В. Д. 5115. Л. 16.

3 ЦГА СПб. Ф. 9713 (Научно-Методическое бюро санитарной статистики ЛГЗО). Оп.2. Д. 18. (Статистические сведения об умерших по возрасту и полу и причинам смерти по районам города Ленинграда помесячные. 1941). 134 л. Суммировано по данным месячных сводов – Л. Г.

4 Там же.

5 Справка городского статистического управления директору педиатрического института Ю. А. Менделевой о

в городе находилось всего **854 782 чел.** детей (0–15 лет).

К числу имевшихся к началу войны в Ленинграде детей следует прибавить рожденных живыми в период войны: за второе полугодие 1941 г. – 30 829 чел., в 1942 г. – 12 408 чел., в 1943 г. – 7 613 чел., или всего: 50 850 чел.[1]

Установлено, что на 5 декабря 1941 года в Ленинграде было временно прописано у родственников или на ведомственной площади 4 313 эвакуированных детей-беженцев[2].

Всего, таким образом, детей и подростков 0–15 лет, с июня 1941 года по август 1944 года должно было пребывать в Ленинграде, включая Петергоф и Пушкин, ок. **909 945** чел., включая прописанных детей-беженцев и детей, родившихся живыми в период войны (без учета выбывающих в эвакуацию)[3].

На начало 1941 г. в Ленинграде и пригородах детей ясельного и дошкольного возраста (0–7 лет) было 450 123 чел. (таблица I.2).

Для расчета действительного количества детей по каждой возрастной группе на 22 июня 1941 г. возьмем простую формулу:

$$C_n = C_{n-1} + B_n - G_n - D_n, \qquad (1)$$

где C_{n-1} – исходное количество детей, чел.;

B_n – количество рожденных, чел.;

G_n – количество детей, перешедших в следующую возрастную группу, чел.;

D_n – количество умерших детей, чел.;

C_n – действительное количество детей, чел.

Тогда к числу 450 123 чел. следует добавить 37 935 чел., появившихся на свет в первом полугодии 1941 года, и отнять ок. 19 105 чел., перешедших в старшую

механическом движении населения 15 районов Ленинграда за 1941–1943 гг. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 350–351. Суммировано мной с учетом данных по механическому выбытию – Л. Г.

1 Ленинград в осаде…, 1995. С. 352.

2 Там же. С. 590.

3 Это количество не учитывает динамику, связанную с выбытием в эвакуацию и смертность в период войны.

возрастную группу, а также ок. 5571 чел. – естественная смертность в мирное время внутри данной возрастной группы. Тогда всего к началу войны в Ленинграде было **463 382** чел. детей-дошкольников (1934–1941 г. рожд.). Из Отчета Гороно в Плановый отдел Ленгорисполкома следует, что в конце июня 1941 г. в 658 детских садах состояло 46 878 чел. (10% от общего числа)[1] .

Детей школьного возраста, подлежащих всеобучу (8–15 лет), на 01.01.1941 г. было 390 762 чел. (таблица I.2), из которых следует вычесть повзрослевших: 24 422 чел., умерших за полгода до войны: ок. 428 чел.[2], и прибавить перешедших в старшую возрастную группу дошкольников (ок. 19 105 чел.), или всего на конец июня 1941 г.: **385 017** чел. [подсчитано мной – Л.Г.]. Это меньше данных за 1939 г. – 407 139 чел. и 1940 г. – 397 377 чел.

Следует также указать, что в число подростков-учащихся надо включить контингент училищ Трудовых резервов, подлежащих обязательному начальному 7-летнему обучению. В 1940 – н. 1941 гг. в Ленинград для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах системы Трудовых резервов (ТР) прибыло 23 000 подростков из ряда областей России и Белоруссии. Среди учащихся Трудовых резервов 14–15 лет, контингент иногородних составлял 45% [3]. Тогда в сентябре 1941 г. около **12 420** учащихся РУ и ЖУ в г. Ленинграде являлись жителями Ленинградской области и других регионов. Их также следует включить в число детей и подростков 0–15 лет, находившихся в Ленинграде к началу войны.

Кроме того, на 01.01.1941 г. 35 700 чел. составляли 16 – 18-летние учащиеся 8–10 классов средних школ (таблица I.3). Среди учащихся-подростков были и 3 026 учащихся военных спецшкол Наркомпроса РСФСР4. Здесь необходимо внести поправку. Так как, согласно Госплану СССР, рабочий возраст наступал с 16 лет, эти

---

1 ЦГА СПб. Ф. 2076 (Плановая комиссия исполкома Лен. Гор. Совета народных депутатов). Оп. 4. Д. 54. Л. 197. (Отчет отдела народного образования Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г.).

2 ЦГА СПб. Ф. 9713. Оп. 2. Д. 18. 134 л.

3 ГА РФ. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР). Оп. 1. Д. 211. Л. 68, 69, 73.

4 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 180.

молодые люди («молодежь») подлежали трудовой мобилизации, одновременно происходила эмансипация, поэтому как дети они учитываться не должны.

В то же время учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО в сводке УНХУ на нач. 1941 г. были отнесены в страту «учащиеся вузов и средних технических учреждений», в которой наметилось резкое снижение, компенсированное таким образом. Уменьшение числа учащихся вузов и техникумов, вероятно, было связано с Указом о введении в 1940 г. платного обучения в них[1].

Таким образом, число детей и подростков-учащихся в возрасте 0–15 лет, которые пребывали в период войны в Ленинграде, с учетом Пушкина и Петергофа, может быть уточнено с появлением новых данных и включает минимум **922 365** чел. Справедливо ранее было указано, что необходимо учесть детей, живущих во Всеволжском и Парголовском районах Ленинградской области, которые также оказались в кольце блокады: к 28 ноября 1941 г. здесь находилось только эвакуированных детей-беженцев 23 246, в соотношении 1 : 2,8 ко взрослому населению беженцев [2]. Согласно Отчета парторганизации Облоно, – в районах, оказавшихся в блокадном кольце, к 22 июня 1942 г. были организованы 26 детсадов и 10 детдомов, к декабрю 1942 г. уже 11 детдомов, через которые прошло 4 125 человек детей, из них 3 365 чел. были эвакуированы вглубь страны[3] .

Таким образом, в осажденном Ленинграде, пригородах и блокированных районах Ленинградской области находилось более 940 тысяч детей до 15 лет, которых необходимо было спасти для полноценной жизни. Эти данные в целом подтверждают основной результат, полученный в нашем предшествующем диссертационном исследовании, и позволяют его уточнить.

2.2.2. Проблема социальной стратификации ленинградского населения как фактора выживаемости

Социальная структура ленинградского общества на 1 января 1941 г. по

---

1 ЦГАИПД СПб. Оп. 2в. Ф. 24. Д. 5115. Л. 32, 34.
2 Ленинград в осаде…, 1995. С. 274.
3 ЦГА СПб. Ф. 827 (Первичная партийная организация Леноблоно). Оп. 1. Д. 11 (нач. 11 февраля 1941 – ок. декабрь 1942). Л. 11, 14.

оценкам аналитической сводки УНХУ по г. Ленинграду и Ленобласти (далее УНХУ) для обкома ВКП(б) представляла собой следующие слои занятого населения Ленинграда: в промышленности, строительстве, на транспорте 928 560 чел., в сельском хозяйстве: 5 919 чел., в просвещении, науке, искусстве, здравоохранении: 189 812 чел., в торговле, жилищном и коммунальном хозяйстве и пр. организациях по обслуживанию хозяйства: 281 178 чел., в государственных учреждениях: 45 362 чел.; домработниц: 40 522 чел., кустарей: 121 955 чел., учащихся высших и средних профессиональных учебных заведений: 94 713 чел., инвалидов и пенсионеров: 47 289 чел., прочих занятых групп: 268 488 чел. Всего занятого населения: 2 023 798 чел., в том числе 158 000 чел. иногородних, ежедневно приезжавших на работу в Ленинград из области. Все население Ленинграда составляло 3 217 062 чел., включая 1 351 264 иждивенцев (женщин и детей, в том числе старшеклассников), но без указанных иногородних[1].

Таким образом, можно выделить несколько групп, свидетельствующих о неоднородном социально-политическом менталитете ленинградцев: домашняя женская прислуга (40 522 или 1,3%), домохозяйки (510 379 или 16%), кустари (121 955 или 3,8%). Всего: 672 856 чел. или 21%. С этими социальными группами можно связать сохранение ценностей традиционной культуры: семейного быта, городского мещанства, привыкшего к прислуге. Подобный быт описан в блокадных дневниках художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой, всю блокаду не расстававшейся со своей домработницей.

Для сравнения отметим характерные изменения в структуре доходов населения Ленинградской области. В отчете УНХУ указывалось, что в 1940 г. по сравнению с 1939 г. вырос среднемесячный доход рабочего и составил 356 руб., за счет увеличения дохода от сдачи жилплощади, в связи со снятием пограничной полосы в приграничных районах Ленинградской области[2]. Речь идет, в основном,

1 ЦГАИПД СПб. Оп. 2в. Ф. 24 (Ленинградский Областной Комитет ВКП(б)). Д. 5115. (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да. 06. II. 41–13.VII. 41). Л. 21, 27.

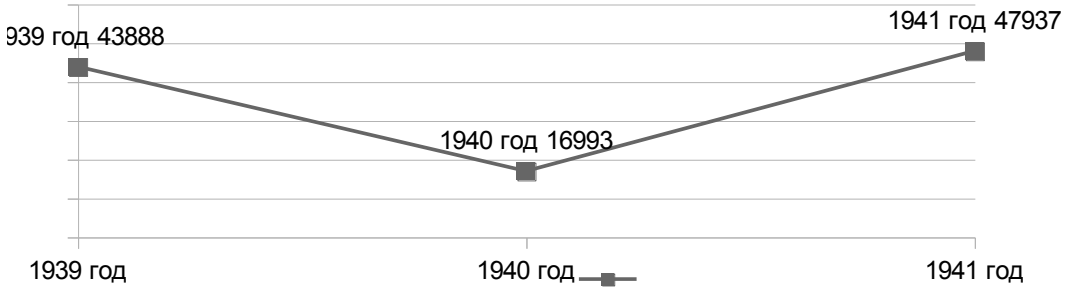
2 Там же. Л. 148.

об аренде дач на лето в курортных районах близ границы Финляндии. При этом удельный вес зарплаты в общем доходе снизился до 80,6 %. Таким образом, до 20% обычного дохода рабочих Ленинградской области составлял традиционный доход мелкого буржуа: рента.

Необходимо также отметить наличие крупной маргинальной группы, которая является скрытой частью указанного статистического отчета УНХУ. Наблюдение за динамикой группы иждивенцев отдельных лиц (мужчин в трудоспособном возрасте, лишенных пенсий и пособий по инвалидности) на протяжении 1939–1941 годов, позволяет предположить, что эта группа представляла собой вынужденных «тунеядцев», лишенных права на социальные пособия.

Диаграмма 1 отражает скачкообразные изменения численности этой группы, вероятно, как результат высылок (более 3,5 месяцев можно было «тунеядствовать» лишь при наличии подтвержденного иждивенчества у кого-либо).

Диаграмма 1. Динамика группы иждивенцев отдельных лиц в 1939–1941 гг.



31 июля 1937 года были отменены ограничения в пенсионном обеспечении без приговора суда (при условии, что ранее они трудились) для лиц, ранее лишавшихся избирательных прав по социальному происхождению или в связи с прошлой деятельностью[1]. Таким образом, категория представителей «бывших» сословий, в том числе священнослужителей, которых в Петербурге оставалось довольно много, могла распределиться между стратой пенсионеров и стратой лиц,

1 СНК СССР. Постановление от 31.07.1937 г. N 1230 Об отмене ограничений в пенсионном обеспечении для лиц, ранее лишавшихся избирательных прав [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4111.htm/ (дата обращения: 15.08.2017).

находящихся на чьем-либо иждивении.

С этим явлением мог быть связан «демографический крест» поколения детей, рожденных в 1934–1937 годы, которым в 1941 г. было 4–7 лет. На одно поколение сверстников этой страты приходится в среднем 38 209 чел., что, по крайней мере, на 20 тысяч ниже нормы. Или всего ок. 80 тысяч детей, потерянных за этот период, вероятнее всего высланных вместе с родителями.

За период 1939 года потери зрелого мужского населения Ленинграда и пригородов составили 109 676 чел. Сравнение с показателями занятости в народном хозяйстве позволяет сделать вывод, что, наряду с иждивенцами, сокращение затронуло промышленность и транспорт: 66770 чел., здравоохранение: 2302 чел., государственные учреждения: 2048 чел. (таблица I.3).

Какую роль сыграла советско-финляндская война (30.11.1939 – 12.03.1940) в демографических сдвигах в предвоенном Ленинграде?

В декабре 1939 г. людские потери советских войск составили погибшими 11 676 чел. Кроме того, пропало без вести 5 965 чел. (эти потери не считались невозвратными до выяснения обстоятельств). Общая численность войск, занятых в данной кампании на 1 января 1940 г. – 550 757 чел. Таким образом, невозвратные потери были ок. 2%. По итоговым донесениям из войск на 15 марта 1940 г. невозвратные потери составили 95 348 чел. из 760 578 чел., числящихся в действующей армии к первым числам марта 1940 г. или 12,5%[1]. Даже если допустить, что 109 600 ленинградских мужчин, выбывших в 1939 г., были призваны в армию – это не могло стать основанием исключения их из состава ленинградского населения. Невозможно объяснить и отсутствие 64 135 после демобилизации на 01.01.1941 г., так как невозвратные потери к этому времени составляли лишь 12,5%. Из числа раненых, контуженых, обмороженных и пр. было всего уволено с исключением с воинского учета 18,9% (46 925 чел.)[2]. В то

1 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. – М.: Вече, 2010. С. 170, 174.

2 Там же. С. 174.

же время количество мужчин-пенсионеров и инвалидов в Ленинграде за период с 01.01.1940 г. по 01.01.1941 г. не изменилось и составляло 19 861 чел. (таблица I.3). Таким образом, потери мужского населения Ленинграда за 1939 год лишь частично были вызваны советско-финляндской войной.

В сводке УНХУ уменьшение занятого населения, наряду с мобилизацией в армию, объясняется действием Указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г.[1] Данным Указом отменялось обязательное увольнение за прогулы и заменялось исправительно-трудовыми работами по месту работы сроком до 6 месяцев с удержанием из зарплаты 25%. За самовольный уход из предприятий или учреждений следовало тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев[2]. Указ касался только лиц старше 16 лет. В сводном отчете УНХУ по г. Ленинграду и Ленинградской области названо число лиц, преданных суду за прогулы и уходы с работы, по 14 наркоматам только за февраль 1941 г. – 1996 чел., что меньше в сравнении с июлем 1940 г. (ок. 4 600 чел.)[3]. Всего же за восемь месяцев с июля 1940 по февраль 1941 гг. лиц, подвергшихся таким наказаниям, могло быть более 26 400 чел. [подсчитано мной – Л. Г.].

Статьей 38 Положения о паспортах, утвержденного Постановлением СНК СССР от 10 сентября 1940 г. и Приказом НКВД СССР № 0407 от 18 сентября 1940 г., в Ленинграде и 100-километровой полосе вокруг него запрещалось проживать лицам, отбывшим срочное лишение свободы или ссылку за ряд преступлений, а также перебежчикам из-за границы, лицам лишенным избирательных прав, лицам не занятым общественно-полезным трудом более 3-х месяцев (кроме инвалидов, пенсионеров и иждивенцев трудящихся), лицам финской национальности и пр.[4]

Таким образом, одним из объяснений демографических потерь, наряду с

---

1 ЦГАИПД СПб. Оп. 2в. Ф. 24. Д. 5115. Л. 33.

2 О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [Указ от 26 июня 1940 г.] // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 141–142.

3 ЦГАИПД СПб. Оп. 2в. Ф. 24. Д. 5115. Л. 123.

4 *Иванов Д. В.* Некоторые вопросы нормативного регулирования паспортного режима в Ленинграде в 1940-е – начале 1950-х гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 1 (38). С. 313–315.

Советско-Финляндской войной, могут быть репрессии, сопровождавшиеся массовыми ссылками, и частичным замещением трудовых резервов за счет механической миграции. Неоднородность социальной среды, порождая внутренние, скрытые от наших глаз ментальные конфликты в Ленинграде 1941 г., была сглажена иллюзией однородности политико-правовой культуры.

Общие выводы к главе: Число жителей Ленинграда в конце июня 1941 г. составляло **3 212 554** чел., с учетом естественного прироста и миграции. Из которых число детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет – минимум **854 782** чел.

Анализ статуса гражданского населения Ленинграда в соответствии с нормами международного права, а также обычного: гражданского и уголовного права СССР, позволяет прийти к выводу, что основные демократические принципы защиты прав гражданского населения в 1941–1944 гг. были определены и конкретизированы целым рядом правовых документов, по которым удалось добиться согласия большинства участников международного правового процесса. Это нашло отражение в решениях Нюрнбергского процесса. Формирование Устава Международного военного трибунала (МВТ) опиралось на сложившиеся обычаи войн, отраженные в Гаагских и Женевских конвенциях. Статья 8 Устава МВТ устанавливала ответственность за выполнение преступного приказа.

МВТ было вынесен приговор Йодлю, начальнику штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил Германии, обвиненному в подписании преступного приказа об уничтожении Ленинграда. Был также вынесен приговор Герингу, обвиненному в распоряжениях, предумышленно повлекших лишение населения продовольственного снабжения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ЦЕННЫХ ГРУЗОВ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1942 ГОДАХ

§1. Основные направления историографии проблемы

Проблема эвакуации ленинградского населения затрагивалась множеством исследователей. Базовым документом, который использовался в советский период во всех исследованиях по эвакуационной статистике, являлась справка по эвакуации населения из г. Ленинграда за период с 29/ VI-41 г. по 1/IV-43 г., хранящаяся в коллекции документов Института истории партии Ленинградского ОК КПСС. Согласно данной справки из города удалось вывезти 1 743 129 чел., в том числе 636 203 чел. летом 1941 г.[1] В то же время исторические исследования вопроса были затруднены в следствие длительного периода секретности первичных документов, на основе которых была составлена данная справка.

Одним из первых глубоких исследований вопросов организации эвакуации из Ленинграда является статья С. А. Уродкова, которая не потеряла своей актуальности, однако приведенные в ней факты требуют уточнения в силу указанных обстоятельств[2]. Впервые наиболее острые проблемы организации эвакуации были сформулированы в работе А. В. Карасева[3]. Роль органов ВКП(б) при осуществлении эвакуации была раскрыта в ряде специальных трудов, в то же время деятельность Совета по эвакуации при СНК СССР оставалась в тени[4]. В

---

1 Приложение к третьей главе. Документ № 13. Таблица II.4. В последних публикациях документов наметилось возвращение к некритичному использованию данных справки (Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / отв. редактор А. К. Сорокин. – М.: РОССПЭН, 2019. С. 37).

2 *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – 8. С. 88–102.

3 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959.

4 *Байдаков П., Яробков В.* Деятельность политорганов и партийных организаций железнодорожных войск Ленинградского фронта в период обороны города Ленинграда (июнь 1941 – январь 1944 гг.). – Л., 1971; *Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л., 1985.

конце 1990-х гг. мероприятия по организации эвакуации населения Северо-Западного региона со стороны военных и гражданских органов власти были проанализированы на доступных в то время архивных материалах А. В. Похилюка[1].

Л. Гурэ, американским историком, было указано, что из Ленинграда летом 1941 г. смогли эвакуировать не более 170 тысяч чел. по железной дороге и еще ок. 40 тысяч в начале сентября на другом транспорте. Эти данные некритично повторяет современный канадский историк К. Ботерблем[2]. Таким образом, вопросы численности эвакуированного из Ленинграда населения, как и организация эвакуации, оказались в центре не только научной, но и идеологической полемики. Эти проблемы остаются актуальными в истории блокады по сей день[3].

Значительный вклад в изучение данного вопроса ученых различных регионов России и других республик бывшего СССР, куда были эвакуированы ленинградцы, знаменовался объединением усилий в рамках Всероссийского межрегионального проекта (автор идеи: проф., д. и. н. Ю. З. Кантор). Интерес также представляет публикация документов по работе Дороги жизни в рамках проекта «Ленинград. Война. Блокада»[4]. Важное значение имеют сборники

---

1 *Похилюк А. В.* Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны. Автореф. дисс….д.и.н. СПб., 1999.

2 *Gouré L.* The siege of Leningrad. Stanford: Stanford Univ. Press, 1962; *Boterbloem K.* The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948. – Montreal, 2004. P. 229.

3 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. - СПб.: Вести, 2001 ; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2013 ; *Фролов М. И.* «Салют и реквием»: Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. - СПб.: ЛГОУ, 2003 ; *Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1. С. 56–69.

4 Побратимы / отв. ред. *Ю. З. Кантор*. – М.: Политическая энциклопедия, 2019 ; *Потемкина М. Н.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Романовские чтения-12. Сборник статей Международной научной конференции. Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 2017. – Могилев : МГУ, 2017. – С. 47–48 ; *Снегирева Л. И.* Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941-1943 гг.) // Вестник ТПГУ. – Томск, 2014. – Вып.3. С. 30–37 ; *Ее же.* Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТПГУ. – Томск, 2015. – Вып.2. С. 38–42 ; *Ее же.* К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса // Вестник Кемеровского гос. Ун-та. – 2015. – №2, Т. 6. С. 201–205 ; *Букренева К. Г.* Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. Ун-та, 2015 ; *Дунбинская Т. И.* Статистика эвакуированных местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТПГУ. – Томск, 2011. – №13. С.

постановлений ОК и ГК ВКП(б) и стенограммы заседаний Исполкома Ленинградского Совета депутатов трудящихся[1].

К 75-летию Победы над фашизмом Архивным Комитетом Санкт-Петербурга был реализован онлайн-проект «Блокада Ленинграда. Эвакуация», который содержит данные по эвакуации более чем 6 тысяч ленинградцев на основе оцифрованной картотеки Городской Эвакуационной комиссии, дополненной информацией картотек, передаваемых на хранение в ЦГА СПб районными администрациями Санкт-Петербурга (руководитель проекта М. В. Мишенкова, консультант Н. Ю. Черепенина)[2].

В то же время наиболее острые вопросы остаются открытыми, требуя комплексного исследования всей базы рассекреченных документов. Опираясь на анализ научных трудов наших коллег, и дополняя из результатами новых изысканий, постараемся осветить эти вопросы и уточнить некоторые факты.

§2. Эвакуация гражданского населения и ценных грузов из Ленинграда в 1941 году

3.2.1. Организация эвакуации летом – осенью 1941 года.

Организация эвакуации в документах центральных органов государственной власти. Организация эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы, а также вывоз материальных ценностей и продовольствия были возложены на Совет по эвакуации (СЭ) при СНК СССР (Постановление ЦК

46–51 ; Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2018.

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / отв. сост. *К. А. Болдовский.* Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019 ; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017; Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Арт-Экспресс, 2018.

2 Блокада Ленинграда. Эвакуация [Электронный ресурс] // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». URL: https://evacuation.spbarchives.ru/ (дата обращения 17.07.2020).

ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г.). На Совете по эвакуации обсуждались важнейшие вопросы, затем принимались необходимые Постановления и распоряжения, которые подкреплялись соответствующим Постановлением СНК СССР, либо выносились на ГКО СССР (после 30 июня 1941 г.).

27 июня 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»[1]. По мнению М. Н. Потемкиной подготовка постановления вызвала серьезные разногласия между членами Совета по эвакуации и ЦК ВКП(б), что отразилось в черновиках документа[2]. Постановление регламентировало очередность эвакуации: промышленных, сырьевых, продовольственных ресурсов, в первую очередь; затем групп населения: квалифицированных рабочих, служащих, из населения выделялась молодежь, годная для военной службы, и ответственные советские и партийные работники (в первоначальном проекте в первую очередь эвакуировались дети). При невозможности вывоза, распоряжением Военных Советов фронтов ценное имущество, продовольствие подлежали уничтожению и сожжению. Вывоз по заданиям Совета по эвакуации и Военных Советов фронтов возлагался на местные органы Советской власти. Был определен порядок размещения вывозимого населения и имущества, организация питания вывозимого населения в пути следования возлагалась на органы Наркомата внутренней торговли СССР и Центросоюз, а в пунктах размещения – на СНК союзных республик и облисполкомы, также как и прием, размещение, трудовое устройство, под ответственность председателей. Объекты и время эвакуации населения и материальных ценностей должны были устанавливаться как Советом по эвакуации, так и Военными Советами фронтов, в силу обстановки.

В тот же день, 27 июня 1941 г., бюро Ленинградских ОК и ГК ВКП(б) постановило создать комиссию по эвакуации в составе Б. М. Мотылева

---

1 О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6. С. 208.

2 *Потемкина М. Н.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Там же. С. 47–48.

(председатель), А. П. Смирнова, заместитель председателя от ГК ВКП(б), Е. Т. Федоровой от горисполкома, В. Д. Семина от облисполкома, И. С. Шикторова от УНКВД ЛО, Б. К. Саламбекова от Октябрьской железной дороги, Н. А. Белозерова от Ленинградской железной дороги, Пядышева – уполномоченного Госплана[1]. Одновременно были созданы районные комиссии при райисполкомах. Для решения задачи приема беженцев 8 июля 1941 г. при Ленинградском областном Совете был создан отдел по эвакуации населения во главе с В. Д. Семиным, заместителем председателя Леноблисполкома[2].

28 июня 1941 г. в соответствии с вышеуказанным Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было принято Постановление Военного Совета Северного фронта об организации эвакуации населения и материальных ценностей[3].

5 июля 1941 г. были приняты три Постановления СНК СССР, регламентировавших порядок эвакуации населения, с грифом «Совершенно секретно»: № 1821-814сс о порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы, № 1821-815сс об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий», № 1821-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время[4].

Наиболее благоприятные условия при эвакуации следовало создать для членов семей руководящих работников и начальствующего состава: обеспечение всем необходимым, выбор места эвакуации, право на первоочередное трудоустройство. Эвакуация рабочих и служащих обеспечивалась народными комиссарами и директорами предприятий, по указанию СНК СССР. Эвакуация

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 106.

2 *Шишкин В. А.* Глава III. Прифронтовой город // Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / *А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали [и др.]*. Л.: Лен. Отд-ие изд-ва «Наука», 1974. С. 91– 92, 94.

3 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг./ Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966. С. 39–40. Подписано командующим Северного фронта ген.-лейт. М. М. Поповым и членами Военсовета.

4 *Потемкина М. Н.* Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы // Там же. С. 48.

остального населения организовывалась местными органами Советской власти по решению Совета по эвакуации или местного военного командования[1].

Вне внимания историков оказались протоколы Совета по эвакуации (СЭ) при СНК СССР, длительное время являвшиеся секретными. Проекты указанных Постановлений были рассмотрены еще 1 июля 1941 г. на заседании Совета по эвакуации (Протокол № 5), где были внесены некоторые изменения. В Постановлении об эвакуации населения (№ 1821-818сс) был исключен пункт, разрешающий милиции задерживать эшелоны до 30 минут; в Постановлении об эвакуации рабочих (№ 1821-815сс) добавлялся пункт об обеспечении питанием в пути, разрешалось производить эвакуацию рабочих и служащих отдельно от оборудования предприятия. 4 июля 1941 г. на шестом заседании Совета по эвакуации было решено усилить вывоз семей рабочих и служащих Москвы и Ленинграда за город, в основном автомобильным и речным транспортом[2].

В соответствии с этими Постановлениями, 5 июля 1941 г. Начальником штаба Северного фронта ген.-майором Никишевым была направлена инструкция о порядке эвакуации из прифронтовой полосы: Военным Советам 14, 7, 43 Армий, КБФ, начальнику войск тыла Северного фронта ген.-лейт. Степанову, Председателю комиссии по эвакуации Попкову, а также в Эстонию ген.-майору Любовцеву. Эвакуация из прифронтовой полосы должна была производиться примерно за 5 суток до отхода армии, на глубину до 15 км от линии фронта, по специально высвобождаемым грунтовым дорогам. Эвакуация населения возлагалась на местные органы власти по грунтовым дорогам, освобождая железные дороги для выполнения стратегического маневра, за исключением семей военных руководителей, которых следовало эвакуировать эшелонами на ст. Мга для дальнейшей эвакуации[3].

Порядок материального обеспечения эвакуируемых рабочих и служащих с

1 Там же.
2 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 15, 21. Приложение к третьей главе. Документ № 1.
3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 22. Л. 56, 57.

предприятиями и учреждениями регламентировался Постановлением СНК СССР № 1791 от 1 июля 1941 г. «О выдаче денежных пособий переселяемым из занимаемых ими помещений в связи с переводом предприятий и учреждений в другие местности»[1].

Постановлением СНК СССР № 1823-816сс от 5 июля 1941 г. утверждалось Положение «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы». Оно было дополнено Постановлениями СНК СССР № № 1857 от 14 июля 1941 г. об ассигнованиях на содержание эвакопунктов и № 1874 от 16 июля 1941 г. о питании эвакуируемого населения из прифронтовой полосы. Последнее утверждало порядок бесплатного предоставления питания во время всего пути следования и 5–7 дней по прибытии на место из расчета 6 руб. в сутки при 2-х кратном питании[2]. Данное постановление соответствовало распоряжению Совета по эвакуации, принятому 28 июня 1941 г. Контроль за питанием и медицинским обслуживанием эвакуируемых должны были осуществлять уполномоченные совета по эвакуации на местах [3].

План погрузки эвакуируемого населения и ценных грузов по железной дороге на 2 декаду июля 1941 г. был утвержден Постановлением ГКО СССР № 137сс[4]. Постановлением СНК СССР № 1869-840 от 15 июля 1941 г. устанавливались места и порядок разгрузки и хранения бездокументарных эвакуируемых грузов из прифронтовой полосы[5].

Важнейшими задачами Совета по эвакуации должна была стать эвакуация предприятий, скота, зерно-фуража, имущества МТС, МТМ и совхозов, что видно из Постановлений ГКО СССР: № 99сс от 11 июля 1941 г., которым определялся список промышленных предприятий, подлежащих эвакуации и № 165сс от 16 июля 1941 г. об эвакуации из прифронтовых районов скота, зерно-фуража,

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 71.
2 Там же. Л. 105–111, 169–171, 398–399.
3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп.1. Д. 543. Л. 1к. Приложение к третьей главе. Документ № 1 (Протокол № 5 заседания СЭ от 1 июля 1941 г.)
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. … Т. 1: 1941–1943. С. 61.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 392–397.

принадлежащих колхозам, а также совхозам и другим государственным организациям, и имущества МТС, МТМ и совхозов[1].

На пятом заседании Совета по эвакуации 1 июля 1941 г., наряду с порядком вывоза эвакуируемого населения, обсуждался порядок вывоза хлебных грузов из наиболее крупных пунктов ежесуточно 3–3,5 тыс. вагонов. Необходимо отметить, что, хотя на данном заседании присутствовал Л. М. Каганович, но протокол был подписан А. Н. Косыгиным. Видимо, прения привели к расколу внутри состава Совета по эвакуации, что и отразилось в самоустранении Кагановича. К этому вопросу вернулись на шестом заседании СЭ 4 июля 1941 г., где по вопросу об эвакуации хлеба, сахара и продовольственных товаров выступили Косыгин, Каганович, Первухин и Шверник. Было решено, что НКПС даст отдельное распоряжение по вывозу их из районов военных действий. Из остальных районов предложения НКПС по эвакуации продовольствия следовало подготовить к 5 июля 1941 г.[2] К вопросу об эвакуации продовольствия из прифронтовой полосы возвращались неоднократно. Так на заседании Совета по эвакуации 18 июля 1941 г. был заслушан отчет о ходе эвакуации продовольствия и принято решение о вывозе сахара в 5-дневный срок из прифронтовой полосы, а из остальных районов в 8-дневный срок. Кроме того, было поручено НКПС (Кагановичу) «дать телеграфное распоряжение начальникам дорог прифронтовой полосы о внеочередной погрузке хлебофуража, сахара и продовольственных товаров, резко уменьшив перевозки людей…»[3].

Распоряжением Совета по эвакуации СНК СССР № 4959 СЭ от 12 июля 1941 г. мобилизационные и государственные резервы продовольствия, находившиеся в ведении Управления государственных и мобилизационных резервов (УГМР), были передислоцированы из Ленинграда в другие регионы РСФСР. Рыбные консервы: 3 232 туб[4] (в Свердловск и Омск); мясные консервы: 2 500 туб (в Саратов, Оренбург,

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность …Т. 1: 1941–1943. С. 53, 65.
2 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 18, 20. Приложение к третьей главе. Документ № 1.
3 Там же. Л. 34, 35. Приложение к третьей главе. Документ № 1.
4 Туб – тысяча условных банок.

Куйбышев); молочные консервы: 1 000 туб; сахар: 20 000 тонн (в Киров, Казань, Уфу, Челябинск, Сталинград, Саратов, Оренбург, Челябинск, Омск, Свердловск, Курган); хозяйственное мыло: 1 335 тонн (Челябинск, Свердловск); какао-бобы: 1 136 тонн (Уфа, Куйбышев)[1]. Вывезены были также стратегические запасы зерна[2]. Согласно Распоряжению Совета по эвакуации № 13642-СЭ от 24 августа 1941 г., холодильные установки были демонтированы, в т. ч. с пищевых складов и хладокомбината, и 12 компрессоров также были вывезены (в Молотов, Улан-Удэ, Казань, Уфу, Алтайский край). Было демонтировано и вывезено сухоледное оборудование с хладокомбината и технологическое оборудование с колбасного завода № 2 и молокозавода № 3[3]. Распоряжением Совета по эвакуации № 13671-СЭ от 26 августа 1941 г. было также демонтировано и вывезено электрооборудование с 14 предприятий Наркомрыбпрома СССР, в том числе с материальных складов и консервных заводов треста «Ленрыба» и Главрыбснаба (адреса назначения: Обьгосрыбтрест, Аралгосрыбтрест, Балхашский госрыбтрест, Севрыбснаб, Волго-Каспийский трест, а также Гларыбснаб на ст. Свердловск, Астрахань, Пермь и др.)[4].

Наряду с вопросами эвакуации продовольствия и населения, первые заседания Совета по эвакуации посвящались в значительной степени вопросам вывоза ценного имущества из Ленинграда и Москвы. Так 26 июня 1941 г. решался вопрос об эвакуации коллекций Эрмитажа и Русского музея, в сопровождении войсковой охраны НКВД, в специальном подвижном составе с контрольным паровозом. Уполномоченным СНК СССР по эвакуации указанных музеев назначался М. Б. Храпченко (председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР). А. И. Кирпичникову поручалось подготовить проект постановления, включив в него вывоз Радиевого института. Тогда же был решен вопрос об

1 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 543. Л.151-155.

2 Документ № 99. Из информационной записки о работе городской конторы Всесоюзного объединения «Центрозаготзерно» за второе полугодие 1942 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 211.

3 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д.545. Л. 75, 77, 78, 79, 81, 82.

4 Там же. Л. 104, 106, 109, 110, 111.

эвакуации ленинградских предприятий Наркомата боеприпасов (Протокол № 3 – пп. IV, V)[1]. Соответственно уже в июне началась эвакуация музеев[2].

В соответствии с телеграммой, отправленной А. Н. Косыгину председателем Ленгорисполкома П. С. Попковым от 2 июля 1941 г., отправка грузов Русского музея на Горький (ныне Нижний Новгород), Эрмитажа на Киров началась 1 июля, одновременно с заводами Наркомата авиаприборостроения (НКАП), отправляемых в день по 400 вагонов[3]. 16 августа 1941 г. Е. Т. Федорова дополнительно телеграфировала об отправке музейных ценностей пригородных музеев-дворцов Ленинграда в г. Сарапул (Удмуртской АССР) 30 двухосными вагонами[4]. Ю. З. Кантор приводит сведения, что первая партия экспонатов из пригородных дворцов Пушкина уехала уже 30 июня, 2-я – 6 июля, 3-я – 13 июля в г. Горький, откуда были реэвакуированы 8 ноября 1941 г. в Томск, и затем в Новосибирск[5].

Имеется докладная записка В. И. Исакова, начальника УКППЛ, которым была произведена проверка состояния эвакуированных ценностей. 20 декабря 1941 г. Прибыв в Горький, он обнаружил, что в связи с превращением г. Горький в прифронтовой город, музейные ценности из Ленинграда были предназначены к реэвакуации в г. Томск. Уполномоченным УКППЛ Костиным они были перенаправлены в конце декабря 1941 г. на г. Киров. Проверка в г. Сарапуле показала, что ценности хранились в соответствии с мобилизационным планом в здании местного музея, каменном, светлом, сухом и высоком. Кроме того,

---

1 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 9, 10 ; Приложение к третьей главе. Документ № 1.

2 Дирекция Эрмитажа получила указание из Комитета по делам искусств СНК СССР о подготовке к эвакуации музейных ценностей (речь шла о переносе их в нижние, подвальные помещения) у же 24 июня 1941 г. (*Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады. С. 27). Ранее А. В. Карасев указывал начало эвакуации Эрмитажа – конец июля 1941 г., что впервые было оспорено в 1965 году (*Варшавский С. П., Рест Ю. И.* Подвиг Эрмитажа. – Л.-М.: Советский художник, 1965. С. 57).

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 66. ; *Кантор Ю. З.* Указ. соч. С. 27–29. По неизвестным причинам эвакуированные из Эрмитажа грузы оказались перенаправлены в Свердловск.

4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 124 ; *Кантор Ю. З.* Указ. соч. С. 24–25. О героизме музейных работников, спасавших ценности пригородов, написано не мало. В то же время следует иметь в виду, что П. С. Попков являлся членом Совета по эвакуации (СЭ) при СНК СССР, облеченный чрезвычайными полномочиями, и, как видно из переписки, все вопросы согласовывались с СЭ при СНК СССР, без разрешения которого вывоз ценностей был невозможен.

5 *Ее же.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 46–47.

Исаковым было проверено состояние Ленинградского зверинца в Казани, которое оказалось малоудовлетворительным: к моменту проверки пало 10 животных[1].

26 июня 1941 г. было принято решение о вывозе из Ленинграда предприятий Наркомбоеприпасов[2], 27 июня 1941 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об эвакуации заводов НКАП[3], а 2 июля 1941 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР: о разгрузке Ленинграда от предприятий Наркомата боеприпасов[4]. С 3 июля 1941 началась эвакуация предприятий Наркомата вооружений. С 11 июля – машиностроительных, приборостроительных, электротехнических, оптических и смежных с ними предприятий, конструкторских бюро, учебных и научно-исследовательских институтов, военных училищ и академий[5].

Несмотря на то, что эвакуация промышленных предприятий уже вовсю шла, план эвакуации предприятий первой очереди рассматривался на заседании Совета по эвакуации только 5 июля[6]. 11 июля 1941 г. Постановлением ГКО-99 сс был утвержден список 96 предприятий, подлежащих эвакуации из Ленинграда в 47 городов и населенных пунктов СССР[7]. С 13 июля 1941 г. началась эвакуация заводов НК черных металлов, предприятий тяжелого машиностроения: Невского

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 12–16.

2 ГА РФ. Ф. 6822. Оп.1. Д.550. Л. 10 ; Приложение к третьей главе. Документ № 1.

3 Вывозились ленинградские заводы № 218 (в Казань), № 234 (производство моторов М-105) и № 451 (в Уфу на завод № 384), № 23 (производство самолетов ЛАГГ-3) и № 17 (в Новосибирск на завод № 153), № 380 и 381 (в Тагил), № 81 (в Омск). (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 08.07. 41 об эвакуации заводов НК Авиапрома из г. Ленинграда [фотокопия фрагмента] // Побратимы / отв. ред. *Ю. З. Кантор*. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 368).

4 Согласно этого Постановления требовалось вывезти заводы им. Калинина № 4 (в Казань), № 5 (в Муром на завод № 253), № 77 (в Киров), «Станкоприбор» (в Саратов), Ленинградский филиал НИИ № 24 (в Челябинск на завод № 78), ГСИ-44 (во Владимир на завод № 260), ЦКБ-22 (в Пензу на завод № 50), Химико-технологический институт (в Казань). Кроме того, вывозились завод им. Молотова из Шлиссельбурга в Молотов, завод № 52 из Поповки, Октябрьская жел. дорога, в Калугу. (*Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады. С. 19–21).

5 *Кантор Ю. З.* Указ. соч. С. 21.

6 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 19, 22 ; Приложение к третьей главе. Документ № 1.

7 Станции назначения: Омск, Казань, Новосибирск, ст. Ночка Пензенской ж/д, Красноярск, Свердловская область, Сталинград, Челябинск, Верх. Салда, Новосибирск, Муром, Молотов, Нижний Тагил, Свердловск, Сормово, Зеленодольск, Медногорск, ст. Ревда (Свердловской обл.),ст. Вагонозаводская ж/д (Свердловск), ст. Усольская (Пермская ж/д), Кировоград, г. Баженов, Саратов, Магнитогорский металлургический комбинат, Синарский труболитейный завод, Горький, Куйбышев, ст. Пенза, Киров, Златоуст, Ташкент, Камышлов, Балашов, ст. Кинель (Куйбышевской ж/д), Касли, Уфа; Кузнецк, Ирбит, МТМ Омской области, Кусинский завод НКТМ, Томск, Кыштым, ст. Уктус (Свердловск), ст. Кустари (Горьковская ж/д); Барнаул, Молотов, Йошкар-Ола. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 127–132).

машиностроительного им. В. И. Ленина, заводов «Русский дизель», подъемно-транспортного оборудования, «Экономайзер» и др.[1]

Вопрос об эвакуации промышленных предприятий второй очереди обсуждался Советом по эвакуации 23 июля 1941 г. Решения об эвакуации оборонных заводов принимались таким образом, чтобы не нанести ущерб выпуску военной продукции. Так указывалось, что с 25 июля по 5 августа 1941 г. следовало эвакуировать вторую очередь оборудования с Кировского завода, не связанного с производством танков «КВ» и полковых пушек. Вопрос об эвакуации завода № 174 следовало внести на утверждение ГКО СССР[2].

К 1 августа 1941 г. было вывезено 23 115 вагонов с оборудованием, полуфабрикатами, материалами и людским составом эвакуируемых предприятий, 3 137 вагонов готовой продукции, а также водным путем 18 084 тонн эвакогрузов[3]. В итоге было вывезено 92 предприятия, в том числе до 8 октября 1941 г. – 86 фабрик и заводов[4].

Трудности в организации эвакуации летом 1941 г. В то же время эвакуация населения приобретала противоречивый характер: наряду со стремлением придать ей планомерный характер, присутствовали элементы хаоса, неизбежного в условиях активных наступательных действий противника. Эвакуация осуществлялась в несколько потоков. С 29 июня 1941 г. начали вывозиться дети в Ленинградскую область, с 1 июля началась эвакуация музеев с сопровождавшими сотрудниками, рабочих и служащих эвакуируемых заводов с их семьями в глубь страны. Одновременно в Ленинград прибывали беженцы и эвакуированные из Карело-Финской ССР, Прибалтики, из районов Ленинградской области.

30 июня 1941 г. решением СНК СССР в Ленинграде был создан городской эвакопункт для приема и эвакуации из Ленинграда прибывающих граждан. Эвакопункт разместился по адресу наб. канала Грибоедова, д. № 6. В дальнейшем

---

1 Непокоренный Ленинград..., 1974. С. 96.
2 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 41. Приложение к третьей главе. Документ № 1.
3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 134–136.
4 *Шишкин В. А.* Прифронтовой город // Указ. соч. С. 98.

были созданы семь эвакопунктов с этой же целью: на Московском, Финляндском, Балтийском, Витебском вокзалах, в Ленинградском порту, на станциях Московская сортировочная и Кушелевка. Были созданы общежития сначала в семи, позднее в 42 школах[1].

2 июля в телеграмме А. Н. Косыгину П. С. Попков сообщил о прибытии в Ленинград эшелона с семьями начсостава из Эстонской ССР (1387 чел.) и семей правительства и партийных работников Латвийской ССР[2].

3 июля 1941 г. стали создаваться оперативные заслоны для пресечения проникновения в Ленинград беженцев из прифронтовой полосы: на Карельском перешейке (ст. Выборг, Кексгольм, Териоки, Койвисто), на Финляндском (ст. Сестрорецк, Ржевка, Мельничный Ручей, Кушелевка, Раута), Московском (ст. Любань, Мга, Рыбацкое, Тосно, Колпино), Бологовском (ст. Бологое, Лихославль, Чудово, Мал. Вишера, Боровичи, Окуловка), Хвойнинском (ст. Будогощь) отделениях, на Ленинградском узле (ст. Предпортовая, Шушары)[3].

С начала июля осуществлялась эвакуация, в основном колхозников со скотом, из районов тыла Северного фронта баржами, или своим ходом. В то же время из городов, находящихся в тылу 23 армии Северного фронта, население отказывалось эвакуироваться. Напротив, в связи с введением карточной системы в районах Ленинградской области, ранее выехавшие из области люди начали возвращаться обратно[4].

Через городской эвакопункт происходила эвакуация вглубь страны: еще до блокады Ленинграда 147 500 человек беженцев. Кроме того, пешим порядком было переправлено 9500 человек со скотом и имуществом[5].

4 июля 1941 г. на заседании Совета по эвакуации рассматривался вопрос о вывозе населения из Москвы, Ленинграда. Было принято решение усилить вывоз

---

1 *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – № 8. С. 88–102.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. д. 21. Л. 66.

3 Там же. Л. 133.

4 Там же. Л. 89.

5 *Уродков С. А.* Указ. соч. С. 88–102 ; Ленинград в осаде…, 1995. С. 301.

семей рабочих и служащих за город на автомобильном и водном транспорте, с этой целью следовало командировать в Ленинград А. Н. Косыгина на 1–2 дня (Протокол № 6 – п. 13)[1].

8 июля 1941 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда». Им было утверждено Постановление Совета по эвакуации, согласно которому в 10-дневный срок следовало закончить эвакуацию 500 тыс. членов семей рабочих и служащих г. Ленинграда с размещением их в Вологодской, Кировской, Омской областях (по 100 тысяч); в Молотовской, Свердловской областях (по 25 тысяч); в Удмуртской АССР – 15 тысяч; Кроме того, 135 тысяч эвакуировались в Казахскую ССР. Перевозка должна была осуществляться железнодорожным транспортом (бесплатно), а также водным транспортом по рекам Вятке, Каме, Иртышу. Отправляемые должны были обеспечиваться медицинской помощью, помещениями в местах эвакуации, в том числе для временного размещения в местах разгрузки, горячей пищей в эвакопунктах (платно). Ленгорисполкому разрешалось выдать на руки эвакуируемым семьям денежные средства из местного бюджета на две недели из расчета по 5 руб. в сутки на человека[2].

Доказательства выполнения данного Постановления содержатся в отчете о расходах в первые месяцы войны Ленгорфо[3]. Так, в п. 3 приводятся расходы по эвакуации семей рабочих и служащих г. Ленинграда (решение СНК РСФСР от 8 июля 1941 г. № 515/ 22сс). На 19 августа было выдано, в порядке оказания денежной помощи из расчета 70 руб. на одного члена семьи, всего 753 600 руб.[4] Таким образом, можно достоверно сказать о финансировании из местного бюджета эвакуации 10 765 чел. членов семей [подсчитано мной – Л. Г.]. Это позволяет сказать наверняка о выполнении Постановления СНК СССР и ЦК

1 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 21. Приложение к третьей главе. Документ № 1.

2 *Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады. С. 32 ; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 08. 07. 41 об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда [фотокопия] // Там же. С. 368.

3 ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.3. Д.20 (Переписка по финансовым вопросам). Л. 98–108 ; Приложение к третьей главе. Документ № 14.

4 Там же. Л. 102.

ВКП(б) от 8 июля 1941 г., по крайней мере, на 2%.

12 июля на очередном заседании Совета по эвакуации (Протокол № 7 – п. 4) решался вопрос о плане эвакуации членов семей рабочих и служащих из Карело-Финской, Эстонской, Латвийской ССР, Мурманской, Ленинградской и других областей, с заданием дать направление эшелонам, следующим с населением из прифронтовой полосы. На том же заседании решался вопрос об оказании материальной помощи нуждающимся эвакуированным семьям[1].

Уже 20 июля 1941 г. Председатель Ленгоркома Общества Красного Креста Л. Н. Левитская, в соответствии с указаниями Исполкома СОКК и КП, обратилась к Е. Т. Федоровой, зам. председателя Ленгорисполкома, с предложением в организации помощи при эвакуации больных, стариков, детей, вещей, санобработке, организации санпостов в пути следования, в организации питания и других работ (ответственная чл. ВКП(б), д-р А. И. Шишкина). Обществу Красного Креста было поручено осуществлять обслуживание эвакуированных на ст. Сортировочная-Московская[2].

Постановлением ГКО СССР № 173 от 16 июля 1941 г. произошли изменения в составе Совета по эвакуации: Н. М. Шверник (секретарь ВЦСПС) был назначен председателем, А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин – зам. председателя, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, М. З. Сабуров, В. С. Абакумов – членами Совета. Позднее, 16 августа 1941 г. Постановлением ГКО СССР № 497с был введен в Совет по эвакуации начальник Главного управления тыла Красной армии ген.-майор М. В. Захаров[3]. Аппарат Совета по эвакуации был в основном укомплектован работниками СНК СССР, СНК РСФСР, ВЦПСП, ЦК профсоюзов. Профсоюзные работники превратились в уполномоченных Совета[4].

В связи с необходимостью обеспечения жильем эвакуируемых граждан, а

---

1 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 24 ; Приложение к третьей главе. Документ № 1.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 29.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. … Т. 1: 1941–1943. С. 66, 113.
4 *Погребной Л. И.* Время тяжелых испытаний // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945. (К 30-летию Победы). М.: Профиздат., 1975. С. 18.

также борьбы за сохранность бездокументарных грузов, потерянного или отставшего багажа эвакуируемых, появились Постановления СНК СССР № 1948 от 9 августа 1941 г. «Об утверждении Положения о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы» и № 1951 от 10 августа 1941 г. «О порядке расчетов по реализации бездокументных грузов и о содержании постоянных и временных баз»[1].

12 августа 1941 года на заседании Совета по эвакуации Измайловым, М. Г. Первухиным, Л. М. Кагановичем, А. И. Микояном, Н. М. Шверником было принято решение включить в план перевозки эвакуируемого населения членов семей рабочих и служащих из Москвы и Ленинграда на вторую и третью декады августа 1941 года[2]. На основании Постановления № СЭ-74сс от 13 августа 1941 г. «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда» *разрешалось* [выделено мной – Л. Г.] Ленгорисполкому эвакуировать из Ленинграда 700 тыс. чел. женщин и детей: в первую очередь 160 тыс. человек членов семей рабочих и служащих вывозимых из Ленинграда промышленных предприятий в места размещения этих предприятий, во вторую очередь 540 тысяч человек членов семей рабочих и служащих, согласно представленному списку АССР и областей с указанием контингента. Эвакуация 1-й очереди должна была осуществиться в 5-дневный срок, 2-й очереди в 20-дневный срок. При этом 140 тысяч эвакуируемых по железной дороге следовало вывезти в Ярославль, а далее на речном транспорте по Волге, Каме и Белой в Чувашскую, Башкирскую АССР и в Молотовскую область[3].

Соответственно, решением Ленгорисполкома от 16 августа 1941 г. № 78-с, начиная с 15 августа, из Ленинграда должны были эвакуироваться еще 700 тысяч женщин и детей, в связи с чем планировалось выделить денежную помощь в размере 4026,4 тыс. руб. (из расчета 5,75 руб. на человека [подсчитано мной – Л.

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 160–163, 168–171.
2 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп.1. Д. 550. Л. 63.
3 Там же. Д. 541. Л. 142 ; Приложение к третьей главе. Документ № 2.

Г.])[1].

17/20 августа 1941 г. вышло распоряжение № 5547-сэ Совета по эвакуации с разрешением Леноблисполкому вывезти 24 тыс. детей с матерями из районов Ленинградской области: г. Чудово, М. Вишера, Тосно, Слуцк, Красное Село, Урицк, Ораниенбаум, Парголово, Всеволжская, Мга, Волхов, Сестрорецк и Шлиссельбург. Эвакуация должна была осуществляться в Вологодскую и Кировскую области[2].

В то же время проблемой перевозок летом 1941 г. стали пробки на железной дороге, которые могли сорвать дальнейшую эвакуацию. 22 августа 1941 г. на участке железной дороги Ленинград-Волховстрой стояли 58 поездов, в том числе 15 поездов с людьми. Одним из решений проблемы стало одностороннее движение груженых поездов, с отправкой их друг за другом, по направлению Ленинград-Тихвин-Вологда[3].

В тот же день, 22 августа 1941 г., на заседании Совета по эвакуации (Протокол № 14 – п. 5) был снят с обсуждения вопрос о дополнительной эвакуации из г. Ленинграда предприятий, связанных с поставкой продукции для обороны города. Сняли с обсуждения и вопрос об эвакуации скота, находящегося в личном пользовании колхозников Ленинградской области (п. 10)[4].

Предложение об эвакуации Кировского и Ижорского заводов, исходившее от Жданова, Малышева и Носенко, было принято Советом по эвакуации 26 августа 1941 г. (Протокол № 15 – п. 1)[5], и затем усилено специальным Постановлением ГКО СССР № 596сс от 28 августа 1941 г. Подлежали эвакуации Волховская и Свирская гидростанции (Постановление ГКО СССР № 644с от 8 сентября 1941 г. по докладной записке Н. М. Шверника И. В. Сталину и В. М. Молотову)[6].

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 20. Л. 102.

2 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 544. Л. 322 ; Приложение к третьей главе. Документ № 3. 20 августа распоряжение было подписано А. Н. Косыгиным.

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 207.

4 ГА РФ.Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 75.

5 Там же. Л. 83 ; Приложение к третьей главе. Документ № 1.

6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. … Т. 1: 1941–1943. С. 128, 136.

Соответственно, в августе была демонтирована и вывезена часть оборудования с Кировского завода, в том числе броневой стан. В Челябинск выехали 3 тыс. высококвалифицированных рабочих, инженеров, техников предприятия[1].

В то же время в шифровке № 2059/III, посланной 28 августа 1941 г., Ворошилов, Жданов, Попов, Кузнецов, Молотов, Маленков просили отложить эвакуацию Ижорского и Кировского заводов, а продукцию обоих заводов: танки КВ и бронемашины Ижорского завода, до 10 сентября оставить в Ленинграде. Целью было обеспечение плана, ранее предложенного Сталиным, по созданию особого типа укрепрайона на основе КВ и других танков, бронемашин и артиллерии, начиная с южной оконечности Красногвардейского укрепрайона и до Волхова[2]. В результате эвакуация заводов Кировского, Ижорского, номерного (№ 174) была приостановлена.

Вновь эвакуация этих заводов стала предметом переговоров Сталина со Ждановым и Кузнецовым только 4 октября 1941 г. К этому времени вывоз рабочих и оборудования мог состояться только водным путем через Ладожское озеро на Волховстрой[3]. Эвакуация затянулась вплоть до поздней осени и осуществлялась через Ладожское озеро в драматических условиях. 4 ноября пароход «Конструктор» с эвакуируемыми рабочими Ижорского завода подвергся бомбардировке, во время которой ок. 200 чел. пассажиров и членов экипажа погибла. Часть людей удалось спасти, подняв на борт канонерской лодки[4].

Несмотря на задержку с эвакуацией, значительная часть оборудования и персонала были эвакуированы с Кировского завода в тыл. Из 38 967 чел. трудившихся на заводе на 1 июля 1941 г., в том числе ок. 24 000 рабочих, было эвакуировано ок. 17 000 чел. производственного персонала[5].

---

1 Непокоренный Ленинград..., 1974. С. 97.
2 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 492. Л. 34.
3 Там же. Л. 19, 20.
4 *Кутузов А. В.* Эвакуация ленинградских танкостроителей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2009. – Вып. 3. – С. 153 ; *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества..., 2001. С. 80.
5 *Дзенискевич А. Р.* Накануне и в дни испытаний (Ленинградские рабочие в 1938–1945 гг.) / Отв. ред. В. М. Ковальчук. – Л., 1990. С. 89.

27 августа 1941 г. распоряжением Совета по эвакуации № 13682сэ следовало вывезти, по согласованию из НКВД, 95 тыс. человек из Ленинградской области и г. Ленинграда: спецконтингент. Эвакуированные вывозились в Архангельскую, Кировскую, Молотовскую, Челябинскую области, а также Башкирскую, Удмуртскую, Коми, Марийскую ССР, в соответствии с Постановлением Совета по эвакуации № СЭ-74сс от 13 августа. На месте поселения их трудоспособную часть следовало использовать на лесозаготовках[1].

29 августа 1941 г. Советом по эвакуации было принято Постановление № СЭ-103сс с требованием обеспечить ежесуточную подачу 1500 вагонов с 30 августа по 8 сентября для вывоза эвакуируемых предприятий и населения из Ленинграда. Из этого количества 900 вагонов следовало подать под погрузку предприятий и рабочих, 600 вагонов – под погрузку населения (женщин и детей) и из прифронтовой полосы[2]. Данное постановление сопровождалось пакетом документов, в том числе планом эвакуации промышленных предприятий города, постановлением б/н, которое возлагало личную ответственность на Попкова и начальников Октябрьской ж.д. Колпакова и Ленинградской ж.д. Васильева за распределение вагонов с учетом поступления порожняка на узел[3].

О выполнении данного постановления свидетельствует решение, принятое не позднее 1 сентября 1941 г. Военным Советом Ленфронта об эвакуации лиц, прибывающих из прифронтовой полосы в Ленинград, переправлять на левый берег Невы в районе Шлиссельбурга: лиц на повозках с лошадьми следовало направлять самоходом, а женщин с детьми – перевозить до ст. Кобона[4] по каналу водным транспортом, а дальше автотранспортом до Волховстроя, и далее по железной дороге[5]. 1 сентября А. Н. Косыгин подписал распоряжение об оказании единовременной денежной помощи в размере 200 тысяч из средств местного

1 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д.545. Л. 120–121. Приложение к третьей главе. Документ № 4.
2 Там же. Д. 541. Л. 200. Приложение к третьей главе. Документ № 5.
3 Там же. Л.201в. Приложение к третьей главе. Документ № 6.
4 Здесь и ниже мы используем написание наиболее употребительное в современной литературе: Кобона.
5 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 79–80.

бюджета Ленинграда и 300 тысяч из средств местного бюджета Ленинградской области лицам, эвакуированным из прифронтовой полосы и размещенным в гор. Ленинграде и Ленинградской области. Распоряжение было заверено зам. председателя СНК РСФСР Памфиловым[1]. Соответственно, 2 сентября 1941 года были приняты два решения Суженного Заседания (СЗ) Исполкома Ленсовета № 500 о формировании санпропускника при эвакогоспитале и № 498 об оказании беженцам единовременной денежной помощи в размере 200 тысяч рублей. На оборудование санпропускника выделялись 70 925 рублей. Деньги выделялись за счет сэкономленных средств местного бюджета по ОСВОДУ[2].

13 сентября 1941 г. было принято Постановление СНК СССР № 2069 о строительстве жилых помещений для эвакуированного населения[3]. С 26 сентября 1941 г. Постановлением ГКО СССР № 716с была запрещена прописка граждан, эвакуируемых из прифронтовой полосы, в городах, находящихся на особом режиме[4].

Таким образом, важнейшие решения по эвакуации населения и ценных грузов из Ленинграда летом – осенью 1941 г. принимались Советом по эвакуации, наделенным чрезвычайными полномочиями, и подписывались сначала Л. М. Кагановичем, а с 16 июля 1941 г. Н. М. Шверником. Распоряжения Совета по эвакуации, касавшиеся конкретных вопросов эвакуации ленинградцев, подписывались, как правило, А. Н. Косыгиным. В случае необходимости принимались Постановления СНК СССР, а также ГКО СССР, подписанные лично И. В. Сталиным. С ними согласовывались решения ОК и ГК ВКП(б), горисполкома и Военного Совета Ленинградского фронта, которые взаимно дополняли друг друга, аналогично структуре принятия важнейших решений в Кремле.

Несмотря на значительные усилия по реализации мобилизационных и

---

1 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 545. Л.318. Приложение к третьей главе. Документ № 7.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 20. Л. 138.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 94–100.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность .Т. 1: 1941–1943. С. 147.

эвакуационных мероприятий далеко не все удалось исполнить, по причинам объективного и субъективного характера.

Блокирование Ленинграда и форсирование погрузки эвакопоездов, когда отправление их стало более чем проблематичным, привело к тому, что на 15 сентября 1941 г. оказались неотправленными 45 эвакопоездов, 40 из них с заводским оборудованием (или 2177 вагонов). Часть эвакогрузов была в состоянии подготовки к погрузке[1].

Конкретные действия, направленные на эвакуацию людей в условиях блокады, порой приобретали крайне суровый характер.

О характере «привилегий» в условиях блокированного города можно судить по переписке Ленгорисполкома. 14 декабря 1941 г. Ленгорвоенком, полковой комиссар Расторгуев сообщал начальнику тыла Ленинградского фронта ген.-майору Ф. Н. Лагунову: 26 августа 1941 г. был сформирован эшелон из семей начсостава и прочих военнослужащих в гор. Пушкине (при оставлении его частями Красной Армии), назначением г. Челябинск. Он был возвращен со ст. Мга, занятой немцами, на ст. Ленинград – Товарная Мурманской железной дороги. Эшелон насчитывал 1 200 чел., но 3 сентября из него «было отсеяно гражданское население, не связанное с Красной Армией». В сентябре к эшелону присоединилось 19 чел. работников АН СССР и Института математики. Всего в эшелоне стало 450 чел., включая 116 детей от 0 до 16 лет. Четыре месяца эшелон оставался на том же месте без питьевой воды, кипятка, топлива, с недостаточным питанием. Люди начали умирать[2].

Подобная история была изложена в стенограмме сообщения начальника посадки эвакопункта Борисова Грива Лосева: о прибытии 3 декабря 1941 г. эшелона, в котором находились 2 тыс. переселенцев, эвакуированных в июле в Ленинград из пригородов. Эти люди не могли двигаться и в большом количестве

---

1 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. / сост. *Ф. Н. Лагунов, П. И. Новоселов, А. И. Веревитин, А. С. Колобанов* [Текст документа подготовлен 30.01.1944 – 31.12.1944] // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни..., 2018. С. 157.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 22. Л. 178, 178об.

умирали до середины декабря. Им было предложено возвратиться в Ленинград, но те из них, кто были покрепче, просились походным порядком перейти через Ладогу[1].

Всего летом 1941 г. из города, согласно упомянутой выше справке, хранящейся в отделе агитации и пропаганды Ленгоркома ВКП(б), удалось эвакуировать: ленинградских рабочих и служащих с семьями – 269 012 чел., детей, педагогов и медработников, выехавших с детскими учреждениями – 219 691 чел.[2] Или всего 480 703 чел. (15%) из гражданского населения, проживавшего в Ленинграде на 22 июня 1941 г. Однако эти данные нуждаются в скептической проверке.

3.2.2. Эвакуация ленинградских детей с детскими учреждениями летом 1941 г.

Летом 1941 г. значительная часть детей Ленинграда с детсадами и яслями была вывезена на летние дачи, откуда их реэвакуировали в город из всех районов, за исключением пригородов (Кронштадт, Колпино, Петергоф и Пушкин) Специальные уполномоченные выехали на автомашинах вечером 22 июня. В течение 3–4 дней дети, в основном, были возвращены в город[3]. По воспоминаниям ехали вдоль шоссе, по которому шли колонны красноармейцев. Дети стали свидетелями воздушных атак гитлеровцев, но, в целом, благополучно вернулись[4].

26 июня 1941 г. на третьем заседании Совета по эвакуации при СНК СССР было принято решение об эвакуации детей из Москвы и Ленинграда на территорию Московской и Ленинградской областей, по предложению председателей горисполкомов Москвы: Пронина (100 тыс. чел.) и Ленинграда:

---

1 *Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9 (№1). С. 62.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка о состоянии эвакуированного населения Ленинграда с 29. VI. 1941 по 1. IV. 1943 г. 10 апреля 1944 г.). Л. 1—6 ; Приложение к третьей главе. Документ № 13. Таблица II.4.

3 ЦГА СПБ. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 170об. (Отчет отдела народного образования Исполкома…) ; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941 – 1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 134.

4 *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней: Из опыта работы детских садов Куйбышевксого района Ленинграда / редкол.: Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева, Т. А. Кондраткова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 16–17.

Попкова (300 тыс. чел.). Помимо этого, надлежало 100 тыс. ленинградских детей вывезти в Ярославскую область. 25% детей вывозилось автотранспортом, и остальные – по железной дороге, в срок до 15 дней (Протокол заседания СЭ при СНК СССР № 3 – п. 1 от 26 июня 1941 г., в составе, помимо указанных: А. Н. Косыгин, Н. М. Шверник, Л. М. Каганович)[1]. Итак, рассекреченные Протоколы заседаний Совета по эвакуации позволяют установить механизм принятия решения, вызывавшего длительную дискуссию у историков[2].

Вслед за решением Совета по эвакуации было принято решение Ленгорисполкома о вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области от 29 июня 1941 г. (не публиковалось)[3].

Уже 2 июля 1941 г. П. С. Попков телеграфировал Л. М. Кагановичу о необходимости вывезти из Залучского района 5 тысяч ленинградских детей, для чего просил подать три эшелона на ст. Старая Русса: два назначением ст. Николо-Полома, один – ст. Нея Ярославской области. Для доставки детей, находившихся в 40 км от станции, требовалось еще 20 платформ для автобусов на ст. Лычково[4]. Причиной, вероятно, явилась информация о приближении фронта к данной территории.

Тем не менее, как уже говорилось, 4 июля 1941 г. Совет по эвакуации предлагал усилить вывоз семей рабочих и служащих г. Ленинграда за город[5]. 6 июля 1941 г. было принято Распоряжение Совета по эвакуации СНК СССР № 4870-сэ об ассигновании эвакуации детей дошкольного и школьного возраста из Москвы и Ленинграда городскими, местными, бюджетами за счет сокращения расходов по другим статьям[6].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-6822 (Совет по эвакуации СНК СССР). Оп. 1. Д. 550 (Протоколы заседаний Совета по эвакуации). Л. 8, 9. Приложение к третьей главе. Документ № 1. Также планировалось вывезти 200 тыс. московских детей в Тульскую, Ивановскую и Рязанскую. 30 тыс. детей-смолян вывозились на территорию Смоленской области.

2 Впервые на сомнительность такого решения обратил внимание А. В. Карасев. (*Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959. – С. 61, 90).

3 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда … С. 44-45.

4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 70.

5 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 21.

6 Там же. Д. 543 (Распоряжения Совета по эвакуации за июнь-октябрь 1941 г.). Л. 69.

11 июля 1941 г. заместитель председателя Городской эвакуационной комиссии (ГЭК) Ленинграда А. П. Смирнов направил справку в Ленгорисполком, где указывал: «При эвакуации детей из Ленинграда в Ленинградскую область районы размещения детей были согласованы с Военным командованием.

В настоящее время в районах Лычковском, Молвотицком, Демянском и Залучьевском размещено ок. 28 тыс. ленинградских детей.

В связи с приближением военных действий к этим районам, комиссия приступила к эвакуации из них детей в Ярославскую и Кировскую области»[1].

18 июля 1941 г. военный прокурор Северного фронта Ленинградского Военного округа Грезов на имя члена Военсовета Северного фронта А. А. Кузнецова передал сообщение военного прокурора Октябрьской железной дороги, что «на ст. Угловка, Оксочи, Веребье, Окуловка, Малая Вишера образовалось большое скопление детей и их родителей. Родители увозят детей, ранее эвакуированных организованным порядком»[2].

Наряду с организацией срочной реэвакуации, принимались решения о налаживании быта и финансировании при эвакуации детей: Приказ по Наркомпросу РСФСР № 547 от 17 июля 1941 г. «О наведении порядка по обслуживанию школьников» [Мосгороно, Ленгороно в эвакуации – Л.Г.], Инструкция № 01-1-5/ 55 Наркома здравоохранения СССР от 20 августа 1941 г. «Об эвакуации детей и матерей»[3].

Продолжение эвакуации вызвало решение Ленгорисполкома о порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда, от 19 июля 1941. Пр. № 48, п. 7. Родительская плата должна была исчисляться не в размере 40%, как это было указано в решении СНК РСФСР от 7 Июля 1941 г. № 514/21с, а в размере 30% стоимости содержания детей ясельного возраста и 40% школьного и

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 21. Л. 71.
2 Там же. Л. 47.
3 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1941. № 15-16. С. 4 ; Педиатрия. 1941. № 9–10. С. 61–62.

дошкольного возрастов против среднего 32%[1]. В июле 1941 г. была опубликована Инструкция для управляющих домами и комендантов домов, не находящихся в ведении райжилуправлений по взиманию платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда[2].

Согласно справке о ходе эвакуации населения Ленгорисполкома Жданову и Кузнецову, уже на 1 августа были возвращены в Ленинград дети, эвакуированные в Ленобласть, всего 115 255 человек. Планировалась реэвакуация еще 20 тысяч человек из этих же районов[3]. Несколько тысяч матерей стихийным порядком вывезли своих детей из детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда в Ярославскую и Кировскую область[4].

В той же справке Ленгорисполкома от 2 августа 1941 г. указывалось, что «Нами дана телеграмма председателю Центральной эвакуационной комиссии т. Шверник и НКПС т. Кагановичу с просьбой запретить приказом НКПС продажу билетов и провоза обратно в Ленинград эвакуированных из города»[5]. 10 августа 1941 г. было принято постановление Бюро горкома ВКП(б) о разъяснении секретарями райкомов ВКП(б) родителям, что эвакуированные дети в безопасности, обеспечены питанием, и ликвидировать провокационные слухи. Наряду с этим постановление бюро ГК ВКП(б) возлагало на Ленгорисполком обязанность: обеспечить эвакуированных детей бельевым материалом для пошива белья, организовать отправку посылок с обувью и зимними вещами, обеспечить учебными пособиями. Директорам предприятий и учреждений запрещалось давать отпуска и справки матерям-работницам для поездок за детьми[6].

18–20 августа 1941 года, в связи с военным временем, была проведена

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 20 (Переписка по финансовым вопросам. 23 января 1941 – 16 декабря 1941). Л. 101.

2 Бюллетень Ленгорсовета…1941. № 28-29 / 490-491 (29 июля). С. 1-6.

3 Из Валдайского, Окуловского, Дрегельского, Хвойнинского, Боровичского, Опеченского, МалоВишерского, Тихвинского, Пестовского, Мошенского, Любытинского районов. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 21. Л. 137).

4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 21. Л. 138. Последняя информация вызывает недоумение, так как известно, что матери пытались вернуть детей, эвакуированных в Ленобласть, а не в отдаленные районы.

5 Там же. Л. 138.

6 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 202 ; *Асташкин Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы..., 2019. С. 137–138.

проверка по поручению СНК РСФСР и Наркома финансов РСФСР, А. А. Посконова, начальником 1-го сектора Военного отдела Наркомата финансов РСФСР Е. Бура. Главный результат ревизии финотдела по данному вопросу показал, что за пределы Ленинградской области удалось эвакуировать с детскими учреждениями, в том числе в ходе реэвакуации без возвращения в Ленинград, не более 93 874 чел. детей[1].

Жизнеобеспечение этих детей должно было в основном покрываться за счет ленинградского бюджета (в соответствии с решением Ленгорисполкома от 19 июля 1941 г.) и частично за счет родительских средств. За период июнь – сентябрь 1941 года все расходы на эвакуацию и реэвакуацию детей из местного бюджета, за исключением родительской платы, исчислялись в 58,6 млн. рублей (документ не опубликован)[2]. Общая сумма расходов на эвакуацию детей до 1 августа 1941 г. составила 37,9 млн. рублей. С 18 августа 1941 г. был открыт дополнительно кредит в 988,8 тыс. рублей для оплаты счетов за транспорт, предоставляемый для вывоза детей обратно в Ленинград, в связи с реэвакуацией[3].

Таким образом, документально подтверждено, что до 18 августа 1941 г удалось вывезти из Ленинграда с детскими учреждениями не более 94 тысяч детей от 3 до 15 лет. Расходы на эвакуацию распределялись между городским бюджетом и родителями. Причем большая часть расходов Ленгорисполкомом относилась на счет бюджета.

Детская эвакуационная статистика летом 1941 г. Ранее на основе анализа отчетов Первичной организации ВКП(б) Гороно и Планового отдела Ленгорисполкома удалось доказать, что летом 1941 г. с детскими учреждениями могло быть вывезено в эвакуацию не более 94 159 чел.[4]

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 20. Л. 98–102. (Нар. Комиссару финансов РСФСР тов. Посконову А. А. Докладная записка о результатах проверки расходов, дополнительно отнесенных на местный бюджет г. Ленинграда, в связи с военным временем) ; Приложение к третьей главе. Документ № 14.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 20. Л. 98–102.

3 Там же. Л. 99.

4 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 156, 167.

Данное число подтверждается отчетом о финансовой ревизии расходов на эвакуацию от 18–20 августа 1941 года, где указано точное количество эвакуированных детей с детскими учреждениями летом 1941 г.: 93 874 чел. детей[1]. Таким образом, 141 248 детей из вывезенных ранее подлежали возвращению в Ленинград[2]. В справке П. С. Попкова на имя А. А. Жданова и А. А. Кузнецова указывалось, что на 1 августа 1941 г. из них было реэвакуировано в город 115 255 чел. В области оставалось еще 25 993 детей. Усилия Ленгорисполкома по реэвакуации детей летом 1941 г. доказываются истраченными деньгами на транспортные расходы по реэвакуации, всего 1 млн. рублей. Это количество детей соотносится с 234 833 [235 122 чел. – уточнено пересчетом. Л.Г.], вывезенными в эвакуацию с детскими учреждениями на 6 июля 1941 г.[3] Необходимо иметь в виду, что взрослые ребята могли возвратиться в город с порученными им малышами самостоятельно[4].

Остались ли дети на оккупированной территории Ленинградской области? В протоколе собрания первичной партийной организации Ленгороно в августе 1941 года с замечанием об ответственности райсоветов за оставление детей, вывезенных из Ленинграда, на оккупированной фашистами территории выступила Евгения Федоровна Лаврикова, зав. дошкольным сектором гороно. В ответ не прозвучало ни одной реплики[5]. В дневнике художницы и писательницы О. Матюшиной, подготовленном к публикации, был описан тот факт, что родители, поехавшие в июле с целью попытаться вернуть детей, не смогли это сделать: территория была уже занята гитлеровцами, те же, кто сумел разыскать своих детей, попали под бомбежки, и многие из них погибли[6].

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 20. Л. 98–102.

2 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 171, 171 об, 172 ; *Газиева Л. Л.* Указ. соч. С. 408–412. Вывоз осуществлялся согласно Решения Совета по эвакуации (Пр. № 3 от 26 июня 1941 г.).

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 20. Л. 102.

4 Такой пример из своей биографии описал Виктор Николаевич Киршин.(*Киршин В. Н.* Прожить свое время. – СПб.: Русь, 2007. С. 56–58).

5 Протокол закрытого заседания партсобрания парторганизации Ленгороно // ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 2. Л. 8. Ср. Заседание партбюро от 25 / X 1941 // ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

6 Дневник Ольги Матюшиной. 23 / VI. 41 – 1 / V. 42 // ЦГАИПД СПб.Ф. 4000. Оп. 11. Д. 68. 92 л.

В справке об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области от 29 июля 1941 г. заврайздравотделом Ивушкин отметил, что 26 июля 1941 г. была закончена эвакуация из Залучского, Молвотицкого, Демянского, Лычковского, Валдайского и Крестецкого районов ленинградских детей в количестве свыше 40 тыс. чел., частично в Ленинград, частично за пределы Ленинградской области[1]. Необходимо заметить, что в эти районы было вывезено из Ленинграда 51 580 чел.[2] В 1943 г., при освобождении Лычковского, Демянского, Залучского, Молвотицкого районов, было выявлено ок. 3159 чел. беспризорных и безнадзорных детей. Дети были оформлены частично в приемники-распределители (1200 чел.), другие – в детские дома (1959 чел.). К февралю 1944 г. в Ленинградской области работали 35 детских домов с общим количеством воспитанников 3850 чел. и 6 детских приемников НКВД[3]. Не исключено, что среди этих беспризорных ребят были и ленинградские дети, неудачно эвакуированные летом 1941 г. и чудом выжившие на оккупированной территории.

В справке по эвакуации населения от 10 апреля 1944 г. было указано, что летом 1941 г. выехало 219 691 женщин с двумя и более детьми. Это число взято из Отчета городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г.[4]

Данное количество не выдерживает критики, так как получено вычислениями, приведенными в самом отчете. Методика этих расчетов вызывает обоснованный скепсис[5].

---

1 Документ № 28 // Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сб. документов /отв. ред. А. Р. Дзенискевич. Отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 39.

2 ЦГА СПб. Ф. 2076 (Плановая комиссия исполкома Ленгорсовета н. д.). Оп. 4. Д. 54. Л. 171 об. Подсчитано мной по данным документа – Л.Г.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. К-598 (Ленинградский Областной комитет ВЛКСМ). Оп. 5. Д. 34. Л. 29. (Отчет о работе Ленинградской областной комсомольской организации ВЛКСМ за 1943 г. Ленинград. Февраль 1944 г.).

4 Справка по эвакуации населения из г. Ленинграда за период с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943 // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д.1415. Л. 6; Отчет о работе по эвакуации населения г. Ленинграда 1941 – 1942 гг. // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л.189–214. Ср. также: Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 // Ленинград в осаде…, 1995. С. 301–305 [Документ опубликован фрагментарно, без приложений] ; Приложение к третьей главе. Документ № 13. Таблица II.4.

5 За базовое в Отчете взято число 395 091 чел. детей, вывезенных из Ленинграда летом 1941 г. Очевидно в это количество входят помимо эвакуированных, согласно Решению Совета по эвакуации от 26 июня 1941 г., те дети, которые имелись на дачах в начале лета. Далее отнято число реэвакуированных: 175 400. Это число подтверждается

Учитывая, что данными финансовых документов Горфо подтверждается выезд из Ленинграда не более 93 874 детей с детскими учреждениями к 20 августа 1941 г., а, вместе с персоналом, около 94 тысяч чел., остается неясной судьба от 124 тысяч до 141 тысячи детей и воспитателей. Не менее 115 тысяч из них были реэвакуированы в город.

Какая-то часть из них могла быть самостоятельно вывезена из детских учреждений родителями за пределы области. Так, в Ярославской области отмечалось из числа прибывших детей в 1941 г. – 12 030 с родителями[1], что составляет 15% от всех прибывших в область в 1941 г. ленинградских детей[2]. В то же время родительские дети могут соотноситься с выехавшими как «семьи рабочих и служащих». Безусловно, какая-то часть детей оставалась на оккупированной территории.

Из-за ошибки в статистических расчетах, приведенных в Отчете ГЭК, число вывезенных летом 1941 г. из города ленинградцев необходимо уменьшить, по крайней мере, на 80 тысяч человек, помимо оставшихся на оккупированной территории.

3.2.3. Порядок питания и перевозки эвакуируемого населения. Финансирование эвакуации летом – осенью 1941 года.

Уже в конце июня – начале июля 1941 года Советом по эвакуации решались вопросы о финансировании массовой эвакуации гражданского населения и обеспечении питанием. Распоряжением № 2199-ре Совета по эвакуации от 28 июня 1941 г., подписанном Л. М. Кагановичем, отпуск питания эвакуируемым должен был производиться бесплатно, при двухразовом питании, стоимостью до 6 рублей

суммированием 115 тысяч реэвакуированных, согласно сведений ГК ВКПб, и 60 тысяч детей, проехавших по ОЖД летом 1941 г., в город, согласно отчету ОЖД. Таким образом полученное число 219 691 чел. является условным. Значительная часть детей, реэвакуированных с дач до 27 июня, выезжали на автомашинах предприятий, что предполагает большее количество детей, возвращенных в город в начале войны. За базовое следовало взять количество детей, вывезенных с детскими учреждениями, согласно отчету Ленгороно: 235 тысяч. В то же время следовало учесть и тех детей, вывезенных ранее, которые остались вне блокадного кольца. (*Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков..., 2014. С. 408–412).

1 *Фролов М. И.* «Салют и реквием»: Героизм и трагедия ленинградцев. …С.77–78.

2 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011. С. 147.

на человека (один обед 3 руб.). Для возмещения оборотных средств Наркомфин СССР должен был выделить аванс Главдорбуфетам Наркомторга СССР в размере 6 млн. рублей и Союзтрансторгпита в размере 4 млн. рублей. В пунктах питания должны были создаваться необходимые запасы продовольствия[1]. 2 июля 1941 г. было принято Распоряжение Совета по эвакуации № 4822-сэ о размерах продовольственных запасов для обеспечения эвакуируемого населения в пути следования и в местах расселения за счет переходящих остатков: муки – 6 000 т, крупы – 2 000 т, сахара – 400 т, масла жив. – 400 т, сыра – 100 т, яиц – 30 вагонов. Распределение продовольствия по областям и краям возлагалось на Наркомторг СССР[2].

8 июля 1941 г. зам. председателя Ленгорисполкома Андреенко была дана телеграмма Наркому торговли РСФСР Павлову, одновременно: Зубрицкому, зав. Ярославского облторготдела, об отпуске в июле в счет фондов Ленинграда для снабжения эвакуированных: 144 т мяса, 43 т рыбы, 9 т сельди, 69 т масла животного, 9 т масла растительного, 8 вагонов яиц, 104 т сахара, 0,9 т чая, 86 т крупы, 700 т пшеничной и ржаной муки, 43 т макарон и пр., а также картофеля и овощей[3].

16 июля 1941 г. на заседании Совета по эвакуации СНК СССР (Протокол № 8 – п. 14) обсуждался порядок выдачи продуктов эвакуируемому населению из Москвы и Ленинграда, в связи с введением карточной системы[4].

6 июля 1941 г. было принято Распоряжение Совета по эвакуации 4881-сэ о предоставлении бесплатно водного транспорта для перевозки эвакуируемого населения из прифронтовой полосы, в соответствии с планом эвакуации населения[5].

Сохранилось множество свидетельств о работе Северо-Западного речного пароходства (СЗРП) и Ладожской военной флотилии по эвакуации гражданского

1 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп.1. Д. 543. Л. 1к.
2 Там же. Л. 17.
3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 28.
4 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 32.
5 Там же. Д. 543. Л. 105.

населения через Ладогу в 1941 г. Так вспоминал Борис Абелевич Вайнер, капитан 1-го ранга запаса, что на транспорте «Вилсанди», переоборудованном из яхты, 27 сентября 1941 г. были установлены 45-мм зенитные пушки, из-за постоянных воздушных обстрелов и бомбардировок немцами. 29 сентября, в числе первых эвакуируемых, на транспорте были вывезены на Восточный берег Ладоги сотрудники ВС ЭССР[1]. Всего водным транспортом осенью 1941 г. было вывезено 33 479 чел., из них 14 854 чел. неленинградского населения (беженцев)[2].

9 ноября 1941 г., по просьбе ленинградского руководства, Постановлением ГКО СССР № 871сс 24 транспортных пассажирских самолета «Дуглас» и 10 самолетов ТБ-3 были выделены для доставки продовольствия в Ленинград и вывоза ценных грузов из Ленинграда. Этими же самолетами, базировавшимися в Череповце, продолжалась эвакуация из Ленинграда населения[3]. Авиацией за осень 1941 г. из Ленинграда было вывезено 35 114 чел., из них 16 956 чел. неленинградского населения[4].

В начале июля 1941 г. был издан циркуляр Госбанка СССР № 4010сс, согласно которому конторы Госбанка обязаны были беспрепятственно выдавать ссуды предприятиям на расходы, связанные с эвакуацией. При отсутствии на счетах предприятий необходимых оборотных средств, суммы перечислялись на счета вышестоящих организаций (главков и др.)[5].

Согласно решению СНК РСФСР от 8 июля 1941 г. из местного бюджета г. Ленинграда было выдано к 19 августа с.г. в порядке оказания денежной помощи 753,6 тыс. руб. семьям рабочих и служащих[6]. Кроме того, 1 сентября 1941 года было принято, подготовленное А. Н. Косыгиным, распоряжение (б/н) Совета по эвакуации о выделении из средств местного бюджета Ленинграда и Ленинградской

---

1 Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. – Лениздат, 1969. С. 130–132.
2 Ленинград в осаде..., 1995. С. 301.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность…Т. 1: 1941–1943. С. 170.
4 Ленинград в осаде..., 1995. С. 301.
5 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета…, 2017. С. 35.
6 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 20. Л. 102, 105.

области 200 тысяч рублей на оказание единовременной помощи населению, эвакуированному из прифронтовой полосы и временно размещенному на эвакопункте Ленинграда и в районах Ленобласти[1].

Помимо финансирования эвакуации, в соответствии с распоряжениями Правительства, Ленгорисполкомом проводились дополнительные мероприятия по оказанию финансовой помощи эвакуированным детям и родителям. Так, по решению Исполкома от 18 августа 1941 года № 454с было ассигновано 1,5 миллиона рублей из бюджета города на приобретение зимней одежды и обуви для детей многосемейных и малообеспеченных родителей, а также для оказания материальной помощи родителям, лишившимся детских вещей в результате вражеских воздушных налетов на эшелоны с детьми (с устного разрешения А. Н. Косыгина)[2].

Из докладной записки Е. Т. Федоровой А. А. Кузнецову 2 сентября 1941 г. ясно, что в данном случае речь шла, в первую очередь, о помощи детям, эвакуированным с детскими учреждениями: родителям была предоставлена возможность приобрести для детей 1 пару обуви и 1 пару галош по справке об эвакуации ребенка из райисполкома (без промтоварных карточек). Было отправлено 18 вагонов с родительскими посылками. Кроме того, было отгружено из Ленинграда 200 тыс. метров бельевой ткани и 15 тыс. одеял. Ленгорисполком, совместно с Ярославским и Кировским облисполкомами, вышли с ходатайством в Правительство об ассигновании 950 тыс. рублей для подготовки к зиме детских интернатов. На август и сентябрь 1941 г. НК торговли СССР было спущено в Ярославскую и Кировскую области достаточно продовольственных фондов, перебои были только со снабжением молоком, которые, в конце концов, прекратились[3].

Трудности эвакуации – реэвакуации женщин и детей вызвали необходимость

1 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 545. Л. 318.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 20. Л. 105.
3 Там же. Д. 21. Л. 237–239.

дополнительных решений Ленгорисполкома по этому вопросу: о мероприятиях по медицинско-санитарному обслуживанию населения в пути от 14 августа 1941 г. (не публиковалось в годы войны); об уполномоченных по эвакуации женщин и детей в области и автономные республики от 17 августа 1941 г. (не публиковалось в годы войны)[1]; о дополнении решения Исполкома от 25 октября 1941 «О порядке взимания платы с родителей за детей эвакуированных из Ленинграда» от 9 ноября 1941. Пр. № 54, п. 33 (было распубликовано в ноябре 1941 г.). В последнем указывалось: не учитывать в качестве дохода пособие, получаемое семьями военнослужащих по Указу Президиума ВС (ВС) от 26 июня, в том случае, если жены военнослужащих работали на предприятиях или в учреждениях (опубликовано в ноябре 1941 г.)[2].

Таким образом, необходимо заметить, что в 1941 г. значительная часть расходов по финансированию эвакуации распределялась между местным бюджетом Ленинграда и государственным бюджетом СССР.

3.2.4. Реорганизация управления эвакуацией осенью 1941 – зимой 1942 гг.

26 сентября 1941 года Постановлением ГКО СССР № 715с при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения, на основе докладной записки Н. М. Шверника Сталину и Молотову. Управление (начальник К. Д. Памфилов, зам. председателя СНК РСФСР) подчинялось Совету по эвакуации. Аппарат уполномоченных Управления к концу 1941 г. насчитывал 3 тыс. человек, благодаря подключению сети профсоюзных организаций и аппарата ВЦСПС[3].

25 октября 1941 г. Постановлением ГКО СССР № 834с был образован Комитет по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и

1 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда … С. 46-47.
2 Бюллетень Ленгорсовета…1941. № 41-42 / 503-504 (28 ноября). С. 17.
3 Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945. (К 30-летию Победы). М.: Профиздат, 1975. С. 7.

оборудования легкой и пищевой промышленности[1]. Основной задачей в этот период становится разгрузка железных дорог, занятых эшелонами с сотнями тысяч эвакуируемых граждан. В связи с этим было принято Постановление ГКО СССР № 910 от 18 ноября 1941 г. «Об ускорении продвижения эшелонов с эвакуированными рабочими, служащими и колхозниками»[2].

19 ноября 1941 г. Военным Советом Ленфронта была утверждена Комиссия по эвакуации населения из Ленинграда, во главе с П. С. Попковым[3]. Членами остались А. П. Смирнов, Б. М. Мотылев, Н. М. Лагунов, к ним добавился Г. Г. Воротов.

Но уже 19 декабря 1941 г. появилось Постановление ГКО СССР № 1044с о прекращении эвакуации хлеба, продовольственных и промышленных товаров, сырья и полуфабрикатов и о ликвидации Комитета по эвакуации[4]. Постановлением ГКО СССР № 1066с от 25 декабря 1941 г. был образован Комитет по разгрузке железных дорог в составе А. И. Микояна (пред.), А. Н. Косыгина, Л. М. Кагановича, Н. А. Вознесенского, А. В. Хрулева. Совет по эвакуации был расформирован и его аппарат передан Комитету разгрузки[5].

В то же время с 31 января 1942 г. начал работать Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК РСФСР, аналогичные отделы работали при местных органах Советской власти[6].

Важную роль во включении в трудовую деятельность людей на новом месте сыграло Разъяснение ВЦСПС от 27 апреля 1942 г. «О сохранении непрерывного

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность…Т. 1: 1941–1943. С. 164.

2 Там же. С. 176.

3 Эвакуация населения Ленинграда по ледовой автодороге в 1941 г. (по документам ЦГА СПб) / публ. Н. Ю. Черепениной // Россия. Век двадцатый: сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. – СПб, 2011. С. 179.

4 Там же. С. 194.

5 Там же. С. 198. Вероятно, расформирование Совета по эвакуации объясняется тем, что Н. М. Шверник в это время находился в Великобритании с делегацией от советских профсоюзов.

6 14 сентября 1945 г. Отдел по хозустройству эвакуированного населения СНК РСФСР был преобразован в Переселенческое Управление при СНК РСФСР. Среди решаемых отделом задач была реэвакуация и репатриация населения, угнанного фашистами. В документах встречается название Переселенческая комиссия при СНК РСФСР, в фонде которой осели отчетные материалы по эвакуации из Ленинграда в 1942 г. Переселенческая комиссия под председательством Н. М. Шверника занималась вопросами размещения, кадрового распределения и устройства на работу переселенцев.

стажа работы за эвакуированными рабочими и служащими», согласно которому непрерывный стаж сохранялся за рабочими и служащими, эвакуированными постановлениями местных исполкомов Советов депутатов трудящихся по болезни или старости, а женщины, кроме того, по беременности или наличию малолетних детей, в том случае если перерыв не превышал трех месяцев, не считая времени переезда на новое место жительства, а у женщин сверх того – срока отпуска по беременности[1].

В ноябре 1942 г. СНК СССР утвердил Положение о Комитете по учету рабочей силы при СНК СССР под председательством Н. М. Шверника. Комитет должен был содействовать мобилизациям населения по ходатайствам наркоматов, совнаркомов, обл(край)исполкомов по обеспечению предприятий страны рабочей силой. Необходимо было решать жилищные и бытовые вопросы, для чего использовались профсоюзные организации (ФЗМК) и активисты.

§ 3 Эвакуация гражданского населения и ценных грузов из Ленинграда в 1942 г.

3.3.1. Организация и финансирование эвакуации населения из Ленинграда в 1942 г.

Эвакуация населения в декабре – начале января через Ладожское озеро.

26 ноября 1941 г. было принято распоряжение Совета по эвакуации № 14982-сэ: по предложению Ленгорисполкома, возобновить эвакуацию населения из Ленинграда в количестве 118 тыс. чел. автотранспортом до ст. Заборье Северной ж.д. с дальнейшей пересадкой на железнодорожный транспорт. На ст. Заборье следовало силами Вологодского облисполкома организовать эвакопункт для одновременного пребывания 5–7 тысяч человек, для руководства сотрудники привлекались с Череповецкого эвакопункта. Наркомторг и Наркомздрав СССР

1 ЦГА СПб. Ф. 9023 (Уполномоченный по делам ВЦСПС). Оп. 1. Д. 1. Л. 1. (Постановления секретариата ВЦСПС. Апрель – декабрь 1942).

обязывались организовать питательные и медицинский пункты[1].

Согласно воспоминаниям А. Ф. Качалкина, уполномоченного Совета по эвакуации (СЭ) на Северной железной дороге, станция Заборье находилась в 160 км от Волхова. Для приема ленинградцев необходимо было проложить железную дорогу в обход Тихвина, протяженностью 200 км. Несмотря на то, что 4 и 5 декабря на станцию были совершены налеты немецкой авиации, разрушившие эвакопункт, 6 декабря 1941 г. строительство станции Заборье закончилось[2]. В тот же день, 6 декабря 1941 г., Военный Совет Ленинградского фронта, в составе: А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Н. В. Соловьев, ген.-лейт. М. С. Хозин, постановил начать эвакуацию населения из Ленинграда по трассе Ваганово – Заборье с 10 декабря 1941 г., доводя число эвакуируемых к 20 декабря в сутки до 5000 чел.[3]

11 декабря 1941 г. вышло распоряжение Совета по эвакуации № 15157-сэ: осуществлять пересадку эвакуируемых автотранспортом из Ленинграда рабочих, следовавших с семьями к месту размещения вывезенных из Ленинграда предприятий, на ст. Бабаево Северной железной дороги. Вопрос об эвакуации контингента научных сотрудников, слушателей и преподавателей Военной Академии, учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, запланированного распоряжением СЭ от 26 ноября 1941 г., в данном распоряжении не рассматривался (был вычеркнут). На ст. Бабаево силами Вологодского облисполкома следовало организовать эвакопункт 1-го класса[4].

В связи с освобождением Тихвина 9 декабря, по предложению А. Ф. Качалкина, СЭ было решено организовать эвакопункт в Тихвине[5].

25 декабря 1941 г. вышло распоряжение Совета по эвакуации № 16148-сэ: разрешить Леноблисполкому организовать эвакопункт 1-го класса в Тихвине,

---

1 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 548. Л. 297, 298. Приложение к третьей главе. Документ № 10.

2 *Качалкин А. Ф.* На дорогах войны // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945. (К 30-летию Победы). Сборник воспоминаний. – М.: Профиздат, 1975. С. 56–57.

3 Документ № 129. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об эвакуации людей из Ленинграда. 6 декабря 1941 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 277–279.

4 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1 Д. 549. Л. 89. Приложение к третьей главе. Документ № 11.

5 *Качалкин А. Ф.* Указ. соч. С. 57.

выделив необходимые помещения для одновременного размещения 3–4 тысяч человек; совместно с Наркомторгом и Наркомздравом СССР организовать пункты питания и медпункт. Представителей соответствующих наркоматов со ст. Бабаево следовало перевести в г. Тихвин[1]. Все три распоряжения Совета по эвакуации (26 ноября – 25 декабря 1941 г.) были подписаны зам. председателя Совета по эвакуации А. Н. Косыгиным.

С 29 декабря 1941 г. начали прибывать эвакуируемые ленинградцы в Тихвин, где и находился уполномоченный СЭ. Всего с 29 декабря по 6 января 1942 г. из Ленинграда прибыло и по Северной железной дороге было отправлено 3 486 чел. Несмотря на приостановку эвакуации, неорганизованно население продолжало прибывать в Тихвин в день по 100 человек. К 7 января 1942 г. под руководством уполномоченного Совета по эвакуации был организован в Тихвине эвакопункт [2].

Об эвакуации инвалидов войны в декабре 1941 г. через озеро «пачками» [так в тексте – Л.Г.] на заседании Ленгорисполкома 16 декабря 1943 г. докладывал В. Н. Сусляков, заведующий Ленгорсобеса. Всего Ленгорсобесом с ноября 1941 г. по 1 января 1942 г. было эвакуировано 3 387 инвалидов войны[3].

В. Л. Пянкевич, А. Н. Чистиков указывают на сведения об эвакуации походным порядком через Ладогу военнослужащих и членов их семей в количестве 7 345 чел. на 30 декабря 1941 г.[4] Можно предположить, что в их числе были инвалиды войны, эвакуируемые собесом, а также семьи военнослужащих из Пушкина, трагическое положение которых было описано выше.

В Постановлении Волховского ГК ВКП(б) от 10 февраля 1942 г. об обслуживании эвакуированных ленинградцев указывалось, что с 1 января 1942 г. через ст. Волховстрой прошло 16 454 ленинградцев, которые обслуживались силами горсовета и эвакопункта в Сясьстрое, где получали питание через

---

1 ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 549. Л. 341. Приложение к третьей главе. Документ № 12.

2 *Качалкин А. Ф.* Указ. соч. С. 57.

3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов …, 2018. С. 564, 601.

4 *Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. №1. С. 63.

станционный буфет[1].

О суровых условиях эвакуации в этот период писал А. В. Карасев, ссылаясь на документы Наркомата обороны СССР: в декабре 1941 г. на пути от Кобоны до Сясьстроя справа и слева можно было увидеть застрявшие машины, многие из которых были переполнены стариками и женщинами. Обогревались в лесу у костров, демаскируя трассу[2].

Крайне тяжелые условия вывоза через Ладожское озеро привели к запрету эвакуации. Однако 10 января 1942 г. Управление войск НКВД по охране войскового тыла Ленинградского фронта обратилось к П. С. Попкову с сообщением о том, что районные эвакуационные комиссии продолжали выдавать эвакоудостоверения. Каждый день 30–45 граждан задерживались на Финляндском вокзале опергруппами железнодорожной милиции Октябрьской дороги при посадке. Это вызывало недовольство эвакуируемых, так как при получении удостоверений сдавались хлебные и продовольственные карточки[3].

До 22 января через Ладожское озеро были переправлены учащиеся ремесленных училищ со своими наставниками и членами их семей. Всего 7339 чел., из которых 5616 чел. учащихся, 536 воспитателей и 1187 иждивенцев[4]. Была эта переправа пешком или на попутном транспорте неизвестно.

Всего за декабрь 1941 г. – январь 1942 г. по ледовой дороге было переправлено, по официальным данным: 36 118 чел., в основном неленинградцев[5].

Организация эвакуации населения с 22 января по 15 апреля 1942 г. 18 января 1942 г. вышло Распоряжение СНК СССР за подписью А. Н. Косыгина, заместителя председателя СНК СССР, которым ставилась задача ежедневно эвакуировать из Ленинграда не менее 2 тыс. человек в Вологодскую, Ивановскую и Ярославскую области.

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 34.
2 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады…, 1959. С. 199.
3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 9.
4 Там же. Л. 153.
5 Ленинград в осаде…, 1995. С. 302.

С 19 января по июль 1942 г. Косыгин являлся уполномоченным ГКО СССР в блокадном Ленинграде, занимаясь вопросами снабжения мирного населения и войск. Его роль зачастую являлась инспекторской, по результатам проверок готовились проекты распоряжений высших правительственных органов, которые он представлял[1]. 19 января А. Н. Косыгин вылетел в Ленинград, вместе с ним прибыла группа ответственных работников СНК СССР и Московского комитета ВКП(б): И. М. Андреев, А. С. Болдырев, А. К. Горчаков, А. Г. Карпов, А. Ф. Куранчев, Г. А. Малявин, А. М. Протасов. Ранее, 17 января на совещании, состоявшемся у Косыгина, было решено направить на Ладожскую дорогу 40 автобусов и 100 грузовых машин с 2-х сменным водительским составом за счет Мосгорсовета, по 50 грузовых автомобилей прибыло из Горького (Нижний Новгород) и Ярославля[2].

В Постановлении №00579 Военного Совета Ленинградского фронта от 21 января 1942 г. об эвакуации населения из Ленинграда требовалось возобновить массовую эвакуацию (п.1): до ст. Ваганово по железной дороге, от ст. Ваганово до ст. Жихарево автобусами, от ст. Жихарево направлением на Вологду, Ярославль и Иваново железнодорожным транспортом. Для этого (п.2в,г) не позднее 23 января 1942 г. организовать эвакопункты 2-го класса в деревне Ваганово и при ст. Жихарево, Волхов и Бабаево, с помещениями на 3200 чел., а также медицинскими и питательными пунктами[3].

В своей книге «Ленинградцы в годы блокады» А. В. Карасев, ссылаясь на документ, хранящийся в фонде ГЭК, указывал, что 22 января 1942 г. эти решения были подкреплены Постановлением ГКО СССР об эвакуации 500 тысяч жителей Ленинграда[4]. Таким образом, возникла «традиция» возлагать всю полноту

---

1 Группа инспекторов была создана 11 июля 1941 г. по решению ГКО при Совете по эвакуации во главе с А. Н. Косыгиным. (*Игнатьев П. В. Кужим М. Ф.* Память блокадных перегонов // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 93). Видимо после прекращения деятельности Совета по эвакуации инспекторская группа осталась в аппарате Косыгина.

2 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества …, 2001. С. 171.

3 Документ № 133. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об эвакуации населения из г. Ленинграда. 21 января 1942 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 285–288 ; Там же. С. 591[комментарий].

4 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады…, 1959. С. 199 (По ГАОРСС ЛО (Ныне ЦГА СПб). Ф. 330. Оп. 1.

ответственности за неудачи этой эвакуации в январе – феврале 1942 г. на Государственный Комитет обороны СССР. Однако данное Постановление отсутствует в современных каталогах и справочниках. Нет оснований и предполагать, что оно замалчивается в связи с сохраняющейся секретностью, так как нет купюр в имеющихся номерах Постановлений за указанный период[1]. Возможно, существовал проект такого Постановления, подписанный Косыгиным (подобные проекты Постановлений СЭ за подписью Косыгина сохранились), однако он не был утвержден ГКО.

Эвакуируемое население прибывало на станцию Борисова Грива, откуда автотранспортом направлялось до станций Жихарево и Войбокало, а с 25 февраля также до вновь открытых пунктов Кобоны и Лаврово, а оттуда до ст. Войбокало.

Согласно Отчету ГЭК и справки по эвакуации за период с 22 января до 15 апреля 1942 г., по Дороге жизни было эвакуировано **554 186** чел., из них **445 232** чел. ленинградцев[2]. Надо иметь в виду, что в количество 554 тысячи в Отчете ГЭК были включены 69 832 чел., эвакуированных с эвакопунктов в Войбокало и Тихвин[3]. Эти люди не пересекали Ладогу, так как эвакопункт в Войбокало принимал раненых и больных из местных, в основном военнослужащих, а в Тихвине с ближайших районов[4]. Таким образом, только 484 354 чел. из указанного числа пересекли Ладожское озеро. Среди «местных» могли быть ленинградцы, работавшие на Дороге жизни, на торфозаготовках и на лесозаготовках на восточном берегу Ладоги.

В то же время в содержании Отчета имеются противоречия, так как все эвакуированное население в количестве 554 тысячи указано, как выехавшее со ст.

Д. 5. Л. 2). В. М. Ковальчук также приводит данное Постановление ГКО СССР, со ссылкой на труд Карасева (*Ковальчук В. М.* Магистрали мужества…2001. С. 171, 495) со ссылкой на труд Карасева. Намекает на существование такого решения ГКО СССР Н. Я. Комаров (*Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет…, 1990. С. 145).

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 67–126; Оп. 2. Д. 33. Л. 1 – 178 ; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. Т. 1: 1941–1943. С. 217–218. Есть все основания полагать, что его не существовало.

2 Документ № 142. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 302–303. Подсчитано мной исключением пп. 8–10, 12 (спецконтингент из области), 13, всего: 108 954 чел.

3 Ленинград в осаде…, 1995. С. 305.

4 Приложение к третьей главе. Документы № 21–23.

Борисова Грива. Указанный Отчет ГЭК был подготовлен для оперативного отдела штаба Ленфронта, приведенные в нем сведения об эвакуации с 22 января по 15 апреля 1942 г. за подписью А. А. Жданова были отосланы И. В. Сталину[1]. По мнению О. Б. Мозохина, вполне возможно, что именно отчет И. В. Сталину о результатах данной эвакуации стал причиной награждения А. Н. Косыгина орденом боевого Красного Знамени[2].

Неточности в статистических данных встречаются и в других документах, подготовленных в ГК ВКП(б) как весной 1942 г., так и позднее. Так, в справке, имевшейся в отделе агитации и пропаганды Горкома ВКП(б), общее количество эвакуированных в этот период совпадает с отчетом ГЭК, однако отдельные страты[3] изменены. Например, в спецконтингенте (административно выселенного населения) не выделены переселенцы из области. В результате количество эвакуированных ленинградцев увеличилось на 31664 чел.[4]

Согласно отчету Октябрьской железной дороги в Плановый отдел Ленгорисполкома, перевозка зимой — весной 1942 г. производилась до Борисовой Гривы в пригородных двухосных вагонах, отапливаемых печами-времянками. Освещались они только первые 10—15 дней эвакуации, после израсходования запаса свечей вагоны следовали без освещения. Путь от Ленинграда до ст. Борисова Грива расстоянием 46,4 километра поезда проходили вместо 2—3-х часов в среднем: в январе за 5,5 часов, в феврале за 18,5 часов, в марте за 14,5 часов, в апреле за 13,3 часа. В состав поезда включалось до 35 вагонов.

В некоторых случаях поезда задерживались, отстаивая на полевых станциях до суток. Среднее время на выгрузку составов вместо 4-х часов составляло от 15,5 часов в феврале до 7,5 часов в начале апреля. В марте 1942 г. попытались

---

1 Ленинград в осаде…, 1995. С. 591.

2 *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны // Журнал Российских и Восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – 1 (12). – С. 33.

3 Страты, социол. – социальные группы, различающиеся по статусу индивидов.

4 Приложение к третьей главе. Документ № 13. Таблица II.4. В связи с имеющимися противоречиями в статистических данных, приведенных в различных источниках, мы поместили и фрагмент отчета ГЭК, опубликованный ранее. См. Приложение к третьей главе. Документ № 15.

использовать товарные вагоны до ст. Борисова Грива для перевозки пассажиров, а обратно – продовольственных грузов. Однако этот опыт не получил распространения из-за грязи и неудобства погрузки[1].

К началу эвакуации вагонный парк в Ленинграде находился в поврежденном от артобстрелов и бомбардировок состоянии. О подготовке вагонов для эвакуации вспоминал И. А. Завьялов, начальник Ленинград-Московского вагонного участка в период войны: наименее пострадавшие вагоны не имели стекол, были с пробоинами в кузовах. Пробоины пришлось заливать отработанным баббитом[2], а в рамы вставляли фанеру с небольшими кусками стекла. Каждый состав, подготовленный для перевозки людей, принимал начальник дороги Б. К. Саламбеков, затем составы передавались на Ленинград-Финляндское отделение[3].

19 февраля 1942 г. военный прокурор Ленинградского фронта Грезов обратился к председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову с требованием навести порядок в организации эвакуации. В документе, в частности, писалось о том, что прибывающие из Ленинграда два поезда в сутки с 3000–3500 людей приводят к скоплению эвакуирующихся на станции Борисова Грива, так как автотранспорта для перевозки и помещений для их размещения недостаточно. В связи с этим смертность приобрела систематический характер. Во время проверки на станции находилось 50 и на шоссе до 200 неубранных трупов[4].

Недостатки в организации питания эвакуируемого населения на эвакопунктах станции задерживали уже готовые к отправке поезда до 3 – 4-х часов, поэтому после 23 февраля питание эваконаселения было перенесено решением Ленсовета на ст. Ленинград-Финляндский пассажирский[5].

---

1 Доклад о работе Октябрьской железной дороги с апреля 1941 года по апрель 1942 года // ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 102, 103 ; Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады. Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни..., 2018. С. 239.

2 Баббит – антифрикционный сплав на основе олова или свинца, предназначенный для использования в виде слоя, залитого или напыленного по корпусу вкладыша подшипника скольжения.

3 *Завьялов И. А.* Вагоны выходят на линию // Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – Л., 1970. С. 70–71.

4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 31.

5 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л.104.

Важную роль в улучшении санитарных условий эвакуации до Борисовой Гривы весной 1942 г. сыграло распоряжение СНК СССР № 26 от 7 марта 1942 г., изданное в связи с инспекторской поездкой зам. председателя СНК СССР А. Н. Косыгина, в котором требовалось осматривать вагоны перед посадкой эвакуируемого населения на Финляндском вокзале и «не допускать ни в коем случае подачи неубранных вагонов, а также вагонов в антисанитарном состоянии»[1].

Условия эвакуации на ст. Жихарево на восточном берегу, до 25 февраля 1942 г. основной станции, где формировались эшелоны для дальнейшего продвижения вглубь страны, были еще хуже. Об этом свидетельствует докладная записка транспортного отдела НКВД Северной железной дороги от 5 марта 1942 г., посвященная плохой организации эвакуации населения из Ленинграда. Указывалось, что в эшелонах, формируемых на ст. Жихарево, не соблюдаются необходимые требования: в теплушках нет съемных досок, люди лежат на полу или на своих вещах, нет вагона-изолятора, кипятильника, медперсонала и проводников. Причем погрузка в необорудованные вагоны производилась принудительно. Приводились примеры массовой смертности и болезней среди эвакуируемых. Характерным был пример эшелона № 446, состоявшего из 72 теплушек на 2 750 чел., по 38 человек в каждой, в котором люди спали на полу, пили сырую воду, или ели снег, так как кипятильник отсутствовал, не было ни медработников, ни изолятора[2].

О трудностях формирования составов на Восточном берегу Ладоги, начиная с января 1942 г., вспоминал В. М. Виролайнен, бывший уполномоченным НКПС на Волховстроевском узле: годных для перевозки людей вагонов не хватало. Летом, для получения необходимых 400 крытых вагонов, пришлось обращаться за помощью к А. А. Жданову и А. Н. Косыгину[3].

Помимо описанных тягот эвакуация сопровождалась массированными

---

1 ЦГА СПБ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 37 (Докладные и акты начальников эшелонов). Л.155.

2 Ленинград в осаде…, 1995. С. 292–294.

3 *Виролайнен В. М.* Чтобы выстоял Ленинград // Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Л., 1970. С. 238.

налетами авиации противника как на станции погрузки-выгрузки пассажиров, на трассу «Дороги жизни», так и на Ярославскую и Северную железные дороги. С апреля 1942 г. по август 1943 г. на Волховстроевский узел было сброшено 19 800 фугасных бомб. 250 налетов было совершено за годы войны на ст. Войбокало. Еще более опасным был железнодорожный узел Сонково[1].

Финансовая и иная материальная помощь эвакуируемым. С 22 января 1942 г. организация и обеспечение эвакуации от Ленинград – ст. Финляндский вокзал до ст. Борисова Грива (Б. Грива) и от ст. Б. Грива до ст. Жихарево, а с 25 февраля также до дер. Лаврово и Кобона, были возложены на Ленинградский горисполком.

В официальном отчете ГЭК от 26 апреля 1942 г. указывалось, что были организованы 15 районных эвакокомиссий и 8 эвакопунктов: ст. Финляндский вокзал, кинотеатр «Звездочка», Б. Грива, Кобона, Лаврово, Жихарево, Войбокало, Волховстрой [эвакопункт находился в Сясьстрое – Л.Г.]. На эвакопунктах работали медицинские пункты, а в Б. Гриве, Кобоне, Лаврово и Жихарево – детские приемники, которыми было подобрано и организовано отправлено 992 ребенка. При эвакопункте на ст. Финляндский вокзал работал промтоварный магазин, продававший эвакуируемым теплые вещи: рейтузы, варежки, одеяла и т. п. Медпунктами была оказана медпомощь 33 521 чел.

При эвакуации продовольственные и хлебные карточки сдавались. Хлеб выдавался при этом на день вперед. На ст. Финляндский вокзал эвакуируемые получали горячий обед с раскладкой: мясо – 75 г, крупа – 50 г, жиры – 40 г, мука подболточная – 20 г, сухие овощи – 20 г, хлеба – 150 г. Кроме того, сухим пайком выдавали 1 кг хлеба. При задержке поезда свыше 1,5 суток на эвакопункте Б. Грива должны были кормить еще раз обедом с указанной раскладкой. Кроме того, обеды выдавались в Кобоне или в Лаврово, или в Жихарево (в зависимости от станции назначения) с указанной раскладкой, и давался 1 кг хлеба в дорогу, 250 г печенья, 200 г мясопродуктов, а детям до 16 лет плитка шоколада.

---

1 Там же. С. 239–240 ; *Качалкин А. Ф.* На дорогах войны // Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне..., 1975. С. 58.

Время же в пути до ст. Жихарево в среднем составляло в январе – феврале двое суток, до ст. Лаврово, Кобона в марте – апреле19 – 20,7 часов.

Кроме того, получали обед на ст. Волхов, а с первых дней апреля выдавали 1 кг хлеба в дорогу. Затем питались в Тихвине, Бабаево, Череповце, Вологде[1].

В приложенном к справке хозяйственном отчете за период с 3 декабря 1941 г по 15 апреля 1942 г., который не был опубликован, детализованы расходы на обустройство и организацию работы эвакопунктов[2]. Согласно отчету, хозяйственные недостатки были устранены только во второй половине февраля. До этого работа эвакопунктов являлась неудовлетворительной. На Финляндском вокзале эвакопункт занимал помещение до 950 кв. метров, имел общежитие (3 комнаты), парикмахерскую, столовую и два зала ожидания. В Б. Гриве эвакопункт занимал 16 домов и в Ваганово 6 домов, где имелись санчасть, столовая, помещения для эвакуируемых. Кроме того, в Ваганово имелись 20 палаток, вмещавших 600 чел. Из текста отчета не ясно: были ли они утепленными, учитывая зимний период. В то же время из-за нехватки помещений в Б. Гриве часть эвакуируемых оставались в вагонах от 5 до 12 часов.

В Кобоне эвакопункт занимал 52 дома с площадью 2100 кв. метров (в том числе школа, церковь и другие). В них размещались эвакопункт, общежития, санчасть и др. В Лаврово эвакопункт занимал 108 домов с площадью 3700 кв. метров (в том числе церковь), где имелись сам эвакопункт, санчасть, столовая, пекарня, общежития. В Жихареве – 30 домов с площадью 4000 кв. метров (в том числе дом культуры). Все дома, как правило, были отремонтированы, барачного типа, 1-2-х этажные. В них имелись пищевые блоки, в ряде домов были заново сделаны печи, вставлены двери, рамы. 22 февраля 1942 г. на Жихарево был произведен налет вражеской авиации, вследствие этого были произведены ремонтно-строительные работы, в которых было занято 300 рабочих.

---

1 Документ № 142. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 303–305 ; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 130, 131.

2 Документ публикуется с некоторыми купюрами в приложении к третьей главе. Документ № 19.

Снабжение эвакопунктов осуществлялось по выделенным фондам Военного Совета Ленфронта на военных базах. Строительными материалами и необходимым инвентарем они обеспечивались через Управление снабжения Ленгорисполкома по заявкам ГЭК. За период с 1 декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г. эвакопунктам было выделено: 928.430 тонн хлеба[1], 136.6 тонн мяса, 22.1 тонны шоколада и других продуктов питания на 8424.8 рублей. На каждом эвакопункте работал пищевой блок с пропускной способностью от 2,5 (Б. Грива) до 10 тысяч (Финляндский вокзал и Жихарево) человек. Имелись столовые для работников эвакопунктов, кипяточные и пекарни, выпускавшие в сутки в общей сложности до 11,6 тонн хлеба. Отпуск питания производился по специальным единым карточкам для эвакуируемых и обеденным талонам для работников эвакопунктов, введенным ГЭК. Карточка, как правило, выдавалась в районных эвакокомиссиях вместе с эвакоудостоверением. За эвакопунктами были закреплены определенные номера талонов. Командировочным выдавались карточки на эвакопунктах. Из-за утерь и краж иногда приходилось повторно выдавать карточки на пунктах. В смету денежных расходов на содержание эвакопунктов Ленгорисполкома, всего: 3.066.240 рублей, была включена материальная помощь эвакуируемым, составившая в отчетный период: 1.018.450 рублей, из которых 500 тыс. – студентам, 140 тыс. инвалидам войны, 93 450 руб. больным и детям, 285 тысяч семьям красноармейцев, рабочих и служащих, или 33% от всей суммы расходов[2].

О высокой оценке работы столовой при эвакопункте на Волховстрое А. Н. Косыгиным во время его инспекторской поездки весной 1942 г. в своих воспоминаниях писал В. М. Виролайнен[3].

В 1942 г. вопросы финансирования эвакуации гражданского населения оставались в центре внимания СНК СССР и СНК РСФСР. Так, в Протоколе №8 заседания СНК РСФСР от 27 февраля 1942 г., посвященного уточнению областных

---

1 В документе знак между разрядами пропущен.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 133–142 ; Приложение к третьей главе. Документ № 16.

3 *Виролайнен В. М.* Чтобы выстоял Ленинград // Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников …, 1970. С. 237.

бюджетов на 1942 год, зафиксировано, что вопрос финансирования содержания ленинградских детей из средств местных бюджетов стоял особо. По Архангельской области было принято решение увеличить расходы на питание детей, эвакуированных из Ленинграда, на 335 тысяч против проекта Наркомфина РСФСР, уменьшив средства родителей с 685 тысяч до 350 тысяч рублей, одновременно увеличивалось финансирование яслей, колхозных школ, противоэпидемических мероприятий. По Кировской области ассигнования на содержание детских учреждений, эвакуированных из г. Ленинграда, увеличивались на 8,5 млн. рублей, дополнительно 150 тысяч выделялось на ремонт помещений, занимаемых эвакуированными из Ленинграда детскими учреждениями, вопрос о привлечении средств родителей, проживающих в Ленинграде, предлагалось обсудить особо. По Омской области ассигнования на содержание детских интернатов, эвакуированных из Ленинграда, увеличивались на 7,665 млн. рублей, вопрос о родительских деньгах также предлагалось обсудить особо. По Ярославской области ассигнования на содержание ленинградских детей увеличивались на 4,293 млн. рублей, также особо предлагалось рассмотреть вопрос о взимании платы с ленинградских родителей, увеличивались и ассигнования на противоэпидемические мероприятия. В связи с планируемыми расходами в Протоколе № 15 от 25 июня 1942 г. в п. 2в «О госбюджете РСФСР» указывалось: просить выделить 10 млн. рублей на организационно-хозяйственные мероприятия, связанные с эвакуацией населения из Ленинграда и других местностей[1]. Эти мероприятия СНК РСФСР позволили 30 мая 1942 года принять решение Ленгорисполкома об отмене платы с родителей, находящихся вне Ленинграда, до 1 октября 1942 года (в соответствии с распоряжением СНК СССР от 14 мая 1942 № 8719-р)[2].

В то же время 16 февраля 1942 г. было принято Постановление СНК СССР № 208 об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий,

1 ГА РФ. Ф. А-259 (Совет Народных Комиссаров РСФСР). Оп. 1. Д. 40. Л. 14, 54, 81, 131, 155–158.

2 О взимании платы за детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из г. Ленинграда от 30 мая 1942. Пр. № 68, п. 66 // Бюллетень Ленгорсовета… 1942. № 14 / 522 (31 июля). С. 5.

занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток, в том числе оно касалось ленинградских рабочих и служащих, выехавших вместе с предприятиями[1]. Постановление предполагало, что рабочие и служащие, выехавшие вместе со своими предприятиями и учреждениями, реэвакуации не подлежат.

Медико-санитарная помощь гражданскому населению при эвакуации.

Впервые данный вопрос кратко осветили в своем исследовании Б. В. Хромов и А. В. Свешников. Позднее он был раскрыт в трудах П. Ф. Гладких[2]. Вновь открытые документы позволяют дополнить и уточнить некоторые детали медобслуживания на эвакотрассе.

В соответствии с Постановлением №00579 от 21 января 1942 г. Военного Совета Ленинградского фронта к 23 января следовало командировать на эвакопункты медицинских работников и выделить необходимые медикаменты[3]. 8 февраля 1942 г. приказом Ленинградского горздравотдела (ЛГЗО) начальником медико-санитарной части, обслуживавшей эвакуацию населения по Ладожской трассе, был назначен М. А. Мессель, возглавлявший ленинградскую организацию «Скорой помощи»[4]. Его помощником являлся Ляховицкий[5].

В кратком отчете ЛГЗО от 26 мая 1942 г. о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский–Жихарево–Лаврово за январь–апрель 1942 г. была дана характеристика медобслуживания на эвакотрассе. В том числе было указано на недостатки в организации стационарной помощи в Жихареве, на отсутствие стационара в Борисовой Гриве. ЛГЗО реорганизовал медпункт на Финляндском вокзале, который стал работать как круглосуточный пост

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 25–27.

2 *Хромов Б. В. Свешников А. В.* Здравоохранение Ленинграда. Краткий исторический очерк. Л.: Лениздат, 1969. С. 85–86 ; *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда. 1941-44. М., Медицина, 1985. С. 38–40 ; *Его же.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941 – 1944 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 45–50.

3 Документ № 133. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об эвакуации населения из Ленинграда // Ленинград в осаде…, 1995. С. 285–286.

4 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград …, 2006. С. 46.

5 ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

«Скорой помощи», обслуживаемый ее персоналом. В задачу медпункта, помимо оказания амбулаторной помощи, входили: отсев тех, кто не мог выдержать эвакуации; госпитализация нуждающихся; санитарное наблюдение за подаваемыми железнодорожными составами и за помещениями эвакопункта. В Борисовой Гриве были развернуты: стационар на 4 койки, расширенный позднее до 7 коек; изолятор на 25 коек. Амбулаторная помощь оказывалась также в вагонах. Нуждавшиеся эвакуировались в Ириновскую и Всеволжскую больницы, а также в Ленинград. За период с февраля по 13 апреля 1942 г. санчасть обслужила 13 тысяч больных, из которых 56 было эвакуировано в указанные больницы Ленобласти.

В Жихарево в санчасть входили стационар на 25 коек с изолятором на три койки; здравпункты в местах наибольшего скопления людей: в бараках, столовых и т. п. с круглосуточным дежурством врача, медсестры и двух санитарок. В среднем работали: три здравпункта, иногда их число доходило до пяти; амбулатория с круглосуточным дежурством персонала во главе с врачом, обслуживавшая как эвакуирующихся, так и местных работников; медпомощь на дому дежурным врачом; «Скорая помощь» в составе двух санитарных машин, доставлявших нуждающихся в ближайший госпиталь, находившийся в 5 км. Кроме того, из эвакуируемых подбирался персонал для сопровождения эшелона до Вологды, оборудовались вагоны-изоляторы, осуществлялась эвакуация больных, осуществлялся надзор за питанием, иммунизация персонала питательных пунктов.

С 25 февраля начали работу санчасти в Лаврово и Кобоне, имевшие амбулатории и стационары на 25 коек в каждой, а также контрольные пункты для выявления и задержки инфекционных больных[1].

П. Ф. Гладких указывает, что помимо этого были развернуты медпункты в Черноушеве, Коровкине и Манихине, при наличии одного врача. Имелись больница и медицинский пункт с одним врачом в пос. Часовенском, в Никольском и Великом Дворе также больница и медицинский пункт с двумя врачами при них, в Заборье –

1 Документ № 146. Краткий отчет о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский–Жихарево–Лаврово за январь–апрель 1942 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 309–312.

медицинский пункт на 50 коек с изолятором, в которых работали 4 врача. Всего медицинская часть на Дороге жизни имела 60 коек в медпунктах, больницах и 75 коек в изоляторах. Работали 19 врачей и 63 чел. среднего и младшего медперсонала. Медицинское обслуживание при эвакуации осуществлялось поэтапно[1].

Особое значение приобрели вопросы эпидемиологического обслуживания трассы. В отчете «О выполнении решения Военного Совета и Ленгорисполкома от 10 / II – 42 за № 00636 – о мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями» И. М. Аншелес, начальник противоэпидемического управления, 1 апреля 1942 г. на заседании бюро первичной партийной организации ЛГЗО отметил, что ко времени отчета было иммунизировано на трассе свыше 900 тысяч человек от желудочно-кишечных заболеваний. В то же время при обсуждении доклада, начальник Планового отдела О. Г. Вульфсон выразил сомнение в эффективности принятых мер: таблетки приносились два раза, вместо положенных трех, приносили после еды, когда надо принимать натощак. На этом же заседании партбюро было принято решение о необходимости немедленного развертывания обсервационного пункта в Борисовой Гриве.

В отчете прозвучала также критика слабой организации санитарно-контрольных пунктов на трассе: целые группы людей пропускались без осмотра. Помещения эвакопунктов при проверке оказались заняты воинскими частями или начальниками эвакопунктов. Только после приезда представителей ЛГЗО были отведены помещения под душевые. Были выявлены недостатки в организации питания, нехватка кадров[2].

8 июня 1942 г. на заседании бюро первичной партийной организации ЛГЗО был заслушан отчет М. А. Месселя и И. М. Аншелеса об обеспечении эвакотрассы медицинской помощью. В своем отчете М. А. Мессель указал на трудности с кадрами: из 67 врачей и 105 чел. среднего медперсонала 80% дезертировали. В том

---

1 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград …, 2006. С. 46.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 12, 13.

числе начальник санчасти Борисовой Гривы и начальник санчасти Лаврово. Возникла острая необходимость в эпидемиологах, которых не было ни в Борисовой Гриве, ни в Лаврово, ни в Кобоне. На заседании было вынесено предложение просить Госсанинспекцию (ГСИ) и Противоэпидемиологическое Управление помочь в отношении противоэпидемических мероприятий[1].

Таким образом, хотя на эвакотрассе принимались меры по профилактике эпидемий, однако они не всегда были эффективны из-за недостаточного контроля со стороны санитарных врачей или эпидемиологов, которых не хватало.

Эвакуационная статистика с декабря 1941 по 15 апреля 1942 гг. Расхождения, имевшиеся в статистических данных по эвакуации, приводимых в различных справках, породили множество мифов у исследователей, которые сосчитывали жертвы на Ледовой дороге сотнями тысяч и полагали ее работу безрассудством. Наиболее известна из подобных рассуждений точка зрения Гуре и Солсбери, которые, однако, не могли не признать ее необходимость в спасении Ленинграда и ленинградцев. Это делает целесообразным анализ данных статистических сведений. Тем более, что внутренняя критика позволяет увидеть корреляцию статистических отчетных документов и обратить внимание на то, что реальные жертвы на Ледовой дороге были не столь значительны, благодаря самоотверженной работе ее сотрудников и деятельности спасательных служб.

Согласно сведениям начальника Тихвинского эвакопункта, за период с 1 января по 31 декабря 1942 г. через эвакопункт проследовало 1 031 699 чел., в том числе 955 732 ленинградцев [данное число не дифференцировано с инвалидами Великой Отечественной войны и прочими группами, которые эвакуировались через городской эвакопункт на Финляндском вокзале – Л.Г.], 75 967 чел. из прифронтовых районов Ленинградской области.

Из них за январь – апрель 1942 г. **517 386 чел.** ленинградцев и 14 843 чел. из прифронтовых районов Ленинградской области (всего 532 229 чел.). С конца мая

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 7. Л. 36, 37, 38, 39.

по декабрь 1942 г. проследовало **438 346** ленинградцев, **61 124** чел. из Ленинградской области. Было снято эвако-больных за январь-апрель 1942 г. 1495 чел., за май-ноябрь 272 чел., в декабре 1942 г. 6 чел. Большая часть эвакуируемых направлялись в глубинные области по плану СНК СССР, но незначительная часть была размещена внутри области в районах: Боровическом, Ефимовском, Хвойнинском, Любытинском, Пестовском и других[1].

В анализе работы Военно-автомобильной дороги (ВАД) через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг., составленном под руководством Ф. Н. Лагунова, ген.-лейт. интенд. службы, начальника тыла Ленинградского фронта, и П. И. Новоселова, ген.-майора интенд. службы, фронтового интенданта Ленинградского фронта, количество эвакуированных в порядке разгрузки Ленинграда с 22 января по 20 апреля 1942 г. указано: **514 069** чел. Из них гражданского населения: 447 265 чел., военнослужащих: 17 120 чел., больных и раненых: 9283 чел., спецпереселенцев и заключенных: 40 401 чел. Часть эвакуируемых была перевезена на машинах ВАД, часть на машинах эвакопунктов и других[2].

В Отчете Планового отдела Октябрьской железной дороги, сданного в Плановый отдел Ленгорисполкома, указывалось, что с 23 января по 13 апреля 1942 г. железной дорогой с Финляндского вокзала до Борисовой Гривы было перевезено 383 760 человек. С 13 до 15 апреля курсировала пригородная летучка, которая перевозила по 600 человек[3]. Данные железной дороги: 383 760 чел. подтверждены в анализе работы Военно-автомобильной дороги через Ладожское озеро, составленном в штабе тыла Ленинградского фронта. Кроме того, в анализе штаба тыла Ленфронта указано, что значительная часть эвакуируемых приехала из Ленинграда на автомашинах[4]. В то же время можно заметить в анализе штаба тыла отсутствие данных по 1800 – 3600 человек, прибывших в период до 15 апреля на

---

1 ГА РФ. Ф. А-327 (Переселенческая комиссия СНК РСФСР). Оп. 2. Д. 32. Л. 2, 4об.

2 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады... С. 240 ; Приложение к третьей главе. Документ № 22. Таблица II.14 С.

3 ЦГА СПб. Ф.2076. (Плановая комиссия Исполкома Ленгорсовета народных депутатов). Оп. 4. Д. 54. Л. 95, 96, 150.

4 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады... С. 239.

летучке.

Таким образом, количество 480 000 человек, перевезенных железнодорожным транспортом от ст. Финляндский вокзал до ст. Борисова Грива, приведенное в Отчете ГЭК, не подтверждается указанными выше документами. В отчете Л. А. Левина, начальника эвакопункта в Борисовой Гриве, следует обратить внимание на то, что часть эвакуируемого населения: 25 тысяч чел. прибыла в Борисову Гриву в товарных вагонах (теплушках). В отчете Октябрьской железной дороги в Плановый отдел Ленгорисполкома писалось, что в марте был введен вариант двухстороннего использования товарных вагонов до ст. Борисова Грива с эвакуируемыми и обратно с продовольственными грузами, однако от этого варианта отказались в дальнейшем из-за грязи и неудобства подачи на пассажирской станции[1].

В Отчете ГЭК количество людей, прибывших из Ленинграда на автомашинах и пешком, что могло быть связано с поломкой машины в пути, составило 74 186 человек. Тогда всего в Борисову Гриву прибыло железнодорожным транспортом и автомашинами, а также иными способами: около 486 тысяч человек, учитывая около 3 тысяч прибывших за три дня апреля.

Кроме того, необходимо учесть, что из Ваганово осуществлялась военно-санитарная эвакуация. Между Ленинградом и Ваганово ходили 2 санитарных поезда и 6 санитарных летучек. 4 санитарные летучки работали на перегонах Войбокало – Волхов и Войбокало – Тихвин. Со станций Волхов и Тихвин раненые и больные отправлялись в тыл страны. Помимо эвакуированных из ленинградских эвакогоспиталей раненых и больных в количестве 35 279 чел., из Ваганово было эвакуировано военно-санитарными летучками 36 325 чел. из местных частей[2]. В это число входили работники Дороги жизни, получившие обморожения, раны и

1 Доклад о работе Октябрьской железной дороги с апреля 1941 года по апрель 1942 года // ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 103.

2 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады ... // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни..., 2018. С. 238–239.

травмы в период работы[1]. Кроме того, военно-санитарными пунктами и госпиталями оказывалась помощь и некоторой части гражданского населения, получившего обморожения, травмы и ранения на Дороге жизни. Тогда количество людей, перевезенных через озеро, следует считать около **522 тысяч** чел. Из этого количества следует вычесть погибших при эвакуации, число которых, учитывая, что в Тихвин прибыло не более 517 тысяч человек, составило до 5 тысяч, включая умерших в Жихарево, Лаврово и Кобоне.

В отчете Автотранспортного Управления Ленинграда (АТУЛа) в Ленгорисполком указывалось, что в I полугодии 1942 г., работая на трассе Дороги жизни, автобусы АТУЛа перевезли 214,2 тысячи человек, в том числе через озеро от Борисовой Гривы до Жихарево, Лаврово и Кобоны 135,2 тыс. человек (помимо автотранспорта ВАД). Через озеро автобусами люди перевозились до 10 апреля, причем с 1 по 10 апреля в среднем в сутки перевозилось больше людей автобусами, чем в предшествующий период: 4961 чел. в день. В Кобоне и Лаврово к месту посадки в поезд автобусами было перевезено 73 тысячи человек, обратным рейсом из Жихарево в Борисову Гриву 6 тысяч человек. После прекращения работы по перевозке через озеро, на восточном берегу остались 13 автобусов, которые перевозили население от пристани к местам посадки в поезда[2].

Эвакуация Ленинградских высших учебных заведений производилась под наблюдением зам. председателя Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР Н. Г. Бруевича. По его сведениям, к 23 марта 1942 г. в целом эвакуация вузов была закончена, за исключением медицинских институтов, а также лиц больных и отказавшихся от эвакуации[3].

Согласно списку рабочих и служащих ленинградских предприятий, гос. учреждений, вузов и ремесленных училищ, эвакуированных из Ленинграда с 22

---

1 «Для очень многих…эвакуация означала сохранение жизни»: о деятельности Управления тыла Ленинградского фронта // Там же. С. 298–299.

2 Материал о работе АТУЛа за год Отечественной войны (с 1/VII-41 по 1/VII-42 гг.) // ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп.4. Д. 54. Л. 158–159.

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 47.

января по 12 апреля 1942 г., приложенному к Отчету ГЭК, всего было учтено эвакуированных таким образом **164 598** чел., из них работающих и учащихся – 77 700 чел., иждивенцев – 86 898 чел. Среди эвакуируемых в этот период были сотрудники Эрмитажа, Ленинградского университета и других вузов, Академии Наук СССР, работники искусства: Ленинградских театров, Академической капеллы, члены Союза архитекторов и писателей, члены их семей и другие деятели ленинградской культуры[1].

В это число вошли и 32 201 чел. учащихся, преподавателей и членов семей ремесленных училищ, в том числе 7 339 чел., эвакуированных до 22 января[2].

Данные отчета эвакопункта Борисовой Гривы подтверждают некоторое завышение эвакуационных показателей ГЭК. Согласно отчету Л. А. Левина, начальника эвакопункта в Борисовой Гриве, с января по апрель 1942 г. прибыло к отправке 502 800 человек, в том числе пассажирскими и товарными эшелонами: 456 120 чел., было отправлено автомашинами (ведомственными и др.) 10 575 чел., из Ваганова (в основном раненые и больные) 36 105 чел. Смертность на Дороге жизни за период с февраля по апрель составила 2200 человек, из них 643 чел. в медпункте и изоляторе, остальные на территории эвакопункта и найденные милицией. Данные по смертности в январе в отчете не приводились[3]. В то же время С. А. Уродков приводил более высокие цифры: 2813 трупов было обнаружено и захоронено в непосредственной близости от Борисовой Гривы весной 1942 г. Захоронения происходили в основном на Ириновском и Новом кладбищах[4]. Суммируя данные отчета Л. А. Левина и сведения, приводимые исследователем, можно уточнить количество погибших на Дороге жизни в январе – апреле 1942 г.

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 145–153. Приложение к третьей главе. Документ № 16. Таблица II.7.

2 Там же. Приложение к третьей главе. Документ № 15.

3 Краткий отчет о работе эвакопункта Ленгорисполкома ст. Борисова Грива за время с 2 декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г. Левина Л. А. // ГММОБЛ. Ф. Рукописно-документальный (РД). Оп.1р. Д. 13. Л. 1–83. (Публикация: *Чакин И. Широбоков И.* Организация перевозок людей и грузов по Ледовой дороге с осени 1941 по весну 1942 года. По отчету начальника эвакопункта в Борисовой Гриве Левина Л. А. // Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева; редкол. В. В. Шапкин [и др.] – СПб.: Изд-во ИПК СПО; Изд. Газиева Л., 2004. – С. 42–43) ; Приложение к третьей главе. Документ № 21. Таблицы 12 и 13

4 *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – № 8. – С. 88–102. (По ГАОРСС ЛО [Ныне ЦГА СПб]. Ф. 330. Оп. 1, 1941. Д. 8. Л. 8).

до 3 456 чел.

Согласно отчетам Романова, начальника эвакопункта Кобона, в марте – апреле 1942 г. через пункт в Кобоне прошло 59 эшелонов, 138 644 чел., через Лаврово в феврале – марте 1942 г. прошло 70 эшелонов, 148 969 чел. Или всего проследовало **287 613** чел. Умерли в Кобоне – 1155 чел., в Лаврово – 394 чел. Причины смертей названы были в отчете: «дистрофия, ослабление сердечной деятельности и резкое охлаждение при переезде в открытых машинах через озеро, а также при ожидании посадки в вагоны в с. Кобона и на посадочной площадке, ввиду отсутствия нужного количества помещений, приспособленных для этих целей»[1]. Кроме того, следует учесть, что до 25 февраля на Тихвин формировались эшелоны в Жихарево. Таким образом, 139 921 чел., из которых 125 078 ленинградцев, за январь – февраль в Тихвин попали из Жихарево.

В то же время в хозяйственном отчете за декабрь 1941 г. – апрель 1942 г., приложенном к справке ГЭК, указано, что за отчетный период отправлено из Кобоны 138 644 чел. на 59 эвакопоездах, что совпадает с отчетом начальника эвакопункта; но уже из Лаврово число указано 150 872 чел. на 68 эшелонах (разница с отчетом эвакопункта: 1903 чел.). Из Жихарево было отправлено: 194 838 на 112 эшелонах, что, по крайней мере, на 54 917 чел. больше того количества, что проследовало через Тихвин[2]. Всего же количество людей, отбывших в Тихвин с эвакопунктов в Жихарево, Лаврово и Кобона: 484 354 чел. с декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г.

Сравнивая данные штаба тыла Ленфронта, согласно которым через Дорогу жизни было отправлено 514 тысяч человек, и приложения № 1 к секретному отчету Ленгорисполкома, согласно которого в Тихвин было переправлено из эвакопунктов на восточном берегу Ладоги 484 тысячи человек, можно заметить 30 тысяч человек разницы. Эта разница могла быть вызвана тем, что в документе штаба тыла Ленфронта: 26 403 чел. из 514 069 эвакуированных – это военнослужащие, включая

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 32. Л. 11, 13, 14, 17.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 50. Л. 199. Приложение к третьей главе. Документ № 19.

раненых и больных. За их исключением эвакуация гражданского населения составила 488 тысяч человек, по данным штаба тыла. Эти данные приближены к статистике Тихвинского эвакопункта. В тоже время можно заметить разницу в количестве эвакуированных через пункты в Лаврово и Кобоне, согласно отчетам, хранящимся в фонде Переселенческой комиссии СНК РСФСР: за март – апрель 280 989 чел., и эвакуированных через Тихвин: за март – апрель всего 392 308 чел., которая объясняется тем, что часть эвакуируемых отправлялись через Жихаревский эвакопункт, продолжавший работать до 20 апреля 1942 г.[1]

Кроме того, как писал В. М. Ковальчук, раненые перевозились на автомашинах до ст. Войбокало, где были развернуты три эвакогоспиталя и эвакоприемник. От ст. Войбокало до ст. Волхов и Тихвин ходили четыре санитарные летучки, которыми по железной дороге переправлялись раненые[2].

В одном из первых исследований эвакуации из Ленинграда С. А. Уродков указывал, что в марте – апреле 1942 г. из Борисовой Гривы 45% от всех поступивших направлялось в Жихарево и Войбокало, 30% в Лаврово и 25% в Кобону[3]. Эти показатели можно уточнить, так как по данным отчетов через Кобону и Лаврово направлялось до 71,6% от всех проследовавших через Тихвин в марте – апреле 1942 г.

Таким образом, наиболее точными следует считать данные тыла Ленфронта об эвакуации 514 069 тысяч, из которых 488 тысяч составило гражданское население, через Ладогу за период с 21 января по 20 апреля 1942 г. Хотя и в этих данных имеются незначительные неточности.

Сколько человек гражданского населения достигли места назначения и были размещены? На этот вопрос можно ответить, благодаря строгому учету движения и размещения контингента Переселенческой комиссией СНК РСФСР. Так из числа эвакуированных за период с 21 января по 20 апреля 1942 г., согласно телеграфным

---

1 Приложение к третьей главе. Документы №№ 19 и 20.

2 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества ..., 2001. С. 176 ; Военно-Автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 239.

3 *Уродков С. А.* Указ. соч.

сообщениям обл(край) исполкомов и СНК АССР в Переселенческую комиссию при СНК РСФСР, по состоянию на 1 мая было принято и размещено **261 090** человек. В том числе 53 466 чел. в северных областях: Архангельской, Вологодской, Ивановской, Ярославской; 98 021 чел. в южных регионах: в Кабардино-Балкарской АССР, в Краснодарском и Орджоникидзевском краях; 100 190 чел. на Урале и в Сибири: в Алтайском и Красноярском краях, в Башкирской, Татарской и Удмуртской АССР, а также в Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Челябинской, Чкаловской областях. Кроме того, 9 413 чел. было размещено больных, снятых с проходящих эшелонов, в Воронежской, Пензенской, Рязанской, Сталинградской областях[1].

Таким образом, из числа эвакуированных, согласно официальным данным, за период с января по апрель 1942 г. было потеряно по неясным причинам **227 910** чел. Можно предположить, что среди них значительную часть составили больные, которых снимали с эшелонов и помещали в стационары, а также люди, эвакуируемые в индивидуальном порядке и сходившие с эвакопоездов на стоянках, не доезжая до конечного пункта. Часть потерь была мнимой, так как сказалось завышение числа эвакуированных в первоначальных списках, подаваемых ГЭК.

Наряду с этим, имеются свидетельства о необычайно высокой смертности при эвакуации. Так, А. Соколов, эвакуировавшийся в феврале 1942 г. со спецшколой №2 военно-воздушных сил, вспоминал, что из 405 учащихся, выехавших из Ленинграда, до г. Ойрот-Тура смогли доехать только 216 чел.

Воспоминания подтверждаются приведенным уникальным документом: Приказом №7 по спецшколе, подписанном в день окончания эвакуации, в котором указывались фамилии курсантов и даты смерти, начиная с 6 февраля в Борисовой Гриве. Доехали 21 чел. преподавателей, административно-хозяйственных работников и обслуживающего персонала.

---

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 1. Приложение к третьей главе. Документ № 18 А. Таблица II.8.

109 курсантов и четыре преподавателя скончались на ст. Борисова Грива, в вагонах и госпиталях. Двое преподавателей остались в госпиталях в пути следования. Автор указывает, что покойники на станциях не выгружались из вагонов, а продолжали следовать с эвакуируемыми. Первую партию трупов частично удалось выгрузить только на ст. Череповец[1].

Из умерших на отрезке Борисова Грива – Тихвин скончались: 25 человек; на отрезке Ефимовская – Вологда: 12 человек (всего ок. 60% из всех умерших). Остальные умерли на значительном удалении от Ленинграда. Согласно Приказу №7 по школе, больные курсанты снимались с эшелона и отправлялись на стационарное лечение, начиная с г. Вологда. Всего 120 человек. Из оставленных вернулись в спецшколу после лечения 63 чел., 48 чел. умерли в госпиталях и больницах, 9 человек пропали без вести[2].

Всего из спецшколы №2 ВВС выехали 432 чел., из которых до места доехали 237 чел. (59%), 113 чел. (28%) скончались. В документах никак не упоминается об имевшихся с эвакуированными иждивенцах.

Необходимо заметить, что в списке эвакуируемого контингента ленинградских высших и средних профессиональных учебных заведений, приложенном к отчету ГЭК, по спецшколе №2 ВВС указывалось эвакуированных 579 чел., в том числе 511 учащихся и преподавателей, 68 иждивенцев[3]. Учитывая, что на 1 декабря 1941 г. в школе числилось 495 учащихся, за декабрь выбыло 57 чел., еще 33 чел. «отказались от эвакуации»[4], можно сказать, что в отчет подавался план по эвакуации, который включал людей, выбывших из состава по той или иной причине.

Таким образом, «приписки» по эвакуации могли возникнуть из-за того, что отчет составлялся на основе плана, в котором отражалась неточная картина

---

1 *Соколов А. М.* Эвакуация из Ленинграда. Неизвестные факты. Историко-художественная монография. – СПб., 2000. С. 226–230, 249–253, 265. Приложение к третьей главе. Документ № 23. Таблица II.15.

2 Там же. С. 259–264, 268.

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 211.

4 *Соколов А. М.* Указ. соч. С. 100.

накануне эвакуации. Это косвенно подтверждается данными по детской эвакуации по «Книге эвакуированных детей Дзержинского района (1942 год)». В списке эвакуированных детей из 143 чел. указано, что 36 чел. умерли, а 5 выбыли домой[1]. Расхождения могли составить от 15,8% (спецшкола №2 ВВС) до 41% (эвакуированные дети Дзержинского района, данные медицинской статистики).

Таким образом, данные факты, подтвержденные документом и многими очевидцами, свидетельства которых приводятся в книге, а также сохранились в музее обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ), указывают, что на начальном отрезке пути регистрация заболеваемости и смертности эвакуируемых нуждается в уточнении[2].

«Отказ от выезда» военнослужащих помогает понять свидетельство другого бывшего «спеца» профессора, д.м.н., полковника С. Е. Попова, который вспоминал, что в феврале 1942 г., когда эвакуировалась артиллерийская противотанковая спецшкола №7: «Командир шел вдоль шеренги мальчишек и толкал в грудь: устоял – можешь ехать, нет – оставляли»[3]. Иначе говоря вывозили в эвакуацию только наиболее крепких из курсантов военных спецшкол. Из выехавших со спецшколой №2 ВВС 5 февраля 1942 г. 405 курсантов достигли места эвакуации только 279, включая вернувшихся из госпиталей. Все прибывшие находились «в ужасном состоянии», часть была тут же положена в местную больницу.

Приведенные выше данные Переселенческой комиссии, которые не публиковались ранее, позволяют экстраполировать печальные результаты эвакуации курсантов на всю блокадную статистику. Сравним, при эвакуации спецшколы №2 ВВС потери из-за смертности, включая умерших в больницах и госпиталях, составили 28%. Причем первоначально к месту эвакуации смогли прибыть только 59% курсантов, преподавателей и сотрудников, к которым позднее

---

1 ЦГА СПБ. Ф. 9713 (Научно-методическое бюро санитарной статистики ЛГЗО). Оп. 4. Д. 41. 29 л.

2 *Соколов А. М.* Указ. соч. С. 352 ; ГММОБЛ. Ф.Р.-Д. Оп. р. Д. 25 (1–4). 24 выпускника 2 Ленинградской спецшколы ВВС передали автобиографии 22 февраля 1991 г. в Государственный Мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда.

3 *Газиева Л. Л.* Жизнь, отданная людям… История одной семьи // Честь. Доблесть. Слава: связь времен (к 75-летию Великой Отечественной войны). – СПб.: Политехника-принт, 2018. С. 134.

присоединились выздоровевшие из оставленных в госпиталях. По данным Переселенческой комиссии: при эвакуации всех ленинградцев и неленинградцев в январе – апреле 1942 г. первоначально не достигли места эвакуации 228 тысяч из 488 тысяч или 46%. Это не намного отличается от статистики спецшколы №2 ВВС. Таким образом, невозвратные потери при эвакуации, сравнивая данные обоих источников, могли составить всего около 28 процентов, или около 136 тысяч из 228 тысяч не доехавших до места эвакуации людей. Причем в это число не вошли те, кто оказался на оккупированной территории, попали под бомбежки, или утонули в Ладоге.

В начале маршрута: в Кобоне и Лаврово, по официальным данным, умерло 1549 чел., до 3 456 чел. умерло в Борисовой Гриве, или всего около пяти тысяч.

В. М. Ковальчуком было установлено количество провалов автомашин на ледовой Дороге жизни с ноября 1941 г. по 20 апреля 1942 г., подтвержденное документально: всего 417 шт., включая 90 машин за последние два дня работы Дороги. Еще 700 автомашин на 1 февраля 1942 г. пропали без вести. За период с 25 марта по 18 апреля данные в трудах В. М. Ковальчука не приводятся, однако указывается, что до 6 апреля 1942 г. удалось поддержать нормальное функционирование ВАД, благодаря усилиям личного состава дороги. 9 апреля были сняты с трассы автобусы. При начале массовых провалов до 80 машин в день, 20 апреля 1942 г. специальная комиссия постановила прекратить перевозки[1].

Каково точное количество человеческих жертв, связанных с провалами и обморожениями на Дороге жизни, назвать не представляется возможным. В то же время следует заметить, что максимально возможное количество таких жертв приближено к имеющимся данным о жертвах на Борисовой Гриве за период с января по апрель 1942 г., число которых колеблется от 2200 чел. до 3500чел.[2]

---

1 *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая Земля: История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. – Л.: Наука, 1975. С. 136, 183–185 ; *Его же.* Магистрали мужества …, 2001. С. 150, 178, 179. Данные в обеих книгах не отличаются.

2 Так как при среднем количестве провалов от 40 машин в сутки работа Дороги жизни прекратилась, следует принять, что за 14 дней, с 6 по 20 апреля, возможными были провалы до максимум 40 автомашин в сутки. При этом, учитывая, что, в основном, они проваливались на пути в Ленинград, когда шли груженые продовольствием, следует

Количество ленинградцев, умерших по сведениям Вологодского областного архива на территории Вологодской области за период войны, составило всего около 10 869 чел.[1] Согласно данным, приводимым в статье Е. Ю. Волковой, по материалам Ярославского областного архива (спискам захороненных ленинградцев) в Ярославской области за период 1941–1945 гг. всего умерло 9704 ленинградцев, в том числе 3160 детей[2]. В то же время были и анонимные трупы, которые снимались с поездов на полустанках, иногда сбрасывались на пути и затем находились железнодорожниками. Так, с 17 по 20 марта на путях станции Всполье были обнаружены в снегу трупы 37 чел. На территории Ярославской и Костромской областей установлено 13 памятников на захоронениях блокадников, как правило безымянные[3].

Таким образом, количество смертей во время зимней эвакуации 1942 г. от обморожения, дистрофии, инфекционных болезней, провалов под лед с машинами, бомбежек представляло значительные цифры. Можно с уверенностью сказать о выдержавших дорогу в количестве не более 60% из эвакуируемых. Целесообразность и эффективность организации зимней эвакуации гражданского населения по ледовой трассе остается сомнительной.

С другой стороны, функционирование Ладожской коммуникации с ноября 1941 по апрель 1942 г. позволило наладить жизнеобеспечение ленинградского населения продовольствием и топливом, а также переброску военнослужащих в обе

число провалов разделить пополам. Тогда за данный период могло произойти гипотетически до 280 провалов с людьми. На одной полуторатонной машине ГАЗ находилось обычно 12 человек с вещами, на автобусе 22–25 человек, в основном женщин, детей, инвалидов. При этом следует учесть, что с 13 апреля поезда с людьми прекратили ходить, количество эвакуируемых сократилось до 600 чел. в сутки. С 9 апреля практически все автобусы были сняты с линии. Тогда гипотетически количество провалившихся в ледяную воду могло составить за период с 6 по 19 апреля до 3160 человек на автомашинах. Из 327 провалов машин за предшествовавший период большинство происходило в ноябре – декабре, когда эвакуация людей была мала. В целом гипотетическое количество жертв от провалов под лед, включая обморожение, не могло превысить 5 тысяч человек. Это число подтверждается санитарными потерями при эвакуации на начальном отрезке в Борисовой Гриве и до Тихвина.

1 Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1. – Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1990; Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. – Л.-Яросл., 1991. В книге приведен список умерших.

2 *Волкова Е. Ю.* Труд и жизнь ленинградцев, эвакуированных из блокадного города в Ленинградской области // Побратимы. СПб…, 2019. С. 242–243.

3 Там же. С. 244–245.

стороны. Ее работа в этом направлении была необходимой и жизненно важной для обороны Ленинграда.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1942 г. 341 работник ледовой дороги был награжден орденами и медалями за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Ленинграда и Ленинградского фронта. Начальник тыла Ленинградского фронта Ф. Н. Лагунов, начальник Военно-автомобильной дороги А. М. Шилов и военный комиссар И. В. Шикин были награждены орденом Ленина[1].

Организация эвакуации из Ленинграда с 27 мая по декабрь 1942 г. 19 апреля 1942 г. Постановлением Военного Совета Ленфронта № 00812, во исполнение постановления ГКО СССР от 9 апреля 1942 г., были даны распоряжения по подготовке к эвакуации населения и грузов из Ленинграда в навигацию 1942 г.[2]

14 мая 1942 г вышло Постановление ГКО СССР № 1751с об эвакуации раненых и больных речным флотом в навигацию 1942 года, которым определялся порядок следования, а также пункты приема и размещения больных и раненых. Хотя в списке рассылки отсутствовали ленинградские руководители, но зато имелись Архангельский, Ярославский, Горьковский, Рязанский, Сталинградский, Вологодский обкомы и облисполкомы, где были сосредоточены эвакуированные или больные, снятые с проходящих эшелонов из Ленинграда[3]. За ним последовали Постановления ГКО СССР № 1763с от 18 мая 1942 г. об оставлении 1000 человек рабочих из числа учащихся ленинградских ремесленных училищ на предприятиях Новосибирской области, занятых производством боеприпасов; и № 1805с от 24 мая 1942 г. об эвакуации населения из г. Ленинграда[4].

Номер 1805с Постановления ГКО СССР был присвоен письму на имя И. В. Сталина от 24 мая 1942 г. за подписями Н. А. Вознесенского и А. Н. Косыгина, в

---

1 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества…, 2001.С. 195–196.

2 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. – М.: Аст; СПб: Полигон, 2004. С. 690– 693.

3 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 61. Л. 153–162; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 1: 1941–1943. С. 321.

4 Указ. соч. С. 324, 332 ; «Государственный Комитет Обороны постановляет…» … С. 143–147.

котором они просили утвердить предложение Военного Совета Ленинградского фронта и Ленинградского Ленгорисполкома об эвакуации, начиная с 25 мая 1942 г., 300 тысяч человек из Ленинграда, в том числе 25 тысяч детей (без родителей), членов семей рабочих и служащих – 175 тысяч человек, членов семей военнослужащих – 75 тысяч человек, инвалидов отечественной войны – 6 тысяч человек, рабочих и служащих с семьями – 19 тысяч человек[1].

Уже 4 июня 1942 г. на заседании Ленгорисполкома П. С. Попков заявил об имеющемся решении об эвакуации 300 тысяч женщин с детьми (пр. № 52). Само решение Военного Совета Ленфронта появилось спустя месяц, 5 июля 1942 г., в связи с планами превращения Ленинграда в военный город, для чего несамодеятельную часть населения планировалось выселить вглубь страны[2].

Данное решение было реализовано. Согласно справке по эвакуации населения из Ленинграда за период с 27 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 г. было вывезено **448 029** чел., из которых **393 518** чел. ленинградцев, кроме того, инвалиды Великой Отечественной войны и беженцы из Ленинградской области и Прибалтики[3]. Этими данными мы будем оперировать, как уже признанными большинством исследователей.

То есть всего выехало с 22 января 1942 г. по 1 апреля 1943 г. 1 002 215 чел., из них 838 750 чел. ленинградцев.

Лица, эвакуированные за период начиная с 27 мая 1942 г., отслеживались по мере продвижения эшелонов и должны были разместиться строго в соответствии с имеющимся планом на 290 тысяч взрослых и 25 тысяч детей. Из них на 10 августа 1942 г. было размещено 211 700 чел., в том числе 37 тысяч детей. Из этого числа 47 200 чел. были размещены в неплановых регионах[4].

---

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 64. Л. 16.

2 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов …, 2017. С. 185; Документ № 35. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о необходимых мероприятиях по превращению Ленинграда в военный город // Ленинград в осаде…, 1995. С. 84–87; Документ № 36. Выступление А. А. Жданова на заседании бюро ГК ВКП(б) о превращении Ленинграда в военный город // Указ. соч. С. 87–95.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1415. Л. 1—6. Приложение к третьей главе. Документ № 13. Таблица II.4.

4 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 113. Приложение к третьей главе. Документ № 18 Б. Таблица II.9.

Согласно справке о продвижении эшелонов с эвакуируемыми ленинградцами по состоянию на 25 июля, в пути за период с 1 июня по 25 июля 1942 г. находились 70 эшелонов с 226 775 чел., в том числе дети 68 703 чел.[1] Таким образом, помимо размещенных, еще 15 075 чел. находились в пути. Но здесь начинается явное несоответствие, так как оказываются потеряны 43 703 ребенка, часть из которых могла бы войти в указанные 15 075 чел., но не меньше 28 628 чел. детей являются пропавшими без вести.

В июне 1942 г. уполномоченным СНК СССР по эвакуации из Ленинграда Воиновым были составлены проблемные вопросы, в том числе о выдаче железнодорожной милицией эвакуируемым пропуска в любые направления, в связи с чем отъезжающие отказывались выходить из теплушек, требуя перенаправить их в Калининскую или другие области, вместо Саратовской и Сталинградской. В Кобоне и Лаврове «сортировка» людей по направлениям не производилась, ехали смешанными партиями[2]. Этот документ подтверждает, что многие из эвакуируемых, очевидно тех, кто ехал не с учреждениями, а индивидуально, выходили из эшелонов соответственно своим обстоятельствам.

В то же время по справке о снятии больных и трупов за подписью начальника Ярославского областного отдела хозустройства эваконаселения М. Соловьева до Ярославля и в Ярославле за период с 1 июня по 25 июля 1942 г. с эшелонов было снято всего 58 трупов и 687 больных[3]. За 1942 г. в сведениях, приводимых Е. Ю. Волковой, зарегистрированная смертность ленинградских детей (0-17 лет) в Ярославской области составила 2698 чел.[4]

В самой Ярославской области на 20 июля 1942 г. имелось 85 738 чел. из Ленинграда, размещенных, в основном, в сельской местности, согласно справке, имеющейся в фонде Переселенческой комиссии СНК РСФСР. Из них в Ярославле

---

1 Там же. Л. 136.
2 Там же. Л. 15.
3 Там же. Л. 138.
4 *Волкова Е. Ю.* Труд и жизнь ленинградцев, эвакуированных из блокадного города в Ленинградской области // Побратимы. СПб…, 2019. С. 242.

было размещено 3881 чел., в Костроме 2058 чел. Необходимо учесть, что всего в Ярославскую область из различных регионов СССР было эвакуировано 210 472 чел., в том числе 100 662 ребенка, из них 26 539 чел. было москвичей, 98 195 чел. из прифронтовой полосы. Всего в городе Ярославле находилось эвакуированных 8453 чел., в том числе 3969 детей, в городе Костроме, соответственно: 7306 и 1593, остальные в сельской местности и городе Рыбинске. Таким образом, ленинградцы составляли менее половины всех эвакуированных в Ярославскую область. Из эваконаселения рабочих имелось всего 6298 чел.[1] Прием, размещение и лечение эвакуированных являлось серьезной нагрузкой на население области. Тем не менее ярославцы не только оказали всю возможную помощь переселенцам, но и отправили 124 вагона различных продуктов в Ленинград[2].

В Алтайском крае было учтено на 9 августа 31 600 чел., но в значительной степени это были эшелоны, переадресованные Свердловским, Омским и Нижне-Сибирским отделами по хозустройству эвакуированных. Согласно отчету Д. П. Быченко, уполномоченного СНК РСФСР по проверке выполнения Постановления СНК СССР от 24 мая 1942 г., направленному зам. председателя СНК РСФСР К. Д. Памфилову: как правило в поступающих эшелонах прибывало 30-40% отправленного количества людей с места погрузки. Начальники большинства эшелонов отсутствовали, поэтому выяснить номера маршрутов и снятых в дороге больных было невозможно. В указанном контингенте не оказалось и детских учреждений из Ленинграда[3].

На станции Борисова Грива количество пассажиров и наполняемость вагонов проверялись на соответствие норме, установленной Военным Советом Ленинградского фронта: 1584 чел. на эшелон, при 22 вагонах по 70 мест. В случае выявленного недогруза, часто доходящего до 20% от нормы, или перегруза, также имевшего место, составлялся акт инспекторской проверки. Так, например, за пять

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 141.
2 *Волкова Е. Ю.* Указ. соч. С. 241.
3 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л. 143, 144.

дней с 6 по 11 июля 1942 г. перегруз составил 149 чел., недогруз 3168 чел. на 15 656 всего перевезенных (20,17%)[1].

Согласно имеющимся в Переселенческой комиссии сведениям о количестве размещенного эваконаселения, прибывшего из г. Ленинграда и Ленинградской области на 1 декабря 1942 г., за весь период эвакуации было размещено 604 800 чел., эвакуированных из Ленинграда, в том числе 383 700 чел., выехавших с июня, точнее с конца мая, 1942 г. Из Ленинградской области было размещено 256 200 чел., в том числе выехавших с июня 1942 г. – 48 800 чел.[2] Эти данные в целом соответствуют указанной выше официальной справке.

Материальное обеспечение летней эвакуации 1942 г. Летом 1942 г. вагоны и паровозы, которых не хватало на ст. Тихвин, начали перебрасываться через Ладожское озеро специальным паромом. 12 июля 1942 г. Военный Совет Ленинградского фронта вынес решение о постройке через Ладогу паромной переправы для переброски подвижного состава. Проект переправы разработали Д. М. Реховский и инженер В. А. Чежин. Каждая баржа водоизмещением по 1600 тонн вмещала 4 паровоза и 2 тендера, или 10 груженых вагонов. Для погрузки и разгрузки были построены специальные железнодорожные пирсы. К 30 июля были закончены подготовительные работы. Ладожская флотилия выделила 4 тральщика, которые должны были обеспечить их круглосуточную работу. 31 июля состоялся первый рейс. Руководил паромной переправой командир 9-й бригады полковник В. Е. Матишев. С 1 августа по ноябрь 1942 г. было переброшено 139 паровозов с тендерами[3]. Необходимо заметить, что если данные по эвакуации паровозов подтверждаются другими источниками, то количество вагонов, указанное в воспоминаниях, не подтверждается другими документами. Согласно сведениям штаба тыла Ленинградского фронта, 3 674 вагона эвакогрузов было вывезено по ледовой Дороге жизни с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. с перевалкой на

1 ЦГА СПб. Ф. 330 (Городская эвакуационная комиссия). Оп. 1. Д. 37. Л. 56–120. (Докладные и акты начальников эшелонов).

2 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

3 *Дебольский Г. П.* На трассах – военные железнодорожники // Октябрьская фронтовая… 1970. С. 356–357.

автомашины (в данном случае вагон – единица измерения объема грузов)[1]. Кроме того, в навигацию 1942 г. было эвакуировано 1046 вагонов и платформ[2].

Для перевозки пассажиров вглубь страны использовались «теплушки»: утепленные войлоком и древесными опилками «нормальные товарные вагоны», в которых устанавливалась чугунная печь и деревянные нары, на 40 человек. Санитарные вагоны, как правило, оборудовались на основе 4-х и 2-х-осных пассажирских вагонов[3]. Однако крытых вагонов не хватало, летом 1942 г. удалось для перевозки людей получить не более 400 вагонов, по воспоминаниям В. М. Виролайнена. Следует сказать, что это составляло около 40% от всего эвакуированного вагонного парка.

Условия эвакуации оставались очень тяжелыми. Помимо бомбежек самолетами противника, людям приходилось сталкиваться все с той же неорганизованностью самой эвакуации. Так, к 17 июня в Лавровском отделении эвакопункта Кобона не было подготовлено достаточное количество помещений для ожидания эвакуируемыми своих вещей, которые доставлялись до 3-х суток, не были налажены медико-санитарная помощь, питание[4]. Несмотря на телеграмму начальника Военно-автомобильной дороги (ВАД)-1, ген.-майора интендантской службы А. М. Шилова, к 25 июня недостатки не были исправлены, что вызвало докладную записку Особого отдела Ленинградского фронта П. С. Попкову от 24 июня 1942 г. о ненормальном отношении к эвакуируемому населению г. Ленинграда на эвакопункте с. Лаврово[5].

Порядок эвакуации регламентировался решениями Исполкома Ленсовета: о порядке выдачи эвакодокументов населению, выезжающему из города Ленинграда от 29 мая 1942. Пр. № 68, п. 556; о норме багажа, разрешенного к провозу

---

1 Тыл Ленинградского фронта в условиях блокады ... С. 240–241.

2 «Для очень многих…эвакуация означала сохранение жизни»: о деятельности Управления тыла Ленинградского фронта // Там же. С. 315.

3 *Игнатьев П. В., Кужим М. Ф.* Память блокадных перегонов // Там же. С. 75 – 80.

4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 70.

5 Там же. Л. 71–73.

6 Бюллетень Ленгорсовета…1942. № 11 / 519 (5 июня). С. 7.

гражданами, эвакуирующимися из города Ленинграда от 8 июня 1942. Пр. № 69, п. 12[1]; о выполнении решения Исполкома Ленгорсовета «Об охране имущества военнослужащих и эвакуированных» в Свердловском и Приморском районах от 30 июля 1942. Пр. № 71, п. 2-з.[2].

Эвакуируемым оказывалась финансовая помощь. Так, с 16 февраля по 27 июня 1942 г. было отпущено 13 555 тыс. рублей из средств, выделенных СНК СССР, в том числе 1 910 тыс. на единовременную помощь. Осталось 1 455 тыс. рублей в резерве[3].

Важное место в спасении эвакуируемых играл человеческий фактор: душевное тепло спасателей. Сохранились воспоминания о работе в июне – июле 1942 г. бывшего грузо-пассажирского судна Эстонского морского пароходства «Вилсанди», в числе других транспортов, перевозившего через Ладогу эвакуируемых ленинградских детей. Всего за месяц только на этом пароходе было вывезено ок. 16 тысяч чел. детей. За работу по спасению ленинградских детей коллективу Ленгороно и экипажу «Вилсанди» была объявлена благодарность Наркомпросом от 23 июля 1942 г. Несколько моряков были занесены в Книгу почета Наркомата просвещения РСФСР[4].

Эвакуация из Ленинграда в 1942 г. ценных грузов. Наряду с эвакуацией населения продолжалась и эвакуация оборудования.

В феврале – марте 1942 года проводился переучет эвакуируемого и неустановленного оборудования, согласно Постановлениям СНК СССР № 217 от 19 февраля 1942 г. «О переписи неустановленного эвакуированного оборудования»[5]; № 368 от 18 марта 1942 г. «Об итогах переписи неустановленного эвакуированного оборудования»[6]; № 380 от 22 марта 1942 г. «О проведении

1 Бюллетень Ленгорсовета…№ 12 / 520 (29 июня). С. 11.
2 Бюллетень Ленгорсовета…№ 15 / 523 (16 августа). С. 2.
3 ГА РФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 50. Л. 17. Приложение к третьей главе. Документ № 19. Таблица II.10.
4 Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. – Лениздат, 1969. С. 138–139.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 45–56.
6 Там же. Д. 199. Л. 27–29об.

переписи оборудования»[1].

2 апреля 1942 г. началась подготовка к речной навигации 1942 г., в соответствии с Постановлением СНК СССР № 431 «О мероприятиях по подготовке речного транспорта к навигации 1942 года»[2]. В связи с чем было принято Постановление ГКО СССР № 1565сс от 9 апреля 1942 г. «О перевозке грузов для Ленинграда и фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 года» на основе докладной записки А. А. Жданова, А. Н. Косыгина И. В. Сталину[3].

Для решения этих и других задач Постановлением ГКО СССР № 1922 от 22 июня 1942 г. при Государственном комитете обороны была создана Комиссия по эвакуации[4]. Председателем Комиссии вновь был назначен Н. М. Шверник, а заместителем – А. Н. Косыгин.

20 июля 1942 г. было принято Постановление ГКО СССР № 2071с «Об эвакуации металлорежущего и металлодавящего оборудования с предприятий г. Ленинграда»[5]. Необходимо заметить, что объемы эвакуации отдельных заводов из Ленинграда были недостаточно продуманы: вывозились целые производственные цепочки с заводов, изготавливающих вооружения, при этом не всегда учитывались обстоятельства военных действий. Так, в ходе битвы за Сталинград, которая началась уже 18 июля 1942 г., был потерян завод «Баррикада», выпускавший крупнокалиберные морские артиллерийские орудия. Это привело к необходимости сохранения аналогичного производства на заводе «Большевик», в соответствии с просьбами наркомов Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова и вооружений Д. Ф. Устинова[6].

Всего за период с января 1942 г. и до окончательного завершения зимой 1942/43 гг., согласно аналитическому обзору отделения по изучению опыта войны

---

1 Там же. Л. 42–57об.
2 Там же. Л. 179–188.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность … Т. 1: 1941–1943. С. 282.
4 Там же. С. 363.
5 Там же. С. 398.
6 Документ № 71. Справка отдела оборонной промышленности А. А. Жданову о недопустимости прекращения производства стволов морской артиллерии на заводе «Большевик» // Ленинград в осаде…, 1995. С. 166–167.

штаба тыла Ленинградского фронта от 8 мая 1945 г., было эвакуировано из Ленинграда 356 673 т разных грузов, в том числе139 паровозов, 74 тендера, 1046 вагонов и платформ, 13 цистерн, 28 384 ед. различного промышленного оборудования[1].

3.3.2. Реэвакуация ленинградского населения с оккупированных территорий и прекращение эвакуации в 1942 г.

Переход гитлеровской армии в контрнаступление на юго-востоке страны в июле – августе 1942 г. потребовал срочно реэвакуировать из прифронтовой полосы гражданское население, в том числе вывезенное ранее из Ленинграда.

В этот период было принято Постановление ГКО СССР № 2197сс от 20 августа 1942 г. о размещении населения, эвакуируемого из прифронтовой полосы, в Армении, Грузии и Азербайджане, куда реэвакуировались ленинградские детдома, а также в индивидуальном порядке и с учреждениями ленинградцы, ранее эвакуированные в Причерноморье[2]. Кроме того, ленинградцев могли касаться Постановления ГКО СССР № 2231 от 1 сентября 1942 г. о вывозе матерей с детьми и детей из детских учреждений г. Астрахани и № 2232 от 1 сентября 1942 г. о вывозе матерей с детьми из Архангельска и Молотовска[3]. Так, например, в Архангельской области было размещено не менее 2767 чел. ленинградцев[4].

Неудачи эвакуации приводили к скоплению потерянных личных вещей эвакуированных. Они тщательно собирались и определялись на хранение войсками НКВД, некоторые из этих вещей не имели установленных хозяев. Вопроса их реализации касалось Постановление СНК СССР № 1494 от 6 сентября 1942 г. «О порядке реализации личного имущества граждан, находящегося на базах бездокументных грузов»[5].

---

1 «Для очень многих…эвакуация означала сохранение жизни»: о деятельности Управления тыла Ленинградского фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни..., 2018. С. 314–315. Из перевезенных в навигацию 1942 г. 1952 вагонов и платформ 906 были возвращены после сдачи груза, из 75 перевезенных цистерн – 62.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность …Т. 1: 1941–1943. С. 429.

3 Там же. С. 438.

4 ГА РФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 50. Л. 1.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 107–109.

В связи с освобождением временно оккупированной территории, уже 8 сентября 1942 г. вышло Постановление СНК СССР № 1497 «О проверке деятельности разных учреждений, эвакуированных в тыл из оккупированных областей», коснувшееся и ряда учебных и научных учреждений Ленинграда, сотрудники которых вынуждены были остаться на территории занятой противником[1].

Безусловно, трагические события, связанные с неудачами эвакуации весной – летом 1942 года, вызвали Решение Ленгорисполкома о прекращении эвакуации населения от 22 октября 1942 (Пр. № 78, п. 14)[2].

В то же время вывоз оборудования из Ленинграда продолжался, и только 12 ноября 1943 г. вышло Постановление ГКО СССР № 4544с «О прекращении эвакуации оборудования из г. Ленинграда» (на основе докладной записки Микояна А. И., Косыгина А. Н., Жданова А. А. Сталину И. В.)[3]. В связи с этим, 4 декабря 1943 года было принято решение о ликвидации Ленинградской городской эвакуационной комиссии и эвакопунктов[4].

Общие выводы к главе: Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. вывоз населения и ценных грузов осуществлялся по заданиям Совета по эвакуации СНК СССР и Военных Советов фронтов и возлагался на местные органы Советской власти.

В течение июня – августа 1941 г. постановления об эвакуации из Ленинграда детей и женщин с детскими учреждениями неоднократно принимались Советом по Эвакуации при СНК СССР, СНК СССР, ЦК ВКП(б), СНК РСФСР. Советом по эвакуации СНК СССР принимались меры для обеспечения эвакуируемых бесплатным продовольствием в пути, в том числе созданием необходимых запасов.

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 116.

2 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны : Опыт, проблемы, уроки. – СПб.: Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. С. 115- 116.

3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность …Т. 1: 1941–1943. С. 1093.

4 *Ежов М. В.* Указ. соч. С. 115–116.

Помимо этого, выдавалась материальная помощь из местного бюджета г. Ленинграда. Всего в августе – сентябре 1941 г. Ленгорисполкомом было выделено более 2,5 млн. рублей детям, а также беженцам из Прибалтики. Расходы на эвакуацию детей с детскими учреждениями распределялись между городским бюджетом и родителями: до 68% относилось на счет бюджета.

По официальным данным, летом 1941 г. были эвакуированы 480 703 чел. (15%) из гражданского населения г. Ленинграда, в том числе рабочих и служащих с семьями – 269 012 чел., детей, педагогов и медработников, выехавших с детскими учреждениями – 219 691 чел. В то же время на основе финансовых документов установлено, что число вывезенных летом 1941 г. из города ленинградских детей надо уменьшить, по крайней мере, на 80 тысяч человек.

После занятия гитлеровцами ст. Мга эвакуация продолжалась на левый берег Невы в районе Шлиссельбурга, в соответствии с Постановлением № СЭ-103сс от 29 августа 1941 г. Когда была прервана и эта нить, людей вывозили водным транспортом и авиацией. В декабре 1941 г. – январе 1942 г. начала осуществляться эвакуация по ледовой дороге, таким образом было переправлено по официальным данным 36 118 чел. неленинградского населения. Кроме того, установлено, что в декабре 1941 г. было эвакуировано 7339 чел. учащихся ремесленных училищ с наставниками, членами их семей, 7345 военнослужащих и членов семей.

18 января 1942 г. Распоряжением СНК СССР продолжилась массовая эвакуация из Ленинграда. В период с 22 января 1942 г. были организованы на трассе эвакопункты, санчасти, столовые, пекарни, общежития, снабжавшиеся из фондов Военного Совета Ленфронта на военных базах. На содержание эвакопунктов Ленгорисполком было выделено 3.066.240 рублей, в том числе до 33% от всей суммы составила материальная помощь эвакуируемым.

Несмотря на принятые меры, условия эвакуации через Ладогу оставались суровыми. Количество людей, реально перевезенных через озеро в январе – апреле 1942 г., следует считать около 522 тысяч людей. В конце мая, согласно

Постановлению ГКО СССР № 1751с от 14 мая 1942 г., началась эвакуация раненых и больных из Ленинграда речным флотом. Согласно официальным данным, за период с 27 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 г. было вывезено **448 029** чел., из которых **393 518** чел. ленинградцев.

На 1 декабря 1942 г. на местах прибытия было размещено 604 800 чел., эвакуированных из Ленинграда за весь период, в том числе 383 700 чел., выехавших с конца мая 1942 г. Около 38% эвакуированных в 1942 г. не добрались до места назначения.

Анализ документов позволяет указать на приписки эвакуированных ленинградцев за 1941–42 гг. Основной причиной таких приписок была методика составления отчетов, за основу которых брался план, как правило отражавший неточную картину в связи со смертностью, выбытием или пропажей «без вести» эвакуируемых лиц. Установлено, что такие расхождения в отдельных случаях составляли **от 6 до 15** %%. Отсюда и недогруз до 20%, возникавший порой в вагонах, подаваемых под плановую погрузку.

В феврале 1942 г. было принято решение СНК РСФСР о дополнительном финансировании эвакуированных ленинградцев, и особенно детей, из средств местных бюджетов. Эти и другие мероприятия СНК РСФСР позволили 30 мая 1942 года принять решение Ленгорисполкома об отмене платы с родителей, находящихся вне Ленинграда, до 1 октября 1942 года. Эвакуируемым также оказывалась финансовая помощь из средств СНК СССР: с 16 февраля по 27 июня 1942 г. было отпущено 13.555.000. рублей, в том числе 1.910.000. на единовременную помощь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭВАКУАЦИИ И РЕЭВАКУАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1942–1945 ГОДАХ

§ 1. Эвакуация подростков вместе с ремесленными и железнодорожными училищами

4.1.1. Эвакуация подростков вместе с ремесленными и железнодорожными училищами.

Одним из спорных вопросов организации эвакуации являлся вывоз учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ из г. Ленинграда. В 1941 г., согласно отчетным документам Главного Управления Трудовых резервов (ГУ ТР), эвакуация училищ и школ ТР практически не осуществлялась. В данном случае мы не говорим о 31 362 выпускниках мая – июня 1941 г., которые должны были эвакуироваться как молодые рабочие вместе с предприятиями, на которые были распределены. В основном в эвакуацию в этот период организованно, а также индивидуально, выехали учащиеся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ (РУ и ЖУ) Ленинградской области. В докладной записке начальника Кировского областного управления Трудовых резервов в Главное управление от 26 декабря 1941 г. указывалось, что к 6 декабря 1941 г. учащихся Трудовых резервов Ленинградской области проехало через г. Киров 7 250 чел., из которых 5 750 чел. – организовано. Там же указывалось, что, для контроля за движением эвакуирующихся, на станциях Киров, Котельнич и Зуевка было организовано круглосуточное дежурство. Согласно отчету старшего инспектора ГУ ТР Резниковского на 27 декабря 1941 г. через г. Киров в эвакуацию из Ленинграда

проехало всего 400 учащихся училищ и школ ФЗО[1].

Основная эвакуация учащихся ремесленных и железнодорожных училищ, а также школ ФЗО из Ленинграда осуществлялась эшелонами в январе – марте 1942 г. Большинством исследователей эвакуационной статистики, в том числе по данному вопросу, в качестве базового показателя некритично используются данные статистических отчетов Городской эвакуационной комиссии за 1942 г., согласно которым из города было вывезено в январе – марте 1942 г. 32 896 ремесленников, а с 27 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 – 8 440 чел., всего 41 336 чел.[2]

В то же время сравнение этих данных с отчетом Городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 гг. позволяет заметить, что с 22 января по 15 апреля 1942 г. из города было вывезено по ст. 4 «учащихся ремесленных училищ» – 28 454 чел., а по ст. 6 «учащихся и преподавателей военных спецшкол» – 4 442 чел., или всего 32 896 чел.[3] В итоговой сводке эти данные показаны суммированием (причем в них входят как учащиеся, так и персонал с семьями). Согласно итоговой сводке ГЭК с 27 мая по 10 ноября 1942 г. из города организованно и индивидуально было вывезено 8 347 чел. из трудовых резервов[4]. В 1943 г. по ст. 7 «ремесленники» было вывезено 5 человек[5], или всего 8 352 чел., включая персонал с семьями.

Статистические показатели сводок корректируются Отчетами по эвакуации учащихся Главного Управления Трудовых резервов, которые совпадают со статистическими сведениями об их наличии согласно призывам. Так, согласно

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР). Оп. 1. (Главное Управление трудовых резервов) Д. 201. (Справки по размещению эвакуированных РУ, ЖУ и школ ФЗО. 17 ноября 1941 – 31 декабря 1942). Л. 22, 23, 24.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка о состоянии эвакуированного населения Ленинграда с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943. ок. 10 апр. 1944). Л. 1.

3 Документ № 142. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. // Ленинград в осаде. .., 1995. С. 302.

4 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 93 (Итоговая сводка по эвакуации населения по районам. 8 июля 1942 – 10 ноября 1942). 89 л.; Д. 91 (Итоговые сведения по эвакуации населения. 27 мая 1942 – 22 сентября 1942). Л. 12. Получено нами прямым подсчетом. В данные входит обслуживающий персонал с семьями. Однако, как выше сказано, они не выдерживают внутренней критики, так как происходит смещение страт, и статистические данные различных ведомостей по конкретным числам не совпадают.

5 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 174 (Итоговые сведения по эвакуации населения. 16 января 1943 – 17 декабря 1943). Л. 15.

отчету ГУ ТР, план эвакуации ремесленников из Ленинграда в 1942 г. составлял: из 54 училищ 41 800 учащихся, а фактически оказалось: 16 237[1].

Некоторую ясность позволяет внести неопубликованный ранее Список организаций, в том числе ремесленных училищ, эвакуированных из гор. Ленинграда с 22 января по 12 апреля 1942 г., приложенный к отчету ГЭК об эвакуации из Ленинграда. Согласно списку из Ленинграда были полностью эвакуированы 27 училищ, частично 37, всего 64 училища. При этом всего эвакуировалось 32 201 чел., из которых были вывезены с декабря 1941 г. – до 21 января 1942 г. 7 339 чел. (из них учеников 5 616 чел.). За период с 22 января по 15 апреля было эвакуировано 24 862 чел., из них учащихся – 20 799 чел.[2] Таким образом, потери при эвакуации ремесленников в 1942 г. составили не менее 10 178 чел. или 39% от общего числа 26 415 чел. вывезенных учащихся с декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г. Необходимо учесть, что в число потерь входили и дезертиры. Однако, в целом, число потерь очень велико и сопоставимо с числом потерь спецшколы №2 ВВС (см. выше. Глава третья). Тем более, что речь идет об юношах и девушках 14–16 лет.

Согласно сообщению уполномоченного ГУ ТР Ремизова, к 12/III 1942 г. из Ленинграда в Вологду были отправлены 27 467 чел., из которых: 23 132 чел. учащихся, 1 592 чел. обслуживающего персонала, 2 743 – членов их семей. Из них 22 084 чел. – учащихся ремесленных и железнодорожных училищ (остальные – школ ФЗО). К месту из этого числа прибыло 15 960 чел., 6 124 чел. составили потери в пути, по разным причинам[3]. Нам известно, что в итоге в 1942 г. наркомату авиационной промышленности было передано 13 289 учащихся РУ[4].

Динамика выбытия учащихся по мере следования видна из статистических отчетов уполномоченных ГУ ТР. Отсев учащихся между Ленинградом и Вологдой

1 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 199. Л. 48.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 213, 214. Приложение к третьей главе. Документ № 16. Таблица II.7.
3 ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 199. Л. 10, 13.
4 Там же. Д. 217. (Отчет о выполнении плана направления в промышленность молодых рабочих, окончивших РУ, ЖУ и школ ФЗО за 1941–1945. Т. 1. 1945). Л. 17.

с января по март 1942 г. составил 5 413 чел. Некоторые причины такого отсева в пути были проанализированы уполномоченными ГУ ТР, и названы в сохранившемся письме директора ремесленного училища № 2 гор. Ленинграда Крюкова Начальнику ГУ ТР П. Г. Москатову. Училище было эвакуировано 2 марта 1942 г. из Ленинграда в Ярославль в составе 995 учащихся и 27 мастеров, до Ярославля не доехало 28 учащихся из-за болезней и смерти, но и по прибытии смерти продолжались. Приводим отрывок из документа: «…Трудности в пути были большие, особенно на ст. Кобона и Бабаево. На ст. Кобона, как начального пункта отправления после Ладожского озера, вагонов было недостаточно (вместо 20 вагонов, предоставлено было лишь 18). Кроме этого, товарные вагоны не были подготовлены к посадке учеников (люки не заделаны, печи-времянки не исправны, ответственных лиц за посадку на месте не было). Поэтому мы были вынуждены на каждой последующей станции требовать увеличения количества вагонов. Но, к сожалению, вместо помощи нам на ст. Бабаево за настойчивые и справедливые требования угрожали арестом.

Эти вопиющие безобразия необходимо расследовать и их прекратить для следующих эшелонов ремесленников.

Аналогичные трудности возникли на отдыхе и лечении в г. Ростове, Ярославской области, где питание и лечение учеников поставлено не удовлетворительно. Поэтому большинство учеников вместо восстановления сил продолжает истощать свой организм. Доказательством этого служит увеличение заболеваемости (вместо 18 болеет 32 человека) и возобновление смертности – 7 чел. <…> 2/IV 1942 г. Директор Ремесленного Училища № 2 г. Ленинграда Крюков»[1].

Необходимо отметить расхождения количественных данных по эвакуированным из ремесленного училища № 2 в уже указанном выше списке, приложенном к отчету ГЭК, и в письме директора училища № 2 Крюкова. В отчете фигурируют эвакуированные из училища 1 502 чел., в числе которых 1249

1 Там же. Д. 199. Л. 51.

учащихся, 171 наставник и 82 члена семьи. Эти данные отличаются от указанных в письме директора училища Крюкова 995 учащихся и 27 мастеров, из состава которых отмечены 60 чел. выбывших по причине болезни, или смерти. Таким образом, 254 чел. или не покидали Ленинград, или были сокрыты Крюковым как выбывшие. В первом случае потери составили не более 0,6%, во втором (254+60)/ 12 получаем 26%. Какое количество учащихся РУ № 2 было реально вывезено из Ленинграда и каковы их реальные потери, остается загадкой. Это позволяет нам указать, что обычные в бюрократических отчетах приписки и недописки могли искусственно привести к завышенным показателям смертности, в то время как их авторы старались эту самую смертность скрыть.

Факты, выявленные при анализе как ранее не исследованных документов Главного управления трудовых резервов, так и уже известных, позволяют указать на наличие среди детей и подростков Ленинграда в июне 1941 г., по крайней мере, 36 700 юношей и девушек в большинстве 14–15 лет, прибывших из ряда областей РСФСР и Белоруссии. Контингент иногородних среди учащихся ремесленных и железнодорожных училищ составлял не менее 45%, школ ФЗО – 76%.

За период со второго полугодия 1941 г. и по конец 1944 г. через систему Трудовых резервов г. Ленинграда должно было пройти не менее 69 172 чел. Однако из этого количества было выпущено: 29 569 чел., в том числе было вывезено в эвакуацию: 23 132 чел. в январе – марте 1942 г., из которых выбыли, в том числе по причине болезней и смерти: не менее 6 124 чел. (умерло в пути 646 чел., отстали от эшелона 616 чел., госпитализированы в пути 1742 чел., и выбыли по неуказанным причинам 3 120 чел.). В наличии на 1 января 1945 г. имелось 22 900 чел. Помимо этого, 8 347 чел. были вывезены в эвакуацию в конце 1942 г., по данным ГЭК, подтверждение которым аналитическими сводками ГУ ТР нами не найдено. В отчете Ремизова от 14 марта 1942 г. указывалось: «12/III отправлен последний эшелон, больше не будет, и просьба – деньги из Ленинграда не отзывать, так как их

осталось мало»[1].

Вероятно, желанием скрыть невыполнение плана, объясняется «дополнительная» мобилизация 8 099 учащихся в 1942 г. и неожиданная эвакуация еще 8 440 чел. во второй половине 1942 г.

Все потери учащихся ГУТР в г. Ленинграде, включая эвакуированных, за вычетом выпустившихся, должны были составить не менее 16 703 чел.

§2. Взаимодействие центральных и местных органов власти по спасению ленинградских детей и подростков в эвакуации

4.2.1. Работа Народного Комиссариата Просвещения (НКП) РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности эвакуированных детских учреждений.

Необходимость вывоза детей из прифронтовой полосы, в том числе из блокированного Ленинграда, в эвакуацию предполагала возникновение целого ряда новых и сложных задач, прежде всего, по их жизнеобеспечению[2]. Решение их осуществлялось под непосредственным контролем наркоматов Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, которым напрямую подчинялись соответствующие отделы Ленгорисполкома, в соответствии с Конституцией РСФСР (ст. 100)[3]. 24 марта и 8 августа 1942 г. были приняты постановления СНК РСФСР об обслуживании детских учреждений Наркомторгом, Наркомместпром, Наркомпросом, Наркомздравом РСФСР, Управлением промкооперации при СНК РСФСР и Центросоюзом. Бригады Наркомпроса РСФСР, по предложению СНК СССР, проверяли в 1942 г. устройство и состояние детских домов в эвакуации. В декабре 1942 г. в поездку по стране (в республики Закавказья, Казахстан,

---

1 Там же. Л. 10.

2 *Газиева Л. Л.* Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда // Клио. – 2013. – № 2 (74). С. 71–73.

3 РСФСР. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. – М.: Изд-ие Верховного Совета РСФСР, 1941. С. 21.

Узбекистан) отправились уполномоченные Наркомпроса РСФСР и СНК СССР с той же целью: для проверки устройства и работы эвакуированных детских учреждений. Однако результаты были неутешительными: в большинстве случаев детские дома оказались в тяжелом положении.

В конце декабря 1942 г. Е. В. Коняхина, член Коллегии НКП РСФСР, начальник Управления детскими домами, и заведующий Секретариатом НКП РСФСР Сазонов проверили состояние 21 эвакуированного детдома в Ташкентской, Ферганской и Андижанской областях (Узбекской ССР). Тогда же Сазонов обследовал 15 детдомов и интернатов в Казахстане совместно с председателем НКП Казахской ССР Сембаевым. Были выявлены недостатки: переуплотненность детских домов, недостаток самого необходимого – продовольствия, мебели, посуды, высокая заболеваемость детей. К нормализации жизни эвакуированных детей подключились председатели Совнаркомов Узбекской ССР Абдурахманов и Казахской ССР Заговельев[1]. В Узбекистане было решено: открыть еще несколько детских домов; санаторий для больных воспитанников детских домов; три детских дома оздоровительного типа для ослабленных детей; организовать в республике производство предметов оборудования для детских домов (мебель и посуду); обеспечить все детские дома продуктами питания, впрок до нового урожая; обеспечить все детские дома подсобными хозяйствами и скотом. В служебной записке зам. председателя СНК СССР Р. С. Землячке Нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин 30 января 1943 г. писал, что к реализации этих мероприятий СНК и НКП Узбекской ССР уже приступили[2].

В республики Закавказья в декабре 1942 г. отправилась бригада в составе заместителя начальника Управления высшей школой И. Г. Леонова и начальника спецотдела Главснабпроса НКП РСФСР Х. Т. Бекоева. В Грузии и в Армении ими были выявлены дети и молодежь, в основном переправившиеся через перевал из

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2963. (Докладные записки и ходатайства НКП в СНК СССР о состоянии эвакуированных детских учреждений, об улучшении материально-бытового положения работников просвещения и по др. вопросам. 5 января – 12 июня 1943). Л. 5.

2 Там же. Л. 3, 4.

Краснодарского края при наступлении гитлеровцев. Так, в сентябре 1941 г. в Грузию через перевал пришла группа испанской молодежи – 75 человек (в возрасте от 15 до 22 лет), которые были направлены НКП и ЦК МОПР (Международная организация помощи борцам революции) Грузии в гор. Махарадзе, где были размещены и устроены главным образом в качестве рабочих на шелкомотальной фабрике.

Несколько лучше оказалось положение тех, кто перебрался в Армению, где разместились 18 эвакуированных детдомов с количеством детей 1401, из них 379 из гор. Орджоникидзе, 363 – ленинградских детей (находившихся в Краснодарском крае), несколько детских домов Краснодарского и Орджоникидзевского краев с количеством 599 человек, и из Ростова – 19 детей. Детям выделили достаточное количество продуктов, снабдив дополнительно в III квартале 1942 года: сахаром – 100 кг, карамелью – 600 кг, маслом животным – 775 кг, пшеницей – 500 кг, рисом – 100 кг, сыром – 300 кг, мясом – 300 кг, мукой – 250 кг, а в I кв. 1943 г. дополнительно к нормам: пшеницей – 3 000 кг, мукой – 500 кг, макаронами – 300 кг, виноградным сгущенным соком – 8 000 кг. «Это содействовало значительному улучшению питания… детей и состоянию их здоровья»[1].

К страданиям ленинградских детей не остались равнодушны ереванцы. Так, по инициативе редакции газеты «Советский Айастан» в конце августа 1942 г., было созвано совещание женского актива Еревана тов. Маруджанян и Маркарян, была создана шефская комиссия над Ленинградским детдомом № 58 во главе с женой зам. председателя СНК Армении Л. Г. Агобалян. Был организован и проведен спектакль, сбор от которого в сумме 20 тыс. рублей пошел на оказание помощи эвакуированным детям. Были собраны и переданы матрацы – 80 шт., одеяла – 80 шт., простыни – 140 шт., пододеяльники, наволочки – 140 шт., обувь – 75 пар, пальто – 75 шт., верхняя одежда – 75 комплектов, мед – 40 кг[2].

---

1 Там же. Д. 3005. (Докладные записки и ходатайства НКП РСФСР в СНК РСФСР о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, и о работе детских домов. 9 апреля – 21 июня 1943). Л. 4, 5, 5 об, 6.

2 Там же. Л. 6об, 7.

Доброжелательность и сострадательность жителей Армении привела к притоку беженцев через перевалы, и в результате в республике оказался наплыв беспризорников, с которыми не мог справиться местный НКВД, имевший в распоряжении всего один приемник-распределитель на 75 мест. К тому же дети и подростки из него не выводились, из-за отсутствия необходимой одежды и обуви (в нарушение распоряжения СНК СССР от 23 января 1942 года). В результате проверки, правительством Армении было принято решение открыть дополнительно приемник на 100 мест. НКВД обязан был каждого ребенка снабдить одеждой и обувью на 200 рублей, обеспечив их скорейшее устройство, организовать не менее двух пунктов в Ереване для сбора детей с улицы и дом особого режима[1].

Необходимо отметить, что исследование положения детей, эвакуированных из РСФСР, в т. ч. из Ленинграда, в союзные республики, затруднено, так как в Отчетах НКП РСФСР указывался только контингент детдомов, находившихся на территории России. В то же время при реэвакуации количество возвращавшихся из республик детей уменьшалось. Так, в списках детей, подлежащих реэвакуации, Ленгорисполкома указывалось только 100 чел. из находившихся в Армении. Возможно, по причине того, что круглые сироты возвращению в Ленинград с детскими учреждениями не подлежали[2].

Среди тех, кого хотели оставить в Армении, был детский дом №38, где находились дети железнодорожников. На их возвращении в родной город в полном составе настоял начальник Октябрьской железной дороги Герой Социалистического Труда Б. К. Саламбеков[3].

На территории Киргизии были размещены дети 7 детдомов Ленинграда, частично распределенные между местными детдомами[4].

---

1 Там же. Л. 6, 8, 9, 10.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513 (11 января – 18 декабря 1945. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 78 ; Там же. Д. 983. Л. 6, 6 об, 7.

3 Магистрали победы. Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта в Великой Отечественной войне. 1941–1945 годов: учебное пособие / И. П. Киселев, А. Ю. Панычев, В. В. Фортунатов. – СПб.: Петербургский государственный университет сообщения Императора Александра I, 2020. С. 146 – 147.

4 *Жангуттин Б. О. Нурман Ш. Т.* Эвакуация населения из Ленинграда в Киргизскую ССР // Побратимы…, 2019. С. 868.

В трудное положение попали детские дома на территории РСФСР. Ряд детдомов оказался в оккупации. Другие, из-за наступления гитлеровцев, реэвакуировались из Краснодарского края, Ярославской области и других мест в районы, которые не были подготовлены для их приема. Сказывались как недостатки финансирования, обеспечения продуктами и промтоварами, так и военные травмы детей и взрослых.

Серьезную трудность вызывало то, что в некоторых областях возникала скученность эвакуированных учреждений, количественно превышавших все существующие планы и фондовые разнарядки. Так, например, по плану в Ярославской области в 1942 г. должно было иметься 4 236 воспитанников детдомов, а было 22 649, т. е. 534% плана; в Ивановской области – 4 580, а было – 8 314 или 181% от плана, в Горьковской области планировалось 5 745 воспитанников, а было 9 987, или 179% от плана, в Куйбышевской области – 5 047, а было 8 030, 159% плана, в Омской области – 7 930, а было 10 497, 137% от плана. Такое же тяжелое положение было в Алтайском, Красноярском краях, Молотовской, Новосибирской областях. В то же время по всей стране было запланировано на 1942 г. иметь детдома с контингентом 192 635 детей, а фактически имелось 212 955 чел. или 110,6% от плана.

Трудности с перераспределением фондов привели к вынужденной мере: в III – IV кварталах 1942 г. ухудшение положения детских домов было связано с передачей эвакуированных учреждений весной 1942 г. на местное финансирование. В результате резко снизились нормы снабжения детских учреждений продуктами. В докладной записке зам. председателя СНК СССР Р. С. Землячке Народный Комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин от 6 марта 1943 г. писал: «Отсутствие единых государственных норм питания и фондов целевого назначения приводит к произвольному изменению на местах норм снабжения.

В Чкаловской области на IV квартал прошлого года [1942 г. – Прим. Л. Г.] нормы продуктов питания были резко снижены: по крупе с 1 800 гр. в месяц до 750 гр. на одного ребенка; по жирам аналогично с 1 500 гр. до 230 гр.; по сахару – с 500

гр. до 330 гр. Нормы на картофель уменьшены почти в два раза.

В Кировской области норма по крупе в IV квартале снижена с 900 гр. до 250 гр. Занижены нормы на масло, мясо, сахар [заметим, что в Кировской области в детских домах контингент воспитанников превышал план всего на 128 чел. или на 3%. – Л. Г.].

В Куйбышевской области, где 50% воспитанников детских домов – эвакуированные из прифронтовой полосы, норма хлеба в городских детдомах с 600 гр. снижена до 400 гр. <…> Многие детские дома в IV квартале совсем не получали мяса и круп.

В городах Челябинской области [где план по контингенту был выполнен всего на 85%, и детей было на 2 590 меньше нормы. – Л. Г.] райторги систематически не отоваривают спущенные для детских домов фонды <…> Нерегулярное и недостаточное снабжение детских домов продуктами питания приводит к заболеванию воспитанников авитаминозом (гор. Ярославль детдом им. Воровского, Райгорцентр Куккус, Саратовский обл. детдом № 1 [в Саратовской области план был выполнен на 72%, меньше нормы на 2 193 чел. – Л. Г.] и к нарушениям общего порядка в детских домах [бродяжничеству, попрошайничеству, воровству. – Л. Г.]»[1].

Таким образом, среди причин трудностей были не только скученность и недостаток фондов, но и другие, в том числе социально-психологического характера.

С января 1942 г. по 1 января 1943 г. весь контингент детдомов по всей РСФСР увеличился со 144 810 чел. до 212 955 чел., что составило 147%[2]. В то же время среди этого контингента значительная часть была родительских детей, то есть находившихся в школьных интернатах. Обеспечение таких интернатов в значительной степени должно было осуществляться за счет родительских средств, которые, в связи с трудностями эвакуации поступали не вовремя, не полностью, или не поступали.

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 74, 74 об.
2 Там же. Л. 42, 42 об.

Детей, оставшихся без родителей, среди этого контингента было на 1 ноября 1942 г. 78 865 чел.[1] (или 37%), из которых больше половины было ленинградцев (48 623 чел.[2] или 61,6%).

В ноябре 1942 г., по данным Наркомпроса, в г. Ленинграде были устроены 41 229 детей, оставшихся без родителей. Эти данные в целом совпадают с показателями, приведенными в отчете Ленгороно на 1 января 1943 г.[3]. Кроме 2 500 детей, оставшихся в детдомах г. Ленинграда, большая часть названных детей были вывезены в эвакуацию в 1942 г.

В феврале 1942 г. при обсуждении областных бюджетов на заседании СНК РСФСР были внесены поправки с учетом выделения средств из местных бюджетов на содержание эвакуированных из Ленинграда детских учреждений, при этом уменьшались средства родителей. Дополнительные средства на организационно-хозяйственные мероприятия по эвакуации населения из Ленинграда и других областей в размере 10 миллионов следовало выделить из госбюджета РСФСР (подробнее см. выше. Глава третья).

В феврале 1943 г. Наркомпросом РСФСР были проанализированы полученные в результате проверок данные о состоянии детских учреждений и подготовлен проект Постановления СНК РСФСР для представления в СНК СССР, в связи с необходимостью правительственного вмешательства. Предложения НКП РСФСР включали в себя: создание подсобных хозяйств при детдомах и детсадах; введение нормированных фондов обеспечения продуктами питания детдомов и детских садов; распространение на детские дома права на получение сырья, материалов и оборудования непосредственно от хозяйственных наркоматов, предоставленного ремесленным и железнодорожным училищам и школам ФЗО, согласно постановлению СНК СССР от 1 октября 1941 г.; выделение бюджетных средств на укрепление материально-технической базы мастерских при детдомах;

1 Там же Л. 53, 53 об.
2 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 167.
3 Там же. Л. 210.

улучшение кадрового состава руководства детдомами[1].

К проекту Постановления СНК РСФСР был приложен расчет необходимого количества продуктов для детских домов с контингентом 28 800 детей и детских садов с контингентом 69 300 детей на II квартал 1943 г. по 15 прифронтовым территориям, в том числе по г. Ленинграду, Ленинградской обл.[2] Данные по контингенту детдомов можно сравнить со статистикой Ленгорздрава на IV квартал 1943 г., согласно которой в городе находилось 78 075 детей 3–15 лет, в том числе 23 452 чел. в детдомах[3].

Особое значение отводилось подсобным хозяйствам в детских домах и детских садах. С этой целью 5 апреля 1943 г. было принято постановление СНК РСФСР «О подсобных хозяйствах детских домов», даны указания о проведении посевных компаний и об организации труда воспитанников детдомов в своих подсобных хозяйствах, а также в колхозах и совхозах.

Подсобным хозяйствам при детдомах, интернатах, детсадах были выданы семена овощей на 706 га, зерновых на 3 264 га. Для пришкольных участков было выдано зерна на 1 500 га, а также СНК РСФСР своим распоряжением от 29 апреля 1943 г. № 8740-р выделил для детдомов – 3 750 коров, 5 000 поросят, 200 000 цыплят[4]. Фонды распределялись, прежде всего, среди детских домов, находившихся в эвакуации[5]. Работа на огородах и участках при детских учреждениях стала серьезным подспорьем в самообеспечении овощами, соленьями.

Таким образом, положение эвакуированных из Ленинграда детей в 1942–1943 гг. находилось в центре внимания Наркомпроса РСФСР, которым принимались меры для нормализации финансового и материального обеспечения детских учреждений, в том числе при содействии СНК СССР для привлечения необходимых

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 37, 39, 39 об, 41. (О состоянии детских домов НКП РСФСР)
2 Там же.
3 ЦГА СПб. Ф. 9713. Оп. 1. Д. 169 (Статистические сведения о первичной детской заболеваемости в г. Ленинграде за 1943–1946). Л. 134а.
4 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3005. Л. 42 об.
5 Там же. Д. 3004. Л. 12, 42, 42 об.

ресурсов союзных республик.

§ 3. Проблемы эвакуации и реэвакуации гражданских высших и средних профессиональных учебных заведений Ленинграда в 1942–1943 годах

4.3.1. Трудности в организации эвакуации гражданских высших и средних профессиональных учебных заведений из Ленинграда в 1942–1943 гг.

Анализ судеб сотрудников и студентов некоторых ленинградских вузов в эвакуации в 1942–1943 гг. начался лишь в последние годы. Эвакуация педагогического института им. А. И. Герцена отражена в книге Т. Г. Фруменковой[1]. Судьбы профессоров и преподавателей Первого Ленинградского медицинского института, частично оказавшихся на временно оккупированной немцами территории Кавказских минеральных вод (далее Кавминвод), стали темой исследования кафедры истории Отечества ПСПбГМУ им. ак. И. П. Павлова[2]. Появились публикации в региональных научных журналах[3].

Изучая этот вопрос в 1960-ые годы, ленинградские историки не могли восстановить все драматические условия этой эвакуации. Так, в V томе «Очерков истории Ленинграда» просто указывалось количество вывезенных вузов и конечный пункт размещения некоторых из них. Например, университет находился в Саратове, педагогический институт им. Герцена – в Кыштыме, механический институт – в Перми, инженерно-строительный институт – в Барнауле, политехнический – в Ташкенте [4].

В 1997 г. были опубликованы некоторые документы из переписки заместителя председателя Комитета по делам высшей школы (далее ВКВШ)

---

1 *Фруменкова Т. Г.* Мы вышли из блокадных дней. – СПб.: РГПУ, 2005.

2 Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей / Под ред. *В. П. Бякиной, И. В. Зимина.* – СПб.: Изд-во СПбГМУ. 2015.

3 *Жмакин И. А.* Ленинградский стоматологический институт в годы Великой Отечественной войны // Верхневолжский медицинский журнал. – 2020. – Т. 19, вып. 2. – С. 3–13.

4 *Соболев Г. Л.* Глава девятнадцатая. Высшая школа и научно-исследовательская работа // Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л.: Наука, 1967. С. 555–556.

академика Н. Г. Брусевича с уполномоченным ГКО по делам эвакуации из Ленинграда А. Н. Косыгиным. 2 марта 1942 г. Н. Г. Брусевич настаивал, чтобы до 20 марта ежедневно эвакуировать не менее 2 тысяч преподавателей, студентов, административного персонала ленинградских вузов по ледовой «Дороге жизни». С 11 марта 1942 г. распоряжением А. Н. Косыгина вузы были включены в план эвакуации, за исключением медицинских. Однако 31 марта 1942 г. ВКВШ при СНК СССР и НКЗ СССР было предписано эвакуировать в Кисловодск и медицинские вузы[1].

Опубликовано также решение ГК ВКП(б) от 20 января 1942 г. об эвакуации на места назначения 2 501 чел. молодых специалистов, окончивших ленинградские вузы и техникумы в 1941–1942 уч. году. Среди которых окончили вузы 2310 чел., техникумы – 191 чел.[2]

В приложении №2 к отчету ГЭК, отправленному И. В. Сталину, указывалось, что с 22 января по 12 апреля 1942 г. из вузов и техникумов Ленинграда было эвакуировано: 33 541 чел., в том числе 23 462 студентов, профессорско-преподавательского состава, сотрудников, 10 079 чел. членов семей. В это число вошли 811 чел. из 4 техникумов и фармацевтической школы, 3070 чел. из 7 военных спецшкол, 290 чел. из Испанского детдома (дети антифашистов), включая семьи сотрудников. Из 41 вуза было эвакуировано 29 370 чел., включая семьи сотрудников[3]. В свою очередь в справке ГЭК указывалось, что молодых специалистов, студентов, профессоров, преподавателей и научных работников с семьями было эвакуировано за указанный период 37 877 чел. Помимо этого отмечалось 4 442 чел. из военных спецшкол[4]. Учитывая 2 501 чел. молодых специалистов, подлежащих эвакуации, как указывалось выше, можно заметить

---

1 *Павлова Н. В. Г*ероическая страница жизни 1 ЛМИ во время эвакуации (1942–1945 гг.) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей ..., 2015. – С. 61–62.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 571 ; Приложение к третьей главе. Документ № 24.

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 212 ; Приложение к третьей главе. Документ № 16. Таблица II.7.

4 Ленинград в осаде…, 1995. С. 302 ; Приложение к третьей главе. Документ № 15.

завышение количества эвакуированных в справке по вузам и техникумам, по крайней мере, на 6277 чел. Так как в приложении приводились детализированные списки всех выехавших в указанный период с предприятиями и учреждениями, более точными следует считать данные из Приложения №2 к отчету ГЭК, в котором раскрыты показатели по конкретным учебным заведениям. В то же время и в приложении к отчету, как отмечалось, имелись завышения.

По документам, хранящимся в фонде Переселенческой комиссии СНК РСФСР, удалось установить, что к 4 июня 1942 года в Орджоникидзевском крае (в составе Кавминводской группы) были временно размещены эвакуированные из Ленинграда 34 высших учебных заведения. В количестве: всего 5 242 чел. студентов ленинградских вузов, или 1–2 курсов 2 435 чел., 3–4 курсов 2 444 чел., 5 курса 363 чел. Профессорско-преподавательского состава: 939 чел., сотрудников вузов: 283 чел., всего 1 222 чел. Кроме того, с ними проживали члены семей, в том числе студентов, всего 2 467 чел. Всего прибыло эвакуированных: 8 931 чел. Таким образом, золотой фонд ленинградской академической науки был сконцентрирован в одном месте: на курортах северного Кавказа. Место было выбрано с целью оздоровления людей.

Семь вузов были эвакуированы сразу в другие места: Ленинградский государственный университет, Академия художеств, Ленинградский институт железнодорожного транспорта, Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности, Плановый институт, Государственная Консерватория, Институт народов Севера. В составе всего: 6110 чел., из них студентов и преподавателей: 3477 чел. и иждивенцев: 2633 чел.

В то же время судьба еще 14 329 чел., не доехавших до Кавминвод, может быть выяснена сравнением списков состава по ленинградским вузам, выехавшим в эвакуацию, со списком контингента ленинградских вузов, размещенных в Кавминводской группе на 4 апреля 1942 г. по справке, подготовленной В. Л. Вайсером, уполномоченным СНК РСФСР и Комитета по делам Высшей школы. Сравнительная таблица позволяет указать на выбытие в дороге до 60% контингента

студентов, профессорско-преподавательского состава и сотрудников, до 62% членов семей (иждивенцев)[1]. Анализ соотношения выбытия показывает, что в медицинских вузах потери при эвакуации составили 19–58%, а в иных гражданских вузах: 56–85%. Необходимо заметить, что часть потерь должна быть списана на возможные расхождения в данных отчета и реального количества выехавших, которые в отдельных случаях составляли 6,5% (1 ЛМИ) или 15% (спецшкола №2 ВВС).

Определенную часть потерь должны были составить госпитализированные, а также сошедшие преждевременно или отставшие. В то же время можно предположить, что одной из причиной выбытия являлись инфекционные болезни. При этом профессиональная помощь, оказываемая на месте больным, как и своевременная госпитализация тяжело больных, уменьшали количество потерь.

Из прибывших: семь ленинградских институтов были размещены в гор. Пятигорске; три – в гор. Горячеводске; семь – в гор. Ессентуки. В гор. Кисловодске размещались 11 институтов, в том числе 1-й медицинский (ЛМИ). В гор. Железноводск были эвакуированы 4 института. В Минеральных Водах находился текстильный институт из Ленинграда. В гор. Нальчик располагался физкультурный институт им. П. Ф. Лесгафта[2].

К 4 июня 1942 г. Уполномоченным СНК РСФСР и Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы (ВКВШ) В. Л. Вайсером было израсходовано на единовременное пособие студентам 15 тысяч рублей[3]. Он же договорился об оставлении в Орджоникидзевском крае на постоянную работу: 1 ЛМИ в Кисловодске, ветеринарного и планового института в Ворошиловске (ныне Ставрополь), педагогического института им. А. И. Герцена в Пятигорске. Пять институтов должны были провести в крае один учебный год: 2-й ЛМИ, педагогические им. Покровского и иностранных языков (в Ессентуках и в

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83, 84 ; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 210–212 ; Приложение к четвертой главе. Документ № 1. Таблица III.16.

2 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83, 84.

3 Там же. Л. 82.

Ворошиловске), Стоматологический (как филиал 1 ЛМИ в Кисловодске), Фармацевтический (слитый с Днепропетровским в Пятигорске). Три института ВКВШ (технологический, инженерно-экономический, политехнический) должны были временно слиться и переводились в Тбилиси на базу Грузинского индустриального института. Туда же переехал институт связи. В гор. Орджоникидзе начал работу сельскохозяйственный институт. На начало июня 1942 г. не приступили к работе только 19 из эвакуированных вузов[1].

4.3.2. Работа ленинградских вузов в эвакуации на Северном Кавказе и в Красноярске, на примере 1-го ЛМИ

Работа филиала 1 ЛМИ в Кавминводах. Решение об эвакуации части коллектива 1 ЛМИ в Кисловодск было принято 31 марта 1942 г. Эвакуация прошла в тяжелых условиях по ледовой Дороге жизни 7 апреля 1942 г. Начальником эшелона, в котором ехали 1 и 2 медицинские, стоматологический, педиатрический и фармацевтический институты был назначен проф. Н. И. Озерецкий, комиссаром проф. М. Г. Привес[2].

Данные о количестве выехавших в разных источниках отличаются. Если в списке В. Л. Вайсера указано общее количество прибывших к месту эвакуированных 650 чел., в том числе студентов 415, профессорско-преподавательского состава и сотрудников 55 чел., членов их семей 180 чел., то в воспоминаниях Н. И. Озерецкого было отмечено 744 чел.: 49 преподавателей и сотрудников, 410 студентов и 285 членов их семей. В списке эвакуированных ГЭК, представленном И. В. Сталину, указывалось, что из 1 ЛМИ было эвакуировано всего 796 чел., из которых 571 чел. студенты, профессорско-преподавательский состав, сотрудники, 225 членов семей[3]. В пути, по воспоминаниям Н. И.

---

1 Там же. Л. 76–82.

2 *Павлова Н. В. Г*ероическая страница жизни 1 ЛМИ во время эвакуации (1942–1945 гг.) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей..., 2015. С. 62 (по Музей ПСПбГМУ. НВФ-2. Ед. хр. 247 (Воспоминания Н. И. Озерецкого).

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 212; ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 84 ; *Павлова Н. В. Г*ероическая страница жизни … С. 62 (по Музей ПСПбГМУ. НВФ-2. Ед. хр. 247 (Воспоминания Н. И. Озерецкого)).

Озерецкого, умерло несколько человек студентов и родственников. В то же время разница списка Озерецкого со списком ГЭК, выбывших из Ленинграда, составляет 52 чел., а со списком Вайсера, прибывших в Кисловодск, – 94 чел. Следует предположить, что разница со списком ГЭК связана с имевшейся практикой включать в отчетное число эвакуируемых тех, кто в конечном счете в эвакуацию по разным причинам не отправился. Таким образом, можно отметить возможность преувеличения числа эвакуированных в справке ГЭК до 6,5%. Разницу с отчетом Вайсера следует объяснить выбытием в пути по причинам: госпитализации, смертности, пропажи без вести (например, отставших от поезда). Такое выбытие составило до 13,4%. Об общих потерях преподавательского и студенческого контингента 1 и 2 ленинградских мединститутов можно судить, сравнивая имеющиеся данные в отчете ГЭК: всего эвакуировалось 1148 чел. и в плане по реэвакуации из Кавминвод в Красноярск: всего 827 чел. В то же время необходимо учесть, как выше указывалось, возможное преувеличение числа эвакуированных, до 6%. Тогда потери составили от 155 до 221 чел. из обоих вузов.

2 мая 1942 г. студенты и преподаватели во главе с зам. директора 1 ЛМИ проф., д. м. н. Н. И. Озерецким прибыли на станцию «Минутка» в 3 километрах от Кисловодска. Эвакуированные находились в очень тяжелом состоянии, поэтому часть была помещена в больницы. Несмотря на столовую повышенного типа и всяческое внимание со стороны местных организаций, восстановление сил происходило медленно. Так, от последствий блокады 23 июня 1942 г. умерла ассистент кафедры патофизиологии Н. Г. Ивашенцева, всю дорогу к месту эвакуации заботившаяся об устройстве тяжело больных[1].

Уже в мае 1942 г. было подано 300 заявлений о приеме на обучение в филиал 1 ЛМИ. К ленинградцам присоединились студенты из мединститутов Ростова-на-Дону, Краснодара, Симферополя. В июне начались занятия 4 и 5 курсов, в июле

1 *Павлова Н. В. Г*ероическая страница жизни …. С. 63 ; *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. Вып. 2. С. 73–79.

начал работу и 3 курс. Кроме того, свыше 150 чел. студентов младших курсов и сотрудников были заняты на сельскохозяйственных работах в Ставрополье (паспорта их находились в Горисполкоме). Начало их занятий планировалось на 1 сентября[1].

Среди выдающихся ученых 1-го ЛМИ, работавших в Кисловодском филиале, можно выделить Н. И. Озерецкого, психиатра с мировым именем, В. А. Шаак (зав. каф. факультетской хирургии), В. В. Чирковского (зав. кафедрой глазных болезней), основателя офтальмологической научной школы, М. Г. Привеса (зав. кафедрой анатомии человека), Ш. Д. Галустяна (каф. гистологии). Были привлечены также профессора из Ленинградского педиатрического медицинского института (ЛПМИ): З. О. Мичник, одна из основательниц педиатрического института, которая в дальнейшем погибла от рук немецких оккупантов, будучи еврейкой[2]; М. Г. Данилевич – заведующий кафедрой детских инфекций; В. Л. Стырикович – профессор кафедры факультетской педиатрии. Профессор В. М. Карасик – фармаколог, заведовал кафедрой токсикологии 1-го ЛМИ, совмещая с заведованием кафедрой фармакологии ЛПМИ[3].

Работали в филиале преподаватели и других медицинских вузов. Среди них выделяется несколько фигур. Так, Т. Е. Гнилорыбов, профессор Ростовского медицинского института, автор 254 научных работ, являлся главным хирургом Кисловодской госпитальной базы с 1 августа 1941 г. Благодаря применяемому им методу сульфатного наркоза, пострадавшие от осколочных ранений выздоравливали на 10–20% лучше[4]. В филиале он исполнял обязанности заведующего кафедрой госпитальной хирургии вместе с военной. Проф. Е. Ю. Крамаренко, который с 1937 г. возглавлял кафедру факультетской хирургии в

---

1 П*авлова Н. В.* Героическая страница жизни ... С. 63.

2 *Микиртичан Г. Л.* Зинаида Осиповна Мичник // Из истории педиатрии. – 2011. – Т. II. – № 2. С. 61–65.

3 Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова. Биографический словарь профессоров за 120 лет / под ред. *С. Ф. Багненко, Э. Э. Звартау, Н. Н. Петрищева*. – СПб.: Премиум-Пресс, 2017.

4 *Панарина Е. В.* Организация системы здравоохранения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – № 3. С. 58.

Днепропетровском институте усовершенствования врачей, а с 1941 г. был главным хирургом госпиталей Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, исполнял обязанности в филиале заведующего кафедрой общей хирургии и факультетской хирургии. В 1945 г. он создал в регионе Кавказских Минеральных вод хирургическое общество[1].

Преподаватели 1-го ЛМИ активно трудились в госпиталях. Так, госпиталь при санатории «Пикет» был почти полностью укомплектован сотрудниками 1-го ЛМИ. В бывшем санатории «Известия» разместились теоретические кафедры; клинические кафедры размещались на базе санатория им. Семашко; общая хирургия, пропедевтическая терапия, ушные болезни, психиатрия, кожно-венерические болезни в Карачаевской больнице; факультетская хирургия и госпитальная терапия, глазные болезни, нервные болезни – в городской больнице; в роддоме – акушерство и гинекология; в инфекционной больнице – инфекционные болезни[2]. Профессора Е. Ф. Крамаренко, Т. Е. Гнилорыбов, П. А. Останков (заведующий кафедрой психиатрии филиала) стали ведущими хирургами местного эвакуационного пункта № 90[3].

Реэвакуация ленинградских вузов на Восток и в Среднюю Азию. Летом – осенью 1942 г. немцы перешли в контрнаступление в направлении на Кавминводы. Уже 3 августа 1942 г. был разработан план реэвакуации ленинградских вузов в Среднюю Азию и Сибирь. Согласно плану три института ВКВШ переводились в Томск на базу Томского индустриального института ВКВШ; медицинские институты (1-й, 2-й, фармацевтический, стоматологический) Наркомздрава СССР переводились в Красноярск на базу фельдшерско-акушерской школы. В Барнаул, на базу фельдшерско-акушерской школы, переводился педиатрический институт. В

---

1 *Зимин И. В.* Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин (1941– 1947) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей..., 2015. С. 54–55; *Восканян Э. А., Околов В. Л.* Научное хирургическое общество и ассоциация врачей хирургического профиля на Кавказских минеральных водах: от истоков до наших дней // Медицина. – 2011. – № 2. Июнь. С. 8–10.

2 П*авлова Н. В.* Героическая страница жизни …. С. 63–64.

3 По материалам: Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». Экспозиционный фонд.

Омск – ЛИТМО. Два института размещались в Алма-Ате, где уже работал эвакуированный Ленинградский электротехнический институт инженеров сигнализации и связи НКПС СССР, и в Каргалинке (Алма-Атинская обл.). Четыре – эвакуировались в Ташкент, в том числе консерватория, основная часть которой там уже находилась. Два – в Самарканд (вопрос обсуждался). Институт холодильной промышленности – в Семипалатинск. Ветеринарный – в Пржевальск. В Каменск Свердловской области на базу средней школы эвакуировались три педагогических вуза. Три института эвакуировались в Свердловск (горный и театральный институты, Лесотехническая Академия). Институт механизации сельского хозяйства в Челябинск. В Балашиху Московской области эвакуировался институт внешней торговли, в Нальчике оставался институт им. Лесгафта. Два – в Молотов, по одному – в Куйбышев, в Горький, в Тбилиси, Иркутск. Два (технологический и финансово-экономический) – в Казань. Всего план ВКВШ включал 36 институтов, считая уже размещенные на Востоке страны[1]. 15 августа 1942 г. Распоряжением СНК СССР № 15453рс план размещения Ленинградских вузов и техникумов был утвержден[2].

Условия реэвакуации были мучительными. Так, сотрудники ветеринарного института, спешно покинувшие Кисловодск, побросав свои вещи, 4 дня добирались до станции Прохладная, где им повезло, и они смогли погрузиться на открытые платформы последнего поезда, шедшего на Баку. Ленинградский фармацевтический институт был объединен с Днепропетровским под руководством М. Б. Волынской, согласно решению СНК СССР от 15.08.1942 г., и направлен по маршруту: Тбилиси – Баку – Красноводск – Ташкент – Семипалатинск. В Пятигорске остался уполномоченный по сохранению институтского имущества профессор Н. В. Вавилов. Оказался на оккупированной территории и коллектив Ленинградского политехнического института во главе с директором В. Г.

1 ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 72–75.

2 *Жмакин И. А.* Ленинградский стоматологический институт в годы Великой Отечественной войны // Верхневолжский медицинский журнал. – 2020. – Т. 19, вып. 2. С. 5.

Подпоркиным, который продолжил эвакуацию в январе 1943 г., после освобождения Пятигорска, и в мае 1943 г. сотрудники и студенты «политеха» прибыли в Ташкент[1].

Проф. Ш. Д. Галустян в Докладной записке подробно описал условия реэвакуации коллектива 1 ЛМИ из Кисловодска: 4 августа вечером Исполкомом было предложено на следующий день утром пешком реэвакуироваться из Кисловодска. Права на поездку в эшелоне удалось добиться только для 25 чел. слабых профессоров и преподавателей, но эшелон не смог продвинуться дальше Ессентуков. Некоторые сотрудники смогли эвакуироваться с госпиталями: проф. В. Н. Иванову, начальнику госпиталя, проф. А. И. Златоверову, консультанту госпиталя и др. Однако 5 августа большая часть раненых была отправлена на Нальчик пешими колоннами, в сопровождении подвод с продуктами и медикаментами. Тяжелораненых, которых погрузили в эшелон в Кисловодске (35–40 вагонов), так и не смогли вывезти. Еще более 300 человек, нетранспортабельных, не были погружены. Практически полностью остался бывший эвакогоспиталь № 2041 (быв. санаторий им. Семашко), на базе которого размещались клинические кафедры 1 ЛМИ[2].

Получив эвакуационные удостоверения утром 5 августа 1942 г., вечером группа преподавателей и студентов 1 ЛМИ, включая проф. К. П. Мищенко, И. И. Канаева, М. Г. Привес, И. Е. Рамм, во главе с проф. Н. И. Озерецким, покинула Кисловодск [3]. Состав с эвакуируемыми дошел до Пятигорска, далее двигались пешей колонной с обозом, во главе с начальниками эшелона: профессорами М. Г. Привес и П. В. Балакиревым. В Тбилиси вошло ок. 2000 человек, 42 повозки (70 лошадей) вместе из ленинградских и не ленинградских вузов [4]. 9 августа из

---

1 *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – Вып. 2. С. 75 – 76.

2 *Судавцов Н. Д.* Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В. В. Белоконь [и др.] – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. С. 578–580.

3 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 1–3.

4 П*авлова Н. В.* Героическая страница жизни … С. 64.

Кисловодска вышла вторая группа отставших студентов и преподавателей, до этого занятых на сельскохозяйственных работах. Этот поход закончился неудачей для большей части. Проф. Ш. Д. Галустян, ассистент О. А. Невмывака, кандидат наук И. С. Скобло и другие были вынуждены вернуться[1].

Таким образом, при реэвакуации ленинградских вузов возникли потери: часть преподавателей и студентов вынуждены были остаться на временно оккупированной территории. В официальных документах Переселенческой комиссии количество людей, потерянных при реэвакуации, было указано значительно меньше, чем это было в действительности.

В Тбилиси Н. И. Озерецкий получил телеграмму из Наркомздрава СССР о том, что институт должен эвакуироваться в Красноярск через Баку. В Баку на вокзале прибывших встречали студенты, вывезенные О. А. Сидоровым из колхозов, а также часть коллектива 1 ЛМИ, отправившаяся по железной дороге[2].

Работа филиала 1 ЛМИ в Красноярске. К 1 ЛМИ присоединились коллективы 2 ЛМИ, стоматологического и педиатрического институтов. К 1 октября все вместе прибыли в Красноярск, где все эти коллективы были объединены в один вуз, получивший название «1-й Ленинградский медицинский институт». В него влился и коллектив эвакуированного Воронежского стоматологического института, в соответствии с приказом ВКВШ №500 от 10.10.1942 г.

Приказом по НКЗ СССР № 110-11 от 30.10.1942 г. нарком здравоохранения Г. А. Митерев объявил благодарность «За успешно проведенную эвакуацию профессоров, преподавателей и студентов Ленинградских медицинских вузов с Северного Кавказа» с выплатой денежных премий проф. Н. И. Озерецкому и доц. З. Б. Пирятинскому. В соответствии с распоряжениями СНК СССР № 1919 от 8.10.1942 г. и № 21674 от 13.11.1942 г. на базе 1 ЛМИ был создан Красноярский медицинский институт НКЗ СССР. Директором института был назначен Н. И.

---

1 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 1–3.

2 П*авлова Н. В.* Героическая страница жизни … С. 65.

Озерецкий[1].

Деятельность коллектива 1 ЛМИ на временно-оккупированной территории. Среди преподавателей 1 ЛМИ оказались на оккупированной территории: 65-летний З.д.н., проф. В.В. Чирковский, с женой и дочерью, 74-летний З.д.н., проф. П. А. Останков, с женой, 62-летний З.д.н., проф. В. А. Шаак, с женой и тещей, 62-летний проф. В. П. Космодамианский, с женой, 56-летний проф. С. М. Токмачев, с женой, 42-летний и.о. проф. Ш. Д. Галустян, с женой и двумя дочерьми (2 и 6 лет), 43-летний к.б.н. Г. А. Невмывака, с женой и 7-летней дочерью, доцент А. Г. Рзянкин, с женой, тещей и двумя малолетними детьми и другие. Всего 35 человек профессорско-преподавательского состава и сотрудников 1 ЛМИ. Большая часть оставшихся были преклонного возраста, имели на руках детей, больных членов семьи[2].

В течение 10–12 августа оказалось, что в городе осталось свыше 5 600 раненых, в том числе 1700–1800 тяжелораненых. На совещании в бывшем эвакогоспитале № 2041 было решено организовать Комитет Красного Креста для помощи раненым, эвакогоспиталю было присвоено наименование больницы Красного Креста № 1. Много раненых прибыло из эвакоприемника в эвакогоспиталь на базе бывшего санатория им. Сталина, который стал больницей Красного Креста № 2. Для обслуживания раненых на дому были созданы амбулаторные пункты в поселках Буденовка и Минутка, а также в бывшей городской поликлинике, открылись аптеки. Для спасения раненых медицинские работники выписывали справки об инвалидности, о бытовых травмах, о принадлежности к гражданскому населению, всего таких справок было выдано более 900. Излечившихся выписывали, а на их место принимали тяжелораненых, скрывавшихся у населения. Среди тех, кто участвовал в спасении раненых были и

---

1 *Жмакин И. А.* Ленинградский стоматологический институт в годы Великой Отечественной войны // Верхневолжский медицинский журнал. – 2020. – Т. 19, вып. 2. – С. 6–7.

2 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 3–4 ; *Зимин И. В.* Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин (1941–1947) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей..., 2015. С. 53.

преподаватели филиала 1 ЛМИ: Е. Ф. Крамаренко, Т. Е. Гнилорыбов, П. А. Останков[1].

«Отдел Просвещения» администрации, созданной оккупантами, разрешил возобновить работу медицинского института. В конце августа 1942 г. 150 студентов изъявили желание продолжать учиться. Институт возглавил проф. В. А. Шаак, его заместителем стал проф. Ш. Д. Галустян. Всего в Институте работало 68 чел., вместе с административно-хозяйственным аппаратом, еще 5 врачей-клиницистов работали в качестве ассистентов. Но уже в ноябре приехавший из Пятигорска представитель германского командования потребовал прекратить учебную работу Института после 1 февраля 1943 г.[2]

Жертвы оккупантов среди мирного населения. В сентябре 1942 г. гитлеровцы приступили к операции по уничтожению еврейского населения. Погибли 117 медицинских работников-кисловодчан, в том числе профессора Баумгольц, Шварцман, Сокольский, Файнберг. Фашисты зверски расправились с семьей хирурга М. И. Кауфмана, работавшего в больнице Красного Креста. Погибло не менее 400 детей-кисловодчан[3]. Среди жертв были преподаватели из Ленинграда: В. И. Львова, ее мать и муж, И. С. Скобло, известная педиатр З. О. Мичник, ее сестра П. О. Эфрусси. Удалось спасти детей В. И. Львовой, которых выдала за своих племянников ассистентка В. А. Цвилинева. Документы на детей помогла достать врач Ю. И. Казакова. В октябре 1942 г. был арестован доцент кафедры физики А. Г. Рзянкин, судьба которого осталась неизвестной[4].

В середине октября 1942 г. оккупантами были уничтожены обе больницы

---

1 *Судавцов Н. Д.* Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В. В. Белоконь и др. …, 2005. С. 579–580.

2 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 5–7; *Зимин И. В.* Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин (1941–1947) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей…, 2015. С. 54–56; *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны …, 2016. С. 77.

3 *Яковлев О. Г.* Записки начальника госпиталя. Эвакогоспиталь № 2040 [Электронный ресурс] // Самарские судьбы. 2015. Октябрь, 25. URL: https://samsud.ru/journal/memoirs/evakogospital-2040.html. (дата обращения: 2019-05-02) ; *Карташев А. В.* Там же.

4 П*авлова Н. В.* Героическая страница жизни …. С. 67–68; *Микиртичан Г. Л.* Зинаида Осиповна Мичник // Из истории педиатрии. – 2011. – Т. II. – № 2. С. 61–65.

Красного Креста. 350 раненых вместе с медперсоналом были вывезены и погибли. Узнав о готовящемся преступлении, профессор Гнилорыбов ходатайствовал перед медико-санитарной управой, созданной оккупационной Администрацией, о переводе 60 раненых из-за их не транспортабельности в Карачаевскую и городскую больницы[1].

Работавшая в июне 1943 г. Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков на Кавминводах, возглавляемая писателем Алексеем Николаевичем Толстым, расследовала совершенное оккупантами преступление. Подробности трагедии Алексей Николаевич изложил в очерке «Коричневый дурман», многократно переизданном в августе 1943 г.[2] Трагедия гражданского населения, в том числе эвакуированного из Ленинграда, потрясла великого писателя[3].

11 января 1943 г. Кисловодск был освобожден Советской армией. При бегстве с немцами уехали часть преподавателей и сотрудников[4].

Работа филиала 1 ЛМИ В Кисловодске после освобождения. Приказом Крайздрава от 20 января 1943 г., директором филиала 1 ЛМИ, продолжавшего работать, был назначен Ш. Д. Галустян. Был утвержден временный штат Института из 56 человек профессорско-преподавательского состава и 7 человек административно-хозяйственного аппарата. Дирекция института и кафедры разместились в переданном 1 ЛМИ в конце июля бывшем санатории «Известия», клиники разместились на базах Карачаевской, городской, инфекционной больниц, а также родильного дома. Уже на 18 февраля 1943 г. набор студентов составил 590 человек, из которых около 200 человек было эвакуированных, в том числе 136 из 1

---

1 *Судавцов Н. Д.* Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны …, 2005. С. 581, 582.

2 *Толстой А.* Коричневый дурман. Молотов : Огиз; Молотовское областное изд-во, 1943 ; Приложение к четвертой главе. Документ № 2.

3 Вероятно впечатление от увиденного Толстым отразилось на завершающей части третьего тома эпопеи «Петр I», написанной за 1944 год: «Все видели, как сорвалась со стола, с красного сукна, сжалась в кулак рука Петра..., как отвращением передернулись его плечи, он молчал столь долго, что все устали не дышать... . – Не будет тебе чести от меня, – негромко проговорил Петр. – Глупец! Старый волк! Упрямец хищный.... – Отведи его в тюрьму, пешим, через весь город, дабы увидел печальное дело рук своих...». (*Толстой А.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. – М.: Изд-во «Правда», 1972. С. 446).

4 П*авлова Н. В.* Героическая страница жизни … С. 67–68.

ЛМИ, остальные – местные жители. В дальнейшем приток на старшие курсы продолжался. Возобновили учебу и те, кто вынужден был ее прервать во время оккупации. Филиал выпустил 29 врачей. В план 1-го курса были введены дополнительно предметы сестринских курсов, и в мае 1943 г. планировался выпуск 400 медсестер[1].

Сотрудники филиала продолжили научную работу. Так, 20 марта 1943 г. состоялась IV научная конференция врачей госпитальной базы Кавказских Минеральных вод, в работе которой приняли участие преподаватели 1-го ЛМИ: Т. М. Давыдов, Р. Ф. Акулова, Е. Ю. Крамаренко, проф. В. Космадамианский, проф. В. В. Чирковский, А. Н. Трифонова, В. К. Яровицкий, проф. Ш. Д. Галустян, Н. А. Трифонова, Н. Л. Арабей, К. И. Пенкослевский, проф. Я. И. Периханянц. Все выступления носили практический характер, в них шла речь, в основном, о решении проблем лечения инвалидов, а также о восстановлении сети здравоохранения Ставрополья, почти полностью уничтоженной гитлеровцами. В 1944 г. Ставропольский мединститут вызвал на соревнование Кисловодский филиал 1-го ЛМИ[2].

26 апреля 1944 г. приказом Наркомздрава СССР филиал 1-го ЛМИ был переименован в Кисловодский медицинский институт, а приказом НКЗ СССР № 427/699 от 31 августа 1945 г. институт был переведен в Кишинев[3]. Однако, большая часть студентов и преподавателей вернулась в Ленинград.

Судьбы ученых-медиков, работавших на оккупированной территории, сложились по-разному. Приказом № 677 по Управлению Кисловодского курорта от 20 сентября 1945 г. профессор Т. Е. Гнилорыбов, работавший в филиале 1-го ЛМИ в период нахождения в Кисловодске, был занесен в Книгу Почета Кисловодского курорта. В Приказе отмечалось: «Вся работа: врачебная, научная, общественная,

---

1 Музей ПСПбГМУ. НВФ-2 (Докладная записка Ш. Д. Галустяна об эвакуации 1 ЛМИ в Кисловодск. 18 февраля 1943). Л. 8, 10, 11.

2 По материалам: Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». Экспозиционный фонд.

3 *Карташев А. В.* Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны …, 2016. С. 78.

проведенная главным хирургом Кисловодского курорта проф. Гнилорыбовым, была проникнута высоким патриотизмом и служила делу обороны Родины»[1].

24 августа 1944 г., № 6457сс Постановления ГКО СССР был присвоен докладной записке Л. П. Берия В. М. Молотову, посвященной вопросам организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно увезенных немцами, а также по другим причинам оказавшихся за границей СССР[2]. Профессор В. А. Шаак, оказавшись в Берлине, проявил волю к возвращению на Родину. Весь период работы в гитлеровской Германии он сохранял Советское гражданство, и 3 июня 1945 г. получил подтверждение возможности его возвращения в Ленинград. 3 сентября 1946 г., после длительной проверки проверочно-фильтрационной комиссией МВД, он вернулся в Ленинград[3]. Профессор Ш. Д. Галустян, вернувшись в Ленинград, был утвержден в должности профессора кафедры гистологии 1 ЛМИ, затем декана 1 ЛМИ. Он скоропостижно скончался при неясных обстоятельствах в декабре 1951 г.[4]

§ 4. Организация реэвакуации гражданского населения в Ленинград в 1944–1945 годах

4.4.1. Опыт исследования реэвакуации гражданского населения в период Великой Отечественной войны на территории СССР

Историография. Реэвакуация ленинградского населения изучена в меньшей степени, чем эвакуация[5]. На данную тему была защищена кандидатская диссертация И. А. Карпенко, интересная исследованием проблем социально-

1 По материалам: Кисловодского историко-краеведческий музея «Крепость». Экспозиционный фонд.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность …Т. 2: 1944–1945. С. 484.

3 *Зимин И. В.* Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин (1941– 1947) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей..., 2015. С. 58–61.

4 Музей ПСПбГМУ им. ак. И. П. Павлова. НВФ-2. Личное дело Ш. Д. Галустяна.

5 *Пянкевич В. Л.* Восстановление экономики СССР (середина 41– середина 50-х). – СПб.: Нестор, 2001 ; *Карпенко И. А.* Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943 – 1946 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2006. – вып. 4. С. 177–181 ; *Газиева Л. Л.* Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 гг. // Вестник Пермского университета. – 2016. – Выпуск 3 (34). С. 108–116.

бытовой и социально-психологической адаптации реэвакуируемых и демобилизованных граждан[1]. Ученые Томского педагогического университета и Уральского отделения РАН изучали условия, результаты, этапы реэвакуации гражданского населения, в том числе ленинградского, из Западной Сибири в 1941–1945 годах[2]. Проблема реэвакуации детских учреждений и детей в Ленинград была раскрыта в публикациях автора[3]. В сборниках документов, связанных с обороной Ленинграда, вопросы реэвакуации ленинградского гражданского населения представлены очень скудно[4]. Характерно, что в новейшем сборнике документов и материалов по обороне Ленинграда из коллекции РГАСПИ, охватывающем период с 1941 по 1945 гг., не представлен ни один документ по реэвакуации населения в Ленинград[5]. В то же время неопубликованный до сих пор блок переписки с Ленгорисполкомом по поводу возвращения эвакуированных детских учреждений, а также военных спецшкол, хранящийся в ЦГА СПб, позволяет восстановить картину реэвакуации в подробностях.

Периодизация реэвакуации. Существуют различные способы периодизации реэвакуационных процессов.

Л. И. Снегирева настаивает на трех этапах реэвакуации, связанных с потребностями хозяйственного восстановления освобождаемых районов, а также с реорганизацией централизованной системы управления этими процессами[6]. Она обращает внимание на правовую регламентацию переселения гражданского населения как на критерий периодизации данного процесса соответственно

---

1 *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты. Автореф. дисс. … к. и. н. – СПб., 2007.

2 *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. – Магнитогорск, 2002 ; *Снегирёва Л. И. Сафонова Т. А.* Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – Вып. 4 (41). Сер.: Гуманитарные науки. С. 22–30 ; *Снегирева, Л. И.* К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса // Вестник Кемеровского государственного ун-та. – 2015. – № 2, т. 6. С. 201–205.

3 *Газиева Л. Л.* Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 гг. // Вестник Пермского университета. – 2016. – Выпуск 3 (34). С. 108–116 ; *Ее же.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014.

4 Ленинград в осаде …, 1995, 2014 ; От войны к миру..., 2013 ; Во имя Победы..., 2005.

5 Ср. Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / авт. вступит. статьи и отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2019.

6 *Снегирева Л. И.* К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса // Вестник Кемеровского государственного ун-та. – 2015. – №2, т. 6. С. 201–204.

хозяйственной и военной необходимости.

И. А. Карпенко предлагает считать началом подготовки к реэвакуации в Ленинград 1943 год. Начало реэвакуации исследовательница связывает с 18 марта 1944 г., когда была создана Комиссия по реэвакуации при Ленгорисполкоме, которая вместе с существующим бюро по учету и распределению рабочей силы принялась составлять списки въезжающих, оформлять вызовы в город, распределять прибывающих граждан по предприятиям и учреждениям[1]. Следует сказать, что отдельные группы населения реэвакуировались и раньше. Так, в связи с необходимостью восстановительных работ в ноябре – декабре 1943 г. происходил призыв в ремесленные училища 2000 юношей и девушек, эвакуированных из Ленинграда и находившихся в детдомах и интернатах Кировской, Курганской, Омской областей[2].

В связи с этим целесообразно воспроизвести структуру управления процессами переселения. С 24 июня 1941 г. эвакуацией руководил Совет по эвакуации при СНК СССР, который с 31 января 1942 г. был заменен Отделом по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК РСФСР. С 14 августа 1945 г. этот отдел вернул себе довоенное наименование – Главное переселенческое управление при СНК СССР. В его составе находился отдел по реэвакуации и репатриации, существовавший до 1950 г.

Кроме того, организацией реэвакуации с февраля 1943 г. занимался Отдел по реэвакуации материальных ресурсов и населения, входивший в Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах при Госплане СССР. При СНК СССР действовал комитет, курировавший эту сферу. При всех наркоматах были организованы спецкомиссии с отделами по реэвакуации населения[3]. Органы управления эвакуацией меняли не только название, но и ведомственное подчинение находились в ведении то СНК СССР, то СНК РСФСР.

---

1 *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты..., 2007. С. 14, 15.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 222. Л. 90–102об.

3 Там же. С. 203–204.

На наш взгляд, процессу реэвакуации населения СССР более соответствует периодизация М. Н. Потемкиной, которая привязана к основным документам государственной власти, регламентировавшим реэвакуацию населения, соответственно ходу военных действий. Ею выделяются четыре периода реэвакуации: с декабря 1941 г. по осень 1943 г.; с зимы 1943/44 г. по май 1945 г.; с мая 1945 г. по лето 1946 г.; с лета 1946 г. по 1948 г.[1]. В то же время, учитывая особенности реэвакуации ленинградских детей с территории Ленобласти летом 1941 г., для населения Ленинграда необходимо уточнить начало первого этапа: с июля 1941 г. Летом 1942 года ситуация, вынужденной реэвакуации из-за начавшегося наступления немцев и оставления части населения на оккупированной территории, повторилась для преподавателей и студентов ленинградских вузов, эвакуированных на Северный Кавказ. До сих пор не исследована судьба ленинградцев, эвакуированных летом 1942 г. в Сталинград.

Таким образом, следует согласиться с М. Н. Потемкиной, что характер трудностей в осуществлении эвакуации и реэвакуации составляет единое целое с характером войны.

4.4.3. Политико-правовые мероприятия Советского правительства по осуществлению реэвакуации ленинградского населения

Вплоть до весны 1944 г. въезд в Ленинград гражданского населения практически не осуществлялся, за исключением персональных вызовов специалистов: медиков и пр. Вместо выезжавшего массовым порядком гражданского населения ввозились воины для пополнения Ленинградского фронта и Балтийского флота: только в июне 1942 г. было переправлено с восточного берега Ладоги около 58 тыс. человек, в июле – 43 тыс.[2] Известие о снятии блокады Ленинграда в январе 1944 г., которое появилось в центральной печати, незамедлительно вызвало активную переписку руководителей учреждений, в том

---

1 *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. – Магнитогорск, 2002. С. 175.

2 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 28, 98.

числе детских, с органами власти относительно разрешения им вернуться в Ленинград.

Реэвакуация в Ленинград началась в соответствии с Постановлением ГКО СССР № 5509сс «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году» от 29 марта 1944 г.[1] Наркоматы должны были ввезти 30 тыс. рабочих, инженерно-технических служащих вместе с семьями. В дальнейшем по решениям ГКО и СНК СССР о реэвакуации организаций, в том числе учебных заведений, в апреле – сентябре 1944 г. планировалось увеличение населения Ленинграда на 378 161 чел. Эти планы не были выполнены. По данным Управления статистики г. Ленинграда с 1 октября 1943 г. по 1 декабря 1944 г. работающее население города увеличилось только на 200 916 чел., в число которых вошли 23 278 чел. (11,6%), ранее не проживавших в нем[2].

Основной причиной снижения темпов реэвакуации явилась необеспеченность социально-бытовыми условиями, прежде всего жильем. В связи с этим уже 3 июля 1944 г. заведующий Городским бюро по учету и распределению рабочей силы А. Смирнов обратился с докладной запиской к А. А. Жданову о необходимости просить ГКО и СНК СССР «до 1/X с.г. запретить всем наркоматам и ведомствам входить в правительство с вопросами о реэвакуации в Ленинград предприятий и организаций, а также с вопросами о ввозе в Ленинград рабочих, ИТР и служащих»[3].

Упорядочение переселенческих и грузовых потоков в этот период связано с Постановлениями СНК СССР № 6 от 5 января 1944 г. «О порядке реализации невостребованных и бездокументарных грузов на станциях железных дорог, пристанях и в портах»[4] и ГКО СССР №6146 от 7 июля 1944 г. «О порядке

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 2: 1944–1945. С. 183; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 131–239.
2 От войны к миру..., 2013. С. 109–110.
3 Там же. С. 64–65.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 12–22.

передвижения граждан по водным путям сообщения Союза ССР»[1].

Въезд в Ленинград был возможен только при наличии специальных пропусков, выданных органами НКВД, и разрешения Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся. Однако, в связи с началом массовой реэвакуации пропуска в Ленинград стали выдавать органы НКВД и отделы милиции других краев и областей. Так, в первом квартале 1944 г. было задержано 12 728 чел. с неправильно оформленными документами, в апреле 1944 г. – уже 13 175 чел. Люди ехали в топках вагонов, в багажном отделении, под лавками, даже на крышах. Несовершеннолетних детей везли под скамейками, в корзинах[2].

С 1 января и до конца 1944 г. в город въехали 4070 учащихся школ, большинство которых были оставлены на повторный курс или получили экзаменационные испытания на осень[3].

Стремлению вернуться в Ленинград способствовало Постановление СНК СССР № 1104 от 16 августа 1944 г. «О компенсации при возвращении работников из эвакуации к месту прежней работы»[4].

Но, в соответствии с постановлением ГКО СССР № 6496с от 3 сентября 1944 г. «Об ограничении в 1944 г. реэвакуации в г. Ленинград учреждений, институтов, предприятий и рабочей силы»[5], процесс реэвакуации в Ленинград был приостановлен, причем даже в тех случаях, когда имелось ходатайство Наркомата обороны СССР и разрешение исполкома Ленгорсовета[6].

Массовая реэвакуация ленинградского населения и учреждений началась только в 1945 г. Одними из первых возвращались вузы и НИИ, согласно Распоряжениям ГКО СССР: №7056 от 1 декабря 1944 г. о реэвакуации в Ленинград научно-исследовательских институтов и учреждений АН СССР в I квартале 1945 г. и №7057 от 1 декабря 1944 г. о реэвакуации в Ленинград студентов и

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 2: 1944–1945. С. 376.
2 От войны к миру..., 2013. С. 56–57.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 11. Д. 263. Л. 22.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.
5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 2: 1944–1945. С. 494.
6 От войны к миру..., 2013. С. 92–94.

преподавателей ленинградских вузов и членов их семей[1].

Реэвакуация детей из детских учреждений началась не ранее 29 мая 1945 г. Согласно распоряжениям ГКО СССР № 7907 от 22 марта 1945 г. и СНК РСФСР № 927-р от 26 апреля 1945 г., в мае – июле 1945 г. из состава ленинградских детских учреждений, эвакуированных в 1941–1943 гг., подлежали возвращению только дети, родители которых проживали в тот момент в Ленинграде, и сироты в возрасте 14 лет и старше. С этой целью в местах эвакуации на базе лучших детских учреждений, возвращающихся в Ленинград, облкрайотделам народного образования и Наркомпросам автономных республик следовало организовать сводные детдома для ленинградских детей-сирот и детей фронтовиков, временно остающихся вне Ленинграда[2].

В мае – августе 1945 г. из 26 областей и республик планировалось вывезти более 45 310 чел. детей и взрослых из эвакуированных Ленинградских детских учреждений[3].

4.4.2. Социально-бытовые проблемы реэвакуации ленинградских детей.

Две основные проблемы назывались ленинградским руководством при обсуждении вопроса реэвакуации детей в 1944–1945 гг.: отсутствие жилого фонда и материальной базы детских учреждений, с одной стороны, отсутствие в Ленинграде родственников у большинства детей – с другой.

Пленумом Верховного суда СССР в Постановлении от 12 ноября 1942 г. были даны обязательные для всех судебных органов указания о том, что за всеми эвакуированными (как взрослыми, так и детьми) в индивидуальном порядке, а также вместе с учреждениями, сохраняется жилая площадь, которую они занимали

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 2: 1944–1945. С. 649.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 63, 81.

3 Из Алтайского края – 3 167, Горьковской области – 1935, Кировской – 5 418, Кемеровской – 2133, Красноярского края – 1548, Курганской области – 1786, Челябинской – 2315, Краснодарского края – 884, Костромской области – 4431, Ярославская – 4396, Свердловская – 1944, Татарской АССР – 932, Армянской ССР – 100, Куйбышевской области – 100, Вологодской – 110, Ульяновской – 100, Ставропольского края – 100, Киргизской ССР – 150, Марийской АССР – 120, Молотовской области – 3078. В отношении Ивановской, Владимирской (1054), Омской, Тюменской (7285), Новосибирской и Томской областей (2227) количество детей и сотрудников требовало уточнений. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 77, 78).

до эвакуации. Однако потери жилого фонда в Ленинграде в результате вражеских действий составляли более 20%, или около 3 млн кв. м. Бомбежками были уничтожены 22 и повреждены 393 школьных здания, уничтожены или повреждены 195 детских учреждений (детских яслей, детских садов, детских домов). Материальный ущерб, нанесенный школам и детским учреждениям, составлял 217 402 тыс. рублей[1].

Реэвакуация детских учреждений требовала скорейшего восстановления фондов, строительства и ремонта зданий и сооружений уже в 1944 – начале 1945 г. В августе – сентябре 1944 г. в Ленинграде были приняты меры по расширению сети учреждений охраны детства и материнства (детские ясли, дома малютки, детские сады, детские поликлиники, женские консультации, молочные кухни и раздаточные пункты молока, родильная и гинекологическая сети) из расчета увеличения населения к концу года до 1 020 000 чел.

В городе не хватало самого необходимого, в том числе ходовых размеров детской обуви, из-за чего школьники приходили на занятия в тапочках или босиком. 16 сентября 1944 г. было принято постановление ГК ВКП(б) № 124/5 о необходимости изменения ассортимента детской обуви, которое к октябрю 1944 г. было выполнено фабриками[2].

В связи с реэвакуацией возникла и проблема транспортных расходов. Согласно запросу из Новосибирского областного отдела народного образования (облоно) от 8 сентября 1945 г. расходы на реэвакуацию детских домов должны были составить 50 591 рубль. В соответствии с распоряжением СНК РСФСР № 927-р от 26 апреля 1945 г. (п.3-й) эти расходы были отнесены на счет областных и краевых исполкомов, отправляющих детдома в Ленинград. Распоряжением им разрешалось расходование этих средств в пределах местных бюджетов на 1945 г.[3]

Из-за недостаточного финансирования допускались серьезные нарушения: к

1 Ленинград в осаде…, 1995. С. 559–561, 567–568.
2 От войны к миру..., 2013. С. 82–83.
3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 179, 180.

детским эшелонам прицепляли товарные вагоны с грузами, задерживали их движение. 21 июля 1945 г. в Ленгорисполком поступила телеграмма о движении детского эшелона из Свердловска, он был направлен через товарные грузовые парки, и 842 ребенка оказались лишены возможности снабжения горячим питанием, хлебом и кипятком[1].

С реэвакуацией связывали рост числа безнадзорных и беспризорных детей, хотя это не может не вызывать сомнения из-за малого числа реэвакуированных в 1944 г. детей (см. выше). В первом квартале 1944 г. было задержано 4 673 чел., а в четвертом квартале – 19 501 чел., всего же за год – 54 341 чел. Если в январе 1944 г. в Ленинграде существовал один приемник-распределитель для детей на 110 мест, то в течение года были открыты еще один в Ленинграде и один в Пушкине в общем на 360 мест. Через них за 1944 г. прошли 12 228 детей. Приемники финансировались из бюджета Ленгорисполкома, при этом отсутствовали фонды их вещевого и продуктового довольствия. За весь 1944 г. для них было выделено Ленгорисполкомом всего 180 пар обуви, 250 детских платьев, 150 одеял и пр. На основании распоряжения СНК СССР от 1 августа 1944 г. при всех отделениях милиции были открыты дополнительно 36 детских комнат, 28 из них находились в помещении отделений милиции. Со второго квартала 1944 г. в Ленинграде резко возросла преступность, особенно увеличилось число краж. За год за преступления были задержаны 1719 несовершеннолетних, из них 803 оказались круглыми сиротами[2].

Материальные и социальные трудности вызвали в среде партийных и советских руководителей Ленинграда дискуссию о том, кого следует реэвакуировать в Ленинград. Так, при обсуждении вопроса о реэвакуации ленинградского населения на партийном собрании членов ВКП(б) в Ленинградском городском отделе народного образования в 1945 г. Д. В. Павлов, нарком торговли РСФСР (1939–1946), с 10 сентября 1941 г. уполномоченный ГКО по снабжению

1 Там же. Л. 141, 142.
2 От войны к миру..., 2013. С. 124, 145, 146, 175.

продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта, заявил: «Надо указать уполномоченным о необходимости правильно подбирать людей, чтобы привозили в Ленинград нужных людей, и брать от них обязательства работать в нашей системе, на 50% прибывают не нужные нам люди»[1]. Вопрос о сокращении числа лиц, прибывающих в Ленинград и выселении тех, кто был эвакуирован в Ленинград в 1941 г. из Ленинградской области и Прибалтики, был поднят П. С. Попковым, председателем Исполкома Ленинградского горсовета депутатов трудящихся[2]. Характерна резолюция А. А. Жданова на докладной записке П. С. Попкова: «Разделение на “чистых” и “нечистых” ленинградцев никуда не годится, предложение о выселении из Ленинграда эвакуированных в 1941 г. в Ленинград из районов области и из Прибалтики просто постыдно. Откуда этот барски-дворянский подход и разделение ленинградцев на черную и белую кость?»[3].

Таким образом, при организации реэвакуации можно было наблюдать социально-политические разногласия в среде ленинградского руководства, связанные с использованием планового механизма для управления социально-экономическими, демографическими процессами в конце войны.

Особенности реэвакуации ленинградских детских учреждений. Уже 25 мая 1945 г. согласно указанию Главного управления милиции НКВД СССР начали выписываться пропуска на въезд в город Ленинград детям и сотрудникам эвакуированных из Ленинграда детских учреждений, а также детям, эвакуированным из Ленинграда родителями в индивидуальном порядке[4]. По распоряжению Главного управления милиции НКВД СССР № 29/я/ 9071 от 19 июля 1945 г. для оформления пропусков на въезд детей и сотрудников детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда, предъявления согласия Ленгорисполкома не требовалось[5].

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 4. Д. 5. Л. 17, 18.
2 Ленинград в осаде…, 1995. С. 559–561.
3 Там же. С. 561.
4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 72.
5 Там же. Л. 154.

При реэвакуации летом 1945 г. возник целый ряд вопросов, выраженных запросом от 12 мая 1945 г. уполномоченного Исполкома Ленсовета в Татарской АССР В. Акимова[1]. Было не ясно: подлежат ли возвращению дети до 14 лет, потерявшие родителей в период войны; дети, о родителях которых ничего неизвестно; дети, отец и мать которых находились в Красной Армии и поддерживали с ними связь; дети, родители которых проживали вне Ленинграда; дети, родители которых, находясь в эвакуации, отказывались взять детей из интерната из-за необеспеченности; дети-сироты, один из которых был старше 14 лет и подлежал возвращению в Ленинград на трудоустройство, а другой – младше 14 лет; дети бывших сотрудников интерната, которые были уволены с работы по сокращению штата, но взять к себе детей не могли из-за материальной необеспеченности; дети, трудоустроенные на производство, но желающие возвратиться в Ленинград, особенно те, кто имели там родителей. Возникала проблема с возвращением сотрудников детских учреждений, выехавших из Ленинграда вместе с учреждением, но уволенных позднее по сокращению штата (имеющих жилплощадь и не имеющих); сотрудников, не имеющих жилплощади в Ленинграде.

Проблемы реэвакуации вызывали обеспокоенность руководителей детских учреждений. Переписка относительно реэвакуации позволяет выявить как социально-экономические, так и психологические ее особенности. В частности, многие детские дома превратились постепенно в небольшие коммуны, обеспечивающие себя всем необходимым, и это наложило печать на их быт, который они стремились сохранить.

В одном из писем на имя П. С. Попкова, председателя Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, от 12 февраля 1945 г. содержится описание подробностей быта детского дома № 115 (директор Л. Д. Галуткина, Ярославская область, Угличский район, село Прилуки). Детский дом,

1 Там же. Д. 1514. Л. 43, 43об.

возникший из яслей № 165 Ленинградского полигона, был многократно отмечен во многих блокадных документах. 29 марта 1942 г. он попал под артиллерийский обстрел, однако благодаря мужеству его сотрудников все 70 детей были спасены. 15 июля 1942 г. ясли были эвакуированы в Ярославскую область. Длительный период дети ютились, где придется, но к 1943 г. был выстроен деревянный двухэтажный дом, создано подсобное хозяйство (коровы, овцы, свиноматки, куры, гуси и лошади), организованы рыболовецкая бригада, валяльная и овчинная мастерская для обеспечения детей зимней одеждой и обувью. Детский дом получил переходящее Красное знамя как победитель социалистического соревнования по воспитательной и хозяйственной работе в Ярославской области. К весне 1944 г. в детском доме находилось 179 детей, 61 % из которых имели только отцов-фронтовиков (матери погибли в блокаду) и 39% – матерей, оставшихся в городе[1].

Сохранилась подробная переписка с Ленгорисполкомом руководителей более 67 детских учреждений по реэвакуации из Армянской ССР, Алтайского края, 18 областей РСФСР[2]. Педагоги беспокоились о судьбах детей-сирот. Так, работники детсада обувной фабрики «Пролетарская Победа» в письме просили разрешить вернуться в город детям, чьи родители, рабочие, умерли в блокаду[3].

В процессе возвращения детей в ряде случаев возникала необходимость карантина в связи с высокой заболеваемостью в эвакуации. Например, 50% детей детдома № 73 Володарского района болели малярией; массовые заболевания малярией отмечались также в Хакассии и Красноярском крае – 46 детей из 36 интернатов; имелись случаи массового заболевания стригущим лишаем (26 детей детдома Октябрьского района)[4]. Для предотвращения эпидемий к 1 марта 1945 г. на Волховстрое был организован санитарно-контрольный пункт, через который в Ленинград поступало население из опасных в плане инфекционных заболеваний

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.17. Д.1514. Л. 10, 10об, 11, 11об.
2 Там же. Д. 1513. 189 л.; Д. 1514. 119 л.; Д. 1240. 267 л.
3 Там же. Д. 1514. Л. 35, 36.
4 Там же. Д. 1240. Л. 228, 229, 253, 254; Д. 1513. Л. 134.

местностей[1].

Организация реэвакуации и ее трудности горячо обсуждались на собраниях первичных организаций ВКП(б) Ленгороно и Ленгорздравотдела. Среди первоочередных задач был прием детей в специальных приемниках, из которых они раздавались родителям.

Первый эшелон с реэвакуируемыми детскими учреждениями прибыл 2 июня 1945 г. из Ивановской области. Во время приема эшелонов присутствовал представитель Наркомпроса РСФСР. Дети были хорошо одеты и в хорошем состоянии. Такими же были дети остальных 8 эшелонов, прибывших к 25 июня 1945 г., за исключением некоторых детей из Кировской области. К этому времени вернулись 5 800 детей. Из них 4 875 были переданы родителям, 725 детей устроены в училища Трудовых резервов, 100 направлены в детский дом, 100 детей. Более 20% прибывших оказались не устроены[2].

Таким образом, в июле – августе 1945 г. обострилась проблема обустройства детских приемников. Мест в приемниках стало не хватать. Так, в Володарском приемнике на 300 местах было размещено 600 человек. Дети спали по двое на одной кровати, даже в изоляторе. К беспризорным детям в приемниках НКВД прибавлялись мелкие правонарушители[3].

Всего в 1945 г. в детприемниках насчитывалось 550 мест, через которые прошли 2 969 детей. До 36 % задерживались в них на срок более 14 дней. Среди причин задержки детей в докладной записке начальника Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области, комиссара госбезопасности Шикторова назывались: нарушение директивы Главного управления трудовых резервов при СНК СССР № 322/407-с от 19 июня 1943 г. о принятии в ФЗО и ремесленные училища всех подростков 14–16 лет, находящихся в приемниках-распределителях; задержка выдачи путевок в детский дом в связи с карантином; медленное

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 9. Л. 34.
2 Там же. Ф. 285. Оп. 4. Д. 5. Л. 17.
3 Там же. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 9. Л. 75, 76.

трудоустройство детей[1].

14 августа 1945 г. П. Г. Лазутин, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пищевой промышленности, указал на прекращение реэвакуации детских учреждений в Ленинград и беспрепятственное возвращение детей в индивидуальном порядке[2].

Настроения провожавших детей передает письмо трудящимся Ленинграда от Каргатского райисполкома Новосибирской области от 24 августа 1945 г. полное искренней заботы о ребятах: «(…) Примите же дорогие товарищи Ленинградцы, своих детей, растите их здоровыми, сильными. Пусть крепко любят свою Родину, свой народ. Пусть будут благодаря нашей партии и Великому Сталину, окружены их вниманием и любовью. Пусть пронесут через всю жизнь признательность к Сибири и сибирякам в суровые годы войны растившим и лелеявшим их. Председатель Исполкома Райсовета Фомин»[3]. Идеологическая окраска не может скрыть от нас искренность чувств.

Общие выводы к главе: Ряд проблем эвакуации населения Ленинграда оставался до сих пор дискуссионным из-за секретности ряда документов. Имевшиеся расхождения в данных по эвакуации, драматические условия пребывания на оккупированной территории сделали эти вопросы болезненными. Необходимо заметить, что приписки и недописки в бюрократических отчетах могли искусственно привести к завышенным показателям смертности.

Удалось установить, что эвакуация учащихся ремесленных и железнодорожных училищ, а также школ ФЗО из Ленинграда осуществлялась, в основном, эшелонами в январе – марте 1942 г. Из числа 32 201 чел., вывезенных с декабря 1941 г. по 15 апреля 1942 г., учащиеся составляли всего 26 415 чел. В конце 1942 г. было эвакуировано еще 8 347 чел. Согласно отчетным документам ГУ ТР

1 От войны к миру..., 2013. С. 145–146, 175.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1514. Л. 72.
3 Там же. Д. 1513. Л. 181.

доехало к месту эвакуации в 1942 г. 16 237 чел. Основной причиной потерь и пропавших без вести являлась заболеваемость и смертность в пути.

Тяжелое положение сложилось с финансированием детских домов, так как реальная эвакуация в 1942 г. по всей стране составила на 10,6% больше плана. К концу декабря 1942 г. из Ленинграда, помимо РСФСР, были эвакуированы: 21 детский дом в Узбекскую ССР, 15 детдомов и интернатов в Казахстан, в Грузию реэвакуировались из Краснодарского края часть детей и подростков, в том числе группа испанской молодежи – дети антифашистов, в Армении разместились 18 детдомов, реэвакуированных из Орджоникидзе, Краснодарского края, Ростова, 7 детдомов – в Киргизской ССР. Положение ленинградских детдомов находилось под личным контролем председателей СНК и НКП республик. Детдома инспектировались уполномоченными СНК СССР, СНК РСФСР, Ленгорисполкома. Выявленные недостатки исправлялись. Были открыты санатории и детдома оздоровительного типа. Использовалась благотворительная деятельность общественных, женских, организаций.

Весной 1942 г. эвакуированные учреждения были переданы на местное финансирование. В связи с этим в III–IV кварталах 1942 г. из бюджета РСФСР было выделено дополнительно до 10 миллионов рублей для финансирования эвакуации населения, прежде всего ленинградцев. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 5 апреля 1943 г. особое значение придавалось развитию подсобных хозяйств в детских учреждениях.

Драматически сложилась эвакуация студентов, профессорско-преподавательского состава и сотрудников ленинградских вузов и техникумов, а также членов их семей, в период с 22 января по 12 апреля 1942 г. Всего было вывезено 33 541 чел., включая 41 вуз, 4 техникума и фармацевтическую школу, 7 военных спецшкол и Испанский детдом. 23 260 чел. из 34 высших учебных заведений Ленинграда должны были разместиться в Орджоникидзевском крае в Кавказских Минеральных Водах (Кавминоводы). К 4 июня 1942 г. в Кавминводах в наличии было около 39% от эвакуированных.

К началу июня 1942 г. 15 из прибывших институтов приступили к работе. Однако летом – осенью 1942 г. немцы перешли в контрнаступление в направлении на Кавминводы. Уже 3 августа 1942 г. был разработан план реэвакуации ленинградских вузов в Среднюю Азию и Сибирь. Однако часть преподавателей и студентов, которые не могли перенести трудности реэвакуации, вынуждены были остаться на временно оккупированной территории.

В сентябре 1942 г. оккупанты приступили к уничтожению еврейского населения и раненых красноармейцев. Среди погибших оказались и ленинградцы. Факты зверской расправы оккупантов над тысячами мирных людей и ранеными были доказаны Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков на Кавминводах, возглавляемой писателем Алексеем Николаевичем Толстым.

Реэвакуация в Ленинград началась 29 марта 1944 г. Но уже 3 сентября 1944 г. постановлением ГКО СССР № 6496с процесс реэвакуации в Ленинград был приостановлен из-за необеспеченности жильем. Массовая реэвакуация ленинградцев происходила в 1945 г., в том числе детских учреждений из 26 областей и республик.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1944 ГОДАХ

§ 1. Преступления фашистских войск против гражданского населения при осаде Ленинграда и эвакуации населения

5.1.1. Деятельность Чрезвычайной государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков

Оценка преступлениям гитлеровцев и их сообщников была дана в официальных документах государств антигитлеровской коалиции. В 1941–1942 гг. Народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым были объявлены три ноты протеста в связи со зверствами гитлеровцев: от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях» от 6 января 1942 г. и «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» от 27 апреля 1942 г. В ноте В. М. Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения ...» от 6 января 1942 г. было заявлено, что органы Советской власти ведут учет злодеяний гитлеровцев, за которые «негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия»[1].

13 января 1942 г. правительствами девяти оккупированных гитлеровцами стран: Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии,

1 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. – М.: ОГИЗ – Гос. изд-во полит. лит-ры, 1944. С. 162–167, 171–189, 200.

Люксембурга и Французского Национального Комитета была подписана «Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны», которая провозгласила, что насилие над гражданским населением, как и прекращение действия законов, а также уничтожение государственного строя и обычаев оккупированных стран, в соответствии с международным правом, в том числе Гаагской конвенции 1907 г., находятся в противоречии с общепринятыми взглядами цивилизованных народов в отношении военных действий и политических преступлений. При этом наказание за эти преступления путем организованного правосудия в Декларации было провозглашено в качестве одной из основных целей войны[1]. 14 октября 1942 г. в ответ на эту ноту было опубликовано «Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы», в котором заявлялось о необходимости безотлагательного предания суду специального международного трибунала и наказания по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии[2].

На основании международного договорного и обычного права был издан Указ Президиума ВС СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», в котором было установлено, что за все «чудовищные преступления (…) преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники несут всю полноту уголовной и материальной ответственности»[3].

---

1 Там же. С. 278.
2 Там же. С. 273–277.
3 Там же. С. 281 – 284; *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев..., 1944. С. 4–5.

Порядок деятельности Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков был утвержден Постановлениями СНК СССР: № 297 от 19 марта 1943 г. «Об утверждении т. Богоявленского П. И. ответственным секретарём Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков»; № 493 от 7 мая 1943 г. «Об инструкциях по учёту ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям и колхозам»; № 667 от 17 июня 1943 г. «Об инструкциях о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и о порядке определения ущерба, причинённого гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов и их сообщников»; № 271 от 11 марта 1944 г. (дополнения)[1].

11 мая 1943 г. была опубликована Нота Народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии»[2].

Результатом этих действий стала «Декларация об ответственности гитлеровцев», подписанная Ф. Рузвельтом, У. Черчилем, И. Сталиным, и опубликованная 30 октября 1943 г., во время Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Декларация устанавливала не только принцип индивидуальной ответственности, но и подсудности согласно законам освобожденных стран[3]. 22 ноября 1943 г. вышло Постановление СНК СССР № 1305 от «О Комиссии по возмещению ущерба,

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д.212. Л. 135–136; Д. 214. Л. 61–70; Д. 216. Л. 1–10; Д. 225. Л. 181–206.
2 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. …, 1944. С. 313.
3 *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: Наука, 1975. С. 11–12, 123–124.

нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками»[1].

Данные документы стали правовой основой Акта Ленинградской Городской Комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда[2].

Таким образом, уже в годы войны происходил сбор и подготовка документов о преступлениях немецко-фашистских войск и их союзников, которые были затем рассмотрены на Нюрнбергском судебном процессе. В результате проведенного расследования была установлена преступная деятельность гитлеровцев против гражданского населения СССР, в том числе планирование голода, а также уничтожение Ленинграда и его населения как преступная цель военных действий. Обвинения в данных преступлениях были включены в обвинительный приговор, вынесенный МВТ главным гитлеровским преступникам: Герингу, Йодлю[3].

Начавшаяся уже после разгрома Японии 2 сентября 1945 года «Холодная война» сделала проблему военных преступлений, в том числе блокады Ленинграда, – одним из узлов идеологических противоречий международного сообщества. Идеологами расизма и фашизма неоднократно делались попытки фальсифицировать или опровергнуть данные документов, усмотреть мнимые противоречия в представленных на Нюрнбергском процессе документах. Это делает актуальным опровержение данных фальсификаций.

5.1.2. Лишение гражданского населения осажденного города средств жизнеобеспечения как преступная цель военных действий

Уничтожение гражданского населения Ленинграда как одна из военных целей гитлеровской Германией до последнего времени недостаточно освещена историографией II Мировой войны. Это позволило появиться таким

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 220. Л. 330.

2 Ленинград. Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1945.

3 Подробнее см.: глава первая.

идеологическим «постулатам» как концепция некоторых немецких авторов, таких как Х. Стахов в книге «Трагедия на Неве», изданной на немецком языке в Мюнхене в 2001 г. Книга, переведенная на русский язык в 2008 г., стала одним из ярких образцов современной пропаганды «разделенной ответственности», перекладывающей, в действительности, ответственность за жертвы блокады на Советское руководство и правовые институты Советского государства[1].

Стахов утверждал, что уничтожение Ленинграда с его населением и культурой являлось одной из целей как Гитлера, так и Сталина. Одним из идеологических приемов, использованных автором, является противопоставление целей персонально Гитлера и Сталина, якобы несущих равную ответственность за жертвы населения блокированного Ленинграда, и солдат, выполнявших свой долг и эмоционально разделявших менталитет военнослужащих, вынужденных делать неприятную, но необходимую работу, согласно присяге и уставу. Система аргументов книги Х. Стахова, несмотря на ее откровенно реваншистский характер, получила определенный резонанс в исторической литературе [2].

Необходимо указать, что факты организации обороны Ленинграда и, конкретно, борьбы за спасение гражданского населения Ленинграда, установленные на основе анализа как документов, так и многочисленных личных свидетельств, убедительно опровергают многие фальшивые обвинения в адрес руководства СССР. Так, только важнейших нормативных актов органов власти и управления СССР и РСФСР, а также решений Ленгорисполкома, касающихся вопросов обеспечения жизнедеятельности ленинградского гражданского населения, за 1941–1944 гг. насчитывается не менее 754[3].

Следует также учитывать, что Советским обычным военным правом в 1937–

---

1 *Стахов Х. Г.* Трагедия на Неве: шокирующая правда о блокаде, 1941–1944 / пер. Ю. Лебедев. – М.: Центрполиграф, 2008 ; *Оточкин В. В., Поярков А. А.* Фальсификация истории блокады Ленинграда – оружие психологической войны // Сборник статей итоговой научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Военного института физической культуры за 2019 год, посвященной Дню российской науки / Под ред. Пашута В. Л. – СПб., 2020. С. 24–28.

2 *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. – М: Яуза-каталог, 2017. С. 20.

3 VI. Приложение.

1945 гг. преступный военный приказ классифицировался как провокация, ответственность за его исполнение разделялась между тем, кто отдавал его и исполнителем. Учитывая обычай войны, Устав МВТ в статье 8 также отмечал ответственность за исполнение преступного приказа[1].

Проф. Г. Л. Соболев аргументировано оспаривает и точку зрения Ю. М. Лебедева, который в книге «Ленинградский “блицкриг”» доказывал, что целью приказа Начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера о тесной блокаде Ленинграда являлась добровольная капитуляция города[2]. Как показал Геннадий Леонтьевич в приказе группе армий Север от 28 августа 1941 г., который надо понимать буквально, речь шла об уничтожении Ленинграда в результате обстрелов и бомбардировок. Эта же установка была характерна для фон Лееба, командовавшего группой Север в тот период времени, который полагал, что «если Ленинград, подгоняемый голодом, будет вынужден сдаться, то его следует лишить тогда по крайней мере возможности повторного сопротивления»[3].

Как выше было показано, гражданское население не могло являться самостоятельной целью военных действий, в соответствии со сложившимися к началу II Мировой войны договорными правилами и обычаями войны. Если некоторая часть его (отряды самообороны, рабочие оборонных предприятий) могла в некоторых случаях интерпретироваться расширенно: как содействующие вооруженным силам, то нетрудоспособное население и малолетние дети (до 12 лет) обладали безусловным иммунитетом.

Данное правило было отражено и в штабном Уставе германской армии в виде задачи: сохранить гражданское население[4].

---

1 Подробнее см.: глава вторая, §1. Статья 8 Устава МВТ предусматривала возможность смягчения наказания при выполнении обвиняемым преступного приказа в целях правосудия.

2 *Лебедев Ю. М.* Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942. – М., 2011. С. 13, 234–235.

3 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. С. 4–6 ; *Его же.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2017. С. 4–9. Учитывая важность вопроса, Г. Л. Соболев возвращается к данной теме и в третьей книге, обосновывая важность Ленинграда для гитлеровцев как военного объекта.

4 Справочник для высших штабов на военное время. Устав немецкой армии. № 92. Часть I (сокр. пер. с нем.). –

В то же время следует указать, что в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 декабря 1941 г. «О порядке рассмотрения дел в отношении лиц, совершивших преступление в местностях, временно занятых неприятелем» указывалось, что, в соответствии со ст. 1 Основных начал уголовного законодательства СССР, все лица, находящиеся на территории СССР (кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан), подлежат за совершенные ими на территории СССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления. Необходимо указать, что применение гражданского и уголовного права как обычного стран – участниц судебного процесса является одной из установившихся процессуальных международных норм, признанной в период II Мировой войны[1].

Таким образом, истребление гражданского населения с повышенной жестокостью, лишение его средств жизнеобеспечения, в качестве цели военных действий являлось военным преступлением, нарушавшим как международное договорное, так и обычное военное право.

19 апреля 1943 г. вышел Указ Президиума ВС СССР об уголовной ответственности немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских фашистов, уличенных в совершении истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев. Военные преступления, совершенные на территории СССР, могли быть квалифицированы по статьям «Положения о воинских преступлениях» 1927 г. К статьям УК РСФСР, карающим за преступления военнослужащих, относились: ст. 193[28], карающая за «разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества и насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемое по отношению к населению в районе военных действий»; ст. 193[29], карающая за «дурное обращение с пленными, имевшее место неоднократно или сопряженное с особой жестокостью, или направленное против

М.: Воениздат, 1946. С. 3–4, 7–9, 57–59.

1 *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. – М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 92–93.

больных и раненых...»; ст. 19[31][7], предусматривающая различные формы воинского злоупотребления властью и другие. Могли применяться и общие уголовные статьи УК: ст. 59 (бандитизм), ст. 165–167 (грабеж, разбой), 136 (убийство), 153 (изнасилование), 79, 175 (поджог и другие формы уничтожения имущества)[1].

В то же время истребление гражданского населения Ленинграда, лишение его средств жизнеобеспечения, многократно декларировалось как основная цель гитлеровской армии. Ценные документы, подтверждающие этот факт, фигурировали на Нюрнбергском процессе.

Так, в протоколе допроса военнопленного рядового немецкой армии Ф. Кепке (записан 31 января 1944 г.) были записаны его показания, свидетельствующие о том, что целью, поставленной немецким командованием было: «как можно больше вызвать жертв среди гражданского населения, которое в этом случае застигалось обстрелом в сонном состоянии»[2]. Протокол использовался в материалах Нюрнбергского процесса. Эти показания совпадают с данными допросов и других военнопленных. Военнопленный Р. Ловиен, служивший разведчиком-наблюдателем 240-го артполка 170-й пехотной дивизии, показал: «Основная задача...была – обстрел жилых зданий города с целью их разрушения и истребления путем обстрелов жителей Ленинграда»[3]. Показания военнопленных подтверждаются характеристикой артиллерийской стрельбы, данными оперативных сводок Ленгорисполком.

Цели военных действий германской армии в битве за Ленинград отразились и в данных безвозвратных потерь. В Ленинградской битве общие безвозвратные потери военнослужащих и мирного населения сопоставимы и фактически равны:

---

1 Там же. С. 97–98.

2 Документ № 171. Протокол допроса военнопленного Ф. Кепке о его участии в обстрелах Ленинграда // Ленинград в осаде …, 1995. С. 399–400.

3 Документ № 172. Из протокола допроса военнопленного Р. Ловиена о его участии в обстрелах Ленинграда // Там же. С. 402–405.

ок. 980 тысяч военнослужащих[1] и примерно столько же мирных граждан[2].

В приказе Верховного командования сухопутных войск группе армий «Север» от 28 августа 1941 г., подписанном Ф. Гальдером, указывалось: «На основании указаний высшего руководства приказываю:

1.Окружить Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требование о капитуляции не выдвигать.

(...) Любая попытка населения выйти из кольца должна пресекаться, при необходимости – с применением оружия»[3].

В приказе командира 1-й дивизии, подписанном Клеффелем, говорилось: «(...) я приказываю, что ни один русский солдат и ни одно гражданское лицо, будь то мужчина, женщина или ребенок, не будет пропущен через наш фронт. (...) все же если они прорвутся – расстреливать»[4].

Следует сказать, что преступные намерения гитлеровцев в отношении ленинградского мирного населения не являлись чем-то исключительным, но соответствовали всей организации преступной деятельности фашистов на территории СССР[5].

5.1.3. Массированные артиллерийские обстрелы и воздушные бомбежки

Потери зданий, жилых и культурно-бытового назначения, в результате артиллерийских обстрелов и воздушных бомбежек в Ленинграде в 1941–1944 гг. В

---

1 Гриф секретности снят. – М., 1998. С. 185, 199; *Ковальчук В. М.* О жертвах блокадного Ленинграда // Военно-исторический архив. – Вып. 6. – 1999. С. 119; *Его же.* Магистрали мужества ..., 2001. С. 7. Суммарное число потерь по Северному, Ленинградскому, Волховскому и Карельскому фронтам за все время войны указано: 962 042 чел. в кн. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков [и др.] – М.: Вече, 2010. С. 366, 382, 383, 387.

2 Количество жертв гражданского населения Ленинграда в блокадном кольце, признанных научным сообществом, колеблется от 800 тысяч до 933 766 чел. (*Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Автореф. дисс... к. и. н. – СПб., 2010. С. 23).

3 Документ № 1. Верховное командование сухопутных войск, 28 августа 1941 г. Предмет: Окружение города Ленинграда // *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. – М: Яуза-каталог, 2017. – С. 63. В своих дневниках 8 июля 1941 г. Ф. Гальдер писал: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов (…) Это будет “народное бедствие”, которое лишит центров не только большевизм, но и московитов [русских] вообще» (*Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 101).

4 Документ № 2. 1-я дивизия, 13 сентября 1941 г. Приказ командира дивизии об отношении к гражданскому населению Ленинграда // *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах ... 2017. С. 64.

5 Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков [и др.] – М.: Вече, 2010. С. 222–226. О преднамеренном истреблении мирного населения.

течение 1942–1945 гг. работали Чрезвычайная Государственная комиссия и Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний фашистов и их пособников[1]. Материалы работы Комиссий хранятся в ЦГА СПб, фонд 8557 «Ленинградская городская Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Результатом их работы стало тщательное расследование и составление актов о нанесенном ущербе ленинградскому населению за период осады города.

Первичные акты, отображающие характер жертв и разрушений, причиненных артиллерийскими обстрелами и авиа-бомбардировками, а также затраты по вынужденной эвакуации и реэвакуации, были оформлены в 99 общих томов и 227 индивидуальных папок, включая 46 томов актов по ущербу, причиненному гражданам. Всего 129 976 актов, 335 актов-списков и 665 актов о злодеяниях. На основе этих актов была составлена Сводная ведомость об ущербе, причиненном Ленинграду за время войны и блокады, по состоянию на 1 мая 1944 г. Было также принято Постановление Ленинградской городской Комиссии по учету ущерба и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Ленинграде и его пригородах от 11 июня 1945 года «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненном ими ущербе гражданам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям Ленинграда и его пригородов»[2].

Уже в 1945 г. был издан отдельной брошюрой «Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады»[3]. В 1966 г. в

---

1 См. также: *Чистиков А. Н.* «Мы живем в интересное время…». Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг. // Битва за Ленинград. 1941–1944 гг. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 5–14.

2 ЦГА СПб. Ф. 8557 (Ленинградская городская Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Оп. 7. Д. 30. Л. 1а; Д. 39. Л. 1.

3 Ленинград. Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1945 ; Документ № 226. Из акта городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об ущербе,

сборнике «900 героических дней» опубликованы выписки из протокола Чрезвычайной государственной комиссии от 15 июня 1945 г.[1] В то же время в них имелись только обобщенные сведения, отредактированные для публикации.

Необходимо указать, что в ходе расследования ущерб жителям Ленинграда, Кронштадта и Колпино, находившимся в тесной блокаде и пострадавшим, прежде всего, от преступного характера ведения военных действий: массированных бомбежек, имевших целью террор мирного населения и лишение его средств жизнеобеспечения, был сосчитан отдельно от ущерба гражданскому населению Пушкина, Петродворца и других территорий Ленинграда и пригородов, оказавшихся в оккупации. Учет и оценка ущерба должны были производиться на основе Постановлений СНК СССР № 229 от 4 марта 1943 г., № 493 от 7 мая 1943 г. и № 667 (в документе ошибочно № 664) от 17 июня 1943 г., № 271 от 11 марта 1944 г. (дополнения)[2]. В соответствии с этими документами осуществлялись экспертизы и бухгалтерские инвентаризации 1943–1944 годов[3].

В Сводной ведомости на 1 мая 1944 г. общий размер ущерба по г. Ленинграду (в том числе по г. Колпино и г. Кронштадту) по разрушению жилых зданий, относящихся к коммунальному хозяйству города, оценивался Городской Комиссией в 2 147 976 734 рубля, из которых 366 923 053 составила восстановительная стоимость, полностью уничтоженного, разрушенного имущества в рублях, и 1 781 053 681 – размер затрат, необходимых для восстановления частично поврежденного имущества в рублях[4]. Всего полностью уничтоженных жилых зданий, относящихся к жилищному хозяйству Ленинграда: 205 каменных, 1849 деревянных, 47 прочих. Частично было разрушено: 6 403 каменных, 740 деревянных, 31 – из прочих

причиненном Ленинграду войной и блокадой. Май 1945 г. // Ленинград в осаде …, 1995. С. 562–572.

1 Документ № 127. Выписка из протокола заседания Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о причиненном ими ущербе гражданам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям Ленинграда и его пригородов // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966. С. 399–401.

2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 211. Л. 127–128; Д. 214. Л. 61–70; Д. 216. Л. 1–10; Д. 225. Л. 181–206.

3 ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 30. Л. 2.

4 Там же. Л. 4.

материалов. Всего 9 275 жилых зданий.

Кроме того, были разрушены полностью 844 здания складов и торговых баз, 603 частично, в том числе местного подчинения Ленгорисполкому, предназначенные для снабжения гражданского населения: полностью уничтожены 320 складов и баз, частично разрушены 170[1]. Было разрушено 10 библиотек, 98 театров и клубов полностью уничтожено, 110 – частично. Пострадали от бомбежек религиозные здания. Полностью были уничтожены 1 церковь и 1 часовня, 46 – разрушены, частично пострадали от бомбежек и артобстрелов 2 костела и синагога[2]. Пострадали от бомбежек детские учреждения, в том числе детдома: 18 было уничтожено, 177 – разрушено. 5 зданий высших учебных заведений было полностью уничтожено в результате бомбежек и обстрелов, 151 подверглось разрушению. Полностью было разрушено 28 зданий больниц и амбулаторий, 364 пострадали частично. 22 школы были полностью уничтожены бомбежками и артобстрелами, 393 разрушены частично. Пострадали 49 музеев и 178 научных учреждений, полностью было уничтожено одно[3].

На основе Постановления Городской Комиссии от 11 июня 1945 года была подготовлена выписка из протокола № 60 заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии от 15 июня 1945 г., в составе: Л. И. Куприянова, М. П. Соболев, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнин, Н. М. Шверник. Комиссия рассмотрела 130 265 актов об ущербе, представленных Ленинградской городской комиссией[4]. Так, в обоих документах указано, что немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками было сожжено и разрушено 9 856 жилых домов (жилищного хозяйства Ленинграда)[5], а также 5 495 частных жилых домов и 4 865 надворных построек, принадлежащих мирным гражданам, проживавшим в Ленинграде и пригородах.

---

1 Там же. Л. 21, 22.
2 Там же. Л. 26, 27–29.
3 Там же. Л. 23, 24, 25.
4 Там же. Д. 42. Л. 6.
5 Разница в 581 здание, по сравнению со Сводной ведомостью, вероятно связано с новыми фактами, выявленными за период с мая 1944 по июнь 1945 г.

Кроме того, в Постановлении Городской Комиссии от 11 июня 1945 г. отмечалось, что 1 073 дома сгорели от пожаров, еще 9 192 дома были разобраны на топливо. Всего потери жилого фонда Ленинграда и пригородов, указывалось в Постановлении Городской комиссии, с учетом сгоревших и разобранных зданий, в результате блокады составили 29 115 зданий, общим объемом 35 510 815 куб. м (эти данные не вошли в протокол государственной комиссии)[1].

Государственной Комиссией было указано на уничтоженные или пострадавшие от разрушений: 315 зданий больниц, поликлиник и амбулаторий, 381 школьное здание, 145 детских учреждений, 15 церквей и 1 костел и пр.[2] Эти данные несколько меньше приведенных в Сводной ведомости Городской Комиссией, документально подтвержденных фотографиями и экспертными актами, инвентаризационными документами.

В выписке из протокола говорится: «Немецко-фашистские захватчики и их сообщники разрушили целые кварталы в Кировском, Московском, Володарском и Красногвардейском районах, на Петроградской и Выборгской сторонах; большие разрушения произвели в пригородах Колпино, Петродворце, Пушкине, Кронштадте (…) Они разрушили и повредили из 300 находящихся под государственной охраной 187 исторических зданий: среди них – Зимний, Таврический, Мариинский и Строгановский дворцы, (…) Исаакиевский и Казанский соборы (...)»[3].

Председатель Ленгорисполкома П. С. Попков писал в докладной записке в горком ВКП(б) от 23 января 1944 г. об общих потерях жилой площади ок. 3 млн. кв. метров, или более 20% всего жилого фонда, не считая жилых массивов в Автово, на Московском шоссе и др., а также жилой площади, требовавшей текущего и среднего ремонта[4].

Таким образом, несмотря на несущественные расхождения в первичных

1 ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 39. Л. 2, 6; Д. 42. Л. 5.
2 Там же. Д. 42. Л. 4, 5.
3 Там же. Д. 41. Л. 2, 3, 4.
4 Документ № 225. Докладная записка П. С. Попкова секретарям ГК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину о потерях жилого фонда города и мерах по подготовке к возвращению в Ленинград эвакуированных // Ленинград в осаде... 1995. С. 559–561.

материалах, имеющиеся документы подтверждают массированный, неизбирательный характер бомбардировок и артобстрелов города, вызвавших значительные повреждения и уничтожение жилищного фонда Ленинграда, его культурно-исторических ценностей, и направленных на реализацию основной преступной цели: лишить гражданское население средств жизнеобеспечения, а Ленинград культурной и исторической ценности, присущей городу.

Потери жилого фонда Ленинграда от бомбежек и артиллерийских обстрелов подтверждаются и оперативными сводками в Ленгорисполком о характере этих обстрелов.

Характер обстрелов Ленинграда в 1941–1943 гг. Еще А. Н. Беляев обратил внимание на некоторое расхождение данных МПВО и акта Городской Комиссии о количестве артиллерийских обстрелов по городу. Он же указал возможную причину его появления: взаимодействие в борьбе за спасение города и горожан сил МПВО, подчинявшихся в начальный период блокады Ленгорисполкому, и ПВО Ленинградского фронта[1]. Акт Городской Комиссии включал данные обстрелов по территории Ленинграда. В них могли войти военные объекты: корабли, казармы, военные аэродромы и т. п., по которым данных у МПВО не было и не могло быть. Эти объекты охранялись силами ПВО Ленинградского фронта в условиях секретности.

Предметом нашего исследования являются результаты агрессии, направленной против гражданских объектов, которые находились сугубо в ведении МПВО, подчинявшейся непосредственно Горисполкому в первый период блокады. Расхождения в этих данных в различных источниках насчитывают единицы. Учет потерь от артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок г. Ленинграда осуществлялся с первых дней войны штабом МПВО. Оперативные сводки и

---

1 *Беляев А. Н.* Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1975. С. 11, 118 ; см. также: За оборону. – 1946. – № 2. С. 11; Вестник противовоздушной обороны. – 1959. – № 10. С. 29. Недостаточная проработка историографии вопроса сказывается на поверхностном анализе собранных статистических данных и поспешных, необоснованных выводах. (Ср. *Рябков А. М.* О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 3. С. 211–223).

обобщенный анализ, проделываемый им регулярно, передавались в Ленгорисполком (Фонд 7384) и были систематизированы в несколько дел, входящих в опись 3с (Общий отдел. Секретная часть)[1].

Первый обобщенный анализ результатов артобстрелов и бомбардировок гражданских объектов с воздуха за июнь – сентябрь 1941 года был представлен в Ленгорисполком начальником МПВО Ленинграда полковником Е. С. Лагуткиным 30 сентября 1941 г. В сводке указывалось, что первый артобстрел непосредственно Ленинграда был произведен 4 сентября, а первое воздушное нападение 8 сентября 1941 г., в июле – августе воздушным нападениям подвергались пригороды: Пушкин и Колпино[2]. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о массированном[3] нападении на гражданские объекты, так как в оперативных сводках было отмечено, что уже 30–31 июля были совершены налеты на Ленинградский аэропорт на Московском шоссе[4].

В итоговой сводке Е. С. Лагуткина указывалось, что в результате обстрелов и бомбежек на город было сброшено только в сентябре 1941 г. 2049 артиллерийских снарядов (75 из них не разорвались), 1205 фугасных бомб (64 не разорвались), 13 468 зажигательных бомб (690 из них не разорвались). В сводке приведена характеристика выпущенных снарядов и бомб. В первой половине сентября применялись 10-дюймовые (дм) артснаряды, во второй половине сентября 3 и 6–8 дм. При воздушных бомбежках выпускались фугасные бомбы от 50 до 250, 500 и 1000 кг и двухкилограммовые зажигательные. 22 и 23 сентября были выпущены осколочные авиабомбы, рассчитанные на поражение людей[5].

В течение всего военного периода 1941 года, начиная с первого артобстрела города 4 сентября, свободными от обстрелов были 12 дней, в 1942 г. – 20 дней. Интенсивность артобстрелов постоянно росла. Во второй половине ноября 1941 г.

---

1 К моменту публикации опись 3с (=3) рассекречена.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 24. Л. 1, 171–177.
3 Массированный и неизбирательный обстрел – обстрел по гражданским объектам, наряду с военными.
4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 23. Л. 98, 100. Всего было сброшено 33 фугасные бомбы. Сгорели 3 самолета У-2 и 1 ТБ-3, 1 ТБ-1.
5 Там же. Д. 24. Л. 172, 173.

она составляла 2859 снарядов против 550, выпущенных по городу с 4 по 15 сентября 1941 г. Наибольшая интенсивность воздушных бомбардировок была с 16 по 30 сентября 1941 г., когда на город было сброшено 830 фугасных бомб. Наибольшее число зажигательных бомб (34 906) пришлось на период с 1 по 15 октября 1941 г.[1]

Всего за период осады с сентября 1941 г. до 17 октября 1943 г., когда на город была сброшена последняя бомба, было совершено 258 налетов германской авиацией, в которых участвовало в общей сложности 1876 самолетов. Было сброшено 74 289 бомб[2].

На приведенных конкретных примерах можно проследить характер массированных и неизбирательных бомбардировок и артобстрелов, основными жертвами которых становилось гражданское население[3].

Как правило, при бомбардировках и артобстрелах в сентябре 1941 г. количество попаданий в промышленные объекты и в жилые дома составляло соответственно 1:3 или 1:1,5, что не оставляет сомнений в основной цели стрелявших. Беспрецедентное соотношение между количеством бомб, сброшенных на промышленные объекты и административные здания: всего 74, и на жилые дома: всего 693, в Октябрьском районе 10 сентября 1941 г., соответственно 1:9, указывает на действительную цель бомбардировок.

19 сентября 1941 года, во время одного из самых крупных массированных воздушных налетов, комбинированного с артобстрелом, по городу было выпущено 97 артснарядов, 528 фугасов, 1435 зажигательных бомб. Соотношение при бомбежках промышленных объектов и жилых домов составило, соответственно: фугасными бомбами 1:1,5, зажигательными бомбами 1:2,2.

Необходимо отметить, что важное место среди промышленных объектов при

---

1 Документ № 164. Сводка штаба МПВО Ленинграда о результатах воздушных нападений и артиллерийских обстрелов с 4 сентября 1941 г. по 1 марта 1942 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 372–373.

2 Документ № 173. Из справки разведки штаба Ленинградской армии ПВО о бомбардировках Ленинграда в 1941–1942 г. // Там же. С. 406–407.

3 Приложение к пятой главе. Документ № 1.

воздушных бомбежках отдавалось складам, базам продовольствия, комбинатам пищевой промышленности, по которым за 11 дней сентября (с 8 по 19) было выпущено не менее 1 231 зажигательных бомб и 35 фугасных. Пострадали Бадаевские склады (700 зажигательных бомб, 1 фугасная бомба 500 кг), Маслозавод № 5 (пострадали 3 склада), хлебозавод Микояна (12 зажигательных бомб), Ленхладкомбинат, 2-й Овощекомбинат, Макаронная фабрика (всего 75 зажигалок), консервная база райпищеторга, овощной комбинат, зернохранилище на Солодово-дрожжевом заводе, 1-й хлебозавод, мясокомбинат, пищекомбинат, фабрика Пролетарской Победы, Ленхладокомбинат, макаронная фабрика (34 фугасные бомбы и 454 зажигательные).

В конце сентября – начале октября продовольственные базы, склады, предприятия стали важной целью артиллерийских обстрелов. Так, при артосбстрелах 21 и 22 сентября особенно пострадала база «Заготзерно», 21 сентября по ней было выпущено 2 артснаряда, а 22 сентября – 41 снаряд[1].

Таким образом, бомбежки и артобстрелы в сентябре 1941 г. продовольственных складов, баз, пищевых предприятий, стали основным фактором уничтожения запасов продовольствия в городе и привели к резкому сокращению норм продажи продуктов.

Огромную роль в организации спасательных работ играли команды МПВО. Они выходили на помощь в начале обстрелов и бомбежек и работали под огнем противника, из-за чего имелись значительные жертвы.

Совершенно несостоятельными оказываются мифы о «несчастных немцах», мерзнувших под Петербургом; о немецких артиллеристах, которые стреляли исключительно по военным объектам; о пресловутой «военной необходимости»; и о правилах войны, которые якобы не нарушались при осаде города. Обзор сводок представляет убедительные доказательства истинной военной цели данной осады: уничтожение Петербурга-Ленинграда как одного из центров мировой культуры и

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 24. Л. 116–123.

его гражданского населения. Важнейшей целью бомбардировок не только жилых массивов, но и промышленных объектов, было лишение населения необходимых средств жизнеобеспечения: разрушение водопроводной, водосточной и канализационной систем города, пищевых предприятий, продовольственных складов, баз и пр.[1]

Не были мифами пожары и бомбардировки Бадаевских складов, как это порой в зарубежной литературе преподносится в наше время[2]. Бомбардировки этих крупнейших складов города производились систематически (8, 10, 13 сентября 1941 г.), имея своей целью уничтожение основных продовольственных запасов гражданского населения.

Согласно акту, переданному Городской Комиссией, за время осады Ленинграда на город было сброшено общей сложностью: 107 158 фугасных и зажигательных бомб и 150 000 тяжелых артиллерийских снарядов[3]. Учитывая результаты исследования А. Н. Рябкова, подсчитавшего данные оперативных сводок штабов МПВО, можно отделить от этого числа те, которые были учтены МПВО, то есть были сброшены на гражданские объекты города: 66 018 артиллерийских снарядов, 5 189 фугасных бомб, 73 083 зажигательных авиабомб[4]. Это составило, относительно общего числа, соответственно 73% от авиабомб, 44% от артснарядов. [Подсчитано мной – Л.Г.].

Необходимо также указать, что из приведенных фактов видно, что населению города уже в сентябре 1941 года был нанесен огромный ущерб в потерях продовольствия, находившегося на складах и базах, в том числе на предприятиях пищевой промышленности, в потерях жилого фонда, в разрушении водопроводной, водосточной и канализационной систем. В таких условиях жизнеобеспечение населения города требовало от руководителей городским хозяйством поистине

---

1 Приложение к пятой главе. Документ № 1.

2 Например: *Clapperton J.* The siege of Leningrad and the ambivalence of the sacred: conversations with survivors... 2006. P. 94, 354.

3 ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 39. Л.1, 2.

4 *Рябков А. М.* О количестве снарядов, выпущенных вражеской артиллерией по Ленинграду в годы Великой Отечественной войны // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 3. С. 216–219.

героических усилий: по размещению пострадавших от потери жилья, организации необходимых аварийно-восстановительных работ, а также не только по доставке, но и по хранению продовольствия на рассредоточенных складах (в конечном итоге было принято решение рассредоточить продовольствие за чертой города).

5.1.4. Препятствия эвакуации гражданского населения

Пулеметные обстрелы и бомбардировки автобусов, эшелонов с эвакуируемыми детьми, санитарных и пассажирских поездов. Одним из первых исследователей воздушных бомбардировок железнодорожных путей сообщения Ленинграда со страной являлся В. И. Кардашов. Полученные им результаты использовались в фундаментальных трудах в нач. 1960-х годов. По данным В. И. Кардашова, приводимым в Очерках истории Ленинграда (V том), уже 2 июля 1941 г. начались бомбардировки железнодорожных линий, по которым двигались эшелоны с эвакуируемыми из прифронтовой полосы людьми[1].

В оперативных сводках начальника штаба охраны войскового тыла Северного фронта и дорожного отдела милиции Октябрьской железной дороги, ежедневно сдаваемых П. С. Попкову как уполномоченному Военного Совета Северного фронта по эвакуации, в начале июля 1941 г. внимание было приковано к тылам Северного фронта на северо-западном направлении, где в этот период имели место диверсионные вылазки и повреждения дорожного полотна.

По оперативным сводкам 2 июля произошло первое вооруженное нападение на Октябрьской железной дороге: был обстрелян часовой в районе ст. Элисенваари, в перестрелке был ранен рабочий депо. В тот же день было взорвано железнодорожное полотно в момент прохода товарного поезда на линии Выборг, Антреа группой 18–20 человек[2]. Основной задачей дорожного отдела милиции Октябрьской железной дороги стала борьба с диверсантами на ст. Выборг, в северо-

---

1 *Кардашов В. И.* Трудящиеся Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – январь 1944; по материалам неоккупированных районов). Дисс. к.и.н. – Л., 1965. С. 71. Цит. по *Шишкин В. А.* Укрепление обороны города // Очерки истории Ленинграда. Т. V. – Л., 1967. С. 102 ; См. также: *Его же.* Глава III. Прифронтовой город // Непокоренный Ленинград. ..., 1974. С. 93.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 23. Л. 9, 11.

западном направлении.

Первое воздушное нападение на пассажирский поезд произошло под Ленинградом 5 июля 1941 г. на перегоне ст. Хитола-Элисенвааре. В результате были ранены машинист и кочегар, в вагонах побиты стекла[1]. С 11 и 12 июля 1941 г. бомбежки и обстрелы пулеметным огнем с самолетов санитарных, пассажирских эшелонов с эвакуируемыми на территории Ленинградской области происходили систематически, что установлено имеющимися оперативными сводками дорожной милиции[2].

Продолжались обстрелы пассажирских поездов и осенью 1941 г. Так, 12 сентября, в 16-15 на ст. Антропшино артиллерией противника был обстрелян пассажирский поезд, при этом были повреждены паровоз и 4 вагона, убит раздатчик поезда[3].

В оперативных сводках дорожной милиции в Ленгорисполком указывались не все случаи обстрелов немцами пассажирских поездов и детских эшелонов, так как значительная часть обстрелов происходила на территории Ленинградской области. В. И. Кардашов писал, что уже 13 июля в Леноблисполком поступила телеграмма из Валдайского района с просьбой реэвакуации детей, так как ст. Едрово, где находилось более 2000 детей, подверглась налету немецкой авиации[4]. Имеются личные воспоминания об обстреле детского эшелона в тот же день на 226-м километре Октябрьской железной дороги, вблизи ж.-д. ст. Боровенка. В близлежащей дер. Парахино (с 1965 г. часть г. Окуловка) были произведены захоронения в двух братских могилах на местном кладбище[5].

В Справке об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области в Леноблисполком от 29 июля 1941 г., подписанной заведующим

---

1 Там же. Л. 17.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 23. Л. 31, 34, 37, 88, 94, 96, 102. Приложение к пятой главе. Документ № 2.

3 ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 3. Д. 24. Л. 53. (Сводка отдела регулирования и эвакуации ОВТ Северного фронта).

4 *Кардашов В. И.* Трудящиеся Ленинградской области ..., 1965. С. 72. Цит. по *Шишкин В. А.* Укрепление обороны города. С. 102.

5 *Николаева М., Ковалевская Л.* Боровенка в годы войны [мемуары] // Заря коммунизма. – 1984. – июнь, 21. (Цит по *Асташкин Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы..., 2019. С. 132–133).

райздравотделом Ивушкиным, указывалось, что при эвакуации детей имели место случаи налета авиации. Так, на ст. Пола был обстрелян эшелон детей Дзержинского района г. Ленинграда, вывезенных из Залучского района[1].

Одним из наиболее драматических свидетельств военного преступления является бомбежка и обстрел фашистами станции Лычково Демьянского района Ленинградской области 18 июля 1941 г., когда там находились, в ожидании эшелона, эвакуируемые ленинградские дети. В той же справке заврайздравотдела Ивушкина, отмечено, что на ст. Лычково в момент подготовки и посадки в эшелон без объявления «Воздушной тревоги» произошел налет одиночным самолетом, сбросившим до 25 бомб. В результате было убито 28 детей (всего убитых 41 чел.), 18 детей ранено (всего раненых 29 чел.). Из убитых 8 чел. детей было не опознано. После налета св. 4000 детей, находившихся в поселке, были рассредоточены по лесу и кустарникам. Через час налет повторился, была объявлена «Воздушная тревога». 4 немецких бомбардировщика вновь подвергли бомбежке и пулеметному обстрелу Лычково. Во время второго налета, благодаря принятым мерам, никто из детей больше не пострадал[2].

Сохранилась переписка матери одной из неопознанных девочек, убитых во время обстрела, Груниной Ольги Филимоновны с 1-м секретарем ГК ВКП(б) А. А. Ждановым и зам. председателя Ленгорисполкома Е. Т. Федоровой. Мать писала, что дети, в связи с военной обстановкой, реэвакуировались со ст. Валдай, куда они были вывезены в начале войны. 22 августа 1941 г. отчаявшаяся мать писала секретарю ГК ВКП(б): «(...) я хожу и в РОНО Кировского района, и в райсовет, и нигде никто не может мне сказать, что стало с моей дочерью, и где она. Я так ничего и не знаю. Прошу Вас заставить всех, кого нужно, найти мою дочь, потому что она для меня дороже всего на свете (...)». На запрос из горкома ВКП(б) Е. Т. Федорова отвечала:

---

1 Документ 28. Справка об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области // Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сборник документов / Отв. ред. *А. Р. Дзенискевич*. Отв. сост. *Н. Ю. Черепенина.* – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 40.

2 Там же.

«На ваше отношение от 26/VIII -с.г. за № 100/2 сообщаю, что точных данных о дочери гр-ки Груниной О. Ф. Исполком не имеет. В Кировской области, где в настоящее время находятся дети, раненные на ст. Лычково, ее нет, не было Беляевой и среди раненых. Все дети, раненные на ст. Лычково, из Демьянской больницы перевезены в Ленинград. Предполагаю, что девочка погибла во время бомбардировки на ст. Лычково (...) Зам. Председателя Ленгорсовета Федорова»[1].

Память о трагедии в Лычково, будучи связана с психическим шоком, полученным в результате вероломного нападения на место скопления детей и раненых, значительного числа жертв, включена в культурно-символическое пространство памяти о блокаде[2].

Сохранились и свидетельства организаторов эвакуации ленинградских детей летом 1941 г. Согласно воспоминаниям Ады Евгеньевны Милеант, работавшей ст. инспектором по дошкольному воспитанию Приморского района г. Ленинграда в 1941 г., записанным в 1974 г. студентками педагогического училища: «(...) поезда с детьми попадали под жестокую бомбежку фашистского зверья, горели целые составы поездов, гибли взрослые, сопровождавшие детей. При первой эвакуации Приморского района погибли заведующие детскими интернатами Мария Васильевна Опарина и ее дочь, Рыжкова Наталья Михайловна, Хомякова Елена Владимировна. Заведующая интернатом Полина Захаровна Бляхер сумела вынести из горящего вагона всех детей, но не вынесла только свою трехлетнюю внучку, которую считала вправе спасать лишь в самую последнюю очередь…». Ада Евгеньевна взяла на воспитание осиротевших детей Н. М. Рыжковой[3].

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 21 (Переписка по эвакуации). Л. 234, 236, 236 об. В письме сообщались подробности: 13-летняя ученица 6 класса 13 школы Кировского района Ленинграда Маргарита Беляева, вместе с тремя одноклассницами, дежурила на детских вещах, оставленных на перроне. Другие дети находились в здании станционного вокзала в ожидании поезда, который должен был отвезти их на ст. Котельнич. Примерно в 19-00 станция Лычково подверглась бомбардировке немецкими самолетами. В начале бомбардировки дежурные девочки побежали, но скоро упали раненые. Три из них погибли, одна (Синицына) осталась жива.

2 Примеры увековечения этой памяти в кинофильме, мемориале, краеведческих музеях, воспоминаниях см.: *Асташкин Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область // Побратимы..., 2019. – С. 133–138 ; Дети, пережившие ад / сост. *Н. Я. Аверкина, Т. В. Андреева, Л. В. Никитина.* В. Новгород, 2012. [воспоминания переживших трагедию в Лычково].

3 НМПК (Народный музей педагогического колледжа). Ф. БВ (Блокадные воспитатели). Д. 24 (Милеант). 7 л.; Эта память - наша совесть… / сост. *Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева*; РГИ СПбГУ, ГММОБЛ. СПб., 2007. С. 343. Запись датирована по поступлению основной части документов А. Е. Милеант в собрание Народного музея

Составы с детьми сопровождали сотрудники войск НКВД, которые инструктировали о мерах безопасности. Так, Мария Михайловна Шарый вспоминала о реэвакуации детей в Ленинград в августе 1941 г.: «(...) Нам было сказано, как только тревога, так нам всем вылезать и бежать в лес. До нас шел один эшелон, он остановился, все вышли в лес, а немцы этот лесок весь обстреляли. И вот, недалеко от Окуловки, поезд остановился. Был налет. Машинист увел паровоз, а вагоны наши все закрыли, свет потушили, и мы стояли, как пустой эшелон. Самолеты спикировали у леса, простреляли весь лес, вагоны не тронули»[1].

Помимо бомбардировок и обстрелов пассажирских поездов, мест скопления гражданского населения (особенно детей) при эвакуации, осуществлялись и обстрелы с воздуха автобусов и автомашин с эвакуируемыми людьми, особенно с детьми. Так, в Справке об эвакуации ленинградских детей отмечалось, что при перевозе автобусами детей из Молвотицкого района в г. Валдай были случаи обстрелов и бомбардировок с воздуха. Например, *25 июля* 1941 г. был обстрелян немецким самолетом автобус с детьми. Дети спрятались в лесу. Самолет сделал несколько кругов над автобусом изрешетил его из пулемета, бросил в автобус несколько бомб, разбив его. Среди укрытых детей жертв не было[2].

Таким образом, сохранились многочисленные документы, подтверждающие обстрелы пассажирских поездов, автобусов с эвакуированным населением, в том числе, когда летчики точно знали, что в данном месте имеется скопление мирного гражданского населения, в том числе детей.

Характерно, что в те самые дни, когда осуществлялись налеты на транспорты с эвакуируемыми людьми, в том числе с женщинами и детьми, болгарский посланник в Москве г. Стаменов передал, по поручению германского правительства, нотами от 11 и 12 июля 1941 г. ходатайство о применении режима,

---

педколледжа № 5 (НМПК) около 1974 г.

1 «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись воспоминаний директора детского дома № 51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. *Публ. Л. Л. Газиевой* // Отечественные архивы. – 2013. – № 5. С. 87–113 ; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 5. Записано в 1943 г.

2 Документ 28. Справка об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области // Из районов области сообщают..., 2007. С. 40.

предусмотренного Гаагской Конвенцией от 18 октября 1907 г., к военным госпитальным германским судам в Балтийском море и в Северном Ледовитом океане. Данные ноты были отклонены Советским правительством 13 июля 1941 г., при этом нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил о систематическом вероломном нарушении германским правительством международных договоров, в том числе об имевших место обстрелах советских госпиталей, по поводу чего Советское правительство уже выражало протест[1].

Обстрелы гражданского населения на Дороге жизни. Анализ использования Ладожского озера в качестве транспортной коммуникации для эвакуации населения с конца августа 1941 г. представлен обширной историографией. Ценность представляет публикация документов, подготовленных специалистами тыла Ленинградского фронта, из коллекции Архива НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ, которая позволяет дополнить ранние исторические исследования, многие из которых опирались на данные документы в период их секретности[2].

Одним из наиболее компетентных исследователей этого вопроса проф. В. М. Ковальчуком отмечалось, что эвакуация населения по Ладоге уже в сентябре 1941 г. сопровождалась воздушными бомбежками. Для охраны перевозок принимались меры[3]. Однако, несмотря на это, имелись значительные жертвы от налетов вражеской авиации. Так, 4 ноября 1941 г. были атакованы сторожевые корабли «Пурга» и «Конструктор», вывозившие из Осиновца в Новую Ладогу эвакуируемых из Ленинграда женщин и детей. В результате атаки бомбардировщиков «Конструктор» был поврежден: отвалилась носовая часть корабля. Подошедшие корабли: канонерская лодка «Нора», спасательный корабль «Сталинец» и

---

1 Отклонение Советским правительством ходатайства Германского правительства, сообщенного Болгарским посланником г-ном Стаменовым, о применении режима, предусмотренного Гаагской конвенцией 18 октября 1907 г. к якобы госпитальным германским судам в Балтийском море и Северном Ледовитом океане // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. – М.: ОГИЗ. – Гос. изд-во полит. лит-ры, 1944. С. 117.

2 Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. / сост. *Ф. Н. Лагунов, П. И. Новоселов, А. И. Веревитин, А. С. Колобанов* [Текст документа подготовлен 30.01.1944 – 31.12. 1944] // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2018. – С. 118–285; О деятельности Управления тыла Ленинградского фронта» [по обеспечению эвакоперевозок из Ленинграда и Ленинградской области, подготовлен 8 мая 1945 г.] / сост. *П. И. Новоселов, А. С. Колобанов* // Указ. соч. С. 286–323.

3 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества...., 2001. – С. 74–75.

буксирный пароход «Орел» оказали помощь, но из числа эвакуируемого населения и команды корабля погибло ок. 200 чел.[1]

С 20 ноября (официально с 22 ноября) 1941 г. начала действовать Военно-автомобильная дорога (ВАД), ледовая «Дорога жизни». А уже 26 ноября 1941 г. немецкими самолетами было уничтожено около 10 машин и других транспортных средств, идущих по льду Ладожского озера[2]. Хотя система охраны и обороны трассы была установлена к 5 декабря 1941 г., воздушные атаки продолжали представлять угрозу для функционирования трассы, а также жизни и безопасности гражданского населения. В то же время ущерб, наносимый противником, был ограничен, благодаря серьезным усилиям по обороне трассы: с 1 января 1942 г. система Противовоздушной обороны (ПВО) и воздушного прикрытия баз, железнодорожных мостов, станций и трассы была разделена на два района, каждый из которых подчинялся начальнику района: Ладожский район (Коккарево, Жихарево, Войбокало, Кобона, б. Морье) и Свирский район (Войбокало искл., Гостинополье, Тихвин, Паголда, Сясьстрой, Леднево, Кобона). Авиационное прикрытие осуществлялось силами ВВС ЛФ и ВВС КБФ. Всего за период декабрь 1941 г. – апрель 1942 г. количество учтенных самолето-пролетов противника над пунктами коммуникации Ладожской трассы составило: 1039 как днем, так и ночью[3].

За период зимы 1941–1942 гг. советскими летчиками над ледовой трассой, в районах Осиновец, Кобона, Жихарево, было сбито 14 и подбито не менее 3

---

1 Там же. С. 80.

2 *Мосунов В. А.* Удары авиации противника по «Дороге жизни» и планирование операций по ее уничтожению в ноябре 1941 – январе 1942 г. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С. 114. Эти данные уточняют приведенную в книге В. М. Ковальчука дату 4 декабря первых авиаударов по Дороге жизни (*Ковальчук В. М.* Магистрали мужества ..., 2001. С. 187–188).

3 Чаще всего над трассой появлялись: истребители МЕ-109 (Мессершмитт), которые вели активную разведку и пулеметный обстрел [обычно производится по людям – Л.Г.]. Из бомбардировщиков чаще появлялся многоцелевой бомбардировщик Ю-88. Также отмечались истребитель Хейнкель (ХЕ-113 [правильно НЕ-100]), Хеншель Hs-126 (ХЕ-126), Ю-87, пикирующий бомбардировщик и штурмовик [Юнкерс, для которого также были характерны действия по массе людей – Л.Г.], ФВ-198 [Правильнее Фокке-Вульф-189, корректировщик артогня, ночной разведчик и легкий штурмовик]. (Военно-автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. / сост. *Ф. Н. Лагунов, П. И. Новоселов, А. И. Веревитин, А. С. Колобанов* [Текст документа подготовлен 30.01.1944 – 31.12.1944] // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни..., 2018. С. 213–216, 282).

самолетов противника[1].

Так как самолеты противника несли ощутимые потери, они осуществляли бомбометание с высоты 3–4 тыс. метров, поперек или под углом трассы ледовой дороги. Истребители, обычно Ме-109, вели разведку трассы и, одновременно, обстрел пушечно-пулеметным огнем. Крупные автоколонны подвергались бомбардировке, как правило Ю-88, под прикрытием истребителей. Систематически осуществлялись налеты на основные базы и склады в Коккорево, Осиновце, на о-вах Зеленцы, в Кобоне, Лаврово, Войбокало, Жихарево[2]. С 21 декабря 1941 г. немецкая бомбардировочная авиация, совместно с группой истребителей 54-й эскадры, наносили удары по участку железной дороги Тихвин – Волхов и далее, на восток. Одновременно продолжались бомбардировки ледового участка дороги. Так, только 24 декабря авиацией противника было уничтожено до 50 машин. 28 и 29 декабря еще 13 автомашин, было убито и ранено до 200 человек[3].

Всего с 20 ноября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. советскими истребителями были произведены 6485 самолето-вылетов для патрулирования над ВАД, 143 воздушных боя[4].

В то же время для авиации противника удары по «Дороге жизни» являлись «запасной» целью. С 5 января 1942 г. фон Леебом был отдан приказ сосредоточить усилия авиации на поддержке войск. Тем не менее в январе было произведено 45 боевых вылетов для ударов по участку железной дороги Волховстрой – Тихвин и 7 боевых вылетов против ледового участка дороги[5]. Противник производил и артиллерийские обстрелы ледовых трасс, а также советских артиллерийских батарей, силами нескольких батарей артиллерии XXVIII армейского корпуса. Однако принести серьезный ущерб не мог, так как использовалась контрбатарейная борьба, а движение в часы артобстрела переводилось на запасные нитки ВАД[6].

---

1 Там же. С. 220.
2 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества ..., 2001. С. 187–188.
3 *Мосунов В. А.* Удары авиации противника по «Дороге жизни». С. 114.
4 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества ..., 2001. С. 190.
5 *Мосунов В. А.* Указ. соч. С. 117.
6 *Ковальчук В. М.* Указ. соч. ; *Мосунов В. А.* Указ. соч. С. 118. В. А. Мосунов дает характеристику планам нанести

В начале весенней навигации 1942 г. была установлена специализация построенных пристаней: эвакуация больных, раненых и населения осуществлялась через Осиновец, прием эвакуированного населения и раненых осуществлялся в Новой Ладоге и Кобоне. Кобона-Кареджский порт, кроме того, отправлял продовольствие и сантехническое имущество[1]. Навигация была открыта 21 мая 1942 г., когда начались регулярные перевозки между Осиновцом и Кобоной, но из Новой Ладоги в Осиновец первый караван судов смог выйти только 28 мая, так как в Волховской губе лед держался дольше[2]. С 25 мая началась ежесуточная отправка эвакуируемого ленинградского гражданского населения[3].

Одновременно ввозились люди и в Ленинград. В основном это были воинские перевозки. Всего с мая по октябрь 1942 г. было перевезено на западный берег ок. 239 тыс. чел.[4]

Уже 26 мая 1942 г. командующий 1-м воздушным флотом немецко-фашистской армии генерал-полковник Келлер получил директиву сорвать эвакуацию Ленинграда. В содержании директивы видно, что улучшение продовольственного снабжения ленинградского населения приравнивалось германским командованием к улучшению обороноспособности[5].

Несмотря на использование Осиновецкой пристани в основном для вывоза гражданского населения и приема продовольствия, вечером 28 мая 102 самолета бомбардировали Осиновец и ст. Ладожское озеро. А 29 мая вечером был осуществлен повторный налет 53 самолетами.

Кобона-Кареджский порт был бомбардирован утром 28 мая 104 самолетами, вторично он подвергся бомбардировке 29 мая 150 самолетами. 28 мая к началу

удар по коммуникациям в январе – феврале 1942 г. совместными действиями разных родов войск вермахта, которые были сорваны начавшимся наступлением Советских войск.

1 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н.Л. Волковского. – М.: Аст; СПб: Полигон, 2004. С. 690– 693.

2 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества ..., 2001. С. 240–241.

3 Там же. С. 248.

4 Там же. С. 251.

5 «Сорвать эвакуацию Ленинграда всеми средствами, и особенно воздушными налетами на Ладожский район судоходства, чтобы не дать противнику усилиться посредством перевоза войск или работ по вооружению или достичь улучшения продовольственного положения и тем самым обороноспособности Ленинграда». Цит. по История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. – М., 1961. С. 473.

налета только что прибыла большая группа эвакуировавшихся ленинградцев. Немцы сбросили на порт около 300 фугасных бомб. О потерях имеются противоречивые сведения. По данным, которые приводит проф. В. М. Ковальчук: несмотря на то, что было сбито 76 самолетов, врагу удалось разбить 7 вагонов с продовольствием, разбросать 2 штабеля с мукой, имелись другие материальные потери[1].

Свидетелем одной из бомбежек в Кобоне в августе 1942 г. стал другой крупный исследователь блокады проф. Г. Л. Соболев, который уделил внимание этому факту в своей монографии, дополняя своими собственными впечатлениями свидетельства очевидцев: «наше ветхое суденышко вышло тогда из Осиновецкого порта одним из последних, и это нас спасло, так как из-за поломки двигателя судно вынуждено было вернуться в порт. Но когда мы снова отправились в путь, вокруг плавали многочисленные жертвы с потопленных судов и их багаж». Эти воспоминания дополняют приведенные автором свидетельства других очевидцев[2].

Всего за период навигации 1942 года авиация противника совершила 120 дневных и 15 ночных налетов на советские порты, базы, а также на корабли и суда на переходах. Согласно официальным данным, нанести значительного материального ущерба, благодаря активным действиям наших сил ПВО, врагу не удалось. От действий авиации и зенитной артиллерии за май – октябрь 1942 г. противник потерял 160 самолетов. Проф. В. М. Ковальчук приводит число общих людских жертв от налетов врага: 200 чел. погибших и 248 раненых[3].

Помимо авиации, для прекращения деятельности Ладожской коммуникации в распоряжении Келлера имелся флот в составе: 6 немецких катеров-тральщиков КМ и 4 итальянских торпедных катера MAS, а также десантных бронированных

---

1 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества ..., 2001. С. 258. По другим оценкам были также уничтожены 8 вагонов с боеприпасами, разрушены 2 пирса, склады и линии связи, а сбито всего два самолета противника, по воспоминаниям очевидцев погибли люди. (*Дегтев Д. М., Зубов Д. В.* Воздушная битва за город на Неве. – СПб.: Центрполиграф, 2014. С. 174–175). К этим данным следует относиться с осторожностью из-за многочисленных неточностей в книгах авторов.

2 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая..., 2015. С. 162–163.

3 *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества..., 2001. С. 259. Автор указывает и на другие данные историографии о потерях немецкой авиации: до 239 самолетов.

судов-барж «зибель-паромы», представлявших из себя спаренные мотопонтоны, и 8–9 десантных катеров. Из десантных судов, общей численностью около 30, была сформирована десантная флотилия. Имелись финские суда: 60 катеров связи, 1 канонерская лодка и 1 торпедный катер. 28 августа 1942 г. два итальянских торпедных катера попытались безрезультатно атаковать советский конвой, переходивший из Новой Ладоги в Морье, с военными грузами. 27 сентября 1942 г. в южной части Ладожского озера противником были установлены 12 магнитных и акустических мин севернее маяка Сухо. В ночь на 22 октября была осуществлена попытка высадить десант на о. Сухо, однако она завершилась полным поражением. В результате противник отказался от попыток военно-морскими силами разрушить Ладожскую коммуникацию[1].

Следует отметить крайнюю скупость в советской историографии сведений о потерях гражданского населения во время эвакуации по Ладоге, в том числе недостаточно сведений о пулеметных расстрелах штурмовыми самолетами эвакуируемого населения[2], хотя сами факты неизбирательных бомбардировок и штурмовых атак на пристани в Осиновце и Кобоне свидетельствуют о характере действий гитлеровской авиации. Имеются свидетельства о многочисленных обстрелах пикирующей авиацией эвакуируемого населения на причалах во время посадки на транспортные суда.

В опубликованном «Отчете о работе по эвакуации населения г. Ленинграда 1941 – 1942 гг. [по 15 апреля 1942 г.]» приводится свидетельство о жертвах во время авианалета 22–23 февраля 1942 г. на эвакопункт в Жихарево, во время которого были убиты 2 работника эвакопункта и 4 чел. эвакуируемых. Ранено 6 работников эвакопункта и 60 чел. эвакуируемых[3].

О факте ежедневных пулеметных обстрелов очереди на причалах

---

1 Там же. С. 260–271.

2 Скупость информации, возможно, связана с секретностью данных о потерях гражданского населения в период войны, что наложило отпечаток на круг исследуемых тем в советское время (см. например: ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 81. Л. 1).

3 Ленинград в осаде..., 1995. С. 303; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 191.

сохранилось свидетельство Сергея Яковлевича Прикота, служившего комендантом Осиновецкого порта и лично отвечавшего за погрузку эвакуируемого населения весной – летом 1942 г.: на причале имелись клети, которые использовались как бомбоубежища для грузчиков, в них же пряталось эвакуируемое население, следовавшее на посадку во время бомбежек. «Почти на каждой посадке гибли люди. Начинали посадку при тучах. Но она длилась 1–2 часа. Ветер разгонял тучи. Начинали атаку штурмовые самолеты, стрелявшие по людям. Почти каждый рейс подвергался атакам»[1].

Таким образом, имеющиеся установленные данные позволяют указать на целенаправленное препятствование со стороны немецкой авиации вывозу гражданского населения из Ленинграда и ввозу продовольствия, а также на факт массированных бомбежек портов Осиновец и Кобона, через которые осуществлялись данные перевозки.

5.1.5. Истребление и насильственное переселение гражданских пленных на оккупированной территории Ленинграда и пригородов

Оккупация территории окраин Ленинграда, Ленинградских пригородов и близлежащих районов Ленинградской области сопровождалась опустошением: насильственным переселением и истреблением мирного населения.

В городе Пушкине, районе Ленинграда, который был оккупирован гитлеровскими войсками 18 сентября 1941 г., населения практически не осталось: погибло 18 368 чел., из них 6267 чел. было расстреляно, 1105 чел. было повешено, 1214 чел. умерли от истязаний. Кроме того, 17 968 чел. было угнано в рабство (по актам 17 874 и по спискам 94). В Петродворце, также районе Ленинграда, погибло 4265 чел., в рабство было угнано 30 829 чел. (по актам 18 517 и по спискам 12 266). Гражданского населения не осталось[2].

---

1 Судьба моряка. Воспоминания Прикота Сергея Яковлевича, капитана 1-го ранга, начальника штаба «Дороги жизни» в 1942–1943 гг. // Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева; редкол. В. В. Шапкин и др. – СПб.: Изд-во ИПК СПО; Изд. Газиева Л., 2004. С. 46–55. Записан документальный фильм киносъемочной группой Центрального музея Октябрьской железной дороги (оператор И. И. Коршунов).

2 Документ № 227. Сведения Городской Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-

В информационной записке заведующего оргинструкторского отдела Ленинградского обкома ВКП(б) от 9 марта 1944 г. сообщалось, что на территории Павловска, где проживало до войны 30 800 чел., после оккупации населения не осталось вовсе. В Павловском районе, из проживавших до войны 135 100 чел., осталось 2 989 чел., в основном женщин и детей. В Гатчине (быв. Красногвардейск), где проживало 38 200 чел., осталось 3562 чел., в Гатчинском районе из 97 400 чел. сохранилось 13 627 чел. В Тосненском районе из проживавших 100 000 чел. осталось 111 чел., из которых 85 – женщины и дети. Всего на территории Ленинградской области, где проживало до войны 1 466 388 чел., осталось 261 594 чел., из которых менее 10% мужчин[1]. Отступая, немцы насильственно угоняли большинство населения в Германию. В Батецком районе население Косицкого сельсовета, скрывавшееся почти два месяца в лесу, ловили с собаками. Схватив 37 чел., в основном женщин, детей и стариков, их загнали в сарай и подожгли[2].

Согласно докладной записке от 25 января 1944 г. Алексию, митрополиту Ленинградскому – Псковско – Гдовскому, от исполняющего должность псаломщика Николо-Конецкого прихода Гдовского уезда Сергея Дмитриевича Плескача, немцы, заняв Стрельну, заставили мирное население покинуть свое место проживания. В сентябре 1943 года немцы, собрав старост, старшин окрестных деревень в Гдовском районе, объявили, что все население должно со скотом, хлебом и скрабом двинуться в тыловые районы. Эстонское население уехало, но русское осталось. Немцы начали сжигать деревни. Крестьяне пытались с молитвами и иконами обходить свои деревни, чтобы их минула беда – но бесполезно. Дома сжигали вместе с пчелами, хлебом, овощами, убранными на зиму. Из 460 деревень сгорело 320. Деревенская

фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения // Ленинград в осаде..., 1995. С. 573–574.

1 Документ № 182. Информационная записка заведующего оргинструкторского отдела обкома ВКП(б) о работе партийных и советских органов в освобожденных от немецких оккупантов районах // Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сборник документов / Отв. ред. *А. Р. Дзенискевич*. Отв. сост. *Н. Ю. Черепенина.* – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 441–442.

2 Там же. С. 443.

молодежь убежала в лес к партизанам. В течение двух дней и ночей они взрывали в отместку расположение немцев в Гдове, пока те не отступили в Нарву[1].

Таким образом, согласно многочисленным сохранившимся документам и свидетельствам, со стороны агрессора имели место многочисленные и разнообразные преступления против гражданского населения Ленинграда, а также оккупированных пригородов (Пушкина, Петродворца) и других районов Ленинградской области, направленные на его полное уничтожение. Данные действия были провозглашены целью военных действий рядом широко известных директив германского командования и политического руководства.

Эти данные подтверждают представленные на Нюрнбергском процессе документы, на основе которых были предъявлены гитлеровским преступникам обвинения в терроре мирного населения Ленинграда.

§ 2. Заболеваемость и смертность гражданского населения в результате блокады Ленинграда

5.2.1. Выживаемость и смертность гражданского населения в результате блокады Ленинграда и ее причины

Проблема заболеваемости и смертности ленинградского населения в блокированном Ленинграде оказалась одним из наиболее острых вопросов и драматических аспектов идеологической борьбы, развернувшейся вокруг истории II Мировой войны уже в 1945 г. и продолжающейся до сих пор. Решение этой проблемы остается краеугольным камнем как блокадной историографии, так и политической борьбы.

Первые сомнения в эффективности мер, принимаемых для спасения населения Ленинграда, были выражены уже в монографии А. В. Карасева[2]. В 1960

1 ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 3, 4, 5, 5об.

2 *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады / Отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – М.: АН СССР, 1959. С. 92–93.

г. в монографии Ф. И. Сироты, выступившего с защитой ленинградской партийной организации как организатора обороны Ленинграда, на основе официальных документов указывалось, что за период войны из Ленинграда было эвакуировано 1 743 129 чел., в том числе 294 791 беженцев из Ленинградской области и Прибалтийских республик. Это, казалось бы, не оставляло места для сомнений в точности статистических данных по смертности населения[1]. Однако уже в 1965 в статье научных сотрудников Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР Г. Л. Соболева и В. М. Ковальчука количество жертв ленинградского населения было подвергнуто критике[2]. Согласно Отчету городского управления коммунального обслуживания с июня 1941 по июнь 1942 г., уже на 1 июля 1942 г. было захоронено, в том числе в траншеях, и кремировано около 1 093 695 чел. ленинградцев[3]. Эти цифры требовали проверки блокадной статистики, но усиленный интерес американских и британских идеологических служб привел к тому, что эти исследования на многие годы были свернуты и находились под запретом, как и большинство документов, хранившихся в ленинградских архивах[4]. Парадоксально закрытые для отечественных историков статистические документы были доступны для западных исследователей, которые уже в начале 1990-х гг. владели достаточно достоверной информацией о движении потоков ленинградского населения в 1941 г.[5]

В результате именно западные исследователи (Кингс колледж, Кембридж) стали инициаторами возобновления интереса к данной проблеме на

---

1 *Сирота Ф. И.* Ленинград – город-герой. – Л.: Лениздат, 1960. С. 118–119.

2 *Ковальчук В. М., Соболев Г. Л.* Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. – 1965. – № 12. С. 191–197. В дальнейшем оба автора неоднократно возвращались к данному вопросу. В том числе, исследуя организацию эвакуации ленинградского населения (*Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. – СПб.: Вести, 2001 ; *Его же.* Трагические цифры блокады (К вопросу об установлении числа жертв блокированного Ленинграда) // Россия в XIX – XX вв. Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. – СПб: Санкт-Петербургский филиал института Российской истории РАН. – 1998. С. 365).

3 Ленинград в осаде…, 1995. С. 319–343.

4 Обе работы, опубликованные в журнале АН СССР «Вопросы истории», были замечены на Западе и не вполне добросовестно использованы в книге Г. Солсбери, вышедшей в 1969 г., который интерпретировал полемику в советской литературе как умышленное сокрытие партийным руководством данных о смертности гражданского населения (*Солсбери, Г.* 900 дней: блокада Ленинграда ..., 2000. С. 525, 526). Подробнее о полемике см. выше.

5 С засекреченными и малоизвестными отечественным исследователям до сих пор данными по ленинградскому населению за январь 1941 г. был знаком Р. Бидлэк, согласно описи просмотра дел (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в).

Международной конференции, состоявшейся в апреле 2001 года на средства фонда «Веллком Траст»: «Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект»[1]. В двух из представленных докладов, Надежды Юрьевны Черепениной и Михаила Ивановича Фролова, были предложены оригинальные методики анализа демографического движения ленинградцев в условиях блокады.

В своем исследовании Н. Ю. Черепенина указала, что по состоянию на 1 января 1944 в Ленинграде проживало 546 тысяч человек (ок. 17% от довоенного населения). Среди ленинградцев в 1941 и вплоть до лета 1942 значительную часть составляли иждивенцы (31–32%) и дети до 12 лет (20%). Количество иждивенцев начало снижаться с июля 1942 г., но количество детей, несмотря на массовую эвакуацию, оставалось высоким. В объяснительной записке к отчету о естественном движении населения за 1945 год Статистическое управление Ленинграда отмечало, что городской Загс продолжал регистрировать умерших в годы блокады по исполнительном листам. Регистрация продолжалась и в течение долгого периода после войны: в 1949 г. было 1432 акта об умерших во время войны, а в 1959 г. – 61 акт[2]. Важное значение для исследователей имеет тот факт, что регистрация смерти заключенных в учреждениях пенитенциарной системы[3] временно была прекращена с IV квартала 1941 г. до августа 1943 г., в соответствии с приказом НКВД от 11 июня 1939 г., и осуществлялась не по месту пребывания, а в загсах того города, где он проживал до ареста. Такая практика исказила результаты смертности в Ленинграде за август–декабрь 1943 г. (22% зарегистрированных смертей пришлось на долю заключенных вне Ленинграда)[4].

В результате исследования было установлено, что внесение дистрофии в номенклатуру причин смерти произошло в июле 1942 г. Отдел демографии ЦСУ Госплана СССР 16 мая 1942 г. сообщил Наркомату здравоохранения СССР, что

---

1 Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции. – СПб.: Изд-во «Петрополис», 2001.

2 *Черепенина Н. Ю.* Демографическая катастрофа блокированного Ленинграда // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект..., 2001. С. 7–16.

3 Пенитенциарная система – система содержания в заключении.

4 *Черепенина Н. Ю.* Указ. соч. С. 13.

сведения о смерти от истощения статистики помещают в раздел «прочие причины смерти» (шифр 83), но уже 20 июля 1942 г. ЦСУ в качестве причин смерти присвоил травмам военного времени среди гражданского населения – шифр 40-А; авитаминозам и дистрофиям – шифр 83-А. Однако в Ленинграде в 1942 г. продолжали отмечать «прочие причины»: 52,2%. Среди причин смертности были также отмечены 587 убийств и 318 самоубийств. На 1-е июля 1945 г. 70,3 % городского населения составляли женщины. Вывод, сделанный исследовательницей: смертность населения в блокированном Ленинграде в сравнении с тыловыми районами СССР – несопоставима. Так, в январе 1942 г. в Ленинграде умерло 127 тыс. чел., а во всех тыловых районах вместе взятых: ок. 190 тыс. человек[1].

М. И. Фролов предложил историко-социологическую методику определения жертв блокированного города: по удельному весу выбывших в сохранившихся домовых книгах. Домовые книги велись после введения паспортной системы в 1932 г. в жилищных конторах и представляли собой журнал учета прибывших и выбывших жильцов, в том числе лиц, приезжавших на постоянную и временную работу. Дети прописывались по паспортам родителей. В первом разделе книги велся поквартирный учет, во второй вносились сведения о лицах старше 16 лет, в том числе причина снятия с учета: смерть, эвакуация, призыв в РККА к новому месту жительства и др. Данные домовых книг являются неполными, так как с осени 1941 по январь 1942 г. книги отсутствовали. Они были изъяты органами НКВД и возвращены не полностью: из 17 931 только 17 079[2]. В связи с этим автором был использован метод экстраполяции, принятый в социологии. Для выборки был взят Василеостровский район как «среднестатистический», менее подвергавшийся обстрелам и бомбежкам. Из домовых книг этого района пропало всего 14. В двух контрольных группах этого района был получен схожий результат: 38,2 и 41,8%%

1 Там же. С. 15–16.

2 *Фролов М. И.* К вопросу о числе погибших в блокаду (по материалам домовых книг) // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект..., 2001. С. 86–95.

умерших. «Из 2 389 жителей, судьба которых была прослежена по домовым книгам, с сентября 1941 по январь 1944 г. умерли 756 чел. или 31,6 %»[1]. Из этого числа 522 умерших составили мужчины и женщины от 16 до 94 лет. Здесь можно дополнительно подсчитать, что в контрольных группах, отобранных по домовым книгам, около 30,7 % умерших составили дети и подростки до 16 лет. Для сравнения М. И. Фроловым были приведены данные справки городского статистического управления педиатрическому институту о том, что общая смертность в 1942 г. достигла 389,6 на 1000 чел.[2]

Подсчет жертв был сделан с учетом анализа статистики смертности в эвакуации на пути через Вологду, Ярославль, Кострому, проведенного автором с использованием местных архивов (была выявлена смертность еще ок. 20 тысяч чел. при эвакуации). Были учтены и жертвы среди эвакуированного населения из других местностей, размещенного на территории Всеволжского и Парголовского районов внутри блокадного кольца: всего 64 552 чел., из которых зимой 1941–1942 гг. оставалось свыше 55 тысяч, с начала января до 15 апреля 1942 года из них было эвакуировано 8 135 чел. В целом, следует сказать о выдающейся роли исследования, благодаря которому была подтверждена нижняя граница жертв блокады, указанная ранее Г. Л. Соболевым и В. М. Ковальчуком и признанная Г. К. Жуковым: не менее 800 тысяч человек[3].

Результаты своих исследований М. И. Фролов в дальнейшем неоднократно повторял, уточняя, в выходивших монографиях[4]. Так, в совместном труде с М. В. Ежовым, посвященном духовному подвигу ленинградцев, отмечено, что число умерших лиц старше 16 лет в сентябре 1941 – апреле 1942 г. по домовым книгам – 64,9%. Во второй половине 1942 г. по данным домовых книг умерли 31% ленинградцев. В то же время авторы отмечают относительность полученных

---

1 Там же. С. 88.

2 *Фролов М. И.* К вопросу о числе погибших в блокаду (по материалам домовых книг) // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект..., 2001. С. 89.

3 Там же. С. 90–91 ; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 13.

4 *Фролов М. И.* «Салют и реквием»: героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. – СПб.: ЛГОУ, 2003.

данных[1].

Среди историко-демографических исследований проблемы особый интерес представляет диссертация С. Б. Бизева, в которой была проверена обоснованность названного официально числа жертв. Автор доказал, что «Сведения Ленинградской Городской комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения», согласно которым количество ленинградцев, погибших от голода и бомбежек, без учета Пушкина и Петродворца: 649 000[2], содержит неточности и нуждается в коррекции[3]. С. Б. Бизевым была проведена сверка умерших в блокадном Ленинграде по районным именным спискам погибших, представленным в Городскую Комиссию по установлению и расследованию злодеяний, на основании которых был составлен Акт и названо официальное число жертв. Таким образом, было уточнено общее число таких жертв по районным спискам: 465 568 человек, а общее число погибших **667 365**[4]. Из них **47 550** детей и подростков, включая 1926 год рождения, по 15 районам Ленинграда[5].

В то же время в 1995 г. была опубликована справка УНКВД Ленинградской области по данным отделов ЗАГС, где была указана смертность детей от 0 до 14 лет (включительно) г. Ленинграда 48 588 чел. только за январь – март 1942 г.[6].

Таким образом, нашими предшественниками была установлена недостоверность имеющихся официальных данных о смертности населения в блокированном Ленинграде. Было установлено два факта: что смертность ленинградского населения значительно занижалась по объективным и

---

1 *Ежов М. В., Фролов М. И.* Духовный подвиг защитников Ленинграда. – СПб.: Знание, 2010. С. 76, 78.

2 Ленинград в осаде…, 1995. С. 573.

3 *Бизев С. Б.* Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дисс. …к.и.н. – СПб., 2001.

4 Там же. С. 105.

5 Там же. С. 114.

6 Документ № 140. Справка УНКВД ЛО в ОК и ГК ВКП(б) о смертности населения города в январе – марте 1942 г. // Ленинград в осаде..., 1995. С. 298. В комментариях историков указывалось, что реальное количество зарегистрированных отделами ЗАГС смертей за данный период продолжало уточняться в течение длительного времени. До начала 1944 г. ко всем зарегистрированным актам смерти населения вплоть до пожилого возраста, умерших в январе – марте 1942 г., добавилось 20 343 актов. (Там же. С. 591).

субъективным причинам, а также то, что нижняя граница такой смертности должна составлять не менее 800 тысяч человек, или ок. 30% от имевшегося в городе в начале блокады гражданского населения.

Динамика изменений количества ленинградского населения в 1941–1943 г. может быть отслежена по данным Продовольственной комиссии Ленинградского фронта[1]. Учитывая, что на 1 января 1941 г. в Ленинграде с 4 пригородами проживало: 3 217 062 чел.[2], за полгода количество проживающих, учитывая естественную и механическую динамику контингента населения, уменьшилось на 4 508 чел., и в конце июня население должно было составить 3 212 554 чел. В марте 1943 г. число жителей Ленинграда составляло 650 200 чел. Таким образом, с конца июня 1941 г. по март 1943 г. численность ленинградского населения уменьшилась на 2 566 862 чел.

В диссертационном исследовании, посвященном борьбе за спасение детей в блокированном Ленинграде в 1941–1943 годах, нами была применена методика подсчета погибших детей по простой формуле:

$$D = C_1 - E - C_2, \qquad (2)$$

где D – количество умерших и/или пропавших без вести детей, чел.;

C_1 – *суммарное* количество детей, находившихся в Ленинграде (по 19 районам) в течение 1941–1943 годов, чел.;

E – *суммарное* количество детей, вывезенных в эвакуацию, чел.;

C_2 – количество детей, оставшихся в Ленинграде в конце 1943 года, до начала массовой реэвакуации, чел.

Особенностью данных подсчетов было использование в качестве исходных посылок статистических данных, достоверность которых была установлена

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11 ; Приложение к пятой главе. Документ № 4. Таблица IV.19.

2 Там же. Ф. 24 (Ленинградский Областной Комитет ВКП(б)). Оп. 2в. Д. 5115. (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да. 6. II. 41–13.VII. 41). Л. 21, 27.

скептическим анализом показателей, имеющихся в отчетных документах[1].

Анализ статистики эвакуации, проделанный в указанном исследовании, основываясь на суммировании сведений, указанных в ежедневных сводках по эвакуации ГЭК за 1942–1943 гг., и сравнении результата с данными, полученными из других документальных источников, показал, что из числа детей и подростков от 0 до 15 лет, находившихся в Ленинграде в период войны, в эвакуацию было вывезено с детскими учреждениями и с матерями, а также с другими родственниками, без учета взрослых (матерей), до 23 августа 1941 г. не более 191 502 чел., с 27 мая 1942 г. по 17 декабря 1943 г. не более 163 045 чел. Учитывая детей и подростков, выехавших с 1 января по 15 апреля 1942 г. с детдомами и ремесленными училищами, установленное число эвакуированных детей и подростков составило не более 377 787 человек[2].

Из них детей ясельного и дошкольного возраста: 148 410 человек, но не более 232 161 чел., учитывая все количество детей, эвакуированных с матерями в 1941–1942 гг.[3]

Особенность данного исследования заключается в том, что за период с 27 мая 1942 г. по 17 декабря 1943 г. данные по количеству эвакуированных детей были взяты на основе скрупулезного подсчета по ежедневным сводкам, подаваемым ГЭК, включая показатели по стратам: дети, эвакуированные с семьями служащих, и дети, эвакуированные с семьями инвалидов. Количество детей, эвакуированных в 1941 г. с детскими учреждениями, взято на основе анализа финансовых отчетов Ленгороно за 1941 г., всего 100 450 чел.[4]

Новые выявленные документы подтверждают эти показатели. Так, согласно данным Горфо в эвакуацию до 18 августа 1941 года смогли выехать с детскими

---

1 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011. С. 255–263.

2 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. С. 122—151.

3 Там же. С. 176–178; *Ее же.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. – СПб.: Нестор-История, 2014. С. 219–220.

4 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. С. 107–109, 143—148; *Ее же.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. С. 138–140, 171–175.

учреждениями не более 93 874 чел.[1] Это подтверждает данные, полученные в предыдущем диссертационном исследовании автора, по эвакуации с детскими учреждениями летом 1941 г. не более 94 159 чел. детей, согласно отчету первичной партийной [(ВКП(б)] организации Ленгороно[2]. Незначительные ножницы в показателях могут свидетельствовать о дополнительной эвакуации в конце августа 1941 г. Остальные либо остались на оккупированной территории (около 20 249 детей), либо вернулись в Ленинград.

В то же время на основе документов секретной части Ленгорисполкома удалось установить, что в декабре 1941 – апреле 1942 гг. из ремесленных училищ были вывезены 26 415 учащихся[3]. Таким образом, число подростков, эвакуированных в 1942 г., следует уменьшить, по крайней мере, на 5 795 чел. по ремесленным училищам Трудовых резервов (ТР), в сравнении с официальными данными. Это позволяет уточнить результат, полученный в предыдущем исследовании: 371 992 чел. было эвакуировано детей и подростков до 15 лет из Ленинграда в 1941 – 1943 гг.

Следует также учесть погрешность, которая, как нами установлено выше, присутствовала в отчетных данных ГЭК, достигая от 6 до 15%, в среднем не менее 10%, возникшую из-за включения в показатели плановых контингентов без учета их выбытия накануне эвакуации. Таким образом, количество эвакуированных детей в официальной справке: 414 146 чел. должно быть уточнено: от 372 до 389 тысяч чел. Это, в целом, подтверждает результаты, изложенные в предыдущем исследовании.

Выше нами был установлен факт пребывания детского и подросткового населения в Ленинграде с начала войны до снятия блокады, подлежащего спасению (без учета выбытия в связи со смертностью, эвакуацией и пр. механической

---

1 Диффузные границы данной группы не вносят существенных изменений в их судьбу, так как они являются в любом случае жертвами гражданского населения блокированного Ленинграда.

2 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. С. 131.

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 211, 214. Суммировано мной – Л.Г.

миграцией): **922 365** чел.[1] В данный контингент включены дети от 0 до 15 лет, проживавшие в Ленинграде и пригородах по данным УНХУ на 01.01.1941 г., естественная динамика детского населения за первые полгода 1941 года, механическая динамика за этот же период, дети родившиеся живыми в Ленинграде в период с 22 июня 1941 г. и до конца 1943 г. Последнее число учтено нами, так как эти дети также являлись жителями блокированного Ленинграда и подлежали спасению. Кроме того, учтены иногородние учащиеся ремесленных училищ 14–15 лет, которые УНХУ были включены в состав учащихся средних технических учреждений (12 420 чел.)[2]. Данные ребята подлежали учету как учащиеся подростки до 15 лет.

В полученное число не включены данные о наличии учащихся 16–16,5 лет, в том числе учащихся военных спецшкол Наркомпроса РСФСР, хотя среди них тоже были ребята 14–15 лет. Не включены также данные о детях и подростках Всеволжского и Парголовского районов, также оказавшихся в блокадном кольце, и о тех детях-беженцах, которые не получили регистрации.

Тогда можно внести некоторые поправки в количество детей и подростков (0–15 лет), которые должны были оставаться в Ленинграде до конца 1943 г.: 922 365 – 371 992 = **550 373 (**чел.)[3]. Из них не менее 223 099 (но не более 306 850) детей ясельного и дошкольного возраста.

В то же время в декабре 1943 года на учете Ленгорздравотдела находилось **91 939** человек детей и подростков до 15 лет, из которых: 70 742 организованных и 21 207 неорганизованных[4]. Таким образом, судьба, по крайней мере, 458 434 чел. остается неизвестной. В это число входят дети пригородов Ленинграда, в том числе

---

1 Ранее в диссертации было указано количество 909 362 чел. Нами оговаривалось, что данное число занижено из-за отсутствия анализа на основе документов данных по наличию иногородних учащихся РУ в возрасте 14–15 лет. Этот недостаток исправлен в данном исследовании. (Ср. *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. С. 261).

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 21.

3 Ранее нами было указано число 531 575 с учетом подростков Трудовых резервов и спецшкол, в основном 1925–1927 г.р. (*Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. С. 261).

4 ЦГА СПб. Ф. 9713 (Научно-Методическое Бюро Санитарной Статистики ЛГЗО). Оп. 1. Д. 169. (Статистические сведения о первичной детской заболеваемости в г. Ленинграде за 1943–1946. Л. 134 А).

Пушкина и Петродворца. Погрешность полученного числа составляют подростки, достигшие 16 лет в 1942–1943 годах, то есть 1926–1927 г. рожд., в том числе иногородние учащиеся ремесленных училищ. В предыдущем исследовании мы предложили исключить их из полученного результата. Количество детей этих возрастов можно допустить ок. 124 066 чел. [подсчитано мной, по сводке УНХУ на 01.01.1941 г. – Л. Г.]. Тогда не менее 334 тыс. чел. детей от 0 до 15 лет погибли или пропали без вести в осажденном Ленинграде[1]. Данное число позволяет откорректировать результат, полученный ранее, благодаря вновь выявленным документам[2]. В количество указанных жертв блокады входят дети, жившие до войны в Пушкине и Петергофе.

Это количество можно сравнить с официально имевшимися данными, указанными в документах. Так, в подготовленной Ленгорздравотделом справке об охвате детей общественным питанием на 20 января 1942 года, количество детей от 0 до 15 лет включительно, которые имелись на этот момент в Ленинграде, составляло 575 000 чел.[3] Указанное число предполагает выбытие детей в количестве около 265 тысяч из имевшегося количества детей на 1 января 1941 г. по данным УНХУ (840 885 чел. детей). Учитывая, что официальные данные по эвакуации детей в 1941 г. с детскими учреждениями и с родителями составляли 219 691 чел., данные ЛГЗО предполагали выбытие к январю 1942 года, помимо эвакуации (по причине смертности), не менее 46 194 детей. Далее, если сравнить это число с имевшимися 91 939 чел. детей в декабре 1943 года, то по данным ЛГЗО за период с декабря 1941 по декабрь 1943 года выбыло 483 061 чел. детей (не считая рожденных живыми в Ленинграде и реэвакуированных). Учитывая официальные данные по эвакуации в этот период: 414 146 – 219 691 = 194 455, то 288 606 чел. за 1942 – 1943 гг. пропало без вести. Или всего: 288 606 + 46 194 = **334 800**.

---

1 ГА РФ. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР). Оп. 1. Д. 211. Л. 49, 50, 73 ; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. С. 352.

2 Ранее указывалось 311 921 чел. 1928–1943 г.р., без Пушкина и Петергофа. (*Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. Дисс. … к. и. н. – СПб., 2011. С. 262).

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 18. Л. 100.

Таким образом, сравнивая данные по количеству пропавших без вести детей и подростков от 0 до 15 лет в Ленинграде за период со второй пол. 1941 г. по 1943 г., полученные в результате скрупулезного анализа сводок и справок по эвакуации ГЭК и финансовых документов Ленгороно и Горфо, с данными, полученными из анализа отчетной статистики Ленгорздравотдела, можно убедиться, что они совпадают.

Итак, можно считать, что математическая верификация подтверждает результат исследования, убедительно демонстрируя, что в Ленинграде погибло не менее 334 тысяч детей и подростков за указанный период.

Учитывая результаты исследования С. Б. Бизева о том, что в районных именных списках (по 15 районам) было поименовано не более 45 570 детей и подростков (включая 1926 г.р.)[1], и официальные данные о погибших в Ленинграде с учетом бывших в оккупации Пушкина и Петродворца, которые составили 671 635 чел.[2], мы можем увеличить число погибших ленинградцев до 960 865 чел., получив это число суммированием: 671 635 – 45 570 + 334 800 = **960 865** чел.

Данное число подтверждает правильность расчетов Михаила Ивановича Фролова, анализировавшего домовые книги Василеостровского района. Используя его расчеты, можно получить ок. 30,7% смертность детей до 16 лет от взрослых или 248 000 из 800 000 (нижняя граница) [сосчитано мной – Л. Г.].

В то же время с учетом результатов нашего исследования количество детей, пропавших без вести в Ленинграде, значительно выше, и, следовательно, выше данные по общей смертности. Из числа погибших: 960 865 чел. около **34,8%** было детей до 15 лет[3].

Почему возникла такая разница в показателях по детской смертности: в 7,4

---

1 *Бизев С. Б.* Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дисс. …к.и.н. – СПб., 2001. С. 114.

2 Ленинград в осаде…, 1995. С. 573–574.

3 Данное количество на 23 тыс. отличается от результата диссертации, однако там указывается детская смертность до 14 лет, всего: 311 921 чел. (Ср. *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг. С. 261).

раза? Были объективные причины: трагические условия блокады, вызвавшие массовую смертность детей-беженцев, детей-сирот, которые не всегда могли быть учтены в связи с отсутствием у них устанавливающих личность документов, к тому же большая часть детей-дошкольников не посещала детские учреждения. К субъективным причинам следует отнести нарушения статистического учета в детских учреждениях, что можно объяснить страхом уголовной ответственности заведующих детскими учреждениями за смертность детей, а также потребностью в дополнительных карточках для спасения живых, стремлением получить страховку. Драматизм, сказывавшийся на медицинской и гражданской статистике, отражался в стенограммах и воспоминаниях[1]. Часть смертей была невольно сокрыта статистикой, включавшей в списки эвакуированных детей плановый контингент, часто выбывавший накануне эвакуации по причинам болезни, смерти, иным. Это отражено в имеющейся эвакуационной статистике ЛГЗО по Дзержинскому району, где выбытие детей составляло до 40%[2].

Необходимо указать на условность данных по незарегистрированным смертям. Эта условность не меняет материальную сущность вопроса, изложенного на Нюрнбергском процессе и подтвержденного неоспоримыми документами по наличию зарегистрированной смертности гражданского населения в Ленинграде в результате блокады.

Ленинградское руководство представило все необходимые доказательства гуманитарной катастрофы на основе документов, не вызывающих сомнения своей подлинностью и непротиворечивостью, что сделало возможной судебную процедуру.

5.2.2. Заболеваемость ленинградского населения в условиях блокады

Проблема смертности в блокированном Ленинграде неразрывно связана с проблемой заболеваемости, составляя историко-медицинский аспект парадигмы

---

1 «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись воспоминаний директора детского дома № 51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. / Публ. *Л. Л. Газиевой* // Отечественные архивы. – 2013. – № 5. С. 87–113

2 ЦГА СПб. Ф. 9713. Оп. 4. Д. 41. 29 л.; Д. 42. 25 л.; Д. 43. 10 л.; Д.44. 52 л. Есть электронная версия.

спасения ленинградского населения.

На сущность проблемы обратили внимание В. Б. Симоненко и С. В. Магаева, в связи с тем, что в Акте городской комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев указывались военные жертвы, число которых соответствует поименным данным районных списков ЗАГСа об умерших от голода и бомбежек. В то же время болезни ленинградцев были связаны с психосоматическими расстройствами и прочими сопутствующими последствиями военной обстановки, дистрофия усугубляла общие заболевания. Таким образом, исследователи приходят к выводу, что в количество жертв, необходимо включать и лиц, умерших от острых болезней, или приобретших хронические болезни длительного течения[1].

Учет движения населения, естественного и механического, велся и анализировался несколькими организациями: УНХУ Ленинграда и Ленинградской области, ЗАГСом, Научно-методическим бюро санитарной статистики Ленгорздравотдела (ЛГЗО). Кроме того, отдел торговли Ленгорисполкома учитывал изменения контингента, получавшего и не получавшего продовольственные карточки, что отражалось в отчетах Продовольственной комиссии Ленфронта. Эти материалы взаимно дополняют друг друга и должны использоваться в совокупности при исследовании проблемы. Интерес представляет анализ статистики заболеваемости на предприятиях, проделанный уполномоченным по делам ВЦСПС П. Ф. Казаковым за 1941–1943 гг.

Четыре основных направления исследовательской работы ленинградских медиков в условиях блокады были проанализированы А. Р. Дзенискевичем в 2001 г.: поиски методов спасения людей, социальные аспекты заболеваний, проблемы военной и гражданской инвалидности, санитарное состояние города[2]. В современных научных исследованиях в области здравоохранения продолжает уделяться значительное внимание проблеме выживания в блокадном Ленинграде,

---

1 *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Ленинградская блокада: открытия в биологии и медицине – М.: Экономика и информатика, 2008. С. 71–93.

2 *Дзенискевич А. Р.* Деятельность медиков-исследователей в блокированном Ленинграде // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект..., 2001. С. 16–28.

специфике болезней и реабилитации здоровья у людей, переживших блокаду, и их потомства[1].

Следует учесть влияние на статистику заболеваемости и смертности Постановления СНК СССР от 8 июля 1941 г. № 1840 «О страховой ответственности органов Госстраха», согласно которому, если смерть или травма наступали в результате военных действий (от огневого поражения), страховка не выплачивалась[2].

Заведующий ЛГЗО, доктор медицинских наук В. С. Никитский в аналитической справке «Характеристика основных причин смертности в Ленинграде» в первом квартале 1942 г. писал: «Основной, если не единственной причиной высокой смертности в первом квартале 1942 года является дистрофия (истощение)»: как самостоятельный фактор, наряду с авитаминозами, так и с наслоением прочих болезней на истощенный организм[3]. В справке приводится соотношение различных причин смертности в декабре 1941 г., которые, взяв за 100% всех умерших, составили: от дистрофии – 69,1%, от пневмонии – 3%, от желудочно-кишечных болезней – 2,6%, от туберкулеза – 0,7%, от острых инфекций – 0,9%[4]. В январе – марте 1942 г. смертность от инфекционных заболеваний была 11 960 чел., что на 14 427 чел. меньше смертности по этой причине в те же месяцы 1941 г., т. е. в мирное время[5]. При анализе патологоанатомических вскрытий умерших с диагнозом «дистрофия» в 100% случаев выявились сопутствующие заболевания легких, желудочно-кишечного тракта, прочих органов (данные по детской больнице им. Раухфуса, детской инфекционной Василеостровского района, больницы им. Мечникова)[6].

---

1 *Симоненко В. Б., Магаева С. В.* Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза // Клиническая медицина. – 2014. – № 2. С. 5–14 ; *Эрман М.В., Эрман Л. В., Первунина Т. М.* Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда: взгляд сквозь годы // Вестн. С.–Петерб. ун-та. Сер. 11. – 2014. – Вып. 3. С. 232–242 ; *Хорошинина Л. П.* Особенности соматической патологии у людей старших возрастных групп, переживших в детстве блокаду Ленинграда. Автореф. дисс. на соиск…д.м.н. – СПб., 2002.

2 Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. … С. 262. (Разъяснение наркома Финансов СССР от 19 августа 1941. № 661).

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 45. Л. 236.

4 Там же. Л. 228.

5 Там же. Л. 231.

6 Там же. Л. 232.

В. С. Никитский обращает внимание на то, что у 105 чел., поступивших в декабре 1941 г. с диагнозом «дизентерия» в больницу им. Боткина, диагноз лабораторным исследованием был подтвержден только у 23% (24 больных). В январе 1942 г. из 76 обследованных дизентерийная палочка была обнаружена только у 8 больных (11%). По его мнению, это означало присоединение нарушений желудочно-кишечного тракта к основному заболеванию: дистрофии[1].

Следует заметить, что по данным Городского статистического управления о смертности и ее причинах за второе полугодие 1941 г., в декабре с.г. был зарегистрирован катастрофический рост смертности населения: 52 881. Из них всего 10 738 (20,3%) дифференцировалось по болезням. Первое место по частоте приходилось на воспаление легких: 4 942 (9,3%), далее: 2 086 (3,9%) на острый гастроэнтерит, 1683 (3,1%) приходилось на туберкулез, в том числе органов дыхания, 614 – на токсическую диспепсию. Из острых инфекционных заболеваний: сыпного тифа было зарегистрировано 10 случаев, кори – 467, дизентерии – 359, коклюш – 121. Остальные не дифференцировались по причинам смерти, что предполагало военные травмы и истощение: 42 143 чел.[2] Данные незначительно отличаются от приводимых в справке В. С. Никитского.

Борьба с дистрофией рассматривалась как результат врачебного вмешательства. В то же время количество поступавших в стационары в 1942 – 1943 гг. уменьшалось, а проведенное ими время увеличивалось. За весь 1941 г. 324 525 чел. находились на излечении в стационарах, проведя в среднем 16,6 койко-дней. За 1942 г. стационарное лечение получили 250 648 чел., проведя в среднем 31,8 койко-дней, в 1943 г. такое лечение получили 161 088 чел., проведя в среднем 38,6 койко-дней, в 1944 г. в стационарах лечилось 195 765 чел., проведя в среднем 24,5 койко-дня[3].

---

1 Там же. Л. 236.

2 Документ № 149. Из сведений городского статистического управления о смертности и ее причинах за второе полугодие 1941 г. по 15 районам Ленинграда // Ленинград в осаде..., 1995. С. 314–315.

3 ГА РФ. Ф. Р-8009 (Народный Комитет здравоохранения СССР). Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7, 8 ; Д. 804. Л. 2, 4 ; Д. 962. Л. 2, 5 ; Д. 1115. Л. 2,5 ; Приложение к пятой главе. Документ № 3. Таблица IV.17.

П. Ф. Гладких в своем исследовании приводит сравнительные данные по уровню госпитализации заболевших ленинградцев в 1941–1944 гг. За 1940 г. в среднем этот уровень составлял 11,2%, за 1941 г. он практически сохранился (11,3%), за 1942 г. снизился (9,6%), а в 1943 г. превысил довоенный и составил 15,1%, что можно объяснить высвобождением коек, в связи с массовой эвакуацией населения[1]. В то же время в статистических отчетах НКЗ СССР отмечено сокращение коек в Ленинграде на 2 658 на конец 1943 г. по сравнению с 1942 г. В 1944 г. уровень госпитализации несколько уменьшился, хотя оставался выше довоенного, и составил 13,4% из заболевших, хотя количество коек сократилось еще на 3022, составив на конец года 22 880 коек[2].

Приведенные данные позволяют подсчитать, что общее количество обратившихся за медицинской помощью должно было составить в среднем в 1941 г. – 2 871 902 чел., в 1942 г. – 2 610 916 чел., а в 1943 г. – 1 066 807 чел. [Подсчитано мной – Л.Г.]

Этот результат несколько отличается от данных по количеству лиц, получивших медпомощь в Ленинграде, имевшихся в НКЗ СССР. Следует учесть, что на результат НКЗ СССР повлияло количество посещения больных медперсоналом. Так, за 1941 г. число лиц, получивших медпомощь, указано: 5 162 тыс., в 1942 г.: 2 531 тыс., в 1943 г.: 1 584 тыс. В то же время количество посещений ленинградцев на дому врачами и средним медперсоналом в удельном отношении к населению Ленинграда за весь 1941 год было выше, чем в 1942 г., соответственно 150% к 98%. Но в 1943 г. это отношение начало расти и составило 209%, а в 1944 г. – 452% к численности населения в этот период. Росло и количество лиц, которым была оказана медицинская помощь «Скорой помощью»[3].

В период войны, как и в довоенный, наибольший уровень госпитализации

---

1 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. – СПб., 2006. С. 62.

2 ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 802. Л. 3; Д. 962. Л. 3; Д. 1115. Л. 3.

3 Там же. Д. 633. Л. 6, 7,8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2,5; Д. 1115. Л. 2,5 ; Приложение к пятой главе. Документ № 3. Таблица IV.18. Данные статистических отчетов НКЗ СССР несколько ниже внутригородских (см., например: *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 58).

характерен для больных со злокачественными новообразованиями (от 84,7% в 1940 г. до 100% в 1943 г.). Резко вырос в период войны уровень госпитализации больных с психическими расстройствами: если в 1940 г. он составил 59,1%, то в 1941 г. уже 89,1%, а в 1943 г. 97,4%. После снятия блокады уровень госпитализации этих больных резко снизился и составил за 1944 г.: 34,7%. Необходимо отметить тяжелое протекание язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки в 1943 г., что сопровождалось госпитализацией 80,3% больных. Из заболевших алиментарной дистрофией в 1941 г. госпитализировали 52,5%, в 1942 г. всего – 9,9%, а в 1943 г. – 40,2%. В 1944 г. из заболевших дистрофией госпитализировали только 22,3%, что, в целом, позволяет судить об облегчении степени тяжести болезни[1].

Интерес представляет аналитическое обследование причин заболеваемости и смертности, состава госпитализированного населения и социального положения больных, проводимое Научно-методическим бюро санитарной статистики Ленгорздравотдела (далее Бюро) весь период войны[2].

Несмотря на знакомство некоторых ленинградских ученых с результатами данных исследований, они оказались недостаточно освещены в истории блокадной медицины. Уже 7 октября 1942 г. на совещании в Научно-Исследовательском Бюро Санитарной статистики при ЛГЗО был обсужден вопрос об изучении «связи изменений в состоянии здоровья населения с изменениями в жизни осажденного, крупного города, с динамикой санитарно-демографических показателей», выдвинутый проф. З. Г. Френкелем, имевшим дореволюционный опыт работы, в т.ч. во время Первой Мировой и гражданской войны в России. Несмотря на опасения возможных репрессий, связанных с запретами на изучение демографии в связи с военным временем, была создана статистическая группа, которая приступила к работе. К декабрю 1942 г. были разработаны материалы, характеризующие особенности смертности различных возрастно-половых групп

1 *Гладких П. Ф.* Там же. С. 62.

2 ЦГА СПб. Ф. 9713 (Научно-методическое бюро санитарной статистики ЛГЗО). Оп. 1. Д. 100. 31 л. (Состав больных, госпитализированных в стационарах системы НКЗ в Ленинграде, ноябрь 1942).

населения в январе и мае 1942 г., была проведена работа по медицинской разметке врачебных свидетельств о смерти, в т.ч. принципы разметки по диагнозам врачебных свидетельств о смерти, при определении основной причины смерти, составлен «Обзор» санитарно-демографического состояния и здравоохранения Ленинграда за первый год войны, собран научный материал и проведены совещания, обсуждавшие научно-методические и практические вопросы[1].

Одним из важнейших результатов работы группы стала разработка статистических сведений о составе больных, госпитализированных в стационары системы Наркомата здравоохранения (НКЗ) СССР города Ленинграда, по состоянию на 4 ноября 1942 г., 13-00 час., согласно данным однодневной проверки. Было обследовано 106 стационаров (8 – непосредственно подчинявшихся НКЗ, и 98 – в ведении ЛГЗО), в которых на момент обследования находилось 19 745 больных, в том числе 4062 чел. детей от 0 до 15 лет, 652 чел. от 60 лет и старше. Среди обследованных стационаров: 64 для взрослых и 14 для детей, занятых соматическими больными; 5 инфекционных для взрослых и 5 инфекционных для детей, 7 роддомов и 3 психиатрические больницы[2].

Необходимо отметить, что в аналитический отчет Научно-методического бюро вошли 82% от 115 стационаров, имевшихся в декабре 1942 г. (согласно статотчетов ЛГЗО в НКЗ СССР). Следует предположить, что не были обследованы 6 стационаров из 14, находящихся в ведении НКЗ, учитывая что в ведение НКЗ СССР в 1942 г. были переданы все стационары 10 НИИ и 4 вузов, находящиеся в Ленинграде[3].

Около 73 % всех госпитализированных находилось в стационарах для соматических больных, из них 13% – в детских; ок. 8% – в инфекционных; 5,3% – в психиатрических. Большая часть коек использовалась как терапевтические. Треть

---

1 Записка заведующему Ленгорздравотделом тов. Ф. И. Машанскому на резолюцию от 30/XI – 1942 г. на отношение директора Педиатрического Института проф. Менделевой к зам. Пред. Ленгорсовета // ЦГА СПб. Ф. 9713. Оп. 1. Д. 98. Л. 385–389.

2 Там же. Д. 100. Л. 1а, 22. Подробнее о составе больных по возрасту: Приложение к пятой главе. Документ № 3. Таблица IV.19.

3 Приложение к пятой главе. Документ № 3. Таблица IV.17.

соматических стационаров составляли 23 госпиталя, открытых в помещениях школ, гостиниц и т. п. общественных зданиях, где находился 41% всех госпитализированных больных. Наиболее крупными по количеству госпитализированных были стационары при больнице им. Эрисмана (при 1 ЛМИ): 821 чел., больнице им. Куйбышева: 568 чел., больнице им 25 октября (ныне Мариинская): 502 чел. Больные старше 60 лет (всего 1652 чел.) составляли в этих больницах ок. 10% госпитализированных, в остальных – в среднем ок. 8%. Дети от 0 до 15 лет составляли 4062 чел., или 20,6% от всех госпитализированных. 76% госпитализированных составляли женщины[1].

В результате обследования выяснилось, что больные дистрофией и авитаминозами продолжали занимать 47% в общей массе госпитализированных больных (всего 9365 чел.), из них 18% составляли дети-дистрофики. Из всех госпитализированных в детских соматических больницах детей и подростков 74% имели диагноз дистрофия и авитаминоз (1624 чел.)[2].

Около 8% лечившихся в стационарах составляли больные туберкулезом, находившиеся в специальных больницах и институтах. От всех госпитализированных больных острозаразными были 5,6% (1108 чел.). 78% острозаразных взрослых госпитализировались в больницу им. Боткина, 70% острозаразных детей в детские инфекционные больницы. Всего же в детских инфекционных больницах находилось 490 чел., или 44% всех острозаразных. Причем среди госпитализированных в детские инфекционные больницы 32,3% пребывали в возрасте 20 лет и старше. Среди больных инфекционными заболеваниями: 27% (301 чел.) составляли больные паратифом (брюшным тифом), 20% дизентерией, 13% дифтерией, 0,4% (73 чел.) сыпным тифом. В родильных домах койки были на 53% заняты больными авитаминозами и дистрофией, причем 13% больных были 60 лет и старше, а 6 чел. были мужского пола. Более 2/3 больных

1 ЦГА СПб. Ф. 9713. Оп. 1. Д. 100. Л. 3, 16, 22.
2 Там же. Л. 12, 13.

находились на излечении более 15 дней[1].

Интересно сравнить эти данные с результатом анализа страховой статистики по больничным листам, приведенной в своем отчете уполномоченным по делам ВЦСПС П. Ф. Казаковым. По данным ВЦСПС по 19 обкомам профессиональных союзов заболеваемость по больничному листу на 1 застрахованного в среднем составила в 1941 г. 9,5 дней; в 1942 г. 23 дня, до ноября 1943 г. 9,3 дня. Формы наиболее распространенных болезней в процентном соотношении за 3-й квартал 1943 г. отмечались следующие (за 100% взяты все предъявленные больничные листы): 13% грипп [здесь и далее: в среднем], 15% дистрофия, 8% остро-желудочные инфекции, 4% производственные и 6,8% бытовые травмы. Отмечалось также, что на 1 октября 1943 г. в Ленинграде было зарегистрировано 26 080 чел. с активным туберкулезом (бациллярных), из которых 22 229 взрослых, 1929 подростков и 1922 чел. детей до 12 лет, не считая больных закрытой формой туберкулеза, в большинстве отличавшихся неустойчивым равновесием[2].

На заседании Ленгорисполкома 18 ноября 1943 г. отмечалось, что количество больных туберкулезом в абсолютном отношении уменьшилось по сравнению с 1941 г., когда на учете состояло 52 257 больных, относительно же общего числа населения значительно возросло. При этом на 38 поликлиник и 17 действующих диспансеров отмечалось наличие только 18 действующих рентгеновских аппарата[3].

Несмотря на принимаемые профилактические меры, в Ленинграде эпидемиологическая обстановка была тяжелой. Хотя В. С. Никитский, возглавлявший Ленгорздрав до 20 апреля 1942 г., полагал, что основной причиной смертности являлась дистрофия, данные по летальности[4] в Ленинграде от инфекционных заболеваний в 1942 году, содержавшиеся в справке, подготовленной

---

1 ЦГА СПб. Ф. 9713. Оп. 1. Д. 100. Л. 1а, 5, 7, 10, 11, 15.

2 ЦГА СПб. Ф. 9023 (Уполномоченный по делам ВЦСПС). Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 13 ; Приложение к пятой главе. Документ № 3. Таблица IV.20.

3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – СПб.: ЦГА СПб; Изд-во «Арт-Экспресс». – 2018. С. 499.

4 Летальность – удельный вес умерших от поступивших в больницу. В справке указан удельный вес от выбывших из больницы.

на имя Жданова И. М. Аншелесом, были тревожными. В ленинградских больницах в первом полугодии 1942 года наиболее высокой была летальность от брюшного тифа (в марте 40,1%), от дизентерии (в апреле 50,8%), от сыпного тифа (в марте 55,5%)[1], от кори (в апреле 79,7%), от скарлатины (в апреле 23,8%), от дифтерии (в феврале 70%). Следует заметить, что в мае 1942 г. летальность оставалась очень высокой от дизентерии (48,2%), кори (61,1%) и дифтерии (45,6%)[2].

Необходимо указать, что летальность госпитализированных больных была значительно ниже реальной смертности от этих заболеваний, так как лишь незначительная часть нуждавшихся в госпитализации оказывались в больницах. Об этом свидетельствует ряд документов. Так, в отчете Ленинградского отделения Красного Креста указывалось, что за период с 1 по 15 мая 1942 г. актив и формирования Общества по заданию ЛГЗО выявили по квартирам больных, нуждающихся в госпитализации. В обследованных 4637 квартирах было выявлено 12 446 нуждающихся в госпитализации, из них было госпитализировано 2644 чел. (21,3%). Трудности госпитализации, указанные далее в отчете, были связаны с отсутствием коек, а также с транспортировкой больных дружинницами на носилках. Так, в Московском и Ленинском районах бывали дни, когда за день приходилось переносить до 50–70 чел.[3]

Высокая смертность от дизентерии в Ленинграде, доходившая до 50% весной 1942 г., отмечалась и в отчете о противоэпидемических мероприятиях осуществляемых Ленгорздравом[4].

В связи с опасностью распространения инфекционных заболеваний в блокированном городе данный вопрос находился на постоянном контроле Ленгорисполкома, в который ежемесячно подавались отчеты о распространении острых инфекционных и особо опасных инфекционных заболеваний (оспа, чума,

---

1 В феврале летальность составила 100% от выбывших, но их число было мало: 2 чел.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 15.

3 Там же. Л. 5, 6.

4 Там же. Л. 195. Столь высокая смертность от дизентерии вызывает сомнения, так как эта болезнь редко завершается смертью. Поэтому сохранились аналитические отчеты, в которых связь между смертностью и дизентерией отрицалась. Вместо «дизентерия» употреблялось понятие «острая желудочно-кишечная инфекция».

холера). В соответствии с решением, принятым на совещании противоэпидемического управления ЛГЗО еще 25 декабря 1941 г., проводились мероприятия по подготовке к проведению специфической иммунизации и фаготерапии дизентерии. По представлению ЛГЗО 30 января 1942 г. появилось Постановление ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома «О проведении противодизентерийных прививок в Ленинграде». К 10 марта 1942 г. Институтом вакцин и сывороток было приготовлено 4 035 410 штук противодизентерийных таблеток и 1000 л дизентерийного бактериофага. 27 июня 1942 г. было вынесено постановление Ленгорисполкомом «Об обязательных прививках против брюшного тифа». Согласно «Плана иммунизации населения Ленинграда против брюшного тифа в 1942 г.», разработанного НК здравоохранения РСФСР, иммунизация против тифа проводилась в три этапа. Впервые были сделаны прививки против тифа детям 2 – 8 лет[1].

Всего с 1 апреля по 1 октября 1942 г. было вакцинировано около 1 166 000 чел. против дизентерии, 475 000 против брюшного тифа, 3 000 против сыпного тифа. Первый цикл иммунизации против дизентерии был завершен 5/IV 1942 г. В ходе его было привито 1 140 587 чел., кроме того, 2 249 чел. были отведены от прививок по болезни. С 15 мая была начата иммунизация по 2-му циклу. К этому времени было восстановлено производство дизентерийного бактериофага: до 4 тыс. литров в месяц для раннего лечения дизентерии и его очагового и профилактического применения. Впервые предохранительные прививки были сделаны всем детям 2-8 лет против брюшного тифа. В IV квартале 1942 г. дополнительно было привито 149 тысяч чел. от кишечно-желудочных инфекций[2].

В апреле 1942 г. в Ленинград прибыла Особая противоэпидемическая экспедиция (Военно-санитарная экспедиция особого назначения) Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) Красной Армии, возглавляемая военврачом 1-го

---

1 *Гладких П. Ф.* Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград …, 2006. С. 157–159.

2 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 25, 35, 119; Ф. 7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 140, 195. Ср. *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 159. В книге данные приводятся округленными.

ранга В. А. Горюшиным. Три отряда прибыли в апреле и четыре в июне 1942 г. В каждом отряде имелись 5 взводов санинструкторов во главе с военфельдшером из Москвы, Рыбинска, Воронежа, Новосибирска и Чкалова. Всего: 8 врачей, 8 политработников, 35 фельдшеров, 1647 опытных санинструкторов. Экспедиция работала до августа 1942 г. Усилия данной экспедиции были направлены на ликвидацию санитарно-эпидемических последствий зимы 1942 г. в Ленинграде. С осени 1942 г. в этом направлении работали два специально подготовленных противоэпидемических отряда Красного Креста[1].

Мало что известно о борьбе с холерой в блокированном Ленинграде. Пожалуй, впервые в кратком научном сообщении коснулся этой проблемы Д. А Журавлев, по мнению которого в Ленинграде практически не было холеры благодаря реализации плана, принятого в сентябре 1942 г. на заседании противоэпидемической комиссии Ленфронта. План предусматривал локализацию и ликвидацию очагов холеры[2].

В то же время период принятия решения свидетельствует о наличии оснований для тревоги[3].

План противоэпидемических мероприятий по г. Ленинграду и территории области в кольце блокады на случай появления холеры, представленный 31 августа 1942 г. П. С. Попкову, хранится в Секретной части Ленгорисполкома. План был составлен на 9 листах за подписями Ф. И. Машанского, заведующего ЛГЗО, и И. М. Аншелеса, начальника Противоэпидемического управления[4]. 13 октября 1942 г.

---

1 Подробно о работе экспедиции: *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 148–150.

2 *Журавлев Д. А.* Противоэпидемические мероприятия военно-медицинской службы в блокированном Ленинграде // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции. – СПБ: Изд-во Петрополис, 2001. С. 108.

3 Летом – осенью 1942 г. гитлеровскую армию в Сталинграде охватила эпидемия холеры. Возникшая угроза для Советских войск и населения Сталинграда была ликвидирована в результате экстренного создания противохолерного бактериофага и мероприятий по дезинфицированию и изоляции подозрительного на заражение населения прибывшей бригадой во главе с З. В. Ермольевой. По итогам проведенной профилактической и научной работы З. В. Ермольева и Л. М. Якобсон получили Сталинскую премию за 1942 г. З. В. Ермольева была награждена орденом Ленина. (*Злепко А. В., Скаковский М. Н., Сукачева О. А.* Вклад З. В. Еромольевой в предотвращение эпидемии холеры на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны // Здоровье населения и среда обитания. – №4. С. 4–6 ; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 212. Л. 283 [о присуждении Сталинской премии]).

4 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 46. Л. 166. Сам план в деле отсутствует. Имеется только сопроводительная записка.

Ф. И. Машанским был направлен проект решения Ленгорисполкома по вопросу обеспечения производства Институтом вакцин и сывороток противохолерных препаратов. Для производства 600 литров холерной моновакцины и 1000 литров холерного бактериофага требовалось 500 кг мяса и 500 кг прессованных дрожжей. Кроме того, требовалось 30 тыс. шт. стеклянных ампул, 25 тыс. флаконов. В документе указывается и на другие средства материального обеспечения производства препаратов[1].

По воспоминаниям Ф. И. Машанского, по его личному распоряжению в Ленинградском Институте вакцин и сывороток было приготовлено пять тонн противохолерного бактериофага. При этом возник скрытый конфликт, в связи с имевшейся резолюцией А. А. Кузнецова, секретаря ГК ВКП(б), запрещавшей производство холерного бактериофага[2]. Однако о поддержке проекта П. С. Попковым без помощи которого получить все необходимое было невозможно, Машанский в своих упоминаниях умолчал.

Отсутствуют и упоминания о практическом применении холерного бактериофага для иммунизации населения. Заметим, что этот вопрос требует специального медико-исторического исследования, которое выходит за рамки нашей компетенции[3].

Среди других факторов смертности, в связи с пережитой блокадой, современные исследователи отмечают роль и значение психосоматических расстройств[4]. В результате анализа 594-х историй болезни и такого же количества

---

1 Там же. Л. 222–224.

2 *Машанский Ф. И.* В ответе за жизнь людей // *Гладких П. Ф.* Указ. соч. С. 167–169 ; Медики и блокада: взгляд сквозь годы: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Т. М. Голубева, Н. Б. Ветошникова; Международная Ассоциация блокадников города-героя Ленинграда. – СПб., 1997. С. 14–27.

3 В 2004 году сотрудниками НИ противочумного института в Ростове-на-Дону было проведено исследование свойств вирусов холеры, хранящихся в музее. Ряд вирусов, в том числе вирус, относящийся к 1942 г., оказались резистентными (невосприимчивыми, привыкшими) к бактериофагу. Исследователи сделали вывод, что резистентность могла возникла за период хранения в Музее живых культур Ростовского противочумного института. (Отбор бактериофагов для лечения экспериментальной холеры, вызванной классическими холерными вибрионами / Н. Е. Гаевская [и др.] // Современные наукоемкие технологии. – 2004. – №3. С. 11–15). Однако, следует допустить, что данные свойства были присущи вирусу уже в момент помещения в музей, в связи с массовой иммунизацией людей.

4 *Хорошинина Л. П.* Изменение частоты и характера соматических заболеваний у людей среднего и пожилого возраста, переживших блокаду Ленинграда в детском или подростковом периоде жизни // Жизнь и смерть в

протоколов патолого-анатомического вскрытия людей (1927–1941 г.р.): детей блокады, умерших в 1989–2000 гг. на отделениях Санкт-Петербургского госпиталя ветеранов войны, Л. П. Хорошининой были отмечены различные изменения частоты и характера соматической патологии: статистически достоверно чаще у мужчин выявлялось атеросклеротическое поражение аорты, коронарных и мозговых сосудов свыше 50% их площади, у женщин статистически достоверно чаще выявлялся сахарный диабет, в этой же подгруппе имелась выраженная тенденция к увеличению числа перенесенных в прошлом острых инфарктов миокарда[1].

Светлана Васильевна Магаева, пережившая блокаду в детстве, в своих исследованиях медицинских факторов выживания на первое место ставит психоэмоциональные факторы: стрессоустойчивость; высокая активность естественных стресс-лимитирующих систем; сохранность регулятивных функций психики, высокая мотивированность на выживание. Эти факторы влияют на неспецифическую адаптацию к дефициту белка и связанному с ней физиологическому функционированию организма[2].

В целом исследователями при изучении историко-медицинских аспектов выживаемости населения блокированного Ленинграда выявляется фактор длительности, «отложенной» смерти, инвалидности, их причин и последствий.

Общие выводы к главе: В результате расследования, проведенного Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге, была установлена преступная деятельность гитлеровцев против гражданского населения СССР, в том числе планирование голода, а также уничтожение Ленинграда и его населения как преступные цели военных действий. Новые данные лишь

осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект... С. 65–75.

1 Там же. С. 72.

2 *Магаева С. В.* Физиологические и психосоматические предпосылки выживания блокадников // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции. – СПб.: Изд-во «Петрополис», 2001. С. 28–38.

подтверждают по существу обвинения Международного Военного трибунала в Нюрнберге, вынесенные главным военным преступникам.

О терроре, развязанном против мирного населения, свидетельствуют многие факты, достоверность которых устанавливается на основе сохранившихся документов. Так, как правило при бомбардировках и артобстрелах Ленинграда в сентябре 1941 г. соотношение попаданий в промышленные объекты и в жилые дома составляло соответственно 1:3 или 1:1,5, что не оставляет сомнений в основной цели стрелявших. Важное место при воздушных бомбежках и артобстрелах отводилось складам, базам продовольствия, комбинатам пищевой промышленности. Всего пострадало в сентябре – нач. октября 1941 г. 16 объектов пищевой промышленности, что явилось основным фактором уничтожения запасов продовольствия в городе и привело к резкому сокращению норм продажи продуктов.

Важнейшей целью бомбардировок было разрушение жилья, водопроводной, водосточной и канализационной систем города. В таких условиях жизнеобеспечение населения города требовало от руководителей городским хозяйством усилий по размещению пострадавших от потери жилья, организации аварийно-восстановительных работ, а также не только по доставке, но и по хранению продовольствия на рассредоточенных складах.

С 11-12 июля 1941 г. происходили систематические бомбежки и обстрелы пулеметным огнем с самолетов санитарных, пассажирских эшелонов на территории Ленинградской области. Осуществлялись и обстрелы с воздуха автобусов и автомашин с эвакуируемыми людьми, особенно с детьми. Систематические бомбежки сопровождали и эвакуацию населения через Ладожское озеро, начиная с 4 декабря 1941 г. Аналогичные действия предпринимались для срыва летне-осенней навигации 1942 г. на Ладоге.

В результате насильственного переселения и истребления мирного населения при оккупации, на территории Ленинградской области, где проживало до войны 1 466 388 чел., осталось 261 594 чел., из которых менее 10% мужчин.

Преступная жестокость, сопровождаемая ограблением оккупированной территории, как неотъемлемая черта агрессивной тотальной войны, привела к многочисленной гибели населения в осажденном городе и при эвакуации. За период осады Ленинграда погибло от 30 до 40 процентов гражданского населения, находившегося в блокадном кольце. Жертвы при эвакуации достигли до 30 процентов от вывезенного населения, что явилось результатом эпидемий, бомбежек, а также жестокого обращения немцев с эвакуированным населением, оказавшимся на оккупированной территории.

В конце июня 1941 г. население Ленинграда должно было составить **3 212 554** чел. В Ленинграде и пригородах с начала войны до снятия блокады должно было проживать детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет: не менее **922 365** чел., с учетом родившихся живыми в период войны. Из этого числа не менее 334 тыс. чел. детей от 0 до 15 лет погибли или пропали без вести в осажденном Ленинграде. Таким образом, можно увеличить число погибших ленинградцев до **960 865** чел., из которых около **34,8%** были дети до 15 лет.

Необходимо указать на условность данных по незарегистрированным смертям. Эта условность не меняет материальную сущность вопроса, изложенного на Нюрнбергском процессе и подтвержденного неоспоримыми документами по наличию зарегистрированной смертности гражданского населения в Ленинграде в результате блокады.

Проблема смертности в блокированном Ленинграде неразрывно связана с проблемой заболеваемости, составляя историко-медицинский аспект парадигмы спасения ленинградского населения. Исследователи приходят к выводу, что в количество военных жертв, необходимо включать и лиц умерших от острых болезней или приобретших хронические болезни длительного течения.

На основании вывода заведующего отделом здравоохранения Ленгорисполкома Совета депутатов трудящихся, доктора медицинских наук В. С. Никитского о том, что основной причиной высокой смертности в первом квартале 1942 года является дистрофия, с июля 1942 г. дистрофия и авитаминозы стали

записываться в качестве причины смерти под кодом 83-А. В декабре 1941 г. умершие от дистрофии составили 69,1% от всех умерших. В то же время имела место смертность от инфекционных заболеваний, как например: дифтерии, кори, тифов. Одной из самых спорных в условиях массовой смертности была диагностика дизентерии, в том числе ее дифференцирование с острыми кишечно-желудочными инфекциями. Среди других важное место занимал туберкулез: в 1943 г. более 26 тысяч человек, включая 1922 детей до 12 лет, болели в открытой (бациллярной) форме. Наложение инфекционных заболеваний на дистрофию приводило к увеличению смертности.

В Ленинграде и на эвакотрассе принимались меры по противоэпидемической борьбе: осуществлялась сплошная иммунизация детей, посещавших детские учреждения, а также эвакуирующихся ленинградцев. Это способствовало борьбе с эпидемиями, хотя предпринятые меры не всегда были эффективны по объективным причинам.

Благодаря героическим усилиям как руководителей обороны Ленинграда, так и самодеятельного гражданского населения, удалось спасти не менее 60 процентов гражданского населения Ленинграда, в том числе не менее половины детей 0–15 лет, с учетом родившихся в период войны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СПАСЕНИЮ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА

§ 1. Взаимодействие центральных и местных органов власти и управления

6.1.1. Перестройка военных и государственных органов власти и управления в предвоенный и военный периоды

Историография. Легитимность военно-политической деятельности органов власти воюющих коалиций в период Второй Мировой войны – одна из актуальных проблем современной истории.

Своеобразная концепция изучения данной проблемы как опыта, данного нам в исследовательской рефлексии, на основе которой конструируется историческая действительность через ее интерпретации, была представлена в сборнике трудов международной научной конференции «Опыт мировых войн в истории России», проходившей в Челябинске в 2005 г. Программными являлись доклады С. Ферстера (Цюрих) и Д. Байрау (Тюбинген), посвященные концепции тотальных войн[1].

Ключевым в статье С. Ферстера является отождествление цели гитлеризма: убийство и порабощение населения на захваченных территориях, и цели, провозглашенной У. Черчилем и Ф. Рузвельтом на конференции в Касабланке: капитуляции противника. Обе цели провозглашаются тотальными, с чем нельзя согласиться. Софистический характер рассуждения выдает тезис, что требование капитуляции противника есть достаточный признак тотального характера войны. При этом приравнивание убийства мирных граждан на оккупированной территории и капитуляции противника как предикативных свойств целей тотальной войны

1 Опыт мировых войн в истории России: сборник статей / Редкол.: И. В. Нарский и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 6–8.

нарушает логику научного высказывания[1].

Д. Байрау в своей статье применяет данную концепцию к СССР в годы Великой Отечественной войны[2]. Намеренно небрежно автор сразу переходит к выводам: для СССР война была не тотальной, а скорее традиционалистской[3]. Усилия автора выразились в неряшливой констатации: «...тотальный характер советского способа ведения войны был ориентирован скорее вовнутрь страны, нежели вовне … поскольку речь идет о стирании различий между вооруженными формированиями и гражданским населением»[4]. В завершение своей статьи Д. Байрау заявляет, что Великая Отечественная война связала защиту империи с распространением имперски окрашенного русского национализма[5], совершенно в стиле неряшливого фактологически, мифологизированного текста. Таким образом, концепция С. Ферстера и Д. Байрау оказывается одной из методик мифотворчества в квазинаучном пространстве. Данная концепция актуализировала вопрос о характере политико-правового взаимодействия центральных и местных органов власти и управления, равно как и соотношение гражданских и военных элементов в структуре такого взаимодействия.

Начало мифотворчеству в этой области было положено знаменитой книгой американского журналиста Г. Солсбери «900 дней», в которой эпилог получил название «Ленинградское дело». Пользуясь возможностями художественного произведения, Солсбери дал волю своей фантазии, придумав нелепые, по его собственным словам, обвинения, «предъявленные» ленинградским руководителям в 1949–1950 гг. Справедливо Солсбери указывал, что поводом для подобных

---

1 *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России..., 2007. С. 12–25. Эта концепция иллюстрируется подходами к решению частных вопросов, причем намечаются конструктивные решения, которые должны развить последователи. Например: «...основополагающий парадокс тотальной войны: попытка достигнуть тотального контроля слишком часто оканчивается хаосом». С этих позиций, по мнению автора, центральной проблемой изучения тотальных войн должна стать проблема активности мирного населения.

2 *Байрау Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Там же. С. 28–48.

3 Там же. С. 30. Правда с оговоркой, что начавшиеся трансформации на попавших под советский контроль территориях могут быть отнесены к тотальным по своему характеру.

4 Там же. С. 36. Вывод автора, основанный на столь своеобразных конструкциях: «в способе ведения войны нашли свое отражение элементы обеих систем с тоталитарными амбициями, хотя сами системы и были различными».

5 Там же. С. 43.

«предположений» явилась закрытость информации[1]. Только в 2019 г., благодаря усилиям К. А. Болдовского и Д. Бранденбергера, наконец появилась публикация обвинительного приговора по Ленинградскому делу в полном виде[2]. Теперь можно сказать, что реальное содержание приговора, как и его контекста, не имеет ничего общего с «реконструкцией» Солсбери, которая, благодаря убедительному таланту автора, породила богатое поле всевозможных интерпретаций конфликта между «Москвой» и «Ленинградом». Фальсификацией были измышления не только обвинений, но и последствий Ленинградского дела.

Перенести политико-правовые проблемы обороны Ленинграда и положения его гражданского населения в область изучения не публицистов и идеологов, а ученых-историков стало возможным только в начале 1990-х годов, в связи с началом снятия грифа секретности с документов из особых фондов и публикацией рассекречиваемых документов.

Собирался ли Сталин сдавать Ленинград? Одноименная статья Геннадия Леонтьевича Соболева открыла путь к изучению принципиально важного вопроса: насколько легитимными были институты власти и управления в СССР в период войны?[3]

Современная отечественная историография проблемы представлена обильной литературой. Рассматриваются как отдельные региональные институты: Военные Советы, Политическое управление Ленинградского фронта, горком ВКП(б), Ленгорисполком, так и специфика их взаимодействия. Опубликованы подробности плана «Д»: подготовки к взрыву военных объектов в Ленинграде в случае вынужденной сдачи города врагу[4].

---

1 *Солсбери Г.* 900 дней. Блокада Ленинграда : пер. с анг. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 588–589.

2 *Болдовский К. А., Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. – 2019. – Т.9, №4. С. 993–1026.

3 *Соболев Г. Л.* Собирался ли Сталин сдавать Ленинград // Ленинградская панорама. – 1991. – № 6. С. 24–26 ; *Его же.* Г. К. Жуков и оборона Ленинграда в 1941 г. // Санкт-Петербургский университет. – 1996. – № 26. С. 11–12 ; *Его же.* Собирался ли Сталин сдавать Ленинград? // Книга памяти Ленинградской области. – СПб., 2004. – Вып. 36. С. 279–290.

4 *Орав В. А.* Решения Ленинградского горкома ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета в блокадную зиму 1941/42 г.: сравнительный анализ // Отечественные архивы. – 2020. – №2. С. 23–33 ; *Болдовский К. А.* Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С. 201–215 ; *Ковалев С. Н., Щерба А. Н.* Полномочия Полевого управления Ленинградского

Несмотря на значительные пласты рассекреченных источников, новые подходы к анализу, многие вопросы остаются дискуссионными. К ним относится и вопрос о взаимодействии чрезвычайных органов, соединявших функции государственного управления и военной власти, в том числе деятельность Государственного Комитета Обороны (ГКО) при СНК СССР, его уполномоченных, и Военных Советов в битве за Ленинград[1].

В историко-военной литературе освещена роль органов военного управления, которым передавались многие функции государственной власти, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР, объявлявшим военное положение в Ленинградской области и Ленинграде[2]. В то же время проблема взаимодействия военного управления с гражданскими органами власти и управления по вопросам спасения населения остается не раскрытой.

Остается открытым поле для дискуссии о взаимоотношениях между руководителями ГКО СССР и Ленинградского горкома ВКП(б)[3]. Новые публикации расширили источниковую базу для анализа взаимодействия членов Государственного Комитета обороны СССР и руководителей Ленинградского Горкома ВКП(б), в том числе личных взаимоотношений[4].

фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования..., 2018. С. 36–52 ; *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937 – 1950. СПб.: Алетейя, 2014 ; *Болдовский К. А.* Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 61–73 ; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. – 2016. – № 1. С. 8–21 ; *Сапронов И. М., Черепенина Н. Ю.* Введение // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители *И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина* (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 6–20 ; *Белозеров Б. П.* Ленинград сражающийся. 1941. – СПб.: Общество «Знание», 2016; План «Д». Архив «Большого Дома» / сост. *С. К. Бернев, Н. А. Ломагин.* – СПб: Европейский Дом, 2005.

1 См. например: *Гриднев В. П., Политов И. В.* Военные Советы в битве за Ленинград // Управленческое консультирование. – 2017. – № 7. С. 143–152 ; *Репников Д. В.* Уполномоченные Государственного Комитета обороны в мемуарной литературе о Великой Отечественной войне: механизм назначения и функционирования // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – Вып.3. С. 63–72.

2 Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2018 ; Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019 ; *Даудов А. Х., Кунцевич Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.

3 *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 1. С. 8–34.

4 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 1 (09). С. 275–292 ; Журнал посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг. /

Взаимосвязь подоплеки «Ленинградского дела» и вопросов организации обороны Ленинграда затрагивается в исследовании К. А. Болдовского деятельности Ленинградского горкома ВКП(б)[1].

В этом ключе представлен интересный биографический материал в новейших работах, посвященных деятельности А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, комсомольских лидеров Ленинграда[2]. Исследователями отмечается факт полной посмертной реабилитации политических руководителей обороны Ленинграда, в то же время проблема коммуникативных отношений и политико-правового конфликта между «москвичами» и «ленинградцами» остается дискуссионной.

Таким образом, огромная работа, проделанная коллективом петербургских историков (Г. Л. Соболевым, Б. П. Белозеровым, М. В. Ходяковым, Н. Ю. Черепениной, В. А. и А. В. Кутузовыми, А. Н. Чистиковым, А. И. Рупасовым, Ю. З. Кантор, Е. Д. Твердюковой, Э. Л. Коршуновым, А. А. Амосовой, К. А. Болдовским и др.), подготовила предпосылки и сделала необходимыми обобщение и анализ системы социально-политических мероприятий Советского руководства, направленных на организацию гражданской обороны и спасения гражданского населения. Кроме того, важной задачей является исследование эволюции конституционных оснований институтов власти и управления в СССР как важнейшего фактора менталитета советских граждан.

Институциональная инфраструктура и стратификация гражданского

Фонд исслед. проблем новейшей истории; сост. К. М. *Болдовский.* – СПб.: Нац. центр социальной пом., 2014 ; «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л. Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. С. 31–35.

1 *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». – СПб.: Нестор-История, 2018 ; *Его же.* Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 61–73.

2 *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937–1950. СПб.: Алетейя, 2014 ; *Ее же.* Второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) Я. Ф. Капустин и трагедия его семьи (по материалам «Ленинградского дела») // Вестник СПбГУ. Сер.2. – 2014. – Вып. 4. С. 35–46 ; *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. СПб.: СПб Академия Следственного комитета, 2017 ; *Твердюкова Е. Д.* Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 117–129.

общества. Особенностью Великой Отечественной войны являлось сформированное гражданское пространство на территории СССР, которое определялось конституционными правами и обязанностями советских граждан. Борьба за эти права и свободы советского человека явилась важнейшим фактором войны. Так справедливо характеризовал их значение М. Хиндус, британский журналист, в 1942 г.[1]

Роль Конституции СССР как идеологического фактора усиления Советской власти видна в существовании специального предмета в начальной школе, изучаемого в седьмом классе. В 1944 г. отделом школ ЦК ВКП(б) проводилась проверка итогов учебно-воспитательной работы в школах Ленинграда. Важнейшее значение придавалось роли и месту «преподавания истории СССР, литературы и Конституции в морально-политическом воспитании учащихся». Хотя в отчете В. П. Дмитриевой, заведующей отделом школ ГК ВКП(б), указывались как недостатки: отсутствие программы и учебника, примитивные и формальные знания учащихся, можно заметить, что, в действительности, семиклассники объясняли положения Конституции из своего жизненного опыта. 15-летние подростки видели в повседневной жизни примеры реализации конституционных прав: дети и старики не работают, поэтому остальным работы хватает; Совет Народных Комиссаров относили к органам местной власти, очевидно сталкиваясь с участием центральных органов государственной власти в решении местных вопросов[2].

В то же время имелись глубокие противоречия установившегося конституционного режима. Так, Ю. Н. Жуков рассматривает новую конституцию как ядро системы политических реформ, предпринятых «группой Сталина» в 1936–1937 гг. и неразрывно связанных с внешнеполитической обстановкой, направленной на сдерживание агрессии Германии[3]. При этом важнейшей целью демократизации Советского общественного строя являлось расширение электората

1 *Hindus M.* Russia Fights on. – L., 1942.
2 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 11. Д. 263. Л. 23.
3 *Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. – М.: Концептуал, 2019. С. 166–167.

правящей партии. Для этого унифицировалось гражданское пространство Советских республик; увеличивалась политическая роль общественных организаций; ликвидировалась, характерная для периода Гражданской войны, репрессивная политика по отношению к представителям «бывших» сословий[1].

Значение организационной и агитационно-пропагандистской работы партийных организаций под эгидой райкомов ВКП(б) было усилено наличием альтернативных выборов в Верховный Совет СССР[2]. Наряду с этим, принятие новой конституции сопровождалось обострением внутрипартийной борьбы, новым витком репрессий, получивших название «ежовщины». Начало репрессий совпало с выборами в Верховный Совет СССР, которые должны были проходить как альтернативные, а в действительности превратились в сведение счетов. Согласно приказу Н. И. Ежова по НКВД от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», жертвами «изъятий» должно было стать не менее 250 тысяч человек. В том числе из Ленинградской области 4 тысячи человек подлежало расстрелу и 10 тысяч – высылке, что уступало лишь Московской области (всего 35 тысяч) и Западно-Сибирскому краю (всего 17 тысяч)[3].

В соответствии с Конституцией СССР, вступившей в силу 5 декабря 1936 года, в редакции 1 марта 1941 г. (гл. 3, ст. 30), Верховный Совет СССР являлся Высшим органом государственной власти. Он обладал исключительным правом законодательной власти (гл. 3, ст. 32). Данная власть оставалась незыблемой весь период войны на Советской территории[4].

Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной

---

1 Там же. С. 146–155.

2 Там же. С. 355–356.

3 Там же. С. 333–335.

4 Верховный Совет СССР (далее ВС СССР) состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета национальностей (гл. 3, ст. 33). ВС СССР избирал Президиум ВС СССР в составе 37 чел. (гл. 3, ст. 48). Президиум ВС СССР обладал широкими полномочиями, в том числе толкования законов СССР, издания Указов, отмены Постановлений и распоряжений СНК СССР и СНК союзных республик в случае их несоответствия законам (гл.3, ст. 49, пп. б, д). (СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. – [Москва]: Госполитиздат, 1941. С. 8–9).

власти СССР являлся Совет народных комиссаров СССР (гл. 5, ст. 64). СНК СССР был ответственен перед Верховным Советом СССР, а в перерывах между сессиями перед Президиумом ВС СССР (гл. 5, ст. 65). СНК СССР имел широкие полномочия в рамках действующих законов, в том числе *по* обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и *охране прав граждан* [здесь и далее курсив наш – Л.Г.] (гл. 5, ст. 68, п. в), по образованию, в случае необходимости, специальных комитетов и Главных Управлений при СНК СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства (гл. 5, ст. 68, п. е) и пр.[1] Таким образом, именно СНК СССР должен был обеспечить охрану прав граждан в условиях войны, будучи наделен при этом самыми широкими полномочиями в рамках действующих законов.

Конституция СССР 1936 г. упразднила такой орган государственного управления как Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ), существовавший с 1924 г. С 1 декабря 1941 г. вместо него был создан Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) союзно-республиканского значения (нарком В. Н. Меркулов), просуществовавший вплоть до 15 марта 1953 г.[2] Важно отметить, что прочие реформы, касающиеся раздела или слияния НКГБ и Наркомата внутренних дел (НКВД), за период 1941–1943 гг. не отражены в редакциях Конституции.

В отличие от предыдущей[3], Конституция СССР 1936 года определяла, что лишение граждан СССР каких-либо гражданских прав было возможно только на основании решения суда в течение ограниченного времени (помимо недееспособности). Между гражданами СССР было установлено равенство без

---

1 СНК СССР также имел широкие полномочия по объединению и направлению работы общесоюзных и союзно-республиканских Наркоматов СССР, и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений (гл. 5, ст. 68, п. а), по осуществлению народнохозяйственного плана, гос. бюджета и укреплению кредитно-денежной системы (гл. 5, ст. 68, п. б). (СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ..., 1941. С. 12).

2 Основой конституционной реформы был Указ Президиума ВС СССР от 3 февраля 1941 г. о разделении НКВД СССР на два наркомата: НКВД и НКГБ СССР, принятый вслед за решением ЦК ВКП(б). (*Белозеров Б. П.* Фронт без границ. – СПб.: Общество «Знания», 2001. С. 37).

3 Имеется в виду Конституция СССР 1924 года.

какой-либо дискриминации по полу, имущественному и социальному положению, независимо от прошлой деятельности (ст.135)[1]. Начиная с 18 лет гарантировалось участие в избирательной системе. Вводилось всеобщее обязательное начальное образование. Женщина получала «равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» (ст.122). Гарантировалось равенство граждан СССР независимо от их национальности, расы. Законом каралась не только дискриминация, но и проповедь расовой и национальной исключительности, ненависти, пренебрежения (ст. 123)[2].

Статья 126 определила Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков (ВКП(б)) как общественную организацию: «*…представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных*» [курсив мой – Л. Г.][3]. Следует согласиться с аргументами К. А. Болдовского, который считает, что ВКП(б), не входя в систему государственных органов власти и управления, тем самым институционализировалась как канал размывания государственной системы управления через общественную организацию, отличающуюся жесткой дисциплиной, уставным порядком и номенклатурной системой внутренней иерархии. Это объясняет непрерывный процесс эволюции ментальных установок внутри данной группы, который порождал острые конфликты и репрессии[4].

Примером такого размывания сложившихся границ и полномочий государственных органов власти и управления может служить выход ряда

---

1 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ..., 1941. С. 22.

2 Право на образование, согласно ст. 121 обеспечивалось: «...бесплатностью образования, включая высшее, системой государственных стипендий, подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся». (СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ..., 1941. С. 20).

3 Там же. С. 21.

4 *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». – СПб.: Нестор-История, 2018. С. 43–44. К. А. Болдовский считает, что для аппарата ВКП(б) понятие элита неприемлемо, преувеличивая личную роль Сталина в принятии важнейших решений, как и наличие межведомственных конфликтов внутри правящей группировки. В данном случае можно возразить, так как о взаимной выработке важнейших решений свидетельствуют приведенные далее факты принятия решений ГКО на основе документов, подготовленных бюро Ленинградского горкома и обкома ВКП(б).

правительственных постановлений под двойным грифом: СНК СССР и ЦК ВКП(б). Таковы были Постановления: от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», 24 июня 1941 г. «О создании Совета по эвакуации при СНК СССР», 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», 2 июля 1941 г. «О разгрузке Ленинграда от предприятий Наркомата боеприпасов», 8 июля 1941 г. «Об эвакуации заводов НК Авиапрома из г. Ленинграда», 8 июля 1941 г. «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда». Особое место занимало Постановление от 30 июня 1941 г. об образовании ГКО при СНК СССР, имевшее тройной гриф, и, помимо СНК СССР и ЦК ВКП(б), утвержденное Президиумом ВС СССР (органом государственной власти)[1].

Подкрепление постановлений государственной власти грифом общественной организации трудящихся имело противоречивый характер: усиливая государственную власть, оно, одновременно, размывало и ослабляло ее, что признавал сам Сталин. Так, К. А. Болдовский цитирует Сталина, утверждавшего, что отмирание государства произойдет через его максимальное усиление, необходимое для обороны против капиталистического окружения[2]. Следует заметить, что парадоксальность мышления Сталина, проявлявшаяся в целом ряде стратегически важных политических решений, может быть отнесена к проявлениям как его таланта руководителя, так и склонности к софизмам, что способствовало выстраиванию остроконфликтного государственного управления.

Специфическая особенность деятельности ВКП(б) в качестве общественной организации предполагала закрытую систему общественных взаимосвязей, сопровождавшуюся вхождением коммунистов во все общественные, в том числе

---

1 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6 (1933–1937). – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 213–218 ; О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6. С. 208 ; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 08.07. 41 об эвакуации заводов НК Авиапрома из г. Ленинграда [фотокопия фрагмента] // Побратимы..., 2019. С. 368 ; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 08. 07. 41 об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда [фотокопия] // Указ. соч. С. 368 ; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 1: 1941–1943. С. 5–6.

2 *Болдовский К. А.* Указ. соч. С. 4.

закрытые, союзы и объединения. Поэтому важнейшим средством воздействия ВКП(б) на общественные отношения являлась идеологическая система управления коммуникативными отношениями[1].

В основе организационного строения ВКП(б) лежал ленинский принцип демократического централизма, закрепленный уставом ВКП(б), поэтому здесь существовали особые отношения взаимного доверия и контроля. Так, в июле – августе 1941 г. выписки, докладные записки, решения Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) превращались порой в Постановления ГКО СССР простым присвоением соответствующего номера. Например, Постановление ГКО СССР № 467сс от 12 августа 1941 г. об отгрузке материалов для ленинградских предприятий на основе выписки из протокола заседания Ленинградского горкома от 1 августа 1941 г., Постановления ГКО СССР №№ 260сс и 261сс от 24 июля 1941 г. о переводе на казарменное положение истребительных батальонов УНКВД на основе протоколов заседаний бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 21 июля 1941 г. и Ленинградского обкома ВКП(б) от 22 июля 1941 г.)[2]. Следует обратить внимание, что принятие актов чрезвычайного по своему характеру органа власти ГКО при СНК СССР по Ленинграду в 1941 г. на основе докладных записок и партийных документов, в том числе руководителей Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), органов Советской власти, должно было укрепить и поднять на значительную высоту Ленинградские органы ВКП(б) и Советской власти, возлагая, одновременно, на них огромную ответственность.

Такова была институциональная сущность одной из самых мощных и влиятельных политических организаций XX века.

Деятельность Совета Народных комиссаров (СНК) РСФСР, согласно Конституции РСФСР (глава IV, ст. 45), осуществлялась аналогично СНК СССР.

---

1 Г*азиева, Л. Л.* Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70) URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1. DOI: 10.18254/S0002245-8-1.

2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1 : 1941–1943. С. 78, 109.

Глава VIII Конституции РСФСР регламентировала деятельность Местных органов власти, которые «руководят культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливают местный бюджет, руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, содействуют усилению обороноспособности и *обеспечивают соблюдение законов и охрану прав граждан»* [Курсив мой – Л. Г.] (ст. 79)[1]. Как выше было сказано, отделы городских Советов депутатов трудящихся Москвы и Ленинграда подчинялись в своей деятельности как Совету депутатов трудящихся Москвы или Ленинграда, соответственно и его Исполкому, так и соответствующему Народному Комиссариату РСФСР непосредственно (ст. 101).

Таким образом, задача охраны прав граждан, проживавших в Ленинграде, входила в функции таких органов государственной власти и управления как СНК СССР, СНК РСФСР, а также местной власти как Ленгорисполком, отделы которого в выполнении этой задачи подчинялись как самому Исполкому, так и соответствующим Комиссариатам РСФСР. Эта особенность отразилась в представлении школьников о местном значении центральных органов власти.

В то же время двойственный характер политического режима влиял на реализацию охраняемых законом гражданских прав, что необходимо учитывать при исследовании вопроса.

Режимный статус Ленинграда в военный период. Согласно Указу Президиума ВС СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» от 22 июня 1941 г., на территории Ленинградского военного округа объявлялся режим «военного положения». Режим «осады» для Ленинграда законодательным порядком введен не был[2]. Поскольку вопрос остается в состоянии дискуссии, следует остановиться на ряде аспектов.

---

1 РСФСР. Законы. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. – М.: Изд-ие Верховного Совета РСФСР, 1941. С. 11, 17.

2 *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Новейшая история. – 2013. – № 2. С. 48–69.

О введении в Ленинграде осадного положения в августе 1941 г. решением специальной комиссии во главе с В. М. Молотовым, находившейся тогда же в Ленинграде и наделенной чрезвычайными полномочиями ГКО СССР и ЦК ВКП(б), писал бывший секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Николай Дмитриевич Шумилов[1]. С апреля 1942 г. Шумилов являлся ответственным редактором «Ленинградской правды». Таким образом, концепция осадного положения Ленинграда проходила через пропагандистские материалы газеты на основе решения полномочной правительственной комиссии. В то же время законодательным порядком данное положение оформлено не было.

Проект Указа о законодательном введении в Ленинграде осадного положения был подготовлен к 15 марта 1942 г. главным военным прокурором Красной Армии В. И. Носовым, в соответствии с указаниями А. А. Жданова, однако, как следует из его переписки, был отклонен зам. председателя СНК СССР А. Я. Вышинским. Были также отклонены проекты изменений в Уголовный кодекс (УК), ужесточающие репрессивные меры за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, а также дополнение УК статьями, предусматривающими наказание за угрозы начальнику и за умышленно небрежное или пассивное выполнение приказа. Отмечалось, что в данных случаях могут быть применены статьи 193-2, 193-17 действующего УК[2]. Факт сохранения режима «военного положения» влиял на сохранение гражданских органов власти и управления, их функционирование и полномочия.

Так как германское командование не нотифицировало морскую блокаду, можно сказать, что де-юре режим осады и блокады отсутствовал. В то же время, как это показывают современные исследователи, де-факто противником была установлена смешанная блокада, как один из видов осады[3].

---

1 *Шумилов Н. Д.* В дни блокады. – М.: Мысль, 1977. С. 86.

2 Документ № 181. Письмо Главного военного прокурора Красной Армии В. И. Носова А. А. Жданову о причинах задержки законодательного оформления осадного положения и о дополнениях к Уголовному Кодексу // Ленинград в осаде…, 1995. С. 422–423.

3 *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни..., 2018. С. 28–35.

Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта № 001048 от 5 июля 1942 г. «О необходимых мероприятиях по превращению Ленинграда в военный город», подписанным новым командующим фронта ген.-лейт. Л. А. Говоровым и членами Военного Совета: секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым, дивизионным комиссаром А. А. Кузнецовым, Н. Соловьевым, Н. Штыковым, был намечен план мероприятий, «обеспечивающих превращение Ленинграда в военный город»[1].

Однако в письме И. В. Сталину от 9 июня 1942 г. А. А. Жданов пишет о возможности штурма Ленинграда противником, но не упоминает об изменении правового режима города[2].

Таким образом, законодательного изменения правового режима Ленинграда на осадный не произошло в период войны, что, вероятно, было связано со стремлением сохранить функционирование гражданских органов власти и управления в Ленинграде.

В современной литературе развернулись дискуссии также по другим военно-историческим терминам. На данный факт, как и на необходимость тщательного анализа терминологии, указывает А. А. Михайлов[3].

Е. В. Ильин и Т. В. Пономарева, поддержанные группой военных историков, предложили отказаться от термина «снятие блокады», учитывая, что в результате операции «Искра» сухопутная блокада Ленинграда была прорвана и, следовательно, по мнению ученых в дальнейшем следует говорить о снятии осады Ленинграда[4]. С данной точкой зрения нельзя согласиться, так как в данном случае

---

1 Постановление Военного Совета Ленинградского фронта № 001048 «О необходимых мероприятиях по превращению Ленинграда в военный город» // Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов..., 2005. С. 287–290.

2 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. Публ. *Л. Л. Газиевой* // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. С. 33.

3 *Михайлов А. А.* Битва за Ленинград: применение термина в отечественной историографии // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 17–40.

4 *Ильин Е. В., Пономарева Т. В.* Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944) // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Г. Л. Соболев. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 15–21.

необходимо учесть правовой аспект международной классификации «блокады». В международном военном праве в основном речь идет о блокаде морских портов, что имело место в отношении Ленинграда. Такая блокада должна обязательно нотифицироваться, чтобы предупредить гибель и захват судов нейтральных стран[1]. В случае с Ленинградом смешанная осада дополнялась морской блокадой, которая не была нотифицирована и, таким образом, носила преступный со стороны гитлеровцев характер. Одной из важнейших целей гитлеровцев являлся захват или уничтожение Балтийского флота. Только в центральной части Финского залива, в районе мыса Юминда, находились 3 тысячи мин и минных защитников. Из-за большой минной опасности в Финском заливе Ставкой ВГК с конца 1941 г. и до конца войны были запрещены выходы крупных боевых кораблей. С целью блокировать флот в восточной части Финского залива в мае 1942 г. гитлеровцы дополнительно к существующим оборудовали минные позиции: между островом Нарген и полуостровом Порккала-Удд, а также гогландскую. Действовали поисково-ударные группы из надводных кораблей, самолетов и подводных лодок, шумопеленгаторные станции и посты наблюдения[2]. 8 сентября 1941 г. морская блокада была дополнена озерной, в связи со взятием Шлиссельбурга и нарушением внутренних коммуникаций Балтийского флота. Необходимо обратить внимание на тот факт, что первоначально прорыв блокады планировался как две операции, следовавшие одна за другой: Шлиссельбургская и Урицкая. Последняя намечалась (предварительно) на февраль 1943 г. Целями операции являлось: обеспечить свободный выход для кораблей КБФ из Ленинграда в Кронштадт и создать необходимые условия для выхода кораблей в Балтийское море. Обе операции рассматривались как жизненно необходимые для Ленинграда и фронта. Однако на утверждение Ставке ВГК Военным Советом Ленинградского фронта была представлена только Шлиссельбургская операция, следует предположить из-за

1 Лондонская декларация о праве морской войны 1909 г. (I глава, ст. 9–11). Декларация не была ратифицирована, но данная норма рассматривается как обычай морской войны.

2 Дважды Краснознаменный Балтийский флот – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1978. С. 193, 205, 222.

недостаточности средств[1]. Снять морскую минную блокаду удалось только после полного освобождения Ленинграда от сухопутной осады[2].

В связи с вышеизложенным, представляется излишним менять сложившуюся военно-историческую терминологию в отношении исследования блокады Ленинграда[3].

Структура и содержание перестройки военных и государственных органов власти и управления в предвоенный и военный периоды. Указы Президиума ВС СССР о мобилизации военнообязанных (1905–1918 г.р.) и переходе на военное положение, в соответствии со ст. Конституции 49 п.п. «л» и «п», были распубликованы 22 июня 1941 года[4]. На территории 15 военных округов, в том числе Ленинградского военного округа, была объявлена мобилизация.

Полномочия и функции государственного управления в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности должны были перейти в руки Военного Совета Северного фронта (ВС СФ), согласно Указу Президиума ВС СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» от 22 июня 1941 г. Права и обязанности членов Военного Совета определялись Указами Президиума ВС СССР от 21 июня и 18 августа 1941 г.

Приказом командующего Северным фронтом от 24.06.1941 г. № 0187 было сформировано Полевое управление Северного фронта во главе с Военным Советом, в соответствии с Положением о Полевом управлении фронта, разработанном Органом Военного Управления Ленинградского военного округа (ОВУ ЛВО) 22 декабря 1940 г. Полевому управлению фронта должны были подчиняться органы

---

1 Документ № 1. Соображения Военного совета Ленинградского фронта о наступательных операциях зимы 1942/43г., не позднее 17.11. 1942 г. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов*. – СПб.: Галарт, 2019. С. 42–47.

2 День прорыва морской минной блокады (открытие прохода по Большому корабельному фарватеру от Кронштадта до фарватера Таллинн – Хельсинки) – 5 июня 1946 г. Этот день отмечается согласно Закону Санкт-Петербурга от 12 октября 2005 г. № 535-78 «О праздниках и днях памяти Санкт-Петербурга».

3 В военной литературе встречаются и другие даты установления блокады. Так, В. М. Ганкевич указывал на дату 26 сентября, в связи с отказом немцев от штурма города. (*Ганкевич В. М.* Оборона Ленинграда в условиях полной блокады (26.09.1941 г. – 12.01.1943 г.) // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт. – СПб…, 2019. С. 33).

4 Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (Ленгорсовета). – 1941. – № 26 / 488 (от 7 июля). С. 1-3.

управления гражданских наркоматов «согласно особого положения»[1].

Уже 23 июня 1941 г. на первом заседании Военного Совета был объявлен состав, утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б): М. М. Попов (председатель), Н. Н. Клементьев, корпусной комиссар, А. А. Кузнецов, секретарь Ленинградского ГК ВКП(б), Т. Ф. Штыков, бригадный комиссар, секретарь ОК ВКП(б)[2].

Однако в действительности в первые дни войны сложилось «двоевластие»: 1 июля 1941 г. была сформирована под председательством А. А. Жданова (1-го секретаря ОК и ГК ВКП(б)) руководящая комиссия, или «большая пятерка», в составе: А. А. Кузнецова (секретарь ГК ВКП(б)), Т. Ф. Штыкова (секретарь ОК ВКП(б)), П. С. Попкова (председатель Ленгорисполкома), Н. В. Соловьева (председатель Леноблисполкома[3]. Руководящая комиссия дублировала решения ВС СФ по важнейшим вопросам, уточняя и дополняя их в случае необходимости, как например было с организацией народного ополчения.

По мнению А. П. Крюковских, данная комиссия возникла в подражание ГКО СССР, отражая специфические особенности его руководства. В то же время многие ее решения дублировались постановлениями партийных комитетов, военными приказами. После создания 10 июля Главного командования и Военного Совета Северо-Западного направления комиссия тихо прекратила свое существование. Такой же характер нецелесообразного создания множества надстроечных Советов, дублировавших работу друг друга и других органов, по мнению А. П. Крюковских, имело образование Военного Совета обороны Ленинграда, а также существование в напряженный момент борьбы четырех управленческих органов: Военных Советов Северо-Западного направления, Ленинградского фронта, обороны Ленинграда, Ленинградского военного округа, которые дублировали друг друга, будучи возглавляемыми одними и теми же лицами. Это объясняет

---

1 *Ковалев С. Н., Щерба А. Н.* Полномочия Полевого управления Ленинградского фронта // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования..., 2018. С. 36–52.

2 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада). – СПб., 2001. С. 52.

3 В историографии встречается название Комиссия по вопросам обороны Ленинграда, что является неточным. (Приводится по Ленинград в осаде..., 1995. С. 579).

целесообразность решения ГКО по замене выше названных Советов одним – Ленинградского фронта, специфическим военно-политическим органом[1]. С этой оценкой нельзя полностью согласиться. На наш взгляд, такой «плюрализм» позволил мягко консолидировать Жданову силы вокруг себя, не допустив концентрации власти вокруг Кузнецова, который ввиду недостаточности военного и политического опыта не мог справиться с эффективной организацией обороны[2], а также подготовив отстранение Ворошилова. К тому же было соблюдено сохранение приоритетов политического руководства.

При режиме «военного положения» гражданские органы власти и управления продолжали подчиняться Ленгорисполкому, а также наркоматам РСФСР, в соответствии с Конституцией РСФСР в ред. 21 января 1937 г. (гл. VIII. ст. 101). В то же время стремление сделать систему функционирования правосудия более эффективной, обеспечивая военный надзор за соблюдением требований как правосудности, так и военного положения, вызвало Постановление Военного Совета Ленинградского фронта № 00441 от 4 декабря 1941 г., которым городские судебно-прокурорские органы были преобразованы в военный трибунал и военную прокуратуру[3].

Постановлением ЦК ВКП(б), Президиума ВС СССР и СНК СССР от 30 июня 1941 года был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР при СНК СССР, который получил «всю полноту власти в государстве» «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу». Постановление не разъясняло компетенции ГКО, который приобретал, прежде всего, политический характер[4]. В состав ГКО вошли:

---

1 *Крюковских А. П.* Ленинградская партийная организация: годы войны // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / редколл. В. М. Ковальчук, Н. А. Ломагин, В. А. Шишкин. – СПб., 1995. С. 54–55. В статье используется термин «чрезвычайная комиссия по вопросам обороны».

2 К. А. Болдовский обращает внимание на недостатки А. А. Кузнецова как руководителя, склонного «перегибать палку». (*Болдовский, К. А*. Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 69–70).

3 Документ № 24. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о преобразовании городского суда и городской прокуратуры в военный трибунал и военную прокуратуру // Ленинград в осаде …, 1995. С. 61.

4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. … Т. 1 : 1941–1943. С. 5–6.

И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (зам. председателя), К. Е. Ворошилов (зам. председателя), Г. М. Маленков, Л. П. Берия. В дальнейшем его состав менялся: 3 февраля 1942 г. его членами стали Н. А. Вознесенский и А. И. Микоян, 20 февраля 1942 г. – Л. М. Каганович, 21 ноября 1944 г. К. Е. Ворошилова заменил Н. А. Булганин. Таким образом, из числа военных представителей в составе ГКО можно увидеть только К. Е. Ворошилова и Л. П. Берия. 4 сентября 1945 г. ГКО упразднялся, а его дела передавались СНК СССР.

Работа ГКО при СНК СССР опиралась на опыт Комитета обороны при СНК СССР, действовавшего с 1937 года[1]. Нельзя не согласиться с выводом П. В. Макарова о том, что данный Комитет отвечал потребности в государственном органе, преданном конкретному партийно-государственному руководству, который наделялся всеми необходимыми полномочиями для принятия в короткие строки ответственных решений в военной сфере[2].

Комитет обороны перед войной возглавлял планово-мобилизационную работу. В январе 1941 г. была создана Центральная Комиссия по предоставлению отсрочек от призыва по мобилизации, а также соответствующие комиссии на местах, в том числе при Ленинградском горисполкоме во главе с председателем горисполкома (члены: городской военком, представители городской плановой комиссии, представители ВЦСПС, представители учреждения, по которому рассматривается вопрос об отсрочках)[3]. Работа такой Комиссии была обусловлена существующим порядком мобилизации, согласно временному полевому уставу РККА 1936 г. (ПУ-36), по которому все вопросы, касающиеся административно-хозяйственной деятельности гражданского населения, должны были согласовываться с местными органами государственной власти[4]. Следует отметить,

---

1 *Макаров П. В.* Деятельность Комитета обороны при СНК СССР по развитию производства боеприпасов (1937 – июнь 1941 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2000 ; *Мартыненко, Н. С.* Деятельность Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров СССР. 1937 – 1941 гг.: опыт и уроки. Дисс. ... к.и.н. – М., 1993. Постоянными членами Комитета были только И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Председателем Комитета был В. М. Молотов (председатель СНК СССР), с мая 1940 г. К. Е. Ворошилов.

2 *Макаров, П. В.* Указ. соч. С. 10–11.

3 Переписка по вопросам обороны // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–10.

4 СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. С. 29–37, 45–49.

что об эффективности проводимой под руководством Комитета обороны планово-мобилизационной работы свидетельствует скорость развертывания мобилизационных мероприятий Ленгорисполкомом в начале Великой Отечественной войны, опередивших соответствующие распоряжения Полевого Управления ЛВО на несколько дней.

Таким образом, создание чрезвычайного органа власти: Государственного Комитета обороны при СНК СССР, который позволил сохранить контроль правящей верхушки Советского государства над системой власти и управления, не было неожиданным. Образцом являлась система управления, созданная в годы Гражданской войны, во главе с Советом труда и обороны, возглавляемым В. И. Лениным.

2 июля 1941 года Постановлением СНК СССР № 1795 были расширены права Народных Комиссаров СССР в условиях военного времени[1]. 18 июля 1941 г. данное Постановление было распространено на Народных комиссаров РСФСР и УССР (Постановление СНК СССР № 1878)[2].

Существенной особенностью политической системы управления СССР являлась роль партийного контроля ВКП(б), который охватывал как идеологическую, так и военную, и административно-хозяйственную сферы. Одной из важных задач, стоявших перед органами партийного контроля, было обеспечение, наряду с мобилизационными мероприятиями, соблюдения конституционных требований и сохранения, таким образом, советского характера власти. На выполнение этой задачи была нацелена деятельность Политбюро ЦК ВКП(б), осуществлявшего ее решение через Военные Советы как органы военно-политического руководства, возглавляемые местными Комитетами ВКП(б).

Необходимо подчеркнуть, что в период войны на территории страны высшая законодательная власть оставалась у Президиума ВС СССР, исполнительная власть оставалась у Советов Народных комиссаров СССР и республик, наделенных

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 257–263.
2 Там же. Л. 400–403.

чрезвычайными полномочиями. Соблюдать функционально целесообразное распределение полномочий, которое касалось прежде всего вопросов, связанных с различением интересов гражданского населения и вооруженных сил, позволяло особое положение лично И. В. Сталина, который возглавил ГКО при СНК СССР, будучи председателем СНК СССР и генеральным секретарем ЦК ВКП(б).

Маршал Г. К. Жуков вспоминал, что ему трудно было определить на какое заседание он был вызван, и в каком качестве на этих заседаниях выступали те или иные лидеры страны (члены Политбюро, ГКО или наркомы). То же подтверждал зам. наркома обороны, нарком путей сообщения СССР А. В. Хрулев: «Государственный Комитет Обороны – это кабинет Сталина. Обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО. В течение дня принимались десятки решений... Следует также иметь в виду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения»[1].

В то же время лишь отчасти можно согласиться с замечанием О. В. Хлевнюка о том, что деятельность ГКО СССР следует рассматривать как «одну из ипостасей неразделенной высшей партийно-государственной власти военного периода, в которой ГКО, Политбюро и руководство СНК действовали как единое целое». Скорее, взаимодействовали дополняя друг друга, превращая аппарат исполнительной власти в слаженный организм подобно единому целому[2].

Этот порядок не мог не отразиться на работе местных органов Советской власти, иерархически подчиненных СНК СССР и СНК РСФСР, а также конкретным наркоматам. Особое место занимала система партийных комитетов, во главе с ЦК ВКП(б). Причем установочный период эволюции всей системы управления государством, позволявшей согласовать деятельность гражданских и военных органов власти и управления, начался уже в довоенный период, по крайней мере с

---

1 Цит. по Хлевнюк О. В. Постановления Государственного комитета обороны СССР. Принятие и реализация // Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 1 : 1941–1943. С. 6.

2 Хлевнюк О. В. Указ. соч

января 1941 г., когда изменялись мобилизационные предписания, составленные на время войны с Финляндией.

Взаимодействие органов государственной и местной власти в организации обороны Ленинграда. Среди других Постановлений ГКО СССР наибольшее внимание исследователей привлекли те, что касаются организации Совета обороны Ленинграда. Характер Военных Советов, руководивших обороной Ленинграда в начале войны, в 1941 г. неоднократно менялся. Так, существовал Военный Совет главнокомандующего Северо-Западным направлением. На основе шифро-телеграммы К. Е. Ворошилова И. В. Сталину и В. М. Молотову 13 июля 1941 года было принято Постановление ГКО СССР № 121сс о назначении А. А. Жданова, 1-го секретаря Ленинградского ГК ВКП(б), членом Военного совета главнокомандующего Северо-Западным направлением (К. Е. Ворошилова)[1].

В связи с переходом гитлеровцев в наступление на Лужском и Новгородско-Чудовском направлениях 10 августа 1941 года и выходом танковых соединений немцев к Октябрьской железной дороге, возникла серьезная угроза захвата Ленинграда. 20 августа в обстановке полной секретности было принято совместное решение Ленинградским горкомом ВКП(б) и Исполкомом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся «Об организации обороны Ленинграда», согласно которому был образован Военный Совет обороны Ленинграда, во главе с командующим армией народного ополчения ген.-майором А. И. Субботиным, до войны зам. начальника штаба Ленинградского военного округа (ЛВО). В тот же день данное решение было подтверждено приказом главнокомандующего Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилова. Однако в состав Совета ни Ворошилов, ни Жданов не вошли. Этот факт, а также наличие самоуправления в рабочих батальонах, которые начали создаваться для уличных боев, вызвали острый конфликт со Сталиным, который связался с руководителями обороны в 1-20 час., 22 августа 1941 г. по аппарату БОДО[2]. В тот же день Жданов и Ворошилов передали

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность …Т. 1: 1941–1943. С. 58.
2 *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-

заявку по войскам[1]. Телефонограмма данных переговоров была рассекречена в 1990 г. и опубликована, вызвав научную дискуссию по поводу конфликта между Ставкой ВГК и руководителями обороны Ленинграда[2].

23 августа 1941 г. для обороны ближних подступов к Ленинграду директивой Ставки Верховного Главнокомандования был образован Ленинградский фронт, выделенный из частей Северного фронта наряду с Карельским фронтом. Командующим Ленинградского фронта по 5 сентября 1941 г. оставался М. М. Попов[3].

24 августа 1941 года было принято Постановление ГКО СССР № 572сс «О создании Военного совета обороны гор. Ленинграда и Военного совета при коменданте Красногвардейского укрепрайона» (на основе шифро-телеграммы К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова Сталину И. В., телеграммы А. А. Кузнецова и П. С. Попкова Сталину И. В.). Спустя еще два дня последовало Распоряжение ГКО СССР № 586 от 26 августа 1941 г. о назначении В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. Г. Кузнецова, А. Н. Косыгина, П. Ф. Жигарева, Н. Н. Воронова уполномоченными для рассмотрения и решения вопросов обороны, эвакуации предприятий и населения г. Ленинграда.

В своих воспоминаниях Н. Г. Кузнецов писал о том, что выехавшие из Москвы вслед за этим уполномоченные лицом к лицу столкнулись с угрозой транспортному сообщению между Ленинградом и Москвой. 29 августа 1941 г. в районе станции Мга спецпоезд с комиссией «пропал». Из-за разрушенной немецкой авиацией колеи им пришлось пешком пробираться на ст. Мга, а оттуда на бронированной дрезине двигаться навстречу бронепоезду, высланному из

во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 68–69.

1 РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558 (Личный фонд Сталина Иосифа Виссарионовича). Оп. 11. Д. 492 (Шифрограммы и переговоры по прямому проводу Сталина по обороне Ленинграда. 17 августа 1941 – 25 января 1942). Л. 13–15 (документ № 3).

2 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9–10 ; *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 1 (09). С. 275–292 ; *Ломагин, Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. 2-е изд. СПб., 2004. С. 112-113 (публикация).

3 Великая Отечественная война. 1941–1945. – М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 405, 575.

Ленинграда[1]. Известны и подробности: за несколько часов до захвата станции немцами, комиссию вывез оказавшийся там зам. наркома путей сообщения К. И. Филиппов. Связи на разъездах не было и о благополучном исходе удалось сообщить уполномоченному НКПС Б. П. Бещеву только спустя два перегона. Сутки судьба комиссии была неизвестна[2].

29 августа 1941 г. в три часа ночи Молотов и Маленков рапортовали о мерах, принятых для упразднения выборного начала в рабочих батальонах, о введении Жданова и Ворошилова в Военный Совет обороны Ленинграда: «Ленинградцы признают свои ошибки, но это конечно совершенно недостаточно, так как теперь дело в практической работе» [3]. В тот же день, на основе докладной записки И. В. Сталину от В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, было принято Постановление ГКО СССР № 599сс о Северо-Западном фронте и назначении М. М. Попова, начальником штаба, а также А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, И. С. Исакова, И. П. Клементьева членами Военного Совета Главного командования Северо-Западного направления и Ленинградского фронта. Северо-Западное направление и Ленинградский фронт объединялись, командующим Ленинградским фронтом назначался главнокомандующий северо-западного направления К. Е. Ворошилов. Северо-Западный фронт передавался в подчинение Верховному главнокомандованию[4]. 30 августа 1941 года, на основе шифро-телеграммы В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и Г. М. Маленкова И. В. Сталину, Постановлением ГКО СССР № 601сс «О Военном совете обороны Ленинграда» Военный совет обороны Ленинграда упразднялся, а его властные

---

1 *Кузнецов Н. Г.* Адмирал Советского Союза..., 2015. С. 435–436.

2 *Розум В. И.* Великий из Великого: к 100-летию со дня рождения Б. П. Бещева. – Ярославль: Верхняя Волга, 2003. С. 167, 169.

3 Подробнее о коммуникативных особенностях переговоров: *Газиева Л. Л.* Некоторые особенности устных переговоров Ставки Главнокомандования с руководителями обороны Ленинграда в июле – сентябре 1941 года // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен. Материалы м/н научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию со Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. 14–15 октября 2013 года / отв. ред. *А. В. Кутузов*; сост. А. В. Кутузов, Л. Л. Газиева. – СПб.: Изд. Л. Газиева, 2013. С. 198.

4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 15. Л. 164–165 ; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 1: 1941–1943. С. 128.

функции передавались Военному совету Ленинградского фронта[1]. В состав Военного Совета Ленинградского фронта входили секретари Обкома и Горкома ВКП(б): А. А. Жданов и А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, председатель Леноблисполкома: Н. В. Соловьев. Это способствовало усилению роли партийных и советских органов в организации обороны Ленинграда.

В воспоминаниях начальника артиллерии Красной Армии генерала Н. Н. Воронова указывалось на основной мотив изменений: сократить нецелесообразное количество Военных Советов (Военный Совет Северо-Западного направления, то же Военный Совет Ленинградского фронта, Военный Совет обороны Ленинграда, Военный Совет Красногвардейского укрепрайона и другие), – «...там ответственные военачальники много заседают, а руководить и работать некогда...»[2].

В то же время привлечение гражданского населения Ленинграда для обороны города получило положительную оценку, и 17 сентября 1941 года вышло Постановление ГКО СССР № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»: с 1 октября 1941 г. вводилось обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола с 16 до 50 лет по 110-часовой программе без отрыва от работы[3]. Реализация этого Постановления отразилась в Решении ГК ВКП(б) Ленинграда от 29 сентября 1941 г.[4]

Хотя 12 августа 1941 г. было принято Постановление ГКО СССР № 467сс об отгрузке материалов для ленинградских предприятий на основе Выписки из протокола заседания бюро Ленинградского горкома от 1 августа 1941 г. [5], но уже 24 августа 1941 г. Распоряжением ГКО СССР № 573сс должны были быть созданы

---

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 15. Л. 169–170 ; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 1: 1941–1943. С. 124, 126.

2 Из воспоминаний начальника артиллерии Красной Армии генерала Н. Н. Воронова // *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С. -Петерб. Ун-та, 2013. С. 95 – 97.

3 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 168 ; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 1: 1941–1943. С. 143.

4 900 героических дней..., 1966. С. 68–70 ; О реализации в г. Ленинграде постановления Комитета обороны СССР «о всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 321.

5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. …Т. 1: 1941–1943. С. 109.

трехмесячные запасы взрывчатых веществ в Ленинграде[1]. А Распоряжением ГКО СССР № 670 от 13 сентября 1941 г. началась подготовка к уничтожению предприятий на случай отхода Красной армии, уполномоченным назначался В. Н. Меркулов[2]. Однако подготовка к уничтожению кораблей КБФ, в случае прорыва противником обороны Ленинграда, началась еще раньше[3]. 8 сентября было принято постановление Военного Совета Ленинградского фронта «По вопросу о проекте плана затопления кораблей КБФ и судов торгового флота в случае непосредственной угрозы их захвата противником», проект был согласован с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым. 13 сентября И. С. Исаковым, зам. НК ВМФ, план мероприятий на случай вынужденного отхода из Ленинграда, согласно которому все корабли военного флота, торговые, промысловые и технические суда подлежали уничтожению взрывом и затоплением, был представлен Верховному главнокомандующему[4]. Ряд исследователей отмечают инициативу правительства Великобритании, предлагавшего компенсацию в случае необходимого затопления флота[5].

Характер постановлений и решений ГКО в этот период по Ленинграду свидетельствует о своеобразном характере коллегиального принятия решений, в которые превращались выписки, докладные записки, решения Ленинградского горкома ВКП(б), зачастую простым присвоением соответствующего номера.

Оценка исследователями характера устных переговоров Сталина и «ленинградцев» по аппарату БОДО в августе 1941 года несколько изменилась, с тех пор как стал доступным для изучения текст телефонограмм. Так, Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков, К. А. Болдовский обращают внимание на то, что, несмотря на резкий характер замечаний Сталина, в устных переговорах, наряду с имевшим место

---

1 Там же. С. 124.

2 Там же. С. 140.

3 *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининградское книж. изд-во, 1972. С. 165–169. С этого времени борьба за спасение Ленинграда для моряков Балтийского флота стала борьбой за живучесть кораблей.

4 План «Д». Архив «Большого Дома» / Сост. С. *К. Бернев, Н. А Ломагин.* – СПб.: Европейский Дом, 2005. С. 21.

5 *Кантор Ю. З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады. С. 18 ; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб. ; М., 2002. С. 67.

давлением на ленинградское руководство, обсуждались конкретные меры по оказанию помощи Ленинграду[1]. С данными выводами нельзя не согласиться.

Организация управления обороной Ленинграда. До начала 1970-х гг. личные особенности партийных и советских руководителей Ленинграда скупо освещались в отечественной литературе. Краткая характеристика секретарей ГК ВКП(б), руководивших промышленностью, дана в книге «На защите Невской твердыни», вышедшей в 1965 г.[2]. Николай Дмитриевич Шумилов, единственный из блокадных секретарей ГК ВКП(б), который уцелел в ходе «Ленинградского дела», пережил и репрессию, и реабилитацию, рассмотрел организационные вопросы руководства обороной Ленинграда со стороны ГК ВКП(б) уже в книге «В дни блокады», подкрепленной солидной работой в архивах. В начале 1980-х гг. Н. Д. Шумилов и В. Н. Базовский вновь обратились к данной теме. Им принадлежит первая книга, посвященная персонально одному из блокадных секретарей: Алексею Александровичу Кузнецову[3].

В 2000-х возрос интерес к биографическим исследованиям Советских руководителей обороны Ленинграда. На основе изучения личного фонда Жданова в коллекции РГАСПИ, а также обширной исторической литературы канадским историком К. Ботерблоемом была подготовлена биография А. А. Жданова. Несмотря на широкий круг использованных источников и литературы, в него не попали многие важные документы, в результате автор упустил многие значительные факты[4].

---

1 *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 1 (09). С. 288.

2 На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / *С. П. Князев, М. П. Стрешинский, И. М. Франтишев [и др.].* – Л.: Лениздат, 1965.

3 *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое: Докум. повествование об А. А. Кузнецове. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1985 ; *Шумилов, Н. Д.* В дни блокады. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1977.

4 *Boterbloem K.* The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948. – Montreal, 2004. В то же время автор обратил внимание на факт, обычно умалчиваемый в историографии обороны Ленинграда, о назначении К. А. Мерецкова 21 июня 1941 г. командующим ЛВО, и последовавшем 23 июня с.г. отзыве его в Москву и аресте по делу Ванникова, бывшего НК вооружений. (Ibid. P. 226). В своих воспоминаниях К. А. Мерецков пишет о назначении его представителем Главного командования в ЛВО (данную должность Boterbloem уточняет в комментариях: Ibid. P. 445) и последовавшем отзыве 23 июня в Москву, в связи с назначением постоянным советником при Ставке Главного Командования. (*Мерецков, К. А.* На службе народу. – М.: Политиздат, 1968. С. 209–214). Об июньском назначении и аресте К. А. Мерецкова не упоминается ни словом и в труде, посвященном истории ЛВО (*Скворцов В. Н., Тарасов М. Я.,*

В те же годы был опубликован ряд биографических исследований российскими историками на основе воспоминаний и новых публикаций документов. В центре внимания оказались фигуры А. А. Жданова и А. А. Кузнецова. Задачей ученых было дать объективную оценку как вкладу руководителей Ленинградской организации ВКП(б) в оборону Ленинграда, так и их личным особенностям[1]. К этим работам необходимо добавить публикации, появившиеся в последние пять лет[2]. В качестве нового направления источниковедческих исследований наметился анализ делопроизводственных документов как источника сведений политологического и социально-психологического характера о свойствах ленинградской политической элиты[3].

Все эти труды позволяют уточнить субъективные факторы организации обороны Ленинграда.

Первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) являлся

Фролов М. И. Ленинградский военный округ. Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010). На документальной базе эта история ареста и возвращения в Ленинград Мерецкова раскрыта в двух трудах (*Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М.: Терра, 1998. С. 210, 305, 316 ; *Черушев Н. С.* Из Гулага – в бой. – М.: Вече, 2017. С. 197–229).

1 А. А. Жданов: «Задача всех задач — поддержать дух людей…» (январь 1942 г.) // *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 — май 1942. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 349—444 ; *Волынец А. Н.* Жданов. М.: Молодая гвардия, 2013 ; *Кутузов В. А.* А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. – 2012. – № 1. С. 193—203 ; *Его же.* «В личном плане поведение А. А. Жданова во время блокады было вполне достойным» // Ленинградская битва сквозь призму времени: Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. С. 64—67 ; *Его же.* А. А. Жданов и пирожные: мифы и реалии блокадного Ленинграда // Россия в XX веке / Отв. ред. М. В. Ходяков. – СПб., 2008. С. 169—174 ; *Кутузов В. А., Демидов В. И.* Член Военного Совета А. А. Жданов // Битва за Ленинград: проблемы современных исследований. Сборник статей / Сост. Е. В. Ильин. – СПб.: СПбГУ, 2007. С. 157—170 ; *Кутузов В. А.* Алексей Александрович Кузнецов: начало политической биографии // Россия в XX веке. Сборник статей к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, профессора В. А. Шишкина / под ред. В. М. Ковальчука. – СПб., 2005. С. 288–305 ; *Его же.* «Много сделал для защиты города…»: Страницы военной биографии Алексея Александровича Кузнецова // История глазами историков: Межвузовский сборник науч. трудов. – СПб.: СПбГАУ, 2002. С. 304–311 ; *Глотова О. А.* Андрей Александрович Жданов (идеологическая деятельность в 1920—1940-е гг.). Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2004 ; *Борисов С. Б.* Андрей Александрович Жданов: Опыт политической биографии. – Шадринск: Исеть, 1998.

2 *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937–1950. – СПб.: Алетейя, 2014 ; *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. – СПб.: СПб Академия Следственного комитета, 2017 ; *Болдовский К. А.* Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – Вып. 2. С. 61–73 ; *Его же.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». – СПб.: Нестор-История, 2018.

3 *Болдовский К. А.* Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 3. С. 110–117 ; *Твердюкова Е. Д.* Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 3. С. 118–129.

Андрей Александрович Жданов (1896–1949)[1], занявший эту должность весной 1934 г., после убийства С. М. Кирова. Одновременно он работал в секретариате ЦК ВКП(б). С 1939 по 1940 гг., наряду с другими постами, А. А. Жданову было поручено Управление пропаганды и агитации в ЦК ВКП(б)[2].

А. А. Жданов старался окружить себя единомышленниками. Сказывалось и то, что его образование ограничивалось реальным училищем[3]. Так, на место 2-го секретаря ГК ВКП(б) Жданов выдвинул секретаря Дзержинского райкома ВКП(б) Алексея Александровича Кузнецова (1905–1950). Несмотря на то, что образование А. А. Кузнецова также ограничивалось средним, он производил на людей впечатление строгого, но справедливого руководителя, умел находить общий язык с рабочими, что использовал в своей партийной работе[4].

Вряд ли достаточным было заочное окончание Ленинградского института инженеров коммунального строительства (ЛИИКСа) третьим крупнейшим управленцем Ленинграда – Петром Сергеевичем Попковым (1903–1950). С 3 января 1940 г. Попков стал председателем Ленгорисполкома, будучи выдвинут А. А. Ждановым[5].

Из переписки Жданова со Сталиным видно, что первый секретарь ГК ВКП(б) обладал стратегическим чутьем, имел свою собственную позицию по важнейшим

---

1 Карьера Жданова началась в качестве председателя Тверского губисполкома с 1922 г., затем – секретарь Нижегородского губкома, Горьковского крайкома ВКП (б) с 1924 г., с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С 1930 г. – член ЦК ВКП (б). Член Политбюро ЦК с 1939 г. Член ВЦИК, ЦИК СССР, Деп. ВС СССР с 1937 г. (Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия. 1980. С. 437).

2 В секретариат ЦК ВКП(б) А. А. Жданов вошел совместно с И. В. Сталиным, Л. М. Кагановичем и С. М. Кировым в начале 1934 г., на пленуме, состоявшемся после XVII съезда ВКП(б). (*Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. …. С. 18, 50–51).

3 В 1915 г. Жданов начал обучение в Московском сельскохозяйственном институте, но уже в 1916 г. оставил его для военной службы, пройдя курс в 3 Тифлисской школе прапорщиков. В то же время Жданов получил домашнее воспитание от отца, бывшего профессора Духовной Академии, увлекавшегося социалистическими идеями. (Там же. С. 17–19)

4 А. А. Кузнецов с 17 лет пошел работать. С 1924 г., с 18 лет, находился на освобожденной комсомольской работе. Постепенно он поднялся с поста ответственного секретаря Ореховского волостного комитета РЛКСМ Боровичского уезда до секретаря Лужского окружкома ВЛКСМ. В 1930 г. приступил к обязанностям зам. зав. Организационно-инструкторским отделом Ленинградского ОК ВЛКСМ по руководству деревенскими организациями. В ноябре 1931 г. стал зав. производственно-техническим отделом Ленинградского ГК ВЛКСМ. С 1932 г. на работе в ЛГК ВКП(б). (*Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое: Докум. повествование об А. А. Кузнецове …, 1985. С. 10, 14, 22).

5 Нельзя считать достаточным и его опыт в данной сфере. В 1937 г. Попков окончил институт и, почти сразу же, в ноябре 1937 г. возглавил райисполком Ленинского района Ленинграда. (Приводится по *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937 – 1950…, 2014. С. 52–59).

вопросам обороны Ленинграда и умел ее отстаивать. В ключевых вопросах обороны позиция А. А. Жданова, как правило, опиралась на поддержку П. С. Попкова, А. А. Кузнецова, а также И. С. Хозина, Я. Ф. Капустина и других. Так, например, в письме 1942 г. Жданов высказывал осторожную критику в адрес Сталина по поводу попыток прорвать блокадное кольцо, сняв 11 дивизий и 1 стрелковую бригаду, а также 115 танков, 2 броне-батальона, корпусной артполк и части пополнений для 54 армии с внутреннего обвода[1]. Аналогичную позицию: скептически недоверчивую, выразил 23 октября 1941 г. И. С. Хозин в переговорах по БОДО с А. М. Василевским, передававшим директиву Сталина о выводе войск Ленинградского фронта[2].

В то же время Б. П. Белозеров упоминает о конфликте, который имел место между А. А. Ждановым и К. Е. Ворошиловым перед войной[3]. Видимо сохранявшееся напряжение в отношениях давало себя знать и, в конце концов, Сталин отозвал Ворошилова из Ленинграда.

Летом 1942 года, как известно из личной переписки со Сталиным, всерьез рассматривалась возможность перевода и Жданова в Москву. Это вызвало со стороны Жданова возражения. Из письма, переданного с нарочным в июне 1942 г., вырисовывается противоречивая фигура первого секретаря Ленинградской партийной организации: человека ответственного, детально знающего систему обороны Ленинграда, уверенный и бодрый дух которого был хорошим подспорьем, «чтобы никто не вешал нос на квинту», не только для соратников, но для всех ленинградцев[4].

---

1 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л. Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. С. 33.

2 И. С. Хозин по поводу вывода войск отвечал постскриптум: «Но это бальшой вопрос, по нему долго разговаривать, хотя бы паследний случай с Тихвином [орфографические ошибки в телефонограмме - ЛГ]». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 483, док. 19 / Л. 101 ; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов/ Под ред. *Н. Л. Волковского*. – М.: Аст, СПб: Полигон, 2004. С. 58).

3 В апреле 1940 г. НК обороны, возглавляемый К. Е. Ворошиловым, проверяла партийно-государственная комиссия во главе с А. А. Ждановым и Н. А. Вознесенским. Были вскрыты серьезные недостатки в работе НК обороны и лично К. Е. Ворошилова. По результатам работы комиссии, в мае 1940 г. вместо Ворошилова наркомом обороны был назначен С. К. Тимошенко. (*Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001. С. 28).

4 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал

Если перед войной Жданов возглавил комиссию по переработке школьных учебников по истории, являясь референтом и соавтором Сталина по выработке ключевых концепций советской историографии[1], то уже в 1944 г. он концептуально прорабатывал историко-политическую оценку войны с гитлеровской Германией. Так, в реферате «О недостатках и оценках в области истории СССР», подписанном им 9 сентября 1944 г., резкой критике подверглись взгляды историка Х. Аджамяна, заявлявшего, что «борьба за пространственный максимум была велением мудрого инстинкта самосохранения русской нации и державы». Вместе с тем Жданов критиковал концепцию Е. В. Тарле, согласно которой – расширение территории старой России спасло СССР в борьбе с гитлеровской Германией. По мнению Жданова, недопустимым было оправдание политики колониальных захватов царизма исторической целесообразностью.

Наряду с этим, Ждановым была дана высокая оценка деятельности Грозного, как способствовавшей «убыстрению исторического прогресса…». В качестве подтверждения своей мысли Жданов привел слова Ленина: «Исторические заслуги судятся не потому, чего не дали исторические деятели…, а потому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками». Слова эти в документе отчеркнуты и Ждановым, и Сталиным[2].

Таким образом, нельзя согласиться с теми авторами, которые приписывают Жданову социально-националистские взгляды[3]. В то же время он поддерживал политику репрессий тех лиц, которые, на его взгляд, препятствовали историческому прогрессу.

Репрессиям подвергались не только лица, но и памятники культуры. Охарактеризовать личную позицию А. А. Жданова по ряду «неудобных» вопросов

нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л. Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. С. 31–35.

1 Так, Жданов возглавлял комиссию «для пересмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделок написанных уже учебников по истории». (*Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. – М…., 2019. С. 150–151).

2 РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин). Оп. 11. Д. 731 (Переписка Сталина со Ждановым…об обороне Ленинграда. 9 июня 1942 – 15 сентября 1946). Л. 19–21, 34, 67.

3 Ср. например, *Волынец А. Н.* Жданов. – М.: Молодая гвардия, 2013.

позволяет история Московских ворот, которые демонтировали накануне войны[1].

Вероятно, Жданов устраивал Сталина на посту 1-го секретаря Ленинградского ОК и ГК ВКП(б) сдержанным подходом к репрессиям. В Ленинграде зачастую репрессируемого передвигали на другую должность даже без ущемления в правах, особенно в случаях, касавшихся интеллигенции, деятелей культуры, работников административного аппарата. Так, например, проф. И. Д. Страшун после отстранения от должности директора 1 ЛМИ в 1944 г. был принят в члены ВКП(б); Е. Ф. Лаврикова была снята с зав. сектором дошкольного воспитания Ленгороно в 1943 г. и назначена директором оздоровительного санатория для подростков в Хэпо-Ярви[2].

Уважение Сталина к точке зрения Жданова видно из указанного выше факта, что Постановления ГКО по Ленинграду принимались простым присвоением номера выпискам из решений Ленинградских ОК и ГК ВКП(б). Практически все просьбы Жданова по организации обороны удовлетворялись московским руководством. Однако Жданов предпочитал отмалчиваться, если по «своим каналам» выяснял негативную оценку вождя, как было, например, с введением осадного положения в Ленинграде.

Характерно, что 17 декабря 1941 г. А. А. Жданов принял участие в совещании, состоявшемся в Кремле у И. В. Сталина. Помимо 1-го секретаря Ленинградского ГК ВКП(б), на нем присутствовали М. С. Хозин, Г. М. Маленков, А. М. Василевский, К. А. Мерецков, Г. Г. Соколов, И. В. Галанин, Б. М. Шапошников[3]. Накануне, 7 декабря 1941 г., Ждановым было направлено письмо Сталину с оказией – возвращавшимся в Москву Н. Н. Вороновым. В письме Жданов дает подробный

---

1 В 1936 г. ворота начали демонтировать как памятник реакционного прошлого царизма: среди прочих причин было и то, что они были установлены в память о разгроме польского восстания 1831 г. Демонтаж уже начался, когда 3 августа 1936 г. архитектор Катонин обратился с письмом к Жданову, умоляя спасти от разрушения шедевр, созданный арх. В. Стасовым. Последовала резолюция: «т. Эдельсону. Надо решить, если есть там что-либо ценное (барельефы, украшения) о передаче в какой-либо музей. В остальном оставить без последствий. Жданов». Решение Жданова позволило восстановить ворота в 1959–1961 гг. (Приводится по *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. – СПб.: СПб Академия Следственного комитета, 2017. С. 56–57).

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 2. Д. 15. Л.1об ; Ф. 1538. Оп. 1. Д. 10. Л. 111 ; ЦГА СПб. Ф. 9023. Оп. 1. Д. 5. Л. 84. Подробнее о судьбах этих людей ниже.

3 *Болдовский К. А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, № 1. С. 71.

анализ проблем, с которыми столкнулись войска Ленинградского фронта при организации наступления[1]. Можно предположить, что эти вопросы, наряду с другими, связанными с возможностью перехода войск Ленинградского фронта в наступление, рассматривались на совещании.

17 декабря 1941 г. вышло постановление СНК СССР № 336, разрешавшее выплачивать среднюю заработную плату работникам временно законсервированных предприятий Ленинграда[2]. Однако при этом не было ясно из каких финансовых средств она будет выплачиваться, так как вскоре выяснится, что банки отказывались кредитовать простаивавшие предприятия, и в результате в декабре и вплоть до марта возникла крупная задолженность предприятий по заработной плате.

Противоречия натуры Жданова, в которой соединялись причудливым образом обаяние, коммуникативная культура, добросердечие и суровость, оказались, видимо, камнем преткновения, не позволившим при жизни профессору Владиславу Александровичу Кутузова, одному из известных исследователей личности А. А. Жданова, издать подготовленную им монографию[3].

Не менее противоречивой является личность А. А. Кузнецова, выдвиженца С. М. Кирова. К выбившемуся из бедноты пареньку из Боровичей рабочие относились по-свойски. Кузнецов умело использовал это «особенное» отношение рабочих при решении сложных вопросов. Но эта же особенность, позволявшая горячей фразой увлечь людей, подкрепляя фразу и крепким кулаком, с другой стороны, приводила порой к просчетам, ошибкам в решении важных задач, требовавших знаний, понимания.

Следует заметить, что в условиях Ленинграда в 1940-ые годы отсутствие

---

1 «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л. Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. С. 32.

2 *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник С.-Петерб. ун-та. История. – 2016. – Вып. 2. С. 70.

3 *Демидов В. И., Кутузов В. А., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Очерки политической биографии. – СПб.: СПб Академия Следственного комитета, 2017. Работу над монографией завершил сын, Александр Владиславович Кутузов, уже после смерти В. А. Кутузова.

специального образования уже рассматривалось как несоответствие занимаемой должности [1].

В то же время в ОК и ГК ВКП(б) имелись секретари по узловым направлениям хозяйственной жизни города, которые имели высшее образование и были компетентными специалистами в данных вопросах. Введение таких секретарей в штат горкома ВКП(б) состоялось перед самой войной в 1940 г. Подробная характеристика этих секретарей – промышленников была дана в 1965 г. в книге «На защите Невской твердыни». 3-им секретарем ГК ВКП(б) являлся с 1939 г. Я. Ф. Капустин, бывший секретарь партийной организации Кировского завода, а затем 1-й секретарь Кировского райкома ВКП(б). Я. Ф. Капустин прошел путь от рабочего-слесаря до начальника цеха, закончил с отличием Политехнический институт. Как инженер-новатор он был награжден орденом Ленина. 3 июля 1941 г. специальным постановлением бюро ГК ВКП(б) на него были возложены координация и руководство секретарями ГК ВКП(б) по промышленности. К. А. Болдовский подчеркивает, что важнейшие вопросы Я. Ф. Капустиным решались напрямую с Н. А. Вознесенским, 1-м заместителем председателя СНК СССР.

Авторитетными и опытными специалистами были секретари ГК ВКП(б): М. В. Басов, инженер-экономист, занимавшийся военно-техническим снабжением войск во время советско-финляндской войны; П. Т. Талюш, секретарь по электропромышленности, инженер-электрик, имевший опыт руководящей работы в Ленэнерго; П. Т. Сухомехов, секретарь по химической промышленности, в прошлом директор завода; Б. А. Сердобинцев, инженер-экономист, секретарь ГК по местной промышленности. Опыт работы в военных условиях имел секретарь ГК ВКП(б) по пищевой промышленности П. Г. Лазутин[2].

В начальный период войны были сформированы Комиссии, «тройки»,

---

1 Отсутствие соответствующего образования использовалось как повод для отстранения от должности. Так, в апреле 1943 г., когда был снят заведующий гороно Ленгорисполкома Г. С. Левин, основной причиной называлось отсутствие у него высшего педагогического образования. (ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 9. Л. 12).

2 На защите Невской твердыни…, 1965. С. 28–29 ; *Болдовский К. А.* Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник С.-Петерб. ун-та. История. – 2016. – Вып. 2. С. 62, 66, 67.

«пятерки», по ключевым вопросам во главе с секретарями ОК и ГК ВКП(б). Они позволяли объединить специалистов и административный аппарат. 1 июля 1941 г. была создана «большая пятерка» (руководящая комиссия), в составе: А. А. Жданов (председатель), секретарь ГК ВКП(б) А. А. Кузнецов, секретарь обкома ВКП(б) Т. Ф. Штыков, председатели исполкомов областного Совета Н. В. Соловьев, городского – П. С. Попков. После выбытия Штыкова на Северо-Западный фронт его заменил секретарь обкома М. Н. Никитин, в августе 1941 г. в состав Комиссии вошел секретарь ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустин. Рабочим аппаратом Комиссии являлись секретари по промышленности и отраслевые отделы ОК и ГК ВКП(б).

Аналогично начали работу Советские «четверки»: облисполкома (председатель Н. В. Соловьев, его заместители: П. П. Еремеев, В. Е. Лебедев, секретарь исполкома К. Д. Белокурова) и горисполкома (председатель П. С. Попков, его заместитель В. М. Мотылев, председатель Ленплана Н. А. Манаков, зав. торговым отделом И. А. Андреенко). Кроме того, действовала «тройка» ОК и ГК ВЛКСМ в составе секретарей В. Н. Иванова, И. О. Сечхина, И. С. Бучурина. Для решения важных вопросов выделялись уполномоченные, наделенные чрезвычайными полномочиями[1].

Опубликованы пять протоколов заседаний «Большой пятерки» или «Руководящей комиссии» за период с 1 по 10 июля по 1941 г., под председательством А. А. Жданова. Основные вопросы, которые решались Комиссией: производство артиллерийского, стрелкового, танкового и пр. вооружений, организация армии добровольцев, партизанских отрядов и диверсионных, подпольных, групп (пр. № 1 от 1 июля1941), эвакуация населения из Эстонской и Карело-Финской ССР, организация работы заведующих отделами и секретарей ГК ВКП(б) (пр. № 2 от 3 июля 1941 г.), формирование Ленинградской Армии народного ополчения (ЛАНО), перестройка работы РК ВКП(б) (пр. № 3 от 4 июля 1941 г.)[2].

---

1 На защите Невской твердыни…, 1965. С. 56–57.
2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 26–33.

Руководящей Комиссией было принято решение о сокращении штатов райкомов ВКП(б), сосредоточении их внимания на решении задач: организации Народного ополчения, оборонительного строительства, организации и укрепления МПВО, организации трудовой повинности на оборонных работах, помощь и контроль за работой оборонных предприятий и предприятий, перешедших на мобилизационный план, организации агитационно-пропагандистской работы и эвакуации населения (пр. № 3 от 4 июля 1941 г.). При этом решения принимались тройкой во главе с 1-м секретарем райкома от имени бюро РК или райисполкома. Таким образом, районная партийная власть получила чрезвычайное право заменять собой, в соответствии с обстоятельствами, районную Советскую власть. Согласно этому решению, сокращались штаты отделов и контор райисполкомов. Для решения текущих вопросов создавались узкие комиссии, решения которых имели силу решений исполкомов. На выполнение данного решения отводилось 24 часа[1].

Необходимо обратить внимание на то, что замена районной Советской власти партийной являлась антиконституционным мероприятием. Такая замена вряд ли могла быть эффективной, так как в Советских органах власти, как правило, работали профессионально подготовленные люди, в то время как в партийных органах власти ценились люди, лично преданные идейным вождям, но часто не имевшие профессиональной подготовки. Кроме того, такая замена ограничивала функциональные возможности Ленгорисполкома.

В дальнейшем это усугубило катастрофическую ситуацию с нехваткой средств на выплаты заработной платы рабочим ленинградских промышленных предприятий. 15 февраля 1942 г. Ленгорисполком вынужден был обратиться к Н. А. Вознесенскому, зам. председателя СНК СССР, за разрешением выдать бланковые ссуды предприятиям для выплаты зарплаты за декабрь 1941 – январь 1942 гг., а наркоматам срочно перевести предприятиям необходимые средства, в дальнейшем отслеживая финансирование предприятий[2].

---

1 Там же. С. 31–32.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 49. Л. 29, 35–41.

16 февраля 1942 г. бюро ГК ВКП(б) приняло постановление «Об извращениях в оплате рабочих, инженерно-технических работников и служащих на предприятиях г. Ленинграда, временно переведенных на консервацию». В постановлении была отражена точка зрения А. А. Кузнецова, требовавшего, чтобы работники предприятий, получая зарплату, отрабатывали ее, приходя на работу ежедневно и выполняя какие-либо задания. Кроме того, он настаивал на том, чтобы лишить дополнительных обедов рабочих горячих цехов временно законсервированных[1]. К. А. Болдовский обратил внимание на внутренние разногласия, возникшие по этому вопросу между Ждановым, согласным с тем, что главное в сложившихся условиях поддержать людей, и Кузнецовым, настроенным максималистски[2].

Таким образом, сопоставляя уже известные исследователям документы Горкома ВКП(б) по данному вопросу с неопубликованными документами Секретной части Ленгорисполкома, можно предположить наличие конфликта между деятелями Ленгорисполкома, защищавшего в данном случае гражданские права рабочих промышленных предприятий, и некоторыми членами бюро ГК ВКП(б), осуществлявшего политическое руководство. В этот период А. А. Кузнецов позволял себе не только критиковать руководителей Ленгорисполкома, но и прямо угрожать отдельным лицам репрессиями за «формальный подход к работе»[3]. При этом внутри самого ГК ВКП(б) проявились противоречия между умеренным А. А. Ждановым и максималистом А. А. Кузнецовым.

В то же время для триумвирата Жданов – Кузнецов – Попков были характерны общий стиль руководства, взаимное уважение и поддержка по ключевым вопросам. К ключевым фигурам, принимавшим решения по важнейшим вопросам жизнедеятельности города, необходимо отнести также Я. Ф. Капустина. Трое из ленинградских руководителей представляли в период войны Всесоюзные

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 562–564.

2 *Болдовский К. А.* Указ. соч. С. 69,70.

3 9 марта 1942 г. такие обвинения были выдвинуты в адрес секретаря Ленгорисполкома Н. И. Пономарева (*Болдовский К. А.* Указ. соч. С. 65).

органы власти или управления: А. А. Жданов – член Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б), П. С. Попков – член Совета по эвакуации при СНК СССР, Я. Ф. Капустин – уполномоченный ГКО СССР по эвакуации предприятий Ленинграда.

Насколько эффективна была работа Комиссий? Сохранившиеся протоколы заседаний ГК ВКП(б), в том числе Комиссий, позволяют судить о том, что они способствовали быстрому распределению хозяйственных и людских ресурсов. Хотя в ряде случаев встречались жалобы на то, что работа комиссии под руководством секретаря ГК ВКП(б) усложняла работу (как тройка по МПВО, по мнению Е. С. Лагуткина)[1].

Н. Д. Шумилов отмечал, что руководящие комиссии существовали до блокады, когда их функции перешли к Военному Совету Ленинградского фронта[2]. В то же время Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся прибегал к созданию как временных, так и постоянно действующих комиссий. Действовала штатная Плановая комиссия Ленгорисполкома во главе с Н. А. Манаковым. 2 июля 1941 г. в соответствии с указанием ГК ВКП(б) была создана комиссия для разрешения текущих хозяйственных вопросов, с 6 июля 1941 г. такие комиссии стали действовать при райисполкомах. В 1943 г. работали 9 постоянных комиссий: бюджетная, по коммунальному хозяйству, жилищно-строительная, по местной промышленности, по здравоохранению, топливно-энергетическая, по торговле, по городскому транспорту и по школе, в состав которых входили 32 депутата горсовета[3]. Военный Совет Ленфронта также прибегал к созданию комиссий. Наиболее известна Продовольственная комиссия в составе: А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Н. В. Соловьева, Д. В. Павлова, И. А. Андреенко и др., которая действовала с 15 января 1942 г. по 30 декабря 1943 г.[4].

Для руководства агитационно-пропагандистской работой в начале войны

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 43, 66.

2 *Шумилов Н. Д.* В дни блокады …, 1977. С. 28.

3 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета.., 2017. С. 8, 9; Стенограммы заседений исполкома Ленинградского городского Совета…, 2018. С. 9.

4 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета .., 2017. С. 352.

была создана «тройка» в составе Н. Д. Шумилова и К. И. Домокуровой, секретарей ГК ВКП(б), а также П. В. Золотухина, редактора «Ленинградской правды». 10 июля 1941 г. в Комиссию вошел И. Я. Фомиченко – редактор фронтовой газеты «На страже Родины»[1].

Высокую оценку деятельности постоянно действовавших узких комиссий при ГК ВКП(б): по агитационно-пропагандистской работе, по строительству укрепленной полосы, по рассмотрению и реализации оборонных предложений и других дает К. А. Болдовский, который отмечает, что они выполняли роль структурных звеньев при бюро ГК ВКП(б). Принятые ими решения подтверждались без поправок бюро ГК[2].

Значительное место в укреплении влияния Горкома ВКП(б) играли первичные партийные организации, которые зачастую были инициаторами многих жизненно важных политических решений. С осени 1941 г. начали систематически проводиться партийные, комсомольские собрания, были проведены два пионерских слета, проходили производственные собрания, партийные и комсомольские городские активы, совещания. Каждый из ленинградцев, принимая участие в обсуждении, решении, проявляя инициативу, чувствовал себя активным участникам обороны города. Это способствовало сплочению людей, увеличивало их жизнестойкость. Важную роль в активизации ленинградцев сыграл институт политорганизаторов, введенный 22 июля 1941 г. в домохозяйствах, из числа лучших членов ВКП(б), проживавших в них[3].

За период войны численность Ленинградской городской организации ВКП(б) резко сократилась, но удельный вес коммунистов, хоть и незначительно, вырос. Если 22 июня 1941 г. в городской партийной организации большевиков состояло 153 531 чел., в том числе 30 682 кандидата в члены ВКП(б), то к началу 1943 г. имелось 43 893 чел. коммунистов, в том числе 13 588 чел. кандидатов в члены

---

1 *Шумилов, Н. Д.* В дни блокады. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1977. – С.31.
2 *Болдовский К. А.* Указ. соч. С. 63, 65, 68, 69.
3 *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое… – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 69.

партии. Чуть меньше половины членов партийных организаций составляли женщины[1]. Удельный же вес коммунистов по отношению ко всему ленинградскому населению составил в конце июня 1941 г. 4,8%, а в начале 1943 г. 5,6%[2].

Снабжение продовольствием аппарата партийной и Советской власти в Ленинграде. Проблема продовольственного снабжения и обыденной жизни партийного и управленческого аппарата в Ленинграде продолжает занимать одно из центральных мест в литературе зарубежных авторов. Одним из характерных является миф об изобильном питании А. А. Жданова и других представителей ленинградской элиты. Многочисленные ссылки на публицистическую прозу, распространенную в 1989–1999 гг., находим в историко-биографической монографии К. Ботерблоема. Без тени скептицизма автор перечисляет все возможные версии: о пирожках, персиках, гамбургерах и банкетах. Надо отдать должное, что автор упоминает и о том, что одними из первых о рационе руководителей обороны писали журналисты Г. Солсбери, А. Верт, побывавшие в Ленинграде в 1941, 1942 гг. Так Г. Солсбери, посетивший Жданова в 1941 г., писал о том, что тот, как и другие представители начальствующего состава армии и флота, имел военный рацион (хлеб, мясной или рыбный суп, немного каши, чай с сахаром). От такой диеты теряли в весе, но никто из руководителей обороны не пострадал от дистрофии[3].

Было ли элитным снабжение продовольствием управленческого аппарата г. Ленинграда в 1941–1942 гг.? Проф. М. В. Ходяков пишет, что на основании решения Ленгорисполкома (№ 885/с от 17 декабря 1941 г.) только 18 декабря 1941 г. А. И. Фельдман, начальник Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе (Ленглавресторан), разослал указание директорам трестов столовых города: выдавать без продкарточек ужин секретарям райкомов ВКП(б), их заместителям,

---

1 На защите Невской твердыни…, 1965. С. 497, 507–508.

2 Подсчитано мной на основе имеющихся демографических данных. Численность населения на 22 июня 1941 г. взята 3 212 554 чел. (результат, полученный в данном исследовании. См. глава 2, §2). Число на 5 октября 1942 г. взято 790 024, по данным Горстатуправления о составе населения Ленинграда по полу и возрасту по материалам перерегистрации паспортов, проведенной с 8 июля по 25 августа 1942 г. (Ленинград в осаде…, 1995. С. 313).

3 Цит. по *Boterbloem K.* The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948. – Montreal, 2004. P. 239–241.

председателям райисполкомов советов депутатов трудящихся [д.т.], из расчета 3 рубля на человека. Лимит питающихся работников райкомов и райисполкомов устанавливался в 10 человек[1].

Необходимо уточнить, что имеются достоверные сведения о снабжении продовольствием работников управленческого аппарата Смольного через специальную столовую № 59. Протоколом № 8 от 19 марта 1942 г. Продовольственной комиссии Ленфронта, п. 3 было принято решение об открытии с 25 марта 1942 г. дополнительно столовой в бывшем ресторане Северный для работников отделов и управлений Ленгорисполкома (400 чел.) и Леноблисполкома (100 чел.) по персональным спискам без погашения талонов, за исключением хлеба и мяса, по нормам принятым в столовой № 59, в соответствии с решением Суженного Заседания (С.З.) Ленгорисполкома. С 23 марта 1942 г. в столовых райсоветов для работников аппарата райкомов ВКП(б) и райсоветов отпуск питания осуществлялся без погашения талонов из карточек, за исключением хлеба и мяса. По хлебу погашалось 100% и по мясу 50%. С 25 марта 1942 г. специальная столовая открывалась и для ответственных работников ЦК и ОК профсоюзов в количестве 250 чел. на тех же условиях[2]. Таким образом, получить какие-то благоприятные условия по организации питания работники аппарата райкомов ВКП(б), исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся и профсоюзных организаций смогли только в конце марта 1942 г., когда было налажено обеспечение продовольствием населения города в целом.

М. В. Ходяков называет также некоторые спецстоловые для сотрудников райисполкомов, «партактива» и членов райкомов ВКП(б), работавшие осенью 1942 г. Нормы «льготных обедов», без погашения продовольственных карточек, в этот

---

1 *Ходяков М. В.* «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941 – 1943 гг. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / С. Н. Полторак (общ. ред.), И. А. Тропов (отв. ред.), А. В. Зотова, С. Н. Рудник, А. М. Иорданская, С. В. Степанов. – СПб.: Полторак, 2018. С. 212 ; *Гаврилова О. А.* Организация общественного питания в блокадном Ленинграде // Битва за Ленинград. 1941–1944: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 156.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 20. Л. 2, 3, 13, 14, 25, 42.

период, то есть когда была завершена массовая эвакуация основной части населения: крупа – 40 г, мясо – 30 г, жиров – 7 г, сахара – 10 г[1].

Одна из проблем, поднимаемых в исторической литературе: «блокадные банкеты», которые начали проводиться осенью 1942 года[2]. В этот период, в целом, формирование неприкосновенных резервов продовольствия было закончено. Решения о проведении таких званных ужинов и обедов принимались Продовольственной комиссией Ленфронта по заявкам ответственных лиц. Так, в октябре 1942 г. были приняты Постановления о проведении ужинов и обедов выпускников 10-х классов 1941/1942 уч. года; выпускников II Медицинского института; выпускников педиатрического института; в честь награжденных Правительственными наградами строителей объекта № 46; в честь особо отличившихся в социалистическом соревновании по подготовке к зиме 1942 – 1943 гг. жилого фонда; в связи с 20-летием шефства комсомола над Военно-Морским флотом. Званный обед на 400 чел. был устроен на хозяйственном активе в связи с присуждением СНК РСФСР и ВЦСПС предприятиям местной промышленности и промкооперации Ленинграда 1-ой и 2-ой республиканских премий по итогам соцсоревнования за август и сентябрь 1942 г.[3] Такие банкеты на несколько сот человек предполагали хороший обед из трех блюд и, как правило, алкогольные напитки, лимонад. Так, для праздника выпускников 10-х классов средней школы Постановлением Продовольственной комиссии Ленфронта было выделено: по 100 кг белого и черного хлеба, 200 кг мяса, 30 кг сливочного масла, 100 кг муки, 600 шт. яиц, 35 кг сахара, 85 кг риса. Если учесть, что выпускников в 1941–1942 уч. г. было чуть больше 500 человек, получается около 400 г мяса, 60 г масла на

---

1 Спецстоловые: № 18, ул. Чайковского, 45 (прикреплены 476 человек с «магазинными» карточками, 26 со «столовыми», 100 человек с льготными нормами); № 19, ул. Гагаринская, 3 (прикреплены 300 человек «партактива»); № 8, ул. Чайковского, 17 (321 сотрудник райкома ВКП(б), 150 чел. – по льготным нормам). (*Ходяков М. В.* «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941 – 1943 гг. // Государство, общество ..., 2018. С. 213).

2 *Гаврилова О. А.* «Блокадные банкеты»: к истории нормированного снабжения Ленинграда в 1942 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2015. – №21. С. 415 – 420.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 39. Л. 19, 27, 28, 38–44.

человека[1]. 5 октября 1942 г. к П. Г. Лазутину обратился уполномоченный НК связи с просьбой выделить продукты для банкета на 250 человек, награжденных Правительственными наградами и ценными подарками Военного Совета Ленфронта и приглашенных участников строительства объекта № 46. Ассортимент продуктов включал: 100 кг белого хлеба, 70 кг мяса, 35 кг масла, 35 кг сельдей, 17 кг икры, 100 литров красного вина и водки и пр. Постановлением Продовольственной комиссии было разрешено организовать обед из 3-х блюд на 250 человек, без указания ассортимента продуктов, а также выделить 40 литров водки и вина[2]. Для выпускников II Медицинского института ассортимент продуктов был указан на 300 человек: 54 кг мяса, 30 кг сельди, 12 кг колбасы, 12 кг сыра и пр.[3] В конце 1942 г. для торжественного ужина в связи с 20-летием шефства комсомола над военно-Морским Флотом на основании распоряжения Андреенко выделялось: 7,5 кг икры, 12 кг сельдей, 96 бутылок вина и водки, 7,2 кг сливочного масла и др.[4]

Следует согласиться с оценкой проф. М. В. Ходякова, что деление населения на «сытых» и «голодных» «носило продуманный характер», выделяя группы населения, которые активно способствовали работе на нужды фронта, а также должны были занять видное место в структуре городского населения после окончания войны, ссылаясь на значительные группы руководителей производства, работников Ленэнерго, ученых, которые к этому времени входили в группу «сытых»[5]. Необходимо также указать, что к числу «привилегированных» относились передовики производства, победители соцсоревнования, выпускники средних школ и вузов.

Однако порой можно заметить волюнтаристский подход к выделению групп «нужных» людей. Иной раз помощь явно запаздывала, как в случае с

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 39. Л. 19. Проект Постановления был подписан А. А. Кузнецовым и П. Г. Лазутиным, без даты.

2 Там же. Л. 27, 28.

3 Там же. Л. 38–40.

4 Там же. Л. 43 ; *Гаврилова О. А.* Указ. соч. С. 415–420.

5 *Ходяков М. В.* «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941 – 1943 гг. // Государство, общество ..., 2018. С. 215.

единовременной продажей продуктов академикам и членам-корреспондентам АН СССР 26 декабря 1941 г.[1]

О характере снабжения лидера ОК и ГК ВКП(б) Ленинграда А. А. Жданова много писал проф. В. А. Кутузов, указывая на личную скромность Жданова в быту[2]. Необходимо подчеркнуть, что бытовая скромность являлась важной составляющей менталитета большевиков. Хотя в ряде случаев можно было заметить ее эволюцию в маску, прикрывающую имевшиеся привилегии управленческого аппарата. В то же время злоупотребления своим служебным положением и излишества в данной среде, как правило, имели трагические последствия[3].

§2. Деятельность правоохранительных органов власти в Ленинграде по охране личных и имущественных прав граждан в 1941–1944 гг.

6.2.1. Деятельность Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области в период войны

Поддержание общественного порядка и защита государства. Историографический обзор. Вопросы спасения гражданского населения

---

1 Документ № 98. Справка горисполкома о мерах продовольственной помощи академикам и членам-корреспондентам АН СССР // Ленинград в осаде..., 1995. С. 209.

2 *Кутузов В. А.* «В личном плане поведение А. А. Жданова во время блокады было вполне достойным», Ф. Е. Михеев // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 г. / Ред.-сост. *Л. А. Наливкин*; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. С. 64–67.

3 В обвинительном приговоре по «Ленинградскому делу» в адрес А. А. Кузнецова, Я. Ф. Капустина, П. С. Попкова и Н. В. Соловьева прозвучало то, что дважды: летом и в сентябре 1942 г., они посылали продовольствие для своих эвакуированных семей в Челябинск и Троицк из Ленинграда в количестве пяти 5-тонных машин и нескольких вагонов. Данный факт стал основой обвинения во вредительско-подрывной работе в партии: навязывании ленинградской организации в качестве руководителей пьяниц и воров. К. А. Болдовский и Д. Бранденбергер отмечают, что прямых обвинений в имущественных, коррупционных преступлениях не предъявлялось, и доказательств, помимо свидетельских показаний, представлено не было. По их мнению, сами факты были «передернуты» и преувеличены. Об этом свидетельствует и полная посмертная реабилитация обвиняемых. (*Болдовский К. А., Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. – 2019. – Т.9, №4. С. 1012, 1013, 1021). Можно добавить, что отправка из Ленинграда детям в эвакуацию целых эшелонов самого необходимого: учебников, тетрадей, материала для пошива одежды, а также родительских посылок теплых вещей и продуктов, осуществлялась Ленинградским городским и районными отделами народного образования систематически в 1941, 1942 и 1943 гг. В 1943 г. только одним эшелоном было отправлено 18 тысяч посылок. (ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 11. Л. 17).

Ленинграда неразрывно связаны с деятельностью Управления Наркомата внутренних дел по Ленинграду и Ленинградской области (далее УНКВД по Ленинграду и ЛО), которая была направлена на реализацию задач, стоявших перед СНК СССР и РСФСР: принятие мер по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан (Конституция СССР. Ст. 68, п. в; Конституция РСФСР. Ст. 45, п. г). Советы депутатов трудящихся руководили деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивавших охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан (Конституция СССР. Ст. 97)[1]. Эти вопросы являются взаимосвязанными.

Деятельность НКВД по поддержанию общественного порядка и защите государства освещена в значительной по объему современной литературе. Среди которой выделяются исследования, наиболее полно охватывающие весь комплекс взаимосвязанных проблем[2]. Обширной историографией представлено в последние десятилетия освещение героизма чекистов, в том числе действовавших в тылу врага, как и деятельности Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области в период войны[3]. В то же время в указанной литературе охрана прав граждан как отдельный очень важный аспект не выделяется или вовсе отсутствует.

Вероятной причиной возникшей лакуны является схематизм представления правового статуса Ленинграда как «города-фронта». Представление о тождественности правовых режимов осадного и военного положения закрепилось

---

1 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР…, 1941. С. 12, 17; РСФСР. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. …, 1941. С. 11.

2 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001; *Его же.* Ленинград сражающийся. 1941. – СПб.: Общество "Знание", 2016 ; *Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): историко-правовой аспект. Автореф. ... к.и.н. – СПб., 2011.

3 Подвиг сотрудников органов внутренних дел при обороне Ленинграда 1941–1945. – СПб., 1995 ; *Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г.* Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань ; СПб Унив. МВД России, 1999 ; *Стародубцев А. Ф.* Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага. – М.: Вече, 2010; *Бернев С. К.* Несостоявшийся губернатор Ленинграда // Родина – 2009 – № 11 С. 80–82 ; *Кудин В. А.* Красносельские рубежи непокоренного Ленинграда. Органы и войска НКВД на защите города в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 1. С. 4–13.

в послевоенной советской историографии. Впервые оно было подвергнуто справедливой критике в диссертационном исследовании А. А. Дерюгина[1]. В современной историографии этот спор возобновился[2].

Особое место среди исторической литературы занимают публикации документов, связанных с деятельностью НКВД и милиции в Ленинграде в годы войны, в том числе позволившие выявить противоречия, в связи с имевшимися нарушениями прав граждан, характерными для сталинизма[3].

К началу войны в Главное Управление Наркомата внутренних дел СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области (ГУ НКВД по Ленинграду и ЛО) входили: Управление Ленинградской городской милиции (УЛГМ), Управление пожарной охраны (УПО), Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК), Местная противовоздушная оборона (МПВО), Финансово-хозяйственный отдел (ФИНО), а также войска НКВД, размещенные в пределах Ленинградского военного округа (ЛВО)[4]. В течение войны структура НКВД неоднократно менялась в соответствии с расширением задач, что влияло и на деятельность ГУ НКВД по Ленинграду и ЛО[5].

---

1 *Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): историко-правовой аспект. С. 14.

2 Ср. *Михайлов А. А.* «Город-фронт». История термина. В порядке дискуссии // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт… С. 15–27 ; *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Блокада как вид военных действий в отечественной военной науке и сознании граждан // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни… С. 28–35 ; *Ильин Е. В., Пономарева Т. В.* Об использовании терминов «блокада» и «осада» в изучении вопросов обороны Ленинграда (1941–1944) // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / ред. кол.: А.Х. Даудов, Г.П. Жирикова, Е.В. Лезик и др. СПб., 2019. С. 15–21.

3 Ленинград в осаде: Сборник документов / Под ред. А. Р. *Дзенискевича*. – СПб.: Лики России, 1995; Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019 ; *Ломагин Н. А.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. – М: Яуза-каталог, 2017.

4 *Гутман М. Ю., Панфилец А. В.* Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях блокады …, 2010. С. 28.

5 25 июня 1941 г. помимо Главного управления войск по охране тыла действующей Красной Армии, в НКВД СССР возникло Главное управление по делам военнопленных и интернированных, в августе – декабре 1941 г. было образовано Главное управление оборонительных работ (ГУОБР), Отдел спецпереселенцев, а также был преобразован Главгидрострой в Отдел гидротехнических работ, упразднен Моботдел НКВД СССР. В 1943 г. были созданы Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей армии; Управление транспортной милиции ГУМ НКВД СССР; Отдел контрразведки (ОКР) НКВД СССР «Смерш» (на базе 6-го отдела быв. Управления особых отделов НКВД СССР); Управление войск правительственной связи; Отдел спецлагерей НКВД СССР; Главное управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (ГУББ НКВД СССР); в составе Главного Управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) НКВД СССР было создано Спецметуправление (разведка, добыча и переработка урана).

Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. войска НКВД были включены в состав Вооруженных Сил, вследствие этого выполнение ими охранительных функций подчинялось войсковым уставам.

Специфические охранительные задачи войсками НКВД выполнялись при обороне Ленинграда в условиях двух чрезвычайных режимных зон. В полосе фронта, примыкающей к передовой линии, военными советами фронтов устанавливался режим прифронтовой полосы, на расстояние до 50 км от прифронтовой полосы вводился режим тыла армии. В своем исследовании А. А. Дерюгин напрямую связал эти режимные зоны с метафорическим понятием «города-фронта», возникшим в условиях блокады. В то же время настаивая на необходимости отличать правовой статус обороняющегося Ленинграда как «военное положение» от статуса «осады».

Борьба за безопасность населения в этих зонах, в связи с военной необходимостью, включала:

- принудительное выселение населения из прифронтовой полосы, ликвидацию населенных пунктов в данной зоне;

- введение пропускного режима в 50-километровой зоне за прифронтовой полосой (зона войскового тыла) [1].

Эта деятельность осуществлялась совместно войсками НКВД и милицией. Задачи, которые возникли в связи с этим: эвакуация населения, создание временных эвакопунктов и дальнейшее размещение населения в жилых помещениях, сохранение вынужденно оставленного имущества при эвакуации от мародеров, а также поддержание жесткого пропускного режима.

Решение этих задач подробно освещено проф. Б. П. Белозеровым в его труде

---

1 В данных режимных зонах действовала Директива НКВД СССР и НКГБ СССР № 238/181 от 4 июля 1941 г. «О мероприятиях по выселению социально-опасных элементов с территории, объявленной на военном положении», согласно которой было принято Постановление Военного Совета Ленфронта от 26 августа 1941 г. «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов Ленинградской области». 17 ноября 1941 г. был отдан Приказ НКО СССР № 0428 «Об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе». (*Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): историко-правовой аспект. Автореф. ... к.и.н. – СПб., 2011. С. 15, 17).

«Фронт без границ». Охранительные меры были приняты уже накануне войны: важное значение имело сохранение паспортного режима в пределах 100-километровой зоны вокруг Ленинграда, в соответствии с положением о паспортах, утвержденным СНК СССР 10 сентября 1940 г. В связи с этим уже 20 июня 1941 г. был издан приказ НКВД СССР «Об усилении работы органов милиции по поддержанию паспортного режима». Милиция была обязана удалять из Ленинграда тех, кто свыше трех месяцев не занимался общественно полезным трудом. Эти своевременные меры позволили удалить, прежде всего, уголовно-преступный элемент[1].

Согласно Указу Президиума ВС СССР «О военном положении» от 22 июня 1941, органы внутренних дел г. Ленинграда должны были подчиняться Военному Совету Северного фронта (с 23 августа 1941 г. Ленинградского фронта)[2]. В первые же дни войны на военное положение была переведена охрана лагерей и колоний[3].

Несмотря на необходимость срочного решения указанных задач, изменения в системе управления НКВД начались уже в ходе войны. Так, функции охраны тыла РККА на НКВД со стороны СНК СССР были возложены только 25 июня 1941 г. С этой целью было образовано Главное Управление войск по охране тыла действующей Красной Армии. Начальник войск НКВД охраны тыла Северного фронта ген.-лейт. Г. А. Степанов оперативно подчинялся Военному Совету фронта. 26 июня 1941 г. Военным Советом фронта на него были возложены обязанности начальника гарнизона[4].

---

1 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001. С. 47, 48 ; *Его же.* Ленинград сражающийся. 1941. – СПб.: Общество "Знание", 2016.

2 Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. – 1941. – № 26 / 488 (от 7 июля). С. 1-5.

3 *Исаков В. М., Мельник Е. В.* НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. С. 16.

4 На 1 июня 1942 г. общая численность войск НКВД охраны тыла Ленинградского фронта составила 12 498 чел., причем 40% из них были запасниками. Войска НКВД по охране войскового тыла (ОВТ) РККА участвовали совместно с истребительными батальонами в деятельности по уничтожению диверсионных групп; занимались задержанием дезертиров; наведением порядка в тылу, регулированием движения беженцев, подвоза и эвакуации имущества и др. 28 августа 1941 г. были сформированы штаты 4-го отдела УНКВД ЛО, в который вошли шесть отделений: руководство истребительными батальонами, партизанскими формированиями, разведки, связи, боевой подготовки, материально-технического обеспечения. (*Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. ..., 2001. С. 59).

15 ноября 1941 г. Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта было создано Управление внутренней обороны города (ВОГ). Организация ВОГ подробно освещена в трудах проф. Б. П. Белозерова, а также аналитическими материалами, опубликованными в сборнике «Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования». С декабря 1941 г. ВОГ были приданы подразделения УНКВД, в том числе милицейские и пожарные части. К весне 1942 г. ВОГ подчинялись воинские части Ленинградского гарнизона, внутренние и погранвойска НКВД СССР, дислоцированные в городе, формирования милиции, пожарной охраны, рабочие формирования в числе пяти бригад (истребительные батальоны), личный состав береговой обороны КБФ, а также зенитная артиллерия, оперативно подчиненные учебно-военные заведения. К октябрю 1942 г. их число составляло 36 833 чел.[1]

16 апреля 1942 г. должностным лицам НКВД, выполнявшим обязанности начальников участков внутренней обороны города, были предоставлены чрезвычайные полномочия, согласно приказу Управления Внутренней обороны города (ВОГ) «О назначениях и мероприятиях по противодесантной обороне внутри Ленинграда».

В связи с усилением бандитизма 25 ноября 1942 г. было принято Постановление Военного Совета Ленфронта об исключительных мерах в борьбе с бандитизмом в Ленинграде[2]. Как бандитизм квалифицировались убийство и покушение на убийство с целью похищения продовольственных карточек и продовольствия, хищение имущества эвакуированных граждан и

---

1 «Город Ленинград, оказавшись в блокаде, стал городом-фронтом» // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 58–59 ; *Белозеров Б. П.* Внутренняя оборона – чрезвычайное вооруженное формирование блокадного Ленинграда // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен...., 2013. С. 168–169 ; *Его же.* Войска и органы государственной безопасности в борьбе с националистическим подпольем в 1941–1945 гг. // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции). – СПб., 2017. С. 268–272.

2 Против Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов действовали два шпионско-диверсионных органа (в Риге и Таллинне), три абверкоманды в Пскове, 11 абвергрупп, 14 разведывательных и диверсионных школ. В Пскове действовали пять разведшкол абвера. Только с 15 октября по 1 декабря 1941 г. в Ленинграде были выловлены 100 групп, в составе 487 чел., занимавшихся разбойными нападениями на горожан, грабежами, мародерством и спекуляцией. (*Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. ..., 2001. С. 93, 106–107; *Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов..., 2011. С. 19–20).

военнослужащих[1].

Б. П. Белозеров обращает внимание на то, что выполнение специфических задач по охране тыла было недостаточно регламентировано правовыми документами, что затрудняло выполнение поставленных задач. Только 28 апреля 1942 г. было принято «Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии», в котором указывалось, что данные войска подчиняются Военным Советам фронтов только в оперативном отношении, а в остальном – Управлению войск НКВД по охране тыла фронта[2].

На основе данного документа Постановлением Военного Совета Ленфронта от 13 октября 1942 г. «О режиме в тылу фронта» было утверждено «Положение о режиме в тылу войск Ленинградского фронта». Территория тыла фронта делилась на три зоны: прифронтовую, тыловую и зону г. Ленинграда. Из прифронтовой зоны граждане 29 населенных пунктов выселялись. Передвижение гражданских лиц в тылу фронта регулировалось пропусками, выданными Управлением войск НКВД ОВТ ЛФ. Для патрулирования в городе была выделена рота в 150 чел.[3]

Таким образом, правовой режим обеспечения внутренней безопасности Ленинграда определялся Постановлениями ГКО СССР, Военного совета Северного (с 23 августа 1941 г. Ленинградского) фронта. С ноября 1941 г. и приказами Управления ВОГ[4]. В то же время для войск НКВД сохраняли свое значение приказы по НКВД СССР и РСФСР.

В соответствии с Постановлением СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и

---

1 Документ № 195. Из справки о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 454.

2 *Белозеров Б. П.* Указ. соч. С. 106–108.

3 1, 20, 21 сд (до передачи их в Красную Армию), 4 инженерно-противохимический, 225 конвойный полки, 152 полк и шесть батальонов по охране особо важных предприятий промышленности, а также Военно-политическое училище войск НКВД К. Е. Ворошилова, окружная школа младшего начсостава и др. подразделения подчинялись Управлению войск НКВД г. Ленинграда, начальником которого был назначен комбриг А. П. Курлыкин, а военным комиссаром – полковой комиссар М. П. Звонов. (Там же. С. 111, 112).

4 *Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны..., 2011. С. 19.

диверсантами противника в прифронтовой полосе»[1] началось формирование истребительных батальонов в Ленинграде и Ленинградской области. Руководство этими мероприятиями осуществляла оперативная группа во главе с зам. начальника УНКГБ ст. майором госбезопасности С. И. Огольцовым. Всего имелось 170 истребительных батальонов общей численностью 41 347 чел. Из них в Ленинграде и пригородах – 91 батальон, численностью 24 180 чел.[2]

Войска и органы НКВД СССР стали основой массового партизанского движения, осуществляя разведывательно-диверсионную службу, действуя согласно «Положения о законах и обычаях сухопутной войны»[3].

Непосредственно в обороне города принимали участие 21, 1, 20, 2, 23 стрелковые дивизии НКВД. На войска НКВД (2, 23 сд) была возложена охрана продовольствия, находившегося в Ленинграде и перевозимого по «Дороге жизни»[4]. В транспортировке грузов через «Дорогу жизни», в деятельности МПВО, в строительстве оборонительных сооружений участвовал Ленинградский отдельный Краснознаменный имени Ленсовета инженерно-противохимический полк войск МПВО НКВД СССР[5]. Кроме того, ведомственные войска НКВД охраняли правительственные учреждения, оборонные предприятия.

31 августа 1941 г. приказом УНКВД Ленинграда № 0103 «О формировании специальных строевых частей милиции» были созданы 15 батальонов строевых

---

1 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении постановления СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». 24 июня 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. – М.: Кучково поле, 2013. С. 757–758.

2 24 июня 1941 г. по телеграфу на местах был получен приказ № 00804 НКВД СССР «О создании в прифронтовых республиках и областях истребительных батальонов с возложением руководства ими на органы НКВД». В соответствии с приказом №00804 НКВД СССР 26 июня 1941 г. УНКВД ЛО был издан приказ «О мероприятиях по борьбе с парашютным десантом и диверсантами противника в прифронтовой зоне». (*Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. ..., 2001. С. 56, 57).

3 1300 военнослужащих из войск НКВД были направлены в партизанские отряды, действовавшие на территории Ленинградской области. В 1942-43 гг. было проведено 100 разведывательно-диверсионных операций на территории Ленобласти 21-ой дивизией НКВД. (*Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 22).

4 *Белозеров Б. П.* Указ. соч. С.74–78, 113 ; *Колпаков П. А.* Вторая дивизия войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений на защите Октябрьской, Ленинградской и Кировской железных дорог (июнь – август 1941 года) // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – Vol. 5, 3 (44). С. 49–52 ; *Дерюгин А. А.* Указ. соч. С. 20.

5 *Юркин Г. В.* Воины-динамовцы в борьбе за Ленинград (1941 – 1942 гг.) // Победа была за нами: Материалы научно-практической конференции / сост. *Л. А. Наливкин.* Государственный Мемориальный Музей Обороны и Блокады Ленинграда. – СПб., 2006. С. 17–26.

милицейских частей, численностью более 5 тысяч человек. Приказом начальника УНКВД № 00350 от 27 октября 1941 г. весь личный состав милиции был сведен в стрелковую дивизию, подчинявшуюся начальнику войск НКВД Ленинграда комбригу А. П. Курлыкину, одновременно продолжая нести службу по своим штатным должностям[1].

Войска НКВД опирались на поддержку общественных организаций. В соответствии с решением ЦК ВЛКСМ от 9/IV 1942 г. «Об участии комсомольских организаций в охране городов, населенных пунктов, железнодорожных станций, обороне предприятий и военного имущества», в помощь войскам НКВД решением ГК ВЛКСМ от 27 апреля 1942 г. создавались без отрыва от производства комсомольско-молодежные отряды, которые должны были содействовать охране своих районов, железнодорожных узлов, портов, важных военных объектов[2].

Несмотря на активное участие в решении задач по защите государства и охране общественного порядка, продовольственное снабжение тыловых частей НКВД осуществлялось по сниженным нормам (ок. 50-70% от норм 1-й линии фронта), что приводило к значительным потерям личного состава[3].

Результаты деятельности НКВД по поддержанию общественного порядка в Ленинграде в 1941–1943 гг. О работе по поддержанию общественного порядка в Ленинграде свидетельствуют следующие данные: за период с 22 июня 1941 г. по 1 октября 1942 г. УНКВД ЛО было арестовано 9574 человека, в том числе 1246 шпионов, за этот же период милицией было арестовано и предано суду 22 166 человек, в том числе 940 чел. за бандитизм и разбой. 5360 чел. было расстреляно по приговорам военных трибуналов и народных судов. В соответствии с решением Военного Совета УНКВД ЛО было выселено из Ленинграда и пригородов 30 307 чел. уголовно-преступного элемента, а всего 128 748 чел., включая «социально-

1 *Белозеров Б. П.* Внутренняя оборона – чрезвычайное вооруженное формирование блокадного Ленинграда ..., 2013. С. 169–170.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. К-598. Оп. 3. Д. 20. Л. 25. (Протокол № 40, п. 8 заседания объединенного бюро ОК и ГК ВЛКСМ). Рассекречено в октябре 2017.

3 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. ..., 2001. С. 115–116.

чуждый элемент», финнов и немцев[1].

На 1 июля 1943 г. по делам, рассмотренным военными трибуналами за период войны, было лишено свободы 12 468 чел., 456 было приговорено к исправительно-трудовым работам. К высшей мере наказания за этот период военными трибуналами было приговорено 2093 чел. По делам, расследованным следственными органами и рассмотренным народными судами за этот же период, было лишено свободы 25 314 человек, 6710 было приговорено к исправительно-трудовым работам.

Всего за период с 1 июля 1941 по 1 июля 1943 г. было осуждено народными судами и трибуналами 95 251 чел. Из них 30,2% - 2-е полугодие 1941 г., 25,1% - за 1-е полугодие 1942 г., 28,2% - за 2-е полугодие 1942 г. , 16,5% - за 1-е полугодие 1943 г. [2]

Таким образом, за указанный период было осуждено около 3% от количества населения, проживавшего в Ленинграде на 22 июня 1941 г. Из них 40 596 чел. или 42,6% были осуждены за самовольный уход с работы или прогулы, наименьшее количество из осужденных за нарушения трудовой дисциплины: 6139 чел. относятся к 1-ой пол. 1942 г., или 15%.

А. А. Дерюгин, анализируя основания и последствия введения правового осадного положения в Туле (26 октября 1941 г.), Крыму (29 октября 1941 г.), Сталинграде (25 августа 1942 г.), Москве (19 октября 1941 г.), отмечал, что только за 54 дня в Москве (с 20 октября по 13 декабря 1941 г.) было задержано военной комендатурой по различным основаниям 121 955 чел. Из них 375 чел. расстреляно по приговору военного трибунала, расстреляно на месте 15 человек[3]. Таким образом, отсутствие правового осадного режима в Ленинграде имело

---

1 У арестованных было изъято ценностей и товаров на сумму свыше 150 миллионов рублей (Документ № 190. Справка начальника УНКВД ЛО в ГК ВКП(б) о числе арестованных, осужденных и высланных за время войны // Ленинград в осаде..., 1995. С. 441–443).

2 Документ № 195. Справка о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Там же. С. 453, 458, 461.

3 *Дерюгин А. А.* Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов..., 2011. С. 14.

специфические отличия и предполагало большее значение институтов гражданской власти и самодеятельности населения в обеспечении указанных задач.

Особенности пенитенциарной системы, сложившейся на территории Ленинградской области к лету 1941 г., раскрыты подробно в исследовании В. А. Иванова, Л. В. Резниковой. Система подчинялась Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) УНКВД ЛО и Тюремного отдела УНКВД ЛО. К началу войны в системе исправительно-трудовых лагерей и колоний работало не менее 89 тысяч человек[1].

25 июня 1941 г. в местечке Красные Зори (Стрельна) был создан отдельный лагерный пункт (ОЛП) на 300 чел. для содержания интернированных граждан Германии, Финляндии, Италии и других государств, напавших на СССР. Позднее он был передислоцирован.

12 июля 1941 г. Указом Президиума ВС СССР было объявлено досрочное освобождение заключенных, осужденных за бытовые и незначительные должностные преступления, в том числе военнослужащих, с передачей их в РККА. Данный указ не касался осужденных по ст. 58-й УК РСФСР. В случае опасности побега или захвата немецкими войсками, следуя распоряжениям военного прокурора и руководства НКГБ, заключенные по ст. 58 «контрреволюционеры» могли быть расстреляны. Трупы их захоранивались[2].

К концу 1941 г. из тюрем Ленинграда и области было эвакуировано почти 19

---

1 К началу войны в УИТЛК УНКВД ЛО работало не менее 52 тысяч человек заключенных; в 4 ИТЛ, напрямую подчиненных ГУЛАГу НКВД СССР, трудились более 37 тысяч чел. Тюремному отделу подчинялись 10 тюрем, в том числе 4 из них – в Ленинграде. На территории «Крестов» существовало Особое конструкторское бюро № 172, занимавшееся артиллерийскими системами ВМФ и береговой обороны. Имелось также пять трудовых поселений, подчинявшихся УИТЛК УНКВД ЛО: «Синявино» (торфоразработки), артели «Швейник», «Красный Химик» и «Мгинский сапожник», совхоз «Торфяник» и 51 районная инспекция исправительно-трудовых работ. К концу июля 1941 г. силами заключенных были достроены 16 оперативных аэродромов на территории Ленинградской и Вологодской области. С 20 июля 1941 г., по распоряжению Военного Совета Северного фронта, силами заключенных осуществлялось строительство укреплений в Кингисеппском районе. С 17 августа оборонные работы на участке «Грузино-Любытино» осуществлялись заключенными специально созданных лагерных пунктов на территории ИТК-13. Для работ по строительству укреплений (укрепработ) в районе Красного Сел, Лебяжьего, Лодейного поля, Тихвина было выделено 10 тысяч заключенных, в том числе 1 тыс. женщин. (*Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады…, 2019. С. 462–465, 468).

2 *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Указ. соч. С. 467, 470.

тысяч заключенных, в том числе в более безопасные места Ленобласти[1].

На 31 декабря 1941 г. в исправительно-трудовых лагерях и колониях Ленинградской области имелось 3 578 заключенных, в том числе 1740 чел. работали на лесозаготовках, 5-й ГЭС и оборонных заводах[2].

Военнопленные к концу 1945 г. на территории Ленинградской области содержались в 80 лагерных отделениях системы НКВД и 6 рабочих батальонах НКО. В лагерях НКВД № 99 и 171 были созданы режимные отделения для участников злодеяний и зверств по отношению к гражданам СССР и партизанам во временно оккупированных районах. Фронтовые приемно-пересыльные лагеря № 157 и 270 для лечения военнопленных с марта 1944 г. были прикреплены к госпиталям № 3808 и 3810 на Ленинградском фронте. Несмотря на это за период войны смертность среди военнопленных и интернированных на территории Ленинградской области, по официальным данным, составила 7456 чел.[3]

Среди заключенных жителей Ленинграда также сохранялась высокая смертность. Так, по официальным данным, за второе полугодие 1941 г. умерло 1600 заключенных, за 1942 г. – 19 782 чел., за 1943 г. – 4796 чел.[4]

Одной из важных причин смертности являлись низкие нормы питания заключенных: в Ленинграде они были несколько выше, чем в Ленинградской области, но и те, и другие были ниже норм, установленных приказом народного

---

1 Начавшаяся эвакуация заключенных, в соответствии с циркуляром НКВД СССР № 30/6549/02 «Об эвакуации лагерей НКВД», в основном осуществлялась пешим порядком. При побегах заключенных военным трибуналом войск НКВД ЛО применялась высшая мера наказания. В первую очередь были эвакуированы женщины и подростки из тюрьмы № 2 (пересыльной) г. Ленинграда. Уже 3 июля 1941 г. 495 женщин и 404 несовершеннолетних подростка прибыли в Алтайский край. 50% подростков оказались больны кожными заболеваниями. Все они не имели верхней одежды. При эвакуации плавсредствами через Ладожское озеро возникали бунты. Известен бунт с 11 по 16 октября 1941 г. при эвакуации 2,5 тысяч заключенных на барже. В ходе подавления стихийного бунта было расстреляно 542 чел. (*Иванов В. А., Резникова Л. В.* Указ. соч. С. 469–473).

2 Документ № 175. Ходатайство УИТЛК УНКВД ЛО уполномоченному ГКО Д. В. Павлову об увеличении норм снабжения заключенным со сведениями об их работе на производстве // Ленинград в осаде ..., 1995. С. 413.

3 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. ..., 2001. С. 117–122.

4 Документ № 156. Сведения Городского статистического управления в ЦСУ РСФСР о числе заключенных жителей Ленинграда, умерших в 1941–1943 гг. // Ленинград в осаде ..., 1995. С. 349. В. А. Иванов и Л. В. Резникова указывают другое число: 1517 чел. только в декабре 1941 г. (*Иванов, В. А., Резникова, Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады…, 2019. С. 472). Смертность среди заключенных требует уточнений в связи с особенностями ее учета. (*Черепенина Н. Ю.* Демографическая катастрофа блокированного Ленинграда // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект..., 2001. С. 13). Подробнее: глава пятая. §2.

комиссара внутренних дел СССР № 182 от 11 апреля 1942 г. для исправительно-трудовых лагерей и колоний. В связи с этим прокурором Ленинградской области М. Балясниковым 13 октября 1942 г. было подано представление заместителю председателя Леноблисполкома В. Д. Семину с просьбой пересмотреть заниженные нормы питания заключенных тюрем и колоний Ленинградской области.

В представлении приводились сравнительные данные норм питания заключенных. В то же время по Ленинграду эти нормы соответствовали нормам, введенным постановлением ГКО СССР для населения Ленинграда по категории служащих от 11 января 1942 г.[1]

Таким образом, историография работы УНКВД по Ленинграду и ЛО по обеспечению общественного порядка и защите интересов государства представлена значительной по объему литературой, охватывающей наиболее полно все аспекты этой проблемы, в то же время исследования охраны имущественных и личных прав граждан фрагментарны, малочисленны. Можно сказать об их отсутствии.

6.2.2. Деятельность судебных органов и прокуратуры в условиях обороны и блокады Ленинграда

Организации судопроизводства, деятельности прокуратуры и адвокатуры в осажденном Ленинграде посвящено немало современных исследований[2].

---

1 Представление прокурора области заместителю председателя Леноблисполкома В. Д. Семину с указанием на незаконность действий Леноблсовета и просьбой пересмотреть заниженные нормы питания заключенных тюрем и колоний Ленинградской области // Ленинград в осаде…, 1995. С. 243–244 ; «Государственный Комитет обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. (сост. Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев) // Исторический архив. – 2003. – № 2. С. 141. Приложение к шестой главе. Документ № 2. Таблица V.22.

2 *Даудов А. Х., Кунцевич Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018 ; *Кунцевич Ю. М.* Исторические аспекты формирования и деятельности военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов в период Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. № 6/1. С. 76–81 ; *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Новейшая история. – 2013. – № 2. С. 48–69 ; *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 462–489 ; *Рупасов А. И.* Ленинградский городской государственный арбитраж в годы блокады // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. С. 183–192 ; *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 401–408 ; *Твердюкова Е. Д.* Контроль исполнения решений в системе исполнительной власти Ленинграда в годы блокады (1941–1944) // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. С. 177–188.

Конституция СССР провозглашала независимость судебных органов и прокуратуры. Надзор за судебной деятельностью всех судов СССР и союзных республик осуществлял Верховный Суд СССР – высший судебный орган. Судьи подчинялись только закону. Народные суды избирались гражданами на три года (Глава IX. Статьи 104–112)[1]. Высший надзор осуществлялся Прокурором СССР, который назначался Верховным Советом СССР на 7 лет. Областные прокуроры назначались прокурором СССР, городские – прокурором союзных республик с утверждения прокурора СССР сроком на пять лет. Органы прокуратуры подчинялись только прокурору СССР (Глава IX. Статьи 113–117)[2]. Работа прокуратуры осуществлялась под руководством и при содействии местных органов Советской власти.

В то же время военные условия и идеологическая гегемония органов ВКП(б) внесли существенные поправки в порядок работы судебных органов и прокуратуры.

С началом войны существенно расширилась деятельность военных трибуналов, в соответствии с Указами Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»[3].

Приказом НКЮ РСФСР № 25/СЛ 24 июля 1941 г. прекращались все уголовные дела на лиц, призванных по мобилизации, совершенные ими ранее, если санкция предполагала исправительно-трудовые работы и более мягкие меры наказания, остальные дела приостанавливались[4].

Наряду с этим, Постановление ГКО СССР № 903сс от 17 ноября 1941 г. предоставило Особому совещанию НКВД СССР права назначать меры наказания по делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка

---

1 СССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. - [Москва]: Госполитиздат, 1941. С. 18–19.

2 Там же. С. 119.

3 *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Новейшая история. – 2013…. С. 48.

4 Там же. С. 53.

управления СССР вплоть до расстрела (внесудебным порядком). Это Постановление действовало до 1 сентября 1953 г. Постановление было объявлено Приказом НКВД СССР № 001613 от 21 ноября 1941 г.[1]

Проф. В. А. Иванов отмечает, что в отличие от тех городов, где было введено осадное положение и территориальные судебные органы преобразовывались в военные трибуналы, до объявления осадного положения территориальные судебно-прокурорские органы должны были функционировать в режиме «военного положения». Согласно совместному приказу Наркома юстиции СССР Н. М. Рычкова и Прокурора СССР В. М. Бочкова № 102с/58с от 24 июня 1941 г., прежний статус судебно-прокурорских органов сохранялся, хотя объем их деятельности сокращался, так как из него изымались дела подсудные военным трибуналам[2].

Кроме того, Постановлением Военного Совета Ленинградского военного округа от 26 июня 1941 г. рассмотрение дел о нарушении решений, приказов, распоряжений военного времени было возложено на административные комиссии при райисполкомах, согласно Указа Президиума ВС СССР от 22 июня «О военном положении» (ст. 4)[3].

Органы суда и прокуратуры находились под строгим контролем горкома ВКП(б). Так, 17 ноября 1941 г. было рассмотрено дело о либерализме и непонимании политической значимости преступления в обворовывании покупателей и продаже продуктов без карточек со стороны народного судьи 2 участка Куйбышевского района, членов городского суда, районного прокурора. Было принято решение о снятии с работы народного судьи и члена городского суда, и о привлечении к партийной ответственности районного прокурора[4].

Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта № 00441 от 4 декабря 1941 г. было признано необходимым, в целях усиления борьбы с

---

1 *Исаков В. М., Мельник Е. В.* НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени …, 2015. С. 15.

2 *Иванов В. А.* Указ. соч. С. 49.

3 Ленинград в осаде..., 1995. С. 599.

4 Протокол от 17 ноября 1941 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 429–430.

преступностью и установления единого руководства судебной практикой, преобразование городского суда и городской прокуратуры в военный трибунал и военную прокуратуру[1]. Приказом Главного военного прокурора РККА от 5 декабря 1941 г. Ленинградская городская и районные прокуратуры были преобразованы в органы военной прокуратуры[2]. Территориально трибунал остался на месте Городского суда. Председателем трибунала был назначен председатель Ленинградского городского суда К. П. Булдаков. Наряду с этим сохранились районные народные суды, дополнительно создавалась вторая судебная коллегия по уголовным делам (по рассмотрению кассационных жалоб)[3].

Согласно Указу Президиума ВС СССР «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 г., подсудными военным трибуналам являлись: дела о государственных преступлениях, о преступлениях, совершенных военнослужащими, дела о разбое (ст. 167 УК РСФСР), дела об умышленных убийствах (ст. 136–138 УК РСФСР), дела о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи (ст. 81 УК РСФСР), дела об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности (ст. 68 УК РСФСР), о сопротивлении представителям власти (ст. 7 3 УК РСФСР), дела о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, о хищении оружия (ст.ст. 164-а, 166-а, 182 УК РСФСР)[4].

К лету 1942 г. компетенция трибуналов была расширена, в том числе им передавались дела о распространении ложных слухов, возбуждающих тревогу у населения по Указу Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди

---

1 Документ № 24. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о преобразовании городского суда и городской прокуратуры в военный трибунал и военную прокуратуру // Ленинград в осаде ..., 1995. С. 61.

2 *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады …, 2019. С. 401.

3 *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945..., 2013. – № 2. С. 50, 52.

4 *Кунцевич Ю. М.* Исторические аспекты формирования и деятельности военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов …, 2017. С. 78–79.

населения»[1].

Среди дел, рассмотренных военными трибуналами Ленинграда с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1943 г., были, помимо контрреволюционных преступлений, дела по закону от 7.VIII.1932 г. (Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»), по ст. ст. 109-162, 16-59-3 (ограбление), 16-59-3 (кражи в квартирах), 16-59-$_3$ (особая категория), 107 (спекуляция), 59-6 (отказ или уклонение от внесения налогов или от выполнения повинности), 193 (воинские преступления), 182 (незаконное изготовление, хранение, покупка и сбыт оружия), 73 (сопротивление представителям власти при выполнении ими служебных обязанностей), 74 (хулиганство) УК РСФСР, по Указу от 26.XII. 41 г. (Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий) и пр.[2]

Постановление Военсовета Ленфронта №00441 от 4 декабря 1941 г. было вызвано усилением борьбы как с внешними, так и с внутренними противниками Советской власти. Так, за вторую половину 1941 г. было осуждено около 3039 чел., по делам о контрреволюционных преступлениях, или 80% от числа всех подобных преступлений, вплоть до июля 1943 г. [подсчитано мной по документу – Л.Г.][3].

В Секретной части Ленгорисполкома сохранились документы, свидетельствующие о случаях гибели и травм представителей власти в дорожно-транспортных происшествиях при неясных обстоятельствах. Так, 12 октября 1941 г. насмерть был раздавлен трамваем Н. В. Кожарский, зав. сектором Отдела агитации и пропаганды горкома ВКП(б). Согласно донесению, неопытный вагоновожатый, с 2-х дневным стажем, не остановился, протащив тело на значительное расстояние. 15 октября 1941 г. произошло столкновение машины

1 *Иванов В. А.* Указ. соч. С. 53.

2 Приложение. Судебная репрессия военных трибуналов по делам, рассмотренным с 1.VII.1941 г. по 1.VII.1943 г. // Ленинград в осаде ..., 1995. С. 461–462, 600.

3 Документ № 195. Справка о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Там же. С. 453, 461.

Военного трибунала Ленфронта с грузовой машиной Транспортной конторы Управления Промторгами, выехавшей на встречную полосу движения. Пострадал Исаенко, председатель Военного Трибунала Ленфронта[1].

В то же время имели место злоупотребления властью и уголовные преступления представителей власти. 25 февраля 1942 г. было принято Постановление горкома ВКП(б) «О фактах спекуляции и мародерства, проявленных членами ВКП(б) Вайсгант Б. С. [инструктор отдела пропаганды и агитации], Бейлиным И. М. [помощник прокурора Ленинского района] и Кузнецовым Ф. Е. [народный судья 2 участка Свердловского района]», которым из партии исключались названные лица, задержанные 15 февраля на рынке милицией за спекуляцию сахаром, хлебом, папиросами[2].

А. А. Жданов неоднократно поднимал вопрос о необходимости ужесточения репрессивных мер за нарушения административного характера[3].

Таким образом, работа военной прокуратуры и военного трибунала по вопросам, касающимся гражданского населения, осуществлялась в тесном взаимодействии с Ленгорисполкомом и Ленинградским горкомом ВКП(б).

В декабре 1941 г. проходила проверка районными прокуратурами выдачи, учета и хранения продовольственных карточек, а также «натурных остатков» продуктов в 226 продовольственных магазинах. В 50–70% выявленных случаев нарушений были возбуждены уголовные дела [подсчитано мной – Л.Г.][4]. 13 января 1942 г. было принято постановление Ленинградского ГК ВКП(б) «Об усилении охраны пищевых предприятий, продуктовых складов, баз, магазинов и столовых», которым Военная прокуратура и Военный Трибунал обязывались усилить репрессии к лицам, занимающимся кражей пищевых продуктов, и к их

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 5. Л. 16, 43.

2 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 638.

3 Документ № 181. Письмо Главного военного прокурора Красной Армии В. И. Носова А. А. Жданову о причинах задержки законодательного оформления осадного положения и о дополнениях к Уголовному Кодексу …// Ленинград в осаде ..., 1995. С. 422–423.

4 *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады …, 2019. С. 402–403.

пособникам[1].

Прокуратурой проверялся порядок взимания коммунальной платы, в том числе соблюдение льгот у семей военнослужащих, и регистрация смертей и рождений детей отделами ЗАГС. В январе 1942 г. среди прочих важное место занял контроль за выполнением указа от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»[2].

Преобразование городской прокуратуры Ленинграда в военную прокуратуру повлекло за собой и подчинение ее военной прокуратуре Ленфронта. Вследствие этого в надзорные функции последней был включен контроль за выполнением постановлений административных комиссий при райисполкомах Советов депутатов трудящихся. О характере такого надзора можно судить по докладной записке военпрокурора Ленфронта в горисполком от 29 сентября 1942 г., которая содержит сводку административных нарушений за период с 1 января по 16 сентября 1942 г., в том числе, наряду с нарушениями приказов по гарнизону об укреплении революционного порядка, правил светомаскировки, правил поведения при ВТ и артобстрелах и т. п., таких нарушений как: уклонение от перерегистрации велосипедов, уклонение от уборки квартир, дворов и улиц, нарушение правил вождения автотранспорта и т.п.[3]

В то же время, если деятельность военного трибунала и военной прокуратуры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства достаточно подробно проанализирована исторической литературой, вне внимания исследователей оказался блок документов, свидетельствующих о прокурорском надзоре за охраной личных и имущественных прав граждан.

С февраля по декабрь 1942 г. военный прокурор г. Ленинграда А. И. Панфиленко систематически направлял секретарям Ленинградского горкома

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 549.
2 *Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 402–403.
3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 1–28.

ВКП(б) А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину и председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову результаты проверок деятельности тех или иных ленинградских учреждений, которыми были выявлены серьезные нарушения в обеспечении прав граждан. Прокурор указывал на такие упущения в работе госучреждений как: антисанитарное состояние больниц и нарушения в оказании медицинской помощи, в том числе отказы в выдаче справок и больничных листов; недостатки в борьбе с безнадзорностью детей и подростков; в доставке писем и журналов; в строительстве бомбо- и газо- убежищ; в выплате пособий военнослужащим и их семьям, в трудовом обучении и устройстве на работу инвалидов войны; в поддержании порядка на городских кладбищах; в охране имущества эвакуированных граждан, как и оборудования эвакуированных предприятий; в снабжении населения витамином «С»; нарушения в выдаче населению карточек, а также в обеспечении кипятком; в установке чугунных печей в домах с центральным отоплением; в упорядочении работы Загсов; в работе бань, прачечных и санпропускников. Прокуратура проверяла выполнение решений ГК ВКП(б) и Ленгорисполкома по улучшению снабжения населения, докладывая о срыве плана вылова рыбы, о недостатках в работе столовых усиленного питания, в подготовке к весеннему севу и о преждевременном снятии овощей при эвакуации населения. Были выявлены нарушения в состоянии эвакопунктов, в соблюдении правил по технике безопасности при сломе деревянных строений, что влекло несчастные случаи, а также факты зачисления детей в личный состав МПВО[1].

Наряду с защитой прав граждан, прокурорский надзор выявлял недостатки и в реализации решений, связанных с обязанностями гражданского населения: во взыскании военного налога, в выполнении разверстки трудовой мобилизации в аэродромно-технические команды[2].

Прокуратурой были выявлены грубые нарушения в обеспечении работы ОЖД топливом, приводившие к срыву работы при поступлении-отгрузке

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 1–182об.
2 Там же. Л. 139–142, 204–205об.

продовольствия для Ленинграда на западном берегу Ладожского озера, простою вагонов в декабре 1941 – январе 1942 гг. Позднее прокурорская проверка выявила недостатки в отгрузке продовольствия на базах Заготзерна и Бадаевских складах, что также приводило к простою вагонов и запаздыванию поступления продовольствия населению[1].

По наиболее важным вопросам прокуратура обращалась в Лисполком и Горком ВКП(б) неоднократно: о недостатках в работе медицинских учреждений, почтовых отделений, о назначении и выплате пособий и пенсий семьям военнослужащих, о трудовом обучении инвалидов, о проверке регистрации и выдачи продовольственных карточек, о расхищении имущества эвакуированных и служащих в армии граждан, о простоях вагонов при отгрузке, выгрузке продовольствия для Ленинграда, о расхищении продовольствия, о недостатках в заготовке урожая, о перерасходах лимитов электроэнергии на предприятиях.

Особое место занимала проверка работы правоохранительных органов, а также нотариальных контор. Своевременно сообщалось о выявленных упущениях в работе нотариальных контор, административных комиссий, о волюнтаризме в решениях райисполкомов, приводивших к нарушениям прав граждан. А также о нарушениях в деятельности милиции, в уголовном судопроизводстве.

Систематически военной прокуратурой проверялась законность решений райисполкомов. О выявленных нарушениях своевременно докладывалось в Ленгорисполком (28 июля и 26 ноября 1942 г.)[2].

Неоднократные докладные военного прокурора А. И. Панфиленко о грубых нарушениях законности при наложении взысканий административными комиссиями были подкреплены письмом Управления НКЮ при Ленгорсовете от 24 июля 1942 г., а также проверкой их работы в сентябре 1942 г. военным прокурором Ленинградской группы войск Ленфронта. Управление НКЮ при Ленгорсовете неоднократно обращалось в Лисполком в связи с необходимостью обеспечения

1 Там же. Л. 14–25, 88–92.
2 Там же. Л. 178–179, 200–201об.

нормальной работы народных судов: привлечения народных заседателей (31 мая 1942 г.), с аналитическим отчетом, к которому прилагалась сравнительная справка работы нарсудов Ленинграда и Москвы (29 октября 1942 г.)[1].

В то же время проверка военной прокуратурой работы нарсудов в декабре 1942 г. выявила ряд существенных недостатков. В свою очередь Управление НКЮ указало на субъективизм в оценках работы Нарсудов военным прокурором Панфиленко[2]. Возникший конфликт между военным прокурором Ленинграда и Управлением НКЮ при Ленгорсовете, который явился одним из факторов замены военного прокурора на данном посту, можно объяснить внутренними противоречиями в работе правоохранительных органов.

Так, анализ Управлением НКЮ дел, рассмотренных Народными судами Ленинграда в октябре и ноябре 1942 г., по привлечению к ответственности за прогулы на предприятиях и в учреждениях Ленинграда выявил увеличение прогулов, по сравнению с июлем 1942 г., на 95,4%. Среди прогулов в ряде случаев значительное место составляли опоздания на работу или отлучки в столовую до 21 минуты. Так, на заводе «Большевик» до 39% прогулов. Среди осужденных от 38 до 62%% составляла молодежь до 20 лет. Анализ причин прогулов выявил недостатки работы городских организаций: ленинградского трамвая, значение которого увеличилось в связи с переселением рабочих из сломанных деревянных домов вблизи предприятий в центр (27% судебных дел); столовых, не обеспечивавших рабочих необходимыми продуктами; поликлиник и медпунктов, формально подходивших к выдаче бюллетеней обратившимся рабочим (до 37% дел в ряде случаев). За 11 месяцев 1942 г. за прогулы к исправительно-трудовым работам на рабочем месте было приговорено 15 155 человек, к тюремному заключению за самовольное оставление рабочего места 581 человек. В соответствии с приказом НКЮ СССР народные суды должны были рассматривать дела о прогулах в течение 48 часов, а о самовольных уходах в течение трех суток. В связи с этим Управление

1 Там же. Л. 136–138, 143–148об, 185–187об.
2 Там же. Л. 211–213об.

НКЮ при Ленгорсовете указывало на необходимость отмены постановления Ленгорисполкома № 82 от 18 сентября 1942 г., повлекшего ухудшение медпомощи населению, проведения воспитательной работы комсомольскими и профсоюзными органами с молодежью, повышения трудовой дисциплины у работников Трамвайно-Троллейбусного Управления и выдачи справок опоздавшим по вине трамвая, обеспечить далеко живущих работников жилплощадью близ предприятия, проверять причины неявки и оформлять материалы на прогульщиков своевременно[1].

Можно привести наиболее острые результаты проверок военной прокуратурой Ленинграда, направленных на защиту прав граждан, в 1942 г.

Особое место среди прокурорских проверок занимала отгрузка продовольствия Ленинграду со ст. Ладожское озеро. Назывались причины срыва. Так, 22–23 января проверка отгрузки продовольствия со ст. Ладожское озеро для Ленинграда выявила, что поступавшее ежедневно продовольствие на склад № 891, находившийся на ст. Ладожское озеро, отгружалось для г. Ленинграда лишь частично из-за несвоевременной подачи порожняка по вине Управления ОЖД. 12 января из поступивших 1392,7 тонн продовольствия было отгружено лишь 292,2 тонны (21%), 13 января из 1167,1 тонны отгружено 231,4 тонн (20%), 14 января из 1200,1 тонн был отгружено 93%. Основной причиной срывов подачи порожняка были: отсутствие топлива, вспомогательных ремонтных мастерских, отсутствие инструментов и смазочных материалов. На территории склада к 22 января 1942 г. скопилось 5764 тонн продуктов: муки, мяса, крупы, которые расхищались. За 20 дней января было передано в Военный Трибунал 12 дел о хищениях, еще 8 дел имелись в производстве Прокурора. В то же время отмечалось, что при нормальной подаче порожняка командование склада № 891 могло обеспечить погрузку ежедневно 2500-3000 тонн продовольствия. Из приложенных материалов следовало, что заготовкой дров для паровозов занимался один лесоруб, который мог

1 Там же. Л. 205–209об.

обеспечить топливом только один паровоз в сутки[1].

Необходимо сказать, что проблема доставки продовольствия в Ленинград находилась в центре внимания Ставки ВГК, ГКО при СНК СССР, а также ГК ВКП(б), ОК и ГК ВЛКСМ, Ленгорисполкома. Однако объективные причины затрудняли решение данного вопроса. Среди них: острая нехватка кадров, механизмов и подвижного состава, необходимость налаживания оборудования. Докладные военного прокурора вызвали немедленную реакцию: к ликвидации недостатков были привлечены ленинградские комсомольцы. Ответственные по политчасти комсомольские работники прикреплялись к продовольственным поездам, к угольным складам, создавались комсомольские контрольные посты для оказания помощи в продвижении составов. Однако только в октябре 1942 г. удалось ликвидировать простои вагонов[2]. В то же время в одной из последних докладных от 17 декабря 1942 г. военный прокурор вновь вернулся к проблеме организации работ по очистке снега и заготовке дров для ОЖД, на этот раз из-за простоев мобилизованной молодежи[3].

Вполне можно сравнить военного прокурора Ленинграда Антона Ивановича Панфиленко с тем самым оводом, что жалил коня и вскрывал самые насущные проблемы, не давая заснуть над бумагами самоуспокоенным «начальникам».

9-10 февраля 1942 г. военной прокуратурой было проверено состояние больниц им. Двадцатипятилетия октября, детской им. Раухфуса, им. Софьи Перовской. Проверка установила, что состояние больниц и аптек не обеспечивало должного обслуживания населения и не содействовало борьбе с различного рода заболеваниям. Больницы им. Двадцатипятилетия октября, им. Раухфуса и приемный покой больницы им. Софьи Перовской находились в антисанитарном состоянии. В больнице им. Раухфуса на 8 февраля совершенно отсутствовало топливо, поэтому больные дети, как правило, лежали по 2-3 человека в кроватях. В

---

1 Там же. Л. 14–17, 25 ; Приложение к шестой главе. Документ № 1.

2 *Виноградов В.* Единая комсомольская // Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Л., 1970. С. 42.

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 214.

течение 1-2 месяцев не менялось постельное и нательное белье. В больнице им. Софьи Перовской из-за большого наплыва больных в приемном покое находилось 50 человек, которые, главным образом дистрофики, проживали там по 6-8 дней, ожидая возможности быть помещенными в больницу. С 25 января по 8 февраля 1942 г. в приемном покое умерло 116 чел., трупы которых не были убраны. Состав медсестер и санитарок в этой больнице был укомплектован на 50%. Хотя из 287 чел. больных в больнице им. Софьи Перовской 216 чел. были больны дистрофией, решением Дзержинского райкома ВКП(б) с больницы были сняты 100 пайков усиленного питания для дистрофиков. В больницах отсутствовали медикаменты. В больнице им. Двадцатипятилетия октября к нач. февраля скопилось свыше 1000 трупов. На документе стоят резолюции председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова: принять меры к улучшению состояния больниц, и секретаря ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустина: провести общегородское собрание главврачей больниц, двух главврачей снять с работы, принять решение исполкома по работе аптек [1].

21 февраля 1942 г. военным прокурором были направлены в ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустину и в Ленгорисполком П. С. Попкову результаты проверки выполнения решения Ленгорисполкома от 7 января 1942 г. о направлении детей, лишившихся родителей, в детские дома в течение 24 часов. Проверка пяти домохозяйств в Октябрьском, Смольнинском и Фрунзенском районах выявила, что данное постановление не выполнялось, в том числе и сотрудниками милиции, порой оставлявшими детей у дворников[2].

В феврале 1942 г. была проведена проверка военной прокуратурой г. Ленинграда выполнения решения Бюро ГК ВКП(б) от 11 января 1942 г. об обеспечении своевременной доставки писем и журналов подписчикам. Были выявлены недостатки в работе почтовых отделений (п.о.) и узлов связи, которые из-за отсутствия освещения вынуждены были работать в световую часть дня: с 10 до 14-15 часов, включая время обеденного перерыва. В результате почтовые

1 Там же. Л. 1–3.
2 Там же. Л. 4–6.

отправления не штемпелевались календарно и скапливались на отделениях. О работе почтовых отделений Ленинграда в это время можно судить по замечанию прокурора: на п.о. №14 в день в среднем поступало до 1000 телеграмм, из которых адресатам ежедневно вручалось 400! На 4 февраля скопилось неврученных 10 тысяч телеграмм, поступивших в период с декабря 1941 г. В других отделениях ситуация была несколько лучше, однако и там скопилось значительное число корреспонденции. Аналогичная ситуация сложилась с денежным переводами, в том числе алиментами и пенсиями. В двух из проверенных отделений: №№ 13 и 2, скопилось 2 206 переводов на общую сумму 287 877 рублей, а также 170 посылок, которые не были вручены с октября – декабря 1941 г. Прокурор отмечал, что с опозданием на 4-5 дней доставлялась из редакции «Ленинградская правда», отчего и подписчики получали ее с запозданием[1].

2 марта 1942 г. военным прокурором А. И. Панфиленко были направлены А. А. Кузнецову и Я.Ф. Капустину, а также П. С. Попкову результаты проверки выполнения приказа начальника МПВО г. Ленинграда от 8 октября 1941 г., которым начальники районных МПВО были обязаны выявить и оборудовать под укрытия все пригодные подвальные помещения в жилых домах и ведомственных зданиях. Проверкой в Октябрьском, Смольнинском и Фрунзенском районах было выявлено, что к данным работам либо не приступали, либо не закончили. Напротив, выявилось приведение в негодное состояние уже имевшихся бомбоубежищ, в которых оказались нечистоты, вода, спилены крепления, сожжены нары. Из 36 проверенных бомбоубежищ пригодных имелось только 20, и те содержались не в порядке. Против виновных лиц в домохозяйствах были возбуждены уголовные дела[2].

Такое же соединение разных по характеру нарушений можно отметить и в 1943 г. С 1 марта 1943 г. была проведена массовая проверка законности выдачи больничных листков. Наряду с этим проверялась правильность бронирования и

1 Там же. Л. 7–9.
2 Там же. Л. 10–13.

отсрочек от призыва в армию. Значительная часть злоупотреблений была связана с подлогами при оформлении денежных переводов на почтово-телеграфных отделениях[1].

Преобразование городского суда Ленинграда и районных судов, подведомственных ему, в военные трибуналы и включение их, в качестве поднадзорных судов, в состав Военного трибунала Ленфронта, влекло за собой: ликвидацию кассационных коллегий по рассмотрению гражданских и уголовных дел, передачу контрольных функций Военному трибуналу Ленинградского фронта и военной прокуратуре. В Военный трибунал Ленфронта также входили бывшие линейные и транспортные суды Октябрьской и Ленинградской железных дорог, Балтийского бассейна[2].

В соответствии с указанным выше ограничением подсудности дел военным трибуналам, а также наличием приказа НКЮ СССР и Прокурора СССР о сохранении судебно-территориальных институтов, система территориального судебного производства: народных судов сохранилась и осуществлялась в тесном взаимодействии с деятельностью военных трибуналов. В Ленобласти прокурорский надзор остался гражданским[3].

13 октября 1942 г. был издан приказ Наркомата юстиции РСФСР «О работе народных судов и Управления НКЮ г. Ленинграда», согласно которому требовалось немедленно восстановить судебные коллегии по уголовным и гражданским делам, «прекратив практику рассмотрения Военным трибуналом кассационных жалоб и протестов»[4]. Однако только 22 января 1944 г. было принято Постановление Военного Совета Ленфронта № 008852 «О развоенизировании Военного Трибунала

---

1 *Рупасов А. И.* Военная прокуратура блокадного Ленинграда // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады …, 2019. С. 405–406.

2 *Кунцевич Ю. М.* Исторические аспекты формирования и деятельности военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов …, 2017. С. 78–79.

3 См. например: Документ № 117. Представление прокурора области заместителю председателя облисполкома В. Д. Семину с указанием на незаконность действий Леноблсовета и просьбой пересмотреть заниженные нормы питания заключенных тюрем и колоний Ленинградской области // Ленинград в осаде ..., 1995. С. 243–244.

4 *Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945..., 2013. С. 57, 59.

г. Ленинграда», которым был восстановлен обычный режим работы горсуда.

Согласно справке о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г., военными трибуналами было рассмотрено 15 426 дел , из них 6341 особо опасных преступлений (контрреволюционных): хищение социалистической собственности, бандитизм, невыполненная повинность, спекуляция, военные преступления [подсчитано мной, с учетом поправок составителями – Л.Г.]; народными судами, по результатам расследования прокуратурой и органами милиции, было рассмотрено 44 478 дел. По делам, рассмотренным народными судами, – 77,9% лиц было осуждено, в том числе на исправительно-трудовые работы 6 710 чел., условно осуждено 2 823 чел. Кроме того, 6,1% (2 725) оправданы, 14,2% дел (6 314) было прекращено. 45 369 чел. были осуждены народными судами за прогулы и самовольный уход с предприятий, за дезертирство с предприятий военной промышленности, за мелкие кражи на производстве. Всего, таким образом, было осуждено 95 251 человек[1]. Соотношение дел, рассмотренных военными трибуналами и народными судами, соответственно 1:5,8 [подсчитано мной по указанному документу – Л.Г.].

Новыми в 1944 г. стали «жилищные дела», связанные с начавшейся стихийной реэвакуацией граждан, не имевших разрешения Ленгорисполкома. Для прописки в городе требовалось не менее 7 документов, при отсутствии одного из них прописка не производилась. В то же время Постановлением СНК СССР от 22 апреля 1944 г. требовалось предъявлять только паспорт и эвакодокументы о выезде и въезде в город. Из «жилищных» дел, рассмотренных нарсудами в этот период: на 100 дел – 25% не имели эвакодокументов, 26% – вызова Ленсовета, 87% – справки о наличии жилплощади, 88% – справки о наличии прописки. Одной из причин строгого режима реэвакуации был факт въезда под видом реэвакуантов криминальных лиц. Только в 1944 г. в милицию поступили заявления о кражах на

1 Документ № 195. Справка о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Ленинград в осаде ..., 1995. С. 452–461.

общую сумму 19,7 млн. руб. (в масштабе цен 1944 г.)[1].

Таким образом, необходимо отметить сохранение режима охраны имущественных и личных интересов граждан и правосудности в условиях военного положения. В то же время имелись существенные противоречия в осуществлении этого режима. Решение данной задачи осложнялось для правоохранительных органов необходимостью подчинения военным органам, наряду с сохранением обычного функционирования. Кроме того, требовалось личное мужество и мобилизация внутренних ресурсов, так как работники охраны правопорядка не имели никаких привилегий, а их обязанности умножились.

6.2.3. Работа Ленинградской милиции в 1941–1944 годах

В соответствии с Положением о рабоче-крестьянской милиции, принятым Постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г. № 390, основными задачами милиции являлись: во-первых, обязанности по охране революционного порядка и общественной безопасности, среди прочих, надзор за соблюдением домоуправлениями и гражданами правил о прописке и выписке, а также учет населения по особым правилам об адресных столах; надзор за соблюдением обязательных постановлений по вопросам, относящимся к задачам милиции; содействие должностным лицам всех ведомств при исполнении ими служебных обязанностей; во-вторых, обязанности по борьбе с преступностью; в-третьих, обязанности по обслуживанию населения: выдача удостоверений личности, розыск пропавших несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, а также лиц, безвестно отсутствующих; хранение найденных вещей, документов и других ценностей; прием и пригульного скота и розыск владельцев; в-четвертых, обязанности по обороне страны, в основном содействие воинскому учету и мобилизации. Кроме того, на милицию могли быть возложены другие обязанности по постановлению

---

1 Нарушением паспортного режима было обязательное требование наряда городского или районного бюро распределения рабочей силы о направлении на работу, которое было отменено только в начале декабря 1944 г. Бюро ГК ВКП(б) и Исполкома Ленсовета (*Иванов В. А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945..., 2013. С. 63–65).

СНК СССР[1].

Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) включало отделы: борьбы с бандитизмом (ОББ), уголовного розыска (УГРО), борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС), паспортно-регистрационный, государственной автомобильной инспекции (ГАИ), отдел регулирования уличного движения (ОРУД)[2]. В. М. Исаков и Е. В. Мельник указывают также отделы: политический, оперативный, службы и боевой подготовки, а также секретариат. Кроме того, работала железнодорожная милиция, включавшая дорожные, линейные отделы, отделения, линейные пункты. Начальник милиции возглавлял службу охраны общественного порядка в МПВО, которой подчинялись бригады содействия милиции, звенья охраны порядка, группы самозащиты, дворники[3].

Героизму ленинградских милиционеров по защите правопорядка в период обороны Ленинграда отводится значительное место в исторической литературе[4].

Накануне войны ленинградская городская милиция насчитывала 13 508 чел. В 36 отделениях находилось 3 188 чел.[5] В начале войны милиция была военизирована, и 2 июля 1941 г. появилось распоряжение СНК СССР № 2410-рс «О бесплатном питании личного состава милиции и пожарной охраны», которое действовало до 9 апреля 1942 г. и было отменено Постановлением ГКО СССР №

---

1 Положение о рабоче-крестьянской милиции. П. 17–21. Раздел III (Обязанности и права рабоче-крестьянской милиции) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – М., 1931. – № 33. С. 431–433.

2 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). СПб., 2001. С. 45.

3 *Исаков В. М., Мельник Е. В.* НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени …, 2015. – № 9. С. 15.

4 *Панфилец А. В.* Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.). Автореф. ... к.и.н. – СПб, 2000; *Потемкина Е. В.* Роль информационной службы милиции Петрограда – Ленинграда в борьбе с преступностью. 1918–1941 г. Автореф. дисс. … к.и.н. – СПб., 2001; *Гутман М. Ю., Панфилец А. В.* Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях блокады (1941–1944 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 1. С. 28–33; *Панфилец А. В.* Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941–1942 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1. С. 45–51; *Гриднев В. П.* Ленинградская милиция на защите города // 75-летию Победы великого народа посвящается: Люди. События. Факты / Евразийский научно-методический центр. – 2020. С. 47–51.

5 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. …, 2001. С. 48.

1567с[1].

7 июля 1941 г. была издана директива НКВД СССР, определявшая задачи милиции в условиях войны. К прежним, определенным Положением о рабоче-крестьянской милиции 1931 г., добавлялись: борьба с дезертирством, мародерством, паникерами, очистка городов от преступников, помощь транспортным органам НКВД в выявлении вражеских агентов, провокаторов, распространителей ложных слухов, что осуществлялось уголовным розыском[2]. На аппарате ОБХСС лежал контроль за заготовительными, снабженческими организациями, охрана продуктов, пресечение деятельности расхитителей, спекулянтов, фальшивомонетчиков. Паспортные отделы вместе с военными комиссариатами осуществляли мобилизацию военнообязанных[3].

В задачи наружной милиции входили также: сопровождение хлеба из пекарни до магазинов, присутствие при продаже пайков, доставка истощенных граждан в медпункты, используя бригады общественности, охрана кладбищ и моргов и др.

27 июня 1941 г. был издан Приказ начальника гарнизона г. Ленинграда ген.-лейт. Г. А. Степанова об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе. Ограничивался въезд в город, устанавливалось время работы учреждений и организаций местного и областного значения с 8-30, союзного значения с 9 утра, время работы зрелищных, торговых, коммунального обслуживания предприятий ограничивалось 22 час. 45 мин. Наблюдение за исполнением возлагалось на коменданта гарнизона Ленинграда полковника Денисова[4]. В августе 1941 года нахождение на улице запрещалось с 22 час. до 5 час.

---

1 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 28. Л. 80.

2 *Кудин В. А.* Красносельские рубежи непокоренного Ленинграда. Органы и войска НКВД на защите города в годы Великой Отечественной войны …, 2010. – № 1. С. 5.

3 Кроме того, на 1 января 1944 г. в составе милиции имелся научно-технический отдел (*Исаков В. М., Мельник Е. В.* НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени..., 2015. – № 9. С. 16).

4 Воспрещался въезд в Ленинград лицам, непрописанным на жительство, за исключением спец-командированных наркоматами СССР и РСФСР, а также по вызовам облисполкома и исполкома Ленсовета, за исключением рабочих и служащих пригородов, работающих в Ленинграде, которым разрешался въезд по специальным пропускам; запрещалась фото и киносъемка без разрешения коменданта гарнизона Ленинграда; воспрещалось движение легкового транспорта и пешеходов с 24 час. до 4 час. 00 мин., за исключением имеющих спецпропуска. (Приказ начальника гарнизона г. Ленинграда об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе // 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг./ Отв. ред. *В. М. Ковальчук.* – М.-Л.: Наука, 1966. С. 34–35).

утра.

В соответствии с Приказом начальника местной противовоздушной обороны г. Ленинграда о развертывании МПВО в связи с введением в городе угрожающего положения от 27 июня 1941 г., п. 17 на начальника Рабоче-крестьянской милиции Ленинграда возлагался контроль за выполнением правил МПВО, устанавливаемых приказом, в том числе круглосуточного ответственного дежурства по МПВО и дежурства дворников у подъездов ворот и у входов, соблюдение светомаскировки и др.[1]

Патрульно-постовая служба милиции представляла собой сеть застав, КПП, специальных патрулей, пеших и конных, действовавших круглосуточно, и обычных постов, действовавших преимущественно в вечернее и ночное время, по специальной дислокации.

Приказом от 22 октября 1941 г. начальника УМ ст. майора милиции Е. С. Грушко запрещалось хождение граждан без пропусков по сигналу «Воздушная Тревога» («ВТ»). При этом по сигналу «ВТ» участковые уполномоченные должны были находиться на улицах территории своих участков, постовые милиционеры и регулировщики на центре своего поста, наряд патрульной службы на середине патрулируемой улицы, дворник и дежурные от домоуправлений у ворот своих домов и заниматься рассредоточением граждан, проверяя пропуска[2].

Нахождение постового и участкового на своем посту во время «ВТ» сопровождалось нередко гибелью милиционеров. Так погиб известный футболист полузащитник Петр Сычев на глазах своего друга, капитана команды «Динамо» В. В. Федорова. Защищая женщину с ребенком, не успевших в убежище, погиб

---

1 Приказ начальника местной противовоздушной обороны г. Ленинграда о развертывании МПВО в связи с введением в городе угрожающего положения // Там же. С. 37–39.

2 В дневное время выставлялось 60 патрулей, в вечернее и ночное время их количество удваивалось. Патрули проверяли документы, днем выборочно, ночью – у всех. Каждый патруль был парным, кроме того, в наряд 30 КПП выставлялись участковые уполномоченные на своих участках, либо курсанты временно расформированных милицейских школ. Патрули милиции, также как и патрули НКВД и служба охраны особо важных объектов и предприятий города согласовывали свою деятельность с наружной службой коменданта гарнизона г. Ленинграда. (*Панфилец А. В.* Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде..., 2014. С. 47–48).

участковый уполномоченный Павел Винокурцев. Только за 28 и 29 сентября 1941 г. погибли пять сотрудников 21 отделения милиции, отвечавшего за порядок на Финляндском вокзале[1]. Деятельность постовых отражена в воспоминаниях горожан[2].

28 августа 1941 г. было принято постановление Военного Совета северо-западного направления «О создании зоны заграждения на южных подступах к Ленинграду»[3]. 18 сентября 1941 г., в соответствии с Постановлением Военного Совета Ленфронта № 00274 «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов в город», устанавливались три заградительные линии в южной части Ленинграда. За охрану 2 линии отвечал начальник УНКВД ЛО комиссар госбезопасности 3-го ранга П. Н. Кубаткин, который поручил это милиции. Начальник УНКВД ЛО обязан был ежесуточно проводить облавы, организовать патрулирование по основным магистралям, оборонным объектам. Председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову следовало к 19 сентября 1941 г. создать эвакопункты в районе Ждановского трамвайного кольца, Благодатного переулка, в доме культуры им. Бабушкина, где надлежало концентрировать беженцев из пригородных районов. Всех лиц, находившихся на территории, занятой противником, следовало передавать НКВД[4].

На 2 заградлинии, длиной до 20 км, несли службу 356 сотрудников милиции, были созданы пять комендатур, до 30 контрольно-пропускных постов (КПП), между которыми патрулировали наряды милиции. Дополнительно выделялись 20

---

1 *Любвин Р. М.* Человек в синей милицейской шинели // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. *П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов.* – СПб.: Галарт, 2019. С. 392.

2 Педагог Н. В. Образцова вспоминала: «Однажды я шла с работы. Подошла к милиционеру и попросила мне шапку-ушанку приподнять с глаз, так как шапка была отцовская, большая. Милиционер спросил меня: “А сама-то не можешь, что ли?” “Да, не могу, если поставлю бидон с водой (1,5 л), то уж не поднять, а если палку положу, то упаду”. Он нахлобучил мне шапку и сказал: “Ну, иди, умирай!” Нет, я жить хочу, а не умирать...». (Воспоминания. *Образцова Надежда Викторовна* // Эта память – наша совесть… / сост. Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева; редкол. В. В. Яробков и др. – СПб.: Изд. Газиева Л., 2007. С. 336–337).

3 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. …, 2001. С. 97.

4 За охрану 1 линии отвечал начальник охраны войскового тыла (ОВТ) Ленфронта ген.-лейтенант Г. А. Степанов. За 3 линию, внутри города с выставлением застав на мостах, отвечал начальник тыла Ленфронта ген.-лейтенант В. К. Мордвинов. Кроме того, начальник ОВТ ЛФ ген.-лейт. Степанов должен был создать 4 заградотряда на Митрофаньевском кладбище, в Селе Смоленское, Пороховых, Удельная. (Документ 20. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов в город // Ленинград в осаде..., 1995. С. 57–58).

пикетов ГАИ, личный состав городской и железнодорожной милиции. 2 линия проходила по предпортовой ветке до Володарского моста, с выставлением застав в пунктах: ул. Калинина, ул. Стачек, Старообрядческая ул., Рощинская ул., Московское шоссе, Смоляная ул., пр. Села Смоленского.

Милицией проводились систематические облавы в дневное и вечернее время по проверке документов, совместно с военными патрулями при активной помощи общественности. В сутки выделялось 160–180 патрулей для поддержания порядка комендантом гарнизона. Лица с сомнительными документами задерживались. В конце сентября 1941 г. циркуляром № 106ц начальника УМ г. Ленинграда предписывалось усилить агентурно-оперативные проверки и фильтрации прибывших в Ленинград граждан, которые, минуя эвакопункты, пытались прописаться у знакомых, родственников, а часть проживала без прописки[1].

В октябре – ноябре 1941 г. было задержано 15 149 человек, в том числе диверсанты, дезертиры и пр. 27 апреля 1942 г. комендантские участки заградительной линии, из-за снижения бдительности нарядов, были подчинены начальникам территориальных отделений милиции[2].

25 января 1942 г. приказом начальника УМ устанавливался порядок несения постовой службы. Во время службы категорически запрещалось покидать пост по личным делам. Патрули каждые 1,5 часа имели по 30 минут для обогрева. С 22 часов до 5 часов утра дежурили 30% начсостава отделений милиции. Такой режим службы выдерживали не все. В январе 1942 г. умерли 166 сотрудников милиции, св. 1600 чел. были временно нетрудоспособны, в феврале умерли 216 человек. Порой вдвоем два милиционера не могли поднять упавшего человека. Выпускались

---

1 *Панфилец, А. В.* Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде..., 2014. С. 47–48.

2 Устанавливались три вида пропусков: для рабочих и служащих, проживающих за линией заграждения и работающих или учащихся в Ленинграде; для выезжающих, группами и отдельно, на обработку земельных участков; для выезжающих в командировки и по личным делам, согласно Приказания Управления милиции г. Ленинграда от 21 мая 1942 г. № 158, на основании решения Исполкома Ленгорсовета № 51 от 23 апреля 1942, приказов начальника войск НКВД по охране войскового тыла Ленфронта № 90 от 11 ноября 1941 г. и № 74 от 9 мая 1942 г. (*Панфилец, А. В.* Указ. соч. С. 45–47).

дисциплинарные приказы: в 1942 г. было наказано 392 человека, а поощрено 208[1].

Важное место в деятельности Ленинградской милиции занимал контроль за порядком при эвакуации. Так, 16 сентября 1941 г. постановлением № 00264 Военного Совета Ленинградского фронта (подписано Г. К. Жуковым, командующим войсками Ленфронта, членами Военсовета: А. Ждановым, А. Кузнецовым) началась эвакуация женщин с детьми и лечебных учреждений из Кировского, Московского и Володарского районов в количестве 51 тыс. человек, а также из пригородных районов Ленинграда в Свердловский, Василеостровский, Петроградский, Выборгский, Красногвардейский районы Ленинграда, а также в Парголовский и Всеволжский районы. Контроль за эвакуацией возлагался на начальника Ленинградской милиции Е. С. Грушко, который должен был определить пути следования населения, с учетом закрытия для движения магистралей, ведущих в южные районы[2]. На каждый эвакопункт выделялось по два оперативных работника, которые должны были проверять население и отправлять горожан в ближайшие районы по плану эвакуации, колхозников – по Куракиной дороге, через Володарский мост во Всеволжский район[3].

6.2.4. Взаимодействие Ленгорисполкома, общественных организаций, милиции и военной прокуратуры по охране личной собственности граждан

Хранение личных вещей, документов и других ценностей, оставленных или потерянных при эвакуации, осуществлялось правоохранительными органами или под их контролем при активном взаимодействии с местными органами власти и общественными организациями.

Одной из самых острых проблем осажденного города являлась борьба с

---

1 На суточный пост выделялось три постовых милиционера, которые сменяли друг друга, дежуря 8 часов, 8 часов в резерве, 8 часов отдыха. За счет резерва каждые 4 часа постовому давалось по 30 минут для отдыха, резерв использовался для охраны имущества при пожарах, при других происшествиях. (*Панфилец, А. В.* Указ. соч. С. 49).

2 Документ 19. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта о переселении лечебных учреждений и женщин с детьми из южных в северные районы Ленинграда // Ленинград в осаде..., 1995. С. 56–57.

3 Несмотря на принятые меры к 25 сентября 1941 г. возникло скопление около 1,5 тысяч чел. на эвакопунктах, в основном из-за отказа в поселении в отведенных районах (*Панфилец, А. В.* Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941 – 1942 гг.) // Вестник …, 2014. С. 45).

мародерством. Данному вопросу было посвящено постановление Ленинградского Горкома ВКП(б) от 24 октября 1941 г. «Об охране имущества граждан, эвакуированных из г. Ленинграда», которыми городской прокурор и управление милиции г. Ленинграда обязывались применять законы военного времени к лицам, виновным в хищении, а также к лицам, виновным в неприятии мер к охране имущества[1].

Ленгорисполкомом многократно принимались решения об охране имущества населения умершего или эвакуированного из г. Ленинграда[2]. Они публиковались сразу, но не всегда были действенны.

Расхищение имущества эвакуированных отчасти было следствием Постановлений того же Ленгорисполкома от 27 сентября 1941 г. и 2 марта 1942 г., которыми разрешалось временное заселение освобождавшейся площади, в том числе жилплощадь военнослужащих. При этом имущество, которое там находилось, порой незаконно присваивалось и распродавалось новыми жильцами.

Постановление Ленгорисполкома от 2 марта 1942 г. появилось вслед за Постановлением СНК СССР № 208 от 16 февраля 1942 г. о передаче квартир, в которых проживали рабочие и служащие предприятий, эвакуированных в восточные районы, в распоряжение исполкомов местных советов депутатов трудящихся и предоставлении рабочим и служащим оборонных заводов, оставшимся в городе. При этом личное имущество, по желанию выехавшего гражданина, могло быть передано родственникам, или могло быть продано через комиссионные магазины, или могло быть доставлено за счет государства по месту его нового жительства. В первом полугодии 1942 г. выделялось 100 миллионов рублей на кредитование индивидуального строительства рабочих и служащих эвакуированных предприятий. Данное постановление распространялось и на Ленинград[3].

---

1 Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 384, 549, 614.
2 Бюллетень Ленгорсовета…1942. – № 13 / 521 (18 июля). С. 7; № 5-6 (30 марта). С. 13-15.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 25–27.

Ситуация усложнялась условиями военного времени, значительным количеством людей, пропавших без вести, как среди военнослужащих, так и среди мирных граждан. Значительная часть эвакуированного населения права на свою жилплощадь не теряла. В одной семье часто проживали лица с разным статусом: военнослужащие, лица, эвакуированные с предприятиями, иждивенцы, дети, эвакуированные с интернатами, лица, работавшие на предприятиях Ленинграда и т. п. До войны ленинградские семьи, как правило, были многочисленны: в квартире проживало множество родственников. Так, типичная для блокадного Ленинграда трагедия девочки Тани Савичевой происходила в огромной семье, проживавшей до войны дружно в большой квартире на Васильевском острове. В условиях блокады, когда выжить одному было невозможно, родственники зачастую добирались из последних сил к кому-то более или менее державшемуся на ногах. Этот факт отражен во многих воспоминаниях людей, переживших блокаду детьми[1].

В 1942 г. в Бюллетене Ленгорисполкома решения об охране имущества населения публиковались четырежды: «О проверке состояния охраны имущества населения, эвакуированного из г. Ленинграда» от 2 января 1942. Пр. № 59, п. 5; «О выполнении решения бюро Исполкома Ленгорсовета от 19 февраля 1942 “Об охране имущества, оставшегося после умерших” от 18 июня 1942». Пр. № 69, п. 53[2]; «О выполнении решения Исполкома Ленгорсовета “Об охране имущества военнослужащих и эвакуированных” в Свердловском и Приморском районах от 30 июля 1942». Пр. № 71, п. 2-з[3].

Необходимо указать, что в мае 1942 г. по этим вопросам к председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову трижды обращался военный прокурор г. Ленинграда. В сообщении от 2 мая военный прокурор города требовал отменить постановления Ленгорисполкома от 27 сентября 1941 г. и 2 марта 1942 г. В

1 См., например: Воспоминания Алексея Александровича Орлова // Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. *Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева*; редкол. В. В. Шапкин [и др.] – СПб.: Изд-во ИПК СПО; Изд. Газиева Л., 2004. – С. 89–95.

2 Бюллетень Ленгорсовета…1942. – № 13 / 521 (18 июля). С. 7.

3 Бюллетень Ленгорсовета. № 15 / 523 (16 августа). С. 2.

требовании указывалось, что в прокуратуру поступают многочисленные жалобы военнослужащих о том, что при временном заселении их жилья расхищается имущество. Так, например, были распроданы обувь, белье при заселении комнаты политрука З. В. В другом случае временно занявшая комнату военнослужащего семья использовала его вещи. Виновные в расхищении были отданы под суд. При этом Постановления Ленгорисполкома нарушали Постановление СНК РСФСР от 4 июля 1941 г. «О сохранении жилой площади за призванными в ряды РККА и ВМФ по мобилизации и о порядке ее оплаты»[1]. 21 мая 1942 г. военный прокурор обратился в ГК ВКП(б) и в Ленгорисполком в связи с невыполнением решений ГК ВКП(б) от [24] октября 1941 г. и Исполкома Ленгорсовета от 2 января и 3 марта 1942 г. об охране имущества военнослужащих и эвакуированных граждан. В результате отсутствия работы по охране имущества эвакуированных и военнослужащих их имущество расхищалось, и прокуратура была вынуждена возбуждать уголовные дела за непринятие мер к охране и за расхищение имущества эвакуированных и военнослужащих, в том числе 46 дел в ходе проверки. Прокурор настаивал на принятии мер Ленгорисполкомом к наведению должного порядка[2].

27 мая 1942 г. военный прокурор сообщил о результатах проверки охраны домов дворниками и сторожами, которые должны были ночью дежурить у ворот. В сообщении указывалось, что во Фрунзенском районе из проверенных 986 домов дежурные находились у ворот только 183 домов, в Дзержинском районе из 250 домов только в 72 были дежурные. Помимо сторожей и дворников, у ворот домов должны были дежурить отряды самозащиты, которых также не оказалось во время проверки. Из 72 охраняемых домов Дзержинского района только в 8 находились на дежурстве отряды самозащиты[3].

Дальнейшее внимание военного прокурора к этому вопросу не ослабевало, так 4 июня 1942 г. он указывал, что в соответствии с решением Ленгорисполкома

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 81, 82.
2 Там же. Л. 106, 107, 108.
3 Там же. Л. 109, 110.

от 13 мая райисполкомы должны были в 10-дневный срок опечатать незаселенные комнаты военнослужащих и до 1 июня переселить на другую площадь временно проживавших граждан. Между тем проверка показала, что надлежащих мер не принято в некоторых районах. Так, в Московском районе из 401 комнат и квартир военнослужащих только 193 было освобождено на 1 июня, в Ленинском районе из 240 только 48[1].

Несмотря на критический характер данных сообщений, хотелось бы отметить, что дело охраны имущества жильцов было поставлено в осажденном Ленинграде на определенную высоту. Каждое домохозяйство охранялось и за соблюдением необходимых правил безопасности следила военная прокуратура, незамедлительно принимавшая меры по ликвидации имевшихся нарушений, вплоть до возбуждения уголовных дел и наказания виновников в расхищении имущества граждан.

В сборнике стенограмм заседаний Ленгорисполкома опубликован протокол обсуждения данного вопроса на заседании Ленгорисполкома от 30 июля 1942 г. На заседании было указано, что за 1-е полугодие 1942 г. прокуратурой было осуждено более 500 злостных мародеров, квалифицированных как бандиты, из них по 151 делу материалы были получены через районные Советы. Расхищение имущества происходило при переселениях граждан из деревянных домов, которые шли на слом, с верхних этажей в нижние (более безопасные при артобстрелах), причем переселения происходили неоднократно. В связи с этим были приняты чрезвычайные меры, в том числе с 1 августа 1942 г. запрет на выделение жилой площади кому-либо, кроме граждан, пострадавших от обстрела. Жилотделы подчинялись начальникам райжилуправлений.

Вся ответственность за сохранность имущества эвакуированных граждан и военнослужащих была возложена персонально на начальников райжилуправлений. Необходимо заметить, что невыполнение принятых ранее решений вызвало у П. С.

1 Там же. Л. 112, 113.

Попкова, председателя горисполкома, замечание о необходимости усилить решение, указав на применение высшей меры наказания за расхищение имущества, а также донести этот факт до сведения населения через агитаторов: «Надо рассказать управхозам, что тогда-то такой-то за такие-то дела был расстрелян, что и впредь за подобные вещи будут расстреливаться. Затем надо собрать политорганизаторов и вооружить их этим материалом»[1].

Необходимость использования насильственных мер в борьбе с мародерством и грабежами: репрессий в отношении управхозов вплоть до расстрела, свидетельствует о политически напряженной обстановке. В то же время военный прокурор Ленинграда отмечал, что принятые меры привели к снижению бандитизма, к которому относились такие преступления как: убийства и покушения на убийства с целью овладения продовольственными карточками и продуктами питания, а также хищения имущества эвакуированных граждан и военнослужащих. Всего в начале 1942 г. за такие преступления было осуждено 1216 чел., во второй пол. 1942 г. – 546 чел., в нач. 1943 г. – 194 чел.[2]

Противоречия в борьбе за охрану имущества граждан заметны в деятельности *имущественно-жилищных общественных инспекций,* которые были созданы при жилищном управлении Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся (Пр. № 66, п. 40 от 30 апреля 1942)[3]. Необходимо отметить, что милиция имела право требовать в установленном порядке сотрудничества членов добровольных обществ содействия милиции[4].

В имущественно-жилищные общественные инспекции, как правило, входили люди, пользовавшиеся авторитетом, и ответственные работники различных отделов

---

1 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина (отв. составитель)]. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 230–233.

2 Документ № 195. Из справки о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Ленинград в осаде…, 1995. С. 454.

3 Бюллетень Ленгорсовета…1942. – № 7-8 / 515-516 (29 апреля). С. 8-9.

4 Также милиция имела право требовать в установленном порядке содействия дворников, ночных сторожей, сельских исполнителей и других граждан. (Положение о рабоче-крестьянской милиции. Раздел III (Обязанности и права рабоче-крестьянской милиции), пп. 17–21 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – М., 1931. – № 33. С. 433).

исполкома. В протоколах первичной организации ВКП(б) Ленгороно сохранился отчет за истекший год работы политорганизатора по домохозяйству Куйбышевского района Гржибовской от 25 октября 1943 г. В порученном ей домохозяйстве было три дома, площадью до 10 000 кв. метров. За время войны хозяйство четыре раза страдало от бомбежек. К октябрю 1943 г. там проживало 220 чел. Остальной фонд был законсервирован. Управхоз сменился за время войны шесть раз.

В обязанности политорганизатора входило: обеспечить боевую защиту дома, безаварийную эксплуатацию жилфонда, постановку учета в домохозяйстве жильцов и имущества законсервированных квартир, заботиться о семьях военнослужащих.

Организатор начала с осмотра домохозяйства: обошла чердаки, подвалы, дворы, познакомилась с паспортной книгой, провела собрание актива о включении домохозяйства в социалистическое соревнование. Активисты распределили между собой обязанности: один взял на себя санитарию, другой организацию Красного уголка. Привели в порядок инвентарь самозащиты: занесли песок на чердак, выправили бочки. Стали проводить регулярные занятия с группой самозащиты в противогазах. Санитарно-бытовая комиссия начала обходить квартиры: проверять чистоту. В Красном уголке всегда было тепло, согрет горячий кофе из соседней булочной для посетителей. Жильцов принимал депутат Райсовета. Консультировал по домашней врачебной помощи профессор Блинов, проживавший в доме. Здесь же работала маникюрша. Портнихой давалась желающим консультация по кройке и шитью. Затачивали пилы, работала починочная мастерская обуви. Была организована книжная передвижка, читалась литература и газеты, работало радио. Активистами велась переписка с эвакуированными и военнослужащими жильцами. Помощью членам семей военнослужащих было охвачено 67 чел. (30,4% от проживавших).

Члены актива обошли все закрытые квартиры – за 28 имелось наблюдение родственников. Другие вскрыли, просушили, отодвинули от стен мебель. Часть жильцов переселили из худших квартир в лучшие, но документально не оформили.

Последнее говорит о том, что в этот период занять чужую квартиру можно было без всякого ордера, с помощью общественной организации. Это способствовало расхищению имущества, вызывая протесты правоохранительных органов, прежде всего прокуратуры.

Весной – летом 1943 г. все внимание было направлено на ремонт. Крыша была поделена: 500 кв. метров отремонтировал жилец-кровельщик, за что получил стахановские талоны [так в тексте – Л.Г.]), 300 кв. метров делала стройконтора. Также жильцами были зафанерены и остеклены выбитые окна, было очищено 45 люков и помойки, отремонтирован водоразборный кран, в прачечной поставлены котлы. Шофером-жильцом были завезены дрова для домохозяйства, все нуждающиеся жильцы снабжены ордерами на дрова. Водопровод в доме не работал, поэтому решили восстановить его своими силами. В доме активно работал санитарный пост: имелось две санитарные койки. 28 апреля 1943 г. силами санитарного поста были эвакуированы из опасного места 48 детей-ясельников[1].

Работа домохозяйств явилась столь важным звеном в жизни блокадного города, что появилась пьеса Евгения Львовича Шварца «Одна ночь» – о работе ленинградского Ленжилуправления (ЛЖУ). Она была написана в 1942 г. и издана в 1956 году[2]. Эпиграфом к пьесе были избраны слова Корделии из пьесы У. Шекспира «Король Лир»: «…Нет, я не бедна – любовью я богаче, чем словами».

Ленгорисполком в 1942–1943 гг. предпринимал серьезные усилия по контролю за деятельностью жилищных управлений: помимо общественно-жилищных инспекций, работы политорганизаторов в домохозяйствах, расширились функции жилищных отделов Исполкомов райсоветов, была проведена сверка домовых книг[3].

Охрана Дороги жизни и личного имущества во время эвакуации граждан. Бесперебойное движение на дорогах, связывающих Ленинград с Ладожским озером

---

1 Протокол партийного собрания № 14. 25/Х – 1943 // ЦГАИПД СПб. Ф. 285 (Первичная партийная организация ВКП(б) Ленгороно). Оп. 2. Д. 9. Л. 32, 33.

2 *Шварц Е. Л.* Тень и другие пьесы. Л.: Советский писатель, 1956.

3 Бюллетень Ленгорсовета…1942. – № 7-8 / 515-516 (29 апреля). С. 8-9 ; № 12 / 520 (29 июня). С. 12, 13.

и ведущих в северо-восточные районы Ленинградской области, с начала блокады обеспечивалось инспекторскими группами областного управления милиции. Приказом начальника Военно-автомобильной дороги (ВАД) Ленфронта генерал-майора А. М. Шилова от 17 декабря 1941 г. инспекторские группы были объединены, передислоцированы в места дислокации дорожно-эксплуатационных частей. Таким образом, был создан сводный отряд областного управления милиции при Военно-автомобильной дороге. Перед отрядом были поставлены задачи: борьба с расхищением продовольственных грузов, обеспечение бесперебойного продвижения по трассе автотранспорта, осуществление технического контроля за данным транспортом и оказание ему помощи. Были установлены двухсменные круглосуточные посты на всем протяжении дороги. Несмотря на морозы, недостаток теплого обмундирования (до 80%), налеты авиации противника (погибло 2 чел. и 2 чел. были тяжело ранены, 6 чел. получили легкие раны), дежурства не ослабевали, длясь по 12 часов в сутки. До конца марта милицией было проверено техническое состояние 2881 автомашин, отбуксировано 1577, отремонтировано на месте 957, сделано перегрузов с застрявших и неисправных – 160. Были выявлены и 589 бесцельных простоев, 304 шофера получили административные взыскания за нарушение правил движения.

С начала февраля 1942 г. прибавились задачи: охрана имущества эвакуируемых, наблюдение за порядком на эвакопунктах и борьба с хищениями и злоупотреблениями на питательных пунктах. В результате деятельности милиции было задержано только за три месяца 818 лиц за хищение грузов, в основном продовольствия, раскрыт ряд преступлений в отношении эвакуируемых, в том числе взятки, кражи, грабежи. Необходимо отметить единичный характер выявленных случаев[1].

Сохранилась переписка Ленгорисполкома с Управлением милиции по

1 Документ № 183. Докладная записка начальника областного управления милиции председателю облисполкома Н. В. Соловьеву о работе сводного отряда управления милиции при военно-автомобильной дороге // Ленинград в осаде…, 1995. С. 425–430.

Ленинграду об учете и хранении вещей эвакуируемых граждан.

30 июня 1942 г. командующий Ладожским районом ПВО, генерал-майор Прохоров писал о массовых пропажах и разворовывании вещей эвакуируемых граждан, из-за недостатков в их отправке[1]. Хотя на донесении рукой П. С. Попкова написано: «Это устарело», но в докладной записке начальника Управления милиции г. Ленинграда Е. С. Грушко от 28 июля 1942 г. отмечались недостатки организации пересылки и приема вещей в Кобоне. Так, 22 июня 1942 г. в Кобону были доставлены на барже и двух мотоботах вещи сразу с трех эшелонов, рассортировать которые в Кобоне было невозможно. Многие эвакуированные, не дождавшись своих вещей, вынуждены были уезжать без них. По предложению оперативной группы милиции было устроено охраняемое помещение со стеллажами для хранения вещей в Кобоне[2].

Сохранился список вещей, которые были брошены гражданами при переправе через Ладожское озеро и хранились при эвакопункте ст. Борисова Грива, всего 270 мест. Список был направлен 19 августа 1942 г. в Ленгорисполком[3]. 22 августа заведующий Горфо И. Гужков написал о необходимости организовать учет и хранение в течение шести месяцев оставленных вещей, так как «нет оснований в настоящее время считать эти вещи бесхозными». По прошествии этого срока их следовало передать для продажи торгующим организациям[4].

6 сентября 1942 г. вышло Постановление СНК СССР № 1494 «О порядке реализации личного имущества граждан, находящегося на базах бездокументных грузов», согласно которому все личное имущество, находящееся на таких базах, а также громоздкие домашние вещи (шкафы, гардеробы, кровати и т. п.), подлежали продаже населению, эвакуированному из прифронтовой полосы. Для этого на базах создавались оценочные группы. Вырученные суммы вносились в союзный бюджет. В случае ликвидации базы описи проданного имущества с указанием цены

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 104.
2 Там же. Л. 99.
3 Там же. Л. 166–171.
4 Там же. Л. 164.

передавались в Наркомфин. Все детские вещи передавались органам народного образования для снабжения эвакуированных детских учреждений. Личное имущество граждан, принадлежность которого была известна, отправлялось на базы длительного хранения багажа и ручной клади НКПС. Ответственность за них несла железная дорога. При обнаружении хозяина вещей стоимость, вырученная от их продажи, по описи передавалась ему[1].

В связи с этим 7 сентября 1942 г. П. С. Попковым был сделан запрос в Управление милиции г. Ленинграда о порядке сбора и хранения утерянных при эвакуации вещей. 12 октября 1942 г. Управлением милиции г. Ленинграда (УМЛ) была подготовлена справка о том, что для хранения утерянных или оставленных вещей эвакуированных граждан на ст. Борисова Грива оперативным отрядом милиции было организовано специальное место. Вещи в течение всего времени подбирались и охранялись специальным постом. В августе – сентябре 1942 г. милицией Ленинграда было переправлено на ст. Кобона 325 мест вещей. Случаев утраты или хищения на ст. Борисова Грива, согласно справке, установлено не было. На ст. Кобона мероприятия по сохранности и дальнейшему направлению вещей проводились силами сводного отряда милиции Ленобласти[2].

Значительное количество бесхозного имущества, утерянного в период войны, вызвало Постановление СНК СССР № 404 от 17 апреля 1943 г. «Об утверждении Положения о порядке учёта и использовании национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества»[3].

Таким образом, борьба за сохранение личного имущества граждан осуществлялась правоохранительными органами, опираясь на правовые документы центральных и местных органов власти, во взаимодействии с Ленгорисполкомом и при активном содействии общественности.

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 107–109.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 179.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 111–117.

§3. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков

6.3.1. Общие вопросы борьбы с беспризорностью и безнадзорностью детей в Ленинграде

Историография. Длительный период историография проблемы ограничивалась публицистикой[1]. Исключение составила статья С. М. Емелина. Фрагментарно вопрос освещен в исследованиях деятельности милиции, учреждений пенитенциарной системы в Ленинграде в 1941–1944 гг. Необходимо также указать труд М. В. Ежова, посвященный деятельности Ленгорисполкома, в котором освещены кратко и эти вопросы[2]. В то же время публиковались некоторые документы, посвященные решению данной проблемы в блокадном Ленинграде и в эвакуации. Вкладом в изучение вопроса был ряд научных публикаций автора.

Понятия беспризорности и безнадзорности. Борьбу с беспризорностью несовершеннолетних (детей-сирот или детей, потерявших родителей в период эвакуации) следует отделить от борьбы с безнадзорностью, ставшей актуальной в 1943 г. в связи с бродяжничеством детей и подростков в городе из-за голода, а также начавшейся нелегальной реэвакуацией подростков из прифронтовой полосы, и распространившимися хулиганством и воровством.

Эта работа была в центре внимания сразу нескольких Наркоматов: НКВД, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, соответственных отделов Ленгорисполкома, УНКВД по Ленинграду и ЛО. К ней были подключены общественные организации, прежде всего комсомольцы и профсоюзы.

Типы и виды детских домов, интернатов. Необходимо указать, что детдома,

---

1 *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда. – СПб.: Политехника, 2005 (1-е изд. 2002) ; *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб.: Эго, 2002 ; *Даев, В. Г.* Педагоги блокадной поры (По архивам ленинградских учреждений). – СПб.: Сударыня, 1998; *Бакин В. С.* Детдомовские сороковые. – 3-е изд. – Киров, 2005.

2 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны …, 2010. – № 5. С. 19 ; *Гутман М. Ю., Панфилец А. В.* Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях блокады …, 2010. – № 1. С. 30 ; *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады…, 2019. С. 475.

находившиеся в эвакуации, делились по возрасту и статусу детей на дома малютки, дошкольные, смешанного типа детдома, школы-интернаты, интернаты для детей-инвалидов, спецшколы. Важное значение имело какой именно орган власти курировал детдом или интернат.

Во-первых, имелись смешанные интернаты, значительная часть из которых была вывезена из Ленинграда летом 1941 года с детьми, родители которых в большинстве эвакуировались вместе с предприятиями тогда же, или были мобилизованы в армию и на трудовые работы. Летом 1942 года создавались дошкольные интернаты и школы-интернаты для эвакуации детей, родители которых эвакуировались как инвалиды или оставались в Ленинграде. Всего таких ленинградских интернатов в эвакуации было по данным Наркомпроса (НКП) РСФСР в 1942 году: 493 с контингентом – 45 134 чел.[1]

Во-вторых, были довоенные детдома, эвакуированные летом 1941 года, и детдома, созданные осенью – зимой 1941, а затем весной – летом 1942 года, в основном для детей-сирот и полусирот. Всего таких детдомов в эвакуации было по данным НКП РСФСР в 1942 году: 319 с контингентом – 31 027 чел.[2]

Некоторые статистические противоречия вызваны тем, что интернаты в переписке по эвакуации и реэвакуации, в том числе в отчетах уполномоченных Ленгорисполкома, постоянно смешивались с детдомами, и различие между ними было незначительным.

После эвакуации летом 1941 г. в Ленинграде осталось 11 детдомов[3]. Согласно отчету Ленгороно в Плановый отдел Ленгорисполкома, в октябре 1941 г. начали создаваться интернаты для детей беженцев, открытые почти во всех районах города на базе школ, всего 30 на 1 549 детей (ошибочно эти интернаты в публицистической литературе относят к детдомам). Эти интернаты просуществовали с 23 октября 1941 г. по март 1942 г., затем частично были реорганизованы в детские сады

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968. Л. 4.
2 Там же.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 3. Л. 8 об.

нормального режима, а частично в детские дома для детей-сирот[1].

С декабря 1941 г. начался рост дошкольных детских домов. Они организовывались различными путями. Создавались на базе детских садов по инициативе заведующих детсадами, как например, М. Н. Николаевой, зав. детсадом Василеостровского района, которая на базе своего детсада организовала детдом. Организовывались предприятиями, так, на Второй кондитерской фабрике (директор Петухова) выделили работниц, отвели помещение и организовали детдом на 30 детей. Причем в числе этих детей не было детей работниц данного предприятия. Так же были организованы детдома фабрикой «Большевичка» и другими предприятиями[2].

17 детдомов было создано районными отделами народного образования (РОНО).

Кроме того, во всех районах города были открыты приемники НКВД, распределявшие детей по детдомам после санобработки и карантина. Они работали по типу детских интернатов. Текучесть детского коллектива в них свела работу в детприемниках к питанию и уходу за ребенком. Нарастающая потребность к размещению детей приводила к тому, что детдом был запланирован на 150 чел., а было в нем 200, или – на 75 чел., а было – 150 детей, согласно Отчету Ленгороно в Плановый отдел Ленгорисполкома[3].

Основная часть детдомов была рассчитана на 120–150 детей, но были и малые детдома на 30–50 человек, что оправдывалось необходимостью ухода за травмированными детьми. Детдома вначале отличались скученностью детей, не были оборудованы, однако имелись детдома, оборудованные неплохо. Например: № № 23, 38, 68, 3, 38, 34, 44. Над детдомами шефствовали военные части, в том числе передавая им денежные средства, помогая транспортом (например, военной частью были собраны деньги детдому № 26)[4].

---

1 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 198об.
2 Там же. Л. 198об, 199.
3 Там же. Л. 199.
4 Там же. Л. 199, 199 об.

Осенью 1941 г. в связи с ростом безнадзорности детей и подростков начала расти детская преступность. Если в сентябре 1941 г. было привлечено к уголовной ответственности 92 чел. несовершеннолетних, то в октябре – 235 чел., в ноябре – 271 чел., в декабре – 275 чел. Причем 94% было привлечено из-за краж[1].

В декабре 1941 года встал вопрос об организации специальных колонн для эвакуации подростков. Так, 6 декабря 1941 г. в докладной записке секретаря Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ В. Н. Иванова секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову писалось, что комсомольцами было выявлено в городе 790 беспризорных и безнадзорных детей, в возрасте до 16 лет, из них мальчиков – 570, девочек – 220. Значительная часть этих детей безнадзорно проживали в бомбоубежищах, эвакопунктах и других местах, находясь в крайне тяжелом материальном положении. Сведения на детей были выявлены в домохозяйствах через райкомы комсомола.

Горком предложил: из этих детей в возрасте от 13-ти лет, в количестве 525 человек, организовать специальную колонну, прикрепив к ним руководителей, и срочно эвакуировать из города, прибавив к этой колонне воспитанников детдомов в возрасте от 14-ти лет и выше в количестве 150 человек. На освободившиеся места в детдома предлагалось направить нуждающихся детей младшего возраста в количестве 490 человек.

В списки были включены 300 подростков, находившихся на эвакопунктах[2].

Статистический подсчет по приложенным спискам 418 детей позволяет выявить причины беспризорности в начале декабря 1941 года. Среди них: 255 детей от 1 до 13 лет. У 112 детей (44%) отец, мать или брат находились в РККА, на фронте, в МПВО или погибли в войну, у 10 чел. (4%) мать была уволена по эвакуации, сокращена по эвакуации, или эвакуирована с заводом № 174, у 41 чел. (16%)

1 Там же. Д. 57. Л. 6.

2 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 2. Д. 4 (Докладная записка секретаря Ленинградского ОК и ГК ВЛКСМ об эвакуации безнадзорных детей и списки детей по районам г. Ленинграда. 1941. 6 декабря). Л. 1, 2.

родители были арестованы. Так, среди причин детской беспризорности, помимо гибели родителей или мобилизации на фронт, имели место: эвакуация матери, ее увольнение, или арест родителей. Следует предположить, что эти причины сохранялись и в дальнейшем.

6.3.2. Основные проблемы организации детских домов

Расширение количества мест в детдомах и домах малютки в 1942 году. Противоречия статистического учета в детдомах. Опережая правительственные постановления, в январе 1942 г. были приняты решения Ленгорисполкома: «О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью» от 7 января 1942 г. (пр. № 59, п.4) об увеличении количества мест в детских домах на 2 725 с 10 января 1942 г.[1], а также об увеличении мест в действующих домах малютки на 1275 и создании в каждом районе дома малютки (решение от 22 января 1942)[2].

К апрелю 1942 года число домов малютки выросло в Ленинграде до 19 с контингентом детей 1 825 чел., к июню 1942 г. к ним прибавилось 50 чел. В дальнейшем эти учреждения были эвакуированы, и к январю 1943 г. их осталось всего три с контингентом 280 чел. детей[3].

Количество детских домов и детский контингент в них поддаются учету с трудом, из-за движения детского потока в связи с эвакуацией. Согласно статистическому отчету Ленгороно в Наркомпрос РСФСР, в январе 1942 года имелось 22 детдома с контингентом детей 1 814 чел. За весь год через них прошло, помимо этих детей, еще 15 609 чел. (или всего 17 423 чел. – Л.Г.). На 1 января 1943 г. контингент детей составлял 2 502 чел. выбыло 14 921 чел., в том числе 12 468 чел. были эвакуированы, 913 чел. выбыли по неуказанным причинам (скорее всего умерли), 1 540 чел. выбыли к родителям, на производство, на патронат, в учебные заведения и другие детдома[4].

---

1 Бюллетень Ленинградского городского совета ... 1942. № 1–2 (509–510). 30 января. С. 5–7.
2 *Ежов М. В.* Местное самоуправление Ленинграда … С. 78.
3 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 3. Д. 54. Л. 16. Приложение к шестой главе. Документ № 3. Таблица V. 23.
4 *Газиева Л.Л.* Борьба за спасение детей и подростков..., 2014. С. 363 ; ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1.

В общих детдомах Наркомпроса изначально находились дети от 7 до 15 лет и старше. На 1 января 1943 года из 2 502 детей в 22 детдомах НКП РСФСР: 1089 составляли мальчики, 1413 – девочки. 949 детей было семи лет, 875 чел. от 8 до 11 лет, 581 ребенок 12–14 лет, 97 подростков 15 лет и старше[1].

В Отчете, поданном Ленгороно в плановый отдел Ленгорисполкома, указывалось количество всех видов детдомов только для дошкольников (включая детприемники НКВД) – 30, с единовременным охватом детей 3 015 чел. Всего, за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г., прошло через них – 17 532 чел., из которых 898 чел. [испр.398 – Л.Г.] умерло[2]. Причиной попытки занизить данные о смертности детей мог быть страх уголовной ответственности.

Сведения, представленные Ленгороно в НКП РСФСР, отличаются от этих данных. По данным НКП РСФСР в г. Ленинграде на 1 ноября 1942 г. из общего числа 41 229 чел. детей, оставшихся без родителей, в детские дома было устроено не менее 38 360 чел. В том числе сирот – 27 803 чел. Кроме того, 4 502 чел. были взяты под опеку или усыновлены. Вместе с трудоустроенными, отправленными в Трудовые резервы, взятыми на патронирование, количество детей, устроенных Ленгороно, составило 45 455 чел.[3] Разница в данных связана с подачей в НКП сведений о подотчетных ему учреждениях, получавших бюджетное финансирование.

В отчете первичной организации ВКП(б) Ленгороно указывалось: с января 1942 г. в городе были организованы в кратчайший срок 85 детских домов, куда было принято свыше 42 000 детей, в том числе 30 дошкольных детских домов, через которые прошло 17 532 детей[4].

Таким образом, данные документов подтверждают друг друга. На их основании можно сделать вывод о том, что организация работы ленинградских

---

1 Там же. Д. 570. Л. 1.

2 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 199 об. (Отчет отдела народного образования Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по1 января 1943 г.)

3 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 53 ; *Газиева Л.Л.* Указ. соч. С. 363, 366.

4 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 7. Л. 21. (Отчет партийной организации Ленгороно за период отечественной войны…).

детских домов в 1942 г. была прямо связана с задачами эвакуации из города детей-сирот.

Постановления центральных и местных органов власти в январе – марте 1942 г. Мероприятия по борьбе с беспризорностью этого периода регламентировались Постановлением СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»[1] и Указом Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г. («Ведомости ВС СССР» 1942 г. № 8) «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» с указанием меры уголовного наказания: 1 год принудительных работ за уклонение от работ, начиная с 16–18 лет[2]. Указ был включен в Комментарии к Уголовному Кодексу в редакции 1942 г., причем отмечалось, что подростки 16–18 лет, подлежащие призыву в систему Трудовых резервов и учащиеся, от уголовного наказания освобождались.

Вероятно, с подготовкой этого Указа был связан и Приказ Наркома просвещения РСФСР от 3 февраля 1942 «Об улучшении подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов», предполагавший самообеспечение продуктами питания и одеждой старших воспитанников детдомов[3].

После Постановления СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»[4] начали открывать детдома. Данное Постановление было адресовано, прежде всего, Мосгорисполкому и Ленгорисполкому. Согласно Постановлению устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность, относилось к личной ответственности председателей Советов депутатов. Для этого требовалось

---

1 Учебно-воспитательная работа в детском доме. 1942. № 1–2. С. 107 ; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1942. – № 21. – С. 24–25.

2 РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Юриздат НКЮ СССР. 1942. С. 113–114.

3 Учебно-воспитательная работа в детских домах. 1942. № 1–2. С. 111.

4 ГА РФ. Ф. Д. 197. Л. 164–168 ; Учебно-воспитательная работа в детском доме. 1942. № 1–2. С. 107 ; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1942. – № 21. 17 апреля. С. 24–25.

создать комиссии при исполкомах в составе заместителя председателя исполкома, представителей профсоюзов, ВЛКСМ, органов НКВД, народного образования и здравоохранения. НКВД отвечал за выявление безнадзорных детей и размещение их в приемниках-распределителях, число которых следовало увеличить. Средства на их содержание планировалось предусмотреть в местных бюджетах. В приемники направлялись дети до 15 лет включительно, где должны были находиться не более двух недель. Затем детей до 14 лет, чьи родители не нашлись, следовало направлять органами народного образования в детдома, или на патронирование (воспитание). Детей старше 14 лет следовало приемникам НКВД СССР по разверстке наркомпросов союзных республик устраивать на работу в промышленность или сельское хозяйство.

Патронирование стало одним из важных способов решения проблемы сиротства. Лицам, принявшим на патронирование детей, выдавалось ежемесячно пособие по 50 рублей на одного ребенка. Контроль за патронированием должны были осуществлять Советы депутатов трудящихся, а также местные органы наркомпросов союзных республик и Наркомздрава СССР. С этой целью выделялись инспекторы в районных и городских отделах народного образования. При определении детей на патронат, или при направлении на работу, приемники-распределители должны были обеспечить ребят необходимой одеждой на сумму до 200 рублей на 1 человека.

Для оказания помощи родителям и родственникам в розыске отставших детей НКВД СССР (т. Круглов) должен был создать центральный справочный адресный детский стол, а также справочно-адресные детские столы при областных, краевых, городских, районных отделениях НКВД, в которых следовало зарегистрировать всех детей как находившихся в приемниках, так и направленных в детские учреждения, на производство или определенных на патронат. В штатах краевых и областных органов НКВД выделялись специальные работники для борьбы с детской безнадзорностью. Помещения для организации детприемников выделялись соответствующими исполкомами Советов депутатов трудящихся.

Главному Управлению Трудовых резервов разрешалось осуществлять набор детей от 14 лет и старше из детских домов, оставшихся без родителей, с соблюдением правил приема. За исключением ребят, призванных в Трудовые резервы, Наркомпросам следовало направить детей старше 14 лет из детских домов в промышленность и сельское хозяйство. Руководители предприятий и председатели колхозов, принимающие на работу указанных детей, должны были обеспечить их жильем[1].

Постановление СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. содержало некоторые противоречия с существующим законодательством. Так, дети до 15 лет должны были получить 7-летнее образование, следовательно, направлять их на работу, минуя ремесленные училища, было нельзя. На выполнение всеобуча ориентировали Распоряжение СНК СССР № 10268 от 3 июня 1942 г. и Постановление СНК РСФСР № 675 от 3 октября 1942 «О возвращении в школу детей в возрасте до 14 лет»[2].

Работа милиции по ликвидации беспризорности и безнадзорности. В соответствии с Постановлением № 75 был принят Приказ НКВД СССР от 11 февраля 1942 г. № 50, которым органы милиции обязывались обеспечить выявление всех беспризорных и безнадзорных детей, направлять их в приемники-распределители НКВД и создать справочные адресные детские столы для организации поиска родителей (согласно приказу НКВД СССР № 1208 от 31 декабря 1940 г.). Для этих целей в структуре Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) создавался специальный отдел. Кроме того, предлагалось привлечь активнее общественность, комсомольские организации[3].

Решением Ленгорисполкома от 13 февраля 1942 г. (пр. № 61, п. 48) была

---

1 Там же.

2 Бюллетень Ленгорсовета…1942. № 21-22 / 529-530 (30 ноября). С. 14.

3 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны …, 2010. – № 5. С. 19 ; *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады…, 2019. С. 475.

создана специальная Городская Комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей[1]. 14 февраля 1942 г. Ленгорисполкомом было принято постановление об открытии приемников-распределителей, наполняемостью 2000 детей. Задачей приемников было распределить беспризорных детей и подростков по различным учреждениям. Организация и руководство детприемниками (ДПР) в Ленинграде и области была возложена на УИТЛК УНКВД Ленинградской области[2].

21 февраля 1942 г. выполнение решения Ленгорисполкома было проверено военной прокуратурой г. Ленинграда по Октябрьскому, Смольнинскому и Фрунзенскому районам (по пяти домохозяйствам в каждом). В каждом из них обнаружились безнадзорные дети, неустроенные в течение длительного времени. От одной до двух недель проживали одни, после смерти или пропажи без вести родителей, 13 детей в возрасте от 1 до 14 лет, из которых один умер. Органами милиции выявленные безнадзорные дети порой помещались не в детские приемники, а к дворникам, как 4-летний «Вова», который в результате умер, и пятилетний неизвестный мальчик. В двух из проверенных отделений милиции отсутствовал учет детей, направленных в детские учреждения. Имелись серьезные недостатки в проверенных детских домах Октябрьского района[3].

9 марта 1942 г. Протоколом № 53, п. 3 Ленинградского горкома ВКП(б) было принято решение «О борьбе с детской безнадзорностью», в котором подверглась критике работа Ленгорисполкома, в связи с невыполнением Постановлений от 7 января и 13 февраля 1942 г.

На горком ВЛКСМ возлагалась особая ответственность за выявление безнадзорных и беспризорных детей, за работу с ними в детских домах через комсомольские и пионерские организации. Было решено открыть дополнительно детдомов на 6 тысяч детей, передать имущество сирот детдомам под

1 Бюллетень Ленинградского городского совета… 1942. № 3–4 (511–512). С. 8.
2 *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда… С. 23, 29.
3 ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 57. Л. 4–6.

ответственность администрации детдомов, чтобы не допустить расхищения сиротского имущества.

Принимать детей-сирот следовало исключительно через приемники-распределители, для чего организовать сплошной обход домов и квартир с целью выявления безнадзорных детей силами партийного, комсомольского, профессионального и советского актива. Требовалось передать освободившиеся общежития ремесленных училищ с инвентарем во временное пользование гороно, подготовиться к приему к 1 апреля 1942 г. безнадзорных подростков 14–17 лет. Эвакуировать в марте не менее 5000 воспитанников детдомов, преимущественно школьного возраста. При обсуждении вопроса В. Н. Ивановым был поднят вопрос о пропажах без вести людей весной 1942 г. Было указано и на недостатки в деятельности УНКВД по созданию приемников-распределителей[1].

Согласно Постановлению СНК СССР №75 и Приказу по УНКВД ЛО от 1 марта № 58 было организовано в Ленинграде 15, а в области 5 приемников, наполняемостью 2339 чел.[2] К концу марта 1942 г. милицией 150 найденных детей были отданы родителям, 640 отправлены в детские дома, часть определены в больницы, но, тем не менее, в приемниках продолжали находиться 2993 ребенка[3].

При Главном Управлении милиции (ГУМ) был создан Центральный справочный адресный стол, в картотеке которого скапливались данные о пропавших детях по всей стране. Согласно Приказу НКВД СССР от 10.03.1942 г. № 101, устанавливался порядок запросов в Центральное справочное бюро ГУМ НКВД СССР, расположенное в годы войны в г. Бугуруслан Чкаловской (ныне Оренбургской области). 6 августа 1942 г. было дано Указание ГУМ НКВД

---

1 О борьбе с детской безнадзорностью// Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 614–616.

2 *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады…, 2019. С.475.

3 *Гутман М. Ю., Панфилец А. В.* Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях блокады …, 2010. – № 1. С. 30 ; *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного ... С. 74.

СССР № 29/з/1553 по организации работы детских приемников-распределителей НКВД, направленной на установление родителей или родственников детей, находившихся в приемниках[1]. В сентябре 1942 г. было создано Центральное справочное адресное детское Бюро по розыску детей, потерявшихся в дни войны при Главном Управлении милиции (ГУМ)[2].

Важную роль в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью детей должны были играть детские комнаты милиции, где находились дети до помещения их в приемник. В 1942–1943 г. была форсирована работа по организации детских комнат при милиции (с 1944 г. «детских комнат милиции»). Наиболее активно создавались детские комнаты на территориях, куда эвакуировали людей (Южный Урал, Поволжье, Сибирь и др.). В штаты комнат набирались в основном женщины. К 1 января 1944 г. в стране было организовано всего 728 детских комнат. ГУМ в 1944 г. была разработана Инструкция по работе детских комнат, в которой определялись их назначение, порядок работы[3].

Летом – осенью 1942 г. борьба с беспризорностью и безнадзорностью оставалась в поле зрения Советских органов власти. Охраной личных прав детей-сирот, в том числе имущественных, занимался Ленгорисполком (отдел народного образования). Так 18 июня 1942 г. было принято Постановление Ленгорисполкома[4], посвященное проверке со стороны Городского отдела народного образования работы по охране имущества детей-сирот районных отделов (роно) и детских учреждений.

В то же время, в соответствии с решением Ленгорисполкома от 17 июля № 71, п. 36, уже 20 июля 1942 г. было ликвидировано 9 районных приемников

---

1 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны …, 2010. – № 5. С. 21, 22.

2 Ленинградская правда. – 1942. – 12 сентября. № 217 (8323). С. 2.

3 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны …, 2010. – № 5. С. 20–21.

4 Постановление Ленгорисполкома «О выполнении решения бюро Исполкома Ленгорсовета от 19 февраля 1942 г. “Об охране имущества, оставшегося после умерших”» (пр. № 69, п. 53) // Бюллетень Ленгорсовета… 1942. – № 13 / 521 (18 июля). С. 7.

в городе, оставалось шесть. Осенью 1942 г. приемники имелись также в области: Волховский, Тихвинский, Ефимовский, Хвойнинский, Боровичский и Валдайский[1], в основном в тех местах, куда летом 1941 г. эвакуировались ленинградские интернаты. В конце 1942 г. в городе и области оставалось только 8 детских приемников-распределителей[2].

Основными инструментами в борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью должны были стать общественные организации (комсомол, профсоюзы) и органы народного образования, здравоохранения. Комиссии при Исполкомах Советов депутатов трудящихся отвечали за устройство детей, которые могли содержаться в приемниках-распределителях не более двух недель. На это нацеливали Постановление ЦК ВЛКСМ «О мероприятиях комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и по предупреждению детской беспризорности», принятое в августе 1942 г.[3], а также Постановление СНК РСФСР № 865 от 25 ноября 1942 г. «О выполнении постановления СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. “Об устройстве детей, оставшихся без родителей”»[4]. В реальной практике решение этих вопросов сопровождалось трудностями материального и финансового обеспечения.

6.3.3. Проблемы и противоречия финансового и прочего материального обеспечения детдомов

Финансирование вновь организованных детдомов явно было недостаточным. Среднегодовое довольствие на человека можно рассчитать по формуле:

$$d = 2\frac{D}{(a+b)}\ , \qquad (3)$$

где d – среднегодовое довольствие на 1 человека, руб.;

1 *Иванов В. А., Резникова Л. В.* Учреждения пенитенциарной системы Ленинграда в 1941–1944 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады…, 2019. С. 475.

2 Там же.

3 Во имя Победы: эвакуация ... С. 333.

4 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1942. – № 6. С. 34-37.

D – средства, выделенные на питание всех воспитанников ленинградских детдомов Наркомпросом на год, руб.;

a – количество воспитанников, пребывающих в ленинградских детдомах Наркомпроса единовременно на начало года;

b – количество воспитанников, пребывающих в ленинградских детдомах Наркомпроса единовременно на конец года;

2 – коэффициент, позволяющий определить среднее значение единовременного пребывания в детдомах детей в течение года.

На питание в ленинградских детдомах Наркомпросом РСФСР в 1942 г. было выделено всего: 306 645 руб. с учетом наличия мест на 3025 чел. На начало 1942 года в ленинградских детдомах Наркомпроса находилось 1814 чел., а на конец того же года – 2502 чел.[1] Тогда в год на человеко-место в среднем пришлось 142 руб. 09 коп., что составляет в день в среднем 0,39 руб. Для сравнения заметим, что по сниженным в 1942 г. нормам в стационаре Горздравотдела выделялось на день до 2,50 руб. на трехразовое питание (83 коп. на 1 раз)[2]. Однако всего за 1942 год через детдома прошло 17 423 чел. Тогда на 1 человека за год пришлось 17,6 руб., что достаточно на неделю. При нахождении детей не более 7 дней средств оказывалось достаточно, при их задержке неизбежно возникал недостаток средств на питание[3].

В то же время всего в 1942 г. было израсходовано 7 314 063 руб., в том числе на питание 306 645 руб. и на зарплату 1 550 336 руб.[4] Возникшая разница: 5 457 082 руб. может быть объяснена расходами на эвакуацию детдомов. Это подтверждается отчетом Ленгороно в Плановый отдел Ленгорисполкома, согласно которому 5 155 000 руб. были израсходованы на питание детей во время эвакуации[5]. Остаток, 302 082 руб., могли составить накладные расходы, в том числе одежда, обувь,

---

1 Статистический отчет по детским домам на 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1 ; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков..., 2014. С. 364.

2 Работа органов здравоохранения г. Ленинграда в период Отечественной войны с 1 июля 1941 г. по 1 января 1943 г.// ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 136.

3 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1.

4 Там же.

5 Отчет отдела народного образования исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 174.

одеяла и др.

В 1943 г. на питание было израсходовано всего 3 139 000 руб. На начало 1943 года было 2041 чел., на конец того же года 2037 чел.[1] Тогда в среднем на 1 ребенка было израсходовано 4,22 руб. в день.

Проверим данные по финансированию питания в 1942 г. по сметам отдельных детдомов. Детдом № 51 (директор М. М. Шарый, Счет № 27650), согласно стенограмме Марии Михайловны Шарый, открылся 16–18 декабря 1941 г. и был рассчитан на 100 детей[2]. В детдоме, по свидетельству М. М. Шарый, находились дети с 3 до 15 лет, что было связано со стремлением в столь трудной обстановке не разлучать родственников: братьев и сестер[3].

Сохранившаяся смета на 1941 г. детдома № 51 Выборгского района показывает, что на питание больных детдомом № 51 в 1941 г. было израсходовано 502,19 руб. Следует указать, что данная сумма относится только к периоду 16–31 декабря 1941 г. на 100 детей или 0,34 руб. в день на ребенка. Это подтверждает наши расчеты, приведенные выше, о выделении на ребенка в детдомах гороно в среднем 38–39 копеек в 1942 г. Смета позволяет выявить и причину недостаточного финансирования: сокращение бюджетного финансирования в 1941 г. с 32 600 по плану до 12 900 исполненных, а также отсутствие поступления родительских средств[4].

В то же время в воспоминаниях М. М. Шарый конец декабря 1941 г. указывается как организационный период: «Ребят приносили нам без конца. (...) Сначала дом был рассчитан на 100 человек, потом он считался на 200, а фактически всегда было большее число детей»[5].

Следует предположить включение зарплаты в дополнительные расходы на

---

1 Статистическая сводка по детским домам на 1 января 1944 г. // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 602. Л. 1 ; *Газиева Л.Л.* Указ. соч. С. 364.

2 «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» …С. 95 ; *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб.: Эго, 2002. С. 49–54.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 19 об ; «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» … С. 107.

4 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 546. Л. 1, 5, 6, 6об. (Годовой отчет по содержанию детсада № 27 и детдома № 51 (бывший детсад № 27) Выборгского района) ; *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков..., 2014. С. 365.

5 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 8; «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» … С. 96.

котловое питание, тогда реальное довольствие должно было составить из расчета 2444 рубля за 15 дней декабря в сутки около 163 рублей. При наличии около 127 человек питающихся это около 1,28 рублей на человека в сутки, включая в число питающихся на котловом довольствии обслуживающий персонал в количестве 27 чел.[1]

Наличие детей в детдоме № 51 в декабре 1941 г. остается спорным. Так, В. Н. Селиванов, интервьюировавший Марию Михайловну Шарый после войны, указывал с ее слов: до конца декабря прибыло около 200 человек. В то же время в приведенной им же копии сохранившегося журнала регистрации за декабрь отмечено – 97 человек (54 чел. – школьного и 43 чел. – дошкольного возраста). Всего, до июня 1942 г. включительно, прибыло 434 ребенка, а эвакуировано за 1942 г. из детдома № 51было1041 чел., умерло 105 чел.[2].

В стенограмме воспоминаний М. М. Шарый, сделанной в июле 1943 г., упоминалось о том, что далеко не всех прибывавших детей регистрировали, из-за слишком высокой смертности. Не всегда регистрировали и смерть детей, чтобы придержать их карточки. Всего из детдома № 51 было эвакуировано до июля 1943 г. 1396 детей, из них 405 чел., поступивших с тяжелой формой дистрофии, спасенные работниками детдома[3].

Практика утаивания смертей, двойной регистрации была распространена в городе. Характерно, что 16 июня 1943 г., примерно в те же дни, когда была записана стенограмма М. М. Шарый, в «Ленинградской правде» появился судебный отчет «Бездушие и бюрократизм» о суде над заведующей детдомом «Дом малютки» № 7 Смольнинского района Ловчинской, которую приговорили к шести годам лишения свободы за «двойную бухгалтерию»: в детдоме одновременно числились одни и те же дети эвакуированными и умершими, не велось учета. Ответственной

1 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 546 (Годовые финансовые отчеты Выборгского РОНО на содержание детских садов и детских домов за 1941). Л. 6 об.

2 *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты. ... С. 49–54.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 8, 25 об. Данные не вошли в указанную публикацию документа.

была названа и Теплова, заведующая райздравотделом[1].

Каким образом выходили заведующие из сложившегося положения с недостаточным финансированием питания в детдомах в большинстве случаев? Согласно воспоминаниям Киры Михайловны Лобановой, вернувшись в город в связи с неудавшейся эвакуацией она начала работать в детском саду № 46 Приморского района г. Ленинграда с сентября 1941 г. Однако запись в трудовой книжке была оформлена только с 19 марта 1942 г.[2] Можно сделать вывод, что в 1941 г. она работала без записи в трудовой книжке, вместо выплаты зарплаты получая возможность котлового питания.

Заметим, что на выплату зарплаты воспитателям детдомов отводилась значительная часть финансовых средств (по данным статистического отчета городского отдела народного образования Ленгорисполкома 1 550 336 руб. за год). Анализ финансовых отчетов по детдому № 51 (бывшему детсаду № 27 Выборгского района), директор М. М. Шарый, позволил предположить, что сэкономленные средства по зарплате могли пойти на котловое питание. Согласно смете бывшему детсаду было запланировано в 1941 г. фондов зарплаты на 4 450 руб. на 17 штатных единиц (при среднемесячной зарплате 196 руб.)[3]. Однако из этих средств было выплачено лишь 2 055-43 руб. при увеличении числа работавших сотрудников до 27 чел. и зарплате штатного сотрудника 153 руб. В то же время на питание больных было выделено 502-19 руб., а израсходовано всего: 2 444-03 руб. Анализ баланса показывает, что эти добавочные средства могли быть использованы только за счет экономии фонда зарплаты при переходе на котловое питание. Иначе говоря сотрудники детдомов кормили детей на те деньги, которые должны были выплачиваться им в виде зарплаты. На эти же средства, очевидно, кормились сотрудники, которых на 1 января 1942 г. было 27 человек на 16 имевшихся штатных ставок[4]. Большая часть сотрудников работала на неполную ставку. При

1 Ленинградская правда. – 1943. – 16 июня. №140 (8555). С. 2.
2 Эта память – наша совесть… С. 239–240.
3 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 546. Л. 1–6об.
4 Там же. Л. 6 об. В данном документе приводятся штаты и средняя зарплата д/д № 51 за 1941 г.

средней зарплате штатного работника в 1941 г. 153 руб., против запланированных 196 руб., реальный заработок на полставки мог составить 77 руб. Среди них могли оказаться, и часто оказывались согласно воспоминаниям, подростки – дети работников, питание которых могло осуществляться только в учреждении, при замене зарплаты матерей котловым довольствием. О такой практике свидетельствуют многочисленные воспоминания юных нянечек детских учреждений блокадной поры[1].

Видимо, дополнительное финансирование питания за счет фонда заработной платы объясняет борьбу со смертностью в детдоме № 51, в котором, по воспоминаниям М. М. Шарый: умерло 80 человек из 746 чел., общего числа зарегистрированных. Кроме того, в детдом приносили детей, собранных по Выборгскому району, которых из детдома переправляли дальше и в книгах регистрации не фиксировали[2].

Финансирование разных по статусу детдомов и интернатов было различным. Так, интернат при артиллерийской спецшколе № 7, согласно годовому отчету, израсходовал в 1941 г. 124 748 рублей на питание больных, что составляет, исходя из общего количества указанных детодней за 1941 г., всего 25 030 дней, не менее 4,98 руб. на день [подсчитано мной, – Л.Г.]. В этом же интернате, зарплата воспитателей и инструкторов составила за год в среднем 247 руб. [подсчитано мной, – Л.Г.], как и в школе-интернате с особым режимом (Мойка, 26). Это было ниже, чем зарплата в интернате при артиллерийской спецшколе № 9, в среднем 300–315 рублей[3]. Таким образом, финансирование различных детдомов и интернатов отличалось принципиально, и это не всегда было связано со статусом (артиллерийские спецшколы №№ 7 и 9 имели одинаковый статус).

Материальное обеспечение эвакуируемых детских домов. Работа

---

1 См., например: Воспоминания Сергеевой Алевтины Владимировны // Эта память – наша совесть… С. 187–198.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1393. Л. 11, 11 об ; «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» … С. 99.

3 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 556 (Городские отчеты и заключительный баланс по интернатам при спецшколах за 1941). Л. 7, 13, 20 об, 24 об.

мастерских. Согласно отчету Ленгороно: «В 194*1* [1 вставлен черн. – *Л. Г.*] обеспечивали всем необходимым (питание, транспорт) эвакуируемых детей. Мастерским для подготовки детской одежды по фондам было выделено 2 000 000 метров материала, 5 тонн лоскута и 6 тонн пряжи»[1]. Простой подсчет позволяет указать, что данных материалов достаточно, чтобы обеспечить, по крайней мере, 300 тысяч детей пальто, костюмами и прочим. Эти данные подтверждаются результатами финансовой ревизии Ленгорфо в августе 1941 г.

В 1942 г. А. Иванов, зам. зав. гороно, указывал, что все дети, уезжавшие в эвакуацию, обеспечивались одеждой, обмундированием из следующего расчета: нательное белье – 2 пары, костюм, платье – 1 шт., свитер, рейтузы, валенки, ботинки – 1 пара, галоши – 1 пара, пальто – 1, головной убор – 1, шарф – 1, варежки – 1, постельное белье – 2 смены, одеяло – 1, подушка, матрац – 1 шт. на 4 человека (с [нрзб. – Прим. Л. Г.] матрацной наволочки). Личное имущество детей забирало детское учреждение с собой[2]. В то же время в отчете Ратнера, зав. конторой снабжения гороно, тройке партбюро в 1943 г. было указано количество выданного обмундирования за 1942 г.: пальто – 7 000 штук, обуви – 16 000 пар, пост. белья – 4 000 штук, одеял – 7 500 шт., нательного белья – 2 000 шт.[3]. Если сравнить с количеством воспитанников детских домов гороно, прошедших через статотчеты за 1942 г.: 17 423 чел., из которых было эвакуировано 12 468 чел.[4], видно, что далеко не каждый воспитанник имел все необходимое. Таким образом, неполное финансирование открываемых мест в детдомах сопровождалось и проблемами с материальным обеспечением эвакуации самым необходимым: одеждой, обувью, бельем, что можно объяснить военными условиями.

Согласно приказу по Наркомпросу РСФСР № 502 от 23 июня 1941 г. «О трудовом обучении в детском доме»[5], учебные мастерские в детдомах приобрели

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 31.
2 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 174.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 31. (Протокол № 9 заседания партийного бюро Ленгороно от 9 июня 1943).
4 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1.
5 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – № 15–16. С.7.

важное значение не только в подготовке к труду, но и в самообеспечении учащихся, став важным фактором снабжения в 1942–1943 гг. В то же время в 1942 г. только 2 детдома из 22, находившихся в Ленинграде, имели свои мастерские. Всего работой в них было охвачено 39 чел. (швейные, сапожные и трикотажные мастерские)[1]. В 1943 г. работа в мастерских стала рассматриваться как профессиональная подготовка. В то же время из 20 детдомов только в 7 были мастерские. Ребят было охвачено работой 283 чел. в столярных, слесарных, швейных, трикотажных и чемоданных мастерских[2].

6.3.4. Противоречия эвакуационной статистики по воспитанникам детских домов

В эвакуационной статистике имеются многочисленные противоречия и расхождения данных по количеству детей, находившихся в ленинградских детских домах.

Всего с 29 июня 1941 по 1 апреля 1943 годов, согласно справке Городской эвакуационной комиссии, с детскими домами было вывезено 58 235 человек, включая воспитанников и обслуживающий персонал с семьями[3]. Детей и подростков из этого числа, по данным отчетов, было 48 623 или 48 671 чел. 48 детей проехало в 1943 г. по статье детдома, согласно сводкам ГЭК, что позволяет указать на старший подростковый возраст остальных, 14–15 лет, которые таким образом, могли не фигурировать в сводках со статусом «дети»[4].

В 1942 г. наличие ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях было проверено инспекторами НКП РСФСР, обнаруживших в 319 детдомах – 31 027 детей и в 493 интернатах – 45 134 детей. Всего в 812 детских учреждениях находилось около 76 161 чел. В связи с интересом, вызываемом направлениями эвакуации, приводим целиком таблицу, взятую из документа. В

1 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 570. Л.1.
2 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 602. Л.1.
3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1415. Л. 1 ; *Газиева, Л.Л.* Борьба за спасение детей и подростков..., 2014. С. 359.
4 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.

более полных данных Ленгороно интернаты и детдома не разделялись, за 1942 г. в них указывалось число эвакуированных детей, без персонала: 48 623[1].

Однако последние данные лишь частично были подтверждены уполномоченными и проверками НКП РСФСР. Планы по реэвакуации ленинградских детей показывают, что из находящихся в эвакуации 76 161 детей и подростков в мае – августе 1945 г. планировалось возвратить детей, родители которых проживали в Ленинграде, а также сирот старше 14 лет, желающих учиться в системе Трудовых резервов, и взрослый персонал с иждивенцами, всего 45 313 чел.[2] Полных сирот, неподлежащих реэвакуации, было не менее 30 848 чел., что примерно соответствует количеству детей в детдомах, согласно ревизии НКП РСФСР, 31 027 чел. (в то же время можно предположить, что в ревизских списках НКП учитывался и персонал с иждивенцами).

На 1943 г. было предусмотрено планом эвакуировать 3 000 детей. В Отчете Ленгороно указывалось, что «в счет этого плана 1 109 чел. уже отправлены 19 марта с. г. [1943 г. Г.] в Ярославскую область»[3]. Анализ сводок ГЭК позволяет указать, что эти дети (1 116 чел. при 84 взрослых) могли проехать 13 марта по 2 статье «Семьи рабочих и служащих, временно потерявшие трудоспособность»[4].

В отчете гороно в Плановый отдел Исполкома отмечалось, что на 1 января 1943 г. было «вывезено детей-сирот и полусирот 35 514 чел. Кроме этого, в период отправки детей детских садов (сентябрь – октябрь [1942 г.] дополнительно было эвакуировано 2 103 чел. Всего по детским домам из Ленинграда вывезено 37 617 чел. По семейному составу дети: круглые сироты – 54,1%, имеют мать или отца в РККА – 29,5%, имеют братьев или сестер – 16,4%. Детские дома в весенний и летний набор в РУ и ФЗО направило около 600 воспитанников <…> В настоящее время в гор. Ленинграде существует 19 детдомов. К лучшим по всем видам работы

1 Приложение к третьей главе. Документ № 13. Таблицы 5 и 6.

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. (11 января – 18 декабря 1945. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 78.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 11. Л. 18. (Краткий отчет о работе Отдела народного образования …).

4 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 174. (Итоговые сведения по эвакуации населения. 16 января – 17 декабря 1943). Л. 15.

нужно отнести такие детдома, как № 25, директор Иванова М. К., № 21 – директор Гераскина О. И., № 47 – директор Ананьева К. С., 17 детдом – директор Рюмин М. Н.»[1]

Эти сведения позволяют уточнить процентное соотношение круглых сирот и полусирот (37 617 чел.) с родительскими детьми и персоналом в числе 48 623 чел., эвакуированных в 1942 г.

48 623 : 37 617 = 100 : 77. В том числе, сирот – 26 520 чел. (55%), из них круглых сирот – 20 125 чел. (41%), от общего числа.

Данные подтверждаются показателями Наркомпроса РСФСР по устройству детей-сирот в Ленинграде на 1 ноября 1942 г.

Различие статусов детей-сирот, полусирот, родительских детей, эвакуированных Ленгороно, горздравом, горсобесом и НКВД, проявлялось в финансовом обеспечении, степени организованности и ответственности за их жизнь со стороны сопровождающих и пр. Выше отмечалось, что в сводках и справке ГЭК контингент интернатов, состоявший из детей, имевших родителей, в сводках, вероятно, отмечался как «женщины с детьми», или «семьи рабочих и служащих», так как имеются многочисленные совпадения по численности эвакуируемого контингента интернатов и указанных страт. В 1942 г. и в 1943 г. в сводках Городской эвакуационной комиссии (ГЭК) можно заметить смещение, взаимозаменяемость содержания страт «семьи временно утративших трудоспособность» (то есть иждивенцы «инвалидов») и «детдома»[2].

6.3.5. Патронирование в блокированном Ленинграде и в эвакуации

В соответствии с Постановлением СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г., а также инструкцией НКП РСФСР, Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей», утвержденной Постановлением СНК РСФСР № 325 от 8 апреля 1943 г., и

1 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д.54. Л. 210. (Отчет отдела народного образования исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 по 1 января 1943).

2 ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 93. Л. 89; Д. 174. Л. 15.

положением «О комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей», утвержденной Постановлением СНК РСФСР № 370 от 14 апреля 1943 г., особое место в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью детей имела организация патронирования (передача на воспитание в семьи колхозников и других трудящихся) детей-сирот, а также воспитанников детских домов или домов младенцев от 5 месяцев до 14 лет[1]. Патронирование дополняло опеку в комментариях к Кодексу законов о браке, семье и опеке, в редакции 1942 г. (комм. к ст. 68, §1). Оно осуществлялось исключительно на добровольных началах до достижения воспитанником 16-летнего возраста[2].

Организация патронирования в СССР получила высокую оценку за рубежом, как один из психологических факторов победы[3].

В то же время мы сталкиваемся с противоречиями при анализе статистических отчетов о передаче детей на патронат в 1942–1943 гг. В 1942 г. среди выбывших из детдомов Ленгороно в г. Ленинграде на 1 января 1943 г. 14 921 чел. на патронирование было отдано лишь 25 детей, в 1943 г. из выбывших на 1 января 1944 г. 3127 чел. на патронат было отдано 6 чел.[4]

В эвакуации патронат имел большее распространение. Так, в переписке Ленгорисполкома есть данные о передаче детей на воспитание (патронат) в Горьковской области: из 754 чел., выбывших из эвакуированных ленинградских детдомов за период с 20 июня 1942 по 1 июля 1943 г., – 161 чел. были усыновлены или взяты на воспитание[5]. В то же время в отчете, представленном Ленгороно в Наркомпрос РСФСР в апреле 1943 г., число патронируемых детей из детсадов Ленгороно на 1 января 1943 г. составило 794 чел.[6], по данным Наркомпроса все

---

1 О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей: инструкция Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФР и Наркомюста РСФСР. М.: Наркомпрос РСФСР. 1943. 12 с. ; Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – 1943. – № 3. С. 30–40.

2 Кодекс законов о браке, семье и опеке: Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. С. 77.

3 *Maurer R.* Child Care in the Soviet Union …

4 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 570. Л. 1; Д. 602. Л.1.

5 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 983. Л. 69.

6 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 571. Л. 3.

число отданных на патронат ленинградских детей за 1942 г. составило 1 081 чел.[1]

Следует предположить, что в отчете гороно, как и в показателях НКП РСФСР, приведены данные по передаче на патронирование детей, минуя детдома, а также в эвакуации. Причем такая передача проводилась активно уже в 1941 г. О многочисленных случаях усыновления и удочерения детей погибших педагогов их коллегами хорошо известно из воспоминаний и дневников. Так, при бомбежке детского эшелона летом 1941 г. погибла Н. М. Рыжкова, заведующая детсадом № 7 Петроградского района, а ее детей – Иру (8 лет) и Володю (3 года) – взяли к себе, спасли в страшное блокадное время Ада Евгеньевна Милеант, старший инспектор Приморского района, и Ксения Владимировна Мюллер[2]. Нередки были случаи опеки и патронирования педагогами воспитанников[3].

6.3.6. Борьба с хулиганством, безнадзорностью и беспризорностью в 1943–1944 годах

Борьба с хулиганством. В 1943 году борьба с беспризорностью включала в себя не только устройство детей-сирот в детские дома и на патронирование, но и борьбу с хулиганством, получившим распространение на территории страны вследствие увеличения детской безнадзорности. В связи с этим Решение Исполкома Ленсовета «О мерах борьбы с детской безнадзорностью» от 18 апреля 1943 (пр. № 90, п. 4) вводило ограничения посещения детьми до 16 лет кинотеатров, появления на улицах после 21 часа детей до 14 лет без взрослых[4].

В условиях раннего взросления детей во время войны, включения их в производство и оборонительные сражения, такие запреты не могли не встретить социально-психологические препятствия, что отразилось в изменениях содержания Уголовного права.

Контроль за детьми-хулиганами в домохозяйствах осуществлялся

1 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 53.
2 Эта память – наша совесть… С. 188–189.
3 Там же. С. 214.
4 Бюллетень Ленинградского городского совета …. 1943. № 9–10 (541–542). 30 мая. С. 13.

политорганизаторами[1]. Особое значение придавалось ликвидации безнадзорности детей-дошкольников в семьях фронтовиков, для чего была создана комиссия гороно в марте 1943 г. под председательством зав. гороно Г. С. Левина (до 20 апреля 1943 г.), которая, обходя дома, выявляла безнадзорных детей и устраивала их в детдома. Весной 1943 г. работниками гороно таких дошкольников было выявлено: 60 детей в Октябрьском районе, 40 – в Красногвардейском районе, но только ¾ из них были устроены в детсады[2].

15 июня 1943 года вышло Постановление СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детскими беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»[3]. Начали создаваться специализированные подразделения по делам несовершеннолетних в аппаратах уголовного розыска, в том числе при УНКВД краев и областей, которые именовались отделениями по борьбе с детской преступностью и хулиганством.

В дополнение к трудовым колониям НКВД СССР, созданным для содержания подростков, осужденных судами, создавались также трудовые воспитательные колонии для содержания беспризорных и безнадзорных детей, а также подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях. Возраст воспитанников составлял от 11 до 16 лет. К концу 1943 г. общее число мест в таких колониях по всей стране составляло 50 тысяч[4].

Главным Управлением Трудовых Резервов передавалась для организации в них трудовых воспитательных колоний часть пригодных для этой цели ремесленных училищ, вместе с их оборудованием. Продовольственные и промышленные товары в этих колониях выделялись по нормам ГУЛАГа. Для реализации этих целей в составе НКВД создавались новые отделы по борьбе с

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 9. Л.33. (Протокол партийного собрания № 14. 25 октября 1943).
2 Там же. Д. 10. Л. 11. (Протокол заседания партбюро Ленгороно № 4. 12 апреля 1943).
3 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 215. Л. 214–216.
4 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны …, 2010. – № 5. С. 22.

детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью[1].

Вновь созданным отделам были переданы детприемники (ДПР), которых к тому времени в Ленинграде практически не оставалось. В августе 1943 г. остался только Октябрьский приемник-распределитель, выполнявший функции центрального. Всего за 1942–1943 гг. через ДПР прошли 34 027 детей и подростков: 27 940 в Ленинграде и 6 087 в области[2].

В то же время Постановление СНК СССР № 697 от 26 июня 1943 г. «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД СССР и детей, оставшихся без родителей»[3] обязывало НКВД СССР и Наркомпрос РСФСР направить летом 1943 г. в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО 36 тыс. воспитанников детских домов и детей, оставшихся без родителей, а также 5400 воспитанников трудовых колоний НКВД СССР старше 14 лет[4].

Суворовские училища. Борьба за улучшение работы детдомов. Важность проблемы сиротства вызвала к жизни Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», п. X. «Об организации для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, суворовских военных училищ, специальных ремесленных училищ, специальных детских домов и детских приемников-распределителей» от 21 августа 1943 г.[5].

Вслед за этим вышло Постановление СНК СССР № 942 от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов», в котором требовалось от облисполкомов взять под особое наблюдение работу по устройству детей, оставшихся без

---

1 Во имя Победы: эвакуация… С.333.

2 *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда… С. 29–30.

3 ГА РФ. Д. 216. Л. 108–110.

4 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5. С. 22, 23.

5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М.: Изд-во полит. литературы. С. 459–465.

родителей, к 1 декабря 1943 г. обеспечить все детдома на зиму топливом. В случае необходимости следовало открывать детские дома сверх утвержденного на 1943 г. плана с немедленным представлением в СНК союзных республик финансовых расчетов по содержанию этих детдомов.

Кроме того, вводились единые государственные нормы снабжения продуктами питания детских домов и интернатов, расположенных в городах и сельских местностях. Продукты, получаемые от подсобных хозяйств, следовало использовать для дополнительного улучшения питания, без зачета в норму. К каждому детдому и интернату следовало прикрепить врача, а также квалифицированную медсестру для постоянного наблюдения за состоянием здоровья детей, выполнения всех мероприятий лечебно-оздоровительного характера, профилактических и противоэпидемических мероприятий. Утверждались также типовые штаты и нормы заработной платы для сотрудников детских домов[1].

Постановлением СНК СССР № 982 от 14 сентября 1943 г. утверждались типовые штаты и ставки заработной платы работников специальных детских домов для детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны и детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов. Оклады воспитателей-педагогов в специальных детдомах устанавливались на 25% выше соответствующих в обычных детдомах, оклады инструкторов по труду устанавливались в соответствии с окладами в специальных ремесленных училищах[2].

О значении данного вопроса можно судить по тому, что 30 ноября 1943 г. вышло еще одно Постановление СНК СССР № 1334 «Об утверждении инструкции по исчислению заработной платы воспитателям и другим работникам детских домов и приёмников-распределителей»[3].

---

1 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 27–31.
2 Там же. Л. 149–152.
3 Там же. Д. 221. Л. 31–39.

Вышел также Указ Президиума ВС СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943 г. [1]

Несмотря на трудности и противоречия, в отчете партийной организации Ленгороно о работе за период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по декабрь 1943 гг. указывалось: «Работа детских домов гор. Ленинграда… признана хорошей, и детский дом № 33 Куйбышевского района награжден переходящим Красным Знаменем, как лучший в РСФСР, а детский дом № 47 Дзержинского района – почетной грамотой Наркомпроса РСФСР» [2].

Проблема беспризорности в 1944 г. Проблема беспризорности оставалась в центре внимания правительства СССР в 1944 году. Постановление СНК СССР «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских и трудовых воспитательных колоний» от 6 июля 1944 г. разрешило организовать дополнительные детские трудовые воспитательные колонии (еще 25 колоний на 10 тысяч детей). Наряду с этим, решались вопросы материального оснащения детских приемников-распределителей и трудовых воспитательных колоний НКВД СССР, в том числе обеспечения жилыми помещениями, производственными площадями[3].

Решением Десятой сессии ВС СССР первого созыва были выделены 6 млрд. 600 млн. рублей на содержание детсадов, детдомов, ремесленных училищ и школ ФЗО из государственного бюджета. Практически повсеместно создавались фонды помощи детям. Всего за военный период в такой фонд ЦК ВЛКСМ поступило 308 млн. рублей, на которые создавались здравницы, оздоровительные детские площадки. На 1 января 1945 г. существовало 14 комсомольских здравниц, рассчитанных на 12 тысяч детей[4].

Таким образом, борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью была

---

1 Бюллетень Ленинградского городского совета… 1943. № 22 (554). С. 1.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 11. Л. 17 об, 18.

3 *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5. С. 23.

4 Там же. С. 24.

одним из самых сложных и противоречивых вопросов организации спасения детей и подростков в условиях войны и блокады. Основными институтами, на которые возлагалась ответственность за решение данной проблемы, были органы народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и НКВД. Большую помощь оказывали общественные организации: Общество Красного Креста, профсоюзы и комсомол.

§ 4. Идеологический контроль и цензура в вопросах положения гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг.

6.4.1. Идеологический и информационный контроль со стороны партийных и правоохранительных органов

Уже 6 июля 1941 г. вышел Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»[1]. Контроль за выполнением этого Указа был возложен на органы НКВД, милицию. С лета 1942 г. дела по Указу от 6 июля 1941 г. рассматривались Военным трибуналом[2].

К 1 октября 1942 г. Управлением НКВД ЛО было вскрыто и ликвидировано в Ленинграде 625 контрреволюционных групп: шпионско-изменнических, террористических, повстанческих, националистических, церковно-сектантских. Всего было арестовано 9574 чел. Несмотря на то, что в период войны в расследовании дел НКВД участвовала прокуратура (95% дел), прекращено прокурорским надзором было только 0,6% дел, 2,7% возвращено на

1 Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения (Указ от 6 июля 1941 г.) // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 247.

2 Подробно об этой стороне деятельности НКВД см.: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1, 2. – СПб.-М., 2002 ; *Его же.* В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. – М.: Яуза-каталог, 2017.

доследование[1]. В то же время многие из участников «контрреволюционных групп» в 1954–1957 гг. были реабилитированы.

Наиболее спорным является осуждение физика, члена-корр. АН СССР, профессора Ленинградского университета В. С. Игнатовского, который был арестован в ноябре 1941 года. Проф. Б. П. Белозеров, на основе документов, хранящихся в архиве ГУВД СПб и ЛО, приводит сведения, подтверждающие создание Игнатовским фашистской организации, привлечение бывших царских офицеров, в том числе из группы «гатчинцев» – бывших воспитанников Гатчинского военного училища. В этот же период была раскрыта группа Г. К. Устюгова, бывшего штабс-капитана, профессора Института метеорологии. Еще одну группу возглавлял профессор Политехнического института Н. К. Виноградов. Входивший в эту группу доцент Бочинский, бывший офицер, дал показания о том, что вел пораженческую пропаганду в своем кружке из шести человек, призывая к сотрудничеству с немцами. Из материалов дела следовало, что некоторыми бывшими офицерами царской армии делались попытки создать «Русскую национал-социальную партию», способную сотрудничать с немцами после захвата ими Ленинграда. В то же время Б. П. Белозеров осторожно высказывается в отношении правдивости, честности и, главное: добровольности признаний Игнатовского, Устюгова, Бочинского и других. Нельзя не согласиться с оценкой осуждения по статьям 58-3 и 58-11 УК РСФСР 13 ученых, работавших по военной тематике, в том числе: И. В. Розе, Н. С. Кошлякова, Б. И. Извекова, А. М. Журавского, В. А. Тимофеева, Г. Т. Третьяка, как вопиющего акта беззакония[2]. Члены группы профессора Политехнического института Н. К. Виноградова были приговорены к высшей мере наказания, замененной Президиумом ВС СССР на 10 лет лишения свободы (были реабилитированы в

---

1 Документ 190. Справка начальника УНКВД ЛО в ГК ВКП(б) о числе арестованных, осужденных и высланных за время войны // Ленинград в осаде..., 1995. С. 441 ; Документ 195. Из справки о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. // Указ. соч. С. 456.

2 *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада). – СПб.: Агентство «РДК-принт», 2001. С. 214.

1954–1955 гг.)[1].

Более категоричную позицию занял ныне покойный профессор В. А. Кутузов. С его мнением солидарен профессор Г. Л. Соболев: дело о Комитете общественного спасения, действовавшем среди либерально настроенных ученых во главе с В. С. Игнатовским, было сфабриковано в январе 1942 г. сотрудниками комитета по борьбе с контрреволюцией УНКВД ЛО, на основе донесений о критических высказываниях в научной среде[2].

Помимо действий милиции по контролю за распространением ложных слухов, существовал механизм партийного контроля. Партинформации о настроениях в партийной среде докладывались на партийных собраниях, затем ложились на стол инструкторов райкомов ВКП(б), систематизировались и отсылались в ГК и ЦК ВКП(б). Порой на непопулярную должность партинформаторов выдвигались люди, которые находились под наблюдением в качестве потенциальных репрессантов.

Весь 1942 г. крайне напряженная атмосфера царила в Ленгороно и Ленгорздравотделе. В конце 1942 года при подведении очередных итогов появилась отчетная статья заведующей дошкольным сектором Ленинградского Гороно Е. Ф. Лавриковой, подробно описавшей ужасы блокады зимы 1941-42 годов[3]. Ее материал был подтвержден в следующем номере еще более откровенной статьей директора института повышения квалификации учителей г. Ленинграда Л. Е. Раскина[4]. Видимо, такая откровенность показалась неуместной

---

1 Так, член-корреспондент АН СССР Н. С. Кошляков был реабилитирован 20.XII.1954, профессор Л. В. Клименко, доцент И. М. Суперанский были реабилитированы 9.II.1955. (Ленинград в осаде..., 1995. С. 599).

2 Шесть «членов» Комитета были приговорены к расстрелу Военным трибуналом Ленинградского фронта 13 января 1942 г. Жертвами дела стали еще 126 ленинградских ученых. В том числе член-корреспондент АН СССР И. В. Розе, профессора Б. И. Извеков, А. М. Журавский, В. А. Тимофеев, Г. Т. Третьяк и др. (*Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 383–386 ; *Кутузов В. А.* Комитет общественного спасения в блокированном Ленинграде // Петербургская историческая школа. Альманах. – СПб., 2005. С. 217–236).

3 *Лаврикова Е. Ф.,* Зав. дошкольным сектором Ленгороно. Детские сады города Ленина // Дошкольное воспитание. – 1942. – № 11–12. С. 34-38.

4 *Раскин Л. Е.,* директор Ленинградского городского института усовершенствования учителей. Год работы с дошкольниками в Ленинграде // Дошкольное воспитание. – 1943. – № 1. С. 16–26. В 1946 г. была произведена стенографическая запись собеседования с Л. Е. Раскиным сотрудниками Института истории ВКП (б). Стенограмма была фрагментарно опубликована. (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1382. 38 л.).

– с этого момента имена этих ленинградских руководителей исчезли из наградных листов.

Заметим, что к моменту выхода статьи Л. Е. Раскина (февраль 1943 года) он уже не был директором Института усовершенствования учителей. В октябре 1942 года его сменил бывший заместитель Орлов[1]. Этому предшествовала проверка работы ИУУ, проведенная комиссией Ленсовета. Хотя комиссия не выявила серьезных недостатков, оценив удовлетворительно работу Института, единственного из научно-методических центров подготовки учителей работавшего всю блокаду, последовали увольнения сотрудников, выговоры и товарищеский суд[2]. Был заменен на своем посту и директор. Ошибка в указании должности автора статьи позволяет отметить, что, видимо, она была предложена к печати в предшествующий данной «чистке» период. По содержанию статьи ее можно датировать периодом не ранее июля 1942 года.

Драма выступает со страниц протоколов партсобраний Ленгороно 1941–1943 годов. Изучение этих протоколов показывает, как развертывалась травля зав. дошкольным сектором Ленгороно Е. Ф. Лавриковой, начиная с августа 1941 года. В феврале 1943 года она была снята со своего поста и заменена и.о. Е. А. Гребенщиковой, которая тогда же была принята в члены ВКП (б). Невиновность Е. Ф. Лавриковой, жены фронтовика и матери двоих детей, оправданной судом в 1942 году, и репрессии, последовавшие в ее адрес, позволяют объяснить тактику замалчивания, длительное время сохранявшуюся в отношении дошкольного воспитания в блокадном Ленинграде[3]. В то же время судьба Е. Ф. Лавриковой была не столь трагична: 28 сентября 1943 г. она была назначена директором

---

1 ЦГАИПД СПб. Ф. 937 (Первичная партийная организация Института усовершенствования учителей г. Ленинграда). Оп. 1. Д. 9. Л. 34, 35 об. (Протокол № 16 Общего партсобрания парторганизации № 216 ИУУ от 8-12 октября 1942 г.).

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 937. Оп. 1. Д. 9. Л. 40. (Протокол № 12. Закрытое партийное собрание парторганизации № 216 ИУУ. От 3/ IX-1942. [Присутствует от райкома ВКП (б) т. Парамонова. ЛГ]).

3 Поводом к уголовному преследованию стало заявление сотрудницы Гороно о содействии Е. Л. продаже в Гороно и детсадах хлеба по спекулятивной цене зимой 1941 – 1942 гг. Несмотря на ее полное оправдание судом после месяца тюремного заключения, 15 января 1943 г. Е. Л. был объявлен выговор с занесением в личное дело. (ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 2. Д. 6. Л. 25–27; Д. 9. Л. 2–3; Д. 10. Л. 1 об, 2–3. В связи с реабилитацией уже в период войны материалы рассекречены).

здравницы № 2 (Хэпо-ярви) в Кавголово распоряжением № 42 уполномоченного ВЦСПС по г. Ленинграду и Ленобласти П. Ф. Казаковым[1].

Анализ протоколов собраний первичных организаций ВКП(б) на примере организации 1 Ленинградского медицинского института (1 ЛМИ), за период 1941–1943 гг., позволяет отметить несколько характерных особенностей таких собраний: с одной стороны, психическая атмосфера на них отражала высокий уровень культуры межличностных коммуникаций группы интеллигентов, ученых-медиков; с другой, сказывались ментальные установки представителей данной группы, находившихся под влиянием правовых документов[2]. Идеологическое влияние ВКП(б) проявлялось не только как определенная рамка межличностного общения, но и как рефлексивное восприятие своего поведения через призму известных правовых норм, которые трансформировали внутренние нравственные установки[3].

В январе – октябре 1943 года, при освобождении Северного Кавказа от гитлеровских захватчиков, стало известно о работе эвакуированных весной 1942 года из Ленинграда ученых на оккупированной территории, а затем вывоза некоторых из них немцами в Германию. Поскольку все обстоятельства не могли быть известны в этот период, сам факт мог способствовать усилению идеологического прессинга в Ленинграде[4].

В январе 1943 г. был разоблачен органами НКВД как резидент немецкой разведки А. Круглов, работавший в Ленинградском гороно старшим финансовым ревизор-инспектором[5].

---

1 ЦГА СПб. Ф. 9023. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.

2 *Газиева Л. Л.* Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1 (дата публикации: 13.09.2018). DOI: 10.18254/S0002245-8-1.

3 Это явление отражено также в рукописном наследии Л. Я. Гинзбург. (*Гинзбург Л.* Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека / Сост., подгот. текста, примеч. и статьи Эмили Ван Баскирк и Андрея Зорина. – М.: Новое издательство, 2011. С. 292–302).

4 См. также: *Зимин И. В.* Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин (1941–1947) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей..., 2015. С. 54–61.

5 «Круглов Алексей Михайлович,1886 г.р., закончивший Петербургский филологический и Петроградский Богословский институты, старший ревизор-инспектор Ленинградского городского отдела народного образования,

В этот же период в эвакуации начали отстранять от работы за «непрофессионализм» ленинградских работников, заменяя их местными кадрами[1].

18 ноября 1943 г. появился Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»[2]. Вслед за ним прокатилась новая волна репрессий в отношении руководителей, допустивших утечку информации.

Таким образом, можно судить о характере и формах идеологического прессинга в научной, педагогической среде, а также в органах местной власти в 1941–1943 годах, которые в значительной степени обуславливались военным положением и наличием резидентурной сети врага. В то же время имелиместо и явные «перегибы».

6.4.2. Освещение положения женщин и детей в блокированном Ленинграде в 1941–1943 гг. Работа Ленинградского облгорлита

Затронув проблему информационного и идеологического прессинга, мы не можем не остановиться на проблеме цензуры публикаций о положении гражданского населения, прежде всего женщин и детей, в блокированном Ленинграде в 1941–1943 годы[3].

Несмотря на освещение деятельности цензуры в СССР в новейшей исторической литературе, период войны остается изучен недостаточно[4]. Основным органом цензуры в РСФСР являлось созданное 6 июня 1922 г. при НКП РСФСР

который проживал в г. Ленинграде, Смольный проспект, дом № 6» был арестован 26 января 1943 года и казнен по обвинению в государственной измене. (*Бернев С. К.* Проблемы и противоречия в исследовании блокады. Антигубернатор Ленинграда // Эта память ... С. 35–49).

1 Документ № 109. Решение Анжеро-Судженского райисполкома Кемеровской области о работе ленинградского детского дома. 27. 04. 43 // Во имя Победы… С. 134 ; Документ № 127. Решение Кемеровского облисполкома об улучшении состояния детских домов и подготовке их к зиме. 27. 05. 43 // Указ. соч. С. 153-155.

2 Бюллетень Ленинградского городского совета… 1943. – № 22 (554). С. 1.

3 *Газиева Л. Л.* Военная цензура в осажденном Ленинграде // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 10 (642). С. 40–42.

4 *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000; *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – М., 2009; Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. 1917 – 1956. Документы / Общ. ред. ак. *А. Н. Яковлева*; сост. *Л. В. Максименков.* М.: МФД: Материк, 2005. См. также: *Ярмолич Ф. К.* «Россия, начиная с 1917 года, представляет собой загадку, которую мы тщетно пытаемся разгадать» (Советская цензура на Северо-Западе СССР в 1920 – 1930-е гг.). – СПб.: Северная звезда, 2017.

Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит РСФСР). В 1933 г. было создано Управление Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита. Верховный цензор соединял в своем лице обе должности. 2 июня 1941 г. была учреждена должность Главного военного цензора при СНК СССР, которому подчинялись все структуры Главлита, переведенного на военное положение. Основной формой контроля была предварительная цензура, а основным ее методом – «вычерки». По вычеркам составлялись сводки, которые регулярно подавались в главлит и обком ВКП(б)[1].

Цензурные запреты в период войны были изложены в перечне сведений, не подлежащих разглашению в это время[2], а также в дополнениях к перечню и циркулярах, уточняющих и расширяющих их. Так, «Дополнениями к перечню сведений в период войны» запрещались публикации о бедствиях гражданского населения в тылу[3], об участии в военных действиях женщин и детей, об эвакуации предприятий (место отправки и пункт назначения) и разглашение конкретных сведений о семьях партизан[4].

В перечень Главлита от 26 марта 1943 г., согласованный с Отделом «Б» НКВД, не подлежащих разглашению сведений входили: о конкретных оборонных мероприятиях, о разрушениях, нанесенных противником, о перебоях в снабжении населения, о катастрофах, об эпидемиях[5]. Запрещались антисоветские и контрреволюционные высказывания в адрес советских руководителей, советского

---

1 *Блюм А. В.* Указ. соч. С. 26–32, 36, 38, 145.

2 ГА РФ. Ф. Р-9425 (Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР). Оп. 1. Д. 207 (Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну на военное время. 18 апреля – 4 декабря 1944). Л. 198.

3 Там же. Д. 81 (Переписка и сводки Кировского обллита). Л. 1.

4 Там же. Д. 170. (Леноблгорлит. переписка. 20 февраля 1943 – 20 января 1944). Л. 7.

5 Полный список: сведения о конкретных мероприятиях по противовоздушной, противохимической и противобактериологической обороне отдельных населенных пунктов; данные о воздушных нападениях и разрушениях авиацией противника в населенных пунктах и на каких-либо объектах, кроме официальных публикаций; нарушения нормальной жизни в крупных населенных пунктах вследствие налетов врага, а также воздушных враждебных элементов и агитации противника; какие бы то ни было сведения о шпионской, вредительской и диверсионной работе противника, о поимке шпионов, вредителей, диверсантов и о методах борьбы с ними; данные о фондах продовольствия и снабжении у заготовительных и снабженческих органов; сведения о перебоях в снабжении населения; данные о катастрофах на транспорте и на предприятиях, о стихийных бедствиях, о вспышках эпидемических заболеваний (чума, холера, желтая лихорадка, сыпной тиф) и эпизоотии (сибирская язва, сап). (ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 195. (Леноблгорлит. переписка с НКВД СССР по цензурным вопросам). Л. 10 об, 14).

народа, его ценностей, публикация каких-либо произведений «врагов народа», упоминания их, либо демонстрация фото– и кинопортретов.

Сводными указаниями по цензуре № 1 отдела военной цензуры Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии было запрещено употреблять понятие «нацисты» (или «националисты») в отношении врага, рекомендовалось заменять его на «фашисты»[1]. Согласно этим указаниям, циркуляром Ленгорлита в мае 1942 г. было также запрещено называть гитлеровцев «националистами», предлагалось слово «фашисты», соответственно делались вычеркивания[2].

Ключом к пониманию данного цензурного запрета может служить альбом карикатур художника В. Гальба «Блиц-крик и Фриц-Вой», изданный в 1944 году. В книге приводится отрывок из Приказа № 130 от 01 мая 1942 г., подписанного И. Сталиным: «...немецкие фашисты являются не националистами, а империалистами, захватывающими чужие страны и высасывающими из них кровь для того, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов»[3]. Карикатуры иллюстрировали эту мысль, выражая звероподобную сущность фашизма.

Сведения, подлежащие военной тайне, но относящиеся к прошедшему времени, допускались к публикации[4], в то же время информация политико-идеологического характера оставалась под длительным запретом.

Анализ вычерков цензуры облгорлита г. Ленинграда за 1941–1943 гг., а также вычерков облгорлитов г. Кирова и г. Куйбышева, куда была эвакуирована часть ленинградского населения, позволяет выявить характерные черты идеологической войны и, как ее следствие, признаки информационного кризиса.

---

1 Там же. Д. 113 (Переписка, сводные указания, обзоры Отдела военной цензуры. 27 марта – 30 декабря 1942). Л. 90 об.

2 Там же. Д. 84 (Леноблгорлит. Переписка и сводки. 1942) Л. 132 (Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры военно-экономического характера за время с 21 мая по 31 мая 1942).

3 *Гальба В.* Блиц-крик и Фриц-Вой. Карикатуры Вл. Гальба. – Л.-М. : Искусство, 1944. С. 4.

4 ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 170 (Леноблгорлит. Переписка. 20 февраля 1943 – 20 января 1944). Л. 4 (От начальника Леноблгорлита Артамонова по поводу ст. Н. Тихонова «Ленинград в апреле» в газете «Красная звезда» от 27 апреля 1943. № 98) ; Там же. Л. 5 (От уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита Н. Садчикова о допустимости сообщения прошедших сведений (как о прошедшем), не входящем в перечень сведений, не подлежащих разглашению).

Ленинградские женщины и дети оказались в эпицентре такой войны. В соответствии с «Дополнениями к военному перечню секретных сведений» не допускалось разглашение любых сведений об участии женщин и детей в военных операциях. Так, согласно § 18 «Дополнений», из радиопередач завода им. Фрунзе были вырезаны сведения о детях, сражающихся в партизанских отрядах вместе со взрослыми[1], а согласно § 10 «Дополнений», в № 80 газеты «Смена» от 17 июля 1942 г. цензором Дейнека была снята статья «Слет девушек воинов», в которой был отмечен «широкий размах участия жен бойцов и командиров в боевых операциях в различных родах войск»[2].

Было запрещено разглашать какую-либо информацию об эпидемиях: в 1942 г. сняли пять материалов об эпидемиях в информационных органах заводов № 209 и № 4 им. Калинина, Кировского завода, завода им. Орджоникидзе. Так, возник миф об отсутствии эпидемий в блокированном Ленинграде.

Проявления кризиса заметны уже в октябре – ноябре 1941 г., когда в журнале «Звезда» запретили публиковать стихотворение Ольги Берггольц «Говорит мать»: «Мы на сто лет постарели с тех пор, когда проклятая легла на теплые дома и колыбели густая тень германского крыла». Сочли, что это «явно пессимистические и полиотчески [описка в оригинальном тексте. – Л. Г.] вредные стихи». Описку цензора нельзя считать случайной, так как она связана с хронометрической самоидентификацией[3].

В заметке Конюхова, появившейся в газете «Клич Родины» №21 от 26 октября 1941 г., указывалось, что ремесленники не выпускают нормы, и автор за это предлагал их «заклеймить презрением и позором». Цензор Кленин вычеркнул это высказывание как политически вредное. Такая цензура вызвала сомнение у

1 Там же. Д. 84. Л. 105 (Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры военно-экономического характера по радио-газетным сообщениям за время с 1 сентября по 1 октября 1942).

2 Там же. Л. 143 (Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры военно-экономического характера за время с 21 июля по 31 июля 1942).

3 Там же. Л. 61 (Текстовая сводка характерных вычерков предварительной цезуры политико-идеологического характера за время с 20 октября по 1 ноября 1941).

начальника Ленинградского облгорлита Артамонова[1]. Тем же цензором Клениным в газете «Мы победим» № 25 от 23 декабря 1941 г. было допущено высказывание: «помочь Красной Армии освободить нашу священную Советскую землю от гнусных Советских захватчиков». Кленин был снят с работы[2].

С декабря 1941 г. появляются отдельные антисоветские высказывания и прямые выпады против советских руководителей в Ленинградской печати. Так, в газете «Красный выборжец» № 1 от 6 января 1942 г. была попытка напечатать: «Под руководством стратега тов. Сталина немецко-фашистские банды, вероломно напавшие на нашу Родину и рассчитывавшие на легкую победу, откатываются назад и несут огромные потери» (отредактировано цензором Дейнека)[3]. Описка могла быть случайной, но в той же газете «Красный выборжец» № 5 от 5 июня 1942 г. был снят цензором Чихаревым монтаж газеты, где над портретами Ленина и Сталина было напечатано жирным шрифтом: «Крепче громить врага» (газета была переверстана)[4].

Обострение информационной войны заметно по просачиванию в печать запрещенных сведений и их специфике. Так, в соответствии с «Дополнениями к перечню военного времени» (§ 28) в декабре 1942 г. была полностью снята статья Ленинградского отделения ТАСС о разоблаченном шпионе[5]. В то же время официальная информация в газете «Ленинградская правда» все-таки появилась[6].

Глубину кризиса, коснувшегося исторической самоидентификации, можно заметить в другом характерном вычеркивании из статьи в газете «Ленинградская правда» № 102 от 1 мая 1942 г. цензором Захаровым фразы: «Мы еще увидимся в

---

1 Там же.

2 Там же. Л. 86 (Текстовая сводка характерных вычерков предварительной цезуры политико-идеологического характера за время с 20 декабря по 31 декабря 1941).

3 Там же. Л. 87 (Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры политико-идеологического характера за время с 1 января по 15 января 1942).

4 Там же. Л. 90 (Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры политико-идеологического характера за время с 1 июня по 10 июня 1942).

5 Там же. Л. 149 (Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры военно-экономического характера по радио-газетным сообщениям за время с 1 декабря по 31 декабря 1942).

6 *Занин С.,* майор госбезопасности. Предатель // Ленинградская правда. – 1942. – 19 декабря. – № 299 (8405). С. 2.

освобожденном Ленинграде»[1].

Необходимо обратить внимание на то, что оправданная военной обстановкой цензура, приобретая идеологический характер, в условиях Холодной войны превратилась в ментальный барьер правового развития.

Общие выводы к главе: Весь период обороны Ленинграда сохранялась роль СНК СССР, СНК РСФСР, а также Ленгорисполкома в осуществлении задач охраны прав граждан, согласно действующим Конституциям СССР и РСФСР.

В первые месяцы войны неразбериха в осуществлении политических, идеологических, административных функций привела к формированию многочисленных советов и комиссий в Ленинграде, позволяющих вовлечь в организацию обороны значительное число гражданских специалистов, входивших в их состав. В то же время результатом активного вмешательства идеологических органов в руководство обороной Ленинграда уже в первые дни войны стало «двоевластие», порожденное стремлением сохранить контроль над создавшейся ситуацией. Такое двоевластие сделало необходимым вмешательство ГКО СССР: образование Военного Совета Ленинградского фронта. В его состав входили секретари Обкома и Горкома ВКП(б): А. А. Жданов и А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, председатель Леноблисполкома: Н. В. Соловьев. Это способствовало усилению роли партийных и советских органов в организации обороны Ленинграда.

Вопросы, касающиеся внутреннего правопорядка и охраны прав граждан, решались под руководством и при содействии Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, отделы которого напрямую подчинялись как Ленгорисполкому, так и соответствующим наркоматам СНК РСФСР. Несмотря на значительное расширение задач, решаемых НКВД в условиях военного времени, основными были охранительные: охрана войскового тыла Ленинградского фронта, охрана внутреннего правопорядка и прав граждан. Охрана внутреннего

1 Там же. Л. 126 (Текстовая сводка важнейших вычерков предварительной цезуры военно-экономического характера по радио-газетным сообщениям за время с 1 сентября по 1 октября 1942).

правопорядка осуществлялась совместно войсками НКВД и милицией. Отсутствие правового осадного режима в Ленинграде предполагало большее значение институтов гражданской власти и самодеятельности населения в обеспечении указанных задач. В тесном взаимодействии с Ленгорисполкомом и Ленинградским горкомом ВКП(б) осуществлялся прокурорский надзор за работой правоохранительных органов, а также нотариальных контор, административных комиссий, райисполкомов Совета депутатов трудящихся, с целью не допускать нарушений прав граждан.

Одним из самых сложных и противоречивых вопросов организации спасения гражданского населения в условиях блокады была борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью. Мероприятия по борьбе с беспризорностью в первом квартале 1942 года регламентировались Постановлением СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Постановление предполагало расширение сети детских домов и передачу детей на патронирование как отдельным гражданам, так и организациям.

Увеличение безнадзорности детей сделало необходимым борьбу с хулиганством. 15 июня 1943 года вышло Постановление СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детскими беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Были созданы отделениям по борьбе с детской преступностью и хулиганством в уголовном розыске, а также трудовые воспитательные колонии для содержания беспризорных и безнадзорных детей, подростков в возрасте от 11 до 16 лет. Постановление СНК СССР «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских и трудовых воспитательных колоний» от 6 июля 1944 г. разрешило организовать дополнительные детские трудовые воспитательные колонии.

Бедственное положение гражданского населения в тылу было отнесено к военной тайне, публикации о таких бедствиях запрещались цензурой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпосылкой данного исследования явилось наличие противоречий в содержании интерпретаций блокадного положения гражданского населения Ленинграда современной исторической литературой. Необходимость их разрешения имеет фундаментальное значение для динамичного развития гражданского пространства Российской Федерации.

В связи с этим рассмотрены такие малоизученные аспекты проблемы как: организация эвакуации гражданского населения из Ленинграда, охрана личных и имущественных прав граждан органами советской власти, статистика смертности и выживаемости ленинградского населения, в том числе при эвакуации, доказательная база обвинения гитлеровских преступников в военном преступлении против Ленинграда и ленинградского населения, политико-правовая база мероприятий по реализации прав гражданского населения Ленинграда в период войны, взаимодействие центральных органов государственной власти (ГКО при СНК СССР, СНК СССР и РСФСР, отдельных наркоматов СССССР и РСФСР) и местных (Ленгорисполкома и Леноблисполкома, Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)).

Необходимым условием данного исследования стало уточнение статуса гражданского населения в условиях военных конфликтов в период II Мировой войны. Эта задача облегчена наличием экспертной оценки безусловного иммунитета населения в соответствии со сложившимися обычаями и правилами войны, представленной Большой Палатой ЕСПЧ в 2010 году. Необходимо подчеркнуть, что Международным Военным Трибуналом был вынесен приговор Йодлю, начальнику штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил Германии, включающий обвинение в преступном приказе об уничтожении Ленинграда. В приговор Герингу было включено обвинение в

преступном лишении населения продовольственного снабжения, в том числе планов в отношении Ленинграда и Москвы полного прекращения снабжения продовольствием, как доказательство грабительских мотивов гитлеровской агрессии.

В статье 8 Устава Международного военного трибунала (МВТ) оговаривалась ответственность за выполнение явно преступного приказа, который рассматривался как провокация военным правом в период II Мировой войны. В связи с этим попытки пересмотреть приговор Нюрнбергского трибунала, инициированные неонацистами в 1953 г., провалились.

В материалах Нюрнбергского процесса были представлены убедительные доказательства тактики террора по отношению к мирному ленинградскому населению, уничтожение памятников культуры Ленинграда со стороны гитлеровских захватчиков. Эти доказательства могут быть расширены и подтверждены многочисленными документами.

Так, в сентябре 1941 г. при бомбардировках и артобстрелах Ленинграда соотношение поражения промышленных объектов и жилых домов составляло, соответственно, 1:3 или 1:1,5. В сентябре – нач. октября 1941 г. пострадали 16 объектов пищевой промышленности. Это явилось основным фактором сокращения запасов продовольствия в городе и привело к резкому снижению норм продажи продуктов. Важнейшей целью бомбардировок было разрушение водопроводной, водосточной и канализационной систем города. В таких условиях жизнеобеспечение населения города требовало от руководителей городским хозяйством поистине героических усилий: по размещению пострадавших от потери жилья, организации необходимых аварийно-восстановительных работ, а также не только по доставке, но и по хранению продовольствия на рассредоточенных складах.

С 11 и 12 июля 1941 г. происходили систематические бомбежки и обстрелы пулеметным огнем с самолетов санитарных, пассажирских эшелонов, автомобилей и автобусов с эвакуируемыми, особенно с детьми, на территории Ленинградской

области. Бомбежки сопровождали и эвакуацию населения через Ладожское озеро.

Насильственное переселение и истребление мирного населения осуществлялось в период оккупации территории окраин Ленинграда, Ленинградских пригородов и близлежащих районов Ленинградской области.

Нельзя согласиться и с попытками некоторыми исследователями представить политику советских органов власти и управления по отношению к гражданскому населению без необходимого различения правового статуса отдельных социальных групп и мер по обеспечению их безопасности.

В предшествующем диссертационном исследовании автора «Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах»[1] был рассмотрен статус Советского детства как подлежащего опеке, воспитанию и обучению. Данное исследование было продолжено и результатом стала монография автора «Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944 гг.», в которой расширено изучение данной проблемы относительно группы: подростки 13–15 лет[2].

Важное место в международном трудовом праве накануне войны занимали мероприятия по охране детства и материнства, был определен правовой статус детства как подлежащего обучению и воспитанию. Нормы международного трудового права учитывались советским законодательством, в том числе Кодексом законов о труде РСФСР 1922 года, закреплявшим порядок охраны детства и материнства, социального страхования, который применялся и в СССР. Начало Великой Отечественной войны расширило границы трудовой эмансипации подростков, однако выполнение закона о всеобщеобязательном начальном (7-летнем) образовании оставалось в поле зрения правительства СССР всю войну. В 1942 г. статус «учащиеся», как подлежащие обучению, был закреплен за подростками 14–15 лет. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 8

1*Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде. Автореф. дисс... к. и.н. – СПб., 2010.

2 *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944 гг. / под ред. Г. Л. Соболева. – СПб.: Нестор-История, 2014.

октября 1942 г. статус «учащиеся» давал освобождение от трудовой мобилизации. В 1942 г. принимались меры по возвращению в школы подростков 14–15 лет.

В то же время охрана детства и материнства, борьба за спасение детей и подростков представляют лишь некоторые аспекты проблемы положения гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 гг.

В ходе исследования было доказано:

1 – деятельность центральных и местных органов власти и управления, направленная на спасение и нормализацию положения гражданского населения, осуществлялась на основе действующих в СССР и РСФСР конституционных норм, военного, гражданского и уголовного права.

В соответствии с Полевым Уставом РККА, введенным 30.12. 1936 г. (ПУ-36), вопросы взаимодействия с гражданским населением решались исходя из принципа уважения к национально-бытовым особенностям местного населения. Обеспечение местными средствами находящихся в тылу войск осуществлялось на основе взаимодействия с местными органами государственной власти.

Последовательность реализации данных правовых норм прослеживается на конкретных фактах организации обороны Ленинграда. Так, имеются многочисленные факты согласования с Лениспoлкомом военным командованием Северного фронта (с 23 августа Ленинградского фронта) вопросов использования материальных ресурсов с учетом потребностей жизнеобеспечения, а также организации эвакуации ленинградского населения. Это обусловило и ответственность П. С. Попкова за реализацию мобилизационных планов, МПВО, строительство оборонительных сооружений, развертывание эвакуационных госпиталей в Ленинграде и пригородах и пр.

Согласно Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г., на территории Ленинградского военного округа объявлялся режим «военного положения». Режим «осады» для Ленинграда не был утвержден законодательным порядком, что влияло на сохранение гражданских органов власти и управления, их функционирование и полномочия.

Согласно Конституциям СССР и РСФСР, обеспечением общественного порядка, защитой интересов государства и охраной прав граждан занималось УНКВД по Ленинграду и ЛО, под руководством и при содействии Ленинградского Совета депутатов трудящихся. Согласно Указу «О военном положении» органы внутренних дел Ленинграда были военизированы.

Работа военной прокуратуры и военного трибунала по вопросам, касающимся гражданского населения, осуществлялась в тесном взаимодействии с Ленгорисполкомом и под идеологическим руководством Ленинградского горкома ВКП(б). С февраля по декабрь 1942 г. военный прокурор г. Ленинграда А. И. Панфиленко систематически направлял секретарям Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину и председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову результаты проверок деятельности тех или иных ленинградских учреждений, которыми были выявлены серьезные нарушения в обеспечении прав граждан. Наряду с защитой прав граждан прокурорский надзор выявлял недостатки и в реализации решений, связанных с обязанностями гражданского населения: во взыскании военного налога, в выполнении разверстки трудовой мобилизации в аэродромно-технические команды.

Охрана внутреннего правопорядка осуществлялась совместно войсками НКВД с милицией, в соответствии с директивой НКВД СССР от 7 июля 1941 г., определявшей задачи милиции в условиях войны. На начальника Рабоче-крестьянской милиции Ленинграда возлагался контроль за выполнением правил МПВО, в том числе круглосуточного ответственного дежурства по МПВО и дежурства дворников у подъездов ворот и у входов, соблюдение светомаскировки и др. Правоохранительными органами или под их контролем, при активном взаимодействии с местными органами власти и общественными организациями, осуществлялось хранение личных вещей, документов и других ценностей, оставленных или потерянных при эвакуации.

Одним из самых сложных и противоречивых вопросов организации спасения гражданского населения в условиях войны и блокады была борьба с детской

беспризорностью и безнадзорностью, к которой, в соответствии с Постановлением СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г., также привлекались органы НКВД и милиции. Всего за 1942–1943 гг. через ДПР НКВД прошли 34 027 детей и подростков: 27 940 в Ленинграде и 6 087 в области.

2 – в результате предпринятых мер количество спасенного гражданского населения Ленинграда составило не менее 60% от проживавшего в городе до войны, включая не менее 50% детей и подростков до 15 лет.

К началу войны число жителей Ленинграда составляло 3 212 554 чел., с учетом естественного прироста и миграции, в том числе детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет – минимум 854 782 чел. Эти данные основаны на материалах статистического отчета УНХУ, представленного в Леноблисполком на 1 января 1941 г. При этом нами была внесена необходимая коррекция с учетом естественной и механической динамики населения за 1-е полугодие 1941 г.

С учетом естественной и механической динамики за период с начала войны до снятия блокады в Ленинграде и пригородах должно было проживать детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет: 922 365 чел. В это число вошли 12 420 чел. иногородних учащихся ремесленных училищ, включенные УНХУ в состав учащихся средних технических учреждений.

Следует предположить, что из этого числа не менее 334 тыс. чел. детей от 0 до 15 лет погибли или пропали без вести в осажденном Ленинграде, в связи с выявленными неточностями эвакуационной статистики. Таким образом, можно увеличить число погибших ленинградцев до 960 865 чел., из которых около 34,8% были дети до 15 лет.

Необходимо указать на условность данных по незарегистрированным смертям. Эта условность не меняет материальную сущность вопроса, изложенного на Нюрнбергском процессе, и подтвержденного неоспоримыми документами по наличию зарегистрированной смертности гражданского населения в Ленинграде в результате блокады. В то же время учет детской смертности был затруднен при отсутствии личных документов у детей-сирот.

3 – кроме того, были установлены факты, связанные с организованной эвакуацией гражданского населения Ленинграда, в первую очередь: детей и подростков (от 0 до 15 лет) с детскими учреждениями, а также инвалидов. Постановления об эвакуации из Ленинграда детей и женщин с детскими учреждениями принимались СНК СССР, ЦК ВКП(б), СНК РСФСР и Советом по Эвакуации при СНК СССР неоднократно в течение июня – августа 1941 г. В то же время не все удалось выполнить, в связи с объективными трудностями военного времени.

Официальные сведения о результатах летней эвакуации, которые содержатся в официальных справках, подтверждаются финансовыми документами лишь частично. Так, в справке, хранящейся в отделе агитации и пропаганды Ленгоркома ВКП(б), указывалось, что летом 1941 г. были эвакуированы 480 703 чел. (15%) из гражданского населения, проживавшего в Ленинграде на 22 июня 1941 г., в том числе детей, педагогов и медработников, выехавших с детскими учреждениями – 219 691 чел. В результате анализа справки, подготовленной финансовым отделом Ленгорисполкома, удалось установить, что к 18 августа 1941 года было эвакуировано с детскими учреждениями не более 93 874 чел. детей от 3 до 15 лет. Таким образом, число вывезенных летом 1941 г. из города ленинградцев необходимо уменьшить, по крайней мере, на 80 тысяч человек, помимо оставшихся на оккупированной территории.

Расходы на эвакуацию детей с детскими учреждениями распределялись между городским бюджетом и родителями. Причем большая часть расходов Ленгорисполкомом относилась на счет бюджета: до 68%. Помимо указанных мер по обеспечению эвакуируемых, выдавалась материальная помощь из местного бюджета г. Ленинграда. Всего в августе – сентябре 1941 г. было выделено более 2,5 млн. рублей детям, эвакуированным с детскими учреждениями, многосемейных и малообеспеченных родителей, а также пострадавшим от воздушных налетов на эшелоны с детьми, наряду с беженцами из Прибалтики. Советом по эвакуации СНК

СССР также принимались меры для обеспечения эвакуируемых бесплатным продовольствием в пути.

После занятия гитлеровцами ст. Мга эвакуация продолжалась, в соответствии с Постановлением № СЭ-103сс от 29 августа 1941 г. Она осуществлялась на левый берег Невы в районе Шлиссельбурга. На единовременную денежную помощь выделялось 500 тысяч рублей из сэкономленных средств местного бюджета Ленинграда и Ленобласти. В декабре 1941 г. – январе 1942 г. эвакуация возобновилась по ледовой дороге. Было переправлено 36 118 чел. неленинградского населения, в том числе учащиеся ремесленных училищ с наставниками и членами их семей, военнослужащие и члены их семей.

18 января 1942 г. Распоряжением СНК СССР продолжилась массовая эвакуация из Ленинграда. В феврале 1942 г. было принято решение СНК РСФСР о дополнительном финансировании эвакуированных ленинградцев, и особенно ленинградских детей, из средств местных бюджетов.

Установлено, что количество людей, реально перевезенных через Ладожское озеро в январе – апреле 1942 г., следует считать около 522 тысяч людей. Кроме того, по официальной справке за период с 27 мая 1942 г. по 1 апреля 1943 г. было вывезено 393 518 чел. ленинградцев.

На 1 декабря 1942 г. на местах прибытия было размещено 604 800 чел., эвакуированных из Ленинграда за весь период, в том числе 383 700 чел., выехавших с июня, точнее с конца мая, 1942 г. Около 38% эвакуированных в 1942 г. не добрались до места назначения. В то же время анализ документов позволяет указать на приписки эвакуированных, причиной которых была методика составления отчетов. За основу отчетов брался план, как правило отражавший неточную картину в связи со смертностью, выбытием или пропажей «без вести» эвакуируемых лиц до начала эвакуации. Установлено, что такие расхождения в отдельных случаях составляли: от 6 до 15 %%. Отсюда и недогруз до 20%, возникавший порой в вагонах, подаваемых под плановую погрузку. Таким образом,

до места назначения по разным причинам могли не добраться от 18 до 30%% выехавших из города.

Помимо выделяемой помощи из местного бюджета и бюджета РСФСР, эвакуируемым оказывалась финансовая помощь из средств СНК СССР. Так, с 16 февраля по 27 июня 1942 г. было отпущено 13 555 тыс. рублей, в том числе 1 910 тыс. на единовременную помощь.

4 – также серьезное внимание было уделено изучению тех проблем эвакуации населения Ленинграда, которые оставались до сих пор дискуссионным из-за секретности ряда документов. Имевшиеся расхождения в данных по эвакуации, драматические условия пребывания на оккупированной территории сделали эти вопросы болезненными. Отмеченные выше приписки и недописки в бюрократических отчетах могли искусственно привести к завышенным показателям смертности.

Удалось установить, что с декабря 1941 по конец 1942 г. из Ленинграда было эвакуировано 34 762 чел. учащихся ремесленных и железнодорожных училищ, а также школ ФЗО. Согласно отчетным документам ГУ ТР доехало к месту эвакуации в 1942 г. около 47% или 16 237 чел. Основной причиной потерь и пропавших без вести являлась заболеваемость и смертность в пути.

Тяжелое положение сложилось с финансированием эвакуированных детских домов, так как реальная эвакуация в 1942 г. по всей стране составила на 10,6% больше плана. К концу декабря 1942 г. из Ленинграда были вывезены детдома и интернаты в регионы РСФСР, Узбекской ССР, Казахской и Киргизской ССР, Грузинской и Армянской ССР. Положение ленинградских детдомов находилось под личным контролем председателей Советов Народных Комиссаров и Наркомпросов республик. Детдома инспектировались уполномоченными СНК СССР, СНК РСФСР, Ленгорисполкома. Выявленные недостатки исправлялись. Были открыты санатории и детдома оздоровительного типа. Привлекались в качестве благотворителей общественные, женские организации.

Весной 1942 г. эвакуированные учреждения были переданы на местное

финансирование. В связи с этим в III–IV кварталах 1942 г. из бюджета РСФСР было выделено дополнительно до 10 миллионов рублей для финансирования эвакуированного населения, прежде всего ленинградцев. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 5 апреля 1943 г. особое значение придавалось развитию подсобных хозяйств в детских учреждениях.

Драматически сложилась эвакуация студентов, профессорско-преподавательского состава и сотрудников ленинградских вузов и техникумов, а также членов их семей, в период с 22 января по 12 апреля 1942 г. Всего было вывезено 33 541 чел., включая 41 вуз, 4 техникума и фармацевтическую школу, 7 военных спецшкол и Испанский детдом. 23 260 чел. из 34 высших учебных заведений Ленинграда должны были разместиться в Орджоникидзевском крае в Кавказских Минеральных Водах (Кавминоводы). К 4 июня 1942 г. в Кавминводах в наличии было около 39% от эвакуированных. К началу июня 1942 г. 15 из прибывших институтов приступили к работе.

Летом – осенью 1942 г. немцы перешли в контрнаступление в направлении на Кавминводы. Уже 3 августа 1942 г. был разработан план реэвакуации ленинградских вузов в Среднюю Азию и Сибирь. Однако часть преподавателей и студентов, которые не могли перенести трудности реэвакуации, вынуждены были остаться на временно оккупированной территории.

В сентябре 1942 г. оккупанты приступили к уничтожению еврейского населения и раненых красноармейцев. Среди погибших оказались и ленинградцы. Факты зверской расправы оккупантов над тысячами мирных людей и ранеными были доказаны Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков на Кавминводах, возглавляемой писателем Алексеем Николаевичем Толстым.

Реэвакуация в Ленинград началась 29 марта 1944 г. Но уже 3 сентября 1944 г. постановлением ГКО СССР № 6496с процесс реэвакуации в Ленинград был приостановлен из-за необеспеченности жильем. Массовая реэвакуация ленинградцев происходила в 1945 г., в том числе детских учреждений из 26

областей и республик.

5 – публикации о бедствиях гражданского населения в тылу запрещались «Дополнениями к перечню сведений в период войны». Допускалось публиковать сведения, подлежащие военной тайне, но относящиеся к прошедшему времени, в то же время информация политико-идеологического характера оставалась под длительным запретом.

Уже 6 июля 1941 г. вышел Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». С лета 1942 г. дела по Указу от 6 июля 1941 г. рассматривались Военным трибуналом. 18 ноября 1943 г. появился Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». Помимо действий милиции по контролю за распространением ложных слухов, действовал механизм партийного контроля. В то же время оправданная военной обстановкой цензура, приобретая идеологический характер, в условиях Холодной войны превратилась в ментальный барьер правового развития, препятствуя научному осмыслению исторического прошлого.

Таким образом, в результате достигнута цель исследования: выявлена совокупность факторов спасения гражданского населения, как следствия взаимодействия центральных и местных органов власти, органов государственной власти и гражданского общества, в период битвы за Ленинград в 1941–1944 годах.

Практическая польза исследования включает в себя: возможность использования результатов исследования при изучении истории Великой Отечественной войны в высших и средних профессиональных заведениях, при реализации патриотического воспитания молодежи и студентов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

арт. – артиллерийская (школа)

б/д — без даты

в ндзгл. – в надзаголовке

гос. – государственный (-ые)

г.р. – год рождения

дер. – деревня

дм - дюйм

д-р – доктор

ж.д. – железная дорога

З.д.н. – Заслуженный деятель науки

Засл. – Заслуженный

и.о. – исполняющий обязанности

к.б.н. – кандидат биологических наук

надп. – надписано

неизв. – неизвестно

нпр. – например

нрзб. – неразборчиво

н.ц. – номинал цен

ок. – около

п.о. – почтовое отделение

пр. – протокол

проф. – профессор

рукоп. – рукописный текст

сан – санитарная (ый), нпр. санпост, санобработка

с.г. – сего года

ст. – статья, столбец, страта

стр - сотрудник

т.г. – текущего года

туб, произв. – тысяча условных банок

чел. – человек

чл. – член

АТУЛ – Автотранспортное Управление Ленгорисполкома

АВК – аварийно-восстановительная команда (отряд)

Б. Грива – Борисова Грива

ВАД – Военно-автомобильная дорога

ВГК – Верховное Главнокомандование

ВВС – Военно-воздушные силы

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи

ВМС – Военно-морские силы

ВС СССР – Верховный Совет СССР

Всеобуч – всеобщее обучение

ВТ – воздушная тревога

ВУП – военно-учебный пункт

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТОБ – Государственный Академический театр оперы и балета

ГИПХ – Государственный институт прикладной химии

ГК ВКП (б) – Городской Комитет ВКП (б)

ГКО – Государственный Комитет обороны при СНК СССР

Главрыбснаб – Главное управление снабжения Наркомата рыбной промышленности СССР

Главснабпрос – Главное управление снабжения Наркомата просвещения

РСФСР

ГММОБЛ – Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда

ГСИ – Государственная санитарная инспекция

ГСУ – Городское статистическое управление

ГУТР – Государственное Управление Трудовых резервов

ГЭК – Городская эвакуационная комиссия

Детгиз – Детское государственное издательство

ДПЗ – детский приемник

ДПР – детский приемник-распределитель

ДСО – добровольное спортивное общество

ЖУ, РЖУ – железнодорожные училища

Завком – заводской комитет

ЗАГС – отдел записи актов гражданского состояния

КБФ – Краснознаменный Балтийский флот

КО – Комитет обороны при СНК СССР

КПП – контрольно-пропускной пункт

ЛГЗО – Ленинградский городской отдел здравоохранения

ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт

ЛГПМИ – Ленинградский государственный педиатрический медицинский институт

Ленгорисполком – Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся

Ленгорком – Ленинградский городской Комитет

Ленгороно – Ленинградский городской отдел народного образования

Ленгорсобес – Ленинградский городской отдел социального обеспечения

Ленморторгпорт – Ленинградский морской торговый порт

Леноблоно – Ленинградский областной отдел народного образования

Леноблгорлит – Ленинградское областное и городское управление по охране

государственных тайн в печати

Ленфронт – Ленинградский фронт

ЛЖУ – Ленинградское жилищное управление

ЛИУУ (ИУУ) – Ленинградский институт усовершенствования учителей

ЛФ – Ленинградский фронт

ЛФТИ АН СССР – Ленинградский физико-технический институт Академии Наук СССР

ЛЭИС им. Бонч-Бруевича – Ленинградский электротехнический институт связи им. Бонч-Бруевича

МОПР – Международная организация помощи борцам революции

МПВО – Местная противовоздушная оборона

МСК – медико-санитарная команда

МСС – медико-санитарная служба

Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности

Наркомторг – Народный комиссариат торговли

Наркомфлот – Народный комиссариат морского флота

НКАП – Народный комиссариат авиаприборостроения

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКЗ – Народный комиссариат здравоохранения

НКП – Народный комиссариат просвещения

НКТ – Народный комиссариат труда

НКФ – Народный комиссариат финансов

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

НМПК – Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа № 8 (быв. № 5)

НОГ – Невская оперативная группа

НТК ВМФ – Научно-технический Комитет Военно-Морского флота

Обком – областной комитет

ОГИЗ – Объединенное Государственное издательство

ОЖД – Октябрьская железная дорога

ОКБ НИИ-13 – Отдельное конструкторское бюро научно-исследовательского института № 13

ОК ВКП(б) – Областной Комитет ВКП (б)

Окроно – окружной отдел народного образования

ОРУД – Отдел регулировки уличного движения

ОСВОД – Общество спасения на водах

ПВО – Противовоздушная оборона

Политиздат – издательство политической литературы

ППК – противопожарная команда

ППП – противопожарный пост

Промкооперация – промышленная кооперация

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (быв. РЦХИДНИ)

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РОКК – Российское общество Красного Креста

РОНО – Районный отдел народного образования

РПЦ – Русская православная церковь

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РУ – ремесленные училища

СЗ – суженное заседание (Ленгорисполкома)

СЗРП – Северо-Западное речное пароходство

СНК – Совет народных комиссаров СССР (или РСФСР)

СОКК и КП – Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца

СССР – Союз Советских социалистических республик

ТР – Трудовые резервы

УГМР – Управление государственных и мобилизационных резервов

УИТЛК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний

УК – Уголовный кодекс

УКППЛ – Управление Культуры просветительных предприятий Ленинграда

УНКВД – Управление народного комиссариата внутренних дел

УНХУ – Управление народнохозяйственного учета

УПК – участковая пожарная команда

Учпедгиз – Учебно-педагогическое государственное издательство

ФЗО – фабрично-заводское обучение

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦКБ-17 – Центральное конструкторское бюро № 17

Центросоюз – Центральный Союз потребительских обществ СССР

ЦИК – Центральный исполнительный комитет СССР

ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ЦУНХУ – Центральное Управление народнохозяйственного учета

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ[1]

I. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

I. I.а. НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ [СССР, РСФСР, Ленинград]

1. СССР. Законы. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : С изм. и доп., принятыми на I, II, III, VI, VII и VIII сессиях ВС СССР. – Москва: Госполитиздат, 1941. – 24 с. – Текст : непоср.

2. РСФСР. Законы. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми Верховным Советом РСФСР 16 июля 1938 г., 29 июля 1939 г., 2 июня 1940 г. и 5 апреля 1941 г. – Москва: Изд-ие Верховного Совета РСФСР, 1941. – 31 с. – Текст : непоср.

3. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Боевой Устав пехоты РККА (БУП-38). Часть I (боец, отделение, взвод). – Москва : Гос. Воен. Издат. НКО СССР, 1939. – 160 с. – Текст : непоср.

4. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Временный Устав внутренней службы РККА [1924]. – Москва : Госиздат., Отд. воен. лит., 1930. – 256 с. – Текст : непоср.

5. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. – Москва : Воениздат, 1938. – 200 с. – Текст : непоср.

6. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Корабельный устав рабоче-крестьянского Военно-Морского флота Союза ССР. Ч. 1. Боевая служба корабля / НК ВМФ СССР. – Москва; Ленинград: Военно-морское изд-во НК ВМФ Союза ССР, 1939. – 144 с. – Текст : непоср.

1 На отдельные издания могут отсутствовать ссылки в тексте.

7. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Полевой Устав Красной Армии (Проект). – Алма-Ата, 1942. – 199 с. – Текст : непоср.

8. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Полевой Устав РККА. 1929. – Москва : Госвоениздат, 1934. – 184 с. – Текст : непоср.

9. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР. – М., 1946. – 224 с. – Текст : непоср.

10. СССР. Военные уставы, наставления и т.п. Устав внутренней службы РККА. 1937 (УВС-37) / Наркомат обороны СССР. – Йошкар-Ола : Марийское изд-во, 1942. – 190 с. – Текст : непоср.

11. СССР. Народный комиссариат здравоохранения. Инструкция о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям. – Минск : [б.и.], 1937. – 6 с. – Текст : непоср.

12. РСФСР. Военные уставы, наставления и т. п. Полевой Устав [Рабоче-Крестьянской Красной Армии]. Ч. I. Маневренная война. – Петроград.: Высший Военн. ред. Совет, 1922. – 376 с. – Текст : непоср. [Утв. 29 декабря 1918 г.]

13. РСФСР. Военные уставы, наставления и т. п. Устав внутренней службы [Рабоче-крестьянской Красной Армии]. – Петроград : Петрогр. отд. Гл. упр. воен.-учеб. заведений, 1919. – 215 с. – Текст : непоср.

14. РСФСР. Законы. Гражданский кодекс РСФСР : Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. – 255 с. – Текст : непоср.

15. РСФСР. Законы. Гражданский кодекс РСФСР : Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1943. – 275 с. – Текст : непоср.

16. РСФСР. Законы. Гражданский кодекс : Официальный текст с изменениями на 1 августа 1948 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва : изд-во НКЮ СССР, 1948. – 304 с. – Текст : непоср.

17. РСФСР. Законы. Гражданско-процессуальный кодекс : с изменениями на 15 ноября 1940 г. : Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов / НКЮ РСФСР. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 279 с. – Текст : непоср. [подп. 4.04.1941].

18. РСФСР. Законы. Кодекс законов о браке, семье и опеке. С изменениями на 15 ноября 1940 г. : Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов / Нар. Ком. Юст. РСФСР. – Москва : Юриздат, 1940. – 128 с. – Текст : непоср.

19. РСФСР. Законы. Кодекс законов о браке, семье и опеке. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. – 128 с. – Текст : непоср.

20. РСФСР. Законы. Кодекс законов о труде 1922 года: Утвержден IV сессией ВЦИК Советов 30 окт. 1922 г. / Наркомат труда. – Ростов н/Дону, 1922. – 70 с. – Текст : непоср.

21. РСФСР. Законы. Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению / сост. И. Ф. Заколодкин, А. Я. Подземский; Под общ. Ред. В. Н. Касаткина. – Москва; Ленинград : Нар. Ком. Прос. РСФСР: Гос. изд-во, 1929. – 696 с. – Текст : непоср.

22. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 г. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 208 с. – Текст : непоср.

23. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 июня 1942 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1942. – 200 с. – Текст : непоср.

24. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1943. – 224 с. – Текст : непоср.

25. РСФСР. Законы. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 ноября 1946 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов.

– Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1947. – 224 с. – Текст : непоср.

26. Ленинград. Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. – ОГИЗ, Госполитиздат, 1945. – 39 с., илл. – Текст : непоср.

27. Ленинградская область. Ленинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Демянском и Лычковском районах Ленинградской области. – Ленинград: Воениздат Наркомата Обороны, 1943. – 19 с. – Текст : непоср.

I. I.б. НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ [иностранных государств]

28. Великобритания. Полевой устав английской армии. 1935. Часть II. Боевые действия войск. Общие основы. – Москва : [б.и.], 1940. – 301 с. – Текст : непоср.

29. Соединенные Штаты Америки. Временный полевой Устав Армии Соединенных Штатов Америки. – Москва: Воен. издат. НК Обороны СССР, 1941. – 288 с. – Текст : непоср.

30. Франция. Французский пехотный устав. Часть II. Бой. – Москва : Воениздат, 1940. – 312 с. – Текст : непоср.

I. I.в. НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ [Российская империя]

31. Россия. Военные уставы и наставления. Воинские уставы и наставления : в 2-х кн. – Москва: Изд. Штабс-Капитан Кругликов, 1915. – 640 с. – Текст : непоср.

32. Россия. Военные уставы и наставления. Сборник всех воинских уставов :

в 2-х кн. Кн.1. – Москва : Воин, 1916. – 574 с. – Текст : непоср.

***

33. Дело, касающееся правомерности применения силы (Временные меры). Югославия против.... Постановления от 2 июня 1999 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда. 1997–2002 годы. ООН., 2006. С. 86–139. – Текст : электронный. URL: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/files/sum_1997-2002.pdf (дата обращения: 01.08.2016).

34. Документы Международного трудового права // Международная Организация Труда. Сайт. URL:http://www.ilo.org/dyn/normlex/ (дата обращения: 18.02.2015). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

35. Женевские Конвенции и Дополнительные протоколы // Международный Комитет Красного Креста. Сайт. URL: http://www.icrc.org/rus/war-and-law/treaties-customary-law/geneva-conventions/index.jsp (дата обращения: 17.08.2014). – Текст : электронный.

36. Женевская конвенция об обращении с военнопленными. 1929 // Вики. URL:https://ru.wikisource.org/wiki/ (дата обращения: 09.01.2017). – Текст : электронный.

37. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества // ООН. Официальный сайт/документы/декларации-конвенции/ограничения военных преступлений). URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 16.01.2017). – Текст : электронный.

38. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" (жалоба N 36376/04) (Большая Палата) // Нормативно-правовая база Гарант. URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends (дата обращения: 16.01.2017). – Текст : электронный.

39. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского

трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала / работа Комиссии международного права, 1950 // ООН. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml. (дата обращения 16.01.2017). – Текст : электронный.

40. Устав Международного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. URL: http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala (дата обращения: 06.06.2019). – Текст : электронный.

41. Положение о военнопленных. 1931 // Документы 20 века. URL: http://www.doc20vek.ru/node/337 (дата обращения: 09.01.2017). – Текст : электронный.

I. 2. СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

42. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941 – 1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 863 с. – Текст : непоср.

43. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. – Москва : Аст; Санкт-Петербург : Полигон, 2004. – 766 с. – Текст : непоср.

44. Болдовский, К. А. «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. / К. А. Болдовский, Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. – Текст : непоср. // Новейшая история России. – 2014. – № 1 (09). – С. 275–292.

45. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.

Том I. – Москва : ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1944. – 699 с. – Текст : непоср.

46. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том II. – Москва : ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – 687 с. – Текст : непоср.

47. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том III. – Москва : ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – 791 с. – Текст : непоср.

48. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В 3-х тт. Т. 3 : Спасенное детство / Томский государственный университет. – Томск, 2005. – 397 с. – Текст : непоср.

49. Всероссийская перепись населения 1939 года. Основные итоги / Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, А. А. Исупов, И. Н. Киселев. 1-е изд. – Москва : Наука, 1992. – 256 с. – Текст : непоср.

50. Всероссийская перепись населения 1939 года. Основные итоги. 2-е изд. – Санкт-Петербург : Блиц, 1999. – 208 с. – Текст : непоср.

51. Германские источники о геноциде армян: Период первой мировой войны. Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т. 1 / под ред. проф. С. С. Степаняна. – Ереван: Айастан, 1991. – 381 с. – Текст : непоср.

52. «Государственный Комитет Обороны постановляет…». Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. / сост. Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев. – Текст : непоср. // Исторический архив. – 2003. – № 2. – С. 131–165.

53. Журнал посещений А. А. Жданова, 1941–1944 гг. / Фонд исслед. проблем новейшей истории; сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург : Нац. центр социальной пом., 2014. – 393 с. – Текст : непоср.

54. Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сборник документов / отв. ред. А. Р. Дзенискевич; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2007. – 628 с. – Текст : непоср.

55. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (Июнь 1941 -

1945). Документы и материалы. – Москва : Политиздат, 1970. – 494 с. – Текст : непоср.

56. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 1. – Ленинград : 1944. – 412 с., илл. – Текст : непоср.

57. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник материалов и документов. Т. 2. – Ленинград : 1947. – 492 с., илл. – Текст : непоср.

58. Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят. Сборник документов. – Санкт-Петербург : Фонд «Креатив»; Лики России, 2014. – 635 с. – Текст : непоср. [Имеется электронный ресурс].

59. Ленинград в осаде: Сборник документов / под ред. А. Р. Дзенискевича. – Санкт-Петербург : Лики России, 1995. – 640 с. – Текст : непоср.

60. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник архивных документов. 1941–1944 гг. – Санкт-Петербург : Аврора; Балтийская звезда, 2015.– 288 с., илл. – Текст : непоср.

61. Ломагин Н. А. В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев / Н. А. Ломагин. – Москва : Яуза-каталог, 2017. – 496 с. – Текст : непоср.

62. Международные и интернационализированные уголовные трибуналы: синопсис / сост. Р. Гайсс, Н. Бюлинкс. – Текст : непоср. // Международный журнал Красного Креста. – 2006. – Март. – Том 88. – № 861. – С. 57–79. [Имеется электронный ресурс].

63. Международные документы Великой Отечественной войны. Вып. II (1942 г.). – Москва : [б.и.], 1943. – 213 с. – Текст : непоср. [Имеется электронный ресурс].

64. Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III (1943 г.), Ч. 1. – Москва : [б.и.], 1944. – 252 с. – Текст : непоср. [Имеется электронный ресурс].

65. Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III (1943 г.), Ч. 2. – Москва : [б.и.], 1944.– 154 с. – Текст : непоср. [Имеется

электронный ресурс].

66. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 1. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 832 с. – Текст : непоср.

67. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 2. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1951. – 608 с. – Текст : непоср.

68. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах / под общей ред. Р. А. Руденко. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1960. – 677 с. – Текст : непоср.

69. Нюрнбергский процесс: Сборник документов в 3 тт. Т. 1. Нацистский заговор против мира и человечества: преступления германских монополий. – Москва : Юридическая литература, 1965. – 799 с. – Текст : непоср.

70. Нюрнбергский процесс: Сборник документов в 3 тт. Т. 2. Военные преступления; преступления против человечности. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 799 с. – Текст : непоср.

71. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-ми томах / научный редактор 1–8 тт. Н. С. Лебедева; [отв. ред. т. 1 – А. М. Рекунков, т. 3 – А. Я. Сухарев, т. 8 – Н. С. Лебедева]. – Москва : Юридическая литература, 1987–1999. – Текст : непоср.

72. Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред., авт., вступ. ст. А. К. Сорокин. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 735 с. – Текст : непоср.

73. От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / Арх. ком. С. -Петербурга, Центр. гос. архив ист.-полит. док. С. -Петербурга; отв. ред. Н. Б. Лебедева; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург : Лики России, 2013. – 351 с. – Текст : непоср.

74. Перепись 1939 года: документальные источники Центрального Государственного Архива народного хозяйства СССР. Части 1–15. – Москва : Ин-т

этнологии и антропологии АН СССР, 1990. – Текст : непоср.

75. План «Д». Архив «Большого Дома» / сост. С. К. Бернев, Н. А. Ломагин. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2005. – 188 с., илл. – Текст : непоср.

76. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1. – Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1990. – 588 с., илл. – Текст : непоср.

77. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. – Ленинград; Ярославль, 1991. – 676 с., илл. – Текст : непоср.

78. Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917–1941 : Сборник документов / сост. Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург : Лики России, 2000. – 268 с. – Текст : непоср.

79. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 г. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Литиздат НКИД, 1928. – 371 с. – Текст : непоср.

80. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. №_. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 и 1 февраля 1928 г. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Госполитиздат, 1936. – 119 с. – Текст : непоср.

81. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. – Москва : Госполитиздат, 1938. – 507 с. – Текст : непоср.

82. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – Москва : Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. – 362 с. – Текст : непоср.

83. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о

злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1946. – 459 с. – Текст : непоср.

84. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. – Ленинград : Лениздат, 1942. – 272 с. – Текст : непоср.

85. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. – Ленинград : Лениздат, 1944. – 252 с. – Текст : непоср.

86. Сталинские премии: две стороны одной медали: Сборник документов и художественно-публицистических материалов / сост. В. Ф. Свиньин, К. А. Осеев. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. – 880 с. – Текст : непоср.

87. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; сост. И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина (отв. составитель). – Санкт-Петербург : Арт-Экспресс, 2017. – 439 с., [4] л. портр. – Текст : непоср. [Имеется электр. ресурс].

88. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: январь – декабрь 1943 г. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения: Сборник документов. – Санкт-Петербург : ЦГА СПб; Арт-Экспресс. – 2018. – 640 с. – Текст : непоср. [Имеется электр. ресурс].

89. Страна – Ленинграду. 1941–1945: Сборник документов / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. Л. И. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В. Серднак. – Санкт-Петербург; Кишинев : Nestor-Historia, 2002. – Текст : непоср.

90. 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг./ Отв. ред. В. М. Ковальчук. – Москва; Ленинград : Наука, 1966. – 423 с. – Текст : непоср.

***

91. Без срока давности // Трагедия мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Сайт. URL: https://безсрокадавности.рф/ (дата обращения: 07.07.2020). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

92. Библиотека правовых документов Советской власти. Сайт. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ (дата обращения: 24.07.2017). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

93. Блокада Ленинграда. Эвакуация // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». Сайт. URL: https://evacuation.spbarchives.ru/ (дата обращения 17.07.2020). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

94. Великая Отечественная война. Документы Советской эпохи // Архивы РФ. Сайт. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#!tematicsection&sectionId=233827/ (дата обращения: 12.02.2018). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

95. Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р-5446 «Совет Министров СССР». // Архивы РФ. Сайт. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#tematicchilds&rootId=408001/ (дата обращения: 22.07.2018). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

96. Ленинград в осаде. Архивные документы Второй Мировой войны. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. Санкт-Петербург, 2014 // Портал «Архивы Санкт-Петербурга». Сайт. URL: http://blockade.spbarchives.ru (дата обращения: 02.04.2016). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

97. Ленинградский городской совет депутатов трудящихся. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / Архивный комитет Санкт-Петербурга [и др.]; [составители И. М. Сапронов, Н. Ю. Черепенина (отв. составитель)] // Архивы Санкт-Петербурга. Сайт. URL: https://spbarchives.ru/documents/10157/18919/сборник.pdf/7d47718d-a1b1-4b74-b77d-40a5959aa1ae (дата обращения: 25.07.2018). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

98. Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. Сайт. URL: http://nurnberg.rusarchives.ru/index (дата обращения 06.06.2019). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

99. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 644 «Государственный Комитет обороны» // Архивы РФ. Сайт. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=366099/ (дата обращения: 12.02.2018). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

100. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 558 «Личный фонд И. В. Сталина» // Личные фонды видных деятелей Советской эпохи. Архивы РФ. Сайт. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/ (дата обращения: 16.04.2020). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

101. Российское историческое общество. Документы. Сайт. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/docs/4-obratnaya-svyaz/ (дата обращения: 18. 04. 2020) – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

I.3. ПУБЛИКАЦИИ. 1941–1957 гг.

102. В боях за Ленинград: Сборник очерков. – Иркутск: ОГИЗ, 1941. – 73 с. – Текст : непоср.

103. Бои за город Тихвин: Статьи. – Москва : Воениздат НКО СССР, 1942. – 29 с. – Текст : непоср.

104. Воронов, Н. Мужество ленинградцев войдет в историю / Н. Воронов. – Ленинград : ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. – 32 с. – Текст : непоср.

105. Воронов, Н. Подступы к Ленинграду станут могилой для фашистов / Н. Воронов. – Ленинград : ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. – 21 с. – Текст : непоср.

106. Воронов, Н. И. Вся страна с героическим Ленинградом / Н. И. Воронов. – Ленинград : Госполитиздат, 1942. – 44 с. – Текст : непоср.

107. Воротова, М. Н. Родной дом маленьких ленинградцев / М. Н. Воротова.

– Текст : непоср. // В заботе о детях. – Орел: Орловская правда, 1957. – С. 7–31.

108. Гальба, В. Блиц-крик и Фриц-Вой. Карикатуры Вл. Гальба / В. Гальба. – Ленинград; Москва : Искусство, 1944. – 68 с. – Текст : непоср. [Имеется электронный ресурс]

109. Героическая молодежь Ленинграда на страже города революции: Материалы для докладов и бесед. – Москва : Молодая гвардия, 1942. – 39 с. – Текст : непоср.

110. Героический Ленинград 1917–1942 / под ред. С. И. Авакумова; Ленинградский ин-т ист. ВКП (б). – Ленинград : ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. – 288 с. – Текст : непоср.

111. Говоров, Л. А. В боях за город Ленинград / Л. А. Говоров. – Ленинград : Лениздат, 1945. – 88 с. – Текст : непоср.

112. Днепровский, М. Народное образование в Ленинграде: В помощь помощнику пропагандиста и агитатора / М. Днепровский, С. Негинский. – Ленинград : Лениздат, 1947. – 104 с., илл. – Текст : непоср.

113. Женщина в Отечественной войне: Материалы концертной программы / ВДНТ им. Крупской и Отдел распространения Всесоюзного управления по охране авторских прав. – Москва : [б.и.], 1943. – 28 с. – Текст : непоср.

114. Женщины города Ленина. Рассказы и очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады / редколл. : А. Ф. Волкова, Т. В. Закржевская, В. М. Инбер [и др.] – Ленинград : Лениздат, 1944. – 181 с., факс.; 15 л. илл., портр. – Текст : непоср.

115. Женщины всего мира на борьбу против фашизма. – Ярославль : [б.и.], 1941. – 30 с. – Текст : непоср.

116. Женщины нашей Родины: Очерки истории. – Новосибирск : [б.и.], 1950. – 143 с. – Текст : непоср.

117. За Родину. За Ленинград / под ред. майора Н. И. Бутина. – Ленинград : Лениздат, 1944. – 130 с., с портр.; 3 л. фронтисп. – Текст : непоср.

118. Инбер, В. Душа Ленинграда / В. Инбер. – Москва : ОГИЗ, Гослитиздат, 1943. – 18 с. – Текст : непоср.

119. Инбер, В. Пулковский меридиан / В. Инбер. – 2-е изд. – Москва : Правда, 1946. – 32 с. – Текст : непоср. [1-е изд. Ленинград : ОГИЗ, Гослитиздат, 1942. 48 с.]

120. Инбер, В. Почти три года. Ленинградский дневник / В. Инбер. – Москва : Советский писатель, 1947. – 295 с. – Текст : непоср.

121. Инбер, В. Рассказы о детях / В. Инбер. – Москва : Правда, 1948. – 40 с. – Текст : непоср.

122. Ленинград / Что читать об обороне Ленинграда: в помощь агитатору ВМФ. – Москва : Гл. Политуправ. ВМФ, 1943. – 96 с. – Текст : непоср.

123. Ленинградцы в дни блокады: Сборник / сост. Э. Корольчук, А. Волкова. – Ленинград : Лениздат, 1947. – 267 с. – Текст : непоср.

124. Матюшина, О. К. Жизнь побеждает / О. К. Матюшина. – Ленинград : Молодая гвардия, 1950. – 284 с. – Текст : непоср.

125. Молодежь Ленинграда: Сборник / редколл. : В. Иванов, Н. Вуколов, Н. Бучурин и др. – Ленинград : Сов. писатель, 1941. – 101 с. – Текст : непоср.

126. На фронтовой магистрали. Из опыта работы ленинградских железнодорожников в дни Отечественной войны. Ленинград : Лениздат, 1945. – 107 с. – Текст : непоср.

127. Ползикова-Рубец, К. В. Они учились в Ленинграде. Дневник учительницы / К. В. Ползикова-Рубец. – Москва; Ленинград : Детгиз, 1948. – 168 с. – Текст : непоср.

128. Саянов, В. В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента / В. Саянов. – Ленинград : ОГИЗ, 1943. – 266 с. – Текст : непоср.

129. Тихонов, Н. С. Ленинград принимает бой: Очерки / Н. С. Тихонов. – Ленинград : Отд. Воениздата НКО СССР при Ленингр. Фронте, 1942. – 21 с. – Текст : непоср.

130. Тихонов, Н. Героическая защита Ленинграда / Н. С. Тихонов. – Москва : ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. – 24 с. – Текст : непоср.

131. Фадеев, А. А. Ленинград в дни блокады. Из дневника / А. А. Фадеев. –

Москва : Советский писатель, 1944. – 145 с. – Текст : непоср.

132. Федоров, Е. Ледовая дорога. Записки командира / Е. Федоров. – Ленинград : Госполитиздат, 1943. – 160 с. – Текст : непоср.

133. Худякова, Н. Д. За жизнь ленинградцев. Помощь комсомольцев населению Ленинграда в блокадную зиму 1941–1942 годов / Н. Д. Худякова. – Ленинград : Лениздат, 1948. – 100 с. – Текст : непоср.

134. Шварц, Е. Сказки / Е. Шварц. – Текст : непоср. // Ленинград. – 1941. – № 16. – С. 4–5. [Подп. в печать 26.08.1941].

135. Шварц, Е. Три сказки / Е. Шварц. – Москва : Гос. изд-во детской лит-ры, 1945. – 39 с. – Текст : непоср.

136. Шварц, Е. Дракон / Е. Шварц; Всесоюзное Управление по охране авторских прав. – Москва: [б.и.], 1944. – 51 с. – Текст : непоср.

137. Шварц, Е. Сказка о потерянном времени / Е. Шварц. – Москва; Ленинград : Детгиз, 1948. – 24 с. – Текст : непоср.

138. Шварц, Е. Л. Тень и другие пьесы / Е. Шварц. – Ленинград : Советский писатель, 1956. – 367 с. – Текст : непоср.

***

139. Heroic Leningrad / Documents, sketches and stories of its siege and relief. – Moscow: Foreign languages publishing house, 1945. – 152 p. – Text : unmediated.

140. The defence of Leningrad. Eye-witness Accounts of the Siege/ By N. Tikhonov and others. – London; New York; Melbourne. [194.]. – Text : unmediated.

I. 4. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОХРАНЕ ДЕТСТВА И МАТЕРИНСТВА, ПО ДОШКОЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ, ПО ВОЕННОЙ

ПСИХИАТРИИ, МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЕ. 1928–1950

141. Волкова, Е. И. Дошкольное воспитание в РСФСР / Е. И. Волкова. – Текст : непоср. // Дошкольное воспитание. – 1948. – №8. – С. 6–20.

142. Волчок, С. И. Как уберечь здоровье ребенка в условиях военного времени / С. И. Волчок; под ред. доц. З. Л. Лившица. – Ленинград : Наркомздрав СССР, Медгиз, Лен. отд., 1943. – 22 с. – Текст : непоср.

143. Воспитательная работа в старшей группе детского сада и подготовка детей к школе: Метод. указания / Управление по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. – Москва : НКП РСФСР, 1943. – 24 с. – Текст : непоср.

144. Геннингс, Е. Б. Как знакомить детей с природой: В помощь воспитателю детской площадки / Е. Б. Геннингс; Управление по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. – Москва : НКП РСФСР, 1943. – 3 с. – Текст : непоср.

145. Глекель, М. С. Вопросы психиатрической практики военного времени / М. С. Глекель, В. А. Горовой-Шалтан, В. Е. Макаров и др.; под ред. В. П. Осипова. Кафедра психиатрии Военно-медицинской Академии Красной Армии им. С. М. Кирова. – Ленинград : Медгиз, Ленингр. отд., 1941. – 219 с. – Текст : непоср.

146. Дошкольная педагогика / А. М. Леушина, А. И. Сорокина, А. П. Усова; под ред. проф. Ш. И. Ганелина. – Москва; Ленинград : Учпедгиз, 1946. – 364 с. – Текст : непоср.

147. Заозерских, Е. Дошкольные учреждения в дни Отечественной войны : Сборник статей и материалов в помощь дошкольному работнику / Е. Заозерских; Республиканский кабинет по дошкольному воспитанию Марийской АССР. – Йошкар-Ола: Марийск. гос. изд-во, 1942. – 70 с. – Текст : непоср.

148. Зейлигер-Рубинштейн, Е. О. К вопросу о собирании и изучении опыта школы / Е. О. Зейлигер-Рубинштейн. – Текст : непоср. // Ученые записки ЛГПИ. Вопросы педагогики / отв. ред. проф. Е. Я. Голант. – Ленинград, 1941. – Т. XL. – С. 106–140.

149. Интернатная группа дет. сада: Инструктивно-методические указания /

сост. Д. С. Марголина. Управление по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. – Москва : НКП РСФСР, 1941. – 16 с. – Текст : непоср. [Подп. в печать 25.02.1941].

150. Лурия, А. Р. О патологии грамматических операций / А. Р. Лурия. – Текст : непоср. // Вопросы педагогической психологии / Под ред. чл.-корр. А. А. Смирнова. Вып. 3. – Москва; Ленинград, 1946. – С. 161–98. [В ндзг. Известия АПН РСФСР / Труды НИИ психологии].

151. Лурия, А. Р. К патологии счетных операций / А. Р. Лурия. – Текст : непоср. // Вопросы педагогической психологии / под ред. чл.-корр. А. А. Смирнова. Вып. 3. – Москва; Ленинград, 1946. – С. 181–207. [В ндзг. Известия АПН РСФСР / Труды НИИ психологии].

152. Ногина, О. П. Забота о матери и ребенке в СССР: Заочные курсы для беременных женщин / О. П. Ногина. – Москва : Мин-во здравоохранения СССР, Ин-т сан. просвещения, 1950. – 16 с. – Текст : непоср.

153. Радина, Е. Как развивать речь ребенка: в помощь воспитателю ребенка-дошкольника в семье / Е. Радина; Центральный научно-методический кабинет по дошкольному воспитанию. – Москва : Учпедгиз, 1943. – 36 с. – Текст : непоср.

154. Руководство для воспитателей детского сада; Устав детского сада / Управление по дошкольному воспитанию НКП РСФСР. – Москва : Учпедгиз, 1945. – 168 с. – Текст : непоср.

155. Румпф, Г. Мероприятия строительного характера против действия зажигательных бомб / Г. Румпф. – Текст : непоср. // Сборник переводных статей по вопросам строительно-технических мероприятий ПВО. – Москва; Ленинград : Гл. ред. строит. лит-ры, 1937. – С. 96–103.

156. Румпф, Г. Защита от газов. Руководство для пожарных, для горнорабочих, для промышленности и коммунального управления со специальными указаниями по защите от газов гражданского населения в будущей войне / Г. Румпф; пер. с нем. Н. К. Порохина. – Москва : Изд-во НКВД, 1928. – 90 с. – Текст : непоср.

157. Сборник инструкций и методических указаний по работе в домах

ребенка / под ред. Н. В. Мананниковой. Наркомздрав СССР. Управление лечебно-профилактической помощью детям. – Москва; Ленинград : Медгиз, 1941. – 160 с., илл. – Текст : непоср.

158. Усова, А. П. Забавы и развлечения детей в детском саду и дома: в помощь воспитателю дет. Сада / А. П. Усова. – Москва : Наркомпрос РСФСР, 1944. – 34 с., илл. – Текст : непоср. [Подп. в печать 2.09.1944]

***

159. Pediatrics and the Emotional Needs of the Child: As Discussed by Pediatricians and Psychiatrists at Hershey. Pennsyvania. March, 6–8, 1947. – New York, 1948. – 180 p. – Text : unmediated.

I.5. ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ПЕРЕПИСКА, ПУБЛИКАЦИИ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

160. Августынюк, А. Сквозь блокаду: Записки железнодорожника / А. Августынюк. – Ленинград : Ленингр. газ.-журн. книж. изд-во, 1945. – 143 с. – Текст : непоср.

161. Августынюк, А. В огненном кольце: Воспоминания / А. Августынюк. – Ленинград : Лениздат, 1948. – 208 с. – Текст : непоср.

162. Адамович, А. Блокадная книга / А. Адамович, Д. Гранин. – Москва : Советский писатель, 1979. – 294 с. – Текст : непоср.

163. Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда / сост. Л. Антонова, О. Орлова, Д. Шпринцин. – Пермь, 2000. – 88 с. – Текст : непоср.

164. Бакин, В. С. Детдомовские сороковые / В. С. Бакин. – 3-е изд. – Киров, 2005. – 221 с. – Текст : непоср.

165. Берггольц, О. Ф. Дневные звезды / О. Ф. Берггольц. – Москва :

Современник, 1975. – 172 с., илл. – Текст : непоср.

166. Берггольц, О. Ф. Дневные звезды; Говорит Ленинград; Статьи / О. Ф. Берггольц; сост. М. Берггольц. – Ленинград : Худож. лит., 1985. – 256 с. – Текст : непоср.

167. Береговая, Л. Б. Дыхание Клио / Л. Б. Береговая. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд. Газиевой Л., 2014. – 106 с. – Текст : непоср.

168. Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект/ сост. Н.И. Богомазов, И. В. Петров, О. В. Пржигодзкая, Г. Л. Соболев, Е. А. Тарасова, М. В. Ходяков. – Санкт-Петербург : Первый класс, 2019. – 354 с. – Текст : непоср.

169. Блокадные дневники и документы. Архив «Большого Дома» / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2004. – 465 с. – Текст : непоср.

170. Блокадных дней резервы трудовые / сост. В. Н. Киршин, Т. М. Калайчева. – Санкт-Петербург : Знание, ИВЭСЭП, 2003. – 159 с. – Текст : непоср.

171. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области: Воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий / сост. А. В. Виноградов, А. Плейжер. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2005. – 372 с. – Текст : непоср.

172. Бойцы города-фронта: Воспоминания ветеранов войск МПВО Приморского района Ленинграда. 1942–1945. – Санкт-Петербург, 2007. – 120 с. – Текст : непоср.

173. Болдырев, А. Н. Осадная запись. (Блокадный дневник) / А. Н. Болдырев; подг. к печ. В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. – Санкт-Петербург, 1998. – 365 с. – Текст : непоср.

174. Будни подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. 8 сентября 1941 – 27 января 1944 / сост. В. М. Давид. – Санкт-Петербург : Лик, 2006. – 301 с. – Текст : непоср.

175. Бычевский, Б. В. Город-фронт / Б. В. Бычевский. – Ленинград :

Лениздат, 1967. – 429 с. – Текст : непоср.

176. Василевский, А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – 1-е изд. – Москва : Политиздат, 1974. – 542 с., илл. – Текст : непоср.

177. Василевский, А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1975. – 607 с., илл. – Текст : непоср.

178. Вишневский, В. В. Ленинград: Дневники военных лет : в 2 кн. Книга 1 / В. В. Вишневский. – 4-е изд. – Москва : Воениздат, 2002. – 319 с. – Текст : непоср.

179. Вишневский, В. В. Ленинград: Дневники военных лет : в 2 кн. Книга 2 / В. В. Вишневский. – 4-е изд. – Москва : Воениздат, 2002. – 414 с. – Текст : непоср.

180. Возрождение. Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда / сост. В. А. Кутузов, Э. Г. Левина. – Ленинград : Лениздат, 1977. – 368 с. – Текст : непоср.

181. Гинзбург, Л. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека / Л. Гинзбург; сост., подгот. текста, примеч. и статьи Эмили Ван Баскирк и Андрея Зорина. – Москва : Новое издательство, 2011. – 600 с. – Текст : непоср.

182. Гинзбург, Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель, 1989. – Текст : непоср.

183. Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 528 с. – Текст : непоср.

184. Голубева, Э. И. Рисуют дети блокады / Э. И. Голубева, А. А. Крестинский. – Ленинград : Аврора, 1969. – 77 с., илл. – Текст : непоср.

185. Гречина, О. Н. Погибельная зима (1941–1942). Спасаюсь, спасая / О. Н. Гречина. – Текст : непоср. // Нева. – 1994. – № 1. – С. 211–282.

186. Гречина, О. Н. Сказка о гороховом дереве (1942–1944). Спасаюсь, спасая / О. Н. Гречина. – Текст : непоср. // Нева. – 1994. – № 2. – С. 199–249.

187. Дети города-героя. – Ленинград : Лениздат, 1974. – 421 с. – Текст :

непоср.

188. Дети и блокада. Блокада рассекреченная. Воспоминания, фрагменты, дневники / Т. М. Голубева, А. В. Молчанов и др. – Санкт-Петербург : Вести, 2000. – 179 с. – Текст : непоср.

189. Дети блокады // Дети войны. Народная книга памяти. – Москва : Аст, 2015. – 974 с. – Текст : непоср.

190. Детская книга войны. Дневники 1941–1945. – Москва : Аргументы и факты; АиФ. Доброе сердце; Олма Медиа Групп; Просвещение, 2016. – 480 с. – Текст : непоср.

191. Женщины города Ленина / Е. А. Гилярова, М. Н. Попова, М. Я. Разумова. – Ленинград : Лениздат, 1963. – 408 с. – Текст : непоср.

192. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – Москва : Изд-во агентства печати новости, 1970. – 704 с., илл. – Текст : непоср.

193. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления : в 2 т. Т. 1 / Г. К. Жуков. – 3-е изд. – Москва : Изд-во агентства печати новости, 1978. – 382 с., илл. – Текст : непоср.

194. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления : в 2 т. Т. 2 / Г. К. Жуков. – 3-е изд. – Москва : Изд-во агентства печати новости, 1978. – 390 с., илл. – Текст : непоср. – Текст : непоср.

195. Жеребов, Д. К. Чтобы помочь Ленинграду... / Д. К. Жеребов. – Санкт-Петербург : Политехника-принт, 2017. – 143 с., илл. – Текст : непоср.

196. Забвению не подлежит. Выпуск V: Статьи, воспоминания, документы / ГММОБЛ. – Санкт-Петербург : ГММОБЛ, Союз-Дизайн. 2005. – 182 с. – Текст : непоср.

197. Забвению не подлежит. Выпуск VII: Статьи, воспоминания, документы / ГММОБЛ. – Санкт-Петербург : ГММОБЛ, Союз-Дизайн. 2008. – 233 с., илл. – Текст : непоср.

198. Забвению не подлежит. Выпуск X: Статьи. Воспоминания. Документы. Материалы Международной научно-практической конференции «Связь времен:

война и ее отражение в современном музее», посвященной 70-летию Гос. мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, 28–29 апреля 2014 года / сост. С. Ю. Курносов, А. В. Кутузов; отв. ред. А. В. Кутузов; Ком. по культуре Санкт-Петербурга, Гос. мемориал. музей обороны и блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург : Президентская библиотека, 2014. – 360 с. – Текст : непоср.

199. Забвению не подлежит: сборник / сост. А. П. Изам, Т. В. Пыженкова, Я. В. Прокопчик. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 208 с. – Текст : непоср. [Дневниковые записи и воспоминания сотрудников пожарной охраны и МПВО].

200. Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. – Санкт-Петербург : Лениздат; Команда А, 2014. – 512 с. – Текст : непоср.

201. Капица, П. И. В море погасли огни. Блокадные дневники / П. И. Капица. – Ленинград : Советский писатель, 1972. – 320 с. – Текст : непоср.

202. Киршин, В. Н. Прожить свое время / В. Н. Киршин. – Санкт-Петербург : Русь, 2007. – 324 с. – Текст : непоср.

203. Князев, Г. А. Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. Дневники 1941–1945 гг. / Г. А. Князев. – Санкт-Петербург, 2009. – 1218 с. – Текст : непоср.

204. Кузнецов, Н. Г. Адмирал Советского Союза. Воспоминания / Н. Г. Кузнецов. – Москва : Алгоритм, 2015. – 800 с. – Текст : непоср.

205. Ладога родная. Воспоминания ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. – Ленинград : Лениздат, 1969. – 415 с. – Текст : непоср.

206. Ленинградки: Воспоминания, очерки, документы / Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС – филиал Института при ЦК КПСС. – Ленинград : Лениздат, 1968. – 415 с., илл. – Текст : непоср.

207. «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. – Ленинград : Лениздат, 1990. – 413 с. – Текст : непоср.

208. Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / отв. сост. И. А. Муравьева.

– Санкт-Петербург, 2014. – 640 с. – Текст : непоср.

209. «Люди хотят знать»: История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. – Санкт-Петербург : Изд-во «Пушкинского фонда», 2021. – 272 с.: ил. – Текст : непоср.

210. Магаева, С. В. Мученики ленинградской блокады / С. В. Магаева, Е. О. Мартилла. – Москва : Сестр-во во имя препд. мчн. Вел. кн. Елизаветы, 2006. – 186 с. – Текст : непоср.

211. Манаков, Н. А. В кольце блокады / Н. А. Манаков. – Ленинград: Лениздат, 1961. – 215 с. – Текст : непоср.

212. Медики и блокада: взгляд сквозь годы: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Т. М. Голубева, Н. Б. Ветошникова; Международная Ассоциация блокадников города-героя Ленинграда. – Санкт-Петербург, 1997. – 271 с. – Текст : непоср.

213. Мерецков, К. А. На службе народу / К. А. Мерецков. – Москва : Политиздат, 1966. – 464 с. – Текст : непоср.

214. Митерев, Г. А. В дни мира и войны / Г. А. Митерев. – Москва : Медицина, 1975. – 256 с., илл. – Текст : непоср.

215. Молчанов, А. В. Мы из блокады: Стихи. Воспоминания / А. В. Молчанов. – Санкт-Петербург : [б.и.], 2007. – 240 с. – Текст : непоср.

216. Молчанов, А. В. Реквием Ленинградским детям. Стихи / А. В. Молчанов. – Санкт-Петербург : Кентавр, 2010. – 32 с. – Текст : непоср. [Каталогизация перед публикацией. РНБ].

217. Мы храним бесценное наследство / авт.-сост. Е. Н. Дмитриева; СПб ГБПОУ «Педагогический колледж № 8». – СПб: Изд. Газиева Л., 2014. – 205 с., илл. – Текст : непоср.

218. На боевой вахте. Водники Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Сборник воспоминаний и документов. – Ленинград : Лениздат, 1972. – 253 с. – Текст : непоср.

219. Оборона Ленинграда. 1941–1944. Вторая мировая война в

исследованиях, воспоминаниях, документах: Воспоминания и дневники участников / пред. Маршала Советского Союза М. В. Захарова; АН СССР. Ленинградское отделение Института истории. – Ленинград : Наука, 1968. – 791 с., илл. – Текст : непоср.

220. Октябрьская фронтовая. Воспоминания железнодорожников в работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. В. В. Чубарова, сост. М. Д. Опендик. – Ленинград: Лениздат, 1970. – 431 с. – Текст : непоср.

221. Ольга. Запретный дневник / под ред. Н. Соколовской. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. – 542 с. – Текст : непоср.

222. Орлов, А. А. Как эти мне места милы… Стихотворения, воспоминания / А. А. Орлов. – Санкт-Петербург : Изд. Газиева Л., 2009. – 56 с. – Текст : непоср.

223. Память: Письма о войне и блокаде / А. Варсобин, И. Лисочкин, Ю. Гальперин. – Ленинград : Лениздат, 1987. – Вып. 2. – 734 с. – Текст : непоср.

224. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда: Воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи / автор-составитель Н. Паперная. – Ленинград : Лениздат, 1968. – 391 с. – Текст : непоср.

225. Подвиг Ленинграда: документально-художественный сборник / сост. А. Сапаров. – Москва : Воениздат Минобороны СССР, 1960. – 620 с. – Текст : непоср.

226. Радио в дни войны / сост. М. С. Глейзер, Н. М. Потапов; вступ. ст. А. М. Василевского. – Москва : Искусство, 1975. – 175 с. – Текст : непоср.

227. Раскин, Л. Е. Героические будни школ Ленинграда / Л. Е. Раскин. – Текст : непоср. // Начальная школа. – 1965. – № 5. – С. 13–21.

228. Саянов, В. М. Ленинградский дневник / В. М. Саянов. – 2-е изд. – Москва : Воениздат, 1963. – 370 с., илл. – Текст : непоср.

229. Смирнов, Е. И. Война и военная медицина: Мысли и воспоминания. 1939–1945 / Е. И. Смирнов. – Москва : Медицина, 1976. – 462 с., илл. – Текст : непоср.

230. Соколов, А. М. Эвакуация из Ленинграда. Неизвестные факты : Историко-художественная монография / А. М. Соколов. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2000. – 355 с. – Текст : непоср.

231. Сталева, Т. В. Пусть узнают живущие...: Художественно-документальные очерки / Т. В. Сталева. – Москва : Изд-во МПИ, 1991. – 176 с. – Текст : непоср.

232. Сталева, Т. В. Блокадных детей просветленные лица : Художественно-документальные очерки / Т. В. Сталева. – Москва; Торопец: РИТА, 2010. – 240 с. – Текст : непоср.

233. Сталева, Т. В. Особый витамин блокады: О книгах и книжниках блокадного Ленинграда / Т. В. Сталева. – Москва : Собрание, 2017. – 200 с. – Текст : непоср.

234. Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне. 1941–1945 : К 30-летию Победы : Сборник воспоминаний. – Москва : Профиздат, 1975. – 240 с. – Текст : непоср.

235. «…Сохрани мою печальную историю…». Блокадный дневник Лены Мухиной / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. – Санкт-Петербург : Азбука, 2011. – 362 с. – Текст : непоср.

236. Трибуц, В. Ф. Балтийцы наступают / В. Ф. Трибуц. – Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1968. – 399 с., илл. – Текст : непоср.

237. Трибуц, В. Ф. Балтийцы вступают в бой / В. Ф. Трибуц. – Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1972. – 383 с., илл. – Текст : непоср.

238. Федюнинский, И. И. Поднятые по тревоге / И. И. Федюнинский. – Москва : Воен. изд-во мин-ва обор. СССР, 1961. – 248 с., илл. – Текст : непоср.

239. Фрейденберг, О. М. Осада человека / публикация К. Невельского. – Текст : непоср. // Минувшее: исторический альманах. – Paris: Atheneum, 1987. – Вып. 3. – С. 7–44.

240. Фронтовой рисунок 1941–1945: каталог коллекции / отв. рук. М. Н. Третьякова, авт.-сост. Е. А. Харалашова – Санкт-Петербург : Государственный

Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2017 – 208 с., илл. – Текст : непоср.

241. Художники города-фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников / ред.-сост. И. А. Бродский. – Ленинград : Художник РСФСР, 1973 – 144 с. – Текст : непоср.

242. Человек в блокаде. Новые свидетельства / отв. ред. В. М. Ковальчук. – Санкт-Петербург: Остров, 2008. – Текст : непоср.

243. Шварц, Е. Бессмысленная радость бытия. Дневники и письма: Произведения 30-40-х годов / сост. М. О. Крыжановская, И. Л. Шершнева. – Москва : Корона-Принт, 1999. – 595 с. – Текст : непоср.

244. Шкроб, М. А. А П. Воспоминания, суждения, парадоксы / М. А. Шкроб. – Санкт-Петербург : Бип, 2003 – 72 с. – Текст : непоср.

245. Штеменко, С. М. Генеральный штаб в годы войны : в 2 кн. Кн. 1 / С. М. Штеменко. – Москва : Воен. изд-во Минобороны СССР, 1968. – 416 с. – Текст : непоср.

246. Штеменко, С. М. Генеральный штаб в годы войны : в 2 кн. Кн. 2 / С. М. Штеменко. – Москва : Воен. изд-во Минобороны СССР, 1974. – 510 с. – Текст : непоср.

247. Шулейкин, В. В. Дни прожитые / В. В. Шулейкин. – 3-е изд. – Москва : Наука, 1972. – 603 с. – Текст : непоср.

248. Щукина, Е. Л. Очерки блокадных дней / редкол. Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. – 247 с., илл. – Текст : непоср.

249. Юсупова, Л. Н. Эпоха второй мировой войны глазами переживших ее детей / Л. Н. Юсупова. – Текст : непоср. // Клио. – 2007. – № 1. – С. 3–11.

250. 900 блокадных дней: Сборник воспоминаний. – Новосибирск: ГП НТБ СО РАН, 2004. – 324 с. – Текст : непоср.

II. ПЕЧАТЬ

II. 1. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. Дошкольное воспитание (Орган Наркомпроса РСФСР, Москва, Молотов). 1941–1988.

2. Известия ЦК КПСС (Орган ЦК КПСС, Москва), 1990.

3. Ленинградская правда (Орган Ленинградского горкома и обкома ВКП (б), Ленинград). 1941–1944.

4. Мурзилка (Орган ЦК ВЛКСМ, Москва). 1941–1943.

5. Начальная школа (Орган Наркомпроса РСФСР, Москва). 1941–1943.

6. Педиатрия (Орган Наркомздрава СССР, Москва). 1941–1943.

7. Советская педагогика (Орган Наркомпроса РСФСР, с 15 декабря 1943 г. орган АПН РСФСР, Москва). 1941–1943.

8. Советская медицина (Орган Наркомздрава СССР, Москва). 1942–1943.

II. 2. ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЯ

1. Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (Орган Ленгорисполкома депутатов трудящихся, Л.). 1941–1943.

2. Вопросы педагогической психологии (Известия АПН РСФСР / Труды научно-исследовательского института психологии АПН РСФСР, М. – Л.). 1945, 1946.

3. Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда (Труды гос. педиатрического мединститута, Л.). 1944, 1946.

4. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР (Орган СНК СССР, М.). 1941–1943.

5. Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (Орган СНК РСФСР, М.). 1941–1943.

6. Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР (Орган Наркомпроса РСФСР, М.). 1941. № 1– 16.

7. Учебно-воспитательная работа в детских домах (Бюллетень Наркомпроса РСФСР / Научно-практический институт детских домов НКП РСФСР, М.). 1942. № 1– 2.

8. Ученые записки (Орган Ленинградского Пединститута им. А. И. Герцена, Л., Кыштым). 1941–1944.

III. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Фонд Р-5446. Совет Министров СССР (Совет Народных Комиссаров СССР). [Имеется электронный ресурс].

2. Фонд Р-6822. Совет по эвакуации СНК СССР.

3. Фонд Р-8009. Народный Комиссариат здравоохранения СССР.

4. Фонд Р-9425. Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР.

5. Фонд Р-9507. Учреждения по руководству Профессионально-техническим образованием в СССР (Главное Управление Трудовых резервов).

6. Фонд А-259. Совет Народных Комиссаров РСФСР.

7. Фонд А-327. Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР и его предшественники.

8. Фонд А-2306. Народный Комиссариат просвещения РСФСР.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

9. Фонд 558. Личный фонд Сталина Иосифа Виссарионовича. 21 декабря 1879 г. – 5 марта 1953 г. [Имеется электронный ресурс].

10. Фонд 644. Государственный Комитет обороны. [Имеется электронный

ресурс].

Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга
(ЦГА СПб)

11. Фонд Р-330. Городская эвакуационная комиссия.

12. Фонд Р-2076. Плановая комиссия исполкома Ленинградского Городского Совета народных депутатов (Ленгорсовета).

13. Фонд Р-3054. Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ).

14. Фонд Р-5039. Ленинградский городской отдел народного образования.

15. Фонд Р-7384. Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся.

16. Фонд Р-8557. Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников при Исполкоме Ленгорсовета.

17. Ф. Р-9023. Уполномоченный Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) по Ленинграду и Ленинградской области.

18. Фонд Р-9156. Ленинградский городской отдел здравоохранения.

19. Фонд Р-9324. Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области.

20. Фонд Р-9713. Научно-методическое бюро санитарной статистики ЛГЗО.

Центральный государственный архив историко-политических
документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)

21. Фонд 2-К. Районный комитет ВЛКСМ Дзержинского района.

22. Фонд 9-К. Районный комитет ВЛКСМ Петроградского района.

23. Фонд 24. Ленинградский областной комитет ВКП (б).

24. Фонд 25. Ленинградский городской комитет ВКП (б).

25. Фонд 54. Первичная партийная организация Педиатрического медицинского института.

26. Фонд 257. Первичная партийная организация 1-го Ленинградского Медицинского Института им. ак. Павлова.

27. Фонд 285. Первичная партийная организация ВКП (б) Отдела народного образования Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся.

28. Фонд 598-К. Областной комитет ВЛКСМ.

29. Фонд 671. Первичная партийная организация Городского управления трудовых резервов.

30. Фонд 827. Первичная партийная организация Отдела народного образования Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся.

31. Фонд 937. Первичная партийная организация ВКП (б) Городского Института усовершенствования учителей г. Ленинграда.

32. Фонд 1538. Первичная партийная организация ВКП (б) Отдела здравоохранения Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся.

33. Фонд 1627. Ленинградское Областное управление трудовых резервов. Первичная партийная организация.

34. Фонд 2238. Октябрьский район. Первичная партийная организация аппарата Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся.

35. Фонд 2398. Политотдел Октябрьской железной дороги.

36. Фонд 2408. Политотдел Ленинградской железной дороги.

37. Фонд 2862. Первичная партийная организация ВКП (б) аппарата Исполкома Ленинградского областного совета депутатов трудящихся. Куйбышевский р-н.

38. Фонд 4000. Институт истории партии Ленинградского обкома КПСС, филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Российская национальная библиотека (РНБ).

Рукописный отдел (РО)

39. Фонд 576. Петрова М. К.
40. Фонд 1015. Остроумова-Лебедева А. П.
41. Фонд 1059. Матюшина О. К.

Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа № 8 (быв. № 5) г. Санкт-Петербурга (НМПК)

42. Фонд БВ. Блокадные воспитатели.
43. Фонд БП. Блокада. Прочее.
44. Фонд БД. Блокада. Дети.
45. Фонд Щ. Е. Л. Щукина. Дневники.
46. Фонд 2Щ. Е. Л. Щукина. Отчеты.
47. Фонд Э. Эвакуация.
48. Фонд Эк. Экспозиционный.

IV. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. – Москва : Советская энциклопедия, 1985. – 832 с. – Текст : непоср.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – Москва : Воениздат; Кучково поле, 2011–2015. – Текст : непоср.

3. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). – 1222 с. – Текст : непоср.

4. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 2: 1944–1945. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). – 1342 с. – Текст : непоср.

5. Забота об инвалидах войны и семьях военнослужащих. Аннотированный список литературы / П. Б. Захаревич. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. – Москва: [б.и.], 1944. – 13 с. – Текст : непоср.

6. Ленинградская битва. – Текст : непоср. // Советский энциклопедический словарь. – Москва : Изд-во «Советская энциклопедия». – 1980. – С. 708.

7. Очерки истории Ленинграда: В 4 т. / Отв. ред. М.П. Вяткин; Акад. Наук СССР. Ин- истории. Т.1-. Т.5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ие, 1967. – 748 с. – Текст : непоср.

8. Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова. Биографический словарь профессоров за 120 лет / под ред. С. Ф. Багненко, Э. Э. Звартау, Н. Н. Петрищева. – Санкт-Петербург : Премиум-Пресс, 2017. – 310 с. – Текст : непоср.

9. Рабин, А. Э. Женщина в стране социализма : Краткий указатель литературы / А. Э. Рабин. – Ленинград: [б.и.], 1940. – 24 с. – Текст : непоср.

10. Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Библиографический указатель / Издательство Российской государственной библиотеки. Т. 6. Культура. Наука. Просвещение. – Москва : Индрик, 2006. – 601 с. – Текст : непоср.

11. Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Библиографический указатель / Издательство Российской государственной библиотеки. – Москва : Книжная палата, 1990. – Т. 2. – 353 с. – Текст : непоср.

12. Справочник для высших штабов на военное время. Устав немецкой армии. № 92. Часть I : сокр. пер. с нем. – Москва : Воениздат, 1946.– 76 с. – Текст : непоср.

13. СССР в цифрах в 1980 году. Краткий статистический справочник / ЦСУ СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1981. – 224 с. – Текст : непоср.

V. МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, СБОРНИКИ

V. 1. ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ И В ЭВАКУАЦИИ. 1941–1944

1. Битва за жизнь: Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда / сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2007. – 64 с., илл. – Текст : непоср.

2. Богданов, И. А. Ленинградская блокада от А до Я / И. А. Богданов. – Санкт-Петербург : Кентавр. 2010. – 416 с. – Текст : непоср.

3. Букренева, К. Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны / К. Г. Букренева. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 205 с. – Текст : непоср.

4. Букренева, К. Г. К вопросу о численности детей в Ленинграде в условиях начавшейся блокады / К. Г. Букренева, Л. В. Алексеева. – Текст : непоср. // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сборник статей. Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – С. 55–60.

5. Буров, А. В. Блокада день за днем / А. В. Буров. – изд. 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2011. – 688 с. – Текст : непоср.

6. Бякина, В. П. 1 ЛМИ в годы блокады: «Цель № 89» / В. П. Бякина, И. В. Зимин. – Текст : непоср. // Ученые Записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. – Том XV. – 2008. – № 4. – С. 5–10.

7. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. – Москва : Алгоритм; Эксмо, 2003. – 734 с. – Текст : непоср.

8. Верт, А. Избранное. Т. 9: Москва'41; Ленинград / А. Верт. – Санкт-Петербург

: Центр обслуживания и информации, 2016 – 408 с. – Текст : непоср.

9. Война и блокада. Сборник памяти В. М. Ковальчука. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. – 384 с., илл. – Текст : непоср.

10. Гаврилова, О. А. Организация общественного питания в блокадном Ленинграде / О. А. Гаврилова. – Текст : непоср. // Битва за Ленинград. 1941–1944: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – С. 155–160.

11. Гладких, П. Ф. Здравоохранение блокадного Ленинграда (1941–1944) / П. Ф. Гладких. – Москва : Медицина, 1985. – 272 с. – Текст : непоср.

12. Гладких, П. Ф. Охрана детства в блокированном Ленинграде / П. Ф. Гладких. – Текст : непоср. // Педиатрия. – 1968. – № 4. – С. 56–59.

13. Гладких, П. Ф. Очерки истории отечественной военной медицины. Здравоохранение и военная медицина в битве за Ленинград глазами историка и очевидцев. 1941–1944 гг. / П. Ф. Гладких. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 520 с. – Текст : непоср.

14. Гладких, П. Ф. Очерки истории отечественной военной медицины. Служба здоровья в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. / П. Ф. Гладких, А. Е. Локтев. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – 720 с. – Текст : непоср.

15. Даев, В. Г. Педагоги блокадной поры: по архивам ленинградских учреждений / В. Г. Даев. – Санкт-Петербург : Сударыня, 1998. – 84 с. – Текст : непоср.

16. де Граффенрид, Дж. Мобилизуя юность: труд советских детей в военное время / Джули де Граффенрид. – Текст : непоср. // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / ред. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. – Москва : РОССПЭН, 2019. – С. 126–147.

17. де Граффенрид, Дж. Рисуем детство в Великую Отечественную войну: оформление обложки и детские журналы, 1941-1945 гг. / Джули де Граффенрид. – Текст : непоср. // Конструируя детское: филология, история, антропология / Под ред. М. Балиной, В. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В.

Тендряковой, С. Шеридана. – Москва; Санкт-Петербург: «Азимут»; Нестор-История, 2011. – С. 352–368.

18. Дзенискевич, А. Р. На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде / А. Р. Дзенискевич. – Санкт-Петербург : Нестор, 2002. – 287 с. – Текст : непоср.

19. Дзенискевич, А. Р. Накануне и в дни испытаний (Ленинградские рабочие в 1938–1945 гг.) / А. Р. Дзенискевич; отв. ред. В. М. Ковальчук. – Ленинград: Наука, Лен. отд-ие, 1990. – 199 с. – Текст : непоср.

20. Диалог о книге. Г. Л. Соболев «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде». – Текст : непоср. // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 150–169.

21. Дунбинская, Т. И. Статистика эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) / Т. И. Дунбинская. – Текст : непоср. // Вестник ТПГУ. – Томск, 2011. – № 13. – С. 46–51.

22. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект / Барбер Д., Белозеров Б. П. и др. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. – 265 с. – Текст : непоср.

23. Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей / отв. ред. Б. П. Белозеров; СПбГУ. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. – 332 с. – Текст : непоср.

24. Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции / редкол. Дж. Д. Барбер, А. Р. Дзенискевич (отв. ред.), И. М. Козлов, Н. Ю. Черепенина. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2001. – 162 с. – Текст : непоср.

25. Зотова, А. В. Материальное стимулирование советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны / А. В. Зотова. – Текст : непоср. // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 3. – С. 33–42.

26. Зотова, А. В. О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда / А. В. Зотова. – Текст : непоср. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2013. – № 6. – С. 26–28.

27. Иванов, Д. В. Некоторые вопросы нормативного регулирования паспортного режима в Ленинграде в 1940-е – начале 1950-х гг. /Д. В. Иванов. – Текст : непоср. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 1 (38). – С. 313–315.

28. Искусство непокоренного Ленинграда в годы блокады: сборник статей. Ч. 1 / Правительство Санкт-Петербурга; [автор идеи Т. А. Пострелова]; отв. ред. Б. П. Белозеров. – Санкт-Петербург : Культурно-просветительское товарищество, 2015. – 561 с. – Текст : непоср.

29. Карасев, А. В. Ленинградцы в годы блокады / А. В. Карасев; отв. ред. ген.-лейт. С. В. Рогинский. – Москва : АН СССР, 1959. – 315 с., илл. – Текст : непоср.

30. Ковальчук, В. М. Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) / В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев. – Текст : непоср. // Вопросы истории. – 1965. – № 12. – С. 191–197.

31. Карпенко, И. А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. / И. А. Карпенко. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2006. – № 4. – С. 177–181.

32. Кольцов, А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943) / А. В. Кольцов. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1962. – 143 с. – Текст : непоср.

33. Конасов, В. Б. Эвакуированные ленинградцы на Вологодской земле / В. Б. Конасов. – Текст : непоср. // Вопросы истории. – 2007. – № 1. – С. 135–144.

34. Котов, С. Д. Детские дома блокадного Ленинграда / С. Д. Котов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Политехника, 2005. – 205 с. – Текст : непоср.

35. Крюков, А. Н. Музыка и музыканты военного Ленинграда. По воспоминаниям и документам / А. Н. Крюков. – Санкт-Петербург : Союз Композиторов Санкт-Петербурга, Композитор · Санкт-Петербург, 2015. – 280 с. – Текст : непоср.

36. Литературный Ленинград в дни блокады. – Ленинград : Наука, Лен. отд-ие, 1973. – 292 с. – Текст : непоср.

37. Лихоманов, М. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны / М. И. Лихоманов, Л. Т. Позина, Е. И. Финогенов. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. – 169 с. – Текст : непоср.

38. Ломагин, Н. А. Политэкономия и мораль блокады / Н. А. Ломагин. – Текст : непоср. // Российская история. – 2014. – № 3. – С. 12–17.

39. Магаева, С. В. Ленинградская блокада: психосоматические аспекты / С. В. Магаева. – Москва : АБС, 2001. – 183 с. – Текст : непоср.

40. Микиртичан, Г. Л. Характеристика патологии и организация питания детей в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны / Г. Л. Микиртичан. – Текст : непоср. // Вопросы современной педиатрии. – 2010. – Том 9. – № 3. – С. 158–162.

41. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. – 2-е изд., перер. и доп. – Ленинград : Наука, Лен. отд-ие, 1974. – 501 с. – Текст : непоср.

42. Обычный человек в необычное время: к 60-летиюсо дня рождения С. В. Ярова: Сборник статей. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 208 с. – Текст : непоср.

43. Побратимы. Сборник / отв. ред. Ю. З. Кантор. – Москва : Политическая энциклопедия, 2019. – 951 с: илл. – Текст : непоср.

44. Похилюк, А. В. Война, власть, народ (Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны) / А. В. Похилюк; Министерство обороны РФ. – Санкт-Петербург : изд-во Военного университета ПВО, 1998. – 220 с. – Текст : непоср.

45. Похилюк, А. В. Социальная защита семей военнослужащих в годы блокады Ленинграда / А. В. Похилюк. – Текст : непоср. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов международной научной конференции / под общ. ред.

В. А. Веременко, отв. ред. С. В. Степанов. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 43–48.

46. Пянкевич, В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда / В. Л. Пянкевич. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2014. – 479 с. – Текст : непоср.

47. Пянкевич, В. Л. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. / В. Л. Пянкевич, А. Н. Чистиков. – Текст : непоср. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, №1 – С. 56–69.

48. Селиванов, В. Н. Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград / В. Н. Селиванов. – Санкт-Петербург : Эго, 2002. – 222 с. – Текст : непоср.

49. Симоненко, В. Б. Ленинградская блокада: открытия в биологии и медицине / В. Б. Симоненко, С. В. Магаева. – Москва : Экономика и информатика, 2008. – 182 с. – Текст : непоср.

50. Снегирева, Л. И. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941–1943 гг.) / Л. И. Снегирева. – Текст : непоср. // Вестник ТПГУ. – 2014. – Вып. 3. – С. 30–37.

51. Снегирева, Л. И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны / Л. И. Снегирева. – Текст : непоср. // Вестник ТПГУ. – 2015. – Вып.2. – С. 38–42.

52. Снегирева, Л. И. К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса / Л. И. Снегирева. – Текст : непоср. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2015. – № 2. – Т. 6. – С. 201–205.

53. Соболев, Г. Л. Блокада Ленинграда: постижение правды / Г. Л. Соболев. – Текст : непоср. // Новейшая история России. 2012. – № 2. – С. 72–87.

54. Соболев, Г. Л. Валентин Михайлович Ковальчук (22.07.1916–04.10.2013) / Г. Л. Соболев. – Текст : непоср. // Новейшая история России. 2014. – № 1. – С. 302–304.

55. Соболев, Г. Л. В поисках новой методологии истории / Г. Л. Соболев. – Текст : непоср. // Вестник молодых ученых. – 2000. – № 5. – С. 2–6.

56. Соболев, Г. Л. Даниил Натанович Альшиц (03.02.1919–13.02.2012) / Г. Л. Соболев. – Текст : непоср. // Новейшая история России. 2012. – № 3. – С. 275–279.

57. Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 696 с. – Текст : непоср.

58. Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. – 525 с. – Текст : непоср.

59. Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. – 784 с. – Текст : непоср.

60. Соболев, Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / Г. Л. Соболев. – Москва; Ленинград : Наука, 1966. – 172 с., илл. – Текст : непоср.

61. Соболев, Г. Л. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. – Текст : непоср. // Новейшая история России. – 2016. – № 1. – С. 8–21.

62. Соболев, Г. Л. Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. – Текст : непоср. // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. №2. – С. 529–539.

63. Соболев, Г. Л. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков. – Текст : непоср. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 8–34.

64. Стенограмма заседания Круглого стола «Актуальные вопросы истории блокады Ленинграда» (27 января 2012 г.) / С. Н. Полторак, Л. В. Алпеева, С. К. Бернев [и др.] – Текст : непоср. // Клио. – 2012. – № 3 (63). – С. 3–10.

65. Степанов, К. А. Ленинградские дети на Ростовской земле в годы Великой Отечественной войны (по док. РФ ГАЯО) / К. А. Степанов. – Текст : непоср. //

Отечественные архивы. – 2005. – № 4. – С. 82–87.

66. Тарасов, О. Ф. А. Ф. Тур / О. Ф. Тарасов, Н. П. Шабалов. – Москва : Медицина, 1980. – 127 с. – Текст : непоср.

67. Трофимов, В. А. К истории российского образования в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие / В. А. Трофимов. // Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России. – Кемерово; Москва, 2006. – 431 с. – Текст : непоср.

68. Уродков, С. А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. / С. А. Уродков. – Текст : непоср. // Вестник Ленинградского университета. – 1958. – № 8. – С. 88–102.

69. Хлеб блокадного города. Сборник статей / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург : Страта, 2019. – 78 с. – Текст : непоср.

70. Ходанович, В. И. Блокадные будни одного района Ленинграда / В. И. Ходанович. – Москва : Центрополиграф, 2015. – 478 с. – Текст : непоср.

71. Ходяков, М. В. «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг. / М. В. Ходяков. – Текст : непоср. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / С. Н. Полторак (общ. ред.), И. А. Тропов (отв. ред.), А. В. Зотова, С. Н. Рудник, А. М. Иорданская, С. В. Степанов. – Санкт-Петербург : Полторак, 2018. – С. 209–216.

72. Ходяков, М. В. Г. Л. Соболев – историограф битвы за Ленинград / М. В. Ходяков. – Текст : непоср. // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. – Санкт-Петербург. – С. 8–16.

73. Хорошинина, Л. П. Изменение частоты и характера соматических заболеваний у людей среднего и пожилого возраста, переживших блокаду Ленинграда в детском или подростковом периоде жизни (секционные данные) / Л. П. Хорошинина. – Текст : непоср. // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы международной научной конференции.

– Санкт-Петербург, 2001. – С. 65–79.

74. Худякова, Н. Д. Вся страна с Ленинградом (1941–1943). КПСС – организатор всенародной помощи Ленинграду в годы блокады / Н. Д. Худякова. – Ленинград : Лениздат, 1960. – 234 с. – Текст : непоср.

75. Шумилов, Н. Д. В дни блокады / Н. Д. Шумилов. – 2-е изд. – Москва : Мысль, 1977. – 303 с. – Текст : непоср.

76. Экзамен на стойкость. Вузы Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург : Изд-во Политех. Ун-та, 2012. – 161 с. – Текст : непоср.

77. Яров, С. В. Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. / С. В. Яров. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. – 596 с. – Текст : непоср.

78. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 313 [7]с.: ил. – Текст : непоср.

***

251. Bidlack, R. The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New Documentary History from the Soviet Archives / Richard Bidlack, Nikita Lomagin; trans. By M. Schwartz. – New Haven ; London : Yale univ. press, 2012. – 486 p. – Text : unmediated.

252. Bidlack, R. Ideological or Political Origins of the Leningrad Affair? A Response to David Brandenberg / Richard Bidlack. – Text : unmediated // Russian Review. – 2005. – Vol. 64. No. 1. – P. 91–94.

253. Dale, R. Demobilized Veterans in Late Stalinist Leningrad. Soldiers to Civilians / Robert Dale. – London: Bloomsbury Academic, 2015. – 259 p. – Text : unmediated.

254. deGraffenried, J. K. Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War / Julie K. deGraffenried. – Lawrence, Kansas : University Press of Kansas, 2014. – 248 p. – Text : unmediated.

255. Henderson, M. Dear Allies. A Story of Women in Monklands and Besieged

Leningrad / ed. by Margaret Henderson. – Coatbridge: Monklands Dist. Libr., 1988. – 136 p. – Text : unmediated.

256. Hindus, M. Russia Fights on / Maurice Hindus. – London: Collins, 1942. – 254 p. – Text : unmediated.

257. Kirschenbaum, L. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, a. Monuments / Lisa Kirschenbaum. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2006. – 309 p. – Text : unmediated.

258. Maurer, R. Child Care in the Soviet Union / by Rose Maurer. – New York: The National Council of American-Soviet Friendship, 194[?] – 48 p. – Text : unmediated.

259. Peri, A. The War Within Diaries from the Siege of Leningrad / Alexis Peri. – Cambridge, Mass. ; London : Harvard University Press, 2017. – 337 p. – Text unmediated.

260. Simmons, C. Writing the Siege of Leningrad: Women` s Diaries, Memoirs, a. Doc. Prose / Cynthia Simmons, Nina Perlina ; with a forew. by Richard Bidlack. – Pittsburg : Univ. of Pittsburg press, 2005. – 242 p. – Text : unmediated.

***

79. Барскова, П. «Автопортрет перед смертью»: Воспроизведение блокадной личности посредством гибридного дневника. URL:https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/9fde71a6adc6a3efc4273d23643814932fed9176.pdf. (дата обращения: 17.04.2019). – Текст : электронный.

80. Баскирк ван, Э. Лидия Гинзбург и постиндивидуалистический человек: Теории ленинградской блокады. URL:https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/61f0b72a2785b5fa63eded30ac4617f760f489fd.pdf. (дата обращения: 17.04.2019). – Текст : электронный.

81. Блокадники возмущены публикацией об осажденном Ленинграде в журнале Гардиан. // Life.ru. URL:https://life.ru/t/life78/952561/blokadniki_vozmushchieny_publikatsiiei_ob_osazhdionnom_lieninghradie_v_zhurnalie_the_guardian (дата обращения: 06.01.2017). – Текст :

электронный.

82. В. Милонов. Мы потребуем запрета книги британской лжеученой о блокаде Ленинграда. // Life.ru. URL:https://life.ru/t/life78/952644/milonov_my_potriebuiem_zaprieta_knighi_britanskoi_lzhieuchionoi_o_blokadie_lieninghrada. (дата обращения: 06.01.2017). – Текст : электронный.

83. Историк Никита Ломагин. «Каннибалы и преступники в блокаду дневников не вели» // Фонтанка. URL: http://www.fontanka.ru/2016/12/29/155/ (дата обращения: 06.01.2017). – Текст : электронный.

84. Паперно, И. «Осада человека»: Блокадные записки Ольги Фрейденберг в антропологической перспективе // Discours.io. URL: https://discours.io/articles/chapters/osada-cheloveka-blokadnye-zapiski-olgi-freydenberg-v-antropologicheskoy-perspektive (дата обращения: 17. 04. 2019). – Текст : электронный.

85. Пери, А. Личность в осаде: Самоанализ в дневниках жителей блокадного Ленинграда. URL:https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/5ee197442d658f2dd39062b7b7c498b929d808ea.pdf. (дата обращения: 17.04.2019). – Текст : электронный.

86. Clapperton, J. The siege of Leningrad and the ambivalence of the sacred: conversations with survivors. 2006. // Yumpu.com. URL: http://www.yumpu.com/en/document/view/26478757/the-siege-of-leningrad-and-the-ambivalence-of-the-sacred-conversations-with-survivors/ (дата обращения: 16.03.2015). – Текст : электронный.

V. 2. ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА, В ТОМ ЧИСЛЕ В КОНТЕКСТЕ I И II МИРОВЫХ ВОЙН, ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ

87. Абракова, Т. А. Современная историография о новых источниках для изучения настроений Советского общества в годы Великой Отечественной войны / Т. А. Абракова. – Текст : непоср. // Начало Великой Отечественной войны: уроки истории. Взгляд из XXI века. Материалы Международной научно-практической конференции с участием студентов. – 2016. – С. 56–60.

88. Агафонов, Н. Ратные подвиги православного духовенства / Н. Агафонов. – Москва : Благовест, 2013. – 352 с. – Текст : непоср.

89. Альшиц, Д. Н. За нами был наш гордый город. Подвигу Ленинграда – правдивую и достойную оценку / Д. Н. Альшиц. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 404 с. – Текст : непоср.

90. Амосова, А. А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова, 1937–1950 / А. А. Амосова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 261 с. – Текст : непоср.

91. Амосова, А. А. Второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) Я. Ф. Капустин и трагедия его семьи (по материалам «Ленинградского дела») / А. А. Амосова. – Текст : непоср. // Вестник СПбГУ. – Сер.2. – 2014. – Вып. 4. – С. 35–46.

92. Байдаков, П. Деятельность политорганов и партийных организаций железнодорожных войск Ленинградского фронта в период обороны города Ленинграда (июнь 1941 – январь 1944 гг.) / П. Байдаков, В. Яробков. – Л., 1971. – Текст : непоср.

93. Базовский, В. Н. Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове / В. Н. Базовский, Н. Д. Шумилов. – Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1985. – 238 с. – Текст : непоср.

94. Барышников, Н. И. Маннергейм и блокада Ленинграда / Н. И. Барышников. – Текст : непоср. // Петербургские чтения – 98-99 / Энциклопедическая библиотека «Санкт-Петербург – 2003». – СПб., 1999. – С. 439–443.

95. Белозеров, Б. П. Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой

анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада) / Б. П. Белозеров. – Санкт-Петербург: Издательский дом: Агентство «РДК-принт», 2001. – 319 с. – Текст : непоср.

96. Белозеров, Б. П. Ленинград сражающийся. 1941 / Б. П. Белозеров. – Санкт-Петербург: Общество "Знание", 2016. – 456 с. – Текст : непоср.

97. Белозеров, Б. П. Войска и органы государственной безопасности в борьбе с националистическим подпольем в 1941–1945 годах / Б. П. Белозеров. – Текст : непоср. // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции). – Санкт-Петербург, 2017. – С. 268–272.

98. Беляев, А. Н. Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Беляев. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1975. – 144 с. – Текст : непоср.

99. Бернев, С. К. Несостоявшийся губернатор Ленинграда / С. К. Бернев. – Текст : непоср. // Родина. – 2009. – № 11. – С. 80–82.

100. Бибиков, Ю. Глава VII. Ленинградские профсоюзные организации в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 года – 1945 год) / Ю. Бибиков, С. Москалев. – Текст : непоср. // Они же. Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти. 1917–1959. – Москва : Профиздат, 1960. – С. 110–133.

101. Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / ред. колл. : А. Х. Даудов и др. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 312 с. – Текст : непоср.

102. Болдовский, К. А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады / К. А. Болдовский. – Текст : непоср. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. – С. 201–215.

103. Болдовский, К. А. Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания / К. А. Болдовский, Д. Бранденбергер. – Текст : непоср. // Новейшая история России. – 2019. – Т.9, №4. – С. 993–1026.

104. Болдовский, К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат

Ленинграда до и после «ленинградского дела» / К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 312 с. – Текст : непоср.

105. Болдовский, К. А. «В своем кругу...»: стенограммы заседаний бюро ленинградского горкома ВКП(б) как источник по истории блокады Ленинграда / К. А. Болдовский. – Текст : непоср. // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей / отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. – Санкт-Петербург : Лема, 2018. – С. 242–255.

106. Болдовский, К. А. Горком ВПК(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны / К. А. Болдовский. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2016. – № 2. – С. 61–71.

107. Бубличенко, В. Н. Документы Госархива Российской Федерации и региональных архивов о детских трудовых колониях на Европейском Севере России в 1943–1945 гг. / В. Н. Бубличенко. – Текст : непоср. // Отечественные архивы. – 2015.– № 2. – С. 57–62.

108. Буранок, С. О. Блокада Ленинграда в оценках прессы США / С. О. Буранок, Д. В. Суржик, Я. А. Левин. – Текст : непоср. // Вестник ВолГУ. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 123–129.

109. Бякина, В. П. Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950) / В. П. Бякина, Т. В. Давыдова. – Санкт-Петербург : РИЦ ПСПбГМУ, 2017. – 216 с. – Текст : непоср.

110. Ваксер, А. З. Политические и экономические катаклизмы в России XX века и население Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга / А. З. Ваксер // Россия в XIX – XX веках. Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 349. – Текст : непоср.

111. Васильев, Ю. А. Судьбы руководителей комсомола в истории «Ленинградского дела» / Ю. А. Васильев. – Текст : непоср. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Отечественная история. – 2019. –

№4 (181). – С. 56–65.

112. В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, А. П. Крюковских [и др.] – Ленинград : Лениздат, 1985. – 422 с. – Текст : непоср.

113. Великая Отечественная война: к 70-летию народной Победы. Материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивов. Проблемы изучения и публикации». Москва, 15 апреля 2015 г. / отв. ред. Е. И. Пивовар; сост. И. А. Анфертьев. – Москва : РГГУ, 2015. – 929 с. – Текст : непоср.

114. Война и блокада Ленинграда в коллекциях музеев и библиотек. – Санкт-Петербург : Борей Арт, 2007. – 154 с. – Текст : непоср.

115. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 : пер. с анг. / А. Верт. – Москва : Алгоритм; Эксмо, 2003. – 734 с. – Текст : непоср.

116. Голдман, В. Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство / В. Голдман. – Текст : непоср. // СССР во Второй мировой войне: оккупация, холокост, сталинизм. – Москва : РОССПЭН, 2014. – С. 221–249.

117. Голотюк, В. Л. Организационные мероприятия по укреплению противовоздушной обороны страны в 1941–1943 гг. / В. Л. Глотюк, А. Ю. Лашков. – Текст : непоср. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 5. – С. 35–39.

118. Горьков, Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы / Ю. А. Горьков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 572 с. – Текст : непоср.

119. Гриднев, В. П. Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград / В. П. Гриднев. – Текст : непоср. // Управленческое консультирование. – 2018. – №5. – С. 162–171.

120. Гутман, М. Ю. Правовое регулирование и деятельность милиции Ленинграда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в

условиях блокады (1941–1944 гг.) / М. Ю. Гутман, А. В Панфилец. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 28–33.

121. Даудов, А. Х. Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны / А. Х. Даудов, Ю. М. Кунцевич, М. В. Ходяков; под общ. ред. Н. М. Кропачева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 339 с. – Текст : непоср.

122. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. – Москва : Воениздат, 1978. – 335 с. – Текст : непоср.

123. Дворянский, Е. В огненном кольце / Е. Дворянский, А. Ярошенко. – Таллинн: Ээсти раамат, 1977. – 240 с. – Текст : непоср.

124. Дегтев, Д. М. Воздушная битва за город на Неве / Д. М. Дегтев, Д. В. Зубов. – Санкт-Петербург : Центрполиграф, 2014. – 285 с. – Текст : непоср.

125. Демидов, В. И. Андрей Жданов. Очерки политической биографии / В. И. Демидов, В. А. Кутузов, А. В. Кутузов. Санкт-Петербург : СПб академия Следственного комитета, 2017. – 128 с. – Текст : непоср.

126. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / Е. Ф. Кринко, М. А. Рыблова, Т. П. Хлынина [и др.]; Южный научный центр РАН. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 336 с. – Текст : непоср.

127. Дзенискевич, А. Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре / А. Р. Дзенискевич. – Санкт-Петербург : Нестор, 1998. – 138 с. – Текст : непоср.

128. Дзенискевич, А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда / А. Р. Дзенискевич. – Ленинград : Лениздат, 1972. – 215 с. – Текст : непоср.

129. Емелин, С. М. Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С. М. Емелин. – Текст : непоср. // Вестник Академии экономической безопасности МВД

России. – 2010. – № 5. – С. 17–24.

130. Ежов, В. А. Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944–1945) / В. А. Ежов. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1961. – 106 с. – Текст : непоср.

131. Ежов, В. А. Идет война народная, священная война / В. А. Ежов. – Текст : непоср. // Слово о комсомолии Ленинграда. Краткие очерки из истории Ленинградской организации ВЛКСМ / сост. З. М. Иванова, Л. Р. Клецкий. – Ленинград : Лениздат, 1965. – С. 200–235.

132. Ежов, М. В. Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: Опыт, проблемы, уроки / М. В. Ежов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та экономики и финансов, 1993. – 158 с. – Текст : непоср.

133. Ежов, М. В. Духовный подвиг защитников Ленинграда / М. В. Ежов, М. И. Фролов. – Санкт-Петербург : Знание, 2010. – 188 с. – Текст : непоср.

134. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под ред. Н. С. Конарева; Министерство путей сообщения СССР. 2-е изд., дополненное – Москва : Транспорт, 1987. – 590 с. – Текст : непоср.

135. Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей / под ред. В. П. Бякиной, И. В. Зимина. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГМУ. 2015. – 92 с. – Текст : непоср.

136. Жиромская, В. Население России в 1939–1945 гг. / В. Жиромская, В. Исупов, Г. Корнилов. – Текст : непоср. // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 3–17.

137. Жмакин, И. А. Ленинградский стоматологический институт в годы Великой Отечественной войны / И. А. Жмакин. – Текст : непоср. // Верхневолжский медицинский журнал. – 2020. – Т.19, вып. 2. – С. 3–13.

138. Злепко, А. В. Вклад З. В. Еромольевой в предотвращение эпидемии холеры на Сталинградском фронте в годы Великой Отечественной войны / А. В. Злепко, М. Н. Скаковский, О. А. Сукачева. – Текст : непоср. // Здоровье населения и среда обитания. – 2019 – № 4. – С. 4–6.

139. Зотова, А. В. Народное хозяйство Ленинграда / А. В. Зотова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУТ им. проф. Бонч-Бруевича, 2015. – 196 с. – Текст : непоср.

140. Зотова, А. В. Советские банки в годы Великой Отечественной войны / А. В. Зотова. – Текст : непоср. // Вопросы истории. – 2016. – № 5. – С. 103–112.

141. Зотова, А. В. Экономика блокады / А. В. Зотова. – Санкт-Петербург : Остров, 2016. – 320 с. – Текст : непоср.

142. Иванов, В. А. Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / В. А. Иванов. – Текст : непоср. // Новейшая история. – 2013. – № 2. – С. 48–69.

143. Иванов, В. А. Человек и какофония начавшейся войны (лето – осень 1941 г.): новые источники и попытки осмысления / В. А. Иванов. – Текст : непоср. // Новейшая история России. – 2016. – № 2. – С. 31–40.

144. Изонов, В. В. О некоторых вопросах истории начального периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / В. В. Изонов. – Текст : непоср. // Вестник СПбГУ. – Серия 2: История. – 2016. – Вып.2. – С. 37–51.

145. Исаков, В. М. НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) / В. М. Исаков, Е. В. Мельник. – Текст : непоср. // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 14–17.

146. Кантор, Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. / Ю. З. Кантор. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – 334 с.: ил. – Текст : непоср.

147. Кантор, Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20 – 30-х годов / Ю. З. Кантор. – Москва : Политическая энциклопедия, 2014. – 383 с. – Текст : непоср.

148. Ковальчук, В. М. Дорога Победы осажденного Ленинграда: железнодорожная магистраль Шлиссельбург – Поляны в 1943 г. / В. М. Ковальчук. – Ленинград : Наука. Ленингр.отд-ие, 1984. – 213 с. – Текст : непоср.

149. Ковальчук, В. М. Ленинград и Большая Земля: История Ладожской

коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. / В. М. Ковальчук. – Ленинград : Наука, 1975. – 328 с. – Текст : непоср.

150. Ковальчук, В. М. Ленинград в годы войны. 1941–1944. Воспоминания. Фотографии. Документы / В. М. Ковальчук, А. Н. Чистиков. – Санкт-Петербург : Спас, 2013. – 240 с. – Текст : непоср.

151. Ковальчук, В. М. Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. / В. М. Ковальчук. – Санкт-Петербург : Вести, 2001. – 518 с., илл. – Текст : непоср.

152. Ковальчук, В. М. 900 дней блокады. Ленинград, 1941–1944 / В. М. Ковальчук. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – 234 с. – Текст : непоср.

153. Козлов, Н. Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной Войны. Некоторые аспекты современной российской историографии / Н. Д. Козлов. – Текст : непоср. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. – № 2. – С. 93–110.

154. Комаров, Н. Я. Государственный Комитет постановляет…: Документы. Воспоминания. Комментарии / Н. Я. Комаров. – Москва : Воениздат, 1990. – Текст : непоср.

155. Комаров, Н. Я. Феномен блокадного Ленинграда / Н. Я. Комаров. – Москва : Кучково поле; М/н благ. фонд «Живая память», 2008. – 592 с. – Текст : непоср.

156. Комаров, Н. Я. Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944. Исторический дневник. Комментарии / Н. Я. Комаров, Г. А. Куманев. – Москва : Олма-Пресс, 2004. – 576 с. – Текст : непоср.

157. Комаров, Н. Я. Беспримерный подвиг Ленинграда / Н. Я. Комаров, Г. А. Куманев. – Текст : непоср. // Война и общество, 1941–1945: в 2-х кн. Кн. 2 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; Ин-т российской истории. – Москва : Наука, 2004. – С. 27–49.

158. Кропачев, С. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография / С. Кропачев, Е. Кринко. – Москва :

Росспэн, 2012. – 350 с. – Текст : непоср.

159. Крылья Балтики: Статьи и воспоминания / сост. В. Ф. Голубев, А. Ф. Калиниченко; отв. ред. А. И. Павловский. – Калининград: Кн. изд-во, 1979. – 287 с. – Текст : непоср.

160. Крюковских, А. П. Ленинградское ополчение / А. П. Крюковских. – Санкт-Петербург : Вести, 2006. – 275 с. – Текст : непоср.

161. Кудин, В. А. Красносельские рубежи непокоренного Ленинграда. Органы и войска НКВД на защите города в годы Великой Отечественной войны / В. А. Кудин. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 4–13.

162. Куликова, О. Ю. Формирование патриотического сознания в блокадном Ленинграде: проблемы и решения / О. Ю. Куликова. – Санкт-Петербург : Нестор, 2000. – 135 с. – Текст : непоср.

163. Куманев, Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941 – 1945 / Г. А. Куманев; отв. ред. чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков. – Москва : Наука, 1988. – 368 с. – Текст : непоср.

164. Куманев, Г. А. Война и эвакуация в СССР в 1941–1942 гг. / Г. А. Куманев. – Текст : непоср. // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

165. Кунцевич, Ю. М. Исторические аспекты формирования и деятельности военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов в период Великой Отечественной войны / Ю. М. Кунцевич. – Текст : непоср. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 6/1. – С. 76–81.

166. Кутузов, А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне / А. В. Кутузов; Северо-Западный (г. Санкт-Петербург.) фил. гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Российская правовая акад. Мин-ва юстиции Российской Федерации», науч. учреждение «Центр стратегических исслед.». – Санкт-Петербург, 2008. – 211 с. – Текст : непоср.

167. Кутузов, А. В. Блокада Ленинграда в исторических параллелях / А. В.

Кутузов. – Санкт-Петербург : СЗФ РПА Минюста России, 2010. – 348 с. – Текст : непоср.

168. Кутузов, А. В. Осада Ленинграда в зеркале информационной войны / А. В. Кутузов. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2008. – № 4. – С. 70–75.

169. Кутузов, А. В. Эвакуация ленинградских танкостроителей / А. В. Кутузов. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2009. – № 3. – С. 150–156.

170. Кутузов, В. А. Алексей Александрович Кузнецов: начало политической биографии / В. А. Кутузов. – Текст : непоср. // Россия в XX веке. Сборник статей к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, профессора В. А. Шишкина / под ред. В. М. Ковальчука. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 288–305.

171. Кутузов, В. А. «Много сделал для защиты города…»: Страницы военной биографии Алексея Александровича Кузнецова / В. А. Кутузов. – Текст : непоср. // История глазами историков: Межвузовский сборник науч. трудов. – Санкт-Петербург : СПбГАУ, 2002. – С. 304–311.

172. Кутузов, В. А. Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны / В. А. Кутузов. – Ленинград : Лениздат, 1985. – 246 с., илл. – Текст : непоср.

173. К 75-летию начала Великой Отечественной войны: на грани катастрофы. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 22–23 июня 2016 г.) / рук-ль проекта М. Ю. Мягков; сост.: Ю. А. Никифоров, Д. В. Суржик. – Брянск: Историческое сознание, 2017. – 624 с. – Текст : непоср.

174. Лебедев, Ю. М. По обе стороны блокадного кольца. Секретные материалы / Ю. М. Лебедев. – Санкт-Петербург : Нева, 2005. – 302 с. – Текст : непоср.

175. Лебедев, Ю. М. Ленинградский «блицкриг». На основе военных

дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942 / Ю. М. Лебедев. – Москва : Центрполиграф; Санкт-Петербург : Русская тройка-СПб, 2011. – 459 с. – Текст : непоср.

176. Лебедева, Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н. С. Лебедева. – Москва : Наука, 1975. – 238 с. – Текст : непоср.

177. Ленинград в борьбе месяц за месяцем, 1941–1944. – Санкт-Петербург : Ланс, 1994. – 349 с., илл. – Текст : непоср.

178. Ленинград в ожидании победы. 1944–1945 / авт.-сост. С. Борзенко, А. Кожемякин. – Санкт-Петербург : Реконструкция; СПГУТ, 2015. – 180 с. – Текст : непоср.

179. Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург : Галарт, 2018.– 432 с. – Текст : непоср.

180. Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург : Галарт, 2019. – 528 с. – Текст : непоср.

181. Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург : Галарт, 2019. – 528 с. – Текст : непоср.

182. Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург : Галарт, 2019. – 528 с. – Текст : непоср.

183. Ленинград. Война. Блокада. Победные залпы: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург : Галарт, 2020. – 605 с. – Текст : непоср.

184. Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 году / ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады

Ленинграда. – Санкт-Петербург : [б.и.], 2011. – 129 с. – Текст : непоср.

185. Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / редколл. В. М. Ковальчук, Н. А. Ломагин, В. А. Шишкин. – Санкт-Петербург, 1995. – 293 с. – Текст : непоср. [Приложение к альманаху «Слова и отзвуки»].

186. Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. Кн. 1 / Н. А. Ломагин. – Санкт-Петербург : Нева; Москва : Олма-Пресс, 2002. – 446 с. – Текст : непоср.

187. Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. Кн. 2 / Н. А. Ломагин. – Москва; Санкт-Петербург : Нева, 2002. – 474 с. – Текст : непоср.

188. Ломагин, Н. А. Ленинград в блокаде / Н. А. Ломагин. – Москва : Эксмо: Яуза, 2005. – 536 с. – Текст : непоср.

189. Лурье, Л. Я. Ленинградский фронт / Л. Я. Лурье, Л. И. Маляров. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2012. – 272 с. – Текст : непоср.

190. Любимов, А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. – Москва : Экономика, 1968. – 231 с. – Текст : непоср.

191. Магистрали победы. Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта в Великой Отечественной войне. 1941–1945 годов: учебное пособие / И. П. Киселев, А. Ю. Панычев, В. В. Фортунатов. – Санкт-Петербург : Петербургский государственный университет сообщения Императора Александра I, 2020. – 160 с. – Текст : непоср.

192. Михельсон, В. И. Воздушный мост: об обороне осажденного Ленинграда в 1941 г. / В. И. Михельсон, М. И. Ялыгин. – Москва : Политиздат, 1988. – 335 с. – Текст : непоср.

193. Мосунов, В. А. Прорыв блокады Ленинграда. Операция «Искра» / В. А. Мосунов. – Москва : Пятый Рим («Бестселлер»), 2019. – 272 с, илл. – Текст : непоср.

194. Мосунов, В. А. Удары авиации противника по «Дороге жизни» и планирование операций по ее уничтожению в ноябре 1941 – январе 1942 г. / В. А. Мосунов. – Текст : непоср. // Петербургский исторический журнал. – 2020. – №3. – С. 111–121.

195. На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / С. П. Князев, М. П. Стрешинский, И. М. Франтишев, П. Р. Шевердалкин, Ю. Н. Яблочкин. – Ленинград : Лениздат, 1965. – 640 с. – Текст : непоср.

196. Наливкин, Л. А. Первые советские бомбардировки Берлина (август – начало сентября1941 года) / Л. А. Наливкин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – 204 с., илл. – Текст : непоср.

197. Наливкин, Л. А. Авиация Балтики летом сорок первого / Л. А. Наливкин; под ред. Л. Л. Газиевой. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – 432 с., илл. – Текст : непоср.

198. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н. А. Араловец, Е. Н. Бикейкин, Н. Ф. Бугай, О. М. Вербицкая [и др.]; отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. – Москва : Гриф и К., 2010. – 730 с. – Текст : непоср.

199. Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: взгляд через 70 лет / Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 5. В 2-х кн. / науч. ред.: Коршунов Э. Л. и др. – Санкт-Петербург : Политехника-сервис, 2013. – Текст : непоср.

200. Нижник, Н. С. Женщина как субъект семейно-брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны / Н. С. Нижник/ – Текст : непоср. // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). Т. 1. – Москва; Ст. Оскол, 2015. – С. 150–154.

201. Новейшая история России: Время, события, люди. Сборник статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева) / под ред. М. В. Ходякова. – Санкт-Петербург : Фора-принт, 2010. – 503 с. – Текст : непоср.

202. Носач, В. И. Профсоюзы Ленинграда – Санкт-Петербурга. 1931–2005 гг. / В. И. Носач; под общ. ред. В. Г. Дербина. – Санкт-Петербург : Нестор,

2009. – 464 с. – Текст : непоср.

203. О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники. Исследования. Историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2005. – 216 с. – Текст : непоср.

204. Опыт мировых войн в истории России: сборник статей / редкоЛенинград : И. В. Нарский и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – 612 с. – Текст : непоср.

205. Орав, В. А. Решения Ленинградского горкома ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета в блокадную зиму 1941/42 г.: сравнительный анализ / В. А. Орав. – Текст : непоср. // Отечественные архивы. – 2020. – №2. – С. 23–33.

206. Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2006. – 609 с. – Текст : непоср.

207. От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под общ. ред. С. К. Шойгу – Москва : УРСС, 1998. – 336 с. – Текст : непоср.

208. Павлов, Д. В. Ленинград в блокаде / Д. В. Павлов. – 1-е изд. – Москва : Министерство обороны СССР, 1958. – 163 с. – Текст : непоср.

209. Панфилец, А. В. Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941 – 1942 гг.) / А. В. Панфилец. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1. – С. 45–51.

210. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования. – Москва : Новое изд-во, 2006. – 387 с. – Текст : непоср.

211. Память о войне. 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред. М. Габович. – Москва : Нов. Лит. Обозрение, 2005. – 780 с. – Текст : непоср.

212. Победа была за нами: Материалы научно-практической конференции / сост. Л. А. Наливкин. Государственный Мемориальный Музей Обороны и Блокады Ленинграда. – Санкт-Петербург : [б.и.], 2006. – 78 с., илл. – Текст : непоср.

213. Потемкина, М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны:

люди и судьбы / М. Н. Потемкина. – Магнитогорск, 2002. – 265 с. – Текст : непоср.

214. Потемкина, М. Н. Эвакуация населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны: дискуссионные аспекты проблемы / М. Н. Потемкина. – Текст : непоср. // Романовские чтения-12. Сборник статей Международной научной конференции. Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова. – Могилев : МГУ, 2017. – С. 47–48.

215. Пученков, А. Классическая история блокадной эпопеи / А. Пученков. – Текст : непоср. // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 153.

216. Пянкевич, В. Л. Восстановление экономики СССР (середина 41–середина 50-х) / В. Л. Пянкевич. – Санкт-Петербург : Нестор, 2001. – 431 с. – Текст : непоср.

217. Репников, Д. В. Уполномоченные Государственного Комитета обороны в мемуарной литературе о Великой Отечественной войне: механизм назначения и функционирования / Д. В. Репников. – Текст : непоср. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – Вып.3. – С. 63–72.

218. Розум, В. И. Великий из Великого: К 100-летию со дня рождения Б. П. Бещева / В. И. Розум. – Ярославль: Верхняя Волга, 2003. – 128 с. – Текст : непоср.

219. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. – Москва : Вече, 2010. – 624 с. – Текст : непоср.

220. Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сборник статей / отв. ред. М. В. Ходяков; отв. сост. А. А. Иванов. – Санкт-Петербург : Лема, 2018. – 480 с. – Текст : непоср.

221. Рубашкин, А. И. Голос Ленинграда/ А. И. Рубашкин. – Санкт-Петербург : Нева, 2005. – 223 с. – Текст : непоср.

222. Румпф, Г. Огненный шторм : пер. с нем. / Г. Румпф. – Москва : Центрполиграф, 2010. – 223 с. – Текст : непоср.

223. Сайкин, С. В. Родники милосердия / С. В. Сайкин. – Иваново, 2001. – 271 с., илл. – Текст : непоср.

224. Свиридов, В. П. Битва за Ленинград 1941–1944 / В. П. Свиридов, В. П.

Якутович, В. Е. Василенко. – Ленинград : Лениздат, 1962. – 554 с. – Текст : непоср.

225. Семенова, Е. В. Советский «коллаборационизм» в Великой Отечественной войне – предательство или борьба за выживание / Е. В. Семенова. – Текст : непоср. // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму. Материалы Международного этико-философского семинара им. Андрея Платонова: к 70-летию со дня рождения В. П. Фетисова. – Москва : Флинта, 2012. – С. 338–340.

226. Семиряга, М. И. Как мы управляли Германией / М. И. Семиряга. – Москва : РОССПЭН, 1995. – 349 с. – Текст : непоср.

227. Сенявский, А. С. Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945.: гуманитарные и социально-психологические аспекты. Исторические очерки и документы / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская, О. В. Сдвижков. – Москва; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 460 с. – Текст : непоср.

228. Серебрянская, Г. В. Современные направления историографии тыла Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Г. В. Серебрянская, Т. В. Сакович. – Текст : непоср. // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. В 2-х томах. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2017. – С. 157–168.

229. Симоненко, В. Б. Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза / В. Б. Симоненко, С. В. Магаева. – Текст : непоср. // Клиническая медицина. – 2014. – № 2. – С. 5–14.

230. Сирота, Ф. И. Военно-организационная работа Ленинградской организации ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны / Ф. И. Сирота. – Текст : непоср. // Вопросы истории. – 1956. – №10. – С. 16–17.

231. Сирота, Ф. И. Ленинград – город-герой / Ф. И. Сирота. – Ленинград : Лениздат, 1960. – 183 с.

232. Скворцов, В. Н. Ленинградский военный округ. Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / В. Н. Скворцов, М. Я. Тарасов,

М. И. Фролов. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – 308 с. – Текст : непоср.

233. Солсбери, Г. 900 дней. Блокада Ленинграда : пер. с анг. / Г. Солсбери. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 592 с. – Текст : непоср.

234. СССР во Второй мировой войне: оккупация, холокост, сталинизм / под ред. О. Будницкого (отв. ред. и сост.) и Л. Новиковой. – Москва : РОССПЭН, 2014. – 432 с., илл. – Текст : непоср.

235. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В. В. Белоконь и др. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 608 с.: ил. – Текст : непоср.

236. Стародубцев, А. Ф. Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага / А. Ф. Стародубцев. – Москва : Вече, 2010. – Текст : непоср.

237. Стахов, Х. Г. Трагедия на Неве: шокирующая правда о блокаде, 1941–1944 / Х. Г. Стахов; пер. Ю. Лебедев. – Москва : Центрполиграф, 2008. – 380 с. – Текст : непоср.

238. Сувениров, О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938 / О. Ф. Сувениров. – Москва : Терра, 1998. – 528 с. – Текст : непоср.

239. С эмблемой «Динамо» / сост. В. А. Медведев. – Ленинград : Лениздат, 1987. – 365 с. – Текст : непоср.

240. Твердюкова, Е. Д. Проживая историю / Е. Д. Твердюкова. – Текст : непоср. // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 155–156.

241. Твердюкова, Е. Д. Советский делопроизводственный канон в автобиографиях руководителей блокадного Ленинграда / Е. Д. Твердюкова. – Текст : непоср. // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №3. – С. 117–129.

242. Уткин, А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта / А. И. Уткин. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 543 с. – Текст : непоср.

243. Фролов, М. И. «Салют и реквием»: героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. / М. И. Фролов. – Санкт-Петербург : ЛГОУ, 2003. – 143 с. – Текст : непоср.

244. Фруменкова, Т. Г. Мы вышли из блокадных дней / Т. Г. Фруменкова. – Санкт-Петербург : РГПУ, 2005. – 431 с. – Текст : непоср.

245. Фуллер, Д. Ф. Вторая мировая война 1939–1945. Стратегический и тактический обзор : пер. с анг. / Д. Ф. Фуллер. – Москва; Санкт-Петербург, 2006. – 559 с. – Текст : непоср.

246. Хромов, Б. М. Здравоохранение Ленинграда. Краткий исторический очерк / Б. М. Хромов, А. В. Свешников. – Ленинград : Лениздат, 1969. – 207 с. – Текст : непоср.

247. Художественное училище имени Николая Рериха. Страницы истории. – Санкт-Петербург, 2001. – 411 с., илл. – Текст : непоср.

248. Цамутали, А. Н. Героическая оборона Ленинграда (Методическое пособие в помощь лектору) / А. Н. Цамутали. – Ленинград : Общ-во Знание, 1968. – 20 с. – Текст : непоср.

249. Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. – 660 с. – Текст : непоср.

250. Черепанов, В. В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне / В. В. Черепанов. – Москва : Известия, 2006.– 496 с. – Текст : непоср.

251. Чернявский, У. Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945) / У. Г. Чернявский. – Москва : Наука, 1964. – 208 с. – Текст : непоср.

252. Черушев, Н. С. Из Гулага – в бой / Н. С. Черушев. – Москва : Вече, 2017. – 480 с. – Текст : непоср.

253. Шаблов, Н. Н. История гражданской обороны / Н. Н. Шаблов, В. Н. Виноградов, В. Ф. Киселев; под общ. ред. проф. В. С. Артамонова. – Санкт-Петербург, 2011. – 367 с. – Текст : непоср.

254. Шишкин, А. А. Государственный Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Краткий исторический очерк: [к 60-летию со дня основания

музея] / А. А. Шишкин, Н. П. Добротворский. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2006. – 55 с., илл. – Текст : непоср.

255. Яробков, В. В. Дорога жизни – дорога к победе: вчера, сегодня, навсегда / В. В. Яробков. – Санкт-Петербург : Полигон, 2005. – 222 с., илл. – Текст : непоср.

256. 60 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (14–27 января 1944 г.). Философия Великой Отечественной войны 1941–1945 / редкол. : ген.-полк. Ю. Д. Букреев и др. – Москва : Мегапир, 2005. – 483 с., илл. – Текст : непоср.

257. 60-летие окончания Второй Мировой войны и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – Москва, 2005. – 246 с. – Текст : непоср.

***

258. Boterbloem, K. The life and times of Andrei Zhdanov: 1896—1948 / Kees Boterbloem. – Montreal : McGill-Queen`s univ. press, 2004. – 563 p. – Text : unmediated.

259. Glantz, D. The siege of Leningrad 1941–44: 900 days of Terror / David M. Glantz. – Osceda, Wi: MB & Publishing, 2001. – Text : unmediated.

260. Glantz, D. M. Battle for Leningrad, 1941–1944 / David M. Glantz. – Lawrence (Kan.) : Univ. of Kansas, 2002. – 660 p. – Text : unmediated.

261. Gouré, L. The siege of Leningrad / Leon Gouré. – Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1962. – 363 p. – Text : unmediated.

262. Hessler, J. A Social History of Soviet Trade. Trade policy, retail practices, and consumption, 1917–1953 / Julie Hessler. – Princeton : Princeton univ. press, 2004. – 355 p. – Text : unmediated.

263. Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II / ed. by Wendy Z. Goldman, Donald Filtzer. – Bloomington : Indiana univ. press, 2015. – Text : unmediated.

264. Kazimiera, J. Defending Leningrad. Women behind Enemy Lines / Cottam

Kazimiera Janina. – Nepean; Canada : New Millitary Pub., 1998. – 160 p. – Text : unmediated.

265. Pediatrics and the emotional needs of the child: as discussed by pediatricians and psychiatrists at Hershey, Pennsylvania. March, 6–8, 1947 / Ed. By Helen L. Witmer. – New York : Commonwealth fund, 1948. – 180 p. – Text : unmediated.

266. Salisbury, H. E. The 900 days: The siege of Leningrad / Harrison E. Salisbury. – New York ; Evanston : Harper & Row, 1969. – 635 p. – Text : unmediated.

267. Francq, H. G. The tragedy of Leningrad. After Marina`s diary / by Henry G. Francq ; Brandon. univ. – Brandon : Brandon univ. press, 196 [?] – 56 p. – Text : unmediated.

V. 3. ИССЛЕДОВАНИЯ СТАТУСА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ И ОБЫЧНОМ ПРАВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

268. Гернет, М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России / М. Н. Гернет. – Москва : Право и жизнь, 1924. – 68 с. – Текст : непоср.

269. Голдман, В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. (1917–1937) / В. З. Голдман. – Москва : РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 358 с. – Текст : непоср.

270. Жуков, Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. / Ю. Н. Жуков. – Москва : Концептуал, 2019. – 370 с. – Текст : непоср.

271. Кожевников, Ф. И. Учебное пособие по международному публичному праву. Вып.1. История и понятие международного права / Ф. И. Кожевников. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 47 с. – Текст : непоср.

272. Кожевников, Ф. И. Учебное пособие по международному публичному праву. Вып.4. Война и международное право / Ф. И. Кожевников. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 55 с. – Текст : непоср.

273. Лушников, А. М. Международное трудовое право и право социального обеспечения: генезис и развитие (XIX – начало XXI в.) / А. М. Лушников. – Текст : непоср. // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2009. – Вып. 4. – С. 25.

274. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. I. Мир. Полутом 1 / Л. Оппенгейм. – Москва : Изд-во ин. лит-ры, 1948. – 408 с. – Текст : непоср.

275. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. I. Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм. – Москва : Изд-во ин. лит-ры, 1949. – 548 с. – Текст : непоср.

276. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. II. Споры. Война. Полутом 1 / Л. Оппенгейм. – Москва : Изд-во ин. лит-ры, 1949. – 440 с. – Текст : непоср.

277. Оппенгейм, Л. Международное право. Т. II. Война. Нейтралитет. Полутом 2 / Л. Оппенгейм. – Москва : Изд-во ин. лит-ры, 1950. – 499 с. – Текст : непоср.

278. Охрана здоровья матери и ребенка: историко-правовой обзор / М. С. Денисов, О. В. Салицева, М. Л. Толстова, Т. Г. Денисова. – Текст : непоср. // Здравоохранение Чувашии. – 2016. – № 4. – С. 76–81.

279. Полторак, А. И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы) / А. И. Полторак. – Москва : Наука, 1965. – 351 с. – Текст : непоср.

280. Полянский, Н. Н. Международный военный трибунал / Н. Н. Полянский; под ред. Н. М. Рычкова. – Москва : Юр. изд-во мин-ва юстиции СССР, 1946. – 48 с. – Текст : непоср.

281. Трайнин, А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / А. Н. Трайнин. – Москва : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1944. – 106 с. – Текст : непоср.

282. Трайнин, А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества / А. Н. Трайнин. – Москва, 1956. – 300 с. – Текст : непоср.

283. Трайнин, А. Н. Международный военный трибунал / А. Н. Трайнин. – Текст : непоср. // Социалистическая законность. – 1945. – № 9.– С. 1–6.

284. Трайнин, А. Н. Нюрнбергский процесс : сборник статей / А. Н. Трайнин. – Москва : Издание РИО ВЮА, 1946. – 122 с. – Текст : непоср.

285. Трайнин, А. Н. Современное положение борьбы с военными преступниками / А. Н. Трайнин // Социалистическая законность. – 1949. – № 1. – С. 23–29. – Текст : непоср.

286. Трайнин, И. Глумление фашистской Германии над международным правом / И. Трайнин. – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1942. – 58 с. – Текст : непоср.

287. Утевский, Б. С. Преступления гитлеровцев против мирного населения / Б. С. Утевский. – Москва : [б.и.], 1946. – 48 с. – Текст : непоср.

288. Фуркало, В. В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов / В. В. Фуркало. – Киев: Наукова думка, 1986. – 160 с. – Текст : непоср.

289. Ханахмедова, Л. В. Международная правовая защита детей: история и современность / Л. В. Ханахмедова. – Текст : непоср. // Философия права. – 2016. – № 3. – С. 48–52.

***

290. Roberts, A. Lives and statistics: Are 90% of war victims civilians? // Survival. – 2010. Vol. 52. № 3. pp. 115–136. – Текст : электронный // Weblearn.URL: https://weblearn.ox.ac.uk/access/content/user/1044/survival_june-july_2010_-_ar_on_lives___statistics_-_non-printable.pdf. (дата обращения: 31.07.2016).

V. 4. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

291. Гайденко, П. П. Прорыв к трансцендентному / П. П. Гайденко. – Москва : Республика, 1997. – 495 с. – Текст : непоср.

292. Артизов, А. Н. Общественная миссия российских архивов / А. Н. Артизов // Отечественные архивы. – 2014. – № 5. – С. 3–11. – Текст : непоср.

293. Гегель, Г. -В. Энциклопедия философских наук. Философия духа. Т. 3 / Г.-В. Гегель. – Москва : Мысль, 1977. – 471 с. – Текст : непоср.

294. Демоз, Л. Психоистория : пер. с анг. / Л. Демоз – Ростов-на-Дону, 2000.

– 509 с. – Текст : непоср.

295. История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. – Москва : Наука, 1971. – 384 с. – Текст : непоср.

296. Кассен, Б. Эффект софистики / Б. Кассен. – М. – Санкт-Петербург : Университетская книга; Культурная инициатива. 2000. – 238 с. – Текст : непоср.

297. Клибанов, А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма / А. И. Клибанов. – Москва : Наука, 1977. – 335 с. – Текст : непоср.

298. Коул, М. Культурно-историческая психология. Наука будущего / М. Коул. – Москва : Когито-центр, 1997. – 431 с. – Текст : непоср.

299. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 302 с. – Текст : непоср.

300. Лиотар, Ж.-Ф. Феноменология / Ж.-Ф. Лиотар. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 150 с. – Текст : непоср.

301. Логический анализ языка: язык и время / под ред. Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко. – Москва, 1997. – 351 с. – Текст : непоср.

302. Логический анализ языка: Семантика начала и конца / отв. ред. чл.-корр. РАН Л. Д. Арутюнова. – Москва : Индрик, 2002. – 646 с. – Текст : непоср.

303. Нефедова, Л. К. Онтологическая семантика образов детства / Л. К. Нефедова; Омский гос. пед. ун-т. – Омск, 2005. – 194 с. – Текст : непоср.

304. Оукшот, М. Рационализм в политике и другие статьи : пер. с анг. / М. Оукшот. – Москва : Идея-Пресс, 2002. – 288 с. – Текст : непоср.

305. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2020. – 632 с. – Текст : непоср.

306. Сафронова, Ю. А. Историческая память. Введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2020. – 224 с. – Текст : непоср.

307. Сенявская, Е. С. История войн России XX века в человеческом

измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии: курс лекций / Е. С. Сенявская. – Москва : Изд-во РГГУ, 2012. – 332 с. – Текст : непоср.

308. Сенявский, А. С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и идеологического противостояния / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская. – Текст : непоср. // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 139– 151.

309. Сенявский, А. С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и идеологического противостояния / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская. – Текст : непоср. // Отечественная история. – № 3. – С. 107–121.

310. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. – Москва : Наука, 1987. – 240 с. – Текст : непоср.

311. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 2002. – 528 с. – Текст : непоср.

312. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург, 2001. – 445 с. – Текст : непоср.

313. Херрманн, Ф. Фундаментальная онтология языка / Ф. Херрманн. – Минск, 2001. – 167 с. – Текст : непоср.

314. Шпет, Г. История как проблема логики / Г. Шпет. – Москва : Памятники исторической мысли. 2002. – 1167 с. – Текст : непоср.

315. Юнг, К. Ответ Иову : пер. с нем. / К. Юнг – Москва : Аст-Канон+, 1998. – 383с. – Текст : непоср.

***

316. Brown, N. Life against Death / Norman Brown. – London : Wesleyan University Press, 1959. – 322 p. – Text : unmediated.

317. Ellis, F. The Damned and the Dead. The Eastern Front through the Eyes of Soviet and Russian Novelists / Frank Ellis. – University press of Kansas, 2011. – 376 p. – Text : unmediated.

261. Girling, J. Emotion and Reason in Social Change. Insights from Fiction /

John Girling. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 234 p. – Text : unmediated.

318. Kennedy, R. Psychoanalysis, History, and Subjectivity. Now of the past / Roger Kennedy. – Brunner-Routledge: Hove, 2002. – 174 p. – Text : unmediated.

319. Lovell, S. The Shadow of War : Russia and the USSR, 1941 to the present / Stephen Lovell. – Chichester, West Sussex : Wiley-Blackwell, 2010. – 370 p. – Text : unmediated.

***

320. Alexopoulos, G. Soviet Citizenship, More or Less. Rights, Emotions, and States of Civic Belonging / Dept. of History University of South Florida, USA. URL: http://muse.jhu.edu/journals/kritika/v007/. (дата обращения 21.03.2010). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст : электронный.

321. DeMause, L. The Emotional Life of Nations. URL://http://www.psychohistory.com/htm/eln05_psychogenic.html. (дата обращения: 08.06.2010). – Текст : электронный.

322. Yekelchyk, S. The Civic Duty to Hate / Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion (Kiev, 1943–53) / Dept. of History, Dept. of Germanic and Russian Studies University of Victoria, Canada. URL://http://muse.jhu.edu/journals/kritika/v007/7.3iekelchyk.pdf. (дата обращения: 21.03.2010). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст : электронный.

VI. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Авданин, В. В. Восстановление и развитие энергетического комплекса Ленинграда в период 1944 – 1956 гг. : специальность 5.6.1 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Авданин Владимир Владимирович ; Российская академия народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации. Северо-Западный институт управления. – Санкт-Петербург, 2021. – 229 с. – Текст : непоср.

2. Амосова, А. А. Государственная и партийная деятельность П. С. Попкова. 1937–1950 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Амосова Алиса Анатольевна ; С.-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2010. – 23 с.

3. Бизев, С. Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бизев Сергей Борисович ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2001. – 173 с.

4. Букренева, К. Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Букренева Ксения Геннадьевна ; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург, 2015. – 25 с.

5. Газиева, Л. Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Газиева Людмила Леонидовна ; С.-Петер. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 318 с. – Текст : непоср.

6. Глотова, О. А. Андрей Александрович Жданов (идеологическая деятельность в 1920–1940-е гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Глотова Олеся Александровна ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2004. – 24 с.

7. Гусев, А. В. Местная противовоздушная оборона областей Центрального района России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1932–1945 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Гусев Александр Викторович ; Костромской гос. технол. ун-т. – Иваново, 2014. – 41 с. – Текст : непоср.

8. Долгополова, Е. В. Формирование и деятельность судебных органов в Ленинграде во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Долгополова Екатерина Владимировна ; Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии Наук. – Санкт-Петербург, 2020. – 265 с. – Текст : непоср.

9. Дерюгин, А. А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.): историко-правовой аспект : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Дерюгин Алексей Владимирович ; С.-Петерб. воен. ин-т внутр. войск МВД России. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с. – Текст : непоср.

10. Дунбинская, Т. И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Анализ исторического опыта : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Дунбинская Татьяна Ивановна ; Томский гос. ун-т. – Томск, 2004. – 27 с. – Текст : непоср.

11. Зотова, А. В. Вклад Ленинграда в достижение Победы в Великой Отечественной войне: Народное хозяйство города в условиях военного времени (июнь 1941 г. – май 1945 г.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

/ Зотова Анастасия Валерьевна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – 43 с. – Текст : непоср.

12. Калайчева, Т. М. Трудовые резервы Ленинграда в годы блокады (1941–1944) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Калайчева Тамара Михайловна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2002. – 163 с. – Текст : непоср.

13. Карпенко, И. А. Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Карпенко Ирина Александровна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с. – Текст : непоср.

14. Кутузов, А. В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй Мировой войны : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Александр Владиславович Кутузов ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2012. – 40 с. – Текст : непоср.

15. Кутузов, А. В. Проблемы жизнеобеспечения населения блокадного Ленинграда : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Александр Владиславович Кутузов ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1995. – 18 с. – Текст : непоср.

16. Макаров, П. В. Деятельность Комитета обороны при СНК СССР по развитию производства боеприпасов (1937 – июнь 1941 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Макаров Павел Валерьевич ; Институт военной истории М-ва обороны РФ. – Москва, 2000. – 29 с. – Текст : непоср.

17. Мартыненко, Н. С. Деятельность Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров СССР. 1937–1941 гг.: опыт и уроки : специальность 07.00.02

«Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мартыненко Николай Сергеевич : Гуманитарная орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознаменная академия Вооруженных Сил. – Москва, 1993. – 28 с. – Текст : непоср.

18. Панфилец, А. В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Панфилец Александр Владимирович ; МВД России. С.-Петерб. ун-т. – Санкт-Петербург, 2000. – 26 с. – Текст : непоср.

19. Позина, Л. Т. Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации) : специальность 07.00.01 «История Коммунистической партии Советского Союза» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Позина Лариса Тихоновна ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1983. – 212 с. – Текст : непоср.

20. Потемкина, Е. В. Роль информационной службы милиции Петрограда – Ленинграда в борьбе с преступностью. 1918–1941 г. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Потемкина Екатерина Владимировна ; Северо-Зап. акад гос. службы. – Санкт-Петербург, 2001. – Текст : непоср.

21. Похилюк, А. В. Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Похилюк Анатолий Викторович; Северо-Зап. акад гос. службы. – Санкт-Петербург, 1999. – 49 с. – Текст : непоср.

22. Романович, С. В. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью на Юж. Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : специальность

07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Романович Светлана Вячеславовна ; Оренбург. гос. ун-т. – Оренбург, 2006. – 22 с. – Текст : непоср.

23. Сербина, О. А. Обеспечение населения Ленинграда продовольствием в годы блокады (сентябрь 1941 – январь 1944 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Сербина Ольга Александровна ; Северо-Зап. акад гос. службы. – Санкт-Петербург, 1996. – 21 с. – Текст : непоср.

24. Скрябина, Е. О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 года). (Историко-медицинский аспект) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Скрябина Екатерина Олеговна ; С.-Петер. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2008. – 141 с. – Текст : непоср.

25. Тягур, М. И. Военно-мобилизационные мероприятия в Ленинградском регионе в связи с Советско-финляндской войной. Осень 1939 – лето 1940 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тягур Михаил Игоревич ; Российский гос. педагогический ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2019. – 263 с. – Текст : непоср.

26. Хорошинина, Л. П. Особенности соматической патологии у людей старших возрастных групп, переживших в детстве блокаду Ленинграда : специальность 14.00.53 «геронтология и гериатрия» ; Специальность 14.00.33 «Общественное здоровье и здравоохранение» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук / Хорошинина Лидия Павловна ; С.-Петерб. ин-т биорегуляции и геронтологии СЗО РАМН. – Санкт-Петербург, 2002. – 42 с. – Текст : непоср.

27. Чернов, С. Н. Подготовка промышленных кадров Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук /

Чернов Сергей Николаевич ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Петрозаводск, 1998. – 415 с. – Текст : непоср.

28. Шабатура, Е. А. Образ «Новой женщины» в советской культуре 1917–29 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шабатура Елена Анатольевна ; Омский гос. пед. ун-т. – Омск, 2006. – Текст : непоср.

***

29. Ростова, О. С. Правовая охрана материнства и детства в Советском государстве. : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ростова Ольга Сергеевна; Саратовская гос. акад. права. – Саратов, 2007. – URL: http://lawtheses.com/pravovaya-ohrana-materinstva-i-detstva-v-sovetskom-gosudarstve (дата обращения: 12.07.2017). – Текст : электронный.

VII. МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ АВТОРА ПО ДАННОМУ ВОПРОСУ

VII.I. ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ ИЗ СПИСКА РЕКОМЕНДОВАННОГО ВАК, В ТОМ ЧИСЛЕ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНДЕКСАЦИЕЙ

1. Газиева, Л. Л. Рецензия / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Отечественные архивы. – 2021. – № 2. – С. 114–116. [индекс. в RSCI] – Рец. на кн.: «Люди хотят знать»: История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина / сост. Н. Соколовская. – Санкт-Петербург : Изд-во «Пушкинского фонда», 2021. – 272 с.

2. Газиева, Л. Л. Рецензия / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 124–128. [индекс. в RSCI] – Рец. на кн.: Ленинград.

Война. Блокада. Прорыв блокады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. Санкт-Петербург : Галарт, 2019. 528 с.; Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. Санкт-Петербург : Галарт, 2019. 528 с.; Ленинград. Война. Блокада. Победные залпы: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. Санкт-Петербург : Галарт, 2020. 605 с.

3. Газиева, Л. Л. Коммуникативные особенности преодоления конфликтных ситуаций, отраженные в протоколах первичных организаций ВКП (б) I ЛМИ (генезис первичных мифологем и идеологем) / Л. Л. Газиева. – Текст : электронный // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018 – Т. 9. Выпуск 6 (70). – URL: http://history.jes.su/s207987840002245-8-1 (дата публикации: 13.09.2018). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей. – Текст : электронный. – DOI: 10.18254/S0002245-8-1 [индекс. в RSCI]

4. Газиева, Л. Л. Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 гг. / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Вестник Пермского университета. – 2016. – Выпуск 3 (34). – С. 108–116. [индекс. в RSCI]

5. Газиева, Л. Л. Проблемы и противоречия использования опыта Первой мировой войны по спасению детей в период Великой Отечественной войны / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Вестник Пермского университета. – 2015. – Выпуск 2 (29). – С. 139–147. [индекс. в RSCI]

6. «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится все время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту…». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. Публ. Л. Л. Газиевой. – Текст : непоср. // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 3. – С. 31–35.

7. Газиева, Л. Л. Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 6. – С. 118–124.

8. Газиева, Л. Л. Документы женщин-педагогов о спасении детей в блокадном Ленинграде / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Отечественные архивы. – 2014. – № 5. – С. 41–47. [индекс. в RSCI]

9. Газиева, Л. Л. Горисполком и руководство организацией спасения детей в Ленинграде в 1941–1943 гг.: противоречия и проблемы / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 3 (Т. 4. История). – С. 160–169.

10. Газиева, Л. Л. Полемические вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941–1942 гг. (к статье А. В. Зотовой “О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда”) / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 51–53.

11. Газиева, Л. Л. Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в документах органов государственной власти и управления / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Отечественные архивы. – 2013. – № 3. – С. 33–40. [индекс. в RSCI]

12. Газиева, Л. Л. Военная цензура в осажденном Ленинграде / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 10 (642). – С. 40–42.

13. Газиева, Л. Л. Организация эвакуации ленинградских детей в 1941 г. (по материалам государственных архивов) / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Клио. – 2013. – № 8 (80). – С. 63–66.

14. Газиева, Л. Л. Трудовые резервы в блокированном Ленинграде: героизм и жертвы / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Клио. – 2013. – № 6 (78). – С. 89–93.

15. Газиева, Л. Л. Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Клио. – 2013. – № 2 (74). – С. 71–73.

16. Газиева, Л. Л. «Хотелось сохранить хотя бы часть… семьи…» Запись

воспоминаний директора детского дома № 51 г. Ленинграда М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. Публ. Л. Л. Газиевой. – Текст : непоср. // Отечественные архивы. – 2013. – № 5. – С. 87–113. [индекс. в RSCI]

17. Газиева, Л. Л. Методическая разработка урока на тему «Блокада Ленинграда» / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Преподавание истории в школе. – 2012. – № 8. – С. 32–37.

18. Газиева, Л. Л. Феномены времени в дневниках воспитателей дошкольных учреждений блокадного Ленинграда (1941–1944) / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2008. – Выпуск 3. – С. 67–74. [индекс. в RSCI]

19. Газиева, Л. Л. Использование естественно-исторического наблюдения как способа оздоровления детской психики в период блокады Ленинграда (1941–1944) / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Известия РГПУ. Аспирантские тетради. – 2008. – № 24 (55). – С. 361–364.

VII.II. МОНОГРАФИИ

20. Газиева, Л. Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944: монография / Л. Л. Газиева ; под ред. Г. Л. Соболева. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – 428 с. [12]: илл. – Текст : непоср. [реценз.]

VII. III. ПРОЧИЕ ПУБЛИКАЦИИ

21. Газиева, Л. Л. Публичный человек и его риторика в блокадном Ленинграде. К вопросу методики исследования коммуникативных отношений в блокированном Ленинграде / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Обычный человек в необычное время: к 60-летиюсо дня рождения С. В. Ярова: Сборник статей. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-

Петербурге, 2021. – С. 114–124.

22. Газиева, Л. Л. Начисление и выплаты заработной платы в блокированном Ленинграде в 1941–1943 годах / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Легенды Сайгона: сборник статей ежегодного семинара / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург : Келлер, 2020. – С. 60–67.

23. Газиева, Л. Л. Проблемы и противоречия эвакуации ленинградских детских учреждений в 1941 г. / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Я на войне был школьником блокадным…. Работа образовательных учреждений Ленинграда в период блокады и эвакуации. Материалы открытой городской конференции / Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных; авт.-сост. И. Г. Васильева, О. И. Савельева, Т. Г. Смирнова. – Санкт-Петербург : ГБНОУ «СПб ГДТЮ», 2020. – С. 56–57.

24. Газиева, Л. Л. Ленинградская организация ВЛКСМ в 1941–1944 гг. / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Ленинград. Война. Блокада. Снятие осады: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. – Санкт-Петербург : Галарт, 2019. – С. 490–501.

25. Газиева, Л. Л. Путь хлеба на стол ленинградцев в январе 1942 года. – Текст : непоср. // Хлеб блокадного города : Сборник статей / Санкт-Петербургский музей хлеба. – Санкт-Петербург : Страта, 2019. – С. 31–48.

26. Газиева, Л. Л. Вопросы спасения гражданского населения в документах СНК СССР и ГКО СССР в 1943 году: ключевые проблемы и противоречия / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // 1943 год. От Курска до Днепра. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве (Москва, 21 августа 2018 года) / сост. Е. П. Желамская, Ю. А. Никифоров, Д. В. Шполянский; отв. ред. Ю. А. Никифоров. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – С. 339–359. [Электронный ресурс]. URL: https://histrf.ru/biblioteka/b/1943-ghod-ot-kurska-do-dniepra (дата обращения: 16.04.2019).

27. Газиева, Л. Л. Проблема выживаемости гражданского населения в

блокированном Ленинграде в новейшей исторической литературе / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 22– 23 июня 2016 г.) / Рук-ль проекта М. Ю. Мягков; сост.: Ю. А. Никифоров, Д. В. Суржик. – Брянск: ООО ИД “Историческое сознание”, 2017. – С. 517–526.

28. Газиева, Л. Л. Рассекреченные документы государственных архивов о спасении гражданского населения в блокадном Ленинграде / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Великая Отечественная война: К 70-летию народной Победы. Материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивов. Проблемы изучения и публикации». Москва, 15 апреля 2015 г. / отв. ред. Е. И. Пивовар; сост. И. А. Анфертьев. – Москва : РГГУ, 2015. – С. 816–827.

29. Газиева, Л. Л. Специфические особенности атмосферы собраний организации ВКП(б) 1 ЛМИ в 1941–1943 гг. / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй Мировых войн: сборник статей. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГМУ. 2015. – С. 82–89.

30. Газиева, Л. Л. Система и кадры лечебно-профилактических учреждений, обслуживающих детей и подростков в Ленинграде в 1941–44 гг. / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Проблемы городского здравоохранения. Выпуск 19: Сборник научных трудов / под ред. З. д. н. РФ, д.м.н., проф. Н. И. Вишнякова. – Санкт-Петербург : 2014. – С. 220–226.

31. Газиева, Л. Л. Использование опыта Первой Мировой войны в спасении детей-дошкольников и младших школьников в период Великой Отечественной войны / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Забвению не подлежит. Вып. X: Статьи. Воспоминания. Документы. Материалы Международной научно-практической

конференции «Связь времен: война и ее отражение в современном музее», посвященной 70-летию Гос. Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, 28–29 апреля 2014 года / сост. С. Ю. Курносов, А. В. Кутузов; отв. ред. А. В. Кутузов; Ком. по культуре Санкт-Петербурга, ГММОБЛ. – Санкт-Петербург : Президентская библиотека, 2014. – С. 83–88. [реценз.]

32. Газиева, Л. Л. Эвакуация ленинградских детей. Июнь – июль 1941 г. / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: взгляд через 70 лет / Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 5. Книга 1 / науч. ред.: Коршунов Э. Л. [и др.]. – Санкт-Петербург : Политехника-сервис, 2013. – С. 78–88. [реценз.]

33. Газиева, Л. Л. Некоторые особенности устных переговоров Ставки Главнокомандования с руководителями обороны Ленинграда в июле – сентябре 1941 года / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен. Материалы м/н научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию со Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. 14–15 октября 2013 года / отв. ред. А. В. Кутузов; сост. А. В. Кутузов, Л. Л. Газиева. – Санкт-Петербург : Изд. Л. Газиева, 2013. – С. 195–200.

34. Газиева, Л. Л. Деятельность Леноблгорлита в июне – декабре 1941 / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Ленинградская битва сквозь призму времени. Материалы научной конференции и «круглого стола», состоявшихся в музее в 2011 году / Ред.-сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2011. – С. 100–103.

35. Газиева, Л. Л. Блокада. Феномен общественного сознания блокады Ленинграда / Л. Л. Газиева. – Текст : непоср. // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей / отв. ред. Б. П. Белозеров; СПбГУ. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. – С. 230–242.

36. Газиева, Л. Л. Феномены времени и судьбы в блокадных дневниках (историко-психологическое исследование) / Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева. –

Текст : непоср. // Битва за жизнь: Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда / сост. Л. А. Наливкин; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. – СПб., 2007. – С. 44–55.

37. Газиева, Л. Л. Историческая память и историческое беспамятство. Захоронения 1942–1948 гг. в Александро-Невской Лавре. – Текст : непоср. // Эта память – наша совесть… / сост. Л. Л. Газиева, Е. Н. Дмитриева; редкол. В. В. Яробков [и др.]. РГИ-ИППК СПбГУ, Педагогический колледж №5 г. СПб. – СПб., 2007. – С. 57–61. [реценз.]

38. Круглый стол «Историко-психологические и этно-психологические подходы в организации учебно-воспитательной работы в колледже» / Л. Л. Газиева, В. Н. Киршин, Ю. И. Колосов, Е. Н. Дмитриева, Н. И. Есина, Ж. Г. Назарян. – Текст: непоср. // Подвиг Ленинграда бессмертен / сост. Л. Л. Газиева, Т. П. Смирнова, Г. Б. Сафронова, Н. С. Семичева ; редкол. В. В. Шапкин [и др.]. Институт повышения квалификации специалистов профессионального образования, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Центральный музей Октябрьской железной дороги – Санкт-Петербург : Изд-во ИПК СПО, 2004. – С. 152–168.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Диаграмма 1. Динамика группы иждивенцев отдельных лиц в 1939–1941 гг. Том I, стр. 129

Таблица I.1. Конвенции Международной Лиги Труда, ограничивающие применение труда детей и несовершеннолетних. Том II, стр. XVI

Таблица I.2. Распределение населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта,

Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по полу и возрастным группам. Том II, стр. XXIII

Таблица I.3. Баланс занятого населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по социальным стратам. Том II, стр. XXIV

Таблица II.4. Справка по эвакуации населения из г Ленинграда за период с 29 /VI – 41 г. по 1/IV – 43 г. Том II, стр. XLII

Таблица II.5. Наличие ленинградских детских учреждений в эвакуации в 1942 г. Том II, стр. XLV

Таблица II.6. Наличие ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях в 1942 г. по данным Ленгороно и Наркомпроса РСФСР. Том II, стр. XLVI

Таблица II.7. Список предприятий, государственных учреждений, ВУЗов и ремесленных училищ, эвакуированных из гор. Ленинграда с 22-го января по 12-е апреля 1942 года. Том II, стр. LX

Таблица II.8. Сведения о размещении эвакуированных из Ленинграда на 1 мая 1942 г. Том II, стр. LXX

Таблица II.9. Справка о размещении эвакуированных граждан из гор. Ленинграда за период с 1 июня по 10 августа 1942 года. Том II, стр. LXXI

Таблица II.10. Справка о расходах на оказание помощи эвакуированным из Ленинграда с 16 февраля по 27 июня 1942 года. Том II, стр. LXXII

Таблица II.11. Эвакуационная статистика по эвакопунктам Тихвин, Кабона, Лаврово за январь – декабрь 1942 года. Том II, стр. LXXIII

Таблица II.12. Эвакуация по Дороге Жизни с января по 15 апреля 1942 года. Том II, стр. LXXIII

Таблица II.13. Смертность на Дороге жизни при эвакуации (февраль – апрель 1942 г.). Том II, стр. LXXIV

Таблица II.14 А. Военно-санитарная эвакуация за период с 19 сентября 1941 г. по 12 апреля 1942 г. Том II, стр. LXXV

Таблица II.14 Б. Военно-санитарная эвакуация с 5 января по 12 апреля 1942 г.

Том II, стр. LXXV

Таблица II.14 C. Состав эвакуированных в порядке разгрузки города Ленинграда (с 21 января по 20 апреля 1942 г.). Том II, стр. LXXV

Таблица II.14 D. Общее количество эвакуированных по ледовой трассе (с 21 января по 20 апреля 1942 г.). Том II, стр. LXXVI

Таблица II.15. Количество учеников спецшколы № 2 ВВС, умерших в вагонах и направленных в больницы и госпитали по ходу эвакуации (с 5 февраля по 8 марта 1942 г.). Том II, стр. LXXVI

Таблица III.16. Удельное соотношение выбытия в эвакуацию в Кавминводы контингента ленинградских вузов (22 января – 12 апреля 1942 г.) и прибытия к месту назначения на 4 июня 1942 г. Том II, стр. LXXVIII

Таблица IV.17. Обслуживание больных ленинградскими больничными учреждениями в 1941 – 1944 годах. Том II, стр. LXXXIX

Таблица IV.18. Количество лиц, получивших медицинскую помощь в 1941 – 1944 годах. Том II, стр. XC

Таблица IV.19. Распределение больных по возрасту в ленинградских больницах системы Наркомздрава РСФСР на 4 ноября 1942 года. Том II, стр. XCI

Таблица IV.20. Удельный вес основных форм заболеваемости за 3-й квартал 1942 г. по отдельным обкомам и завкомам профессиональных союзов в г. Ленинграде. Том II, стр. XCII

Таблица IV.21. Контингенты населения в Ленинграде и их изменения за период с июля 1941 г. по март 1943 г. (по Отчету о торговле и общественном питании Продовольственной Комиссии при военном Совете Ленинградского фронта). Том II, стр. XCII

Таблица V.22. Сравнительные данные норм питания заключенных по СССР, Ленинграду и Ленобласти на 13 октября 1942 года. Том II, стр. XCVI

Таблица V.23. Сеть лечебно-оздоровительных детских учреждений Ленгорздравотдела в 1941–1944 гг. Том II, стр. XCVII

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
**«Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I»**

На правах рукописи

ГАЗИЕВА Людмила Леонидовна

ОРГАНИЗАЦИЯ СПАСЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА (1941–1944)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор,
Владимир Валентинович Фортунатов

Том II

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том II

Приложения ….....IV

I. Приложение ко второй главе «Статус и наличие гражданского населения в осажденном Ленинграде в 1941–1944 годах» ……..IV

Документ № 1. Основные принципы применения Международного гуманитарного права в первой половине XX века к статусу гражданского населения (справочный материал) …….IV

Документ № 2. Обзор Уставов РККА, вооруженных сил европейских стран и США по вопросу целей войны и статуса гражданского населения накануне и в период II Мировой войны (справочный материал) ……IX

Документ № 3. Конвенции Международной организации труда (справочный материал)…….XV

Документ № 4. Противоречия эволюции статуса материнства и детства в РСФСР и СССР (1917–1939) (справочный материал) ……..……....XVII

Документ № 5. Демографические данные по Ленинграду и пригородам на 1 января 1941 г..XXIII

II. Приложение к третьей главе «Организация эвакуации населения и ценных грузов из Ленинграда в 1941–1942 годах».....XXV

Документ № 1. Протоколы заседаний Совета по эвакуации №№ 3–10 с 26 июня по 23 июля 1941 года (фрагменты) …….XXV

Документ № 2. Постановление № СЭ-74сс Совета по эвакуации (Фрагмент). 13 августа 1941 г. Москва, Кремль. Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда…… XXXIII

Документ № 3. Распоряжение № 5547-сэ. «17/20» августа 1941 года ……...XXXIV

Документ № 4. Распоряжение № 13682сэ. «27» августа 1941 г. г. Москва, Кремль …….XXXV

Документ № 5. Постановление № СЭ-103сс Совета по эвакуации. 29 августа 1941 г. Москва, Кремль. Об обеспечении погрузки эвакуируемого оборудования и населения из г. Ленинграда вагонами …….XXXVI

Документ № 6. Постановление б/н Совета по эвакуации. 29 августа 1941 г. …….XXXVII

Документ № 7. Проект. Распоряжение № б/н. «1» сентября 1941 года. Об оказании единовременной помощи лицам, эвакуированным из прифронтовой полосы и размещенным в гор. Ленинграде и Ленинградской области …….…XXXVII

Документ № 8. Распоряжение № 13865-сэ. «6» сентября 1941 г. г. Москва, Кремль ……XXXVIII

Документ № 9. Распоряжение № 14435-сэ. «23» октября 1941 г. г. Москва, Кремль ……XXXVIII

Документ № 10. Распоряжение № 14982-сэ. «26» ноября 1941 г. г. Москва, Кремль XXXIX

Документ № 11. Распоряжение № 15157-сэ. «11» декабря 1941 г. г. Москва, Кремль ……. XLI
Документ № 12. Распоряжение № 16148-сэ. «25» декабря 1941 г. г. Москва, Кремль ……... XLII
Документ № 13. Статистические данные по эвакуации населения из Ленинграда ..……XLII
Документ № 14. Докладная записка о результатах проверки расходов, дополнительно отнесенных на местный бюджет г. Ленинграда, в связи с военным временем …….……XLVII
Документ № 15. Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. (Фрагмент) …….….LV
Документ № 16. Приложения к Отчету городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. ……..…LV
Документ № 17. Сведения о результатах проверки военной прокуратурой порядка эвакуации населения из г. Ленинграда ……..…LXVIII
Документ № 18 А. Таблица II.8. Сведения о размещении эвакуированных из Ленинграда на 1 мая 1942 г. ……LXIX
Документ № 18 Б. Таблица II.9. СПРАВКА О размещении эвакуированных граждан из гор. Ленинграда за период с 1 июня по 10 августа 1942 года ……LXXI
Документ № 19. Таблица II.10. СПРАВКА О расходах на оказание помощи эвакуированным из Ленинграда с 16 февраля по 27 июня 1942 года ……..LXXII
Документ № 20. Таблица II.11. Эвакуационная статистика по эвакопунктам Тихвин, Кобона, Лаврово за январь – декабрь 1942 года ……LXXIII
Документ № 21. Из отчета начальника эвакуационного пункта в Борисовой Гриве Левина Л. А. ……...……...……...….LXXIII
Документ № 22. Эвакуация людей и грузов из Ленинграда ……LXXV
Документ № 23. Статистические данные о потерях при эвакуации учеников ленинградской спецшколы № 2 ВВС ……LXXVI
Документ № 24. Список ВУЗов и техникумов, из которых необходимо эвакуировать молодых специалистов выпуска 1941–1942 учебного года на места их назначения ……LXXVII

III. Приложение к четвертой главе «Важнейшие проблемы организации эвакуации и реэвакуации ленинградского населения в 1942–1945 годах»……..……... LXXVIII

Документ № 1. Статистические данные о потерях при эвакуации ленинградских вузов, прибывших в Кавказские Минеральные Воды, на 4 июня 1942 г. …… LXXVIII
Документ № 2. Расправа, учиненная гитлеровцами над еврейским населением на Кавказских Минеральных Водах ……... LXXX

IV. Приложение к пятой главе «Военные преступления против гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 годах» LXXXI
Документ № 1. Обзор по сводкам МПВО о поражениях гражданских объектов в результате артиллерийских обстрелов и бомбардировок в сентябре – нач. октября 1941 г. …….. …. LXXXI
Документ № 2. Обзор по оперативным сводкам начальника штаба охраны войскового тыла Северного фронта и справкам дорожного отдела милиции Октябрьской железной дороги в июле 1941 г. …… LXXXVII
Документ № 3. Медицинское обслуживание в Ленинграде за 1941–1944 гг. ……... LXXXIX
Документ № 4. Динамика населения в г. Ленинграде. Июль 1941 – март 1943 гг. …….…… XCII

V. Приложение к шестой главе «Политико-правовые проблемы и противоречия осуществления мероприятий по спасению гражданского населения Ленинграда»..... XCIII
Документ № 1. Переписка об исполнении решений Ленгорисполкома в 1942 году …….XCIII
Документ № 2. Таблица V.22. Сравнительные данные норм питания заключенных по СССР, Ленинграду и Ленобласти на 13 октября 1942 года ……XCVI
Документ № 3. Таблица V.23. Сеть лечебно-оздоровительных детских учреждений Ленгорздравотдела в 1941–1944 гг. …… XCVII

VI. Важнейшие нормативные акты органов власти и управления СССР и РСФСР, а также решения Ленгорисполкома по вопросам обеспечения жизнедеятельности гражданского населения. 1941–1944 годы……...……...…XCIX

VII.Список имен.....CLIII

VIII.Старые названия улиц, площадей, проспектов (1941–1945) CLVIII

IV

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Приложение ко второй главе «Статус и наличие гражданского населения в осажденном Ленинграде в 1941–1944 годах»

Документ № 1. Основные принципы применения Международного гуманитарного права в первой половине XX века к статусу гражданского населения (справочный материал)

В учебном пособии по международному публичному праву (I–IV выпуски) Ф. И. Кожевникова, выпущенном в 1945 г. Наркоматом юстиции СССР, была дана характеристика основных видов и источников международного права, которые применялись Постоянной палатой международного правосудия, согласно ст. 38 Статута, в первой половине XX века. Это: международные конвенции общие, либо специальные, установленные правила, явно признанные спорящими государствами; международный обычай, выражающий общепризнанную практику, составляющую часть права; общие принципы права, признанные цивилизованными народами; судебные прецеденты и *доктрины наиболее квалифицированных публицистов как вспомогательное средство определения норм права* [курсив наш, – Л. Г.], за исключением положений, предусмотренных в ст. 59 статута[1].

Причем при перечислении регламента отношений между государствами во время войны, Ф. И. Кожевников международные обычаи ставил на первое место, опередив международные соглашения. Заключают регламент внутренние законы (военные уставы, уголовный кодекс и т. п.) воюющих государств[2]. Н. С. Лебедева писала о существовавшем соглашении между американскими и советскими юристами: включить в Устав Нюрнбергского трибунала международный обычай как констатацию существующего права народов[3].

Современное исследование статуса гражданского населения в существовавшем накануне II Мировой войны военном праве невозможно без опоры на признанное экспертное заключение, подготовленное Большой палатой Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Кононов (Kononov) против Латвии» (жалоба N 36376/04) в 2010 г., в котором было доказано существование нормы международного военного права об иммунитете гражданского населения

---

1 *Кожевников Ф. И.* Учебное пособие по международному публичному праву. Вып.1. История и понятие международного права. – М.: Юр. Изд-во НКЮ СССР. 1945. – С. 31.

2 *Кожевников Ф. И.* Учебное пособие по международному публичному праву. Вып.4. Война и международное право. – М.: Юр. Изд-во НКЮ СССР. 1945. – С. 5.

3 *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: Наука, 1975. – С. 126.

(не-комбатантов[1]) к 1944 году:

«Что касается защиты, которой пользуются "гражданские лица, участвовавшие в военных действиях", *... в 1944 г. различие между комбатантами и гражданскими лицами (и соответствующим уровнем защиты) являлось краеугольным камнем законов и обычаев войны»* [курсив наш – Л. Г.]. Международный суд ООН характеризовал его как один из двух "главных принципов, содержащихся в текстах, составляющих основу гуманитарного права"* (*Законность угрозы или использования ядерного оружия (Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons), консультативное заключение от 8 июля 1996 г., Международный суд ООН, §§ 74-87.). Положения более ранних договоров и деклараций свидетельствуют о том, что к 1944 г. "гражданские лица" определялись как противоположность к определению комбатантов* (*Кодекс Либера 1863 г. (статья 22); Оксфордское руководство 1880 г. (статья 1); проект Брюссельской декларации 1874 г. (статья 9); и проекты Токийской и Амстердамской конвенций 1934 и 1938 годов (статья 1 в обоих источниках). См. также: Полевое руководство США: Законы сухопутной войны, § 8, 1 октября 1940 г.; ex parte Квирин 317 US 1(1942 г.).). В 1944 г. также существовала норма обычного международного права о том, что гражданские лица могут подвергнуться нападению, только когда они принимают непосредственное участие в военных действиях* (*Ex Parte Миллиган 71 US 2(1866); Оппенхейм и Лаутерпахт (1944)...)»[2].

В качестве наиболее компетентного источника экспертами был использован Кембриджский труд по истории международного права (1908–1944), что также допускается нормами Международного судопроизводства[3]. Этот труд был подготовлен проф. Л. Оппенгеймом (1858-1919), а после его смерти продолжен коллегами. Большая часть труда, актуальная в 1944–1947 гг., была фактически создана проф. Г. Лаутерпахтом. Однако в силу традиции авторского права западных стран, книга вышла под именем Л. Оппенгейма.

Необходимо указать на расхождения в философских подходах к вопросу естественного права различных авторов: Л. Оппенгейм был сторонником теории естественного права, Г. Лаутерпахт правил его с позиций позитивизма, восходящего к пониманию Гегелем социальных ограничений естественного права в сфере насилия. Таким образом, известно, что в содержании данного труда имеются противоречия по одному и тому же вопросу. Большинство противоречий связано с дискуссией по поводу социальных ограничений применения естественно-исторических прав человека. Речь идет о насилии, свойственном примитивному, естественному праву, и

---

1 Не-комбатант – невоюющий.

2 Пункт 203. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 мая 2010 г. Дело "Кононов (Kononov) против Латвии" (жалоба N 36376/04) (Большая Палата). [Электронный ресурс] // URL: http://base.garant.ru/12180614/#friends (дата обращения: 16.01.2017).

3 *Оппенгейм Л.* Международное право. Тт. I–II. – М., Изд-во ин. лит., 1949–1950.

ограниченном в цивилизованном обществе. Применив теорию Т. Гоббса, можно определить содержание обычного права как естественного: жизнеобеспечение позволяющее выжить населению. Однако Г.-В. Ф. Гегель указывал: «...общество есть то единственное состояние, в котором право только и имеет свою действительность: то, что следует ограничить...есть как раз произвол и насильственность, свойственные естественному состоянию»[1].

Таким образом, к спорным вопросам международного военного права был отнесен статус гражданского населения, в связи с трудностью отличить интересы граждан от интересов государства в условиях войны. Хотя общепризнанным является то, что «жизнь и свобода частных лиц – граждан воюющих государств, которые ни прямо, ни косвенно не принадлежат к вооруженным силам, и их частная собственность (за некоторыми исключениями) должны, как правило, находиться вне опасности», но в оценке их положения английские и американские авторы утверждали, что «неприятельские отношения между воюющими государствами распространяются также на частных граждан – их подданных». Причем авторы соглашались, что, если «принять во внимание фактическое положение вещей (…), то не остается никакого сомнения в правильности именно английской и американской точки зрения: невозможно отделить граждан от их государства». В то же время сохранилось основное правило: «не-комбатанты не должны являться объектом прямых нападений со стороны неприятельских вооруженных сил»[2].

Нормы Международного военного права накануне и в период II Мировой войны в понятие гражданского населения включали все те группы гражданского населения, которые не являлись вооруженными частями, то есть не-комбатантов, особенно женщин, а также рабочих и служащих военных заводов (квази-комбатантов), в том числе группы самозащиты. Это население, а также его собственность, обладали иммунитетом независимо от степени вовлечения в самооборону города и хозяйственное содействие обороне.

Существенным образцом решения спорных вопросов международным правом в данный период является пример с воздушными бомбардировками: иммунитет гражданского населения от нападения с воздуха рассматривался между двумя мировыми войнами как один из наиболее спорных. В Кембриджском труде специально оговаривалось, что применение правила иммунитета не-комбатантов в случае воздушной войны – это не применение права по аналогии, но «вопрос подчинения особой сферы войны нормам, общепризнанным в качестве основ права войны». Такой подход подтверждался имевшей международной судебной практикой на основе принципа примата уважения к жизни и собственности гражданского населения над всеми

---

1 *Гегель Г. -В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия Духа. – М.: Мысль, 1977. С. 333–334.
2 О*ппенгейм Л.* Международное право. Т. II. Споры. Война. Полутом 1.– М., Изд-во ин. лит., 1949. С. 232–234.

остальными соображениями. В частности греко-германским третейским судом по делу Coenca Brothers v. Germany (1927–1928), по поводу бомбардировок Салоник в 1916 г., применившему ст. 26 IV Гаагской конвенции, и тем же судом по делу Kiriadolou v. Germany (1929–1930)[1].

Таким образом, сплошные (массированные) бомбежки мирного населения являлись безусловным военным преступлением. Данное правило подразумевало также, что никакие факторы не могут служить законным оправданием и ослабить абсолютный иммунитет не-комбатантов, в том числе от воздушного нападения.

В период между Мировыми войнами этот принцип был признан всеми воюющими странами. В то же время имелись исключения: бомбежки в качестве репрессалий, а также под предлогом разрушения военных объектов, расположенных в населенных пунктах. В Кембриджском труде были выделены три фактора, препятствующие иммунитету не-комбатантов от воздушного нападения: тенденция расширять сферу войны, стирая различие между комбатантами и не-комбатантами [тотальный характер войны – Л. Г.], трудность различения военного объекта, техническая трудность ограничиться пределами предполагаемого объекта нападения[2]. Для данного случая, как и для случая необходимой самозащиты гражданского населения, предполагалось сохранение справедливого соотношения между военной пользой, достигаемой ценой насилия, и ущербом, причиняемым гражданскому населению (не-комбатантам)[3]. Отдельно указывалось, что сплошные бомбардировки с воздуха [массированные, или неизбирательные – Л. Г.], безотносительно к обстоятельствам, составляют военное преступление.

Основным культурно-историческим отличием, не только от современной международной правовой практики, но и от практики, положенной в основу Устава Международного военного Трибунала в Нюрнберге, являлась доктрина Кембриджского труда об общепризнанном праве государства обращаться со своими собственными гражданами и с апатридами (лицами, лишенными гражданских прав) по своему усмотрению, а также вынесение этого вопроса за рамки международного права[4]. Несогласие с такой доктриной получило отражение в приговоре МВТ, касающемся Холокоста. В приговоре указывалось, что бесчеловечное отношение с

---

1 *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. II. Война. Нейтралитет. Полутом 2. …, 1950. С. 84–87.

2 Однако следует иметь в виду, что в 1938 г. к не-комбатантам Международное право относило и рабочих на военных заводах, для которых предлагалось ввести обозначение квази-комбатантов, то есть лже-комбатантов. (Там же. С. 84–87).

3 Возникшие противоречия Международным правом трактовались таким образом: если нельзя обеспечить абсолютный иммунитет не-комбатантов в случае воздушной войны, значит надо полностью запретить такую войну (за исключением полицейских бомбардировок отдаленных районов в качестве репрессалий). В 1932 г. генеральной комиссией конференции по разоружению была принята резолюция о необходимости полного запрещения воздушных бомбардировок, но она так и не стала основой правовой нормы. (Там же. С. 86, 88).

4 *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. I. Мир. Полутом 2. – М., Изд-во ин. лит-ры, 1949. С. 206.

представителями политической оппозиции, евреями в Германии до военной агрессии 1939 г., находится вне пределов юрисдикции МВТ, в то же время совершенные при ведении войны, или в связи с ней, такие действия являются преступлениями против человечности, попадая под юрисдикцию МВТ.

Здесь следует дополнительно сослаться на результаты исследования данного вопроса Н. С. Лебедевой, которая неоднократно касалась в своих работах вопроса о разработке советскими учеными: А. Н. Трайниным, Н. Н. Полянским, И. П. Трайниным, В. Н. Дурденевским, Д. Б. Левиным, Ф. И. Кожевниковым и др. материально-правовых и процессуальных вопросов судопроизводства в отношении военных преступников в 1943–1945 гг. Н. Н. Полянский и А. Н. Трайнин определили принципы уголовного преследования за преступления, связанные с войной[1].

Проф. А. Н. Трайнин, заведующий кафедрой Международных отношений МГУ, был привлечен в качестве консультанта к работе Нюрнбергского трибунала. Им были разработаны принципы применения к военным преступникам обычного уголовного права тех стран, на территории которых совершались преступления, в соответствии с декларацией об ответственности гитлеровцев от 2 ноября 1943 г.

А. Н. Трайнин разграничил военный приказ и подстрекательство к злодеяниям, за которые исполнители несут такую же ответственность, как и военное начальство. Данное положение было включено в уставные принципы Нюрнбергского процесса. За консультативную работу А. Н. Трайнину была объявлена благодарность Международным военным трибуналом[2].

В 1950 году Комиссией по Международному праву были декларативно провозглашены «Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала»[3]. В «Принципах…» уточненялись виды и формы преступлений, определенных Уставом Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, принятом в соответствии с Соглашением между СССР, США и Великобританией 8 августа 1945 г. [далее Устав – Л. Г.], как подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность.

В «Принципах…» перечислялись преступления, в соответствии с Уставом МВТ. Полный

---

1 *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975. С. 43–44 ; *Ее же.* СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня. 777. Сова. – 2014. – № 4 (23). С. 239–254 ; *Ее же.* Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – 6 (15). С. 75–92 ; *Полянский Н. Н.* Международный военный трибунал / Под ред. Н. М. Рычкова. – М.: Юр. изд-во мин-ва юстиции СССР, 1946.

2 *Трайнин А. Н.* Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // *Его же.* Нюрнбергский процесс. – М.: Изд-ие РИО ВЮО, 1946. С. 27–31; *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского..., 1975. – С. 99.

3 Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала/ работа Комиссии международного права, 1950 [Электронный ресурс] // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml. (дата обращения: 16.01.2017) ; *Нечевин Д. К.* Нюрнберг 70 лет спустя // Lex Russica. – 2016. – № 9 (118). С. 98.

перечень преступлений: *преступления против мира* (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий); *военные преступления* (нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления); *преступления против человечности* (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет)[1].

Таким образом, формы и средства массового истребления ленинградского населения, согласно «Принципам…» были проявлением запрещенной Международным военным обычаем жестокости, бессмысленного насилия: препятствование эвакуации, обречение населения на голод, массированные (неизбирательные) бомбежки и пр., что и было учтено в приговорах Нюрнбергского трибунала.

Документ № 2. Обзор Уставов РККА, вооруженных сил европейских стран и США по вопросу целей войны и статуса гражданского населения накануне и в период II Мировой войны (справочный материал)

Приказом Наркома обороны СССР №245 от 30.12.1936 года был введен Временный Полевой Устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) (ПУ 36), соответствующий изменениям законодательства. В нем указывалась цель армии: обеспечить при всех условиях неприкосновенность границ и независимость Союза Советских Социалистических Республик[2]. В Уставе уделялось внимание положению военнопленных[3]. Отдельно рассматривались вопросы

1 Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.) // Нюрнбергский процесс. Сб. Материалов в 8-ми томах. – М.: Юридическая литература, 1999. – Т. 8. С. 146 – 153.

2 Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. – М.: Воениздат, 1938. С. 9.

3 Регламентировались эвакуация, питание на марше, безопасность (меры ПВО и ПХО), оказание медицинской помощи в отношении военнопленных. (Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36…, 1938. С. 49, 64).

организации тыла войск, в том числе эвакуации и обороны. Оговаривалось и взаимодействие с местными органами государственной власти для обеспечения местными средствами находящихся в тылу войск[1].

Приказом РККА № 260 от 21 декабря 1937 г. был издан Устав внутренней службы РККА (УВС 37), утвержденный Наркомом обороны СССР Маршалом СССР К. Е. Ворошиловым. Особое значение имел п. 6, гл. 1 (Обязанности военнослужащих и взаимоотношения между ними), который вводил обязанность подчиненного, не выполняя явно преступный приказ, докладывать о нем вышестоящему командиру и военному комиссару. Выполнение преступного приказа влекло ответственность по закону. Необходимо указать, что в Уставе не определялось содержание преступных распоряжений и военных преступлений[2]. Данный Устав требует глубокого анализа, позволяя указать на влияние сложной не только политической, но и социально-психологической обстановки в политической и военной верхушке страны в этот период[3].

3 января 1939 г. Указами Президиума Верховного Совета СССР были утверждены тексты воинской присяги для РККА, РК ВМФ, войск пограничной охраны, а также текст торжественного и клятвенного обязательства лицами, работающими по найму в частях, учреждениях и заведениях РККА, РК ВМФ, пограничных войск. Присягающий давал клятву беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников. Цель военных действий была сформулирована в третьем абзаце присяги: «Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами»[4]. В 1940 году в тексте присяги было убрано слово

---

1 Наряду с вопросами организации Противовоздушной обороны войск (ПВО) и Противохимической обороны войск (ПХО), рассматривалось материальное обеспечение боевой деятельности войск (организация тыла, осуществляемая штабом, в том числе подвоз, эвакуация и оборона тыла), организация санитарной службы (эвакуация и лечение больных и раненых). (Временный Полевой Устав РККА. ПУ-36. ...С. 29–37, 45–49).

2 Устав внутренней службы РККА. 1937 (УВС-37). – Йошкар-Ола : Марийское изд-во, 1942. С. 12–14. Важной особенностью УВС-37 являлось установление льгот и преимуществ военнослужащим, в соответствии с Конституцией СССР. Так же вводилось использование армии на специальных работах «для нужд РККА или государственных предприятий и учреждений».

3 Такое положение УВС-37 являлось предпосылкой «большого террора» в РККА 1937–1938 гг. С другой стороны, в октябре 1941 г. оно позволило руководству Ленинградского фронта уклониться от выполнения ошибочного приказа И. В. Сталина: выводить войска с внутреннего обвода, последствия которого могли стать смертельными и для города, и для страны. Не исключено, что одним из следствий этого устава явились самосуды красноармейцев над командирами, раскрытые на примере Северного фронта В. А. Ивановым (*Иванов В. А.* Человек и какофония начавшейся войны (лето – осень 1941 г.): новые источники и попытки осмысления // Новейшая история России. – 2016. – № 2. С. 31–40).

4 Законодательство об обороне СССР: Систематический сборник законов, постановлений и инструкций. – М.: Гос. Воен. Изд-во Наркомата обороны СССР, 1939. С. 17–21.

«комиссары»[1].

Внутренняя противоречивость правового менталитета красноармейцев обострилась в связи с реформами, начатыми наркомом обороны СССР Маршалом СССР С. К. Тимошенко и незавершенными в связи с началом войны. 12 октября 1940 г. был утвержден Дисциплинарный устав РККА. В данном уставе указывались основы дисциплинарного порядка, установленного в РККА: законы Советского правительства и воинские уставы (п. 1, гл. I). П. 6 главы I гласил, что «подчиненные обязаны беспрекословно повиноваться своим командирам и начальникам (абз.1). В случае неповиновения (…) командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия (абз. 2)»[2].

Таким образом положения Внутреннего и Дисциплинарного уставов в части, касающейся выполнения приказа командира, противоречили друг другу. Такое положение являлось недопустимым для нормального функционирования РККА. Поэтому был подготовлен проект нового Внутреннего устава, соответствующего дисциплинарному уставу 1940 г., но он не был утвержден. Новый внутренний устав был принят только в 1946 г.

На наш взгляд, причиной сохранения амбивалентности внутреннего и дисциплинарного уставов РККА являлось доминирование политической составляющей в управлении армией и сохранение недоверия к командирскому и начальствующему составу армии в начальный период Великой Отечественной войны со стороны органов внутреннего политического контроля. В связи с этим замечательно, что эти два несовместимых, на первый взгляд, положения соединялись в одно целое в Положении о рабоче-крестьянской милиции (см. ниже).

В 1942 г. был опубликован проект нового Полевого Устава Красной Армии. Как и в предыдущих, в нем не ставились специальные задачи: сохранения, эвакуации, жизнеобеспечения гражданского населения[3].

Приказом Народного комиссара обороны (НКО) СССР № 254 от 8 декабря 1938 г. был введен Боевой Устав пехоты РККА (БУП 38). Основной целью боя пехоты указывалось уничтожение противника и победа. В п. 3 определялись общие обязанности командира: «своим безупречным поведением командир должен показать лицо Красной Армии, как Армии

---

1 Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – 1944 гг.). – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. С. 98–102.

2 Данное требование устава подтверждалось пунктом 8 главы 1 «Приказ командира и начальника – закон для подчиненного. Он должен быть выполнен безоговорочно, точно и в срок». Пунктом 15 главы V регламентировался порядок предания суду военнослужащих только с разрешения Наркома обороны (среднего, старшего и высшего начальствующего состава) или командира дивизии (рядового и младшего начальствующего состава). См. Дисциплинарный устав РККА (1940) // Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. – М.: Терра, 1994. – Т. 13 (2 -1). С. 180–183.

3 Полевой Устав Красной Армии (Проект). – Алма-Ата, 1942.

освобождения и братства народов»[1]. БУП-38, часть I, и Боевой устав пехоты РККА 1927 г., часть II, отменялись «как устаревшие и явно не правильные в ряде основных пунктов» Приказом Народного Комиссара Обороны № 347 от 9 ноября 1942 г., которым был утвержден новый Боевой устав пехоты Красной Армии. В новом уставе раскрывались боевые должностные обязанности командира. Политических задач он не касался [2].

Особенностью Уставов Красной Армии было отсутствие дифференцирования характера боевых действий в зависимости от степени культуры населения. Само понятие «малокультурный», которое еще встречалось в Уставах 1918 г., позднее исчезло со страниц Уставов РККА.

Правовой статус войск НКВД и милиции. Изучение вопроса будет неполным без характеристики правовых оснований деятельности войск Народного комиссариата внутренних дел и милиции. Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. войска НКВД включались в состав Вооруженных Сил и подчинялись общевойсковым уставам и наставлениям.

3 февраля 1941 г. НКГБ СССР Указом Президиума ВС СССР был выделен из состава НКВД СССР. 8 февраля 1941 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) Особый отдел (органы военной контрразведки) передавался из НКВД СССР в ведение НК обороны и НК Военно-Морского флота СССР. Из органов внесудебной репрессии в НКВД сохранилось только Особое Совещание[3]. Однако 17 июля 1941 г. постановлением ГКО особые отделы возвращались в ведение НКВД, главной задачей их была борьба со шпионажем, предательством в частях Красной Армии и ликвидация дезертирства в прифронтовой зоне. Им предоставлялось право ареста и расстрела на месте, в необходимых случаях. 3-е управление НКО преобразовывалось в Управление особых отделов НКВД СССР. Уполномоченные особого отдела выводились из подчинения комиссарам полка и дивизии. Управление особых отделов НКВД СССР возглавлял А. А. Абакумов, зам. наркома внутренних дел[4]. Указом Президиума ВС СССР от 20 июля 1941 г. НКГБ и НКВД вновь объединились, что позволило сократить центральный аппарат НКВД. 14 апреля 1943 г. Указом Президиума ВС СССР эти два Наркомата вновь разделились, в соответствии с Конституцией СССР[5]. Причем 19 апреля 1943 г. органы военной контрразведки

---

1 Боевой Устав пехоты РККА (БУП-38). Часть I (боец, отделение, взвод). – М.: Гос. Воен. Издат. НКО СССР, 1939. – С. 9,12.

2 Боевой Устав пехоты Красной Армии. Часть II. – М.: Гос. Воен. Издат. НКО СССР, 1942. – С. 3.

3 Накануне войны проходили массовые реабилитации в СССР. Только за 1939 г. было реабилитировано и освобождено 837 000 чел. (*Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941–1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла Северо-Запада). – СПб., 2001. С. 36–38).

4 Там же. С. 94–95.

5 *Исаков В. М., Мельник Е. В.* НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного

снова были переданы НКО и НК ВМФ, где образовались Управление контрразведки «СМЕРШ» НКО СССР и Управление контрразведки «СМЕРШ» НК ВМФ СССР[1].

Деятельность рабоче-крестьянской милиции регулировалась Положением о рабоче-крестьянской милиции, которое было утверждено Постановлением СНК СССР № 390 от 26 мая 1931 г. и сохраняло силу до 1962 г.[2] Согласно Положению, «Рабоче-крестьянская милиция является административно-исполнительным органом советской власти (абз. 1). Рабоче-крестьянская милиция наблюдает за проведением в жизнь законов и распоряжений центральных и местных органов власти, регулирующих революционный порядок и общественную безопасность, ведет борьбу с преступностью и расследует дела о преступлениях, охраняет государственное и общественное имущество, а также личную безопасность граждан и их имущество (абз. 2)»[3].

Милиция, как орган диктатуры пролетариата, опиралась на широкие трудящиеся массы (п. 2, Р. I). Центральным органом милиции являлись главные управления, состоящие при СНК республик, которым подчинялись местные органы милиции. В то же время местные органы милиции руководствовались указаниями местных исполкомов горсоветов. (пп. 3, 4, 5, Р. II).

Основным уставным документом милиции, помимо Положения о милиции, являлся Дисциплинарный устав. Принципиальное значение имеет п. 33, IV раздела, который разъясняет: «Работники милиции обязаны точно выполнять все служебные приказы своих начальников, кроме явно противозаконных [абз. 1]. Если подчиненный точно выполнит служебный приказ начальника, то начальник один отвечает за последствия своего приказа [абз. 2]. Если подчиненный выполнит явно противозаконный приказ начальника, то вместе с отдавшим приказ начальником отвечает и подчиненный, исполнивший его [абз. 3]». Таким образом Положение о милиции устраняло возникшее противоречие между дисциплинарным уставом 1940 г. и внутренним уставом 1937 г., что имело принципиальное значение для внутренних войск, выражая правовую ментальность Гражданской войны[4].

времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. С. 16.

1 *Белозеров Б. П.* Указ. соч. С. 95.

2 Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – М., 1931. – № 33. С. 429–437.

3 Положение о рабоче-крестьянской милиции. П. 1. Раздел I (Общие положения) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – М., 1931. – № 33. С. 429–437.

4 П. 24, раздела IV все работники милиции делились на два состава: оперативно-строевой и административно-хозяйственный. П.27, IV раздела указывалось, что порядок прохождения службы регулировался уставами о службе в рабоче-крестьянской милиции, а не общим законодательством о труде. П. 32, IV раздела для всех работников милиции устанавливалась воинская дисциплина и, таким образом, помимо Положения о рабоче-крестьянской милиции, основным уставным документом являлся Дисциплинарный устав. Пп. 38, 39, 40 определялось применение дисциплинарного устава милиции. См. Положение о рабоче-крестьянской милиции. Раздел IV (Служба в рабоче-крестьянской милиции). (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – М., 1931. – № 33. С. 429–437.)

Такое диалектическое понимание революционной дисциплины отразилось в знаменитой строфе Владимира Маяковского: «Мы диалектику учили не по Гегелю. Бряцанием боев она врывалась в стих ...»[1].

Содержание и структура уставов Великобритании, США отличаются наличием военно-психологического обоснования тех или иных действий военнослужащих.

Особенностью Полевого Устава английской армии 1935 года являлись пространные рассуждения о трудностях, с которыми сталкивается на войне цивилизованный человек, и которые необходимо учитывать как факторы военных действий (Глава вторая «Руководство и управление войсками». § 11). Необходимо заметить, что в Полевом Уставе английской армии 1935 года законы и обычаи войны, требующие абсолютного иммунитета мирных жителей, не распространялись на «туземные» народы, являющиеся объектом колониальных войн[2].

Временный Полевой Устав Армии Соединенных Штатов Америки (FM 100-5), сменивший Полевой устав 1923 г., был издан на русском языке в 1941 г. Наибольший интерес вызывает рассмотрение войны как общенационального дела, национальной целью которого является достижение удовлетворительного мира. Для достижения его выдвигалась конечная цель всех военных действий: уничтожение неприятельских вооруженных сил и подавление воли противника к ведению войны[3]. Вопросы взаимодействия с мирным населением в этом уставе также отсутствовали.

Французский пехотный устав 1939 года. Важнейшее место в обеспечении победы в этом уставе отводилось моральному превосходству солдата, основанному на «уверенности в величии и предназначении родины, на его стремлении сражаться за правое дело, на его доверии к своим начальникам и товарищам и на сознании своей ценности как бойца». В пункте 18 статьи 3 раздела 2 «Моральные силы» раскрывалось чувство патриотизма: «Патриотизм – это любовь к Франции за ее красоты, за богатства ее земли, за ее моральное и культурное наследие, за ее славную

---

1 *Маяковский В.* Во весь голос (Первое вступление в поэму) // Три века русской поэзии / сост. Н. В. Банников. – М.: Просвещение, 1979. С. 546.

2 В отдельную главу 10 «Военные действия в особых условиях» собраны соображения о действиях против «малокультурного» или «нецивилизованного» противника. Основные цели этих действий – завоевательные, что определяет их форму: «необходимость занять его [противника] страну, захватить его стада или уничтожить его урожай и селения, чтобы обеспечить повиновение. Иногда эффективным оружием может оказаться блокада» (п. 94 «Соображения относительно типа противника»). Отдельно отмечалась трудность различить врага и мирных жителей. (Полевой устав английской армии. 1935. Часть II. Боевые действия войск. Общие основы. – М., 1940. С. 242, 244).

3 Особое значение в главе 3 «Ведение войны» уделено разделу «Вождение», в котором разъясняется, что неизменным фактором войны является человек. При этом его поведение руководствуется инстинктами: страхом, чувством самосохранения, которые вызывают у него стремление сражаться в группе. Групповое поведение может направляться символическими идеалами: «Поэтому при обучении отдельного солдата наиболее существенными являются забота о слиянии личности с коллективом и установление для этого коллектива высокого стандарта воинского поведения и выполнения долга». (Временный полевой Устав Армии Соединенных Штатов Америки. – М.: Воен. Издат. НК Обороны СССР, 1941. С. 36–43).

историю, а также за ее высокий международный авторитет». В пункте 19 указывалось на то, что основой воинской дисциплины является признание общего закона. В пунктах 27 и 28 – на необходимость проявлять заботу о раненных противника и вежливость по отношению к пленным[1]. Таким образом, особенностью Французского пехотного устава являлось чувство воодушевления пехотинца как основы правового поведения на войне. Вопросу обращения с мирным населением в данном уставе не было уделено места.

Германия. В Справочнике для высших штабов на военное время [армии Германии], часть 1, 1939 года, переведенном и изданном на русском языке в 1946 г., в 1 разделе определяется театр военных действий: «собственная и захваченная у противника территория, на которой развертываются или могут развернуться различного рода боевые действия». В отличие ото всех прочих армий в уставе вермахта указывалось, что «Штаб армии отвечает за противовоздушную оборону войск и *всех объектов, находящихся в зоне боевых действий* армии [Курсив наш – Л. Г.]». Он же отвечал за обеспечение гражданской противовоздушной обороны. В тыловых районах армий за гражданскую ПВО отвечали управления военно-воздушных округов. Специальный раздел VIII посвящался вопросам эвакуации населения в «зону безопасности» с целями: обеспечить войскам свободу действий и сохранить население[2].

Документ № 3. Конвенции Международной организации труда (справочный материал)

Список ратифицированных РСФСР и СССР конвенций МОТ:

№ 11 "О праве на организацию и объединение трудящихся в сельском хозяйстве" (1921 г.);

№ 13 "Об использовании свинцовых белил в малярном деле" (1921 г.);

№ 14 "О еженедельном отдыхе на промышленных предприятиях" (1921 г.);

№ 16 "Об обязательном медицинском освидетельствовании детей и подростков, занятых на борту судов" (1921 г.); № 23 "О репатриации моряков" (1926 г.);

№ 27 "Об указании веса тяжелых грузов, перевозимых на судах" (1929 г.);

№ 29 "Относительно принудительного или обязательного труда" (1930 г.);

№ 32 "О защите от несчастных случаев работников, занятых на погрузке или разгрузке судов" (1932 г.);

№ 45 "О применении труда женщин на подземных работах в шахтах" (1935 г.);

---

1 Французский пехотный устав. Часть II. Бой. – М.: Воениздат, 1940. С. 9–11.

2 Справочник для высших штабов на военное время. Устав немецкой армии. № 92. Часть I (сокр. пер. с нем.). – М.: Воениздат, 1946. С. 3–4, 7–9, 57–59.

№ 47 "О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю" (1935 г.);

№ 52 "О ежегодных оплачиваемых отпусках" (1936 г.).

Таблица I.1. Конвенции Международной Лиги Труда, ограничивающие применение труда детей и несовершеннолетних

№ конвенции	год принятия	Год Утверждения	Примечания по применению	Минимальный возраст
1	2	3	4	5
C005	1919	1921	В промышленности	14 лет, за искл. технич. Школ
C006	1919	1921	Ночной труд с 22-00 до 5-00	16 лет
C007	1920	1921	На море	14 лет
C010	1921	1923	Сельское хоз-во	14 лет
C015	1921	1922	Судовые кочегары	18 лет
C016*	1921	1922	Требуется медэкспертиза для работы в море	14–17 лет
C033	1932	1935	В непромышленных отраслях	14 лет и старше, если должны посещать школу по гос. закону; С 12 лет на легких работах не более 2 часов в день.
C058	1936	1939	На море	15 лет
C059	1937	1941 февраль	В промышленности	15 лет, за искл. технич. Школ
C060	1937	1950	В непромышленных отраслях	15 лет, за искл. технич. школ; С 13 до 14 лет не более 2 час. в день на легких работах
*C016 – конвенция, подписанная СССР				

Составлено по: Документы Международного трудового права [Электронные ресурсы] // МОТ. Сайт. URL: www. ilo. Org, 2014. (дата обращения: 18.02. 2015). В скобках дата принятия конвенции МОТ.

Документ № 4. Противоречия эволюции статуса материнства и детства в РСФСР и СССР (1917–1939) (справочный материал)

В развитии ранних советских правовых институтов обычно выделяют два периода: ленинский (1917–1923/24) и сталинский (1924/25–1953/54), которые, несмотря на преемственность, имели существенные отличия.

Ленинский период формирования Советского права в области охраны детства и материнства характеризуется, с одной стороны, системой мероприятий по охране прав трудящихся женщин и детей, с другой стороны, ожесточенной классовой борьбой.

В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 года (ст. 65, гл. 13) гражданских прав лишалось значительное количество лиц на основании ряда социально-классовых признаков. В то же время неопределенность статуса «лишенцев» в ленинский период позволяла четырем категориям: лицам, использующим наемный труд ради прибыли, живущим на нетрудовой доход, частным торговцам и посредникам, священнослужителям, в том числе монахам, перейти на сторону Советской власти, изменив характер своей деятельности[1].

В первый период формирования сталинизма (до 1930 года) это положение сохранялось почти без изменений[2]. Лишение политических прав сопровождалось лишением социальных прав: оформлять опеку или попечительство, получать социальные пособия, в том числе пенсию, по безработице. В 1930 г. при оформлении социальных пособий группа лиц, лишенных этого права, расширилась[3]. Одновременно расширялась система социальной защиты советских граждан: женщин, детей, инвалидов и пенсионеров.

Функции оказания помощи различным группам нуждающегося населения в РСФСР в этот период были разделены между наркоматами государственного призрения (1917–1918, с 26.04.1918 – социального обеспечения), продовольствия (1917–1924), труда (1917–1933), здравоохранения (1918–1946, затем министерство здравоохранения) и просвещения (1917–1946,

---

1 Конституция 1918 г., глава 13. [Электронный ресурс] // URL: http://constitution garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/13/ (дата обращения: 05.08.2017)

2 В Конституции РСФСР 1925 года эта статья без изменений в содержании стала 69-й. См. Конституция 11 мая 1925 г. [Электронный ресурс] // URL:http://prohistory.ru/system/documents/documents/000/000/092/original/КОНСТИТУЦИЯ_РСФСР_1925.pdf?1380612983/. На XIV Всероссийском Съезде Советов 1929 года были внесены уточнения в п. ж («лица, осужденные с поражением в политических правах на установленный приговором срок»), п. г («для которых это занятие является профессией»). См. Глава 6. О выборах в Советы. [Электронный ресурс] // Конституция РСФСР в редакции от 18 мая 1929 года. URL:http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/chapter/6/#block_46000/ (дата обращения: 05.08.2017).

3 Утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК от 13.02.1930 «Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию». [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3628.htm/ (дата обращения: 27.07.2017)

затем министерство просвещения).

Реформирование правового статуса Советских женщин включало несколько направлений:

– защита прав женщин в семейных отношениях: Социально-правовой переворот в семейном статусе женщины произошел с заменой церковного брака гражданским (церковный брак сохранялся как частное дело брачующихся)[1];

– защита прав работающей женщины-матери: права работающей женщины-матери были защищены в РСФСР Декретом об обязательном страховании по болезни уже 22 декабря 1917 года. Согласно данному Декрету, застрахованная женщина имела право на отпуск в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка, а затем, в течение кормления грудью, на дополнительное денежное пособие (пп. 30–34). Работодатель, привлекший роженицу к работе, наказывался крупным штрафом (п. 75)[2].

В 1918–1921 гг. в РСФСР формировалась система социального обеспечения семей государственными пособиями. Дальнейшее развитие системы социального обеспечения в ленинский период было связано с принятыми в декабре 1921 года декретами: о пенсионном обеспечении членов семей в случае смерти кормильца, о социальном обеспечении при временной нетрудоспособности и материнстве, о социальном обеспечении семей красноармейцев, о социальном обеспечении инвалидов[3].

Определение статуса детства в период 1918 – 1920 годов в РСФСР было связано с необходимостью решения двух первоочередных вопросов: призрения детей-сирот и организации

---

1 Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния». [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_108.htm/ (дата обращения: 26.07.2017). Правовые изменения в статусе женщины-матери закрепил Кодекс законов об актах гражданского состояния, принятый ВЦИК РСФСР. См. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, 16 сентября 1918 года. [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_363.htm/ (дата обращения: 21.07.2017).

2 Декрет ВЦИК от 22.12.1917 «О страховании на случай болезни». [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_125.htm/ (дата обращения: 25.07. 2017). В дальнейшем этот декрет неоднократно уточнялся (31 октября 1918 г., 15 ноября 1921 г.). Защите материнства посвящалось Постановление Наркомата здравоохранения и Наркомата труда РСФСР «О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью» 1920 года, которое регламентировало перевод трудящихся женщин-матерей на работу ближе к дому, обеспечение яслями. (Постановление «О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью» от 11.11.1920 [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_768.htm/ (дата обращения: 24.07.2017)).

3 *Басов Н. Ф.* Особенности социальной помощи семьям в России в период становления и развития новой общественной системы (февраль 1917 – начало 90-х годов) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 2. С. 228–232 ; Декрет СНК РСФСР от 09.12.1921 «О социальном обеспечении членов семейств трудящихся в случае смерти кормильца семьи» [Электронный ресурс]// Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1257.htm/ ; Декрет СНК РСФСР от 09.12.1921 «О социальном обеспечении при временной нетрудоспособности и материнстве» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1258.htm/ ; Декрет СНК РСФСР 09.12.1921 «Об обеспечении семей лиц, призванных в ряды Красной Армии и Флота» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1256.htm/ ; Декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1921 о социальном обеспечении инвалидов [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1250.htm/ (дата обращения: 27.07. 2017).

труда детей и подростков. В Постановлении Наркомата государственного призрения все дети делились на несколько возрастных групп: малолетние (с 3 до 16 лет: дошкольного возраста с 3 до 7 лет и школьного: с 7 до 12 лет и с 12 до 16 лет) и несовершеннолетние с 16 до 18 лет, в соответствии с которыми они определялись в детские приюты, колонии, санатории, учреждения для больных и дефективных детей и другие учреждения для сирот. Критерий для деления на группы не выделялся и, таким образом, следует считать их сложившимися для российской педагогики и педиатрии, на основе показаний физиологических изменений организма[1].

Семейный кодекс 1918 года различал несовершеннолетие женщин (до 16 лет) и мужчин (до 18 лет), тем самым устанавливая раннюю эмансипацию женщин[2].

В 1920 году Наркомат Труда и Всероссийский Центральный Совет профессиональных союзов (ВЦСПС) признавали временную необходимость сверхурочного труда малолетних детей (до 16 лет) и подростков (16–18 лет) на оборонных предприятиях и предприятиях государственной необходимости. Минимальная граница трудового возраста малолетних детей не указывалась, в то время как конвенцией 005 МОТ (1919 года) она была установлена для промышленности в 14 лет. Максимальная длительность рабочего дня с учетом сверхурочных для группы «малолетних» составляла до 5–6 часов в сутки, для подростков до 7–8 часов в сутки[3].

В 1920-ые годы предпринимались целенаправленные усилия по вовлечению женщин как в хозяйственную жизнь, так и в управление обществом и политическую борьбу. С этой целью VIII съезд Советов принял Постановление от 28 декабря 1920 год «О привлечении женщин к хозяйственному строительству». 11 апреля 1921 года был принят Декрет СНК РСФСР «О привлечении работниц и крестьянок к работе в Советских учреждениях». Целью Декрета явилось привлечение работниц, домохозяек, крестьянок, состоявших в РКП(б), к работе исполнительных органов Советской власти. Усилия в этом направлении делались ВЦИК после смерти В. И. Ленина, в октябре 1924 года: было принято специальное постановление о вовлечении крестьянок и батрачек в работу волостных и сельских органов Советской власти, но безотносительно к партийной принадлежности[4].

---

1 НК госпризрения РСФСР. Постановление от 26.01.1918. «О переходе в ведение Народного Комиссариата государственного призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении коллегии призрения несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_203.htm/ (дата обращения: 31.07.2017).

2 Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Принят на сессии ВЦИК 16.09.1918. [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_363.htm/ (дата обращения: 31.07.2017)

3 НКТ РСФСР. ВЦСПС. Постановление от 11.12.1920 «О сверхурочных работах несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr "789.htm/ (дата обращения: 31.07.2017).

4 Постановление VIII Съезда Советов от 28 декабря 1920 г. «О привлечении женщин к хозяйственному строительству» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_809.htm/

С прекращением Гражданской войны в России была связана демократизация трудовых отношений, отраженная Кодексом законов о труде 1922 г., действовавшим в СССР и в РСФСР.

С началом сталинского этапа в развитии советских правовых институтов начали происходить глубокие трансформации. Уже в 1924 году был принят Исправительно-Трудовой Кодекс (ИТК 1924 г.) РСФСР, согласно которому создавались исправительно-трудовые учреждения, в которых подвергались заключению несовершеннолетние правонарушители, начиная с 14 лет. Направление в такие учреждения давались как по приговору суда, так и на основании учета и наблюдения судебными и следственными органами (ст. 174). Несовершеннолетние 14–16 лет направлялись в Трудовые дома, где они обязаны были трудиться (ст. 47, 52). Отдельно выделялась группа правонарушителей из «рабоче-крестьянской молодежи» от 16 до 20 лет, осужденных на сроки свыше 6 месяцев, которые также направлялись в Трудовые дома (ст. 47 ИТК 1924 г.). Если срок заключения был длительным и составлял не свыше 5 лет, правонарушители направлялись в трудовые (сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные) колонии. В колониях и трудовых домах происходило обучение профессии в школах ремесленного и фабрично-производственного типа (ст. 93), в трудовых домах положены были общеобразовательные занятия в течение трех часов ежедневно (ст.175). За побег из места заключения, или другие проступки, несовершеннолетние помещались в изолятор до 7 суток (ст. 186, 212)[1]. Таким образом ИТК предполагал эмансипацию правонарушителей, сдвигая возрастные границы: лица до 16 лет определялись как несовершеннолетние, 16–18 лет объединялись с лицами до 20 лет в группу «молодежи».

В 1926 году были внесены изменения в существующий Семейный кодекс РСФСР (1918 года), связанные с лишением родительских прав из-за опасности представляемой для детей по решению народного суда[2]. В Семейном кодексе РСФСР (1926 года) эти изменения были расширены вплоть до запрета общения детей и родителей, лишенных родительских прав, по решению народного суда. В то же время новый Семейный Кодекс ввел порядок усыновления несовершеннолетних (права усыновлять лишались те же лица, что и права опеки по ст. 77)[3].

(дата обращения: 21.07.2017) ; Декрет СНК РСФСР от 11 апреля 1921 г. «О привлечении работниц и крестьянок к работе в Советских учреждениях» [Электронные ресурсы] // Документы СССР ; URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_914.htm/ (дата обращения: 21.07.2017). Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «Об усилении участия в общественной жизни крестьянок и батрачек» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2204.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

1 ВЦИК. Постановление от 16.10.1924 г. Об утверждении исправительно-трудового кодекса Р.С.Ф.С.Р. [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2201.htm/ (дата обращения: 05.08.2017).

2 ВЦИК, СНК РСФСР Декрет от 17.05.1926 «Об изменении статей 153, 161 и 169 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2912.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

3 ВЦИК. Постановление от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке»

Возраст совершеннолетия для обоих полов устанавливался 18 лет. В сложившихся социальных условиях важное место стали занимать институты опеки (до 14 лет), попечительства (с 14 до 18 лет) и патронажа. В 1928 году было принято специальное постановление о патронаже (измененное в 1936 году). Дети-сироты, воспитанники детских домов и домов младенца передавались на патронаж с 5-месячного возраста до 14-летнего и воспитывались до достижения 16 лет[1].

В то же время предпринимались шаги по охране материнства: начиная с 1928 года расширялся список профессий, дающих право женщине-роженице на 16-недельный отпуск. В 1930 году было издано специальное постановление Наркомата труда СССР, расширяющее список профессий, не связанных с физическим трудом, которые давали право на 16-недельный отпуск[2].

В том же 1930 году вышло Постановление ЦИК и СНК СССР о социальном обеспечении, согласно которому право на социальное и пенсионное обеспечение не распространялось на широкую группу лиц, лишенных избирательных прав в Советские органы власти («лишенцев»). Политических прав лишали: из-за классовой принадлежности; лиц занимавших определенные должности при царизме и в белых правительствах, белогвардейцев, участников контрреволюционных банд, священнослужителей, людей, «вычищенных по первой категории» из советских, кооперативных органов власти и управления, из общественных организаций – лишенных права службы навсегда (ст. 51–55). Их семьи лишались права на пособие по потере кормильца (ст. 56)[3]. «Лишенцы» не имели права на оформление опеки, попечительства, патроната[4].

В 1933 году был издан новый Исправительно-Трудовой Кодекс (ИТК) РСФСР, в связи с чем были внесены соответствующие поправки в действующие нормы права[5]. ИТК РСФСР 1933

[Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

1 ВЦИК, СНК РСФСР. Постановление от 01.04.1936 «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4069.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

2 НК труда СССР. Постановление от 03.08.1930 № 256 «Об утверждении в новой редакции списка профессий, дающих наравне с профессиями физического труда право на отпуск в течение 56 дней до родов и 56 дней после родов». [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3660.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

3 «Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию». Утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК от 13.02.1930 [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3628.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

4 ВЦИК, СНК РСФСР. Постановление от 01.04.1936 «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4069.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

5 ВЦИК Постановление от 25.12.1933 «Об утверждении принятых Президиумом ВЦИК в период с 15 января по 15 декабря 1933 г. Постановлений об утверждении Исправительно-трудового Кодекса и об изменении и дополнении Кодекса законов о труде, гражданского, уголовного, гражданского процессуального, уголовно-процессуального Кодексов и Кодекса законов о браке, семье и опеке» [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL:

года (ст. 39 и 40) минимальный возраст заключения в исправительно-трудовые учреждения был поднят до 15 лет. Для несовершеннолетних правонарушителей (15–18 лет) создавались школы фабрично-заводского ученичества особого типа, в которые те направлялись комиссиями по делам несовершеннолетних, другими уполномоченными органами и по приговору суда. Надо сказать, что статьей 74 условия труда лишенных свободы регулировались общими правилами Кодекса законов РСФСР о рабочем времени, отдыхе и труде женщин и несовершеннолетних (в том числе запрет возмездного труда до 16 лет)[1].

Поскольку подростки попадали в трудовые дома зачастую без приговора суда по направлению Комиссий по делам несовершеннолетних, для них срок нахождения в заключении становился неопределенным и зависел от решения администрации мест заключения. На учет Комиссий попадали как правонарушители, так и дети лиц, лишенных гражданских прав. Таким образом внешне благополучное трудовое законодательство разбивалось об антиномии гражданского и уголовного права.

31 мая 1935 года вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», в соответствии с которым все детские дома и трудовые колонии делились на три типа: в ведении Наркомпроса – общего типа, в ведении Наркомздрава – для детей нуждающихся в лечении, в ведении Наркомата социального обеспечения – для детей-инвалидов, в ведении НКВД – изоляторы, трудовые колонии и приемники-распределители для правонарушителей (п.1). Согласно Постановлению в трудовых колониях и других детских учреждениях следовало содержать детей до 14 лет. «Переростки» старшего возраста переводились в школы ФЗУ, в совхозучи, на промышленные предприятия, в совхозы, МТС и колхозы для работы и обучения (п.2, б). Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей при отделах народного образования ликвидировались (п.21). Вопросы помещения детей в детские дома решались судебными органами и органами НКВД (пп.17, 22)[2]. Данный документ дополнял вышедшее 7 апреля 1935 года Постановление ЦИК СССР № 3 и СНК СССР № 598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Согласно данного Постановления, дети с 12 лет подлежали уголовной ответственности с применением всех мер уголовного наказания[3].

---

http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3951.htm/ (дата обращения: 27.07.2017).

1 ВЦИК. СНК РСФСР. Постановление от 01.08.1933 Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР) [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm/ (дата обращения: 05.08.2017).

2 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6 (1933–1937). – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 213–218.

3 ЦИК СССР. № 3. СНК СССР. N 598. Постановление от 07.04.1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних») [Электронный ресурс] // Документы СССР. URL:

Таким образом, системы: трудового права, социального страхования, охраны статуса женщины-работницы, женщины-матери, детства в СССР и в РСФСР зачастую опережали имеющиеся нормы международного права. В то же время ожесточенная социально-классовая борьба в условиях сталинизма отличалась использованием правоохранительных органов как основного репрессивного регулятора общественных отношений. В результате противоречащие друг другу правовые акты подрывали правопорядок в государстве.

Документ № 5. Демографические данные по Ленинграду и пригородам на 1 января 1941 г.

Таблица I.2. Распределение населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по полу и возрастным группам

Женщины			
Возраст	На нач. 1939 г.	На нач. 1940 г.	На нач. 1941 г.
0-3	117.740	136.831	145.674
4-7	79.918	75.871	75.981
8-15	206.088	200.569	196.887
16-59	1.194.235	1.211.562	1.231.832
60 и старше	139.357	143.550	149.215
Всего	1.737.338	1.768.383	1.799.589
Мужчины			
Возраст	На нач. 1939 г.	На нач. 1940 г.	На нач. 1941 г.
0-3	121.349	141.871	151.610
4-7	79.891	76.773	76.858
8-15	201.051	196.808	193.875
16-59	993.568	883.992	929.433
60 и старше	60.480	61.284	65.697
Всего	1.456.339	1.360.728	1.417.473
Л. 22 Сводная			
Возраст	На нач. 1939 г.	На нач. 1940 г.	На нач. 1941 г.
0-3	239.089	278.702	297.284
4-7	159.809	152.644	152.839
8-15	407.139	397.377	390.762
16-59	2.187.803	2.095.554	2.161.265
60 и старше	199.837	204.834	214.912
Всего	3.193.677	3.129.111	3.217.062

http://www/libussr/ru|doc_ussr|ussr_4044/htm/ (дата обращения: 06.08.2017).

Таблица I.3. Баланс занятого населения Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина на начало 1941 г. по социальным стратам

Население	К нач. 1939 г.			К нач. 1940 г.			К нач. 1941 г.		
Всего:	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	муж	Жен	Всего
в т.ч. занятых:	1456339	1737338	3193677	1360728	1768383	3129111	1417473	1799589	3217062
Промышлен-ть	432699	367116	799815	383872	370297	754169	378825	365429	744254
С/х	2164	3219	5383	1865	3175	5040	2379	3540	5919
Стр-во	45818	13840	59658	48698	17468	66166	54426	16441	70867
Трансп. и связь	82146	45306	127452	64203	41222	105425	72828	40611	113439
Просв., наука, иск-во, печать	64584	69407	133991	64828	76320	141148	62613	67290	129903
Здравоохр-ие	14340	47469	61809	12038	47851	59889	13899	46010	59909
Торг., загот. И общ. пит-ие	55737	66493	122230	53771	73047	126818	53891	64290	118181
Жилищ. И коммун. хоз-во	33359	30917	64276	31467	33015	64482	36792	34098	70890
Гос. учр-ия и общ. орг-ии	33601	23061	56662	31553	24691	56244	26900	18462	45362
Пр. орг-ии по обсл. хоз-ва	34048	31936	65984	34110	31995	66105	47527	44580	92107
Домраб-цы	-	41485	41485	-	39709	39709	-	40522	40522
Всего раб. И служ.	798496	740249	1538745	726405	758790	1485195	750080	741273	1491353
Кооперир. кустари	58254	63109	121363	59615	64584	124199	57371	62153	119524
Некооп. кустари	1370	1061	2431	1370	1061	2431	1370	1061	2431
Уч-ся вузов и ссузов	43957	65935	109892	44338	66508	110846	37885	56828	94713
Инв. и пенс.	19688	27188	46876	19861	27428	47289	19861	27428	47289
Проч. Группы	201994	66494	268488	201994	66494	268488	201994	66494	268488
Всего занято в н/х	1123759	964036	2087795	1053583	984865	2038448	1068561	955237	2023798
В том числе иногор.	128000	30000	158000	128000	30000	158000	128000	30000	158000
Иждивенцы отд. лиц	460580	803302	1263882	435145	813518	1248663	476912	874352	1351264
В т. Ч. в возр. 16-59 лет	54859	295019	349878	28551	315708	344359	60432	368791	424223
Из них уч-ся ср. школ	10971	20375	31346	13658	25364	39022	12495	23205	35700

Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД) СПб. Ф. 24 «Ленинградский областной комитет ВКП(б)». Оп. 2 В. Д. 5115 (Материалы Управления нар.-хоз. Учета г. Лен-да о работе пром-ти за 1 кв., о к/х работе, о труд. ресурсах Ленинграда на 01.01.1941 г., численности детей, заболев-ти и смерт-ти насел., о бюджете семьи раб. и служ. области на 1940 г… 6.II.41–13.VII.41). Л. 21, 27.

II. Приложение к третьей главе «Организация эвакуации населения и ценных грузов из Ленинграда в 1941–1942 годах»

Документ № 1. Протоколы заседаний Совета по эвакуации №№ 3–10 с 26 июня по 23 июля 1941 года (фрагменты)

Протокол № 3
заседания Совета по эвакуации

26 июня 1941 года

Председатель Л. Каганович

Присутствуют члены Совета: тт. Шверник, Косыгин, Дубровин, Кирпичников, Попков

Приглашенные: т. Абакумов (НКВД СССР)

I. О размещении детей гг. Ленинграда и Москвы в сельских местностях

(тт. Попков, Пронин, Косыгин, Шверник, Л. Каганович)

1.Принять предложение т. Попкова о вывозе из Ленинграда в первую очередь 100 тыс. детей, находящихся в детских домах, садах и яслях, и во вторую очередь 300 тыс. детей дошкольного и школьного возраста, с размещением 300 тыс. в сельских местностях Ленинградской области и 100 тыс. в Ярославской области.

Первую очередь вывезти в 5-дневный срок, вторую в 15-дневный срок. 25% всего количества детей перевезти автотранспортом, а остальное количество железнодорожным транспортом.

Ответственность за организацию перемещения детей возложить на тт. Попкова, Соловьева и Гогосова. (…)

3.Обязать НКПС т. Кагановича Л. М. и Наркомречфлота т. Шашкова обеспечить перевозку из Москвы и Ленинграда, установленного выше количества детей.

4. Поручить т. Памфилову сформулировать общий проект постановления о вывозе детей из Москвы и Ленинграда. (…)

III. Об установлении дополнительного количества городов и пунктов для размещения эвакуированного населения

(т. Каганович)

1.Признать целесообразным направлять эвакуированных в города, расположенные северо-восточнее г. Москвы.

2. Поручить тт. Памфилову и Шорину 27.VI к 1 часу дня сформулировать общий проект

постановления по эвакуации, предусмотрев в нем порядок эвакуации, сопровождение эшелонов, питание, список городов, куда необходимо направлять эвакуированных и заслоны для предотвращения проникновения эвакуированных в Москву и другие города, куда направление эвакуированных не предусмотрено.

IV. О вывозе ценного имущества из Ленинградских музеев

(тт. Попков, Косыгин, Абакумов, Шверник, Каганович Л.)

1. Признать необходимым эвакуировать из Ленинграда Ленинградский Эрмитаж и Русский музей в г._

2.Обязать НКВД СССР обеспечить войсковую охрану перевозки ценностей указанных музеев.

3. Перевозку осуществить в специальном подвижном составе с контрольным паровозом.

4.Назначить т. Храпченко уполномоченным СНК СССР по эвакуации Эрмитажа и Русского музея.

5. Поручить т. Кирпичникову сформулировать проект постановления по этому вопросу, предусмотрев в нем вывоз Радиевого завода.

V. О вывозе из Ленинграда предприятий Наркомбоеприпасов

(тт. Фрезеров, Шверник, Косыгин, Кирпичников, Каганович Л.)

1. Одобрить в основном предложения т. Фрезерова о вывозе из Ленинграда предприятий Наркомбоеприпасов.

Поручить т. Фрезерову дать к 4 часам 27. VI расчеты как отразится вывоз предприятий на текущей программе и как компенсировать потери.

2. Поручить т. Кирпичникову сформулировать соответствующий проект постановления.

Председатель Совета по Эвакуации (Л. Каганович)

Секретарь Совета по Эвакуации (Ф. Измайлов)

Протокол № 5

заседания Совета по эвакуации

1 июля 1941 года

Присутствовали: члены Совета тт. Каганович Л.М., Косыгин А.Н., Первухин М.Г., Абакумов В.С., Кирпичников А.И., от НКПС – т. Дубровин Н.Ф., от Секретариата Совета по Эвакуации тт. Кузьмин М.Р., Сиволап И.К., Малявин Г.А.

I.Об утверждении положения Совета по Эвакуации.

(тт. Косыгин, Первухин, Абакумов, Дубровин, Сиволап).

XXVII

Утвердить положение о Совете по Эвакуации с внесением следующих поправок:

1) Группу связи с местами и контрольно-инспекторскую группу объединить в группу контроля и связи с местами.
2) Образовать группу по эвакуации предприятий транспортных наркоматов (НКПС, Наркомречфлот, Наркомморфлот, Главсевморпуть, Наркомсвязь и республиканские наркоматы автотранспорта);
3) Группа учета выделить из канцелярии в самостоятельную группу.

Положение о Совете по Эвакуации внести на утверждение ЦК ВКП(б).

II. Положение об уполномоченных Совета по Эвакуации на местах

(тт. Абакумов, Косыгин, Первухин)

Утвердить представленное положение об уполномоченных Совета по Эвакуации на местах со следующими поправками:

1) Возложить на уполномоченных Совета по эвакуации на местах контроль за организацией питания и медобслуживания эвакуируемого населения;
2) Исключить пункт «в» III раздела (…)

IV. Об эвакуации населения

(тт. Косыгин, Памфилов, Абакумов)

Принять представленные проекты постановления:

1) О порядке эвакуации населения в военное время
2) Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий
3) О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии и Флота – со следующими поправками:

В постановлении «О порядке эвакуации населения в военное время»:

1) В пункте 1 добавить в конце «или местными органами власти»
2) В пункте 7 «в» исключить «в случае необходимости разрешить органам милиции задерживать поезда до 30 минут»

В постановлении «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий»:

1) В пункте 1 добавить «обеспечение рабочих, служащих и их семей питанием в пути»
2) В пункте 3 исключить «вместе с эшелонами, в которых перевозится оборудование эвакуируемых предприятий»,

Добавив в конце «…по возможности одновременно с эвакуацией».

В проекте добавить пункт, что выдача вагонов и направление маршрутов эшелонов с эвакуированными производятся только с разрешения НКПС. (…)

XVII. О перевозках хлебных грузов

(т. Дубровин)

Поручить тт. Косыгину, Дубровину проверить предложения Наркомзага и внести свои предложения Совету к заседанию Совета 2/ VII.

Одновременно т. Дубровину 2/VII-с.г. дать распоряжение о выделении ежесуточно 3–3,5 тыс. вагонов для вывозки хлеба из наиболее крупных пунктов.

Зам. Председателя Совета по Эвакуации (А. Косыгин)

Протокол № 6

заседания Совета по эвакуации

4 июля 1941 года

Присутствовали: тт. Шверник, Каганович, Косыгин, Первухин, Дубровин

Секретариат – т. Кузьмин

1. О проверке выполнения принятых решений Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и Совета по Эвакуации по вопросам эвакуации.

(тт. Каганович, Косыгин, Арутюнов, Горшков, Шверник).

Отложить заслушивание отчетов уполномоченных Совета по Эвакуации по наркоматам о ходе выполнения постановлений Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и Совета по Эвакуации до утверждения Советом по Эвакуации плана эвакуации промышленных предприятий первой очереди.

2. О создании эвакопунктов.

(тт. Каганович, Косыгин, Шверник).

Утвердить представленный тт. Верховским и Памфиловым проект постановления Совета по Эвакуации об утверждении Положения об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы.

3. Об эвакуации промышленных предприятий первой очереди.

(тт. Косыгин, Каганович, Первухин, Шверник)

Поручить тт. Швернику, Косыгину и Первухину детально рассмотреть вопрос об эвакуации промышленных предприятий первой очереди и свои предложения внести на рассмотрение Совета по Эвакуации. (…)

8. Об эвакуации хлеба, сахара и продовольственных товаров.

(тт. Косыгин, Каганович, Первухин, Шверник).

1. Обязать НКПС немедленно дать отдельно распоряжение о вывозе сахара, хлеба и продовольственных товаров из районов военных действий. В отношении вывоза хлеба, сахара и продовольственных товаров из остальных районов обязать НКПС 5 июля с.г. представить свои предложения, предусматривающие порядок, очередность и сроки эвакуации указанных продуктов. (…)

13. О вывозе населения из гг. Москвы и Ленинграда

(тт. Каганович, Шверник, Косыгин)

Обязать Моссовет и Ленсовет усилить вывоз семей рабочих и служащих за город, организуя его главным образом на автомобильном транспорте и водном транспорте.

Считать целесообразной командировку Косыгина в г. Ленинград на 1–2 дня. (…)

16. О повестке заседания Совета по Эвакуации на 5 июля 1941 г.

(…)1. О плане эвакуации промышленных предприятий первой очереди (…)

Председатель Совета по Эвакуации (Н. Шверник)

Протокол № 7

заседания Совета по эвакуации от 12 июля 1941 года

Присутствовали: тт. Шверник, Косыгин, Первухин

Секретариат – т. Кузьмин

(…)5. Об оказании материальной помощи нуждающимся эвакуируемым семьям. (тт. Шверник, Косыгин, Шорин)

Поручить тт. Косыгину и Шорину, на основе состоявшегося обмена мнений, в суточный срок подготовить проект постановления об оказании материальной помощи нуждающимся эвакуируемым семьям. (…)

Протокол № 8

заседания Совета по эвакуации

от 16 июля 1941 года

Присутствовали: тт. Шверник, Косыгин, Первухин, Сабуров, Арутюнов, Косяченко

(…)14. О порядке выдачи продуктов эвакуируемому населению из гг. Москвы и Ленинграда, в связи с введением карточной системы.

(тт. Шверник, Косыгин)

Поручить т. Шорину срочно подготовить проект решения о порядке выдачи продуктов эвакуируемому населению из гг. Москвы и Ленинграда, в связи с введением карточной системы

XXX

Председатель Совета по Эвакуации (Н. Шверник)

Протокол № 9

заседания Совета по эвакуации

от 18 июля 1941 года

Присутствовали: тт. Шверник, Микоян, Первухин, Косыгин, Арутюнов, Сабуров.

Секретарь т. Кузьмин

(…)3. Отчет УГМР, Наркомзага и Наркомпищепрома СССР о выполнении решений Совета по Эвакуации об эвакуации хлеба, сахара и прод[овольственных] товаров и о плане эвакуации государственных резервов сахара, продовольственных и бакалейных товаров на дальнейшее.

(тт. Данченко, Зотов, Субботин, Микоян, Косыгин, Шверник)

---

1. По сахару, хлебофуражу и бакалейным товарам.

1) Принять с внесенными поправками предложения УГМР о вывозе сахара, хлебофуража, консервов и бакалейных товаров из прифронтовой полосы, поручив тт. Арутюнову Зотову, Данченко и Николаеву, на основе состоявшегося обмена мнениями, сегодня же, 19.VII, представить окончательный проект постановления о вывозе хлебофуража, сахара и других продовольственных товаров из прифронтовой полосы.

2) Обязать НКПС (т. Арутюнова) дать распоряжение дорогам о вывозе при всех условиях в 5-дневный срок сахара из прифронтовой полосы, а из остальных районов в 8-дневный срок, обязав тт. Любимова, Зотова представить 20 июля 1941 г. Совету по Эвакуации в копии НКПС список баз в этих районах для разгрузки сахара.

3) Предоставить НКПС право направлять сахар из прифронтовой полосы, не имеющий точных назначений, в районы Волги и Урала, максимально сократив вывоз сахара за Урал.

4) Возложить персональную ответственность за вывоз сахара из прифронтовой полосы на т. *Дубровина,* обязав *т. Арутюнова вести неослабное наблюдение за работой ж[елезных] дор[ог] по подаче вагонов для этих целей.* [написано чернилами над зачеркнутым текстом – ЛГ]

5) Предложить т. Арутюнову создать в НКПС оперативную группу по наблюдению за своевременным вывозом сахара из прифронтовой полосы в составе ответственного работника НКПС, представителя Наркомпищепрома СССР (т. Черныховского) и УГМР (т. Никонова).

II. По хлебным грузам.

1) Обязать НКПС вывезти хлебные грузы из прифронтовой полосы.

2) Возложить персональную ответственность за вывоз хлеба на т. Дубровина, обязав т. Арутюнова вести неослабное наблюдение за работой управлений железных дорог по подаче вагонов под погрузку хлеба.

3) Поручить НКПС (т. Кагановичу) дать телеграфное распоряжение начальникам дорог прифронтовой полосы о внеочередной погрузке хлебофуража, сахара и продовольственных товаров, резко уменьшив перевозки людей и прекратив перевозку эвакуируемых грузов не по планам Совета по Эвакуации.

4) Обязать НКПС регулярно, один раз в 3 дня, предоставлять в Совет по эвакуации отчеты об эвакуации хлебных грузов из прифронтовой полосы. (…)

Протокол № 10

заседания Совета по эвакуации

от 23 июля 1941 года

Присутствовали: тт. Шверник, Микоян, Косыгин, Первухин, Арутюнов, Косяченко

1. О сроках перевода предприятий, разрешенных к эвакуации постановлением Государственного Комитета Обороны №99сс п.5 от 11 июля 1941 г.

(тт. Косыгин, Горшков, Акопов, Замогильная, Митрохин, Ломако, Рябиков, Денисов, Микоян, Шверник)

Принять предложение Наркомугля, Наркомсредмаша, Наркомстанкостроения, Наркомрезинпрома, Наркомцветмета, Наркомхимпрома и Наркомвооружения о сроках эвакуации ленинградских предприятий в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 99сс от 11 июля 1941 г. п.5 со следующими поправками:

По Наркомуглю

1. Эвакуировать вторую очередь Ленинградского завода «Пневматика» Наркомата угольной промышленности с 5 августа 1941 г. (…)

По Наркомсредмашу

1. Эвакуировать вторую очередь оборудования с Кировского завода, не связанного с производством танков «КВ» и полковых пушек в срок с 25 июля по 5 августа 1941 г.

2. Обязать НКПС выделить Кировскому заводу для этой цели 500 вагонов.

3. Вопрос об эвакуации завода № 174 внести на утверждение Государственного Комитета Обороны.

4. Отложить временно эвакуацию Ленинградского мотоциклетного завода.

5. Обязать НКПС выделить 23 вагона для эвакуации Ленинградского карбюраторного завода, поручив т. Акопову закончить эвакуацию этого завода в установленные сроки.

6. Поручить т. Сабурову определить возможность эвакуации завода им. Егорова в целом с учетом, что эвакуация этого завода вызовет временное прекращение производства авиабомб и пушек.

7. Производство походных кухонь для Красной Армии на заводе им. Егорова сохранить.

По Наркомату Станкостроения

В связи с тем, что завод им. Свердлова производил поставку запасных частей для танков «КВ», поручить тт. Косыгину, Акопову и Замогильной в 2-дневный срок разрешить вопрос об увеличении производства запасных частей на других предприятиях в размерах, обеспечивающих производство танков запасными частями на время эвакуации завода им. Свердлова.

По Наркомрезинпрому

1. Эвакуацию первой очереди Ленинградского шинного завода закончить 24 июля 1941 г. без снижения производственной программы по этому заводу.

2. Отклонить предложение Наркомрезинпрома об эвакуации опытного завода литер «С» в г. Саратов, направив его в Караганду на *стройплощадку НКРезинпрома* [подписано чернилами сверху - ЛГ].

3. Отложить рассмотрение вопроса об эвакуации второй очереди Ленинградского опытного завода литер «Б», асбестового завода, завода резино-технических изделий и Киевского завода «Красный резинщик».

По Наркомцветмету

Отметить, что Наркомцветмет неудовлетворительно проводит эвакуацию оборудования с заводов «Красный Выборжец» и им. Ворошилова.

Обязать т. Ломако принять немедленные меры по вывозу оборудования с этих заводов, доложив о результатах Совету по Эвакуации через 3 дня.

По Нарком вооружения

1. Обязать Наркомат Вооружения представить предложения об эвакуации второй очереди завода № 232.

2. Разрешить Наркомату Вооружения полностью эвакуировать НИИ-13, направив его в г. Молотов в здание Сельскохозяйственного института, вместо ранее предусмотренного Педагогическим института.

3. Поручить т. Швернику разрешить с т. Вознесенским вопрос об эвакуации заводов №№ 7 и 371.

4. Поручить т. Косыгину с учетом настоящих поправок представить в окончательной редакции проект постановления по этому вопросу (…)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 8–10, 14–15, 18–24, 27, 32–35, 40–42.

Документ № 2. Постановление № СЭ-74сс Совета по эвакуации (Фрагмент)

13 августа 1941 г. Москва, Кремль

Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда

1. Разрешить Ленинградскому горисполкому эвакуировать из г. Ленинграда 700 тысяч членов семей рабочих и служащих (женщины и дети), из них:

в первую очередь 160 тыс. человек членов семей рабочих и служащих вывозимых из Ленинграда промышленных предприятий, - в места размещения этих предприятий;

во вторую очередь 540 тыс. человек членов семей рабочих и служащих, в следующие АССР и области:

Вологодскую область	40	тыс.	человек
Ивановскую «	100	«	«
Кировскую «	80	«	«
Молотовскую «	100	«	«
Челябинскую «	40	«	«
Башкирскую АССР	100	«	«
Чувашскую «	30	«	«
Удмуртскую «	50	«	«

Эвакуацию 1-й очереди произвести в 5-дневный срок и II-й очереди в 20-дневный срок.

2. Перевозки эвакуируемых из Ленинграда членов семей рабочих и служащих произвести:

а) НКПС – 160 тыс. человек членов семей рабочих и служащих в места размещения эвакуируемых из Ленинграда предприятий, с предоставлением вагонов по заявкам Ленгорисполкома.

б) НКПС – 140 тыс. человек перевезти железнодорожным транспортом до г. Ярославля (по

7 тыс. человек ежедневно, начиная с 19 августа) с передачей на водный транспорт.

в) Наркомречфлоту указанные 140 тыс. человек перевезти из Ярославля по Волге, Каме и Белой:

в Чувашскую	АССР	30	«	«
в Башкирскую	«	50	«	«
в Молотовскую	обл.	60	«	«

с подачей пароходов в Ярославль, начиная с 20 августа 1941 г. на 7 тыс. человек ежедневно.

ГА РФ. Ф.6822.Оп.1. Д. 541. Л. 142.

Документ № 3. Распоряжение № 5547-сэ

«17/20» августа 1941 года

1. Разрешить Леноблисполкому эвакуировать первую очередь детей с матерями *в количестве 24 000* из следующих районов Ленинградской области: г. Чудово, М. Вишера, Тосно, Слуцк, Красное Село, Урицк, Ораниенбаум, Парголово, Всеволжская, Мга, Волхов, Сестрорецк и Шлиссельбург в количествах, указанных в приложении.

2. Обязать НКПС и начальников Октябрьской и Ленинградской ж.д. (т. Колпаков и Васильев) обеспечить подачу 240 вагонов для эвакуируемого населения по заявкам Облисполкома, вагоны выделить в счет плана эвакуации населения на август месяц.

3. Эвакуацию произвести в Вологодскую и Кировскую области.

Зам. председателя

Совета по Эвакуации (А. Косыгин)

(…)

Это распоряжение издано т. Косыгиным А. Н. во время его нахождения в Ленинграде

20|VIII 41 Подпись [нрзб]

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 544. Л. 322.

[Курсивом выделены надписи карандашом или чернилами; Пропущены списки рассылки – Л.Г.]

Документ № 4

Распоряжение № 13682сэ

«27» августа 1941 г. г. Москва, Кремль

XXXV

1. Принять предложение Леноблисполкома и Ленгорисполкома об эвакуации по согласованию с НКВД из Ленинградской области и г. Ленинграда 95.000 человек.

2. Эвакуацию 95 тыс. человек произвести в 7-дневный срок в счет плана, установленного постановлением Совета по Эвакуации от 13. VIII. 1941 г. № СЭ-74сс в следующие АССР и области:

Архангельскую область	12	тыс.	человек
Кировскую «	10	«	«
Молотовскую «	20	«	«
Челябинскую «	10	«	«
Башкирскую АССР	10	«	«
Удмуртскую «	10	«	«
Коми «	18	«	«
Марийскую «	5	«	«

3. Обязать НКПС выделить 1660 вагонов для перевозки 95 тыс. чел. с направлением их:

в Кировскую обл. 200 Вагонов

в Молотовскую обл. 400 «
до Ярославля

Далее водным транспортом для расселения в Молотовской области;

в Челябинскую обл. 200 Вагонов

в Башкирскую АССР 200 вагонов до Ярославля, далее водным транспортом для расселения в пределах Башкирской АССР;

в Удмуртскую АССР 200 Вагонов

в Коми АССР 360 Вагонов

в Марийскую АССР 100 Вагонов

Перевозку эвакуируемых в Архангельскую область произвести водным транспортом.

4. Обязать Наркомречфлот обеспечить указанные в п.3-м настоящего распоряжения перевозки водным транспортом до областей расселения.

5. Обязать Наркомлес СССР и председателей СНК АССР и облисполкомов обеспечить использование трудоспособного населения из числа эвакуируемых 95 тыс. чел. на работе по

лесозаготовкам и на других работах по специальности. Наркомлесу СССР командировать уполномоченных для организации трудоустройств и расселения эвакуируемых в указанные в п. 2-м настоящего распоряжения АССР и области.

6. Обязать Наркомторг СССР и Союзлеспродторг Наркомлеса СССР обеспечить питанием эвакуируемых, согласно настоящего постановления, 95 тыс. чел. в местах их расселения и работы.

Председатель Совета по эвакуации (Н. Шверник)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д.545. Л. 120–121.

Документ № 5.

Постановление № СЭ-103сс Совета по эвакуации

29 августа 1941 г. Москва, Кремль

Об обеспечении погрузки эвакуируемого оборудования и населения из г. Ленинграда вагонами

В целях обеспечения вывоза из г. Ленинграда оборудования эвакуируемых предприятий и населения Совет по эвакуации ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать НКПС т. Кагановича Л.М.:

   а) обеспечить подачу вагонов в г. Ленинград в течение 10 дней (с 30 августа по 8 сентября 1941 г.) в количестве 15.000 вагонов (ежесуточно 1.500 вагонов);

   б) из общего количества вагонов, указанных в п. «а» настоящего постановления, подать под погрузку оборудования и рабочих эвакуируемых предприятий 9.000 вагонов (ежесуточно 900 вагонов) и под погрузку эвакуируемого населения из Ленинграда (женщин и детей) и из прифронтовой полосы 6.000 вагонов (ежесуточно 600 вагонов).

2. Обязать Ленгорисполком сообщить НКПС распределение вышеуказанной нормы вагонов по предприятиям.

Председатель Совета по Эвакуации (Н. Шверник)

Секретарь Совета по эвакуации (М. Кузьмин)

ГА РФ. Ф.6822. Оп.1. Д.541.Л.200.

Документ № 6. Постановление б/н Совета по эвакуации

29 августа 1941 г.

1. Утвердить план эвакуации промышленных предприятий города Ленинграда на период

с 30 августа по 8 сентября 1941 года, согласно прилагаемого графика.

2. Обязать начальника Октябрьской ж.д. т. Колпакова и начальника Ленинградской ж.д. т. Васильева обеспечить подвижным составом утвержденный план эвакуации, в сроки и количестве, указанные в плане.

3. Обязать директоров эвакуируемых предприятий обеспечить своевременную погрузку подаваемого железными дорогами подвижного состава.

Предупредить директоров предприятий, что за задержку подвижного состава под погрузкой сверх установленной нормы, а также за нерациональное использование грузоподъемности вагонов, они будут привлечены к уголовной ответственности.

4. Обязать т. Попкова и начальников дорог тт. Колпакова и Васильева установить ежедневный контроль за распределением вагонов с учетом поступления порожняка на узел.

Зам. председателя Совета по эвакуации (А. Косыгин)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 201в.

Документ № 7

Проект

Распоряжение № б/н. «1» сентября 1941 года

Об оказании единовременной помощи лицам, эвакуированным из прифронтовой полосы и размещенным в гор. Ленинграде *и Ленинградской области*

Разрешить Исполкому Ленгорсовета *и Исполкому Ленинградского областного Совета* депутатов трудящихся израсходовать из средств местного бюджета *г. Ленинграда* 200 тыс. рублей *и Ленинградской области 300 т*[ыс]. *р*[ублей] на оказание единовременной помощи населению, эвакуированному из прифронтовой полосы и временно размещенному на эвакопункте гор. Ленинграда *и в районах Ленинградской области.*

П.П. Зам. Председателя
Совета Народных комиссаров
Союза ССР (А. Косыгин)

Верно
Зам. председателя
Совета народных комиссаров
РСФСР (Памфилов)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 545. Л.318. [Курсивом выделены надписи чернила – Л.Г.]

Документ № 8. Распоряжение № 13865-сэ
«6» сентября 1941 г. г. Москва, Кремль

1. Обязать НКПС выделить для эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда в течение 6 и 7 сентября 1941 г. 1000 крытых и пассажирских вагонов, в том числе:

На станцию Волховстрой	500 вагонов (по 250 вагонов в день)
На станцию Лодейное поле	500 « (по 250 вагонов в день)

И начиная с 8 сентября ежедневно подавать на те же станции по 500 вагонов.

2. Предложить Ленгорисполкому и НКПС для обеспечения быстрого возврата порожних вагонов 70% эшелонов с эвакуируемыми направлять в Ярославль (для передачи на водный транспорт) и 30% в Кировскую область до станций Свеча и Котельничи.

Председатель Совета по эвакуации (Н. Шверник)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 545. Л. 316.

Документ № 9.
СОВЕТ ПО ЭВАКУАЦИИ
Распоряжение № 14435-сэ
«23» октября 1941 г. г. Москва, Кремль

1. Считать целесообразным перевод детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда и размещенных в г. Ярославле и западных районах области в Молотовскую, Челябинскую и Омскую области (всего 36 тыс. детей).

2. Обязать Ярославский облисполком организовать отправку детских учреждений в указанные выше области, направив их вместе с медицинским и обслуживающим персоналом и

необходимым оборудованием.

3. Обязать Молотовский, Челябинский и Омский облисполкомы принять и разместить в каждую область по 12 тыс. детей.

4. Обязать Наркомречфлот (т. Шашкова) обеспечить перевозку судами, следующими на зимовку на Каму, в Молотовскую область 12 тыс. детей, произведя совместно с Ярославским облисполкомом необходимое отепление барж.

5. Обязать НКПС предоставить в распоряжение Ярославского облисполкома для перевозки детей 300 вагонов с Северной ж.д. и 200 вагонов с Ярославской ж.д. на станции по указанию Ярославского облисполкома.

Зам. Председателя Совета

по Эвакуации (А. Косыгин)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 547. Л. 184.

Документ № 10

СОВЕТ ПО ЭВАКУАЦИИ

Распоряжение № 14982-сэ

«26» ноября 1941 г. г. Москва, Кремль

1. Принять предложение Ленинградского Горисполкома об эвакуации из г. Ленинграда автотранспортом до ст. Заборье Северной ж.д. с дальнейшей пересадкой на железнодорожный транспорт 118 тыс. чел., в том числе: рабочих эвакуированных предприятий и членов их семей – 75 тыс. чел.; преподавателей и слушателей Военных Академий – 6 тыс. чел.; учеников школ ФЗО и ремесленных и железнодорожных училищ – 34 тыс. чел.; специалистов и научных работников – 3 тыс. чел.

2. Обязать Ленинградский Горисполком и НКПС эвакуируемых из г. Ленинграда со ст. Заборье направлять:

а) рабочих эвакуированных предприятий и членов их семей по месту размещения ранее эвакуированных предприятий;

б) научных работников в количестве 1 тыс. чел. в Татарскую АССР;

в) учеников ремесленных училищ:

в	Н. Тагил на быв. Уралвагонзавод	4 Тыс. чел.

Саратов на завод № 180 Наркомтанкопрома	1	-«-
Свердловск на завод № 37 -«-	2	-«-
Чкалов на завод № 174 Наркомтанкопрома	1	-«-
Челябинск на завод 200 и Кировский завод Наркомтанкопрома	5	-«-
Киров на завод Наркомтанкопрома	1	-«-
Челябинск на завод № 78 Наркомбоеприпасов	4	-«-
Новосибирск на завод № 179 -«-	4	-«-
Челябинскую область на завод № 54 Наркомвооружения	2	-«-
Ижевск на завод № 74 Наркомвооружения	3	-«-
Чкаловскую область на завод № 621	1	-«-
Вятские Поляны на завод Наркомвооружения	1	-«-
Свердловск (учащиеся школ ФЗО и железнодорожных училищ)	5	-«-

3. Обязать НКПС выделить на ст. Заборье Северной ж.д. для перевозки 118 тыс. чел. эвакуируемых 2950 крытых, оборудованных для зимних перевозок вагонов, подавая ежедневно не менее 120–150 вагонов.

4. Обязать Вологодский облисполком организовать эвакопункт первого класса на ст. Заборье Северной жел. дор., заняв для него расположенные близ станции помещения, приспособленные к условиям зимы, из расчета одновременного пребывания в этих помещениях 5–7 тыс. человек.

Часть руководящих работников с Череповецкого эвакопункта перевести на ст. Заборье.

5. Обязать Наркомторг СССР организовать при ст. Заборье питательные пункты с пропускной способностью 5–7 тыс. чел. в сутки, выделив на эти питательные пункты необходимое количество продуктов.

Для обеспечения эвакуируемых питанием в пути следования организовать продажу продуктов питания из расчета не менее, чем на три дня каждому эвакуируемому.

6. Обязать Наркомздрав СССР организовать медицинское обслуживание эвакуируемых,

для чего создать на эвакопункте при ст. Заборье медицинский пункт, установив на нем круглосуточное дежурство врача или фельдшера и медсестры.

7. Обязать Ленинградский Горисполком, Вологодский облисполком, Наркомторг СССР и Наркомздрав СССР командировать на ст. Заборье Северной жел. дор. своих представителей из числа ответственных работников для организации работы по обслуживанию и отправке эвакуируемых.

Зам. Председателя Совета
по Эвакуации (А. Косыгин)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 548. Л. 297, 298.

Документ № 11

СОВЕТ ПО ЭВАКУАЦИИ
Распоряжение № 15157-сэ
«11» декабря 1941 г. г. Москва, Кремль

1. В частичное изменение распоряжения Совета по Эвакуации от 26 ноября 1941 г. № 14982сэ установить, что пересадка эвакуируемых автотранспортом из г. Ленинграда рабочих, членов их семей, п~~реподавателей и слушателей Военной Академии, учеников школ ФЗО~~ и ~~ремесленных и железнодорожных училищ~~ должна производиться на ст. Бабаево Северной жел. дор.

2. Обязать Вологодский облисполком организовать эвакопункт первого класса на ст. Бабаево Северной жел. дор.

Зам. Председателя Совета
по Эвакуации (А. Косыгин)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1 Д. 549. Л. 89. [Зачеркнуто в документе – Л.Г.]

Документ № 12

СОВЕТ ПО ЭВАКУАЦИИ
Распоряжение № 16148-сэ

XLII

«25» декабря 1941 г. г. Москва, Кремль

1. Разрешить Ленинградскому облисполкому организовать эвакопункт первого класса в г. Тихвине.

2. Обязать Ленинградский облисполком выделить при эвакопункте в г. Тихвине необходимые помещения из расчета одновременного размещения 3–4 тыс. человек; совместно с Наркомторгом СССР организовать пункт питания и совместно с Наркомздравом СССР медицинский пункт.

3. Обязать Наркомздрав СССР и Наркомторг СССР перевести своих представителей с эвакопункта на ст. Бабаево в г. Тихвин.

Зам. Председателя Совета

по Эвакуации (А. Косыгин)

ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 549. Л. 341.

Документ № 13. Статистические данные по эвакуации населения из Ленинграда

Таблица II.4. Справка по эвакуации населения из г Ленинграда
за период с 29 /VI – 41 г. по 1/IV – 43 г.

Наименование группы населения	С 29. VI по 27. VIII-41.	27. VIII по 22. I-42.	22. I-42 по 15. IV-42.	С 27.V-42 по 1. IV-43.	Эвакуировано всего с 29.VI-41 по 1. IV-43.
1	2	3	4	5	6
1. Рабочих и служащих с семьями эвакуированных предприятий	164 320	36 783	351 845	101 417	654 365
2. Рабочих и служащих с семьями, временно потерявших трудоспособность	104 692			55023	159 715
3. Женщин имеющих 2-х детей и более	219 691			102 069	321 760
4. Учащихся институтов, техникумов, преподавателей, артистов, писателей, ученых с их семьями			37 877	4 908	42 785
1	2	3	4	5	6

5. Женщин, имеющих 1 ребенка				35 572	35 572
6. Дети детдомов и обслуживающий персонал с семьями			12 639	45 596	58 235
7. Ученики Ремесленных училищ			32 896	8 440	41 336
8. Пенсионеры и инвалиды труда с семьями				29 833	29 833
9. Инвалиды Великой Отечественной войны			43 055	10 557	53 613
10. Больные с семьями				3 983	3 983
11. Спецконтингент			40 464	6677	47 141
12. Население Ленинградской области и Прибалтийских республик	147 500	67 928	35 409	43 954	294 791
Всего:	636 203	104 711	554 186	448 029	1 743 129

Примечание: Из общего количества эвакуированных – 1 743 129 чел.

1. Население Ленинграда - 1. 448. 338 [человек]
   В том числе детей 414. 146
2. Население районов Ленинградской области 147. 291
3. Население Прибалтийских Советских республик 147. 500

Ленинградская Городская эвакуационная комиссия

2. Эвакуация населения из города Ленинграда и Ленинградской области проведена в ряд областей страны, согласно плана СНК СССР. Рассредоточение ленинградцев по областям Союза выражается в следующих данных.

1. Горьковская область 30. 887 [человек]
2. Ярославская область 57. 402
3. Молотовская область 22. 240
4. Омская область 31. 081
5. Куйбышевская область 29. 722
6. Саратовская область 12.122
7. Сталинградская область 6. 824
8. Новосибирская область 23. 289
9. Красноярская область 32. 201
10. Алтайский край 42. 086
11. Ивановская область 30.039
12. Башкирская АССР 30.195
13. Чувашская АССР 19.673
14. Свердловская область 4. 226
15. Кировская область 3.154
16. Разные области 67.997

Итого 443. 138 чел.

Данные по вербовке рабочих в промышленность по наркоматам

1. авиапромышленность 4.326 чел.
2. алюминиевая промышленность 127
3. пищевая промышленность 8.798
4. судостроительная промышленность 6.379
5. строительная промышленность 533
6. тяжелое машиностроение 142
7. танкостроение 930
8. среднее машиностроение 655
9. химическая промышленность 996

Всего: 22. 886 чел.

После окончания массовой эвакуации штат и расходы эвакопунктов сокращены до минимума.

IX. Итоговые данные по эвакуации населения

I. Всего эвакуировано за период с 27 / V – по 1 / XII – 1942 г.

_____443. 138 чел.

Из них:

1. Рабочих и служащих с семьями эвакуированных предприятий……100.291
2. Рабочих и служащих с семьями временно потерявших трудоспособность……55.023
3. Женщин имеющих 2-х детей и более..……101.848
4. Учащихся институтов, техникумов, преподавателей, артистов, писателей, ученых с их семьями…….4.908
5. Женщин имеющих 1 ребенка……..……..35.572
6. Дети детдомов и обслуживающий персонал с семьями……..……44.396
7. Ученики Ремесленных училищ……...……8.440
8. Пенсионеры и инвалиды труда с семьями…….……28.919
9. Инвалиды Отечественной войны…….…… 8.839
10. Больные с семьями……..……3.321
11.Спецконтингент……..…… 6.501
12. Население Ленинградской области и Прибалтийских республик……43.954
13.Командировочные……..…… 1.126

Всего……..443.138

Данные эвакуации детей за 1942 г. по областям СССР (человек):

1. Алтайский край 4 208
2. Горьковская область – 5 322
3. Ивановская область 5 200
4. Краснодарская область 4 465
5. Красноярская область 1 344
6. Куйбышевская область 2 936
7. Новосибирская область 3 968
8. Свердловская область 1 626
9. Ярославская область - 15 953

Всего 48 623 чел.

Подпись [нрзб]

10 / IV 44 г. [подпись и дата простым карандашом]

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1415. (Справка о состоянии эвакуированного населения

Ленинграда с 29 VI 1941 по 1 IV 1943 г. 10 апреля 1944 г.). Л. 1—6.

Таблица II.5. Наличие ленинградских детских учреждений в эвакуации в 1942 г.

Наименования краев, областей и АССР	Кол-во детдомов	Кол-во детей в детдомах	Кол-во интернатов	Кол-во детей в интернатах	Всего детских учреждений	Всего детей
Алтайский край	15	1169	25	2600	40	4569*
Горьковская область	28	3500	–	–	28	3500
Ивановская область	34	3884	–	–	34	3884
Кемеровская область	13	1808	–	–	13	1808
Кировская область	7	950	126	10808	133	11758
Краснодарский край	9	1130	–	–	9	1130
Красноярский край	4	323	17	1181	21	1504
Курганская область	5	485	56	5371	61	5826
Куйбышевская обл.	13	1479	–	–	13	1479
Молотовская область	4	401	67	5046	71	5447
Новосибирская область	11	1511	–	–	11	1511
Омская Область	23	2032	74	7220	97	9232
Свердловская область	5	588	14	1498	19	2286
Татарская АССР	–	–	12	1095	12	1095
Удмуртская АССР	1	102	–	–	1	102
Челябинская область	2	195	32	3575	34	3770
Ярославская область	145	10500	70	6740	215	17240
Итого	319	31027	493	45134	812	76161
*Данное противоречие содержится в документе						

ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968. Л. 4. (впервые опубликована: *Позина Л. Т.* Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации). Дисс. … к. и. н. Л., 1983).

Таблица II.6. Наличие ленинградских детей в эвакуированных детских учреждениях в 1942 г. по данным Ленгороно и Наркомпроса РСФСР

Наименование краев, областей	Эвакуация (1)		Всего Гороно (1)[1]	Всего НКП (2)[2]	План реэвакуации (3)[3]
	1941	1942			
Алтайский край	–	4203	4203	4569	3167
Горьковская область	–	5322	5322 [4008/ 3259]	3500	1935
Ивановская область	161	5200	5361	3884	1054
Кировская область	17275	–	17275 было 22 234	11758	5418
Краснодарский край	–	4465	4465	1130	884
Красноярский край	–	1344	1344	1504	1548
Куйбышевская область	–	2936	2936	1479	100
Молотовская область	6 787	–	6787	5447	3078
Новосибирская область	–	3968	3968	1511	2227
Омская область	12719	3601	16320	9232	7285
Свердловская область	1408	1626	3034 [2531/3069]	2286	1944
Татарская АССР	2 895	–	2895	1095	932
Челябинская область	9422	–	9422 [4452/3955]	3770	2315
Ярославская область	8378	15953	24331 было 43397	17240	4396
Кемеровская область				1808	2133
Курганская область				5826	1786
Удмуртская АССР				102	–
Костромская область					4431
Армянская ССР					100
Вологодская область					110
Ульяновская область					100
Ставропольский край					100
Киргизская ССР					150
Марийская АССР					120
Итого	59065	48623	107688	76161	45313

* Таблица составлена по документам Ленгороно (столбцы 2-4), Наркомпроса РСФСР (столбец 5), ГУ милиции (столбец 6) и показывает расхождения в статистических данных о количестве детей, которые находились в ленинградских детдомах в эвакуации в 1942 г. В квадратных скобках дополнительно отмечены данные по отчетам уполномоченных Ленгорисполкома (первое число за 42 г., второе – за 43 г.), которые показывают колебания численности детей за период 1942–1943

Документ № 14

Докладная записка о результатах проверки расходов, дополнительно отнесенных на местный

1 ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 167. (Отчет отдела народного образования исполкома …).

2 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2968. Л. 4.

3 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513 (11 января – 18 декабря 1945. Переписка о реэвакуации учреждений). Л. 78. (из Приложения к письму начальнику Главного управления милиции, комиссару милиции 1-го ранга тов. Галкину от 17 апреля 1945 г.)

XLVII

бюджет г. Ленинграда, в связи с военным временем

Совершенно секретно

Народному Комиссару финансов Р.С.Ф.С.Р.

Тов. Посконову А.А.

Докладная записка

о результатах проверки расходов дополнительно отнесенных

на местный бюджет г. Ленинграда, в связи с военным временем

[Фрагмент. Опущена часть II. Возможности и источники исчерпания дополнительных расходов]

Проверка проводилась 18 – 20 августа 1941 г. по поручению Совнаркома РСФСР (удостоверение СНК РСФСР от 15 августа 1941 г. № А-18) и Народного Комиссара Финансов Р.С.Ф.С.Р. (удостоверение № М- 23/ 89 с от 15 августа 1941 г.)

Докладная записка составлена в 4 экз., которые разосланы:

экз. № 1 и 2 -Народному комиссару Финансов РСФСР т. Посконову А.А.

-»- № 3 - Председателю Исполкома Ленгорсовета т. Попкову П.С.

-»- № 4 - Зав. Ленфинотдела т. Гужкову И.В.

I. Расходы, вызванные военным временем по г. Ленинграду.

а) По мероприятиям, утвержденным правительством РСФСР.

I. Расходы по переводу на казарменное положение участковых формирований МПВО (Постановление СНК РСФСР от 2 июля 1941 г. № 48пс)

по расчетам Ленгорисполкома

(см. решение Легорисполкома от 7 июля с.г. № 248)

на питание по 3 р. в день; стирка 3 раза в мес.

по 1 р. 40 к. на комплект, дезинфекция 1 раз в

месяц – 1 р. 25 к. комплект, баня 3 раза в мес.

по 20 к. и культобслуживание – по 25 к. на челов.

Всего на июль ……Р. 1.638,8 т.р.

(на 15 563 ч. включая г. Кронштадт в Июле)

На август и сентябрь (15 683 ч.)……Р. 3.059,8 -»-

Итого на III-ий квартал……Р. 4. 698,6 т.р.

В счет этой суммы следовало отпустить 1632,0 т.р. за счет сокращения расходов, принятых по смете мирного времени по городскому Штабу МПВО (За счет сокращений расходов по боевой подготовке 830,0 т.р., ремонту помещений штабов — 300,0 т.р., на приобретение табельного имущества — 443,0 т.р., на учения и маневры — 59,0 т.р.). Фактически в июле Горфинотделом

перечислено штабу на питание 1.662,1 т.р.

Таким образом в 3-ем квартале за счет сокращения расходов по бюджету мирного времени следует изыскать на оплату этих расходов… руб. 3.066,6 т.р.

2. Расходы по эвакуации детей (Постановление СНК РСФСР от 7 июля № 514/21с).

а) Решением Исполкома Ленгорсовета от 29 июня с.г. № 46 было предложено вывезти из г. Ленинграда 392 т. детей, из них в районы Ленинградской области 292 т. и в районы Ярославской обл. 100 т.

По данным эвакотроек до 7 июля включительно было вывезено в районы:

	Ясельники	Дошкольники	Школьники	Всего
Ленингр. обл.	18674	58957	88772	166403
Ярослав. обл.	4182	23236	37189	64607
Свердлов. обл.	-	627	1040	1667
Кировск. обл.	160	1027	1696	2883
Всего	23016	83847	128697	235560

На вывоз, устройство и питание указанного количества детей из местного бюджета города было израсходовано до 1-го августа с.г. по группам детей, вывезенных в районы:

	Выдано и переведено денежных сумм в миллионах рублей					
	Уполномочен. выезжавшим в р-ны с детьми	Переведено в июле на расходы по устройству и питание	Стоимость продуктов питания на первые 10 дней	Стоимость продуктов на 2 дня пути от Ленинграда	Транспортные расходы на перевозку детей от места сбора до вокзалов Ленинграда	Всего
Лен. области	1,4	15,9	7,2	1,3	-	25,8
Ярослав. обл.	1,1	10,2	2,0	0,7	-	14,0
Свердловск. обл.	-	0,3	-	-	-	0,3
Кировск. обл.	0,1	2,5	-	-	-	2,6
Всего	2,6	28,9	9,2	2,0	0,5	43,2

По нормам, принятым решением СНК РСФСР от 7 июля с.г., следовало исчислять расходов на месяц (включая единовременные затраты) — 61,7 милл. руб., в число которых входят 20,4 милл. руб., подлежащей взысканию родительской платы.

В Июле, в связи с реэвакуацией детей из районов Ленинградской области из выданных и

переведенных сумм было возвращено в бюджет г. Ленинграда 4 386 т.р. Кроме того, в этот же период времени от родителей поступило в счет платы на содержание вывезенных детей 917,3 т.р.

Таким образом, общая сумма расходов по бюджету г. Ленинграда до 1 августа с.г. (исключая поступление в общей сумме 5.303,3 т.р.) на эвакуацию детей составляет 37,9 милл. руб.

б) В связи с реэвакуацией детей из районов Ленинградской Области из бюджета г. Ленинграда предстоят затраты в сумме 988,8 т.р. для оплаты счетов за транспорт, представленный для вывоза детей в г. Ленинград (кредит открыт 18 августа с.г.)

в) Расходы по содержанию вывезенных детей за пределы Ленинградской обл. на август–сентябрь по нормам, принятым СНК РСФСР определяются:

	Кол-во по данным Гороно	Общий расход	Из них должно быть взыскано родительской платы	Расходы бюджета
Дети ясельного возраста	6245	3372,0	1012,0	2360,0
-»- дошкольного и школьного	87629	36804,0	14722,0	22082,0
	93874	40176,0	15734,0	24442,0

/родительская плата исчислена не в размере 40%, как это указано в решении СНК РСФСР от 7 Июля 1941 г. № 514/21 с, а в размере 30% стоимости содержания детей ясельного возраста и 40% школьного и дошкольного возрастов против среднего 32%, исчисляемых Ленгорфинотделом, согласно решению Исполкома Горсовета от 19/VII № 48-7 [число вписано чернилами – Л.Г.]

Если не может быть и речи о взыскании с родителей платы на содержание детей в июле, вывезенных при первой эвакуации в районы Ленинградской области, – эта плата должна быть бесспорно взыскана с родителей, дети которых были сразу же направлены в районы Ярославской, Кировской и Свердловской областей.

В эти области было направлено детей ясельного возраста 4342 и дошкольников, и школьников 64 815, а всего 69 157 чел.

За содержание в течение Июля месяца указанного выше количества детей с родителей должно быть получено 5.795 т.р. Если считать, что вся поступившая до 18 августа с.г. сумма от родителей в 917 т.р. внесена за детей, отправленных за пределы Ленинградской области, то и в этом случае с родителей должна быть взыскана задолженность в сумме 4. 878 т.р.

Последняя сумма значительно преуменьшена, так как за пределы Ленинградской области фактически оказалось вывезено не 69157 ч., а 93 874 чел., т. е. на 24 717 ч. больше (были переведены из районов Ленинградской области при реэвакуации без возвращения в Ленинград). С

родителей, дети которых реэвакуированы в другие области, плата должна взыскиваться также, что должно полностью восполнить недобор, в связи с выездом части родителей в неизвестном направлении.

Таким образом в Августе и Сентябре расходы по содержанию вывезенных детей за пределы Ленинградской области за счет бюджета г. Ленинграда должны быть приняты в 18,6 милл. р. (в августе Горфинотделом открыт кредит Гороно и Горздраву в сумме 20803,8 т.р., в счет которого подкреплено наличностью и переведено в Ярославскую и Кировскую области.

г) Общие расходы за счет местного бюджета г. Ленинграда на вывоз и содержание детей в 3 квартале определяются в миллионах рублей:

Расходы, фактически произведенные в Июле ……..Р. 37,9 милл. руб.

Транспортные расходы по реэвакуации……Р. 1,0 -»-

Содержание вывезенных детей в августе и сентябре,

за исключением родительской платы……Р. 19,6 -»-

Дополнительные расходы, в связи с реэвакуацией

Детдомов……Р. 0,1-»-

Всего Р. 58,6 милл. руб.

3.Расходы по эвакуации семей рабочих и служащих г. Ленинграда (решение СНК РСФСР от 8 июля 1941 г. № 515/22сс).

а) по состоянию на 19 августа с.г., в связи с эвакуацией семей рабочих и служащих из местного бюджета г. Ленинграда выдано в порядке оказания денежной помощи (из расчета 70 р. на одного члена семьи)…… Р. 753,6

б) Решением Исполкома Ленгорсовета от 16 августа с.г. № 78-с из гор. Ленинграда должно быть эвакуировано 700 тысяч женщин и детей (по 30 т. ежедневно, начиная с 15 августа с.г.) на оказание денежной помощи ориентировочно в Августе и Сентябре потребуется

дополнительно…..Р. 4026,4

Всего Р. 4780,0

4.Расходы по чрезвычайной смете на первый месяц войны

Чрезвычайные расходы по смете на первый месяц войны предусмотрены в сумме 5.019,5 т.р. Из этой суммы подлежат исключению 3.329,9 т.р. на содержание дополнительных ясельных мест, развертывание детских садов и домов. Таким образом, объем сметы чрезвычайных расходов по г. Ленинграду снизился до 1.689,6 т.р.

Из этой суммы районами г. Ленинграда в первый месяц войны было израсходовано около

516,5 т.р., что и принимается при определении общего объема расходов за счет бюджета г. Ленинграда, вызванных военным временем.

На Август и Сентябрь по мероприятиям, предусмотренным сметой чрезвычайных расходов, потребуется:

а) На содержание дополнительного штата инспекторов Собеса Р. 134,0 т.р.

б) На переливание крови для гражданского населения….. -»- 230,0 т.р.

в) На усиление дезинфекции……...-»- 137,4 -»-

г) Дополнительное развертывание эпидкоек. С 21 Июля

развернуто дополнительно 2200 коек, в связи с эпидемией

дизентерии. До конца квартала необходимо……-»-3575,9-»-

д) Расходы на дополнительные потребные бакпрепараты…... -»- 90,0-»-

Всего Руб. 4167,3 т.

Всего в 3 квартале по мероприятиям, предусматриваемым чрезвычайной сметой в г. Ленинграде, расход определяется в 4. 683,8 т.р.

б) По мероприятиям, проводимым без решения Правительства РСФСР.

1. Пошивка обмундирования для вольнонаемного состава штабов МПВО городского и участковых формирований (решение Исполкома Ленсовета от 2 Августа № 382).

На пошивку обмундирования предложено выделить 450,0 тыс. рублей за счет сокращения расходов по плану МПВО Ленжилуправления на приобретение фильтров — 300,0 т.р. и по плану Штаба МПВО города 150,0 т.р. /из них по ассигнованиям на приспособление помещений под склады — 100,0 т.р. — на проектно-сметные работы для плана 1941 г. — 50,0 т.р.

На протесте Зав. Горфо о незаконности этого расхода последовала следующая резолюция Председателя Исполкома Ленсовета Д.Т.: «т. Гужков. Если не знаете решений Комитета Обороны, то надо знакомиться, а не писать нелепые вещи. Попков». (Письмо Начальника Сектора Обороны Исполкома Ленгорсовета от 10 Августа с.г. № 2252с).

Незаконность принятого решения об оплате за счет средств местного бюджета расходов по пошивке обмундирования очевидна тем более, что в мирное время на протяжении нескольких лет Правительства СССР и РСФСР отклоняли ходатайства об ассигнованиях на обмундирование.

До момента настоящей проверки счета за отпущенный материал для пошивки обмундирования оплачены путем списания Комбанком сумм с текущего счета Штаба МПВО города.

2. Расходы на питание вольнонаемного состава участковых районных и Городского Штабов МПВО города (решение Исполкома Горсовета ДТ от 13 Июля 1941 г. № 275сс).

В 3 квартале на дополнительную оплату питания 449 человек этой категории работников

(не предусматриваемой решением СНК РСФСР от 2 Июля 1941 г. № 48пс) необходимо 131,3 тыс. руб. (из расчета по 3 р. В день на человека на питание и на квартал по 5 р. 45 к. за стирку и дезинфекцию постельных принадлежностей).

3. Расходы по питанию рядового и младшего начсостава армии народного ополчения (решение Исполкома Ленсовета от 7 Июля 1941 г. № 246).

Решением Исполкома Ленгорсовета Главресторану предложено организовать питание рядового и младшего Начсостава в период формирования армии народного ополчения (до передачи полностью укомплектованных полков Военведу) из расчета 6 р. 60 к. в день с отнесением этих расходов на счет местного бюджета.

Отнесение этого расхода на местный бюджет города объясняется устным разрешением, которое дано т.т. Вознесенским и Булганиным т. Попкову, что было подтверждено шифрованной телеграммой т. Вознесенского, разрешившего на эту цель израсходовать из местного бюджета города 8 милл. рублей.

В Июле на питание армии народного ополчения было израсходовано 4 820,1 т.р., в Августе – 890,4 т.р. и имеется неоплаченных счетов на 1.026 т.р.

В расходы третьего квартала по бюджету г. Ленинграда включаются все 8 милл. рублей.

4. Питание аварийно-восстановительных полков и батальонов (решения Исполкома Ленсовета ДТ от 19 и 29 Июля с.г. № 308 и 364).

В городе организовано в полки и батальоны 6532чел. Исполком Ленгорсовета вынес решение о дополнительной оплате питания этих людей из расчета 3 р. в день, хотя в постановлении СНК РСФСР от 17 Июля с.г. № 419 пс, изданного на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 16/VII с.г. № ГКО – 174с было прямо указано, что за работниками, зачисленными в аварийно-восстановительные полки и батальоны сохраняется зарплата без дополнительных затрат на питание. (Решения СНК РСФСР № 419 пс в Ленсовете нет). [подписано чернилами]

Для выполнения решения Исполкома Ленгорсовета из бюджета города в Августе и Сентябре необходимо израсходовать 1.195,4 т.р. (в счет этой суммы в Августе выдано 245,9 т.р.).

Следует отметить, что организации на базе которых созданы аварийно-восстановительные полки и батальоны, уже предъявляют требование на ряд других расходов. В частности, Горжилуправление потребовало на Август месяц ассигновать 428 т.р. на содержание аварийно-восстановительного батальона, включив в эту сумму 372,6 т.р. на приобретение обмундирования (для 42 чел. комначсостава по 900 руб. на человека и для 558 бойцов по 600 руб. на человека). Эта заявка Горфинотделом отклоняется.

5. Дотация на питание работников ОРУД (решение Исполкома Ленгорсовета от 29 Июля с.г. № 362) определена Исполкомом Ленгорсовета с 19 Июля по 1-е Октября в 158,9 т.р., которые отнесены за счет дополнительного сокращения расходов по смете ОРУД (начисления на зарплату).

6. Дополнительные расходы по восстановлению коек взамен переданных Военведу (оперативных).

По г. Ленинграду в распоряжение Военведа выделено 4415 коек, из них в учреждениях, находящихся на бюджете СССР 1030 коек, и на бюджете РСФСР 1590 коек.

Вместо этих коек восстановлено: лечебными учреждениями финансируемыми из бюджета СССР – 180, в том числе 150 коек в Педиатрическом и[нститу]те, где оперативные койки не выделялись; по бюджету РСФСР – 470 в том числе 270 коек в центральном акушерско-гинекологическом и[нститу]те, где оперативные койки не выделялись.

В связи с этим в лечебных учреждениях, содержащихся на местном бюджете, фактически выделено 3.886 коек, в то время, когда общее количество оперативных коек по этим учреждениям составляет 1795. Таким образом, на содержание в 3 квартале дополнительных 2.091 койки необходимо 3.387 т.р. (из расчета 540 р. в месяц на койку). Покрываются полностью экономией по смете органов здравоохранения (сверх произведенных сокращений 19 Июля 1941 г.), что, однако, снижает возможности бюджета города для сокращения расходов органов Здравоохранения, согласно постановления СНК РСФСР от 7 августа с.г.

7. Единовременные затраты:

а) Расходы на приобретение зимней одежды и обуви для эвакуированных детей (решение Исполкома Ленгорсовета ДТ от 18 Августа № 454с).

Ассигновано 1,5 милл. руб. из бюджета города на приобретение зимней одежды и обуви для детей многосемейных и материально не обеспеченных родителей, а также для оказания материальной помощи родителям, лишившимся детских вещей в результате воздушных налетов врага на эшелоны с детьми (устно разрешено Зам. Предс. СНК СССР т. Косыгиным).

б) Расходы по приспособлению по перечню № 1 дополнительных помещений под госпитали, в соответствии с заявкой Военного Совета Северного фронта – 193.399 р. – оставшаяся задолженность Горздравотдела (Решение Исполкома Ленгорсовета ДТ от 17 Августа № 451с).

в) Расходы на приобретение инструмента (лопаты, ломы, кирки и друг[ое]) для трудовых работ в месте создания укрепленной зоны вокруг Ленинграда – до 2,5 милл. Рублей за счет средств Горжилфонда (решение Исполкома Ленгорсовета от 14 Августа № 49–74).

г) Расходы по рытью колодцев и устройству артезианских скважин (решение Исполкома

Ленсовета от 18 Июля 1941 г. № 299) определено ориентировочно в сумме 2,7 милл. руб.

в) СВОД РАСХОДОВ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ ПО г. ЛЕНИНГРАДУ

на 3 квартал 1941 г. (в тыс. руб.)

(без расходов прямо покрываемых за счет организаций).

1. Перевод на казарменное положение участковых формирований…....3.066,6 т.р.
2. Эвакуация детей……...58.500,0 «
3. Эвакуация семей рабочих и служащих……..……4.780,0 «
4. Расходы по мероприятиям, предусмотренным чрезвычайной сметой……..……..4.683,8 «
5. Питание состава участковых, районных и городского Штабов….……..131,3 «
6. Питание армии народного ополчения…….8.000,0
7. Питание аварийно-восстановительных полков и батальонов…1.195,4
8. Приобретение зимней одежды и обуви для эвакуированных детей…….1.500,0
9. Приспособление помещений под госпитали……..……... 193,4
10. Рытье колодцев и устройство артезианских скважин…… 2.700,0

ИТОГО новых расходов не покрываемых внутри смет отдельных организаций……...……84.750,5 (…)

Начальник 1-го Сектора Военного Отдела

НКФ РСФСР (Бура)

С докладной запиской знаком:

Заведующий Ленгорфо: (Гужков)

ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.3. Д.20 (Переписка по финансовым вопросам). Лл. 181. (23 января 1941 — 16 декабря 1941) [машиноп., оригинал, подписи и вставки фиолет. черн.]

При публикации сохранены особенности стиля документа.

Документ № 15

Отчет городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. (Фрагмент)

Эвакуировано по Ледяной дороге за период		
с 22.I.1942 г. по 15.IV.1942 г. из них:	554 186	чел.
1.Рабочих и служащих	66 182	»
2.Семей рабочих и служащих	193 244	»
3.Семей военнослужащих	92 419	»
4.Учащихся ремесленных училищ	28 454	»
5.Молодых специалистов, студентов, профессоров, преподавателей и научных работников с семьями	37 877	»
6.Учащихся и преподавателей [военных] спецшкол	4 442	»
7.Детей детдомов	12 639	»
8.Инвалидов Отечественной войны	7 343	»
9.Население с эвакопунктов города (ранее эвакуируемые в Ленинграда из районов области)	8 135	»
10.Раненых красноармейцев и командиров РККА	35 713	»
11.Заключенных	1 150	»
12.Спецконтингент (административно высланные)		»
из города	8 825	»
из области	30 489	»
13. Колхозники с Карельского перешейка	27 274	»
Всего эвакуировано за период с 29.VI.1941 г. по 15.IV.1942 г. из них:	1 295 100	»
а) население Ленинграда	970 718	»
б) население Эстонской, Латвийской, Литовской и Карельско-Финской ССР, эвакуированное ранее в Ленинград, население районов Ленобласти, раненые красноармейцы и командиры	324 382	»

По

Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – Санкт-Петербург : Лики России, 1995. – С. 301–305.

Документ № 16

Приложения к Отчету городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г.

Приложение 1

Хозяйственный отчет

за период с 3-го декабря 1941 года по 15-е апреля 1942 года

(фрагмент)

Вся хозяйственная работа на эвакопунктах была подчинена интересам лучшего обслуживания граждан, эвакуируемых из Ленинграда. Первое время хозяйственное обслуживание было неудовлетворительное. Эвакопункты не имели необходимых помещений,

автотранспорта, кипятильников и т. д.

Все эти недостатки отрицательно отражались на эвакуируемых.

До 15 февраля на эвакопунктах устранялись хозяйственные недостатки и только во второй половине февраля м-ца хозяйственное обслуживание соответствовало необходимым требованиям.

1. Подбор помещений и ремонт

Каждый эвакопункт имеет свои необходимые помещения, как-то: помещения для аппарата, для размещения эвакуируемых, для пищевых блоков, кладовых и т. д.

Эвакопункт при Финляндском вокзале занимает площадь 900 кв. метров. Для размещения работников эвакопунктов имеется 5 комнат, для общежития 3 комнаты, для парикмахерской одна комната, столовая и два зала ожидания (для размещения эвакуируемых).

Эвакопункт Б. Грива имеет в Б. Гриве 16 домов и в Ваганово 6 домов с общей площадью 720 кв. метров, в которых размещен эвакопункт, работники эвакопункта, санитарная часть, столовая и часть домов используется для размещения эвакуируемых.

Кроме этого, в Ваганово имеется палаточный городок на 20 палаток с вместимостью до 600 человек.

Эвакопункт в Кабоны занимает 52 дома, с площадью 2100 кв. метров (в том числе школа, церковь и др.). В указанных домах размещены эвакопункт, санчасть, общежития и т. д.

Эвакопункт в Лаврово занимает 108 домов с площадью 3700 кв. метров (в том числе церковь). В занимаемых домах размещен эвакопункт, санчасть, столовая, пекарня и часть домов используется для размещения эвакуируемых.

Эвакопункт в Жихареве занимает 30 домов с площадью 4000 кв. метров (в том числе Дом культуры). Все дома, как правило, барачного типа, одноэтажные и двухэтажные. Указанные помещения используются для нужд эвакопункта и, главным образом, для эвакуируемого населения.

Во всех помещениях, занимаемых эвакопунктами, как правило, производился ремонт. Оборудованы пищевые блоки, в ряде домов заново сделаны печи, вставлены двери, рамы и т. д.

Особенно большая работа была проделана по приведению в порядок бараков в Жихареве при организации эвакопункта и после бомбардировки 22/II-1942 г. Все строительные работы проводились рабочими 40 стройтреста и рабочими управления культурно-бытового строительства. На ремонтных работах участвовало до 300 рабочих.

Помещений для размещения эвакуируемых на эвакопунктах явно недостаточно и особенно при потоке людей свыше 10 тыс. человек в сутки. Из-за отсутствия необходимого количества помещений приходилось на несколько часов (от 5 до 12 часов) держать людей в вагонах (Борисова Грива).

II. Снабжение продуктами, стройматериалами и др.

Снабжение эвакопунктов шло по двум направлениям. Продукты питания, бензин, керосин отпускались по выделенным фондам Военного Совета Ленфронта на военных базах. Все строительные материалы и необходимый инвентарь обеспечивались через Управление снабжения Исполкома Ленгорсовета по заявкам Горэвакокомиссии. В связи с задержкой бухгалтерских отчетов о продфондах и материальных ценностях ниже приводятся приблизительные данные.

а) Продфонды,

выделенные эвакопунктам за период с 1/ XII-41 г. – 15/IV – 42 г. [1]

Наименование	Борис.	Лаврово	Кабоны	Жихарево	Войбокало	Волховстрой	Всего

[1] В документе пропущен разделитель в цифре 928430. Надо 928.430.

продуктов	Грива кгр.	кгр.	кгр.	кгр.	кгр.	кгр.	тонн
Хлеб	26500	143976	144000	282634	13720	317600	928.430
Крупа	14045	12100	11890	23500	950	31950	94.4
Сухоовощи	3340	4850	4800	7550	400	12800	33.7
Мясо	12525	16710	16500	41850	1450	47600	136.6
Мясопродукты	33000	36900	36900	37400	-	-	144.2
Жиры	6480	8450	8350	12570	760	25600	62.2
Сахар	335	850	770	1245	25	670	3.9
Шоколад	388.7	4800	4800	12200	-	-	22.1
Чай	11.5	27.9	25.8	36	1	11.8	0.113
Соль	138	1500	1500	1510	-	3740	8.3
Водка	-	-	-	528лит.	-	-	528
Продфонды в денежном выражении (в тыс.руб.)	909.6	1425.4	1567.1	2761.9	56.6	1704.2	8424.8

б) Бензин

Наименование эвакопунктов	Фнод кгр	Получ. кгр	Остаток кгр	Общая стоимость руб.
Финляндский вокзал	400	400	-	424
Борисова Грива	11624	11624	4082	12321
Кабоны	4000л	4000	-	4240 р.
Лаврово	4940	4940	-	5236
Жихарево	5600	5600	-	5936
Всего:	26564	26564	4082	28157

(…) [Выпущены данные по снабжению керосином, торфом, дровами, стройматериалами – Л.Г.]

III. Питание и порядок обслуживания

На каждом эвакопункте работает пищевой блок по обслуживанию эвакуируемых и командировочных. Кроме этого, имеются небольшие столовые для обслуживания работников эвакопунктов.

Наименование эвакопунктов	Пропускная способность			
	Пищевой блок для эвакуируем.	Столовая для работ. эвакоп.	Кипяточные	Пекарни
Финл. Вокзал	10000 ч.	-	7 кипятильн. на 500 л	-
Б. Грива	2500 ч.	200ч.	6 баков на 500 л	600 кгр
Кабоны	8000 ч.	300ч.	2 бака на 150 л. 2 котла на 800 л	
Лаврово	8000 ч.	400ч.	Баков 10 на 750 л и 1 котел на 800 литров.	3500 кгр
Жихарево	10000 ч.	1000ч.	Котел на 3000л и 6 баков на 300 литров	7500 кгр
Всего:	38500	1900	6300	11600

Из приведенной таблицы видно, что каждый эвакопункт имеет кипяточные и три эвакопункта имеют свои хлебопекарни. Наличие хлебопекарен в ведении эвакопунктов значительно облегчает обслуживание эвакуируемых.

Для отпуска питания на эвакопунктах Горэвакокомиссией были введены единые карточки для эвакуируемых и единые талоны для работников эвакопунктов. Карточки на питание эвакуируемых в пути, как правило, выдавались в районных эвакокомиссиях, вместе с эвакоудостоверением. За эвакопунктами закреплены определенные номера талонов. Командированным карточки выдавались на эвакопунктах. В ряде случаев приходилось на эвакопунктах выдавать эвакуируемым карточки на питание и эвакоудостоверения повторно (утеря, кража). Имели место факты спекуляции карточками и талонами на питание, выявленные виновники привлечены к ответственности.

IV. Автомобильный, гужевой и ж[елезнодорожный] т[ранспорт]

Для перевозки эвакуируемых использовался железнодорожный транспорт и автотранспорт. Часть автомашин и гужевой транспорт использовались эвакопунктами для внутренних нужд, как-то: перевозка вещей эвакуируемых, хозяйственное обслуживание и т. д.

а) За отчетный период было отправлено эвакопоездов:

Наименование маршрутов	Количество эвакопоездов	Количество вагонов	Количество перевезенных людей	Примечание
Ленинград-Борисова Грива	176	5064	480000	Итоговая цифра удвоилась за счет перевоза за озером одних и тех же людей, направленных из Ленинграда через Борисов. Гриву.
Из Кабоны	57	2770	138644	
« Лаврово	68	3073	150872	
« Жихарево	112	4413	194838	
Итого	413	13320	964354	

Переправа эвакуируемых через Ладожское озеро до Кабоны и Лаврово производилась исключительно на грузовых автомашинах ВАД [Военно-Автомобильной дороги – Л.Г.] и организаций. Автобусы в количестве 80-ти штук (из них 40 московских и 40 ленинградских) использовались, главным образом, для перевоза эвакуируемых из Борисовой Гривы до Жихарево.

Почти до 15 февраля 1942 г. автобусов работало от 20 до 30 шт., а остальные были в неисправности. После 15 февраля работало 60-65 автобусов и перевозили до – 2500 чел. в сутки.

(…)[Пропущено наличие автомобильного и гужевого транспорта, обслуживающего эвакопункты: всего 12 автобусов, 13 автомашин, 16 лошадей из Вагановского Леспромтреста – Л.Г.]

V. Бытовое обслуживание.

При всех эвакопунктах работают парикмахерские для обслуживания работников эвакопунктов и эвакуируемых. Каждый эвакопункт имеет закрепленную баню для обслуживания работников эвакопунктов. В Лаврово организованы санпропускник и дезкамера для обслуживания эвакуируемых, и работников эвакопункта. При эвакопункте Финляндского вокзала работает промтоварный магазин, который распродал эвакуируемым промтоваров по талонам на

сумму более 600 тыс. рублей.

Продано: лыжных костюмов……6300 пар
рейтузов……..2000 шт.
варежек……...1890 «
свитеров детских……. 300 «
шарфов шерстяных…….....1500 «
шапок-ушанок……. 400 «
носков шерстяных……3500 [и т.д.]

Помещения эвакопункта при Финляндском вокзале имеют электрический свет и радиофицированы. На всех эвакопунктах оборудованы уборные временного типа. Городская уборная на Финляндском вокзале до настоящего времени не исправлена, ввиду сложного и большого объема работ.

(…) [Далее выпущены разделы: Учет и отчетность; Денежные расходы; Контроль за учетом и расходованием средств и материальных ценностей – Л.Г.]

IX. О подготовке к эвакуации в летних условиях

Массовая эвакуация закончена 12 апреля 1942 г. Небольшие группы эвакуируемых на автотранспорте отправлялись до 20/IV – 42 г., а пешеходы переправлялись до 24/IV – 42 г.

С 20 апреля эвакопункты при Финляндском вокзале, в Борисовой Гриве, Кабоны, Лаврово временно законсервированы, а эвакопункт в Жихарево закрыт, существование которого нецелесообразно. Имущество Жихаревского эвакопункта переправлено в Кабоны.

Для подготовки к эвакуации в летних условиях на эвакопунктах оставлены необходимые кадры:

Наименование эвакопунктов	Работало до 20.4	Работает после 20/IV						
		Адм. хоз. раб.	Млад. обсл. перс.	Раб.питан.	Сан.часть	Автобаза	Раб. милиции	Всего
Финляндский вокзал	114	15	-	4	-	-	-	19
Б. Грива	138	30	6	11	8	-	28	83
Кабоны	162	100	18	16	20	-	5	159
Лаврово	440	44	1	16	10	-	-	71
Жихарево	757	-	-	41	-	-	-	41
	1627	189	25	88	38	-	33	373

Сейчас эвакопункты подводят итоги зимней работы и начали подготовку к лету (уборка территорий, ремонт помещений, противопожарные мероприятия, оборудование посадочных площадок и т.д.).

Вся подготовительная работа к эвакуации населения должна быть закончена не позднее 15-го мая 1942 года.

[Составлен 26/IV – 42 г. Датируется по основному документу – Л.Г.]

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 50. Л. 194–205.

Приложение № 1 к Отчету Городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. Публикуется впервые. Сохранены орфография и пунктуация документа.

Таблица II.7

Приложение 2

СПИСОК предприятий, государственных учреждений, ВУЗов и ремесленных училищ, эвакуированных из гор. Ленинграда с 22-го января по 12-е апреля 1942 года					
№	Наименование	Всего эвакуировано	В том числе		Отметка о частичной или полной эвакуации
			Рабочих, служащих или учащ.	Иждивенцев	
1	2	3	4	5	6
1. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ					
1.	З-д им. М. Гельца	146	59	87	Частично
2.	З-д «Красногвардеец»	380	151	229	«
3.	З-д № 327	321	111	210	«
4.	З-д «Электрик»	369	77	292	«
5.	З-д № 218	101	45	56	«
6.	З-д № 209	286	114	172	«
7.	З-д № 212	321	177	144	«
8.	З-д КРИЗО	34	13	21	«
9.	ф-ка «Скороход»	1322	500	822	«
10.	ф-ка «Прол. Победа» № 1 и 2	173	63	110	«
11.	З-д «Электросила»	546	234	312	«
12.	1-ая ГЭС	223	46	177	«
13.	«Красный швейник»	56	32	24	«
14.	Коксо-газовый завод	73	24	49	«
15.	З-д № 189	2646	724	1922	«
16.	З-д «Севкабель»	327	54	273	«
17.	З-д «Пневматика»	205	130	75	«
18.	З-д им. Котлякова	107	65	42	«
19.	З-д РТИ	1679	753	926	«
20.	З-д резиновой обуви	474	186	288	«
21.	Шинный завод	531	254	277	«
22.	Ф-ка дамского и детского платья	33	18	15	«
23.	Ф-ка «ГОЗНАК»	46	26	20	«
24.	З-д им. Матвеева	282	112	170	«
25.	Ф-ка «Веретено»	476	120	356	«
26.	Алебастровый завод	65	14	51	«
27.	Кировский завод	4722	322	4400	«
28.	З-д № 4 им. Калинина	1734	680	1054	«
29.	З-д «Красная Заря»	2950	734	2216	«
30.	З-д №349 им. ОГПУ	2532	635	1897	«
31.	З-д №357	38	9	29	«
32.	З-д №350	37	8	27	«

1	2	3	4	5	6
33.	З-д №354	62	15	47	«
34.	Ижорский завод	1760	-	1760	«
35.	З-д «Красный Выборжец»	1045	265	780	«
36.	З-д им. Ворошилова	333	85	248	«
37.	З-д №381	1548	-	1548	«
38.	З-д №380	200	-	200	«
39.	Трест № 16 НКСП	2900	750	2150	полностью
40.	З-д №211	2400	600	1800	частично
41.	З-д №371 им. Сталина	1250	315	935	«
42.	З-д №7 им. Фрунзе	760	870	1890	«
43.	З-д художествен. красок	55	14	41	«
44.	З-д им. Ломоносова	265	67	198	«
45.	З-д им. Энгельса	636	160	476	«
46.	З-д им. Карла Маркса	2739	890	1849	«
47.	Ф-ка «Красное Знамя»	1770	450	1320	«
48.	Ф-ка им. Самойловой	123	31	92	«
49.	З-д «Большевик»№232	5170	1302	3868	«
50.	З-д им. Воскова	367	94	273	«
51.	Ф-ка «Красный Маяк»	350	88	262	«
52.	Мотоциклетный завод	300	-	300	полностью
53.	З-д №5	1280	470	810	частично
54.	З-д №522	410	175	235	«
55.	Вагоно-ремонтный з-д	652	163	489	«
56.	Пролетарский п/рем. з-д	494	124	370	«
57.	Комбинат им. Тельмана	860	215	645	«
58.	З-д «КИНАП»	247	62	185	«
59.	З-д №379	60	15	45	«
60.	З-д №224	60	15	45	«
61.	З-д «Буревестник»	360	25	235	«
62.	З-д «Пролетарий»	200	50	150	«
63.	З-д №210	400	100	300	«
64.	З-д Главсевзапстроя	1600	400	1200	«
65.	Монетный двор	300	125	175	«
66.	З-д №174	200	50	150	«
67.	З-д К-№4	215	54	161	«
68.	З-д №77	1170	295	875	«
69.	Комбинат «Марксист»	160	40	120	«
70.	5-ая ГЭС	730	184	546	«
71.	2-ая ГЭС	230	50	180	«
72.	3-я ГЭС	110	30	80	«
73.	7-ая ГЭС	20	5	15	«
74.	Ленэнерго (подс. предп)	100	25	75	«
75.	Октябрьская жел.дор.	800	200	600	«
76.	З-д №235	460	115	345	«
77.	Ленинградская ж.д.	905	245	660	«
78.	З-д «Экономайзер»	250	-	250	«

1	2	3	4	5	6
79.	З-д им. Ленина	1600	-	1600	«
80.	Предприятия Главленхлоппрома	11435	2865	8570	«
81.	З-д им. Воровского	80	20	60	«
82.	З-д «Вторчермет»	70	19	51	«
83.	З-д №190 им. Жданова	1940	624	1216	«
84.	З-д №223	143	35	108	«
85.	З-д «Красный Автоген»	20	5	15	«
86.	З-д «Красный химик»	65	14	51	«
87.	З-д «Пионер»	120	45	75	«
88.	Ф-ка «Равенство»	700	175	525	«
89.	Резвоостровская ф-ка	132	33	99	«
90.	Ф-ка суконных изделий	215	86	129	«
91.	Утильзавод	15	4	11	«
92.	З-д №194 им. А. Марти	1750	250	1500	«
93.	З-д №196	1270	250	1020	«
94.	З-д №363	140	-	140	«
95.	З-д №103	875	200	675	«
96.	З-д №370	560	140	420	«
97.	З-д №208	500	125	375	«
98.	З-д №181	154	40	114	«
99.	З-д №23	970	250	720	«
100.	З-д №231	75	15	60	«
101.	З-д «Треугольник»	600	150	450	«
102.	З-д №523	170	69	101	«
103.	Асбестовый завод	120	30	90	«
Всего		82259	21122	64137	
II. ГОСУЧРЕЖДЕНИЯ, ПРОЕКТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДРУГИЕ ОРГАНИЗАЦИИ					
1.	Ботанический институт	427	153	274	Частично
2.	17 и 29 отд. ЛГМ	46	5	41	Семьи и больные
3.	Кинооптика	78	28	50	Полностью
4.	Гипробум	51	21	30	«
5.	Главпарфюмер	25	13	12	Частично
6.	Гидроэнергопроект	408	143	265	Полностью
7.	Ин-т охраны труда	45	15	30	«
8.	Архит. проектн. мастерск. НКО	43	15	28	«
9.	Союзпроммеханизация НКТП	30	11	19	«
10.	Гидрометеослужба РККА	253	107	146	«
11.	Управление гидрографии ВМФ	250	102	148	Частично
12.	Академия Наук СССР	896	357	539	«
13.	ВНИТО-металлургов	156	64	92	полностью
14.	Ин-т растениеводства	185	74	111	«

	С/х Академии Наук				
1	2	3	4	5	6
15.	НИИ № 9	896	398	498	«
16.	НИИ № 34	200	82	118	«
17.	Союзпушнина	21	21	-	«
18.	Гидродрев	60	19	41	«
19.	Трест № 46 и Спецгидроэнергопроект № 2	687	274	413	«
20.	Гипромез	247	111	136	«
21.	Ин-т Пластмасс	24	9	15	«
22.	НИИ №5	70	28	42	«
23.	Союзпроммонтаж	63	24	39	«
24.	Гипролестранс	21	12	9	«
25.	Котлотурбооборудование	147	53	94	«
26.	Зоологич. и физиологич. Ин-ты Академии Наук СССР	280	113	167	частично
27.	Арктический ин-т	490	196	294	Полностью
28.	Гидрограф. Упр. Главсевморпути	286	114	172	«
29.	Ленуглеразведка	60	12	48	«
30.	НИИ молочн. Пром-ти	87	37	50	«
31.	Механобр	196	78	118	«
32.	Ин-т «ВАМИ»	118	47	71	«
33.	Проектэкскаватор	70	32	38	«
34.	Гипробщмаш	244	112	132	«
35.	Полиграфмашпроект	78	39	39	«
36.	Транссигналсвязьпроект	91	42	49	«
37.	НИИ Гидротехники	26	11	15	«
38.	Союзформлитье	29	16	13	«
39.	Гос. Эрмитаж	368	129	239	«
40.	Управ. Культ. Быт. Стр-ва Ленсовета	2200	-	2200	Семьи
41.	Академич. Капелла	376	146	230	полностью
42.	ЛОЦНИИТМАШ	93	52	41	«
43.	ЦНИЛАШ	80	41	39	«
44.	Ин-т усовершенствования врачей	67	26	41	«
45.	Ин-т лаков и красок	72	31	41	«
46.	Энерготекстиль	166	92	74	«
47.	Ин-т метрологии	110	48	62	«
48.	Ин-т гидротехники	272	114	158	«
49.	Союзникельоловопроект	110	44	66	«
50.	НИИ № 13	36	36	-	«
51.	Театры области	494	198	296	«

1	2	3	4	5	6
52.	Театр Ленин. комсомола	196	78	118	«
53.	Театр Ленсовета	216	82	134	«
54.	Союз архитекторов	241	128	113	Частично
55.	Союз писателей	298	124	174	полностью
56.	Трест № 4	94	24	70	«
57.	Льнотрест	28	13	15	«
58.	Нефтяной ин-т	38	16	22	«
59.	Севзапэнергомонтаж	156	61	95	«
60.	Дормостстрой	86	22	64	«
61.	Судобенмострстрой	24	6	18	«
62.	Ленгеологонерудтрест	38	14	24	«
63.	ГИПХ	38	12	25	«
64.	НИИ огнеупоров	18	9	9	«
65.	Упр.по делам искусств (работники с семьями)	298	118	170	частично
Всего		13597	4662	8935	

III. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

№	Наименование	Всего эвакуировано	В том числе		Отметка о частичной или полной эвакуации
			Рабочих, служащих или учащ.	Иждивенцев	
1	2	3	4	5	6
1.	Ленинградский государственный университет*	3286	1593	1693	полностью
2.	Протезный техникум им. Фрунзе	250	147	103	«
3.	Академия художеств	550	227	323	«
4.	Кораблестроительный. Институт	826	496	330	«
5.	Ленинградский институт железнодорожного транспорта	950	567	383	«
6.	Ленинградский институт инженеров связи НКПС	450	298	152	«
7.	Техникум железнодорожного транспорта им. Дзержинского	350	265	85	«
8.	Химический техникум им. Менделеева	40	40	-	«
9.	9 артиллерийская спецшкола	450	416	34	«
10.	2 Военно-морская школа	481	441	40	«
11.	10 артиллерийская спецшкола	392	334	58	«
12.	8 артиллерийская	447	386	61	«

	спецшкола				
1	2	3	4	5	6
13.	2 военно-воздушная спецшкола	579	511	68	«
14.	6 артиллерийская спецшкола	336	291	45	«
15.	7 артиллерийская спецшкола	385	342	43	«
16.	Пушкинский сельскохозяйственный институт	218	160	58	«
17.	Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности	154	116	38	«
18.	Институт физкультуры	400	301	99	«
19.	Институт точной механики и оптики	566	412	154	«
20.	Институт холодильной промышленности	529	373	156	«
21.	Технологический институт им. Молотова	410	294	116	«
22.	Институт инженеров водного транспорта	500	358	142	«
23.	Финансово-экономический институт	450	322	128	«
24.	Плановый институт	446	327	119	«
25.	Педагогический институт им. Герцена	1420	1012	408	«
26.	1-й Педагогический институт иностранных языков	720	519	201	«
27.	Педагогический институт им. Покровского	1680	1204	476	«
28.	Институт советской торговли	418	320	98	«
29.	Испанский детдом	290	207	83	«
30.	Институт киноинженеров	530	374	156	«
31.	Военно-механический институт	890	630	260	«
32.	Лесотехническая Академия	656	498	158	«
33.	Инженерно-строительный институт	518	374	144	«
34.	Горный институт	700	502	198	«
35.	Институт механизации сельского хозяйства	229	138	91	«

1	2	3	4	5	6
36.	Инженерно-экономический институт им. Молотова	410	293	117	«
37.	Электротехнический институт	1030	736	294	«
38.	Институт инженеров сигнализации и связи им. Бонч-Бруевича	548	411	137	«
39.	Авиационный институт	1120	803	317	«
40.	Химико-технологический институт	750	534	216	«
41.	Ветеринарный институт	390	280	110	«
42.	Политехнический институт	2360	1690	670	«
43.	Учетно-экономический техникум	103	62	41	«
44.	Юридический институт	693	495	198	«
45.	Текстильный институт	728	519	209	«
46.	Театральный институт	496	359	137	«
47.	Государственная Консерватория	492	364	128	«
48.	Педиатрический институт	593	422	171	частично
49.	1-й медицинский институт	796	571	225	«
50.	2-й медицинский институт	823	577	246	«
51.	Фармацевтический институт	89	77	12	«
52.	Фармацевтическая школа	68	55	13	полностью
53.	Стоматологический институт	324	236	88	частично
54.	Институт народов Севера	232	183	49	полностью
Всего		33541	23462	10079	

Л. 213 IV. РЕМЕСЛЕННЫЕ УЧИЛИЩА

№	Наименование	Кол. эвакуир.	В том числе			Как эвак. (частично или полн.)
			учащ.	обсл. перс.	Члены семьи	
1	2	3	4	5	6	7
2.	Р.У. №51	486	359	37	90	частично
3.	Р.У. №6	305	264	10	31	«
4.	Р.У. №34	144	119	18	7	полностью
5.	Р.У. №75	295	243	22	30	«
6.	Р.У. №31	397	336	20	41	«
7.	Ж.У. №3	327	255	22	50	«

1	2	3	4	5	6	7
8.	Р.У. №80	190	150	15	25	«
9.	Р.У. №40	418	350	28	40	частично
10.	Р.У. №70	592	470	32	90	полностью
11.	Р.У. №1	275	250	7	18	частично
12.	Р.У. №27	773	628	45	100	«
13.	Р.У. №4	365	300	25	40	«
14.	Р.У. №7	117	100	7	10	«
15.	Р.У. №8	725	600	35	90	«
16.	Р.У. №14	471	371	31	69	«
17.	Р.У. №33	199	142	20	37	полностью
18.	Р.У. №63	298	211	27	60	частично
19.	Ж.У. №1	552	511	17	24	«
20.	Р.У. №54	362	287	25	50	полностью
21.	Р.У. №59	410	345	20	45	«
22.	Р.У. №67	253	214	5	34	«
23.	Р.У. №69	401	305	30	66	«
24.	Р.У. №2	1502	1249	171	82	частично
25.	Р.У. №57	177	140	12	25	полностью
26.	Р.У. №25	501	427	26	48	«
27.	Р.У. №19	253	217	14	22	частично
28.	Р.У. №76	164	154	7	3	полностью
29.	Р.У. №43	296	251	19	26	частично
30.	Р.У. №12	206	166	13	27	«
31.	Р.У. №4	432	356	18	58	«
32.	Р.У. №46	312	246	21	45	полностью
33.	Р.У. №1	598	528	24	46	частично
34.	Р.У. №20	499	421	36	42	полностью
35.	Р.У. №7	334	292	10	32	частично
36.	Р.У. №35	335	308	12	15	полностью
37.	Р.У. №48	186	152	13	21	частично
38.	Р.У. №5	577	498	25	54	«
39.	Р.У. №17	408	330	18	60	полностью
40.	Р.У. №41	410	313	40	57	«
41.	Р.У. №3	828	745	28	55	частично
42.	Р.У. №38	495	441	17	37	частично
43.	Р.У. №49	196	148	19	29	полностью
44.	Р.У. №23	429	346	18	65	частично
45.	Р.У. №37	364	318	22	24	полностью
46.	Р.У. №55	333	270	27	36	частично
47.	Р.У. №65	337	280	27	30	полностью
48.	Р.У. №58	282	248	15	19	«
49.	Р.У. №71	163	131	15	17	частично
50.	Р.У. №13	522	425	37	60	«
51.	Р.У. №44	438	351	27	60	полностью
52.	Р.У. №15	439	370	52	17	частично
53.	Р.У. №21	401	351	15	35	«
54.	Р.У. №6	606	500	40	66	«

1	2	3	4	5	6	7
55.	Р.У. №82	334	265	19	50	«
56.	Р.У. №16	290	246	12	32	«
57.	Р.У. №22	349	317	14	18	«
58.	Р.У. №26	496	440	28	28	«
59.	Р.У. №42	240	200	10	30	«
60.	Р.У. №18	567	479	26	62	«
61.	Р.У. №53	296	248	20	28	полностью
62.	Р.У. №56	350	308	18	24	«
63.	Р.У. №29	382	356	11	15	«
64.	Р.У. №10	180	158	9	13	частично
Всего		24 862	20799	1503	2560	
65.	Ремесленные училища, эвакуированные до 22/I-42 г.	7 339	5 616	536	1187	
Всего по Р.У.		32201	26415	2039	3747	

ОБЩИЙ ИТОГ ПО ДАННОМУ СПИСКУ:
Всего эвакуировано через организации – 164. 598 чел.
В том числе: работающих и учащихся – 77.700 «
Их иждивенцев – 86. 898 «
26.IV – 42 г.

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 145–153.

Приложение № 2 к Отчету Городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. Публикуется впервые.

Документ № 17
Сведения о результатах проверки военной прокуратурой порядка эвакуации населения из г. Ленинграда

Председателю Исполкома

Ленинградского городского

Совета депутатов трудящихся

Тов. Попкову

Ваш №_____от_____194 г. Наш № 02949 19 февраля 1942 г.

Военной Прокуратурой произведена проверка порядка эвакуации населения из гор. Ленинграда.

Установлено, что при отправлении ежедневно из Ленинграда 2-х поездов в сутки с 3000-3500 чел. на ст. Б. Грива скапливается значительное количество эвакуирующихся, так как автотранспорт, перевозящий их от станции, такого количества людей перевозками не

обеспечивает.

Несмотря на это Эвакокомиссия Ленсовета предъявляет требования Окт.ж.д. об увеличении количества поездов с тем, чтобы отправлять ежедневно 5–7 поездов с 10.000 чел. [подчеркн. в тексте кор. карандашом с вопросит. знаком – Л.Г.]

На ст. Б. Грива при отсутствии помещения для эвакуируемых, при недостаточности автотранспорта, и вследствие неудовлетворительной организации самой эвакуации, население значительное время находится на улице и в вагонах. Систематичны случаи смертности – на самой станции валялось до 50 трупов, а около шоссе до 200 трупов небранных продолжительное время.

Особенную тревогу вызывает использование вагонов при перевозках эвакуируемых.

Проверкой установлено, что за время с 1 по 16 февраля 1942 года большинство поездов простаивает под погрузкой на Финляндском вокзале от 10 до 20–24 часов. Под выгрузкой на ст. Б. Грива простои подвижного состава еще более безобразны и доходят от 15 до 30 часов, причем были случаи, когда выгруженное население, опять грузилось в вагоны из-за отсутствия автотранспорта и помещения для обогрева и ожидания.

Поэтому ст. Б. Грива, имеющая весьма небольшое путевое развитие, где происходит еще и погрузка продовольствия, погрузка санитарных поездов, и продвижение поездов до ст. Ладожское Озеро – систематически забивается подвижным составом дезорганизуя работу всего отделения.

Сообщая об изложенном, прошу В/распоряжения об упорядочении продвижения эвакуируемых, лучшей организации автотранспорта и ликвидации перепростоев подвижного состава под погрузкой и выгрузкой, а также надлежащего обслуживания эвакуируемых на ст. Б. Грива.

Военный прокурор Ленфронта

Диввоенюрист Грезов

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 31.

Документ № 18 А

Таблица II.8. Сведения о размещении эвакуированных из Ленинграда на 1 мая 1942 г.

Из общего числа эвакуированных из Ленинграда в период 21.I-1942 г. по 20 апреля в 550 000 чел., согласно телеграфных сообщений обл(край) исполкомов и СНК АССР, по состоянию на 1.V – принято и размещено 261 090 человек, в том числе:

А. В северных областях:	
В Архангельской области размещено	- 2767 чел.
В Вологодской « «	-20733 «
В Ивановской « «	- 8646 «
В Ярославской « «	- 21320 «
Итого	- 53466 «
Б. На юге	
В Кабардино-Балкарской АССР	- 3815 чел.
В Краснодарском крае	- 44206 «
В Орджоникидзевском крае	- 50000 «
Итого:	98021 чел.
В. На Урале и в Сибири	
В Алтайском крае	- 8637 чел.
В Башкирской АССР	- 1859 «
В Горьковской области	- 4966 «
В Кировской области размещено	- 10283 «
В Красноярском крае	- 5055 «
В Куйбышевской области	- 755 «
В Молотовской области	- 2840 «
В Новосибирской «	- 5603 «
В Омской «	- 34780 «
В Саратовской «	- 2694 «
В Свердловской «	- 8832 «
В Татарской АССР	- 6106 «
В Тамбовской области	- 2084 «
В Удмуртской АССР	- 1246 «
В Челябинской области	- 4050 «
В Чкаловской «	- 400 «
Итого:	100190 чел.
Г. В других областях (в большинстве больные, снятые с проходящих эшелонов)	
В Воронежской области размещено	- 1801 чел.
	- 551 «
	- 3011 «
	- 4050 «
Итого:	9413 чел.

ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50. Л.1.

Документ № 18 Б

Таблица II.9. СПРАВКА
О размещении эвакуированных граждан из гор. Ленинграда за период
с 1 июня по 10 августа 1942 года

№№	Область, край, республика	Предусмотрено разместить (в тыс.)		Размещено (в тыс.)	В том числе (в тыс.)	
		Взрослых	Детей		Взрослых	Детей
1	Ивановская область	15,0	5,0	6,6	2,2	4,4
2	Горьковская «	10,0	5,0	13,5	6,0	7,5
3	Куйбышевская «	35,0	5,0	10,8	7,6	3,2
4	Новосибирская «	55,0	-	9,0	3,5	-
5	Ярославская «	-	10,0	29,1	10,2	18,9
6	Саратовская «	30,0	-	21,8	12,0	-
7	Сталинградская «	40,0	-	6,0	6,0	-
8	Молотовская «	20,0	-	5,4	-	-
9	Омская «	20,0	-	6,2	-	-
10	Алтайский край	30,2	-	31,7	-	-
11	Чувашская АССР	10,0	-	4,8	2,8	2,0
12	Марийская «	5,0	-	2,0	1,0	1,0
13	Башкирская «	20,0	-	17,6	-	-
	Всего:	290,0	25,0	164,5	-	
1	Кроме того: Кировская область	-	-	14,3	-	
2	Вологодская «	-	-	20,3	-	
3	Челябинская «	-	-	4,9	-	
4	Тамбовская «	-	-	3,2	-	
5	Рязанская «	-	-	4,5	-	
	Итого:			211,7	-	

ГА РФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 50. Л. 113.

Документ № 19

Таблица II.10. СПРАВКА

О расходах на оказание помощи эвакуированным из Ленинграда
с 16 февраля по 27 июня 1942 года

№	Наименование краев, областей и АССР	Отпущено средств по состоянию на 27.VI – 1942 г.		В том числе на оказание единовременной помощи особо нуждающимся (в тыс. руб.)
		Дата отпуска средств	Сумма (в тыс. рублей)	
1	Краснодарский край	17.III-42 г.	1320	320
2	Орджоникидзевский край	17.III-42 г. 2.IV-42 г.	1800 15	300 15
3	Вологодская область	17.II-42 г. 17.III-42 г. 28.IV-42 г.	100 2600 500	- 400 -
4	Ивановская область	17.III-42 г.	1700	200
5	Московская область	17.III-42 г.	100	-
6	Свердловская область	17.III-42 г.	350	50
7	Сталинградская область	13.IV-42 г. 14.IV-42 г.	350 40	-
8	Ярославская область	17.III-42 г. 20.V-42 г.	2500 800	400 -
9	Кабардино-Балкарская АССР	17.III-42 г.	480	80
10	Горьковская область	17.VI-42 г.	30	30
11	Молотовская область	17.VI-42 г.	245	-
12	Саратовская область	27.VI-42 г.	400	-
13	Марийская область	27.VI-42 г.	125	75
14	Кировская область	16.II-42 г.	100	-
	Итого:		13555	1910
	Отпущено СНК СССР		15000	
	резерв		1445	

ГА РФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.

Документ № 20

Таблица II.11. Эвакуационная статистика по эвакопунктам Тихвин, Кобона, Лаврово за январь – декабрь 1942 года[1]

	Тихвин		Кобона		Лаврово	
	ленинградцев	Местных	Поступило на эвакопункт	Выбыло с эвакопункта	Поступило на эвакопункт	Выбыло с эвакопункта
Январь	7174	14843				
Февраль	117904	-			8982	6624
Март	226781	-	74002	71372	82426	82184
Апрель	165527	-	64642	67272	57561	60161
Май	1488	-				
Июнь	78515	2452				
Июль	224219	3190				
Август	85817	3287				
Сентябрь	25852	4240				
Октябрь	16888	12577				
Ноябрь	5455	31945				
Декабрь	112	3433				
Итого	955732	75967	138644	138644	148969	148969

ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 32. Л. 2, 10, 14.

Документ № 21
Из отчета начальника эвакуационного пункта в Борисовой Гриве Левина Л. А.

Таблица II.12. Эвакуация по Дороге Жизни с января по 15 апреля 1942 года

Месяц	Всего прибыло к отправке эвакуируемых	В том числе			
		Пассажир. эшелоны	Товарные поезда	Отправлено из Ваганово	Отправлено автомашин
Январь	13 840	9220	1850	1520	1250
Февраль	84 010	72500	7270	4240	-
Март	231085	211340	9680	5410	4650
С 1 по 15 апреля	152 865	137115	7145	3935	4670
Всего с начала эвакуации	502 800	430175	25945	36105	10575

ГММОБЛ. Ф. РД. Оп. 1р. Д. 13. Л. 1–83.

[1] Сводная таблица составлена мной на основе статистических отчетов начальников эвакопунктов, сданных в Переселенческую комиссию СНК РСФСР – Л.Г. Разница в показателях за март-апрель по эвакопунктам в Тихвине и в Лаврово, Кабонах объясняется отсутствием данных по эвакопунтктам в Жихарево, Войбокало.

Таблица II.13. Смертность на Дороге жизни при эвакуации (февраль – апрель 1942 г.)

Февраль				Март				Апрель			
Число	Мед/пункт и изолятор	Территория э/п	по данным милиции	Число	Мед/пункт и изолятор	Территория э/п	по данным милиции	Число	Мед/пункт и изолятор	Территория э/п	по данным милиции
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	-	28	2	1	3	-	1	1	16	14	20
2	5	16	-	2	7	-	7	2	11	13	12
3	-	41	-	3	4	19	2	3	-	-	15
4	-	62	-	4	2	26	1	4	20	-	9
5	-	30	-	5	4	-	6	5	3	26	8
6	-	13	-	6	8	-	2	6	4	13	24
7	12	19	1	7	9	20	17	7	-	-	5
8	-	29	-	8	12	28	14	8	17	12	2
9	5	45	1	9	1	24	3	9	-	-	12
10	12	34	6	10	6	22	16	10	21	-	22
11	14	21	15	11	-	23	14	11	-	23	7
12	13	9	13	12	11	21	17	12	57	60	19
13	-	28	5	13	12	19	5	13	27	26	3
14	-	42	2	14	16	-	9	14	12	10	5
15	-	20	5	15	10	40	15	15	2	8	-
16	16	15	1	16	19	19	20				
17	-	64	2	17	16	12	15				
18	12	31	3	18	16	11	24				
19	-	15	5	19	4	41	13				
20	17	21	2	20	10	13	11				
21	-	16	1	21	15	20	12				
22	-	30	1	22	4	15	5				
23	-	14	2	23	-	20	4				
24	-	18	-	24	11	71	1				
25	-	16	1	25	-	35	9				
26	6	39	1	26	-	-	4				
27	-	15	2	27	12	25	16				
28	10	-	5	28	15	-	25				
				29	34	59	36				
				30	29	35	27				
				31	31	13	17				
Всего	122	731	82		321	631	368		190	205	163
	853				952				395		

ГММОБЛ. Ф. РД. Оп. 1р. Д. 13. Л. 1–83.

Документ № 22
Эвакуация людей и грузов из Ленинграда

Таблица II.14 А. Военно-санитарная эвакуация
за период с 19 сентября 1941 г. по 12 апреля 1942 г.

Наименование транспорта	Период эвакуации	Количество эвакуированных	Процент к общему количеству эвакуированных за все время
На самолетах	С 19.09 по 26.12.41 г.	8313 чел.	18,3
На пароходах	С 1.10 по 5.11.41 г.	1716 чел.	3,8
На автомашинах по ледовой трассе	С 8.01 по 12.04.42 г.	35 279 чел.	77,9
Всего		45 308	100,0

Таблица II.14 Б. Военно-санитарная эвакуация с 5 января по 12 апреля 1942 г.

Пункты отправления	Всего	
	Дней работы	Эвакуировано
Ленинград	46	35 279
Ваганово (кроме Ленинграда из местных частей)	85	36 325
Войбокала (кроме эвакуированных из Ваганово, из местных частей)	52	33 905

Таблица II.14 С. Состав эвакуированных в порядке разгрузки города Ленинграда (с 21 января по 20 апреля 1942 г.)

№ пп	Наименование группы эвакуированных	Количество эвакуированных по группам	Процент к общему числу эвакуированных
1	Гражданское население	447 265	87,0%
2	Военнослужащие	17 120	3,3%
3	Больные и раненые	9 283	1,8%
4	Спецпереселенцы и заключенные	40 401	7,9%

Таблица II.14 D. Общее количество эвакуированных по ледовой трассе
(с 21 января по 20 апреля 1942 г.)

Месяцы	Число эвакуированных		
	Всего	На машинах военно-автомобильной дороги	На автомашинах эвакопунктов и прочих
Январь 1942 г. (с 21 по 31)	11 296	6 813	4 483
Февраль	117 434	92 029	25 405
Март	221 947	172 617	49 330
Апрель (с 1 по 20-е)	103 392	143 602	19 790
Итого	514 069	415 061	99 008

По Военно-Автомобильная дорога через Ладожское озеро в зиму 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. – СПб.: Галарт, 2018. С. 238–240.

Документ № 23
Статистические данные о потерях при эвакуации учеников ленинградской спецшколы № 2 ВВС

Таблица II.15. Количество учеников спецшколы № 2 ВВС, умерших в вагонах и направленных в больницы и госпитали по ходу эвакуации (с 5 февраля по 8 марта 1942 г.)[1]

Станции и дата их проезда	Умершие в вагонах	Снятые в госпитали и больницы
Финляндский вокзал 05.02	1	-
Борисова Грива 06.02	4	-
Ладожское озеро 06.02	1	-
Жихарево 07.02	20[двое застрелены часовыми у продскладов]	-
Тихвин	1	-
Ефимовская	1	-
Бабаево	2	-
Череповец 10.02	7	-
Вологда 12.02	3	34
Буй 13.02	7	-
Шарья 14.02	1	-
Котельнич	1	-
Балезино	2	-
Ишим	-	3
Верещагино 17.02	2	3
Киров	3	4
Пермь (г. Молотов) 18.02	-	45
Свердловск 22.02	4	12
Тюмень	-	1
Омск	-	2
Новосибирск	1	14
Бийск 8.03	-	2
Итого	61	120

[1] Сводная таблица сделана мной на основе данных из таблиц, составленных автором.

По Соколов А. М. Эвакуация из Ленинграда. Неизвестные факты. Историко-художественная монография. – СПб., 2000. С. 253, 264.

Документ № 24

Список ВУЗов и техникумов, из которых необходимо эвакуировать молодых специалистов выпуска 1941–1942 учебного года на места их назначения

1. Авиационный институт 300 чел.
2. Текстильный институт 140 чел.
3. Институт инженеров железнодорожного транспорта 200 чел.
4. Институт инженеров кинопромышленности 76 чел.
5. Военно-механический институт 50 чел.
6. Ленинградский кораблестроительный институт 78 чел.
7. Педагогический институт им. Герцена 334 чел.
8. Юридический институт 115 чел.
9. Педагогический институт им. Покровского 307 чел.
10. Ленинградский инженерно-строительный институт 122 чел.
11. Пушкинский сельскохозяйственный институт 9 чел.
12. Ленинградский политехнический институт 329 чел.
13. Ленинградский электротехнический институт 142 чел.
14. Институт внешней торговли 18 чел.
15. Фармацевтический институт 60 чел.
16. Ленинградский горный институт 30 чел.

1. Техникум железнодорожного транспорта 60 чел.
2. Архитектурно-строительный техникум 46 чел.
3. Рыбопромышленный техникум 15 чел.
4. Техникум точной механики и оптики 70 чел.

По Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941 – 1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 571.

Примечание: всего 2501 чел., подсчитано мной – Л.Г.

III. Приложение к четвертой главе «Важнейшие проблемы организации эвакуации и реэвакуации ленинградского населения в 1942–1945 годах»

Документ № 1
Статистические данные о потерях при эвакуации ленинградских вузов, прибывших в Кавказские Минеральные Воды, на 4 июня 1942 г.

Таблица III.16. Удельное соотношение выбытия в эвакуацию в Кавминводы контингента ленинградских вузов (22 января – 12 апреля 1942 г.) и прибытия к месту назначения на 4 июня 1942 г.*

Наименование вуза	Выбыло в эвакуацию студентов, проф.-препод., сотрудн.	Прибыло в группу Кавминводы студентов, проф.-препод., сотрудн.	Выбыло в эвакуацию членов семей	Прибыло в группу Кавминводы членов семей	Выбыло в эвакуацию всего	Прибыло в группу Кавминводы Всего
1	2	3	4	5	6	7
Кораблестроительный институт	496	112*	330	9	826 100%	121[1] 15%
Ленинградский институт инженеров связи НКПС	298	260	152	74	450 100%	334 67%
Педагогический институт им. Герцена	1012	373	408	111	1420 100%	484 35%
1-й Педагогический институт иностранных языков	519	199	201	117	720 100%	316 45%
Педагогический институт им. Покровского	1204	294	476	133	1680 100%	427 25%
Институт советской торговли	320	142	98	37	418 100%	179 45%
Институт киноинженеров	374	137	156	95	530 100%	232 46%
Военно-механический институт	630	187	260	85	890 100%	272 30%
Лесотехническая Академия	498	96	158	43	656 100%	139 20%
Инженерно-строительный институт	374	271	144	77	518 100%	348 70%
Пушкинский сельскохозяйственный институт	160	107	58	12	218 100%	119 60%
Институт физкультуры	301	138	99	73	400 100%	211 53%
Институт точной механики и оптики	412	112	154	84	566 100%	196 33%
Институт холодильной промышленности	373	95	156	22	529 100%	117 23%

[1] В документе ошибочно 111. См. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83.

1	2	3	4	5	6	7
Технологический институт им. Молотова	294	139	116	73	410 100%	212 53%
Институт инженеров водного транспорта	358	193	142	95	500 100%	288 58%
Финансово-экономический институт	322	107	128	20	450 100%	127 25%
Горный институт	502	288	198	121	700 100%	409 58%
Институт механизации сельского хозяйства	138	32	91	25	229 100%	57 29%
Инженерно-экономический институт им. Молотова	293	123	117	26	410 100%	149 37%
Электротехнический институт	736	185	294	98	1030 100%	283 28%
Институт инженеров сигнализации и связи им. Бонч-Бруевича	411	260	137	74	548 100%	334 67%
Авиационный институт	803	298	317	86	1120 100%	384 35%
Химико-технологический институт	534	152	216	19	750 100%	171 21%
Ветеринарный ин-т	280	193	110	63	390 100%	256 64%
Политехнический ин-т	1690	415	670	252	2360 100%	667 28%
Юридический ин-т	495	205	198	104	693 100%	309 44%
Текстильный ин-т	519	113	209	30	728 100%	143 20%
Театральный ин-т	359	83	137	33	496 100%	116 23%
Педиатрический ин-т	422	265	171	54	593 100%	319 53%
1-й медицинский ин-т	571	470	225	180	796 100%	650 81%
2-й медицинский ин-т	577	365	246	99	823 100%	464 58%
Фармацевтический ин-т	77	42	12	12	89 100%	54 60%
Стоматологический ин-т	236	99	88	27	324 100%	126 42%
Одиночки: преподаватели и студенты		73		50		123
Итого:	16 588 100%	6623 40%	6672 100%	2513 38%	23 260 100%	9136[1] 39%

[1] В документе ошибочно 8931. См. ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 84.

Примечание:
* указано процентное соотношение прибывших в Кавминводы от выехавших в эвакуацию.
**Из выехавших в эвакуацию весной 1942 г. ленинградских вузов только три не выехало в Кавминводы: Ленинградский государственный университет, Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности.

ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 46. Л. 83, 84 ; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 210–212.

Документ № 2.
Расправа, учиненная гитлеровцами над еврейским населением
на Кавказских Минеральных Водах

Предварительно были созданы еврейские комитеты, собиравшие контрибуцию в пользу Германии. Ограбив население таким образом, в Кисловодске 9 сентября 1942 г. около 1 800 человек собрали, на 18-20 железнодорожных платформах привезли на станцию Минеральные Воды, где в противотанковом рву расстреляли. Остался свидетель: старик Фингерут, спрятавшийся в траву на запасном пути, между колесами. Он видел, как с часу дня до вечера расстреливали пытавшихся убежать людей. Ночью к этому же рву подошли крытые машины, где было около 2 тысяч евреев из Ессентуков, затем таким же образом умертвили 2 800 евреев из Пятигорска. Медицинские исследования трупов показали, что, кроме расстрела, для умерщвления применяли удушение окисью углерода в герметически закрытых машинах. Всего было обнаружено только в противотанковом рву в Минеральных Водах более 6 тысяч человек. Были выявлены и другие могилы: в овраге под Кисловодском, близ Кольцогора (161 труп взрослых и 70 – детей). Трупы были обнаружены в Пятигорске, в каменоломнях на Машук-горе. Были обнаружены 356 трупов, в том числе 66 женских и детских, со следами зверских пыток.

По Толстой А. Н. Коричневый дурман. – Молотов : Огиз; Молотовское Областное Изд-во, 1943.С. 1–12.

IV. Приложение к пятой главе «Военные преступления против гражданского населения Ленинграда в 1941–1944 годах»

Документ № 1
Обзор по сводкам МПВО о поражениях гражданских объектов в результате артиллерийских обстрелов и бомбардировок в сентябре – нач. октября 1941 г.

6 сентября во время артобстрела и воздушной бомбардировки Ленинграда пострадали 278 чел. (из них 51 был убит), 4 жилых дома. Всего было выпущено 48 артиллерийских снарядов и сброшено 9 фугасных бомб на Красногвардейский, Куйбышевский и Смольнинский районы.

С 13 по 18 сентября наиболее интенсивным артобстрелам подвергались Московский и Кировский районы. От воздушных бомбардировок пострадали наиболее центральные районы. В результате бомбардировок и обстрелов было убито 1203 чел., ранено 5598 чел. (в том числе 12% военнослужащих или 819 чел.). В участковых командах МПВО было ранено – 90 чел., убито – 16 чел. При исполнении служебных обязанностей погиб Начальник штаба МПВО г. Колпино капитан Мартыненко. Из образовавшихся при обрушении жилых домов обвалов было извлечено командами МПВО 235 здоровых, 588 раненых и 457 убитых чел.[1]

Были разрушены и повреждены 142 жилых здания и 47 ведомственных и нежилых (в отношении 3:1). Отмечались характерные повреждения жилых зданий. Кроме того, имелись 21 место разрушений канализации, 65 мест разрушения водопровода. Разрушения были ликвидированы, но затрудняли ликвидацию возникших при бомбометании пожаров. На ул. Стремянная, 12 – полностью разрушены 3 нижних этажа, верхние повисли и угрожали обвалом; ул. Б. Московская, 9 – полностью разрушено 4 этажа жилого пятиэтажного дома; ул. Рыночная, 16 – вырвано два нижних этажа шестиэтажного дома, с угрозой обрушения верхних этажей и т. п. Благодаря включению дублирующего питания на работе предприятий разрушения водопровода и канализации не отразились.

Большинство мелких загораний были ликвидированы группами самозащиты жилых домов. Однако крупные пожары причинили большой ущерб на складе им. Бадаева (Московский район), в жилых деревянных бараках у Кировского завода и в жилых домах по ул. Михайловской Кировского района.

О характере спасательных мероприятий можно судить по ликвидации последствий крупного налета 19 сентября, в которой были задействованы 11 540 участковых команд МПВО, 5000 чел. объектовых команд МПВО, 1500 чел. аварийно-восстановительных подразделений

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 23. Л. 98, 100, 185, 186, 203а ; Д. 24. Л. 173, 174.

резерва города, 1850 чел. дружин Красного креста, 4500 чел. групп самозащиты жилых домов. Всего 25 390 чел. Кроме того, 103 машины автонасосов и автоцистерн и 70 машин «Скорой помощи» и приспособленных медико-санитарных машин[1].

Характер массированных бомбардировок, основной целью которых являлись жилые массивы, продовольственные гражданские базы и склады, водопроводные, водосточные и канализационные городские сети, отслеживается на конкретных сводках по дням в сентябре 1941 года.

8 сентября 1941 г. в 18-55 начался первый массированный налет. Всего было сброшено 6327 зажигательных бомб. Были поражены 108 жилых домов и 70 промышленных объектов, пострадало 87 чел. Больше всего пострадал Московский район, на который было сброшено 6000 зажигательных бомб, в том числе на 80 жилых домов.

Во время 1-го налета 280 зажигательных бомб было сброшено на Бадаевские склады, вызвавшие пожар, который тушился с 19-10 до 23-35[2]. О размерах пожара можно судить по тому, что в его тушении принимали участие 52 отделения пожарных городских, 14 объектовых команд, 5 УПК (участковые пожарные команды), 11 автоцистерн, 4 спецхода. В то же время зажигательные бомбы вызвали пожар на Маслозаводе № 5, в результате сгорело 3 склада. 12 зажигательных бомб, пробившие крышу завода, были сброшены на хлебозавод Микояна. 50 зажигалок было сброшено на Ленхладкомбинат, 10 на 2-й Овощекомбинат, 15 на Макаронную фабрику.

Второй налет проходил с 22-39 по 00-42 час. этого же дня, за это время было сброшено 48 фугасных бомб, 3 зажигательные. Из них 6 на промышленные предприятия и 24 на жилые дома. Кроме того, 17 на мосты, дороги, площади, парки и т. п. Возникло 5 пожаров. Было убито 24 чел., ранено – 124 чел., под завалами находились 25 чел.

10 сентября при ночном налете, с 22-27 по 00-25, было сброшено на город 664 бомбы, из них 26 фугасных, 638 – зажигательных. Из них на жилые здания – 184 бомбы, 477 – на промышленные объекты и 4 – на дороги и площади.

В Московском районе одна из бомб (500 кг, сброшенная на парашюте) попала в детский сад на Международной, 90, была разрушена половина детского дома, взрывной волной были выбиты стекла и двери в жилых домах, расположенных неподалеку и в Родильном доме. 29 чел. было ранено. Так же пострадала от взрывной волны больница им. Коняшина. Всего на

---

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 24. Л. 174, 175, 177.

2 Согласно сводке, тушение началось уже через 15 минут после бомбежки. Ошибочно иногда полагают, что бомбежка складов происходила 6 сентября, ее приняли за учебную тревогу и пожар начали тушить с опозданием. (От МПВО к гражданской защите (исторический очерк) / под общ. ред. С. К. Шойгу – Москва : УРСС, 1998. С. 52).

Московский район было сброшено 3 фугасные бомбы. Пострадало 258 чел., 9 – убитых.

Во время данного налета, в 23-10 в очередной раз бомбили Бадаевские склады, было сброшено 420 зажигательных бомб и 1 фугасная бомба весом 500 кг (пострадали склады № 6 – мебельный, 24 – с машинными частями, 25 – пустой, 31; пожары в двух кладовых с продуктами и фруктовом комбинате были погашены)[1].

Бадаевские склады продолжали бомбить и в дальнейшем. Так, 13 сентября в 7-00 по складам было выпущено 5 артснарядов, которыми были перебиты железнодорожные пути, крыша фруктового комбината и повреждены токарные станки. Восстановительные работы велись объектовой командой[2].

Основными объектами бомбежек в сентябре 1941 г. были жилые дома. Так, в Смольнинском районе основными объектами бомбежки 10 сентября 1941 года стали 3-4 этажные жилые дома, на которые было сброшено 5 фугасных бомб. Было убито 8 чел., ранено 70. В Выборгском районе 2 фугасными бомбами были разрушены 2 деревянных жилых дома и общежитие Лесотехнической Академии, убито 3 чел., ранено 29. В Петроградском районе, в 23-12, фугасная бомба не разорвалась в подвале 2-х этажного дома, по адресу Съезжинская, 21. Бомба была обезврежена районным подрывным взводом и нач. подрывной службы города тов. Орловым. Тремя другими фугасными бомбами были разрушены три соседних дома, №№ 25, 27, 29. Были ранены 14 чел. В доме № 29 возник пожар, а в доме № 27 был разрушен верхний этаж. Одна из фугасных бомб (250 кг) была сброшена на Артиллерийский музей, где возник пожар. Всего таким образом ночью было сброшено на Петроградский район 6 фугасных бомб и 1 неразорвавшаяся, исключительно на жилые дома и музей. Так же и в Дзержинском районе была сброшена фугасная бомба на жилой квартал, отчего пострадали 5 домов по улицам Жуковского и Маяковского, было ранено 44 чел. и убито 3 чел. Возник пожар. В Кировском районе 160 зажигательных и 1 фугасная бомба были сброшены на жилые дома. В результате было убито 31 чел., 35 ранено. Для сравнения во время бомбежек промышленных объектов района убитых не было, ранено было 59 чел. 5 фугасных бомб было сброшено на жилые дома Приморского района, а также на Ремесленное училище в Геслеровском пер., 25/11. В результате бомбежки было убито 6 чел., ранено 124. В Куйбышевском районе сброшены 4 фугасные бомбы и 1 зажигательная, две из них попали в больницу им. Куйбышева (зажигательная) и в госпиталь № 2015, по адресу Фонтанка, 36, к счастью не разорвавшаяся. Разорвалась фугасная бомба, попавшая в жилой дом на ул. Маяковского, было ранено 49 чел., убито 2. На Васильевском острове было сброшено 134

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 23. Л. 206–214 ; Д. 24. Л. 25, 31–36.
2 Там же. Д. 24. Л. 60.

зажигательные бомбы на 66 жилых дома. В результате в одном из домов возник пожар: сгорело перекрытие над квартирой, пострадали 2 комнаты.

Всего за этот налет 10 сентября по Ленинграду, было сброшено 1791 зажигательная бомба и 31 фугасная, 3 бомбы не разорвались, помимо указанных. Было ранено 460 чел. Убито 54. Возникло 24 пожара, ликвидированных пожарными командами, и 55 мелких возгораний, ликвидированных группами самозащиты. Фугасные бомбы были в основном 250 кг. Помимо этого, были на парашюте сброшены две 500 кг бомбы большой взрывной силы в Московском районе на Международный пр. (попала в детский сад) и на Петроградской стороне (в жилой массив). Некоторые зажигательные бомбы были снабжены гранатой и давали небольшие взрывы в конце горения. Были случаи использования зажигательных бомб 50 кг, начиненных горючей жидкостью. Все эти бомбы немедленно доставлялись в штаб МПВО и подвергались экспертному анализу. Сводка подписана начальником штаба МПВО гор. Ленинграда майором Трегубовым и начальником 1-го отдела Капитаном Михайловым[1].

11 сентября 1941 г. в 23-00 на город было сброшено 3 388 зажигательных бомб, 41 фугасная. Пострадали общежитие Военно-Механического института, общежитие фабрики «Советская Звезда», жилые дома, склады, водопровод, канализация. Так в Дзержинском районе было сброшено 3 фугасные бомбы и 58 зажигательных на жилой массив в районе улиц Чайковского, П. Лаврова, Воинова, Каляева, пр. Чернышевского, наб. Робеспьера. Было убито 1 чел., ранено – 15 чел. Зажигательные бомбы были погашены группами самозащиты в течение 7–20 минут. Последствия попадания фугасной бомбы, в 23-50, на ул. Рыночной, 14 ликвидировалось отрядами 6 участка МПВО: 2 взводами Медико-санитарной команды (МСК), 4 звеньями Российского общества Красного креста (РОКК), аварийно-восстановительной командой (АВК), а также взводом аварийно-восстановительного отряда района. Ими была оказана пострадавшим помощь и начались работы по очистке завалов и обвалов. Команды прибыли на место в 24-00, через 10 минут после попадания. В Октябрьском районе 690 зажигательных бомб были сброшены на 46 домохозяйств, а также 3 фугасные бомбы. Убито 7 чел., ранено 48 чел. В ликвидации последствий участвовали воинские части и группы самозащиты, а также МСК 1-го участка, противопожарный пост (ППП) 1-го участка, 2 звена РОКК, 3 взвода АВК, районная восстановительная команда.

Для сравнения в тот же налет на Октябрьский район: 50 зажигательных бомб было сброшено на завод им. Марти, 6 зажигательных бомб на завод «Электродело», 8 зажигательных бомб на Минский мост [Современное название не установлено] и 8 зажигательных бомб на

1 Там же. Д. 24. Л. 32–36.

здания райисполкома и райкома ВКП(б). 2 фугасные бомбы не разорвались. Возникли пожары, из которых 31 был ликвидирован пожарными командами и 35 – группами самозащиты и гражданами.

Противник применял комбинированные фугасно-зажигательные бомбы, имеющие устройство головной части по типу фугасной бомбы и тонкий корпус, снаряженный воспламеняющейся жидкостью. Комбинированная бомба пробивала несколько перекрытий, производя большие разрушения и пожар. Было убито 22 чел., ранено 240. В 13-00 в тот же день производился артобстрел, было выпущено 7 снарядов по Володарскому району (по Механической мастерской, базе № 2 и бассейну при Обводном канале)[1].

12 сентября 1941 г. производился артобстрел, основными целями которого являлись железнодорожные станции, заводы, фабрики, трамвайные парки. В то же время из 6 выпущенных артснарядов по Володарскому району все нанесли ущерб жилым домам, не затронув промышленные объекты. Один из снарядов в 9-52 разорвался на площади «Культуры» в Володарском районе. В находящемся поблизости Эвакогоспитале на ул. Ткачей, 7-а, были выбиты стекла и разбиты перегородки. От разрывов было убито 2 чел., 9 чел. ранено.

13 сентября, во время артиллерийского обстрела, в 13-00 5 снарядов было выпущено по Дворцу Пионеров, был ранен 1 чел. Была повреждена металлическая крыша главного корпуса и ограда. Последствия ликвидировались командой МПВО Дворца Пионеров. Другой снаряд, в 17-45, попал в госпиталь на Приютской ул. 1 чел. был убит, 1 ранен. Во Фрунзенском районе 3 артснаряда были выпущены по трем жилым домам, 5 чел. было ранено. Всего 13 сентября было выпущено по городу 202 артснаряда и 4 фугасные бомбы (по Кировскому заводу). Было убито 59 чел. и ранено 161 чел. 15 сентября во время артобстрела Кировского района 5 снарядов попало в жилые дома по ул. Стачек, было убито 3 чел., ранено 5 чел. Помощь пострадавшим была оказана «Скорой помощью» и группами самозащиты жилых домов[2].

Жилые дома подверглись интенсивному артобстрелу 18 сентября 1941 г. с 5-50 до 18-30. Во Фрунзенском районе 2 снаряда попали в хирургическое отделение Военно-Морской Академии, 4 в жилые дома. В Куйбышевском районе 9 снарядов были выпущены по жилому массиву между улицами Желябова, Софьи Перовской, пр. 25 Октября, ул. Дзержинского, наб. Мойки (было убито 9 чел., ранено 45). Ок. 58 артснарядов было выпущено по жилым домам, больницам Октябрьского района (наб. Рошаля, ул. Красная, пр. Майорова, наб. Фонтанки, Бульвар Профсоюзов, Мойка, пл. Воровского, Театральная пл. и др.). Ранено 237 чел., убито 32

1 Там же. Д. 24. Л. 37–46.
2 Там же. Л. 48–51, 61, 62, 65.

чел. Больше всего не повезло дому № 17 по бульвару Профсоюзов. В него попало три артснаряда в 12-16, полностью была разрушена лестничная клетка. Убито 2 чел., ранено 12 чел. Один из снарядов попал в родильное отделение Максимилиановской больницы по ул. Декабристов, 3. Было ранено 9 чел. В Дзержинском районе 17 снарядов было выпущено по жилым домам и памятникам культуры. 6 снарядов попали на поле Жертв революции (ныне Марсово поле), один в Лебяжий канал (ныне Лебяжья канавка). Всего по району было ранено 20 чел., убито 7 чел. и 15 лошадей. В Ленинском районе артснаряд разрушил 3 этаж здания больницы в память 25-Октября. Ранено 2 чел., 1 убит. Всего в этот обстрел по городу было выпущено 256 артснарядов (без Колпино), из них только 77 было выпущено по промышленным объектам (в отношении 1:3). При обстреле было ранено 437 чел., убито 75 чел. Также пострадал лагерь заключенных в Кировском районе, ул. Стачек, 81. Три снаряда попали во двор кавалерийского дивизиона милиции, размещенного на Конюшенной пл., дом 1. Четыре снаряда попали в таксомоторную базу[1].

19 сентября 1941 года на город обрушился один из самых крупных массированных налетов, комбинированный с артобстрелом жилых домов и объектов культуры. В Октябрьском районе 18 фугасных бомб было сброшено на жилые дома. Кроме того, 1 попала в театр «ГАТОБ» (Государственный Академический театр оперы и балета). В Выборгском районе было выпущено 17 осколочно-фугасных бомб. Помимо жилых домов пострадала Лесотехническая Академия от попадания 10 осколочно-фугасных бомб, убито 3 чел., ранено 10 чел. 2 бомбы упали в Неву. В Василеостровском районе 2 бомбы повредили ливневый коллектор и водопроводную трубу. В Дзержинском районе 4 бомбы попали в жилые дома. В Володарском районе 37 фугасных бомб были выпущены по жилым домам. На Красногвардейский район были сброшены 38 фугасных бомб, из них 12 по жилым домам. Из промышленных объектов бомбежке подверглись: ремесленное училище, консервная база райпищеторга, овощной комбинат, электростанция № 16 и др. Было убито 21 чел., ранено – 61 чел. Во Фрунзенском районе 549 зажигательных бомб, 22 фугасные бомбы было сброшено на жилые дома. В Петроградском районе сброшены 12 фугасных бомб по жилым домам, 1 фугасная бомба попала в жилой дом на территории Петропавловской крепости. В Кировском районе 56 фугасных бомб и 85 артснарядов были выпущены по промышленным объектам. Там же 10 фугасов и 10 артснарядов были выпущены по жилым объектам. В Ленинском районе 21 фугасная бомба была сброшена на промышленные объекты, в том числе частично было разрушено зернохранилище на Солодово-дрожжевом заводе. 2 фугасные бомбы попали в поликлинику (одна не разорвалась), были ранены 28 чел., убит – 1. В жилые дома в этом районе было выпущено 39 фугасных бомб, 239 зажигательных. В

1 Там же. Д. 24. Л. 82–89.

Смольнинском районе по жилым домам, медицинским и исправительным объектам было выпущено 48 фугасных бомб. В том числе бомбы попали в Военный госпиталь на Советском пр., 50 и в Константиноградскую исправительно-трудовую колонию. Было убито 36 чел., из них 3 военнослужащих. По воспоминаниям, одним из самых трагических очагов поражения стал Военный госпиталь на Суворовском пр. (дом 50), на который было сброшено три крупнокалиберные бомбы и зажигательные[1]. В Куйбышевском районе было сброшено 15 фугасов исключительно на жилые дома. Ранено 169 чел., убито – 26. На Приморский район были сброшены 54 бомбы на жилые дома, 9 – на промышленные и военные объекты (аэродром). Ранено 173 чел., убито – 22. В Московском районе 34 фугасные бомбы, 454 зажигательных бомб попали в 1-й хлебозавод, мясокомбинат, пищекомбинат, а также на фабрику Пролетарской Победы, Ленхладокомбинат, макаронную фабрику. Подверглись бомбежке и другие промышленные объекты: завод Электросила, коксо-газовый завод. 26 фугасных, 194 зажигательных и 5 неразорвавшихся бомб были сброшены на жилые дома и мелкие предприятия района.

Всего 19 сентября 1941 года было выпущено по городу 97 артснарядов, 528 фугасов, 1435 зажигательных бомб[2]. Из них 316 фугасных и 982 зажигательных бомб, а также 10 артиллерийских снарядов было выпущено по жилым домам. На промышленные объекты – 212 фугасных бомб, 454 зажигательных бомбы, а также 87 артснарядов.

2 октября 1941 г. был интенсивный артобстрел, с 0-45 по 19-13, по Ленинграду был выпущен 201 артснаряд. 56 снарядов были выпущены по жилым домам и складам Бадаева в Московском районе[3].

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 23. Л. 98, 100, 185, 186, 203а, 206–214; Д. 24. Л. 25, 31–51, 60, 61, 62, 65, 82–89, 91–109, 116–123, 173–175, 177, 192–194.

Документ № 2

Обзор по оперативным сводкам начальника штаба охраны войскового тыла Северного фронта и справкам дорожного отдела милиции Октябрьской железной дороги в июле 1941 г.

Согласно оперативной сводке о состоянии тыла Северного фронта на 9.00 4 июля 1941 г., 2 июля произошел взрыв железнодорожного полотна в момент прохода товарного поезда на

1 «Уже через 15 минут после взрыва бомб здание госпиталя превратилось в огромный пылающий факел. Раненые и медперсонал [более тысячи чел. – Л. Г.] оказались в плену огня. Люди, спасаясь, выбрасывались из окон всех этажей. Прибывшие пожарные, медицинские подразделения МПВО, дружинники Красного креста делали все возможное по спасению людей. И все же в очаге поражения погибло более 600 чел.». (*Юркин, Г. В.* Воины-динамовцы в борьбе за Ленинград (1941 – 1942 гг.) // Победа была за нами: Материалы научно-практической конференции / сост. *Л. А. Наливкин.* Государственный Мемориальный Музей Обороны и Блокады Ленинграда. – СПб., 2006. С. 19).

2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 24. Л. 91–109.

3 Там же. Л. 192–194.

линии Выборг, Антреа, был обстрелян часовой в районе ст. Элисенваари. 3 июля в 9 часов на перегоне ст. Иохала-Акахарью (Карельский перешеек) на 121–129 км группой 18–20 чел. диверсантов было взорвано 150 м железнодорожного полотна. В тот же день, 3-го июля в районе ст. Иоханес были сброшены листовки и две бомбы в чистое поле[1].

Однако уже *4 июля* в 18-00 был совершен налет трех вражеских самолетов на ст. Иохалла, были сброшены 10 бомб. В результате были разрушены деревянные строения, здание вокзала, один порожний вагон и повреждено 7 груженых вагонов, телефонные провода на станции, легко ранены два железнодорожника и лейтенант Красной Армии. Один из самолетов безрезультатно обстрелял станцию из пулемета. В тот же день была сброшена бомба на перегоне ст. Хитола-Элисенваари, помимо повреждений железнодорожного пути и связи, был разрушен жилой дом, пострадал дежурный по станции. *5 июля* в районе станций Васколово-Пери и Грузино были сброшены диверсанты, оказавшиеся быв. советскими военнослужащими. В тот же день в районе ст. Хитола-Элисенваари был обстрелян с бреющего полета самолетом пассажирский поезд № 64, следовавший маршрутом Петрозаводск – Выборг, были сброшены мимо две авиабомбы. Были ранены машинист и кочегар, в вагонах побиты стекла. *7 июля* бомба была сброшена в балластный поезд на перегоне Красные Струги и Лагерный Пост, жертв не было[2]. *10 июля* на Ленинградской железной дороге были бомбардированы 10 станций и перегонов, в том числе Дно, Чудово, Мшинск, Кингисепп. 4 авиабомбы были сброшены на ст. Антреа Октябрьской железной дороги[3].

В 14-50 *11 июля* пулеметному обстрелу подвергся пригородный поезд на ст. Низовская по Ленинградской железной дороге, было ранено 4 чел. В этот день бомбежкам подверглись 8 объектов по Октябрьской железной дороге (в том числе станции: Бабино, Померанье) и 4 по Ленинградской (станции: Мшинская, Низовская, Заселенье-Оредеж, г. Кингисепп)[4].

Согласно оперативным сводкам в Ленгорисполком за 1941 год [выборочно – Л.Г.], *12 июля* в 14-40 три двухмоторных бомбардировщика противника обстреляли из пулеметов поезд № 515, следовавший из Мурманска с эвакуированным населением, был ранен машинист, пом. машиниста, гл. кондуктор, поврежден электровоз; в 15-30 на перегоне ст. Мшинская-Толмачево было сброшено 2 бомбы на поезд № 871 (пострадали 30 чел.). В 20-00 *в тот же день* на ст. Оредеж 3 самолетами были сброшены 7 бомб (4 не разорвались), на перегоне Вырица – Поселок в момент отправления пассажирского поезда № 1229-Бис появившимся самолетом было сброшено на поезд 8 бомб. В результате были тяжело ранены 2 чел., легко ранены 2 чел.,

1 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 23. Л. 9, 11, 11об.
2 Там же. Л. 13 об, 17, 18.
3 Там же. Л. 28.
4 Там же. Л. 30, 31.

поврежден вагон. Далее бомбежки стали систематическими. *25 июля* в 5-00 было сброшено 30 фугасных бомб на ст. Будогощ – Пчевжа и обстрелян пулеметным огнем пассажирский поезд, в 16-42 налет повторился, было сброшено 15 фугасных бомб на жел. путь; *27 июля* на ст. Посадниково бомбардировщиками были сброшены 8 фугасных бомб, пулеметным огнем был обстрелян санитарный эшелон (1 чел. – убит, 1 – ранен). В 19-42 *28 июля* 1941 г. на ст. Рогавка (Новгородский район Ленинградской области) был из самолета пулеметным огнем обстрелян пассажирский поезд, ранено 4 чел. *29 июля* на ж/д станции Юза (ст. Волхов) бомбардировщик обстрелял пассажирский поезд, 3 фугасные бомбы были сброшены на железную дорогу. Имелись пострадавшие (количество неизвестно)[1].

Составлено по : ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3с. Д. 23. Л. 11, 11об, 13об, 17, 18, 28, 30, 31, 34, 37, 88, 94, 96, 102. (Курсив мой – Л.Г.)

Документ № 3. Медицинское обслуживание в Ленинграде за 1941–1944 гг.
Таблица IV.17. Обслуживание больных ленинградскими больничными учреждениями в 1941 – 1944 годах

	На XII/1941			На XII/1942			На XII/1943			На XII/1944		
	Число учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год	Кол-во учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год	Число учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год	Число учр-ий	Поступило больных	Провед. койко-дней за год
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Общие и спец. больницы	15	66963	1000136	58	117075	3761696	47	62776	2612854	31	52465	1216098
В том числе инфекционные				4	7444	223581	3	3612	136586	2	3255	70590
Клинич. больницы	8	84629	1405408	8	46773	1319648	9	33281	1077450	9	46334	1042284
В том числе инфекционные				1	8463	244628	1	7616	180109	1	9320	179985
Туберкулезные Б.	5	4622	290952	5	1515	95961	3	1476 без дет.	136790	6/1	1920	128575
Детские (без туб.)	13	67121	1317387	20	41439	1333611	18	28015	1133026	19	38809	1014744
Туб.							1	66	30531	1	38	17538
Инф.							5	10264	332796	5	16824	352392
роддома	13	71578	616504	7	17013	271830	9	14749	215018	10	26920	306154

1 ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 3. Д. 23. Л. 34, 37, 88, 94, 96, 102.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Клиники вузов				4	16872	674225	4	13421	592491	5	18146	580667
Стациона-ры НИИ	5	9950	390863	10	9961	519591	10	7370	456200	12	11171	514079
люпозории	-	291	25797									
Прочие самост. стациона-ры	18	19371	342801									
Итого без психиатр. больниц	77	324525	5389846	112	250648	7976562	100	161088	6223829	92 +1	195765	4802601
Псих. больницы	4	9583	1561201	3	7225	525917	3	3240	444832	3	2561	403150
Леч. Колонии для псих. больных	1	1254	408548									
Итого псих. боль-ных	5	10837	1969746	3	7225	525917						

Таблица IV.18. Количество лиц, получивших медицинскую помощь в 1941 – 1944 годах[1]

Население Ленинграда:		1941	1942	1943	1944
Все население*		3.217. 062	2.332.800	668.800	528.100
лечившееся в стационаре (вкл. психиатрические)		325.362	257.873	164.328	198.326
Удельный вес		**10,00%**	**11,00%**	**25,00%**	**38,00%**
получившее амбулаторную помощь на дому (кол-во посещений)	Врачами	2.866.698	1.610.671	733.900	1.330.600
	Средним персоналом	1.970.634	672.791	664.500	1.056.700
	Всего	4.837.332	2.283.462	1.398.400	2.387.300
Удельный вес		**150%**	**98%**	**209%**	**452%**
Число лиц, которым оказана помощь «Скорой помощи»		-	-	22.500	58.902
Удельный вес		**-**	**-**	**3,4%**	**11,2%**
* Численность населения взята на 1 января 1941[2], 1942 и 1943[3], на 1 марта 1944[4] г.					

1 Составлено мной на основе статистических отчетов Планового отдела ЛГЗО в НКЗ СССР.

2 ЦГАИПД СПб. Ф. 24 «Ленинградский Областной Комитет ВКП(б)». Оп. 2в. Д. 5115. (Материалы Управления нар.-хоз. учета г. Лен-да. 6. II. 41–13.VII. 41). Л. 21, 27.

3 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11.

4 Документ №272. Докладная записка А. П. Смирнова А. А. Жданову об использовании трудовых ресурсов

Количество населения на начало года, а количество посещений или оказания помощи на дому взято на конец т. г. Учитывая динамику показателей численности населения, данные показатели условны

ГА РФ. Ф. Р-8009 (Народный Комитет здравоохранения СССР). Оп. 6. Д. 633. Л. 6, 7,8; Д. 804. Л. 2, 4; Д. 962. Л. 2,5; Д. 1115. Л. 2,5.

. Таблица IV.19. Распределение больных по возрасту в ленинградских больницах системы Наркомздрава РСФСР на 4 ноября 1942 года

Тип стационара	Всего больных	Возраст (абсолютные цифры)							
		0-15	В том числе				16-19	20-59	60 и старше
			0-1г.	1-2	3-7	8-15			
Подчинение ГЗО									
Общие соматические больницы	3262	80	2	5	10	63	189	2598	395
Госпитали	5001	575	6	45	235	289	432	3502	492
Клинические больницы	2965	145	3	3	36	103	270	2279	271
Институты	900	213	-	1	61	151	112	537	37
Туберкулезные больницы	232	82	-	2	77	3	27	121	2
Итого соматические больницы для взрослых	12360	1095	11	56	419	609	1031	9037	1197
Соматические больницы для детей	2212	2102	41	187	854	1020	90	20	-
Инфекционные больницы для взрослых	902	41	-	-	-	41	70	699	92
Инфекционные больницы для детей	699	418	4	67	221	126	56	201	25
Родильные дома	607	6	1	-	-	5	16	506	79
Психиатрические больницы	1052	29	-	-	3	26	52	879	92
Подчинение НКЗ									
Учреждения НКЗ	1917	371	30	110	99	132	109	1266	167
Всего по стационарам системы НКЗ	19745	4062	87	420	1596	1959	1423	12608	1652

ЦГА СПб. Ф. 9713. Оп. 1. Д. 100. Л. 22.

Ленинграда от 6 апреля 1944 г. // Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / Отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: РОССПЭН, 2019. С. 642.

Таблица IV.20. Удельный вес основных форм заболеваемости за 3-й квартал 1942 г. по отдельным обкомам и завкомам профессиональных союзов в г. Ленинграде*

Областные Комитеты	Формы болезней					
	Грипп	Дистрофия	Остро-желуд.	Произв. травмы	Бытовые травмы	Прочие
ср. машиностр.	13	9	8,5	7,5	6,9	36нрзб
швейн.пром.	9,8	-	10	0,4	5,1	58**
обувной пром.	13,8	12,7	6,5	5,3 нрзб	5,7	38нрзб
З-д им. Ленина	14,5	22,2	6,7	2,5	9,4	26,3нрзб
* В отчете сумма меньше 100%, вероятно указаны не все формы заболеваний. ** В число прочих болезней у швейников входили дистрофия, авитаминоз.						

ЦГА СПб. Ф. 9023 «Уполномоченный по делам ВЦСПС». Оп. 1. Д. 13. Л. 12. (Из отчета о работе профсоюзных организаций города Ленинграда за период с июля 1942 года по ноябрь 1943 года).

Документ №4. Динамика населения в г. Ленинграде.
Июль 1941 – март 1943 гг.

Таблица IV.21. Контингенты населения в Ленинграде и их изменения за период с июля 1941 г. по март 1943 г. (по Отчету о торговле и общественном питании Продовольственной Комиссии при военном Совете Ленинградского фронта)

Период	Количество человек, получивших карточки	Не получивших карточки	Всего
Июль месяц 1941 года	2.652,5	62,0	2714,5
Октябрь месяц 1941 года	2.371,3	108,0	2479,3
Январь месяц 1942 года	2.281,8	51,0	2332,8
Апрель месяц 1942 года	1.612,2	33,0	1645,2
Июль месяц 1942 года	1.040,5	77,0	1117,5
Октябрь месяц 1942 года	670,6	27,0	697,6
Январь месяц 1943 года	637,4	31,4	668,8
Март месяц 1943 года	606,8	43,4	650,2

ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 78. Л. 11.

V. Приложение к шестой главе «Политико-правовые проблемы и противоречия осуществления мероприятий по спасению гражданского населения Ленинграда»

Документ № 1.
Переписка об исполнении решений Ленгорисполкома в 1942 году

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ВОЕННОГО ПРОКУРОРА Г. ЛЕНИНГРАДА А. И. ПАНФИЛЕНКО

23 января 1942 г.
№ 0109

Секретарям Ленинградского Городского
Комитета ВКП(б)
тов. КУЗНЕЦОВУ А. А.
тов. КАПУСТИНУ Я. Ф.
Председателю Исполкома Ленинградского
Совета депутатов трудящихся
тов. ПОПКОВУ П. С.

Проведенной 22–23 января с.г. Военной Прокуратурой города Ленинграда проверкой отгрузки продовольствия для гор. Ленинграда со ст. Ладожское озеро установлено, что основным виновником срыва отгрузки продовольствия является Управление Октябрьской железной дороги, до последнего времени не обеспечившее нормальной работы железнодорожного транспорта.

Главной причиной срыва погрузки продовольствия является несвоевременная подача порожняка под погрузку и при этом в количестве недостаточном для отгрузки всего продовольствия, поступающего ежедневно на склад № 891, находящийся на ст. Ладожское Озеро.

Так например, 12/I-1942 г. на склад № 891 поступило 1392,7 тонн продовольствия, а железной дорогой было подано лишь 18 вагонов, в результате чего отгружено было лишь – 292,2 тонны; 13/I-42 г. поступило продовольствия – 1167,1 тонн, подано лишь только 18 вагонов, на которых было отгружено – 231,4 тонны; 14/I-42 поступило на склад 1200,1 тон., подано 70 вагонов и отгружено 1114,8 тонн продовольствия.

Необходимо отметить, что график подачи порожняка на ст. Ладожское Озеро и движения поездов введен Октябрьской железной дорогой лишь с 20/I-42 г., причем в первые же дни график этот не выполняется. Поезда по графику не прибывают, а прибывающие идут с опозданием, чем нарушается план работы станции и срывается своевременная отправка поездов с продовольствием.

Например: 20/I-42 г. поезд № 703 должен был прибыть по расписанию в 11 час. 47 мин., фактически прибыл в 15 час. 35 мин.; 21/I-42 г. поезд № 713 по расписанию должен был прибыть в 4 ч.58 мин., фактически прибыл в 9 ч. 55 мин.; 22/I-42 г. поезд № 713 вместо 4 ч.58 м. прибыл в 4 ч. 00 м. и т.д.

Железная дорога не обеспечивает подачи ежедневно пяти пар поездов, так в течение суток

с 18 ч.00 м. было подано 21/I-42 г. лишь три состава в количестве 92 вагонов.

Случаи срывов подачи железной дорогой порожняка под погрузку продовольствия носят систематический характер.

В Январе месяце имели место срывы подачи порожняка – 6/I-42 г. – 15 вагонов на 2 часа; 8/I-42 г. – 20 вагонов на 3 часа; 9/I-42 г. – 23 вагона на 6 часов; 10/I-42 г. – 13 вагонов на 4 часа; 11/I-42 г. – 18 вагонов на 6 часов;12/I-42 г. – 22 вагона на 7 часов; 13/I-42 г. – 19 вагонов на 12 часов;20/I-42 г. – 24 вагона на 5 часов; 21/I-42 г. – 35 вагонов на 6 часов.

Указанный выше срыв подачи порожняка сплошь и рядом приводит к простою рабочей силы, занятой на работах по погрузке.

Так, 19/I-42 г. были на простое 3 ч.30 м. – 127 чел.; 2 ч.15 м. – 250 чел.; 5 час. – 250 чел.

На задержку отправки поездов с продовольствием влияет и прибытие паровозов, недостаточно снабженных топливом, между тем заготовка дров на ст. Ладожское Озеро начата Октябрьской железной дорогой лишь 12/XII-41 г., при чем количество заготавливаемых и вывозимых к путям дров может обеспечить лишь один паровоз.

Кроме того, на станции не обеспечено паровозное и вагонное хозяйство так как нет никаких вспомогательных мастерских для текущего ремонта, нет пункта осмотра паровозов и вагонов, рабочие не обеспечены инструментом, отсутствуют смазочные и набивные материалы.

Срыв Октябрьской железной дорогой, по указанным выше причинам, нормальной отгрузки продовольствия для Ленинграда, привел к тому, что на ст. Ладожское озеро по состоянию на 22 января 1942 года скопилось 5764 тонны различного продовольствия, в том числе муки – 2629,4 тонны, мяса – 1151,2 тонны, крупы – 540,2 тонны.

В свою очередь, наличие столь большого количества неотгруженного продовольствия и неприспособленность территории склада № 891 к приему и хранению большого количества продуктов, которые находятся на открытом воздухе, приводит к многочисленным случаям не только мелких краж, но и крупных хищений продовольствия.

Только с 1-го по 20-ое Января 1942 г. Военным Прокурором ст. Ладожское Озеро направлено в Военный Трибунал – 12 дел о хищениях, из них 6 дел квалифицированных по закону от 7/VIII-1932 года.

Кроме того, в производстве Прокурора на 22/I-42 г. имеется 8 дел о хищениях продуктов с территории склада.

Необходимо отметить, что и в организации погрузочных работ командованием склада № 891 так же имеют место ряд недостатков; невыполнение установленных сроков на погрузку вагонов, распыление погруженного в вагоны груза по большинству количеству станций

назначения, что создает излишнюю маневровую работу, отсутствие отправительной маршрутизации, т.е. назначение целого состава на одну станцию назначения.

Командованием склада № 891 и представителями Интендантского Управления Ленфронта на месте принимаются меры к устранению указанных недостатков.

Вместе с тем командование склада № 891 при нормальной подаче порожняка может обеспечить ежедневную отгрузку 2500–3000 тонн продовольствия.

Доводя об изложенном до Вашего сведения, прошу дать Управлению Октябрьской железной дороги соответствующие указания.

Одновременно прошу обсудить вопрос об ответственности работников Управления Октябрьской железной дороги виновных в срыве отгрузки продовольствия для гор. Ленинграда.

Военный прокурор гор. Ленинграда

Бригвоенюрист [подпись] (Панфиленко)

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 14–17.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ВОЕННОГО ПРОКУРОРА Г. ЛЕНИНГРАДА А. И. ПАНФИЛЕНКО

16 декабря 1942 г.
№ 01827
Секретно

Секретарю Ленинградского Городского
Комитета ВКП(б)
Тов. КАПУСТИНУ Я.Ф.
Председателю Исполкома Ленинградского
Совета депутатов трудящихся
Тов. ПОПКОВУ П.С.

Военный прокурор Октябрьского района донес мне, что направленные на оборонные работы на ст. Осиновец Исполкомом Октябрьского райсовета, согласно разверстки У.В.Р. 5-го декабря с.г. 66 человек, прибыв в тот же день к месту назначения, были возвращены на ст. Борисова Грива, откуда переброшены на 44 километр, где находились до 13 декабря, не будучи использованы на работе.

Согласно разверстке того же У.В.Р. 5 декабря, на оборонные работы была направлена и вторая группа в 110 чел. Эта группа рабочих с 5-го по 8-е декабря находилась без всякого дела на Финляндском вокзале, а затем была направлена в село Рыбацкое на Лесопильный завод, где находилась без работы до 12 декабря после чего 110 человек были использованы на разборке щепы и уборке снега.

Сообщая об изложенном, прошу принять меры к упорядочению использования на работе лиц мобилизованных в порядке трудовой повинности.

Военный прокурор гор. Ленинграда

Бригвоенюрист [подпись] (Панфиленко)

Н.И. Пономареву*

Ввиду того, что основные работы, за отсутствием [нрзб],
не производились, рабочая сила врем. [енно] использовалась
на подсобных работах.
(справка УВВР-2 т. Колесников)
19/XII 42 [подпись нрзб]
Медлительность и малотолковость
мобил. [изованных] по р-нам вызывает задержку
комплектования эшелонов на [нрзб]

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 57. Л. 214.
* Примечание: подписано внизу слева чернилами

Документ № 2.

Таблица V.22. Сравнительные данные норм питания заключенных по СССР, Ленинграду и Ленобласти на 13 октября 1942 года

Продукты	По СССР	По Ленинграду	По Ленобласти
Хлеб	700 г в день	400 г в день	300 г в день
Крупа – макароны	2 400 в месяц	1500 г в месяц	800 г в месяц
Мясо – рыба	3 750 в месяц	1000 г в месяц	300 г в месяц
Жиры	450 г в месяц	400 г в месяц	200 г в месяц
Сахар	300 г в месяц	500 г в месяц	250 г в месяц

Составлено по: Представление прокурора области заместителю председателя Леноблисполкома В. Д. Семину с указанием на незаконность действий Леноблсовета и просьбой пересмотреть заниженные нормы питания заключенных тюрем и колоний Ленинградской области // Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – Санкт-Петербург : Лики России, 1995. С. 243–244.

Документ № 3.

Таблица V.23. Сеть лечебно-оздоровительных детских учреждений Ленгорздравотдела в 1941–1944 гг.

Период	Месяц	Номенкл.ед.	Больницы для детей	Больницы туберкулезные (все: взрослые и детские)	Родильные дома	Санатории для детей	Дома ребенка	Детские ясли	Детские поликлиники	тубдиспансеры	Консультации	Молочные кухни
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1941	VII	Учр	21	12	19	33	9	267	18	24	44	28
		койки	5240	1530	2189	3317	774	24407	913	329	941	
	X	Учр	13	5	15		7	139	17	19	42	27
		койки	3850	400	1492		658	17141	537	204	751	
1942	I	Учр	13	5	15	13	6	135	18	16	40	26
		койки	3955	400	1430	3955	550	14713	534	189	674	
1942	IV	учр.	13	5	14	13	19	137	18	18	38	26
		койки	3360	365	1506	3360	1825	15516	534	195	606	
	VII	учр.	20	4	6	20	19	10170	18	18	38	26
		койки	4635	195	906	4635	1875		260	167	340	
	X	учр.	20	5[4]	6	20	5	100	18	17	37	26
		койки	4150	195	731	4150	480	8300	260	144	349	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1943	I	учр.	20	5	6	20	3		18	18	30	22
		койки	4360	295	810	4360	280	7960	312	122	273	
1944	I	учр.			6		5		36	18	50	24
		койки			1245		406					

ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д.54. Л. 16, 111, 136. Данные на 1-ое число текущего месяца и года.

VI. Приложение

Важнейшие нормативные акты органов власти и управления СССР и РСФСР, а также решения Ленгорисполкома по вопросам обеспечения жизнедеятельности гражданского населения. 1941–1944 годы[1]

I. Организация обороны страны и самозащиты гражданского населения

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северокавказскому и Закавказскому военным округам» от 22 июня 1941[2].
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» от 22 июня 1941[3].
3. Постановление ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР «Об образовании Государственного Комитета обороны (ГКО)» от 30 июня 1941.
4. Постановление СНК СССР № 1750 от 25 июня 1941 г. «О сдаче населением радио-приемных и передающих устройств»[4].
5. Постановление СНК СССР № 1795 от 2 июля 1941 г. «О расширении прав Народных Комиссаров СССР в условиях военного времени»[5].
6. Постановление СНК СССР № 1812 от 2 июля 1941 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне»[6].
7. Постановление ГКО СССР № 81 от 9 июля 1941 г. «Об образовании в местностях, объявленных на военном положении, городских аварийно-восстановительных отрядов местной противовоздушной обороны» (Докладная записка Вышинского А. Я. Молотову В. М.)[7] .
8. Постановление ГКО СССР № 121сс от 13 июля 1941 г. [О назначении Жданова А. А. Членом Военного совета главнокомандующего Северо-Западным направлением]. (Шифротелеграмма Ворошилова К. Е. Сталину И. В., Молотову В. М.)[8] .
9. Постановление СНК СССР № 1878 от 18 июля 1941 «О распространении Постановления Совнаркома СССР № 1795 от 1 июля 1941 “О расширении прав Народных Комиссаров СССР в условиях военного времени” на Народных Комиссаров РСФСР и УССР»[9].
10. Постановление ГКО СССР № 232сс от 22 июля 1941 г. «О противовоздушной обороне г. Ленинграда» (Докладные записки Жукова Г. К., Никишева Д. Н., Попова М. М., Жданова А. А. Сталину И. В.)[10].
11. Постановление ГКО СССР № 235с от 22 июля 1941 г. «О передаче на рассмотрение военных трибуналов всех дел о преступлениях, совершаемых в исправительно-трудовых лагерях НКВД

---

1 В тексте могут встречаться ссылки на нормативные акты, не включенные в данный указатель.

2 Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (Ленгорсовета). – 1941. – № 26 / 488 (от 7 июля). С. 1-5.

3 Там же.

4 ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 1. Д. 194. Л. 230–232.

5 Там же. Л. 257–263.

6 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1941. – № 16. С. 504-505.

7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945. Аннотированный каталог. В 2 Т. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – (70 лет Победы в Великой Отечественной войне). Т. 1: 1941–1943. С. 51.

8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность…. Т. 1: 1941–1943. С. 58.

9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 400–403.

10 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1... Т. 1: 1941–1943. С. 74.

СССР, находящихся в местностях, объявленных на военном положении» (Докладная записка Вышинского А. Я. Молотову В. М.)[1].

12. Распоряжение ГКО СССР № 259сс от 23 июля 1941 г. «Об изготовлении аэростатов заграждения»[2].
13. Постановление ГКО СССР № 260сс от 24 июля 1941 г. «О переводе на казарменное положение истребительных батальонов управления НКВД в г. Ленинграде» (Выписка из протокола заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 21 июля 1941)[3].
14. Постановление ГКО СССР № 261сс от 24 июля 1941 г. «О переводе на казарменное положение истребительных батальонов управления НКВД в Ленинградской области» (Выписка из протокола заседания бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 22 июля 1941)[4].
15. Постановление ГКО СССР № 416сс от 7 августа 1941 г. «О производстве противогазов для гражданского населения»[5].
16. Постановление ГКО СССР № 564сс от 23 августа 1941 г. [О назначении Павлова К. А. нач. ГУ оборонительных работ НКВД, Кубаткина П. Н., нач. Управления по Ленинградской обл. НКВД, и об освобождении Лагунова Н. М. от этой должности][6].
17. Постановление ГКО СССР № 572сс от 24 августа 1941 г. «О создании Военного совета обороны гор. Ленинграда и Военного совета при коменданте Красногвардейского укрепрайона». (Шифротелеграмма Ворошилова К. Е., Жданова А. А. Сталину И. В., телеграмма Кузнецова А. А., Попкова П. С. Сталину И. В.)[7].
18. Распоряжение ГКО СССР № 573сс от 24 августа 1941 г. [О создании трехмесячного запаса взрывчатых веществ в Ленинграде] (Докладные записки Горемыкина П. Н., Яковлева Н. Д., Новикова И. И. Вознесенскому Н. А., Кузнецова В. В. Вознесенскому Н. А., Александрова А. С. в ГКО)[8].
19. Распоряжение ГКО СССР № 586 от 26 августа 1941 г. [О назначении Молотова В. М., Маленкова Г. М., Кузнецова Н. Г., Косыгина А. Н., Жигарева П. Ф., Воронова Н. Н., уполномоченных для рассмотрения и решения вопросов обороны, эвакуации предприятий и населения г. Ленинграда] (Мандат)[9].
20. Постановление ГКО СССР № 599сс от 29 августа 1941 г. [О Северо-Западном фронте и назначении Попова М. М., начальником штаба, Жданова А. А., Кузнецова А. А., Исакова И. С. и Клементьева И. П. – членами Военного Совета Главного командования Северо-Западного направления и Ленинградского фронтов] (Докладная записка Молотова В. М., Маленкова Г. М., Ворошилова К. Е., Жданова А. А. Сталину И. В.)[10].
21. Постановление ГКО СССР № 601сс от 30 августа 1941 г. «О Военном совете обороны Ленинграда». [Об упразднении Военного совета обороны Ленинграда и передаче его властных функций Военному совету Ленинградского фронта] (Шифротелеграмма Молотова В. М., Ворошилова К. Е., Жданова А. А. И Маленкова Г. М. Сталину И. В.)[11].
22. Постановление ГКО СССР № 604сс от 30 августа 1941 г. «О транспортировке грузов для Ленинграда» (Докладная записка Молотова В. М., Маленкова Г. М., Косыгина А. Н., Жданова А.

---

1 Там же. С. 75.
2 Там же. С. 77.
3 Там же. С. 78.
4 Там же. С. 78.
5 Там же. С. 100.
6 Там же. С. 123.
7 Там же. С. 124.
8 Там же.
9 Там же. С. 126.
10 Там же. С. 128.
11 Там же.

А. Сталину И. В., Микояну А. И., Кагановичу Л. М.)[1].

23. Распоряжение ГКО СССР № 670 от 13 сентября 1941 г. [О назначении Меркулова В. Н. уполномоченным ГКО по специальным делам и подготовке уничтожения предприятий в Ленинграде на случай отхода Красной армии] (Мандат)[2].
24. Постановление ГКО СССР № 690 от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»[3].
25. Постановление ГКО СССР № 692сс от 20 сентября 1941 г. «Об установлении транспортной воздушной связи с городом Ленинградом»[4].
26. Постановление ГКО СССР № 874сс от 9 ноября 1941 г. «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Союза»[5].
27. Постановление ГКО СССР № 894сс «О формировании национальных войсковых соединений»[6].
28. Постановление ГКО СССР № 1127с от 11 января 1942 г. «О строительстве железной дороги от ст. Войбокало до Ленинграда»[7].
29. Постановление ГКО СССР № 1288сс от 15 февраля 1942 г. [О призыве в Красную Армию военнообязанных в возрасте до 45 лет, зачисленных в местные команды МПВО][8].
30. Постановление ГКО СССР № 1320с от 21 февраля 1942 г. «О перерегистрации паспортов у граждан, проживающих в режимных местностях, запретных зонах и пограничной полосе Союза ССР, и наклейке на них контрольных листков»[9].
31. Постановление ГКО СССР № 1488сс от 25 марта 1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО» (Докладная записка Щаденко Е. А., Громадина М. С. Поскребышеву А. Н.)[10].
32. Постановление ГКО СССР № 1544сс от 5 апреля 1942 г. «О реорганизации Бакинского и Ленинградского корпусных районов ПВО»[11].
33. Постановление ГКО СССР № 1595сс от 13 апреля 1942 г. «О замене во фронтовых, армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи красноармейцев [мужчин] женщинами»[12].
34. Постановление ГКО СССР № 1597с от 13 апреля 1942 г. [О монтаже гидроакустических станций в Ленинграде и о прокладке подводного кабеля в Белом море][13].
35. Постановление ГКО СССР № 1618сс от 18 апреля 1942 г. «О замене в тыловых частях и учреждениях ВВС Красной Армии военнослужащих мужчин женщинами»[14].
36. Постановление ГКО СССР № 1640сс от 25 апреля 1942 г. «Об обеспечении зенитными пулеметными установками барж и буксиров Наркомречфлота на Ладожском озере»[15].
37. Постановление ГКО СССР № 1657 от 26 апреля 1942г. «О гражданском воздушном флоте»[16].
38. Постановление ГКО СССР № 1669сс от 27 апреля 1942 г. «О защите гражданского населения» [противохимической][17].

---

1 Там же. С. 129.
2 Там же. С. 140.
3 Там же. С. 143.
4 Там же. С. 144.
5 Там же. С. 170.
6 Там же. С. 173.
7 Там же. С. 210.
8 Там же. С. 233.
9 Там же. С. 238.
10 Там же. С. 265.
11 Там же. С. 277.
12 Там же. С. 289.
13 Там же. С. 290.
14 Там же. С. 294.
15 Там же. С. 297.
16 Там же. С. 301.
17 Там же. С. 303.

39. Постановление ГКО СССР № 1677 от 29 апреля 1942 г. [О назначении Попкова П. С. членом Военного Совета Ленинградской армии противовоздушной обороны, Кочеткова П. В. – членом Военного Совета Ленинградского фронта и пр.][1].
40. Постановление ГКО СССР № 1703сс от 5 мая 1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок и не комсомолок-добровольцев в Военно-морской флот»[2].
41. Постановление ГКО СССР № 1733 от 12 мая 1942 г. [О назначении Шикина И. В. Начальником Политуправления Ленинградского фронта и о назначении Горохова Н. И. Членом Военного Совета 53-й армии][3].
42. Постановление ГКО СССР № 1739с от 12 мая 1942 г. «Об организации сбора стреляных орудийных и винтовочных гильз населением прифронтовой полосы»[4].
43. Постановление ГКО СССР № 1935 от 26 июня 1942 г. «О составе Военного совета Ленинградского фронта»[5].
44. Постановление ГКО СССР № 1938сс от 28 июня 1942 г. «О военной цензуре»[6].
45. Постановление ГКО СССР № 1948сс от 2 июля 1942 г. «Об ответственности железнодорожных служащих за сохранность перевозимых по железным дорогам народнохозяйственных грузов в военное время»[7].
46. Постановление ГКО СССР № 1955сс от 3 июля 1942 г. «О распространении действия постановления ГКО от 2 июля 1942 г. за № 1948сс "Об ответственности железнодорожных служащих за сохранность перевозимых по железным дорогам народнохозяйственных грузов в военное время" и на служащих морских и речных пароходств СССР»[8].
47. Постановление ГКО СССР № 2079 от 23 июля 1942 г. «Об упразднении Управления Ленинградской ж. д.»[9].
48. Постановление ГКО СССР № 2156сс от 7 августа 1942 г. [О пополнении для Волховского фронта][10].
49. Постановление СНК СССР № 1364 от 13 августа 1942 г. «Об ответственности за нарушения правил пожарной безопасности»[11].
50. Постановление ГКО СССР № 2291с от 13 сентября 1942 г. «О городских комитетах обороны» (Список городских комитетов обороны, образованных постановлениями ГКО)[12].
51. Постановление ГКО СССР № 2508 от 12 ноября 1942 г. «О борьбе с хулиганством и бандитизмом в Узбекистане»[13].
52. Постановление ГКО СССР № 3588сс от 15 июня 1943 г. «Об усилении ПВО важнейших промышленных центров, мостов и электростанций»[14].
53. Постановление ГКО СССР № 3592сс от 16 июня 1943 г. «О местной противовоздушной обороне»[15].

---

1 Там же. С. 304.
2 Там же. С. 310.
3 Там же. С. 317.
4 Там же. С. 319.
5 Там же. С. 365.
6 Там же.
7 Там же. С. 367.
8 Там же.
9 Там же. С. 401.
10 Там же. С. 420.
11 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 308 – 310.
12 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 448.
13 Там же. С. 510.
14 Там же. С. 813.
15 Там же.

54. Постановление ГКО СССР № 3660сс от 29 июня 1943 г. [Об улучшении управления частями и соединениями ПВО] (реорганизация системы ПВО и создании Зап. и Вост. фронтов ПВО)[1].
55. Постановление ГКО СССР № 3990сс от 28 августа 1943 г. «О снабжении теплыми вещами личного состава Красной армии на зиму 1943–1944 гг.». Приложение №1. Норма №1 снабжения теплыми вещами Карельского фронта и 7-й армии. Приложение №2. Норма №2 снабжения теплыми вещами Ленинградского и Волховского фронтов и пр.)[2].
56. Постановление ГКО СССР № 5507сс от 29 марта 1944 г. «Об усилении противовоздушной обороны Ленинграда»[3].
57. Постановление ГКО СССР № 5758с от 30 апреля 1944 г. «Об обеспечении водородом частей аэростатного заграждения г. Ленинграда»[4].
58. Постановление ГКО СССР № 5907с от 16 мая 1944 г. «О призыве в армию 25 000 женщин-добровольцев» (Приложение. Расчет призыва в армию женщин для замещения вспомогательных должностей)[5].
59. Постановление СНК СССР № 1149 от 24 августа 1944 г. «Об утверждении разъяснения Секретариата ВЦСПС "О зачёте в общий трудовой стаж и в стаж непрерывной работы времени службы в Красной Армии и Военно-Морском Флоте"»[6].
60. Постановление ГКО СССР № 6454сс от 24 августа 1944 г. «О передаче НКВД СССР личного состава городских частей местной противовоздушной обороны»[7].
61. Постановление ГКО СССР № 6457сс от 24 августа 1944 г. [Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно увезенных немцами, а также по другим причинам оказавшихся за границей СССР] (Докладная записка Берии Л. П. Молотову В. М.)[8].
62. Постановление ГКО СССР № 6784сс от 25 октября 1944 г. «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения»[9].
63. Постановление ГКО СССР № 7205сс от 24 декабря 1944 г. «О реорганизации фронтов ПВО и передислокации штабов фронтов ПВО» (Приложение. Список частей 2 гвардейского ленинградского авиационного корпуса ПВО и 96 района авиационного базирования, передаваемых в состав Центрального фронта ПВО)[10].

64. Постановление СНК РСФСР № 502 от 2 июля 1941 «О порядке подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне и порядке организации групп самозащиты на территории РСФСР»[11].
65. Постановление СНК РСФСР № 523 от 10 июля 1941 «Об организации местной противовоздушной обороны в городах и населенных пунктах РСФСР»[12] .
66. Инструкция по МПВО детских садов. Утв. Зам. Наркома просвещения РСФСР Сарычевой от 8 июля 1941[13] .

---

1 Там же. С. 829.
2 Там же. С. 931.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 182.
4 Там же. С. 279.
5 Там же. С. 315.
6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 233. Л. 214–215.
7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 483.
8 Там же. С. 484.
9 Там же. С. 580
10 Там же. С. 676.
11 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1941. – № 7. С. 78-79.
12 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1941. – № 7. С. 79–80.
13 Дошкольное воспитание. – 1941. – № 8. С. 17–24.

Решения Ленгорисполкома:

67. Приказ № 1 по МПВО гор. Ленинграда от 27 июня 1941[1].
68. О мероприятиях по борьбе с пожарами от 30 июня 1941. Пр. № 46, п. 50[2].
69. О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне от 11 июля 1941. Пр. № 47, п. 16.
70. Инструкция по санитарному содержанию и оборудованию убежищ от 9 ноября 1941 г. Пр. № 88[3].
71. О состоянии эксплуатации щелей от 10 ноября 1941. Пр. № 54, п. 36[4].
72. О группах самозащиты МПВО в домохозяйствах города Ленинграда от 23 мая 1942. Пр. № 68, п. 20. Положение о группах самозащиты МПВО домохозяйств[5].
73. Об утверждении правил пожарной безопасности для промышленных предприятий, учреждений и жилых домов г. Ленинграда от 30 августа 1942. Пр. № 74, п. 19[6].

II. Организация сельскохозяйственных и оборонных работ

74. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941[7].

75. Постановление СНК СССР № 1780 от 30 июня 1941 г. «О создании при Бюро СНК Комитета по распределению рабочей силы»[8].
76. Постановление СНК СССР № 1802 от 2 июля 1941 «О привлечении учащихся 7–10 классов неполной средней и средней школы к сельскохозяйственным работам»[9].
77. Постановление СНК СССР № 1893 от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомам республик и край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу»[10].
78. Постановление ГКО СССР № 317 от 28 июля 1941 г. «О призванных в порядке трудовой повинности на строительство оборонных сооружений» (Выписка из протокола № 42 заседания бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 26 июля 1941 г.)[11].
79. Постановление СНК СССР № 1955 от 11 августа 1941 г. «О наблюдении за работой промышленности Ленинграда»[12].
80. Постановление ГКО СССР № 467сс от 12 августа 1941 г. [Об отгрузке материалов для ленинградских предприятий] (Выписка из протокола заседания бюро Ленинградского горкома от 1 августа 1941 г.)[13].
81. Постановление ГКО СССР № 782сс от 13 октября 1941 г. «Об оборонительном строительстве»[14].
82. Постановление ГКО СССР № 892сс от 13 ноября 1941 г. «Об обеспечении выпуска на Кировском заводе в январе 1942 г. 20 танков КВ в день»[15].

---

1 Бюллетень Ленгорсовета... – 1941. – № 26 / 488 (от 7 июля). – С. 8-9.
2 Бюллетень Ленгорсовета… № 27 / 489 (14 июля). С. 1-19.
3 Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. – Л.: Лениздат, 1942. С. 115.
4 Бюллетень Ленгорсовета… – 1941. – № 41-42 / 503-504 (28 ноября). С. 16-17.
5 Бюллетень Ленгорсовета… – 1942. – № 12 / 520 (29 июня). С. 6-7.
6 Бюллетень Ленгорсовета… № 17-18 / 525-526 (28 сентября). С. 5-6
7 Бюллетень Ленгорсовета. – 1941. – № 26 / 488 (7 июля). С. 1-5.
8 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 245–2246.
9 Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь. Т. 3. Спасенное детство. – Томск: Томский университет, 2005. С. 333.
10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 39–41.
11 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 86.
12 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 174.
13 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 109.
14 Там же. С. 158.
15 Там же. С. 173 ; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 79–82.

83. Постановление ГКО СССР № 931с от 20 ноября 1941 г. [О сохранении заработной платы рабочим, служащим и колхозникам, работающим на строительстве оборонительных сооружений по мобилизации, в размере половины трудодня][1].
84. Постановление СНК СССР № 2229 от 29 ноября 1941 г. «Об осенне-зимних лесозаготовках в сезон 1941/42 гг.»[2].
85. Постановление ГКО СССР № 1067с от 26 декабря 1941 г. «Об оплате труда отдельных групп рабочих-сдельщиков, работающих на прифронтовых участках дорог и в спецформированиях ж.-д. транспорта»[3].
86. Постановление ГКО СССР № 1068сс от 27 декабря 1941 г. «О сокращении строительства оборонительных рубежей» (Сводка о ходе работ по строительству укрепленного рубежа на 25 декабря 1941 г. ; Справка о сроках освобождения местного населения, занятого на строительстве укрепленных рубежей (по автономным республикам, краям и областям))[4].
87. Постановление СНК СССР № 6 от 3 января 1942 г. «О порядке направления в военные трибуналы дел о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г.»[5]. (Не публиковалось)
88. Постановление СНК СССР № 188 от 13 февраля 1942 г. «О порядке мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942»[6].
89. Постановление СНК СССР № 254 от 25 февраля 1942 г. «Об освобождении отдельных хозяйств ранее оккупированных немцами районов от уплаты налогов и сборов и недоимок по ним»[7].
90. Постановление СНК СССР № 269 от 2 марта 1942 г. «О подготовке МТС Московской, Ленинградской, Калининской, Тульской, Орловской и Курской областей к весеннему севу 1942 г.»[8].
91. Постановление СНК СССР № 291 от 3 марта 1942 г. «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1942 год»[9].
92. Постановление СНК СССР № 293 от 4 марта 1942 г. «Об оплате простоев рабочих на предприятиях текстильной промышленности». (о выплате зарплаты рабочим текстильных предприятий за дни вынужденных простоев в марте 1942 г. в виде исключения в размере 2/3 тарифной ставки)[10].
93. Постановление ГКО СССР № 1501сс от 26 марта 1942 г. «О строительстве и восстановлении оборонительных рубежей»[11].
94. Постановление СНК СССР № 403 от 28 марта 1942 г. «О добыче торфа предприятиями Наркомэлектростанций в Ленинградской области в 1942»[12].
95. Постановление СНК СССР № 483 от 12 апреля 1942 г. «О плане сельскохозяйственных работ на 1942 г. по совхозам Наркомсовхозов в Ленинградской, Калининской, Орловской, Курской областях и Карело-Финской ССР»[13].

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 178.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 196. Л. 142–162.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 198.
4 Там же.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 7.
6 Там же. Л. 292–294.
7 Там же. Д. 198. Л. 112.
8 Там же. Л.154–162.
9 Там же. Л. 186–274.
10 Там же. Д. 198. Л.275.
11 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1: 1941–1943. С. 267.
12 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 105–113об.
13 Там же. Л. 295–297.

96. Постановление СНК СССР № 507 от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»[1].
97. Постановление СНК СССР № 508 от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»[2].
98. Постановление СНК СССР № 582 от 25 апреля 1942 г. «О порядке направления в суды дел об уклонении от мобилизации на сельскохозяйственные работы, о самовольном уходе мобилизованных с работы и о невыработке колхозниками обязательного минимума трудодней»[3].
99. Постановление СНК СССР № 596 от 29 апреля 1942 г. «Об отпуске средств на выплату заработной платы рабочим и служащим предприятий Наркомтекстиля СССР в г. Ленинграде»[4].
100. Постановление ГКО СССР № 1709с от 6 мая 1942 г. «Об обеспечении торфоразработок Наркомата электростанций рабочей силой» [из рабочих колонн САВО и военнопленных][5].
101. Постановления СНК СССР № 666 от 8 мая 1942 г. и № 730 от 20 мая 1942 г. «Об отпуске средств для премирования рабочих, инженерно-технических работников и служащих, отличившихся во Всесоюзном соревновании металлургов»[6].
102. Постановление СНК СССР № 667 от 9 мая 1942 г. «О дополнительной оплате труда трактористов МТС и колхозников, работающих на прицепных тракторных сельскохозяйственных машинах, за повышение урожайности сельскохозяйственных культур»[7].
103. Постановления СНК СССР № 683 от 13 мая 1942 г. «О введении премирования и прогрессивной системы оплаты труда на погрузочно-разгрузочных работах Наркомречфлота» и № 828 от 2 июня 1942 г. «О введении премирования и прогрессивной оплаты труда на погрузочно-разгрузочных работах в морских портах Наркомморфлота»[8].
104. Постановление ГКО СССР № 2671 от 29 декабря 1942 г. «О порядке подведения итогов Всесоюзного социалистического соревнования ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО»[9].
105. Постановление СНК СССР № 707 от 18 мая 1942 г. «О мероприятиях по восстановлению животноводства в колхозах Московской и Ленинградской области»[10].
106. Постановление СНК СССР № 708 от 18 мая 1942 г. «Об отпуске зерна, льна и картофеля на семенные цели колхозов, совхозов и подсобных хозяйств Ленинградской области и г. Ленинграда»[11].
107. Постановление СНК СССР № 998 от 20 июня 1942 г. «О дополнительной оплате труда комбайнеров МТС»[12].
108. Постановление СНК СССР № 1003 от 23 июня 1942 г. «Об изменении плана ярового сева в колхозах Ленинградской области»[13].
109. Постановление СНК СССР № 1025 от 24 июня 1942 г. «О мобилизации городского населения

---

1 Там же. Л. 349–352.
2 Там же. Л. 354–357.
3 Там же. Д. 200. Л. 138–139.
4 Там же. Л. 168–169.
5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 311.
6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 200. Л. 318–319; Д. 201. Л. 119–120.
7 Там же. Д. 200. Л. 320–334.
8 Там же. Д. 201. Л. 33–36, 241–244.
9 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 546.
10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 201. Л. 93–97.
11 Там же. Л. 98–102.
12 Там же. Д. 202. Л. 282–284.
13 Там же. Д. 203. Л. 3–4.

для работы на предприятиях Наркомзага»[1].

110. Постановление СНК СССР № 1038 от 26 июня 1942 г. «О порядке выдачи разрешений на командировки работников государственных, кооперативных и общественных учреждений, организаций и предприятий»[2].

111. Постановление СНК СССР № 1051 от 27 июня 1942 г. «О заготовке и вывозе дров в III кв. 1942 г.»[3]

112. Постановление СНК СССР № 1161 от 11 июля 1942 г. «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.»[4]

113. Постановление СНК СССР № 1187 от 15 июля 1942 г. «О разрешении Госбанку предоставлять предприятиям, возобновляющим свою хозяйственную деятельность после освобождения от немецких оккупантов, отсрочки от уплаты старой задолженности Госбанку»[5].

114. Постановление СНК СССР № 1238 от 22 июля 1942 г. «Об отпуске предприятиям-участникам Всесоюзного социалистического соревнования средств на выдачу премий по результатам работы за июнь 1942 г.», а также № 1413 от 23 августа и № 1454 от 1 сентября 1942 г. (за июль 1942 г.), № 1578 от 23 сентября 1942 г. (за август 1942 г.)[6] .

115. Постановление СНК СССР № 1247 от 23 июля 1942 г. «О развитии добычи местных видов топлива в РСФСР»[7]. (Рассылка без Ленинградской области).

116. Постановление СНК СССР № 1281 от 31 июля 1942 г. «О плане дровоснабжения на III кв. 1942 г.»[8]. (В том числе Ленинградская область).

117. Постановление СНК СССР № 1353 от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время»[9].

118. Постановление СНК СССР № 1389 от 18 августа 1942 г. «О дополнении списка профессий с вредными условиями труда»[10] .

119. Постановление СНК СССР № 1444 от 28 августа 1942 г. «О привлечении на время войны инвалидов III группы, получающих пенсии по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения»[11].

120. Постановление СНК СССР № 1583 от 25 сентября 1942 г. «О продлении срока работы на торфопредприятиях рабочих, мобилизованных согласно Постановлениям Совнаркома СССР от 28 июля 1942 № 1277-636с, от 16 августа 1942 г. № 1384-682с и от 25 августа 1942 г. № 1430-706с»[12] (без Ленинграда и Ленинградской области).

121. Постановление СНК СССР и Центрального Комитета ВКП (б) № 1667 от 9 октября 1942 г. «О комиссии по проверке использования молодых рабочих на промышленных предприятиях г. Челябинска»[13]. (О проверке на месте условий работы и бытового положения молодых рабочих [Трудовых резервов]).

122. Постановление СНК СССР № 1741 от 27 октября 1942 г. «Об обеспечении рабочей силы торфопредприятий Наркомата Электростанций»[14]. (без Ленинградской области)

---

1 Там же. Л. 34–36.
2 Там же. Л. 56–60.
3 Там же. Л. 70–103.
4 Там же. Л. 269–297.
5 Там же. Л. 331–332.
6 Там же. Д. 204. Л. 29–31 ; Д. 205. Л. 37–38 ; Д. 206. Л. 27–28.
7 Там же. Д. 204. Л. 36–45.
8 Там же. Л. 150–159.
9 Там же. Л. 294–297.
10 Там же. Л. 354.
11 Там же. Л. 17–19.
12 Там же. Д. 206. Л. 142–143об.
13 Там же. Л. 243.
14 Там же. Д. 207. Л. 84–86.

123. Постановление СНК СССР № 1744 от 29 октября 1942 г. «Об обеспечении рабочей силы торфопредприятий»[1] (без Ленинградской области).
124. Постановление СНК СССР № 1768 от 4 ноября 1942 г. «О переводе части служащих на производство»[2].
125. Постановление СНК СССР № 1769 от 4 ноября 1942 г. «Об извращениях при мобилизации населения в Пензенской области для работы на производстве и строительстве»[3]. [О незаконной мобилизации в Свердловскую область эвакуированных граждан, в том числе нетрудоспособных]
126. Постановление СНК СССР № 1770 от 4 ноября 1942 г. «О применении пункта 2 постановления СНК СССР от 18 окт. 1942 г. № 1709 к рабочим промышленных предприятий, осужденным за прогул до 18 октября 1942 г.»[4]. [О снижении нормы хлеба за недобросовестный труд]
127. Постановление СНК СССР № 1862 от 20 ноября 1942 г. «Об отчетности по труду»[5].
128. Постановление СНК СССР № 1873 от 24 ноября 1942 г. «О дополнительном привлечении граждан на дровозаготовки»[6].
129. Постановление СНК СССР № 2027 от 31 декабря 1942 г. «Об обеспечении дровозаготовок рабочей силой и гужевым транспортом»[7].
130. Постановление СНК СССР № 11 от 5 января 1943 г. «О проведении учёта городского неработающего трудоспособного населения»[8]. (без Ленинграда)
131. Постановление СНК СССР № 42 от 9 января 1943 г. «О подготовке трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад для МТС и совхозов»[9].
132. Постановление СНК СССР № 79 от 21 января 1943 г. «О работе на лесозаготовках и на погрузке и вывозке торфа 22 и 23 января 1943 г.»[10].
133. Постановление СНК СССР № 97 от 25 января 1943 г. «О заведующих мобилизацией при исполкомах районных Советов депутатов трудящихся»[11].
134. Постановление СНК СССР № 135 от 9 февраля 1943 г. «Об организации бригад учащихся ремесленных и железнодорожных училищ по ремонту тракторов сельскохозяйственных машин в МТС и совхозах»[12]. (Без Ленинградской области)
135. Постановление СНК СССР № 229 от 4 марта 1943 г. «О восстановлении учёта и отчётности в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов»[13].
136. Постановление СНК СССР № 581 от 22 мая 1943 г. «О мерах по улучшению работы трамваев и троллейбусов в городах СССР»[14].
137. Постановление СНК СССР № 627 от 4 июня 1943 г. «О порядке оплаты населения, привлекаемого в 1943 г. на уборочные работы в совхозе»[15].
138. Постановление СНК СССР № 629 от 4 июня 1943 г. «О плане заготовок сухих дров в летний

---

1 Там же. Л. 88–91.
2 Там же. Л. 197–202.
3 Там же. Л. 203–204.
4 Там же. Л. 205.
5 Там же. Д. 208. Л.15–16.
6 Там же. Л. 44.
7 Там же. Д. 209. Л. 113–116.
8 Там же. Д. 210. Л. 15–20об.
9 Там же. Л. 72–81.
10 Там же. Л. 183–184.
11 Там же. Л. 265.
12 Там же. Л. 330–332.
13 Там же. Д. 211. Л. 127–128.
14 Там же. Д. 214. Л. 347–356.
15 Там же. Д. 215. Л. 132–133.

период 1943 года»[1].

139. Постановление СНК СССР № 795 от 17 июля 1943 г. «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1943 году.»[2].

140. Постановление СНК СССР № 1063 от 28 сентября 1943 г. «О допуске лиц, не достигших 18-летнего возраста, к обслуживанию паровых котлов, подъёмных устройств, электрических установок и сетей высокого напряжения и к производству сварочных и водолазных работ»[3].

141. Постановление СНК СССР № 1152 от 21 октября 1943 г. «Об учреждении нагрудного значка "Отличник Промкооперации РСФСР"»[4].

142. Постановление СНК СССР № 1153 от 21 октября 1943 г. «Об учреждении нагрудного значка "Отличник социалистического соревнования коммунального хозяйства РСФСР"»[5].

143. Распоряжение ГКО СССР № 4407 от 23 октября 1943 г. «О закреплении за предприятиями НКБ работающих на них заключенных, которые освобождаются в 1943 и первой половине 1944 г.».

144. Постановление СНК СССР № 1182 от 28 октября 1943 г. «Об учреждении значка "Отличник социалистического соревнования Главснаблеса"»[6].

145. Постановление СНК СССР № 1231 от 9 ноября 1943 г. «О восстановлении и развитии промышленности строительных материалов в г. Ленинграде»[7].

146. Постановление СНК СССР № 1390 от 18 декабря 1943 г. «Об обеспечении местным топливом городов и промышленных предприятий в отопительном сезоне 1943/44 года»[8].

147. Постановление СНК СССР № 1395 от 18 декабря 1943 г. «Об изменении правил безопасности на кессонных работах на период военного времени»[9].

148. Постановление СНК СССР № 1423 от 27 декабря 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства в районах Ленинградской области, освобождённых от немецкой оккупации»[10].

149. Постановление СНК СССР № 31 от 9 января 1944 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам»[11].

150. Постановление СНК СССР № 61 от 18 января 1944 г. «О присуждении переходящих Красных Знамён ГОКО за выполнение плана ремонта тракторов в МТС и совхозах в IV квартале и декабре 1943 года»[12].

151. Постановление СНК СССР № 92 от 31 января 1944 г. «О заработной плате работников плавсостава, промышленных предприятий и Управления треста "Ленводпуть" Наркомсовхоза РСФСР»[13].

152. Постановление СНК СССР № 127 от 6 февраля 1944 г. «Об утверждении Постановления Секретариата ВЦСПС "О непрерывном стаже работы рабочих и служащих, находившихся во временно оккупированных районах"»[14].

153. Постановление СНК СССР № 310 от 26 марта 1944 г. «О порядке мобилизации на

---

1 Там же. Л.134–149.
2 Там же. Д. 216. Л. 285–309.
3 Там же. Д. 218. Л. 311–312.
4 Там же. Д. 219. Л. 265–266
5 Там же. Л. 267–268.
6 Там же. Л. 329–330
7 Там же. Д. 220. Л. 85–91.
8 Там же. Д. 221. Л. 235–267.
9 Там же. Л. 285–289.
10 Там же. Д. 222. Л. 90–102об.
11 Там же. Д. 223. Л. 73.
12 Там же. Л. 114.
13 Там же. Л. 244–245.
14 Там же. Д. 224. Л. 19–20.

сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей в 1944 году»[1]. [О сохранении порядка согласно Постановлению № 507 от 13 апреля 1942 г.]

154. Постановление СНК СССР № 345 от 3 апреля 1944 г. «Об оказании помощи Ленинградской области по восстановлению колхозов и МТС в районах, освобождённых от немецкой оккупации»[2].

155. Постановление СНК СССР № 423 от 18 апреля 1944 г. «О плане сельскохозяйственных работ в колхозах освобождённых районов Ленинградской области на 1944 год»[3].

156. Распоряжение ГКО СССР № 5660с от 18 апреля 1944 г. [О переводе на постоянную работу на Ленинградский шинный завод НКРП, работающих там 50 бойцов 20-го запасного автополка][4].

157. Распоряжение ГКО СССР № 5874 от 12 мая 1944 г. [О продлении до 1 августа 1944 г. срока работы бригад учащихся РУ и ЖУ в МТС и совхозах на ремонте техники][5].

158. Постановление ГКО СССР № 5953сс от 24 мая 1944 г. «О мобилизации местного населения и гужевого транспорта на строительство полевых оборонительных рубежей» (Докладная записка Шверника Н. М., Косыгина А. Н., Воробьева М. П. Сталину И. В.)[6].

159. Постановление ГКО СССР № 6024с от 8 июня 1944 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению речного флота в Северо-Западном бассейне»[7].

160. Постановление СНК СССР № 697 от 12 июня 1944 г. «О летней заготовке древесины самозаготовителями для создания запаса сухих дров к отопительному сезону 1944/45 года»[8].

161. Постановление СНК СССР № 711 от 12 июня 1944 г. «О порядке проведения в 1944 году обязательных поставок колхозами продуктов животноводства в районах, освобождённых от немецкой оккупации»[9].

162. Постановление ГКО СССР № 6103 от 24 июня 1944 г. «О мерах помощи по восстановлению нефтебаз в г. Ленинграде и Ленинградской области»[10].

163. Постановление СНК СССР № 779 от 24 июня 1944 г. «Об обеспечении древесиной работ по восстановлению промышленности и городского хозяйства г. Ленинграда в 1944 году»[11].

164. Постановление СНК СССР № 789 от 29 июня 1944 г. «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.»[12]. [О наказании за самовольный уход с работы]

165. Постановление СНК СССР № 808 от 30 июня 1944 г. «О наложении штрафа за нарушение правил по охране труда и технике безопасности»[13].

166. Постановление СНК СССР № 846 от 9 июля 1944 г. «О заготовке дикорастущего лекарственного и технического сырья в 1944 году»[14].

167. Постановление СНК СССР № 863 от 13 июля 1944 г. «О мероприятиях по восстановлению рыбной промышленности Ленинградской области»[15] .

---

1 Там же. Д. 226. Л. 200.
2 Там же. Л. 281–285.
3 Там же. Д. 227. Л. 83.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 242.
5 Там же. С. 308.
6 Там же. С. 324.
7 Там же. С. 342–343.
8 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 229. Л. 15–38.
9 Там же. Л. 89–90.
10 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 363.
11 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 230. Л. 20–32.
12 Там же. Л. 43–48.
13 Там же. Л. 111.
14 Там же. Л. 269–274.
15 Там же. Л. 299–307.

168. Постановление ГКО СССР № 6191 от 14 июля 1944 г. «О помощи НКПС рабочей силой для восстановления железных дорог»[1].
169. Постановление СНК СССР № 881 от 18 июля 1944 г. «О повышении заработной платы работникам железнодорожного транспорта, связанным с перевозкой и обслуживанием пассажиров»[2].
170. Постановление СНК СССР № 901 от 19 июля 1944 г. «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1944 году»[3].
171. Постановление СНК СССР № 1162 от 24 августа 1944 г. «О восстановлении предприятий промкооперации по производству местных строительных материалов в районах РСФСР, освобождённых от немецкой оккупации»[4].
172. Постановление СНК СССР № 1176 от 28 августа 1944 г. «О восстановлении овоще-картофельного и молочно-животноводческого хозяйства Ленинградской области»[5].
173. Постановление СНК СССР № 1428 от 15 октября 1944 г. «О восстановлении и организации новых совхозов в Ленинградской области»[6].
174. Распоряжение ГКО СССР № 6769с от 21 октября 1944 г. [О запрещении мобилизации рабочих, ИТР и служащих организаций Главлесостроя НК лесной промышленности в Ленинградской, Новгородской, Киевской, Днепропетровской и Полтавской областях][7].
175. Постановление ГКО СССР № 6879 от 4 ноября 1944 г. «О продлении срока работы рабочих на торфопредприятиях наркоматов и ведомств для проведения подготовительных работ и работы в торфяном сезоне 1945 г.»[8].
176. Распоряжение ГКО СССР № 6882 от 4 ноября 1944 г. [О нормах выработки, системе оплаты труда и премирования, снабжении продовольствием и промтоварами рабочих и ИТР на лесозаготовках Метростроя][9].
177. Постановление ГКО СССР № 6884с от 4 ноября 1944 г. [О порядке проверки бывших военнопленных военнослужащих Красной Армии и возможном их использовании в формировании штурмовых батальонов, на строительствах НКВД и т. д.][10].
178. Постановление СНК СССР № 1700 от 19 декабря 1944 г. «О социалистическом соревновании городов РСФСР на лучшее проведение работ по благоустройству»[11].
179. Постановление СНК СССР № 1709 от 24 декабря 1944 г. «Об упорядочении заработной платы рабочих, руководящих и инженерно-технических работников электростанций и электросетей промышленных, транспортных наркоматов и наркоматов коммунального хозяйств»[12].
180. Распоряжение ГКО СССР № 7208с от 26 декабря 1944 г. [О досрочном освобождении в январе 1945 г. и направлении на заводы НК авиационной промышленности 6 тыс. человек, осужденных за самовольный уход с предприятий и бытовые преступления.][13]

181. Приказ по Наркомпросу РСФСР № 502 от 23 июня 1941 г. «О трудовом обучении в детском

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 406.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 231. Л. 55–57.
3 Там же. Л. 131–165.
4 Там же. Д. 233. Л. 239–248.
5 Там же. Л. 319–359.
6 Там же. Д. 236. Л. 99–109.
7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 579.
8 Там же. С. 608.
9 Там же.
10 Там же. С. 609.
11 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 239. Л. 205–208.
12 Там же. Л. 264–272.
13 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 2: 1944–1945. С. 676.

доме» [1].

182. Постановление Наркомпроса РСФСР № 525 от 3 июля 1941 г. «О привлечении в военное время учащихся 7–10 классов к участию в сельскохозяйственных работах»[2].

Решения Ленгорисполкома:

183. О привлечении граждан к трудовой повинности в Ленинграде, Пушкине, Колпине, Петергофе и Кронштадте от 27 июня 1941. Пр. № 46, п. 33.

184. О порядке привлечения населения к трудовой повинности от 11 июля 1941. Пр. № 47, п. 81[3].

185. О мобилизации населения, в порядке трудовой повинности, на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных города Ленинграда от 25 марта 1942. Пр. № 65, п. 15[4].

186. О приемке домовладений, очищенных от мусора, снега и нечистот от 6 апреля 1942. Пр. № 65, п. 37[5].

187. О проведении месячника заготовки дров от 25 августа 1942. Пр. № 73, п. 71[6].

188. Об очистке г. Ленинграда от снега и мусора в зимний период 1942-43 гг. от 29 сентября 1942. Пр. № 76, п. 3(з)[7].

189. О повышении предельного возраста женщин, подлежащих мобилизации в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 / II 1942 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1942 г. «Во изменение ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г.»[8].

190. Об очистке Ленинграда от снега в зимний период. 1942 / 43 г. от 16 декабря 1942. Пр. № 81, п. 15-а [9].

III. Жизнеобеспечение гражданского населения

а) семей военнослужащих и инвалидов войны:

191. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941[10].

192. Постановление ГКО СССР № 84 от 10 июля 1941 г. «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение»[11].

193. Постановление ГКО СССР № 156 от 15 июля 1941 г. «О денежном обеспечении лиц, вступивших в народное ополчение»[12].

194. Постановление ГКО СССР № 174с от 16 июля 1941 «О сохранении зарплаты за рабочими и служащими, призванными в аварийно-восстановительные отряды местной противовоздушной обороны»[13].

---

1 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – № 15-16. С. 7.
2 Там же. С. 3-4.
3 Бюллетень Ленгорсовета… – 1941. – № 27 / 489 (14 июля). С. 19.
4 Там же. С. 16.
5 Бюллетень Ленгорсовета… – 1942. – № 7-8 / 515-516 (29 апреля). С. 6.
6 Бюллетень Ленгорсовета… № 16 / 524 (31 августа). С. 1
7 Бюллетень Ленгорсовета… № 19 / 527 (16 октября). С. 5-7.
8 Бюллетень Ленгорсовета… № 23 / 531 (20 декабря). С. 1.
9 Бюллетень Ленгорсовета… – 1942. – № 24 / 532 (31 декабря). С. 1-2.
10 Бюллетень Ленгорсовета ... – 1941. – № 26 / 488 (7 июля). С. 1-5.
11 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1: 1941–1943. С. 51.
12 Там же. С. 63.
13 Там же. С. 66.

195. Постановление ГКО СССР № 197сс от 18 июля 1941 г. «Об изменении дислокации складов по хранению хлебофуражных запасов УГМР при Совнаркоме СССР»[1].

196. Постановление ГКО СССР № 260 от 24 июля 1941 г. «О переводе на казарменное положение истребительных батальонов УНКВД в гор. Ленинграде» (Выписка из протокола заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 21 июля 1941 г.)[2].

197. Постановление СНК СССР № 1902 от 28 июля 1941 г. «Об обеспечении добровольцев, вступивших в части войск Действующей Красной Армии»[3].

198. Постановление ГКО СССР № 326с от 29 июля 1941 г. «О денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов» (Выписка из протокола № 12 Ленинградского обкома от 23 июля 1941 г.)[4].

199. Постановление СНК СССР № 1931 от 5 августа 1941 г. «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время»[5].

200. Постановление ГКО СССР № 495с от 16 августа 1941 г. «О выдаче единовременной денежной помощи освобождаемым польским военнопленным»[6].

201. Постановление ГКО СССР № 575сс от 24 августа 1941 г. «О содержании бойцов истребительных батальонов»[7].

202. Постановление СНК СССР № 2010 от 24 августа 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям партизан в военное время»[8].

203. Постановление СНК РСФСР № 584 «О выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 25 августа 1941 г. [9].

204. Постановление ГКО СССР № 651с от 10 сентября 1941 г. [О назначении Павлова Д. В. уполномоченным ГКО по снабжению продовольствием войск Ленинградского фронта и населения г. Ленинграда, Кокушкина Д. Ф. – его помощником]. (Мандат)[10].

205. Постановление ГКО СССР № 662сс от 12 сентября 1941 «О нормах продовольственного снабжения Красной Армии»[11].

206. Постановление ГКО СССР № 1133с от 11 января 1942 г. «О повышении окладов содержания командирам и комиссарам дивизий, бригад и полков»[12].

207. Постановление ГКО СССР № 1196сс от 23 января 1942 г. «Об увеличении переходящих запасов продовольствия для Карельского, Ленинградского, Волховского фронтов и 7-й армии» (Приложение. Ведомость на выделение Наркомату обороны в январе [1942 г.] дополнительных фондов продовольствия на увеличение переходящих запасов по Карельскому, Ленинградскому, Волховскому фронтам и 7-й армии. Докладная записка Микояна А. И., Хрулева А. В. Сталину И. В.)[13].

208. Постановление СНК СССР № 202 от 16 февраля 1942 г. «Об увеличении производства

---

1 Там же. С. 69.
2 Там же. С. 78.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 60–61.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 87.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 88–90.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 113.
7 Там же. С. 124.
8 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 237–238.
9 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1941. – №7. С. 81.
10 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 137.
11 Там же. С. 139.
12 Там же. С. 210.
13 Там же. С. 220.

протезно-ортопедических изделий и упорядочении дела протезирования»[1].

209. Постановление ГКО СССР № 1424с от 11 марта 1942 г. «Об оформлении и назначении пенсий семьям погибшего начальствующего состава Красной Армии»[2].

210. Постановление ГКО СССР № 1567с от 9 апреля 1942 г. «О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО»[3].

211. Постановление СНК СССР № 546 от 20 апреля 1942 г. «О выдаче выходного пособия рабочим и служащим, ушедшим в ряды народного ополчения и истребительные батальоны и призванным в формирования МПВО»[4].

212. Постановление ГКО СССР № 1636с от 23 апреля 1942 г. «О повышении окладов содержания командирам и военным комиссарам корпусов»[5].

213. Постановление ГКО СССР № 1649с от 25 апреля 1942 г. [О распространении постановления ГКО № 1491с от 25 марта 1942 г. «О частичном и временном сокращении норм выдачи овощей и картофеля по ДВФ, СталВО, СКВО, ЗакВО, САВО и ЗабВО» на войсковые части всех фронтов и военных округов на период с 5 мая по 1 сентября 1942 г.][6].

214. Постановление СНК СССР № 640 от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны»[7].

215. Постановление ГКО СССР № 1749с от 14 мая 1942 г. «Об обеспечении семей начсостава Красной Армии, не имеющих денежных аттестатов и связи с главой семьи»[8].

216. Постановление ГКО СССР № 1768с от 18 мая 1942 г. «Об улучшении организации доставки по назначению и упорядочения учета подарков, поступающих для Красной армии от населения страны»[9].

217. Постановление ГКО СССР № 1773с от 19 мая 1942 г. «О повышении окладов содержания начальникам и военным комиссарам пограничных отрядов войск НКВД»[10].

218. Постановление СНК СССР № 1457 от 1 сентября 1942 г. «О порядке обеспечения при временной нетрудоспособности вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующих Красной Армии, ВМФ и войск НКВД СССР на военное время»[11].

219. Постановление СНК СССР № 1458 от 1 сентября 1942 г. «О порядке выдачи в военное время пособий по беременности и родам работницам и женщинам-служащим вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующих Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД СССР»[12].

220. Постановление СНК СССР № 1459 от 1 сентября 1942 г. «О порядке выдачи в военное время пособий по беременности и родам женщинам-военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава, уволенным из Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД СССР»[13].

221. Постановление СНК СССР № 1511 от 12 сентября 1942 г. «О пенсиях морякам судов морского

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 7–18.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 255.
3 Там же. С. 282.
4 Бюллетень Ленгорсовета... – 1942. № 12 /520 (29 июня). С. 5 ; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 200. Л. 60–64.
5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1: 1941–1943. С. 296.
6 Там же. С. 299.
7 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 209.
8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. … Т. 1: 1941–1943. С. 320.
9 Там же. С. 325.
10 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 327.
11 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 39.
12 Там же. Л. 41.
13 Там же. Л. 43.

Флота, плавающих в районах военно-морских действий, и их семьям»[1].

222. Постановление СНК СССР № 1536 от 15 сентября 1942 г. «О порядке удостоверения доверенностей и завещании военнослужащих в военное время»[2].

223. Постановление ГКО СССР №2413с от 14 октября 1942 г. «О мерах борьбы с попрошайничеством со стороны военнослужащих Красной армии» (Докладная записка Берия Л. П. Сталину И. В.)[3] .

224. Постановление СНК СССР № 1703 от 16 октября 1942 г. «О приеме почтовых посылок в адреса бойцов и начальствующего состава действующей Красной Армии, ВМФ и воинских частей и учреждений, расположенных в тылу»[4].

225. Постановление СНК СССР № 1728 от 22 октября 1942 г. «О пенсиях речникам судов речного флота, плавающих в районах военных действий, и их семьям»[5].

226. Постановление ГКО СССР № 2438сс от 23 октября 1942 г. [Об отмене отпуска продовольственных товаров для партизан][6].

227. Постановление СНК СССР № 14 от 5 января 1943 г. «О повышении заработной платы и пенсионном обеспечении работников прифронтовых участков железных дорого НКПС»[7].

228. Постановление СНК СССР № 26 от 7 января 1943 г. «О пенсиях медицинским работникам морского и речного флота, плавающим в районах военных действий, и их семьям»[8].

229. Постановление СНК СССР № 73 от 20 января 1943 г. «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны»[9].

230. Постановление СНК СССР № 74 от 20 января 1943 г. «О мерах по улучшению работы протезной промышленности»[10].

231. Распоряжение СНК СССР № 3849–р от 22 февраля 1943 г. «Об образовании при рай (гор) исполкомах комиссий по назначению пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава»[11].

232. Постановление СНК СССР № 459 от 28 апреля 1943 г. «О выплате пенсий и пособий военнослужащим и их семьям, пенсионерам и многодетным матерям в местностях, освобожденных от неприятеля»[12].

233. Постановление СНК СССР № 462 от 28 апреля 1943 г. «Об обеспечении семей генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести»[13].

234. Постановление СНК СССР № 618 от 31 мая 1943 г. «О распространении постановления Совнаркома СССР от 28 апреля 1943 г. № 462 "Об обеспечении семей генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести" на Военно-Морской Флот»[14].

---

1 Там же. Л. 155.
2 Там же. Л. 203.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 183.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 206. Л. 296–298.
5 Там же. Д. 207. Л. 56.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 491.
7 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 24–28.
8 Там же. Л. 51–52.
9 Там же. Л. 162–163.
10 Там же. Л. 164.
11 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – № 2. С. 32.
12 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 283.
13 Там же. Л. 288–292.
14 Там же. Д. 215. Л. 115–116.

235. Постановление СНК СССР № 630 от 4 июня 1943 г. «О надбавках к должностным окладам и о пенсионном обеспечении личного состава Линейных органов военных сообщений Красной Армии, находящихся на прифронтовых участках железных дорог в пределах армейского тыла Действующей Армии»[1].

236. Постановление СНК СССР № 632 от 4 июня 1943 г. «О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны»[2].

237. Постановление СНК СССР № 645 от 9 июня 1943 г. «Об обеспечении семей умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести лиц высшего начальствующего состава Красной Армии, имевших воинские звания: комдив, дивизионный комиссар, дивинженер, дивинтендант, диввоенюрист, дивврач, дивветврач и выше»[3].

238. Постановление СНК СССР № 668 от 17 июня 1943 г. «Об утверждении инструкции о порядке назначении и выплаты пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава»[4] .

239. Постановление СНК СССР № 847 от 2 августа 1943 г. «Об установлении процентной надбавки военным лоцманам Военно-Морского Флота за безаварийную проводку кораблей и судов»[5].

240. Постановление СНК СССР № 863 от 5 августа 1943 г. «О пенсиях личному вольнонаёмному составу, занятому на возведении оборонительных рубежей в органах Управления оборонительного строительства и инженерных войск Красной Армии»[6].

241. Постановление СНК СССР № 931 от 31 августа 1943 г. «Об учреждении нагрудного значка "Отличник Военпромстроя"»[7].

242. Постановление СНК СССР № 937 от 1 сентября 1943 г. «Об оплате труда сержантского и рядового состава Красной Армии, привлекаемого для работ в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте»[8].

243. Постановление СНК СССР № 986 от 14 сентября 1943 «О пособиях и пенсиях семьям военнослужащих»[9]. [дедам и бабкам]

244. Постановление ГКО СССР № 4311 от 12 октября 1943 г. «Об увеличении производства протезов и улучшении обслуживания инвалидов Отечественной войны».

245. Постановление СНК СССР № 1171 от 28 октября 1943 г. «О государственных пособиях для семей военнослужащих рядового и сержантского состава1-[Польского корпуса]»[10].

246. Постановление СНК СССР № 1235 от 11 ноября 1943 г. «О распространении на Военно-Морской Флот Постановления Совнаркома СССР от 1 сентября 1943 г. № 937»[11].

247. Постановление СНК СССР № 1236 от 11 ноября 1943 г. «О распространении Постановления Совнаркома СССР № 937 от 1 сентября 1943 г. "Об оплате труда сержантского и рядового состава Красной Армии, привлекаемого для работ в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте" на сержантский и рядовой состав военно-восстановительных частей Наркомсвязи»[12].

---

1 Там же. Л. 150–151.
2 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – № 8. С. 133 ; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 215. Л. 152.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 215. Л. 178, 179.
4 Там же. Д. 216. Л.18–27.
5 Там же. Д. 217. Л. 82–83.
6 Там же. Л. 115–117.
7 Там же. Д. 218. Л. 1–2.
8 Там же. Л. 16–18.
9 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – № 12. Ст. 214.
10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 219. Л.314–315.
11 Там же. Д. 220. Л. 97.
12 Там ж. Л. 99.

248. Постановление СНК СССР № 1252 от 14 ноября 1943 г. «О пенсиях и льготах личному составу формирований МПВО и работникам госпиталей и больниц г. Ленинграда, пострадавшим от вражеских действий, и их семьям»[1].

249. Постановление СНК СССР № 1312 от 25 ноября 1943 г. «О пенсиях вольнонаёмным работникам судов Наркомвоенморфлота, плавающих в районах военных действий, и их семьям»[2].

250. Постановление ГКО СССР № 4709 от 30 ноября 1943 г. [О мерах по улучшению работы протезной промышленности и дела протезирования инвалидов Отечественной войны][3].

251. Постановление ГКО СССР № 4764сс от 10 декабря 1943 г. «О плане производства и поставок НКО и НК ВМФ артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов на декабрь 1943 года». [О запрещении наркоматам, ведомствам, учреждениям и предприятиям до конца войны выселять с принадлежащей им жилой площади рабочих, ИТР и служащих, работающих на предприятиях, учреждениях и организациях системы Наркомата Вооружения, а также их семьи][4].

252. Постановление СНК СССР № 43 от 12 января 1944 г. «О порядке обеспечения при временной нетрудоспособности вольнонаёмного состава полевых военторгов»[5].

253. Постановление ГКО СССР № 5015 от 22 января 1944 г. «О плане производства протезных изделий на I квартал 1944 г.».

254. Постановление СНК СССР № 101 от 31 января 1944 г. «Об утверждении Инструкции о порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава»[6].

255. Постановление СНК СССР № 127 от 6 февраля 1944 г. «О пенсиях и пособиях военнослужащим офицерского состава 1-го Польского корпуса и их семьям»[7].

256. Постановление СНК СССР № 342 от 3 апреля 1944 г. «О пенсиях работникам органов НКВД и НКГБ и их семьям»[8].

257. Постановление ГКО СССР № 6363 от 11 августа 1944 г. «О производстве протезных изделий в III квартале 1944 г. по протезным предприятиям союзных республик»[9].

258. Постановление СНК СССР № 1165 от 25 августа 1944 г. «О дополнении Постановления Совнаркома СССР от 28 апреля 1943 г. № 462 "Об обеспечении семей генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести"»[10].

259. Постановление СНК СССР № 1465 от 21 октября 1944 г. «О производстве протезных изделий протезными предприятиями союзных республик в IV квартале 1944 г.»[11].

260. Распоряжение ГКО СССР № 6934 от 15 ноября 1944 г. «О направлении на протезные предприятия 300 военнообязанных, не годных к строевой службе, в IV кв. 1944 г.».

261. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О производстве по гражданским делам в отношении лиц, состоящих в действующих частях Красной Армии и Военно-Морского Флота №

---

1 Там же. Л. 184–185.
2 Там же. Л. 358–359.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 1132.
4 Там же. С. 1141.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 105.
6 Там же. Л. 296–333.
7 Там же. Д. 224. Л. 21.
8 Там же. Д. 226. Л. 280.
9 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 465.
10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 233. Л. 261.
11 Там же. Д. 237. Л. 10–14.

38/ 18 / у от 30 августа 1941[1].

262. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 24/I 9 а/у от 23 июня 1941 «О приостановлении судопроизводства по делам о выселении лиц, призванных на службу в Красную Армию и Военно-Морской Флот и их семей»[2].

263. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О порядке удержания алиментов на содержание детей из заработной платы рабочих и служащих» № 40/ 20 / у от 18 сентября 1941[3].

264. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 октября 1941 «Об образовании Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов Красной Армии»[4].

265. Постановление СНК РСФСР № 659 от 6 ноября 1941 «О мероприятиях по трудовому устройству и обучению инвалидов Отечественной войны»[5].

266. Постановление СНК РСФСР № 698 от 19 декабря 1941 «О сохранении за семьями квалифицированных работников сельских местностей, призванных в ряды Красной Армии и Военно-морского флота, льгот по жилой площади и коммунальным услугам»[6].

Решения Ленгорисполкома:

267. О назначении и выплате пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава от 27 июня 1941. Пр. № 46, п. 39[7].

268. О сохранении жилплощади за призванными в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота и порядке ее оплаты от 12 июля 1941. Пр. № 47, п. 25.

269. О воспрещении заселения жилой площади военнослужащих и охране принадлежащего им имущества от 13 мая 1942. Пр. № 67, п. 21[8].

270. Об изменении в порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время от 17 августа 1942. Пр. № 73, п. 35 (В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1942 об изменениях ст. ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1942)[9].

271. О соблюдении установленного порядка оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время от 9 апреля 1943. Пр. № 88, п. 30[10].

272. О преступном отношении к семьям военнослужащих со стороны руководства 2-го Жилищного управления Исполкома Фрунзенского райсовета от 13 апреля 1943. Пр. № 88, п. 2-з[11].

б) Жизнеобеспечение гражданского населения, в целом

273. Указ Президиума Верховного Совета (ВС) СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. [12]

274. Указ Президиума ВС СССР «Об увеличении на военное время сельскохозяйственного и

---

1 Бюллетень Ленгорсовета... – 1942. – № 7-8 /515-516 (29 апреля). С. 13-14.
2 Бюллетень Ленгорсовета... С. 13.
3 Бюллетень Ленгорсовета... С. 14.
4 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). – СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2017. С. 208.
5 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1941. – № 7. С. 83-84.
6 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. С. 84.
7 Бюллетень Ленгорсовета… – 1941. – № 26 / 488 (7 июля). С. 10-11
8 Бюллетень Ленгорсовета… – 1942. – № 9-10 / 517-518 (29 мая). С. 9.
9 Бюллетень Ленгорсовета… № 17-18 / 525-526 (28 сентября). С. 10.
10 Бюллетень Ленгорсовета …. – 1943. – № 9-10 / 541-542. (30 мая). С. 4.
11 Бюллетень Ленгорсовета... С. 2–3.
12 Бюллетень Ленгорсовета... – 1941. – № 26 / 488. (7 июля). С. 1–5.

подоходного налогов» от 3 июля 1941 г.[1]

275. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном налоге» от 29 декабря 1941 г.[2]

276. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О подоходном налоге с населения» от 30 апреля 1943[3].

277. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» от 8 июля 1944[4].

278. Постановление СНК СССР № 1840 от 8 июля 1941 г. «О страховой ответственности органов Госстраха»[5].

279. Постановление СНК СССР № 1880 от 18 июля 1941 г. «Об организации коммерческой торговли в гг. Москве, Ленинграде, отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей»[6].

280. Постановление СНК СССР № 1882 от 18 июля 1941 г. «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в гг. Москве и Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей»[7].

281. Постановление СНК СССР № 1901 от 28 июля 1941 г. «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство»[8].

282. Распоряжение ГКО СССР № 283 от 26 июля 1941 г. «О расходовании средств на питание рабочих, занятых на работах по укреплению рубежей в Ленинградской области»(Справка о сообщениях Попкова П. С. и Зверева А. Г. в связи с вопросом о выплатах рабочим, занятым на строительстве оборонительных рубежей в Ленинградской области; Шифротелеграмма Капустина Я. Ф. и Попкова П. С. Молотову В. М.)[9].

283. Постановление СНК СССР № 1989 от 20 августа 1941 г. «Об уборке безнадзорных посевов колхозов, совхозов и других организаций»[10].

284. Постановление СНК СССР № 1993 от 20 августа 1941 г. «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа»[11].

285. Постановление СНК СССР № 2109 от 2 октября 1941 г. «О введении карточек на молоко и молочно-кислые продукты»[12]. [В Москве]

286. Постановление СНК СССР № 2136 от 9 октября 1941 г. «О нормах отпуска по карточкам сахара и кондитерских изделий на октябрь 1941 г.»[13] [в том числе населению Москвы и Ленинграда]

---

1 Бюллетень Ленгорсовета... С. 5.

2 Указ Президиума ВС СССР от 29.12.1941 "О военном налоге" [Электронный ресурс] // Библиотека правовых документов Советской власти URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ ussr_4337.htm/ (дата обращения: 24.07.2017).

3 Бюллетень Ленгорсовета .... – 1943. – № 11–12 / 541–542. (30 июня). С. 25-30.

4 Советская медицина. – 1944. – № 9. С. 41 ; *Митерев Г. А.,* нарком здравоохранения СССР. Забота о матери и ребенке – важнейшая государственная задача (сокр. Доклад на Всесоюзном совещании по вопросу об охране материнства и детства 25-27. IX. 1944) // Советская медицина. № 12.С. 1-4.

5 Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. … С. 262. (Разъяснение наркома Финансов СССР от 19 августа 1941. № 661).

6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 409–413.

7 Там же. Д. 195. Л. 4–14.

8 Там же. Л. 58–59.

9 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 81.

10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 211–212.

11 Там же. Л. 219–228.

12 Там же. Л. 360.

13 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.3с. Д. 15. Л. 140 ; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 392–393.

287. Постановление СНК СССР № 2148 от 19 октября 1941 г. «О введении карточек в гг. Горьком, Свердловске, Молотове, Челябинске, Омске, Уфе, Казани, Куйбышеве, Чкалове, Новосибирске, Архангельске, Иванове, Ярославле, Кирове, Ижевске, Пензе, Саратове, Сталинграде, Вологде и Воронеже на отдельные продовольственные товары»[1].

288. Постановление СНК СССР № 2179 от 4 ноября 1941 г. «О плане использования продовольственных и промышленных товаров на ноябрь 1941»[2].

289. Постановление СНК СССР № 2214 от 17 ноября 1941 г. «О временном прекращении приема посылок от отдельных граждан и учреждений»[3].

290. Постановление ГКО СССР № 911 от 18 ноября 1941 г. «Об улучшении перевозки периодической печати, посылок и почтовой корреспонденции по железным дорогам»[4].

291. Постановление СНК СССР № 2223 от 27 ноября 1941 г. «О проведении денежно-вещевой лотереи»[5].

292. Постановление СНК СССР № 2254 от 6 декабря 1941 г. «О плане использования и реализации продовольственных и промышленных товаров на декабрь 1941 г.»[6]. [В том числе по Ленинграду]

293. Постановление СНК СССР № 2282 от 25 декабря 1941 г. «О восстановлении Волховской гидроэлектростанции»[7].

294. Постановление ГКО СССР № 1074сс от 27 декабря 1941 г. [О высылке в отдаленные области семей лиц, служивших в административно-карательных органах германских властей, а также добровольно отступивших вместе с фашистскими войсками][8].

295. Постановление СНК СССР № 30 от 11 января 1942 г. «Об отпуске по продовольственным карточкам обедов, изготовленных из крупы и макарон»[9].

296. Постановление СНК СССР № 31 от 11 января 1942 г. «О торговле хлебом без карточек, по повышенным ценам»[10].

297. Постановление СНК СССР № 32 от 11 января 1942 г. «О нормах снабжения хлебом в Москве и Московской области и в городах, освобожденных от противника»[11].

298. Постановление ГКО СССР № 1132с от 11 января 1942 г. «Об установлении новых норм отпуска продовольствия для населения г. Ленинграда и войск Ленинградского фронта» (Приложение. О нормах выдачи продовольствия для населения г. Ленинграда, войск Ленинградского фронта и частей КБФ. Докладная записка Микояна А. И. Сталину И. В.)[12]

299. Постановление СНК СССР № 45 от 14 января 1942 г. «Об увеличении производства мыла в 1942 г.»[13].

300. Постановление СНК СССР № 89 от 24 января 1942 г. «О средних ставках военного налога для колхозников и единоличников»[14].

301. Постановление ГКО СССР № 1203сс от 24 января 1942 г. [Об урегулировании вопросов,

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 196. Л. 213–216.
2 Там же. Л. 59–83.
3 Там же. Л. 119–120.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 176.
5 ГА РФ. Оп. 1. Ф. Р-5446. Д. 196. Л. 97–102.
6 Там же. Л. 10.
7 Там же. Л. 273.
8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 199.
9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 80–81.
10 Там же. Л. 82–83.
11 Там же. Л. 85–86.
12 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1: 1941–1943. С. 210 ; «Государственный Комитет Обороны постановляет…» … С. 140–141.
13 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 114–123.
14 Там же. Л. 174–175.

связанных с местожительством и трудоустройством польских граждан][1].

302. Постановление СНК СССР № 171 от 12 февраля 1942 г. «О задержке выплаты заработной платы рабочим и служащим Ленинграда»[2].

303. Постановление СНК СССР № 254 от 25 февраля 1942 г. «Об освобождении отдельных хозяйств ранее оккупированных немцами районов от уплаты налогов и сборов и недоимок по ним»[3].

304. Постановление СНК СССР № 291 от 3 марта 1942 г. «О государственном Плане развития сельского хозяйства на 1942 год»[4]. (В том числе по Ленинграду).

305. Постановление СНК СССР № 293 от 4 марта 1942 г. «Об оплате простоев рабочих на предприятиях текстильной промышленности»[5].

306. Постановление ГКО СССР № 1423с от 11 марта 1942 г. «О подготовке к завозу грузов в г. Ленинград через Ладожское озеро в навигацию 1942 года» (Докладная записка Микояна А. И. Сталину И. В.)[6].

307. Постановление СНК СССР № 345 от 15 марта 1942 г. «О частичном повышении заработной платы рабочим совхозов Наркомсовхозов СССР, занятым в животноводстве»[7].

308. Постановление ГКО СССР № 1506сс от 28 марта 1942 г. «Об ограничении передвижения граждан по железным дорогам и водным путям сообщения на военное время»[8].

309. Постановление СНК СССР № 433 от 2 апреля 1942 г. «Об организации подсобных хозяйств при ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО»[9].

310. Постановление СНК СССР № 438 от 4 апреля 1942 г. «Об ответственности органов Госстраха»[10].

311. Постановление СНК СССР № 444 от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»[11].

312. Постановление ГКО СССР № 1559 от 7 апреля 1942 г. «О повышении заработной платы руководящих работников железных дорог»[12].

313. Постановление ГКО СССР № 1605 от 16 апреля 1942 г. «О повышении заработной платы работникам, связанным с движением поездов, и инженерно-техническим работникам линейно-хозяйственных организаций железных дорог»[13].

314. Распоряжение ГКО СССР № 1617с от 18 апреля 1942 г. [О выплате сезонных премий-надбавок и отпуске продовольственных и промышленных товаров рабочим, мобилизованным на заготовку дров для железных дорог][14].

315. Постановление СНК СССР № 613 от 2 мая 1942 г. «Об отпуске семян яровых зерновых культур подсобным хозяйствам предприятий Наркоматов»[15].

316. Постановление ГКО СССР № 1750 от 14 мая 1942 г. «Об установлении государственных

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 221.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 279.
3 Там же. Д. 198. Л. 112.
4 Там же. Л. 186–274.
5 Там же. Л. 275.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 255.
7 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 371–373.
8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 269.
9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л.198–207.
10 Там же. Л.213.
11 Там же. Л.234–235.
12 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 281.
13 Там же. С. 292.
14 Там же. С. 294.
15 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 200. Л. 185–187.

премий для работников железнодорожного транспорта»[1].

317. Постановление СНК СССР № 728 от 20 мая 1942 г. «О дополнении инструкции о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям»[2].

318. Постановление СНК СССР № 782 от 26 мая 1942 г. «Об отпуске картофеля на посевные цели колхозов и подсобных хозяйств предприятий»[3].

319. Постановление СНК СССР № 916 от 12 июня 1942 г. «О порядке финансирования капиталовложений отделов рабочего снабжения»[4].

320. Постановление ГКО СССР № 1926сс от 24 июня 1942 г. «О членах семей изменников Родины»[5].

321. Постановление ГКО СССР № 2081 от 23 июля 1942 г. «О заработной плате руководящих и инженерно-технических работников и рабочих заводов железнодорожного машиностроения, рабочих по ремонту подвижного состава, пути, оборудования и инвентаря на заводах, в депо, вагоноремонтных пунктах, дистанциях пути, машинно-путевых станциях, мастерских железных дорог»[6].

322. Постановление СНК СССР № 1328 от 5 августа 1942 г. «О возврате предприятиям и учреждениям г. Ленинграда сумм, израсходованных ими на пособия по государственному социальному страхованию»[7].

323. Постановление СНК СССР № 1526 от 13 сентября 1942 г. «Об отпуске по продовольственным карточкам обедов, изготовленных из крупы и макарон»[8].

324. Постановление СНК СССР № 1532 от 13 сентября 1942 г. «О повышении окладов работникам науки»[9].

325. Постановление ГКО СССР № 2342 от 25 сентября 1942 г. «О мерах борьбы с "мешочничеством"»[10].

326. Постановление СНК СССР № 1639 от 7 октября 1942 г. «Об изменении законодательства СССР в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 10 апреля 1942 г. “О местных налогах и сборах”»[11].

327. Постановление СНК СССР № 1709 от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий»[12].

328. Постановление СНК СССР № 1772 от 4 ноября 1942 г. «О закреплении за предприятиями и учреждениями земельных участков, отведенных под индивидуальные огороды рабочих и служащих»[13].

329. Постановление СНК СССР № 1971 от 13 декабря 1942 г. «О неправильном решении исполкома Саратовского гор. Совета депутатов трудящихся от 8 ноября 1942 г. “О снабжении населения хлебом”»[14].

330. Постановление СНК СССР № 9 от 5 января 1943 г. «О дополнениях к Постановлению

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 320.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 201. Л. 116–117.
3 Там же. Л. 184–186.
4 Там же. Д. 202. Л. 92.
5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 363.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 402.
7 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 238.
8 Там же. Д. 205. Л. 167–168.
9 Там же. Л. 185–192.
10 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1: 1941–1943. С. 458.
11 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 206. Л. 142–145.
12 Там же. Д. 206. Л. 305–306.
13 Там же. Д. 207. Л. 207–208.
14 Там же. Д. 208. Л. 331–332.

Совнаркома СССР № 1532 от 13 сентября 1942 года "О повышении окладов работникам науки"»[1].

331. Постановление СНК СССР № 11 от 5 января 1943 г. «О проведении учёта городского неработающего трудоспособного населения»[2]. [Без Ленинграда]

332. Постановление ГКО СССР № 2907 от 17 февраля 1943 г. «Об обеспечении г. Ленинграда и Ленинградской области дровами и деловой древесиной и проведении сплава по области в навигацию 1943 года» (Докладная записка Косыгина А. Н. Молотову В. М.)[3].

333. Постановление СНК СССР № 217 от 27 февраля 1943 г. «Об организации Комитета содействия индивидуальному и коллективному огородничеству рабочих и служащих при ВЦСПС»[4].

334. Постановление СНК СССР № 229 от 4 марта 1943 г. «О восстановлении учёта и отчётности в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов»[5].

335. Постановление СНК СССР № 245 от 6 марта 1943 г. «О проведении государственного страхования в местностях, освобождаемых от немецкой оккупации»[6].

336. Постановление ГКО СССР № 3037 от 16 марта 1943 г. «О мероприятиях по добыче торфа в 1943 году торфопредприятиями Наркомата электростанций в Ленинградской области»[7].

337. Постановление ГКО СССР № 3058 от 20 марта 1943 г. «О мероприятиях по обеспечению выполнения программы Наркомстроя во II квартале 1943 года»[8].

338. Постановление ГКО СССР № 3061 от 22 марта 1943 г. «О завозе топлива Наркомречфлоту к началу навигации 1943 года».

339. Постановление ГКО СССР № 3102 от 1 апреля 1943 г. «О срочных мерах по усилению завоза горючего и масел для весенних сельскохозяйственных работ в первой половине апреля 1943 года».

340. Постановление СНК СССР № 348 от 3 апреля 1943 г. «О количестве скота, находящегося в личном пользовании рабочих и служащих совхозов Наркомсовхозов»[9].

341. Постановление СНК СССР № 366 от 5 апреля 1943 г. «О завозе дров в города и промышленные центры в навигацию»[10]. [без Ленинграда]

342. Постановление ГКО СССР № 3152с от 9 апреля 1943 г. «О завозе торфа для электростанций г. Ленинграда с Назиевского торфопредприятия Наркомэлектростанций»[11].

343. Постановление СНК СССР № 400 от 15 апреля 1943 г. «Об обеспечении рабочей силой погрузки и выгрузки хлеба в период весенней навигации 1943 года»[12].

344. Постановление СНК СССР № 404 от 17 апреля 1943 г. «Об утверждении Положения о порядке учёта и использовании национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества»[13].

345. Постановление ГКО СССР № 3244 от 23 апреля 1943 г. «О разрешении военизированному флоту Ленгосрыбтреста Наркомрыбпрома проводить лов рыбы в южной части Ладожского озера»[14].

---

1 Там же. Д. 210. Л. 11–13.
2 Там же. Д. 210. Л. 15–20об.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1: 1941–1943. С. 625.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 211. Л. 92–93.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 211. Л. 127–128.
6 Там же. Л. 178–179.
7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 658.
8 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 98. Л. 73–84.
9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 212. Л. 308–309.
10 Там же. Д. 213. Л. 1–10.
11 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 690.
12 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 92–97.
13 Там же. Л. 111–117.
14 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 724.

346. Постановления СНК СССР № 436 от 24 апреля и № 458 от 28 апреля 1943 г. [О заработной плате рабочих, инженерно-технических работников и служащих на предприятиях Главного Управления по ремонту танков Наркомтанкопрома и Главного Управления по ремонту танков Наркомсредмаша][1].

347. Постановление СНК СССР № 474 от 1 мая 1943 г. «Об утверждении Положений о прогрессивно-сдельной оплате труда рабочих, о премиальной системе оплаты труда рабочих-повременщиков и руководящих инженерно-технических работников и служащих предприятий Наркомата Боеприпасов Союза ССР»[2].

348. Постановление СНК СССР № 483 от 7 мая 1943 г. «О контрактации молока у жителей городов, рабочих посёлков и других поселений городского типа»[3].

349. Постановление ГКО СССР № 3438 от 27 мая 1943 г. «О поставке дров г. Ленинграду из ресурсов Наркомлеса по Вологодской области»[4].

350. Постановление ГКО СССР № 3504с от 4 июня 1943 г. «Об обеспечении торфопредприятий Наркомэлектростанций и Наркомтекстиля СССР рабочей силой для проведения сушки и уборки торфа в сезоне 1943 года»[5].

351. Постановление ГКО СССР № 3523сс от 5 июня 1943 г. «О строительстве шоссейного моста через реку Неву у Шлиссельбурга»[6].

352. Постановление СНК СССР № 677 от 19 июня 1943 г. «Об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом рабочих и служащих по доходам, полученным с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды»[7].

353. Постановление СНК СССР № 693 от 26 июня 1943 г. «О ставках налога с оборота на некоторые кондитерские товары, содержащие какао-продукты, на бисквит и печенье из муки 1 сорта и на мягкие конфеты, неглазированные шоколадом»[8].

354. Постановление СНК СССР № 712 от 1 июля 1943 г. «О порядке административного выселения лиц, самоуправно занявших жилую площадь»[9].

355. Постановление СНК СССР № 792 от 17 июля 1943 г. «О мероприятиях по обеспечению семенами посевов озимых культур под урожай 1944 г. в районах прифронтовых и освобождённых от немецко-фашистских оккупантов»[10].

356. Постановление СНК СССР № 795 от 17 июля 1943 г. «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1943 году»[11].

357. Постановление СНК СССР № 863 от 5 августа 1943 г. «О пенсиях личному вольнонаёмному составу, занятому на возведении оборонительных рубежей в органах Управления оборонительного строительства и инженерных войск Красной Армии»[12].

358. Постановление СНК СССР № 868 от 9 августа 1943 г. «О применении указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. к квалифицированным работникам предприятий и учреждений Наркомместпрома РСФСР и Наркомхоза РСФСР»[13].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 210–213, 278–282.
2 Там же. Л. 330–322.
3 Там же. Л. 345–346.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 777.
5 Там же. С. 792.
6 Там же. С. 798.
7 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216. Л. 56.
8 Там же. Л. 95–96.
9 Там же. Л. 177.
10 Там же. Л. 278–280.
11 Там же. Л. 285–309.
12 Там же. Д. 217. Л. 115–117.
13 Там же. Л. 120.

359. Постановление СНК СССР № 924 от 28 августа 1943 г. «О ценах и ставке налога с оборота на импортный витамин "А" в рыбьем жире»[1].

360. Постановление СНК СССР № 925 от 28 августа 1943 г. «О ставках налога с оборота на растительное масло и об отмене налога с оборота на жмыхи и шрот»[2].

361. Постановление СНК СССР № 940 от 1 сентября 1943 г. «О выплате компенсаций мобилизованным для постоянной работы на производстве и строительстве в другой местности»[3].

362. Постановление СНК СССР № 953 от 6 сентября 1943 г. «О проведении глубокой зяблевой пахоты под посевы сахарной свёклы в колхозах в 1944 году»[4].

363. Постановление СНК СССР № 956 от 7 сентября 1943 г. «Об установлении государственных премий для руководящих работников и введении прогрессивно-сдельной системы оплаты труда рабочих на железнодорожном строительстве НКПС»[5].

364. Постановление СНК СССР № 965 от 7 сентября 1943 г. «О внесении колхозами авансом натуроплаты за произведенные тракторные работы МТС под урожай 1944 года»[6].

365. Постановление СНК СССР № 985 от 14 сентября 1943 г. «О розничных ценах и ставках налога с оборота на дрожжи из мелассы»[7].

366. Постановление СНК СССР № 987 от 14 сентября 1943 г. «О проведении Третьей денежно-вещевой лотереи»[8].

367. Постановление СНК СССР № 994 от 14 сентября 1943 г. «О завозе свиней, овец и коз в районы, освобождённые от немецкой оккупации»[9].

368. Постановление СНК СССР № 1007 от 17 сентября 1943 г. «О повышении размера ссуд на индивидуальное жилищное строительство рабочих и служащих железнодорожного транспорта»[10].

369. Постановление СНК СССР № 1014 от 17 сентября 1943 г. «О тарифах на перевозку пассажиров и багажа на железнодорожном, водном и воздушном транспорте»[11].

370. Постановление СНК СССР № 1016 от 17 сентября 1943 г. «О натуральной оплате за уборку и вывозку картофеля, овощей и плодов в совхозах»[12].

371. Постановление СНК СССР № 1030 от 23 сентября 1943 г. «О размерах штрафа за безбилетный проезд по железным дорогам»[13].

372. Постановление СНК СССР № 1040 от 24 сентября 1943 г. «О запрещении торговли хлебом до выполнения плана хлебозаготовок»[14].

373. Постановление СНК СССР № 1106 от 11 октября 1943 г. «О мерах по усилению заготовок и поставок утильсырья и промотходов Наркомлегпромом СССР»[15].

374. Постановление ГКО СССР № 4313 от 12 октября 1943 г. «О плане заготовок древесины по Ленинградской области в осенне-зимний сезон 1943/44 г. и обеспечения г. Ленинграда дровами».

---

1 Там же. Л. 359–360.
2 Там же. Л. 361–363.
3 Там же. Д. 218. Л. 19.
4 Там же. Л. 70–73.
5 Там же. Л. 76–81.
6 Там же. Л. 111–112.
7 Там же. Л. 156–157.
8 Там же. Л. 161–166.
9 Там же. Л. 181–186.
10 Там же. Л. 219–220.
11 Там же. Л. 225.
12 Там же. Л. 229–231.
13 Там же. Л. 253–254.
14 Там же. Л. 265.
15 Там же. Л. 108–113.

375. Постановление СНК СССР № 1129 от 17 октября 1943 г. «О порядке выдачи Госбанком и Спецбанком заработной платы предприятиям, учреждениям и организациям, восстанавливаемых в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[1].

376. Постановление СНК СССР № 1154 от 21 октября 1943 г. «О засыпке семенных фондов в колхозах районов, освобожденных от немецкой оккупации»[2].

377. Постановление СНК СССР № 1164 от 23 октября 1943 г. «О порядке использования средств, поступающих на текущий счёт Комитета при Совнаркоме Союза ССР по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации»[3].

378. Постановление СНК СССР № 1232 от 11 ноября 1943 г. «О порядке учёта и контроля за расходованием бланков командировочных удостоверений»[4].

379. Постановление СНК СССР № 1289 от 21 ноября 1943 г. «О применении указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. к служащим и квалифицированным рабочим, работающим в предприятиях и учреждениях промысловой кооперации РСФСР»[5]. [О праве административного перевода на другую должность]

380. Распоряжение ГКО СССР № 4613 от 21 ноября 1943 г. [Об увеличении НК черной металлургии плана на IV кв. 1943 г. по численности рабочих и фонду зарплаты с целью перевода рабочих в горячих цехах и на особо тяжелых работах на трехсменный график и 8-часовой рабочий день][6].

381. Распоряжение ГКО СССР № 4614 от 21 ноября 1943 г. [О распространении на студентов, профессорско-преподавательский и обслуживающий персонал втузов и техникумов НК вооружения порядка и норм снабжения, предусмотренных постановлением ГКО № 3202 от 19 апреля 1943 г. (для студентов и работников учебных заведений НКЧМ)][7].

382. Постановление ГКО СССР № 4630 от 21 ноября 1943 г. «О повышении заработной платы рабочим, инженерно-техническим и хозяйственным работникам предприятий Наркомата черной металлургии»[8].

383. Постановление СНК СССР № 1308 от 23 ноября 1943 г. «О взносе в союзный бюджет средств из экономии по бюджету РСФСР»[9].

384. Постановление СНК СССР № 1378 от 15 декабря 1943 г. «Об организации государственной закупки скота для дальнейшей помощи колхозам районов, освобождённых от немецкой оккупации»[10].

385. Постановление СНК СССР № 1391 от 18 декабря 1943 г. «О повышении должностных окладов работникам предприятий текстильной промышленности»[11] .

386. Распоряжение ГКО СССР № 4812с от 19 декабря 1943 г. [О расширении производства автомобильного газогенераторного оборудования и переоборудования автомобилей для нужд Ленинградского фронта, Балтийского флота и ленинградского городского хозяйства][12] .

387. Постановление СНК СССР № 1428 от 27 декабря 1943 г. «О мерах улучшения общественного питания в г. Ленинграде»[13].

---

1 Там же. Д. 219. Л. 186–187.
2 Там же. Д. 219. Л. 269–271.
3 Там же. Л. 293–294.
4 Там же. Л. 92–93.
5 Там же. Д. 220. Л. 230.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 1111.
7 Там же.
8 Там же. С. 1114–1115.
9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 220. Л.337–338.
10 Там же. Д. 221. Л.208–214.
11 Там же. Л. 268–272.
12 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 1149–1150.
13 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 222. Л. 121–130.

388. Постановление СНК СССР № 1435 от 28 декабря 1943 г. «О материальном обеспечении семей умерших действительных членов Академии Наук СССР»[1].
389. Постановление СНК СССР № 11 от 5 января 1944 г. «Об установлении ставки налога с оборота на пищевые концентраты»[2].
390. Постановление СНК СССР № 59 от 19 января 1944 г. «О порядке выплаты вкладов, внесённых в сберегательные кассы до 23 июня 1941 года»[3].
391. Постановление СНК СССР № 126 от 6 февраля 1944 г. «Об утверждении Постановления Секретариата ВЦСПС "О непрерывном стаже работы рабочих и служащих, находившихся во временно оккупированных районах"»[4].
392. Постановление СНК СССР № 129-44с от 8 февраля 1944 г. «О проведении в 1944 году государственных и местных налогов и сборов на территории, освобождённой и освобождаемой от немецкой оккупации»[5].
393. Постановление СНК СССР № 147 от 11 февраля 1944 г. «О возмещении хлебопекарной промышленности дополнительных расходов по выпечке хлеба с примесью картофеля»[6].
394. Постановление СНК СССР № 182 от 19 февраля 1944 г. «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году»[7].
395. Постановление ГКО СССР № 5223 от 20 февраля 1944 г. «Об обеспечении углем Ленинграда»[8].
396. Постановление ГКО СССР № 5224 от 20 февраля 1944 г. «О восстановлении первой очереди торфопредприятий "Назия" треста "Ленгосторф" Наркомата электростанций»[9].
397. Постановление СНК СССР № 258 от 9 марта 1944 г. «Об обмене непригодного для посева зерна на семена яровых зерновых культур»[10].
398. Постановление СНК СССР № 271 от 11 марта 1944 г. «О дополнении постановления Совнаркома СССР от 17 июня 1943 г. № 664. ”О возмещении ущерба кооперативам и общественным предприятиям, колхозам”»[11].
399. Постановление ВЦСПС СССР от 11 марта 1944 г. «О порядке выдачи в военное время пособий по беременности и родам»[12].
400. Постановление СНК СССР № 311 от 26 марта 1944 г. «О мерах развития подсобных хозяйств промышленных предприятий на 1944 год»[13].
401. Постановление СНК СССР № 315 от 28 марта 1944 г. «О развитии индивидуального животноводства и птицеводства рабочих и служащих»[14].
402. Распоряжение ГКО СССР № 5494 от 28 марта 1944 г. [О срочной помощи топливом ленинградским электростанциям][15].
403. Постановление ГКО СССР № 5509сс от 29 марта 1944 г. «О первоочередных мероприятиях по

---

1 Там же. Л. 126.
2 Там же. Д. 223. Л. 29.
3 Там же. Л. 113.
4 Там же. Д. 224. Л. 19–20.
5 Там же. Л. 22–23.
6 Там же. Л. 51.
7 Там же. Л. 145 – 149.
8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 124.
9 Там же.
10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 225. Л 100–102.
11 Там же. Л. 181–206.
12 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 210.
13 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 226. Л. 76.
14 Там же. Л. 241–242.
15 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. … Т. 2: 1944–1945. С. 180.

восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году» (Докладная записка Вознесенского Н. А., Жданова А. А. Сталину И. В.)[1].

404. Постановление ГКО СССР № 5510с от 30 марта 1944 г. «О мерах по обеспечению снабжения населения продовольственными товарами в апреле 1944 года»[2].

405. Постановление СНК СССР № 337 от 3 апреля 1944 г. «О порядке использования продукции подсобных хозяйств предприятий и учреждений»[3].

406. Постановление СНК СССР № 452 от 22 апреля 1944 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству г. Ленинграда»[4].

407. Постановление СНК СССР № 474 от 28 апреля 1944 г. «Об изменении примечания к ст. 4 инструкции о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям»[5].

408. Постановление ГКО СССР № 5851 от 9 мая 1944 г. «О вывозке хлеба из глубинных пунктов в мае и июне 1944 г.».

409. Постановление ГКО СССР № 5948 от 23 мая 1944 г. «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства»[6].

410. Постановление СНК СССР № 663 от 3 июня 1944 г. «О дополнении Постановления Совнаркома СССР от 28 декабря 1943 г. "О материальном обеспечении семей умерших действительных членов Академии наук СССР"»[7].

411. Постановление СНК СССР № 747 от 21 июня 1944 г. «Об организации коммерческих магазинов и ресторанов в г. Ленинграде»[8].

412. Постановление СНК СССР № 792 от 30 июня 1944 г. «О порядке проведения поставок картофеля и овощей из урожая 1944 года в районах, освобождённых от немецкой оккупации»[9].

413. Постановление СНК СССР № 801 от 30 июня 1944 г. «О дополнении ст. 5 Положения о порядке учёта и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества»[10].

414. Постановление ГКО СССР № 6140 от 7 июля 1944 г. «О перебоях в снабжении продовольственными товарами населения городов и промышленных центров Молотовской области в I квартале 1944 года»[11].

415. Постановление СНК СССР № 838 от 8 июля 1944 г. «О плане снабжения дровами и распределения вагонов для перевозки их на III квартал 1944 г.»[12].

416. Постановление ГКО СССР № 6301сс от 1 августа 1944 г. «О создании на 1944–1945 гг. запасов хлебофуража для фронтов, военных округов, Военно-Морского Флота и городов Москвы и Ленинграда из запасов урожая 1944 г.»[13].

417. Постановление ГКО СССР № 6375 от 12 августа 1944 г. «О мерах по поставке древесины в Ленинград и Ленинградскую область».

418. Постановление СНК СССР № 1122 от 18 августа 1944 г. «Об утверждении Положения о

---

1 Там же. С. 183.
2 Там же. С. 184.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 226. Л. 275–276.
4 Там же. Д. 227. Л. 149–151.
5 Там же. Л. 175.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 321–323.
7 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 228. Л. 248.
8 Там же. Д. 229. Л. 183–189.
9 Там же. Д. 230. Л. 59–60.
10 Там же. Л. 89.
11 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 374.
12 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 230. Л. 195–228.
13 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 446.

порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям»[1].

419. Постановление СНК СССР № 1123 от 18 августа 1944 г. «Об организации Управления по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям при Наркомфине СССР и создании отделов по государственным пособиям при исполкомах районных и городских советов депутатов трудящихся»[2].

420. Постановление ГКО СССР № 6471с от 25 августа 1944 г. «О перевозке хлеба урожая 1944 г. по железным дорогам в августе-ноябре»[3].

421. Постановление СНК СССР № 1163 от 24 августа 1944 г. «О балансе и плане распределения деловой древесины и дров из ресурсов Ленинградской и Новгородской областей на второе полугодие 1944 года»[4].

422. Постановление СНК СССР № 1181 от 31 августа 1944 г. «О мерах по обеспечению плана снабжения населения промышленными товарами на III квартал 1944 г.»[5].

423. Распоряжение ГКО СССР № 6545с от 17 сентября 1944 г. «Об отпуске дополнительных фондов мясопродуктов, животных жиров и сахара по решениям ГКО, вынесенным в III квартале 1944 г.». [НК углю и НК вооружения][6] .

424. Постановление ГКО СССР № 6556 от 19 сентября 1944 г. «О перевозках хлеба нового урожая речным транспортом в осенний период навигации 1944 г.»[7] .

425. Постановление ГКО СССР № 6630 от 1 октября 1944 г. «О восстановлении на ленинградских заводах Наркомата минометного вооружения производства оборудования для текстильной, легкой, полиграфической и пищевой промышленности»[8].

426. Распоряжение ГКО СССР № 6716с от 13 октября 1944 г. [О дополнительной поставке угля для Ленинграда][9].

427. Постановление ГКО СССР № 6835с от 29 октября 1944 г. «О плане снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий наркоматов военной, тяжелой промышленности и транспорта на IV квартал 1944 г.»[10] .

428. Постановление СНК СССР № 1539 от 3 ноября 1944 г. «О снижении коммерческих цен на водку, водочные изделия, вино и пиво»[11].

429. Постановление СНК СССР № 1571 от 10 ноября 1944 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей»[12].

430. Постановление СНК СССР № 1622 от 27 ноября 1944 г. «Об утверждении Инструкции Наркомюста СССР "О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака"»[13].

431. Постановление ГКО СССР № 6927 от 14 ноября 1944 г. «Об обеспечении г. Ленинграда дровами на отопительный сезон 1944-45 года».

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 233. Л. 154–166.
2 Там же. Л. 167–171.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 486.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 233. Л. 249–260.
5 Там же. Л. 363–367.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 502.
7 Там же. С. 504.
8 Там же. С. 521.
9 Там же. С. 570.
10 Там же. С. 595.
11 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 237. Л. 240.
12 Дошкольное воспитание. – 1945. – № 4. С. 31; см. также ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 238. Л. 137–172.
13 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 238. Л. 331–337.

432. Постановление ГКО СССР № 6958с от 17 ноября 1944 г. «Об уменьшении плана поставки овощей Красной Армии из урожая 1944 г. и направлении этих овощей на снабжение рабочих, ИТР и служащих предприятий военной, тяжелой промышленности и транспорта»[1].

433. Постановление ГКО СССР № 6959с от 17 ноября 1944 г. «О плане использования дополнительного фонда картофеля, выделенного постановлением ГОКО от 1 октября 1944 года № 6640с на снабжение рабочих оборонных предприятий»[2].

434. Постановление ГКО СССР № 6973 от 19 ноября 1944 г. «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения»[3].

435. Постановление ГКО СССР № 7050с от 1 декабря 1944 г. «О плане использования сухофруктов из урожая 1944 г.»[4]

436. Распоряжение ГКО СССР № 7203с от 24 декабря 1944 г. [Об улучшении продовольственного снабжения рабочих ряда производств и профессий НК угольной промышленности][5].

437. Приказ № 191 Наркома торговли СССР от 4 июля 1942 г. «О продаже дополнительных продуктов питания беременным женщинам, начиная с VI месяца беременности и в течение 2 месяцев после родов в городах с карточным питанием» (На основе постановления СНК)[6].

438. Приказ № 192 Наркома торговли СССР от 14 июля 1942 г. «Об улучшении снабжения детей»[7].

439. «Положение о наркомате социального обеспечения», утвержденное СНК РСФСР от 6 марта 1942 г. (№ 102)[8].

440. Приказ по Наркомпросу РСФСР от 3 февраля 1942 «Об улучшении подсобных хозяйств и организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов» [ссылка на Инструкцию Наркомпроса РСФСР от 25 / XII 1941 «Об улучшении работы подсобных хозяйств при детских домах и об организации сельскохозяйственного труда воспитанников детских домов»][9].

441. Приказ по Наркомпросу РСФСР № 155-м от 2 апреля 1942 [об организации подсобных хозяйств в каждом детском саду][10].

Решения Ленгорисполкома:

442. О выдаче продовольственных карточек на август месяц 1941 г. от 26 июля 1941 г. Пр. №48, п. 26. Приложение №1 «Правила выдачи продовольственных и промтоварных карточек населению г. Ленинграда, Колпино, Кронштадта, Петергофа и Пушкина»[11].

443. Об отмене воспрещения пользоваться «времянками» от 30 ноября 1941. Пр. № 55, п. 72[12].

444. О проверке состояния охраны имущества населения, эвакуированного из г. Ленинграда от 2 января 1942. Пр. № 59, п. 5;

445. О работе домохозяйств от 6 января 1942. Пр. № 59, п. 18[13].

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 2: 1944–1945. С. 621.
2 Там же. С. 622.
3 Там же. С. 626.
4 Там же. С. 647.
5 Там же. С. 675.
6 Педиатрия. – 1942. – № 5. С. 68–69.
7 Там же.
8 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. –1942. – №1. С. 1–8.
9 Учебно-воспитательная работа в детских домах. – 1942. – № 1-2. С. 111.
10 Дошкольное воспитание. – 1942. – № 3–4. С. 1–2.
11 Бюллетень Ленгорсовета… – 1941. – № 28–29 / 490–491 (29 июля). С. 11–13.
12 Бюллетень Ленгорсовета… № 43–44 / 505–506 (18 декабря). С. 11.
13 Бюллетень Ленгорсовета…– 1942. – № 1–2 / 509–510 (30 января). С. 5–7.

446. О развитии индивидуального огородничества от 19 марта 1942. Пр. № 64, п. 4[1].

447. О выдаче повторных экземпляров актов гражданского состояния от 20 марта 1942 [для получения страхового пособия]. Пр. № 65, п. 1[2].

448. Об итогах работы в I квартале и плане городского хозяйства на II квартал 1942 г от 20 апреля 1942. Пр. № 65, п. 1-з[3].

449. Об отогреве и пуске в эксплуатацию водопровода и канализационных сетей от 27 апреля 1942. Пр. № 66, п. 14[4].

450. О проведении работ по сверке домовых книг от 30 апреля 1942. Пр. № 66, п. 39[5].

451. Об образовании имущественно-жилищных общественных инспекций при жилищном управлении Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 30 апреля 1942. Пр. № 66, п. 40[6].

452. О печати продовольственных карточек для столующихся, перешедших на рациональное питание от 15 мая 1942. Пр. № 67, п. 34[7];

453. О выполнении поликлиниками № 1 Свердловского района и № 26 Октябрьского района решения бюро горкома ВКП (б) и Исполкома Ленгорсовета от 21 апреля 1942 «Об организации столовых повышенного типа» от 21 мая 1942. Пр. № 67, п. 2-з[8].

454. О расширении функций жилищных отделов Исполкомов райсоветов депутатов трудящихся от 19 мая 1942. Пр. № 67, п. 27. Положение о жилищном отделе Исполкома райсовета депутатов трудящихся[9].

455. Отчеты Исполкомов Смольнинского и Красногвардейского Райсоветов о ходе сева овощей от 21 мая 1942. Пр. № 67, п. 5-з[10].

456. О порядке приема и сдачи домохозяйств при смене управляющих домами от 9 июня 1942. Пр. № 69, п. 14[11].

457. Об утверждении «Правил выдачи продовольственных и промтоварных карточек населению гг. Ленинграда, Колпино и Кронштадта и порядке их учета и хранения» от 21 июня 1942. Пр. № 70, п. 5. «Правила выдачи продовольственных и промтоварных карточек населению гг. Ленинграда, Колпино и Кронштадта и порядке их учета и хранения»[12].

458. О выполнении решения бюро Исполкома Ленгорсовета от 19 февраля 1942 «Об охране имущества, оставшегося после умерших» от 18 июня 1942. Пр. № 69, п. 53[13].

459. Об установлении размера платы, взимаемой с населения г. Ленинграда за продовольственные и промтоварные карточки от 22 октября 1942. Пр. № 78, п. 5[14].

460. О работе с управдомами от 4 марта 1943. Пр. № 85, п. 1-з[15].

461. О злоупотреблениях с продовольственными карточками и нарушениях правил их выдачи от 4 марта 1943. Пр. № 85, п. 2-з[16].

---

1 Бюллетень Ленгорсовета…№ 5–6 (30 марта). С. 13–15.
2 Бюллетень Ленгорсовета… 7–8 / 515–516 (29 апреля). С. 7.
3 Бюллетень Ленгорсовета…С. 1-2.
4 Бюллетень Ленгорсовета…С. 4-5.
5 Бюллетень Ленгорсовета…С. 8.
6 Бюллетень Ленгорсовета…С. 8-9.
7 Бюллетень Ленгорсовета…– 1942. – № 9–10 / 517–518 (29 мая). С. 3–4.
8 Бюллетень Ленгорсовета…С. 5–7.
9 Бюллетень Ленгорсовета…№ 12 / 520 (29 июня). С. 12.
10 Бюллетень Ленгорсовета…№ 9-10 / 517–518 (29 мая). С. 2–3.
11 Бюллетень Ленгорсовета…№ 12 / 520 (29 июня). С. 13.
12 Бюллетень Ленгорсовета…№ 13 / 521 (18 июля). С. 8–13.
13 Бюллетень Ленгорсовета…С. 7.
14 Бюллетень Ленгорсовета…№ 21–22 / 529–530 (30 ноября). С. 16, 48
15 Бюллетень Ленгорсовета ... – 1943. – № 5–6 / 537–538 (31 марта). С. 4–6.
16 Бюллетень Ленгорсовета ... С. 6–7.

462. О введении индивидуальных стандартных справок на получение продовольственных и промтоварных карточек от 12 марта 1943. Пр. № 86, п. 23 Инструкция[1].

463. Об утверждении инструкции «Об отнесении населения к группам снабжения при выдаче продовольственных и промтоварных карточек» и «Правил выдачи, учета и хранения продовольственных и промтоварных карточек» от 7 мая 1943. Пр. № 91, п. 7. Инструкция и Правила выдачи, учета и хранения продовольственных и промтоварных карточек[2].

464. Об утверждении правил пользования трамваем в г. Ленинграде от 15 июня 1943. Пр. № 92, п. 129. Правила[3].

IV. Эвакуация и реэвакуация гражданского населения, в том числе детей ясельного, дошкольного и школьного возраста (1-х – 7-х классов) с детскими учреждениями

465. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. [О создании Совета по эвакуации при СНК СССР].

466. Постановление СНК СССР № 1791 от 1 июля 1941 г. «О выдаче денежных пособий переселяемым из занимаемых ими помещений в связи с переводом предприятий и учреждений в другие местности»[4].

467. Постановление СНК СССР № 1823-816сс от 5 июля 1941 г. «Об утверждении Положения ”Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы”»[5].

468. Постановление ГКО СССР № 99сс от 11 июля 1941 г. «Об эвакуации промышленных предприятий». (Приложение. Список предприятий подлежащих эвакуации)[6].

469. Постановление СНК СССР № 1857 от 14 июля 1941 г. «Об ассигнованиях на содержание эвакопунктов»[7].

470. Постановление ГКО СССР № 137сс [Об утверждении плана погрузки по железным дорогам народнохозяйственных, эвакуационных грузов и населения на 2 декаду июля 1941 г.][8].

471. Постановление СНК СССР № 1869-840 от 15 июля 1941 г. «О пунктах разгрузки бездокументных эвакуируемых грузов из прифронтовой полосы»[9].

472. Постановление ГКО СССР № 165сс от 16 июля 1941 г. «Об эвакуации из прифронтовых районов скота, зернофуража, принадлежащих колхозам, а также совхозам и другим государственным организациям, и имущества МТС, МТМ и совхозов»[10].

473. Постановление ГКО № 173 от 16 июля 1941 «О составе Совета по эвакуации». (Шверник Н. М. – председатель, Косыгин А. Н. и Первухин М. Г. – зам. председателя, Микоян А. И., Каганович Л. М., Сабуров М. З., Абакумов В. С.)[11].

474. Постановление СНК СССР № 1874 от 16 июля 1941 г. «О питании эвакуируемого населения из прифронтовой полосы»[12].

475. Постановление СНК СССР № 1948 от 9 августа 1941 г. «Об утверждении Положения о прописке граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы»[13].

---

1 Бюллетень Ленгорсовета... С. 8–9.
2 Бюллетень Ленгорсовета... № 11–12 / 541–542 (30 июня). С. 17–25.
3 Бюллетень Ленгорсовета ... № 14 / 546 (31 июля). С. 8–9.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 71.
5 Там же. Л. 105–111.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 53.
7 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 169–171.
8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 61.
9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 392–397.
10 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 65.
11 Там же. С. 66.
12 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 398–399.
13 Там же. Д. 195. Л. 160–163.

476. Постановление СНК СССР № 1951 от 10 августа 1941 г. «О порядке расчетов по реализации бездокументных грузов и о содержании постоянных и временных баз»[1.]

477. Постановление ГКО СССР № 497 от 16 августа 1941 г. [О введении нач. Гл. управления тыла Красной армии ген.-майора М. В. Захарова в Совет по эвакуации при СНК СССР][2].

478. Постановление ГКО СССР № 596сс от 28 августа1941 г. «Об эвакуации Кировского и Ижорского заводов»[3].

479. Постановление ГКО СССР № 644с от 8 сентября 1941 г. «Об эвакуации Волховской и Свирской гидростанций». (Докладная записка Шверника Н. М. Сталину И. В. и Молотову В. М.)[4].

480. Постановление СНК СССР № 2069 от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения»[5.]

481. Постановление ГКО СССР № 715с от 26 сентября 1941 г. «Об организации Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации». (Докладная записка Шверника Н. М. Сталину И. В., Молотову В. М.)[6].

482. Постановление ГКО СССР № 716с от 26 сентября 1941 г. «О прописке граждан, эвакуируемых из прифронтовой полосы». [О запрещении прописки беженцев в городах, находящихся на особом режиме][7].

483. Постановление ГКО СССР № 834с от 25 октября 1941 г. [Об образовании Комитета по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и оборудования легкой и пищевой промышленности][8].

484. Постановление ГКО СССР № 382сс от 3 августа 1941 г. «О транспортных самолетах для Главного управления Гражданского воздушного флота» (Докладная записка Жигарева П. Ф., Степанова П. С. Маленкову Г. М.)[9].

485. Постановление ГКО СССР № 865сс от 3 ноября 1941 г. «О расселении польских граждан»[10].

486. Постановление ГКО СССР № 871сс от 9 ноября 1941 г. [О выделении 24 транспортных самолетов «Дуглас» и 10 самолетов ТБ-3 для доставки продовольствия в Ленинград и вывоза ценных грузов из Ленинграда][11].

487. Постановление ГКО СССР № 910 от 18 ноября 1941 г. «Об ускорении продвижения эшелонов с эвакуированными рабочими, служащими и колхозниками»[12].

488. Постановление ГКО СССР № 1044с от 19 декабря 1941 г. [О прекращении эвакуации хлеба, продовольственных и промышленных товаров, сырья и полуфабрикатов и о ликвидации Комитета по эвакуации][13].

489. Постановление ГКО СССР № 1066с от 25 декабря 1941 г. [Об образовании Комитета по разгрузке железных дорог в составе Микояна А. И. (пред.), Косыгина А. Н., Кагановича Л. М., Вознесенского Н. А., Хрулева А. В., а также о расформировании Совета по эвакуации и передаче

---

1 Там же. Л. 168–171.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 113.
3 Там же. С. 128.
4 Там же. С. 136.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 94–100.
6 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 147.
7 Там же. С. 136.
8 Там же. С. 164.
9 Там же. С. 96.
10 Там же. С. 169.
11 Там же. С. 170.
12 Там же. С. 176.
13 Там же. С. 194.

его аппарата Комитету разгрузки][1].

490. Постановление СНК СССР № 208 от 16 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток»[2]. [В том числе по Ленинграду]

491. Постановление ГКО СССР № 1307с от 17 февраля 1942 г. [О возврате самолетов «Дуглас» в те авиачасти, за которыми они числятся][3].

492. Постановление ГКО СССР № 1308 с от 18 февраля 1942 г. «О подготовке авиации к работе во время весенней распутицы»[4].

493. Постановление СНК СССР № 217 от 19 февраля 1942 г. «О переписи неустановленного эвакуированного оборудования»[5.]

494. Постановление СНК СССР № 317 от 11 марта 1942 г. «Об обеспечении продуктами питания в пути следования поездных бригад»[6].

495. Постановление СНК СССР № 357 от 16 марта 1942 г. «О заработной плате поездных и маневровых бригад железнодорожного транспорта в военное время»[7].

496. Постановление СНК СССР № 354 от 17 марта 1942 г. «О проектах Постановлений, внесенных тт. Зверевым, Емченко и Косяченко «О порядке учета и погашения задолженности Госбанку, возникшей в связи с войной и эвакуацией» и Госбанком – т. Емченко ”О порядке кредитования государственных и кооперативных предприятий и организаций в районах, освобожденных от немецких оккупантов”»[8].

497. Постановление СНК СССР № 368 от 18 марта 1942 г. «Об итогах переписи неустановленного эвакуированного оборудования»[9].

498. Постановление СНК СССР № 380 от 22 марта 1942 г. «О проведении переписи оборудования»[10].

499. Постановление СНК СССР № 431 от 2 апреля 1942 г. «О мероприятиях по подготовке речного транспорта к навигации 1942 года»[11].

500. Постановление ГКО СССР № 1565сс от 9 апреля 1942 г. «О перевозке грузов для Ленинграда и фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 года» (Докладная записка Жданова А. А., Косыгина А. Н. Сталину И. В.)[12].

501. Постановление ГКО СССР № 1751с от 14 мая 1942 г. «Об эвакуации раненых и больных речным флотом в навигацию 1942 года»[13].

502. Постановление ГКО СССР № 1763с от 18 мая 1942 г. «Об оставлении 1000 человек рабочих из числа учащихся ленинградских ремесленных училищ на предприятиях Новосибирской области, занятых производством боеприпасов»[14].

503. Постановление ГКО СССР № 1805с от 24 мая 1942 г. «Об эвакуации населения из г. Ленинграда[15.]

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 198.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 25–27.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 236.
4 Там же.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 45–56.
6 Там же. Д. 198. Л. 312–313.
7 Там же. Д. 199. Л. 5–9.
8 Там же. Л. 3.
9 Там же. Л. 27–29об.
10 Там же. Л. 42–57об.
11 Там же. Л. 179–188.
12 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 282.
13 Там же. С. 321.
14 Там же. С. 324.
15 Там же. С. 332 ; см. также «Государственный Комитет Обороны постановляет…» …. С. 143–147.

504. Постановление ГКО СССР № 1922 от 22 июня 1942 г. «Об образовании при Государственном комитете обороны Комиссии по эвакуации»[1].

505. Постановление ГКО СССР № 2197сс от 20 августа 1942 г. «О размещении населения, эвакуируемого из прифронтовой полосы» [О размещении населения, эвакуируемого из прифронтовой полосы, в Армении, Грузии и Азербайджане][2].

506. Постановление ГКО СССР № 2231 от 1 сентября 1942 г. «О вывозе матерей с детьми и детей из детских учреждений г. Астрахани»[3].

507. Постановление ГКО СССР № 2232 от 1 сентября 1942 г. «О вывозе матерей с детьми из г. г. Архангельска и Молотовска»[4].

508. Постановление СНК СССР № 1494 от 6 сентября 1942 г. «О порядке реализации личного имущества граждан, находящегося на базах бездокументных [так в документе – Л.Г.] грузов»[5].

509. Постановление СНК СССР № 1497 от 8 сентября 1942 г. «О проверке деятельности разных учреждений, эвакуированных в тыл из оккупированных областей»[6].

510. Постановление ГКО СССР № 2531сс от 21 ноября 1942 г. «Об обеспечении коммуникаций г. Ленинграда и Ленинградского фронта в зиму 1942–1943 гг.»[7].

511. Постановление ГКО СССР № 2567с от 5 декабря 1942 г. «О строительстве деревянных барж для Ладожского озера». (Постановление Военного совета Ленинградского фронта № 001333 от 12 ноября 1942 г.)[8].

512. Постановление ГКО СССР № 2759с от 18 января 1943 г. «О строительстве новой железнодорожной линии станция Жихарево – станция Шлиссельбург Октябрьской железной дороги»[9].

513. Постановление ГКО СССР № 3065 от 22 марта 1943 г. «О строительстве обходного пути на железнодорожной линии Жихарево – Шлиссельбург». (Постановление Военного совета Ленинградского фронта № 001517 от 19 марта 1943 г.)[10].

514. Постановление ГКО СССР № 3185сс от 14 апреля 1943 г. «О перевозке грузов для города Ленинграда и войск Ленинградского фронта через Ладожское озеро в навигацию 1943 года». (Докладная записка Микояна А. И., Хрулева А. В. Сталину И. В.)[11].

515. Постановление ГКО СССР № 3673сс от 2 июля 1943 г. «Об утверждении постановления Военного совета Ленинградского фронта "О строительстве деревянных озерных барж для Ладожского озера"».(Постановление Военного Совета Ленинградского фронта № 001628 от 5 июня 1943 г.)[12].

516. Постановление ГКО СССР № 4544с от 12 ноября 1943 г. «О прекращении эвакуации оборудования из г. Ленинграда». (Докладная записка Микояна А. И., Косыгина А. Н., Жданова А. А. Сталину И. В.)[13].

517. Постановление СНК СССР № 6 от 5 января 1944 г. «О порядке реализации невостребованных

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 363.
2 Там же. С. 429.
3 Там же. С. 438.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 438.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 205. Л. 107–109.
6 Там же. Д. 199. Л. 116.
7 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 516.
8 Там же. С. 525.
9 Там же. С. 583.
10 Там же. С. 664.
11 Там же. С. 698.
12 Там же. С. 831.
13 Там же. С. 1093.

и бездокументных грузов на станциях железных дорог, пристанях и в портах»[1].

518. Постановление ГКО СССР №6146 от 7 июля 1944 г. «О порядке передвижения граждан по водным путям сообщения Союза ССР»[2].

519. Постановление СНК СССР № 1104 от 16 августа 1944 г. «О компенсации при возвращении работников из эвакуации к месту прежней работы»[3].

520. Постановление ГКО СССР № 6496с от 3 сентября 1944 г. «Об ограничении в 1944 году реэвакуации в г. Ленинград учреждений, институтов, предприятий и рабочей силы»[4].

521. Распоряжение ГКО СССР №7056 от 1 декабря 1944 г. [О реэвакуации в Ленинград научно-исследовательских институтов и учреждений АН СССР в I квартале 1945 г.][5].

522. Распоряжение ГКО СССР №7057 от 1 декабря 1944 г. [О реэвакуации в Ленинград студентов и преподавателей ленинградских вузов и членов их семей][6].

523. Распоряжение Совета по эвакуации СНК СССР № 4870-сэ от 6 июля 1941 г. «Об ассигновании эвакуации детей дошкольного и школьного возраста из Москвы и Ленинграда за счет городских и местных бюджетов»[7].

524. Инструкция № 01-1-5/ 55 НКЗ СССР от 20 августа 1941 г. «Об эвакуации детей и матерей»[8].

525. Приказ по Наркомпросу РСФСР № 547 от 17 июля 1941 г. «О наведении порядка по обслуживанию школьников» [Мосгороно, Ленгороно в эвакуации – ЛГ.] [9].

Решения Ленгорисполкома:

526. О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области от 29 июня 1941[10].

527. О порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда от 19 июля 1941. Пр. № 48, п. 7. Инструкция для управляющих домами (и комендантов домов, не находящихся в ведении рай. жил. управлений) по взиманию платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда[11].

528. О мероприятиях по медицинско-санитарному обслуживанию населения в пути от 14 августа 1941 г. [12].

529. Об уполномоченных по эвакуации женщин и детей в области и автономные республики от 17 августа 1941 г. [13].

530. О дополнении решения Исполкома от 25 октября 1941 «О порядке взимания платы с родителей за детей, эвакуированных из Ленинграда» от 9 ноября 1941. Пр. № 54, п. 33[14].

531. О порядке выдачи эвакодокументов населению, эвакуирующемуся из города Ленинграда от 29 мая 1942. Пр. № 68, п. 55[15].

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 12–22.
2 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 2: 1944–1945. С. 376.
3 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.
4 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 2: 1944–1945. С. 494.
5 Там же. С. 649.
6 Там же.
7 ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп.1. Д. 543 (Распоряжения Совета по эвакуации за июнь-октябрь 1941 г.). Л. 69.
8 Педиатрия. – 1941. – № 9–10. С. 61–62.
9 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – № 15–16. С. 4.
10 *Ежов М. В.* Местное самоуправление. – СПб, 1993. С. 44–45.
11 Бюллетень Ленгорсовета…– 1941. – № 28–29 / 490–491 (29 июля). С. 1–6.
12 *Ежов М. В*. Указ. соч. С. 46-47.
13 Там же. С. 47.
14 Бюллетень Ленгорсовета…– 1941. – № 41–42 / 503–504 (28 ноября). С. 17.
15 Бюллетень Ленгорсовета…– 1942. – № 11 / 519 (5 июня). С. 7.

532. О взимании платы за детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из г. Ленинграда от 30 мая 1942. Пр. № 68, п. 66 [1].

533. О норме багажа, разрешенного к провозу гражданами, эвакуирующимися из города Ленинграда от 8 июня 1942. Пр. № 69, п. 12[2].

534. О выполнении решения Исполкома Ленгорсовета «Об охране имущества военнослужащих и эвакуированных» в Свердловском и Приморском районах от 30 июля 1942. Пр. № 71, п. 2-з[3].

535. О прекращении эвакуации населения из г. Ленинграда от 22 октября 1942. Пр. № 78, п. 14.

536. О ликвидации Ленгорэвакокомиссии и эвакопунктов от 4 декабря 1943 г.[4]

V. Обеспечение санитарно-гигиенических условий и борьба с эпидемиями среди гражданского населения, в том числе детей; охрана детства и материнства

537. Постановление ГКО СССР № 462сс от 11 августа 1941 г. «О реорганизации Санитарного управления Красной Армии в Главное военно-санитарное управление Красной Армии»[5].

538. Постановление ГКО СССР № 466сс от 12 августа 1941 г. «Об эвакуации раненых и больных из армейских госпиталей во внутренние районы страны»[6].

539. Постановление СНК СССР № 1987 от 18 августа 1941 г. «Вопрос Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца»[7].

540. Постановление ГКО СССР № 561 сс от 22 августа 1941 г. «Об организации производства препарата ”С“» (Докладные записки Первухина М. Г. Молотову В. М., Бенедиктова И. А. Андрееву А. А.)[8].

541. Постановление СНК СССР № 2029 от 2 сентября 1941 г. «О порядке установления в военное время карантина при заразных заболеваниях сельскохозяйственных животных и птиц»[9].

542. Постановление ГКО СССР № 701сс от 22 сентября 1941 г. «Об улучшении медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной армии» (Докладная записка Хрулева А. В. Сталину И. В.)[10].

543. Постановление ГКО СССР № 957сс от 24 ноября 1941 г. [О проверке всех женщин, поступивших в части и госпитали после их формирования] (Докладная записка Берии Л. П. Сталину И. В.)[11].

544. Постановление ГКО СССР № 1030сс от 14 декабря 1941 г. «О борьбе с эпидемическими заболеваниями в г. Сталинграде» (Докладная записка Берия Л. П. Сталину И. В.)[12].

545. Постановление ГКО СССР № 1234с от 2 февраля 1942 г. «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». (Докладная записка Баюкова В. А. Маленкову Г. М.)[13].

546. Постановление ГКО СССР № 1236сс от 3 февраля 1942 г. «О передислокации

---

1 Бюллетень Ленгорсовета… № 14 / 522 (31 июля). С. 5.
2 Бюллетень Ленгорсовета… № 12 / 520 (29 июня). С. 11.
3 Бюллетень Ленгорсовета…№ 15 / 523 (16 августа). С. 2.
4 *Ежов М. В.* Указ. соч. С. 115–116.
5 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 108.
6 Там же. С. 109.
7 ГА РФ. Фонд Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 1. Д. 195. Л. 210.
8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 123.
9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 258–259.
10 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 145.
11 Там же. С. 181.
12 Там же. С. 192.
13 Там же. С. 225 ; см. также: *Комаров Н. Я.* «Государственный Комитет обороны постановляет...». – М.: Воениздат, 1990. С. 148.

эвакогоспиталей»[1].

547. Постановление ГКО СССР № 1260сс от 8 февраля 1942 г. «Об увеличении коечной сети эвакогоспиталей на 40%»[2].

548. Постановление ГКО СССР № 1373сс от 2 марта 1942 г. «О строительстве установок для производства жидкого кислорода по методу академика Капицы П. Л.»[3].

549. Распоряжение ГКО СССР № 1382сс от 3 марта 1942 г. «Об усилении противоэпидемической работы в войсках Красной Армии». (Приложение. Штат санитарно-контрольного пункта Наркомата обороны)[4].

550. Постановление ГКО СССР № 1411сс от 7 марта 1942 г. «О производстве гексогена в марте и апреле 1942 г.»[5].

551. Постановление ГКО СССР № 1517 от 1 апреля 1942 г. «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобождаемых от противника»[6].

552. Постановление ГКО СССР № 1633 сс от 23 апреля 1942 г. [О дополнительном развертывании эвакогоспиталей на 174 тыс. коек][7].

553. Постановление СНК СССР № 1348 от 9 августа 1942 г. «О производстве провитамина «А»-каротина»[8].

554. Постановление СНК СССР № 1739 от 27 октября 1942 «О мероприятиях по улучшению работы органов Здравоохранения и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усиленному питанию нуждающихся детей» [9].

555. Постановление СНК СССР № 1936 от 5 декабря 1942 г. «Об утверждении Положения о врачебно-трудовых экспертных комиссиях»[10].

556. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1974 от 13 декабря 1942 г. «О повышении заработной платы медицинским работникам»[11].

557. Постановление ГКО СССР № 2690сс от 2 января 1943 г. [О расширении сети эвакогоспиталей за счет передислокации госпиталей из Ленинграда и СибВО и создания новых 50 тыс. коечных мест][12].

558. Постановление СНК СССР № 15 от 5 января 1943 г., приказ Наркомздрава СССР от 12 января 1943, Постановление СНК РСФСР от 31 января 1943 «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом»[13].

559. Постановление СНК СССР № 93 от 25 января 1943 г. «Об утверждении Положения о миссии Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в США»[14].

560. Постановление СНК СССР № 94 от 25 января 1943 г. «Об утверждении Положения о миссии Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в Великобритании»[15].

---

1 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 1: 1941–1943. С. 226.
2 Там же. С. 229.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 246.
4 Там же. С. 248.
5 Там же. С. 252.
6 Там же. С. 271.
7 Там же. С. 296.
8 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 204. Л. 277–281.
9 Педиатрия. – 1943. – № 1. С. 4–11.
10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 251–257.
11 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 209.
12 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 550.
13 Советская медицина. – 1943. – №4. С. 33.
14 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 241–245.
15 Там же. Л. 246–249.

561. Постановление СНК СССР № 512 от 12 мая 1943 г. «О мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период»[1].

562. Постановление СНК СССР № 714 от 1 июля 1943 г. «Об отмене инструкции Наркомздрава СССР от 29 июля 1942 г. О порядке определения инвалидности членов колхозов, единоличников и членов их семей»[2].

563. Постановление ГКО СССР № 3797 от 23 июля 1943 г. «О производстве и поставке перевязочных средств»[3].

564. Постановление СНК СССР № 810 от 23 июля 1943 г. «Об утверждении типовых штатов медицинского и административно-хозяйственного персонала городских и сельских больниц, детских яслей, родильных домов и сельских амбулаторий»[4].

565. Постановление СНК СССР № 155 от 13 февраля 1944 г. «Об упорядочении нормирования труда и повышении заработной платы рабочих и инженерно-технических работников химико-фармацевтических и фармацевтических предприятий Наркомздрава СССР и Наркомздравов союзных республик»[5].

566. Постановление СНК СССР № 332 от 1 апреля 1944 г. «Об организации санитарно-эпидемических отрядов»[6].

567. Постановление СНК СССР № 629 от 29 мая 1944 г. «О мероприятиях по борьбе с малярией»[7].

568. Постановление СНК СССР № 645 от 2 июня 1944 г. «О дополнительных мерах по борьбе с септической ангиной»[8].

569. Постановление СНК СССР № 708 от 12 июня 1944 г. «О повышении цен на аптекарские товары»[9].

570. Постановление СНК СССР № 1018 от 2 августа 1944 г. «О мерах борьбы с чумой птицы»[10].

571. Постановление ГКО СССР № 6666 от 8 октября 1944 г. «О поставке химического сырья, материалов и изделий для медицинской промышленности, эвакогоспиталей и лечебной сети Наркомздрава СССР в IV квартале 1944 г.»[11].

572. Постановление СНК СССР № 1571 от 10 ноября 1944 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей»[12].

573. Постановление СНК СССР № 1642 от 1 декабря 1944 г. «О мероприятиях по улучшению подготовки врачей»[13].

574. Постановление СНК СССР № 1753 от 30 декабря 1944 г. «О мероприятиях по недопущению заноса на территорию СССР опасных вредителей, болезней и злостных сорняков сельскохозяйственных растений»[14].

575. Постановление СНК СССР № 1063 от 14 мая 1945 г. «О мероприятиях по укреплению

---

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 214. Л. 161–167об.
2 Там же. Д. 216. Л. 181.
3 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность.... Т. 1: 1941–1943. С. 878.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216. Л. 346–353.
5 Там же. Д. 223. Л. 65–77.
6 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 226. Л. 273–274.
7 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 210.
8 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 228. Л. 204–213.
9 Там же. Д. 229. Л. 62–63.
10 Там же. Д. 232. Л. 21–24.
11 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. ... Т. 2: 1944–1945. С. 534.
12 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 211.
13 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 238. Л. 384–392.
14 Там же. Д. 239. Л. 386.

здоровья детей в летний период 1945 г.»[1].

576. Приказ Уполномоченного ГКО по проведению противоэпидемических мероприятий Наркоматом здравоохранения СССР № 28 от 22 июля 1943 г. «О предупреждении распространения детских инфекций»[2].

577. Приказ НКЗ СССР № 222 от 24 мая 1941 г. «Об улучшении лечебно-профилактического обслуживания детского населения»[3]. Временное положение о детском враче города и рабочего поселка (К приказу НК Здрава СССР № 222)[4].

578. Приказ НКЗ СССР № 449 от 15 сентября 1941 г. «О применении 10% сульфидина для лечения бациллярной дизентерии по методу доцента Х. Х. Планельса»[5].

579. Приказ НКЗ СССР № 58 от 12 ноября 1941 г. «О необходимости агитационно-массовой работы по борьбе с эпидемическими, заразными заболеваниями»[6].

580. Приказ НКЗ СССР от 22 мая 1942 г. «О противоэпидемической работе городских поликлиник и амбулаторий и укреплении участковой территориальной системы медицинского обслуживания населения»[7].

581. Приказ НКЗ СССР № 393 от 29 июля 1942 г. «О создании медсанчастей на крупных предприятиях оборонного значения»[8].

582. Приказ НКЗ СССР № 531 от 3 ноября 1942 г. «О мероприятиях по улучшению работы органов здравоохранения и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усиленному питанию нуждающихся детей»[9].

583. Инструкция НКЗ СССР и ВЦСПС от 5 января 1943 г. «О трудовом устройстве рабочих и служащих, имеющих заболевание туберкулезом»[10].

584. Постановление СНК РСФСР от 23 января 1941 г. «О врачах сельских врачебных участков»[11].

585. Постановление СНК РСФСР № 177 (Д) от 3 марта 1944 г. «Об улучшении медицинского обслуживания населения»[12].

586. Распоряжение № 3175-р СНК РСФСР от 21 декабря 1944 г. [об организации в 1945 г. детдомов для детей с туберкулезной интоксикацией на 12 700 мест][13].

587. Приказ по Наркомпросу РСФСР № 521 от 01 июля 1941 г. «Об улучшении обслуживания детей в детских садах и детдомах»[14].

588. Приказ по НКЗ РСФСР и Наркомпросу РСФСР № 460 / 523 от 02 июля 1941 г. «О предупреждении инфекционных заболеваний в детских садах и детских домах»[15].

589. Приказ НКЗ РСФСР № 28 от 31 марта 1944 г. «По улучшению качества медицинского

---

1 Советская медицина. – 1945. – № 6. С. 34.
2 Педиатрия. – 1943. – № 6. С. 74–76.
3 Педиатрия. – 1941. – № 7–8. С. 110–112.
4 Педиатрия. № 9–10. С. 62–63.
5 Педиатрия. № 11–12. С. 74.
6 Педиатрия. – 1942. – № 1–2. С. 60–61.
7 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 209.
8 Там же.
9 Педиатрия. – 1943. – № 6. С. 77–79.
10 *Бякина В. П., Давыдова Т. В.* Указ. соч. С. 210.
11 Там же. С. 208.
12 Там же. С. 210.
13 Во имя Победы: эвакуация …. С. 333.
14 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – № 15–16. С. 5.
15 Там же. С. 6.

обслуживания населения через больнично-поликлиническую сеть»[1].

590. Протокол № 335 заседания бюро ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном пионерском лагере «Артек» им. В. М. Молотова от 9 апреля 1943 [О временном преобразовании в санаторий для детей Сибири][2].

591. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта от 10 февраля 1942 г. № 00636 «О мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями»[3].

Решения Ленгорисполкома:

592. Об обязательных прививках против брюшного тифа, госпитализации при некоторых заразных заболеваниях и обязательной дезсанобработке от 27 июня 1942. Пр. № 70, п. 27 [4].

593. Об усилении мероприятий по предупреждению в Ленинграде заболеваний сыпным тифом от 11 августа 1942. Пр. № 73, п. 13[5].

594. Положение о работе санотрядов Ленинградского Городского Комитета Общества Красного Креста от 12 сентября 1942. Пр. № 75, п. 24[6].

595. О внебольничном обслуживании населения от 24 декабря 1942. Пр. № 81, п. 2-з[7].

596. О ходе подготовки к зиме лечебных учреждений города от 12 августа 1943. Пр. № 96, п. 4-з[8].

VI. Обеспечение всеобуча, работы школьных и дошкольных учреждений, а также работы высших учебных заведений и техникумов. Организация работы школ и училищ системы «Трудовых резервов». Борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков.

597. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943[9].

598. Постановление СНК СССР № 1803 от 2 июля 1941 г. «Об освобождении от платы за обучение [8-10 кл., техникумы, вузы] детей рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и ВМФ»[10].

599. Постановление СНК СССР № 1802 от 2 июля 1941 г. «О привлечении учащихся 7-10 классов неполных средних и средних школ к сельскохозяйственным работам»[11].

600. Постановление СНК СССР № 1969 от 11 августа 1941 г. «Об усилении военной и физической подготовки учащихся в VIII–X классах средних школ»[12].

601. Постановление СНК СССР № 2295 от 20 декабря 1941 г. «Об организации 1941/42 уч. года в начальных, неполных средних и средних школах»[13].

602. Постановление СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»[14].

---

1 Там же.
2 Во имя Победы: эвакуация … С. 333.
3 *Гладких П. Ф.* Здравоохранение блокадного Ленинграда…, 1985. С. 92.
4 Бюллетень Ленгорсовета…– 1942. – № 14 / 522 (31 июля). С. 3.
5 Бюллетень Ленгорсовета… . № 16 / 524 (31 августа). С. 8.
6 Бюллетень Ленгорсовета… . № 17–18 / 525–526 (28 сентября). С. 9.
7 Бюллетень Ленгорсовета… . № 24 / 532 (31 декабря). С. 6.
8 Бюллетень Ленгорсовета.... – 1943. – № 16 / 548 (31 августа). С. 4-5.
9 Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – 1943. – № 3. С. 30–40; Бюллетень Ленгорсовета…– 1943. – № 22 (554). С. 1.
10 Во имя Победы: эвакуация …. С. 333.
11 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 264–265.
12 Там же. Д. 195. Л. 183–185.
13 Там же. Д. 196. Л. 287–288.
14 Учебно-воспитательная работа в детском доме. – 1942. – № 1–2. С. 107 ; см. также: Собрание постановлений и

603. Постановление СНК СССР № 330 от 13 марта 1942 г. «О проведении дополнительного призыва (мобилизации) молодежи в школы фабрично-заводского обучения»[1].

604. Постановление СНК СССР № 433 от 2 апреля 1942 г. «Об организации подсобных хозяйств при ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО»[2].

605. Постановление СНК СССР № 629 от 5 мая 1942 г. «О плане приема в вузы в 1942 г. и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений»[3].

606. Распоряжение СНК СССР № 10268 от 3 июня 1942 г. и Постановление СНК РСФСР № 675 от 3 октября 1942 «О возвращении в школу детей в возрасте до 14 лет»[4].

607. Постановление СНК СССР № 971 от 18 июня 1942 г. «О сроке обучения в вузах»[5].

608. Постановление СНК СССР № 1045 от 27 июня 1942 г. «Об учреждении Нагрудного значка «Отличник Государственных Трудовых Резервов»[6].

609. Постановление СНК СССР № 1046 от 27 июня 1942 г. «О введении должности воспитателя в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО Главного Управления Трудовых Резервов»[7].

610. Постановление СНК СССР № 1089 от 2 июля 1942 г. «О мероприятиях по укреплению техникумов»[8].

611. Постановление СНК СССР № 1213 от 18 июля «Об организации в составе Главного Управления Трудовых Резервов при СНК СССР инспекции по учету использования на предприятиях и стройках рабочих, окончивших школы ФЗО и РУ»[9].

612. Постановление СНК СССР № 1379 от 15 августа 1942 г. «Об отсрочке начала занятий в школах, техникумах и вузах»[10].

613. Постановление СНК СССР № 1531 от 13 сентября 1942 г. «О дополнительной подготовке в школах ФЗО 200 тыс. рабочих массовых профессий»[11].

614. Постановление СНК СССР № 1701 от 14 октября 1942 г. «О графике учебных занятий в вузах в 1942\43 уч. году»[12].

615. Постановление СНК СССР № 1729 от 24 октября 1942 г. «О начальной и допризывной военной подготовке учащихся V–X классов неполной средней и средней школ и техникумов». Положение о начальной и допризывной подготовке учащихся V–X классов неполной средней и средней школ и техникумов[13].

616. Постановление СНК СССР № 1730 от 24 октября 1942 г. «О военно-физической подготовке учащихся начальной и 1-4 классов неполной средней и средней школ»[14].

617. Постановление СНК СССР № 1925 от 2 декабря 1942 г. «О школьных каникулах для учащихся V–X классов неполных средних и средних школ в 1942/43 уч. году»[15].

распоряжений правительства СССР. – 1942. – № 21 (17 апреля). С. 24–25.

1 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 198. Л. 353–355.

2 Там же. Д. 199. Л. 198–207.

3 Там же. Д. 200. Л. 233–244.

4 Бюллетень Ленгорсовета…– 1942. – № 21–22 / 529–530 (30 ноября). С. 14.

5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 202. Л. 239.

6 Там же. Д. 203. Л. 63–64.

7 Там же. Л. 65–69.

8 Там же. Л. 146–152.

9 Там же. Л. 398–399.

10 Там же. Д. 204. Л. 331.

11 Там же. Д. 205. Л. 178–186.

12 Там же. Д. 206. Л. 294–295.

13 Начальная школа. – 1943. – № 8–9. С. 1–3.

14 Начальная школа. № 1. С. 1–2.

15 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 204.

618. Постановление СНК СССР № 1968 от 13 декабря 1942 г. «О предоставлении трудовых отпусков работникам учебных заведений»[1].

619. Постановление СНК СССР № 1985 от 17 декабря 1942 г. «О сохранении за учителями I–IV классов школ ставок заработной платы в связи с введением военно-физической подготовки учащихся»[2].

620. Постановление СНК СССР № 2032 от 31 декабря 1942 г. «Об отмене свободного посещения учебных занятий студентами высших учебных заведений»[3].

621. Постановление СНК СССР № 32 от 7 января 1943 г. «Об освобождении от призыва в Красную Армию студентов выпускного и предпоследнего курсов высших учебных заведений»[4].

622. Постановление СНК СССР № 118-42с от 3 февраля 1943 г. [об освобождении от призыва в ФЗО и РУ, ЖУ учащихся 9–10 классов][5].

623. Постановление СНК СССР № 145 от 10 февраля 1943 г. «Об улучшении питания студентов высших учебных заведений»[6].

624. Постановление СНК СССР № 152 от 10 февраля 1943 г. «О финансировании районных колхозных школ»[7].

625. Постановление СНК СССР № 205 от 24 февраля 1943 г. «О весенних каникулах для учащихся V–X классов неполных средних и средних школ в 1943 г.»[8].

626. Постановление СНК СССР № 311 от 20 марта 1943 г. «Об освобождении от платы за обучение и об обеспечении стипендиями учащихся медицинских вузов Наркомздрава СССР, техникума физкультуры и спорта и медицинских средних учебных заведений г. Ленинграда»[9].

627. Постановление СНК СССР № 438 от 23 апреля 1943 г. «О плане приема в вузы и техникумы»[10].

628. Постановление СНК СССР № 472 от 2 мая 1943 г. «О начальной военной подготовке учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения»[11].

629. Постановление СНК СССР № 512 от 12 мая 1943 г. «О мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период 1943 года»[12].

630. Постановление СНК СССР № 659 от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детскими беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»[13].

631. Постановление СНК СССР № 661 от 16 июня 1943 г. «Об использовании в период летних каникул учащихся железнодорожных школ на предприятиях НКПС»[14].

632. Постановление СНК СССР № 662 от 16 июня 1943 г. «Об организации бригад учащихся ремесленных и железнодорожных училищ по ремонту комбайнов и сельскохозяйственных

---

1 Там же. Л. 325.
2 Там же. Д. 208. Л. 371.
3 Там же. Д. 209. Л. 122–123.
4 Там же. Д. 210. Л. 53–54.
5 Там же. Д. 224. Л. 209.
6 Там же. Д. 210. Л. 363–370.
7 Там же. Л. 373–374.
8 Там же. Д. 211. Л. 72.
9 Там же. Д. 212. Л. 208–209.
10 Там же. Д. 213. Л. 217–226.
11 Там же. Л. 313–321.
12 Там же. Д. 214. Л. 161–167об.
13 Там же. Д. 215. Л. 214–216 ; Во имя Победы: эвакуация …. С. 333.
14 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп.1. Д. 215. Л. 220.

машин в МТС и совхозах»[1].

633. Постановление СНК СССР № 697 от 26 июня 1943 г. «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД СССР и детей, оставшихся без родителей»[2].

634. Постановление СНК СССР № 710 от 30 июня 1943 г. «Об организации при Наркомпросе РСФСР Комитета по делам польских детей в СССР»[3].

635. Постановление СНК СССР № 721 от 2 июля 1943 г. «Об учебно-методическом руководстве техникумами»[4].

636. Постановление СНК СССР № 782 от 15 июля 1943 г. «Об обучении подростков, работающих на предприятиях»[5].

637. Постановление СНК СССР № 789 от 16 июля 1943 г. «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов»[6].

638. Постановление СНК СССР № 830 от 28 июля 1943 г. «О мероприятиях по обеспечению школ в 1943/44 учебном году школьно-письменными принадлежностями»[7].

639. Постановление СНК СССР № 837 от 28 июля 1943 г. «Об обеспечении начальных, неполных средних и средних школ РСФСР учителями в 1943/44 учебном году»[8].

640. Постановление СНК СССР № 875 от 11 августа 1943 г. «О повышении заработной платы учителям и другим работникам начальной и средней школ»[9].

641. Постановление СНК СССР № 894 от 19 августа 1943 г. «О распределении по наркоматам и ведомствам учащихся, окончивших школы фабрично-заводского обучения в августе – сентябре 1943 года»[10].

642. Постановление СНК СССР № 899 от 21 августа 1943 г. «О начале занятий в 5–10 классах неполных средних и средних школ»[11].

643. Постановление СНК СССР № 901 и Постановление ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[12].

644. Постановление СНК СССР № 928 от 28 августа 1943 г. «Об обеспечении средних школ химическими реактивами и лабораторной посудой на 1943/44 учебный год»[13].

645. Постановление СНК СССР № 942 от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов». [Приложение: нормы снабжения продуктами детских домов и интернатов, типовые штаты][14].

646. Постановление СНК СССР № 964 от 8 сентября 1943 г. «О приеме детей 7-летнего

---

1 Там же. Л. 222.
2 Там же. Д. 216. Л. 108–110.
3 Там же. Л. 167–174.
4 Там же. Л. 208–209.
5 Там же. Д. 216. Л. 259–260.
6 Там же. Л. 271–275 ; Начальная школа. – 1943. – № 8–9. С. 1-3.
7 Там же. Д. 217. Л. 38–48.
8 Там же. Л. 55–59.
9 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – № 11. С. 197-199.
10 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп.1. Д. 217. Л. 183–186.
11 Там же. Л. 197.
12 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. – М.: Изд-во полит. литературы. С. 459–465.
13 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 217. Л. 388–394.
14 О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей: Инструкция Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФР и Наркомюста РСФСР. – М.: Наркомпрос РСФСР. – 1943.

возраста в школы»[1].

647. Постановление СНК СССР № 972 от 9 сентября 1943 г. «О покрытии расходов по повышению заработной платы учителям и другим работникам начальных и средних школ»[2].

648. Постановление СНК СССР № 982 от 14 сентября 1943 г. «О типовых штатах и ставках заработной платы работников специальных детских домов»[3].

649. Постановление СНК СССР № 996 от 15 сентября 1943 г. «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию»[4].

650. Постановление СНК СССР № 1022 от 18 сентября 1943 г. «О порядке отпуска на учёбу в вузы и техникумы лиц, работающих на оборонных и важнейших промышленных предприятиях»[5].

651. Постановление СНК СССР № 1083 от 4 октября 1943 г. «Об очередном призыве молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища»[6].

652. Постановление СНК СССР № 1089 от 5 октября 1943 г. «О заработной плате штатных старших пионервожатых начальных, неполных средних и средних школ»[7].

653. Постановление СНК СССР № 1092 от 6 октября 1943 г. «Об организации Академии педагогических наук РСФСР»[8].

654. Постановление СНК СССР № 1145 от 19 октября 1943 г. «О повышении заработной платы преподавателям, директорам и заместителям директоров по учебной части техникумов, средних медицинских и правовых школ, художественных, музыкальных, театральных и хореографических училищ и рабфаков»[9].

655. Постановление СНК СССР № 1180 от 28 октября 1943 г. «Об учреждении значка "Отличник народного просвещения"»[10].

656. Постановление СНК СССР № 1225 от 6 ноября 1943 г. «О размерах и порядке назначения стипендий в учительских институтах»[11].

657. Постановление СНК СССР № 1246 от 13 ноября 1943 г. «О распространении Постановления ЦИК и СНК СССР от 3 июля 1929 года "О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет" на учителей, работающих в органах народного образования и в профсоюзе работников начальной и средней школы»[12].

658. Постановление СНК СССР № 1247 от 13 ноября 1943 г. «О размере стипендии на четвёртом курсе высших учебных заведений с 4-летним сроком обучения»[13].

659. Постановление СНК СССР № 1334 от 30 ноября 1943 г. «Об утверждении инструкции по исчислению заработной платы воспитателям и другим работникам детских домов и приёмников-распределителей»[14].

660. Постановление СНК СССР № 1337 от 1 декабря 1943 г. «О порядке возвращения зданий

---

1 История Советской дошкольной педагогики: Хрестоматия / Е. А. Гребенщикова, А. А. Лебеденко, Н. Б. Мчедлидзе и др. – М.: Просвещение, 1980. С. 285.
2 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 125–126.
3 Там же. Л. 149–157.
4 Там же. Л. 189–201.
5 Там же. Л. 242–243.
6 Там же. Д. 219. Л. 1 – 9об.
7 Там же. Л. 51–53.
8 Там же. Л. 56–59.
9 Там же. Л. 244–249.
10 Там же. Л. 523.
11 Там же. Д. 220.
12 Там же. Л. 126.
13 Там же. Л. 128.
14 Там же. Д. 221. Л. 31–39.

высших учебных заведений и техникумов, используемых не по назначению»[1].

661. Постановление СНК СССР № 1363 от 7 декабря 1943 г. «Об организации курсов по подготовке учителей для 1–7 классов начальных, неполных средних и средних школ РСФСР»[2].

662. Постановление СНК СССР № 1398 от 18 декабря 1943 г. «О мероприятиях по укреплению системы заочного педагогического образования»[3].

663. Постановление СНК СССР № 33 от 9 января 1944 г. «О мероприятиях по расширению сети и улучшению работы детских садов [Об изготовлении детской мебели и посуды]»[4].

664. Постановление СНК СССР № 35 от 10 января 1944 г. «О введении цифровой пятибалльной системы оценок успеваемости и проведения учащихся начальной, семилетней и средней школы»[5].

665. Постановление СНК СССР № 178 от 18 февраля 1944 г. «Об утверждении Положения о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений»[6].

666. Постановление СНК СССР № 179 от 18 февраля 1944 г. «О мероприятиях по укреплению высших учебных заведений, подведомственных Комитету по Делам Высшей Школы при Совнаркоме СССР»[7].

667. Постановление СНК СССР № 207 от 25 февраля 1944 г. «Об освобождении учащихся 8 классов средних школ от призыва в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища»[8].

668. Постановление СНК СССР № 229 от 5 марта 1944 г. «О предоставлении в военное время подросткам моложе 16 лет еженедельного дня отдыха и отпусков»[9].

669. Постановление СНК СССР № 241 от 5 марта 1944 г. «О штатах и должностных окладах административно-обслуживающего персонала семилетних и средних школ для подростков, работающих на предприятиях»[10].

670. Постановление СНК СССР № 242 от 5 марта 1944 г. «О порядке возвращения школьных зданий, используемых не по назначению»[11].

671. Постановление СНК СССР № 246 от 5 марта 1944 г. «Об утверждении Инструкции по применению Постановления Совнаркома СССР от 19 октября 1943 г. № 1145 "О повышении заработной платы преподавателям, директорам и заместителям директоров по учебной части техникумов, средних медицинских и правовых школ, художественных, музыкальных, театральных и хореографических училищ и рабфаков"»[12].

672. Постановление СНК СССР № 291 от 20 марта 1944 г. «Об установлении в типовых штатах школ должности "старший пионервожатый"»[13].

673. Постановление СНК СССР № 294 от 20 марта 1944 г. «О заработной плате преподавателей профтехнических школ и курсов массовых профессий предприятий НКВД СССР»[14].

674. Постановление СНК СССР № 370 от 8 апреля 1944 г. «О ставках заработной платы работников Академии педагогических наук РСФСР»[15].

---

1 Там же. Л. 56–57.
2 Там же. Д. 221. Л. 172–173.
3 Там же. Л. 290–314.
4 Дошкольное воспитание. – 1944. – №5–6. С. 47–48 ; 1945. – № 4. С. 3.
5 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 223. Л. 93–95.
6 Там же. Д. 224. Л. 131–137.
7 Там же. Л. 138 – 144.
8 Там же. Л. 209.
9 Там же. Д. 225. Л. 19.
10 Там же. Л. 42–45.
11 Там же. Л. 46.
12 Там же. Л. 63–73.
13 Там же. Д. 226. Л. 163.
14 Там же. Л. 166.
15 Там же. Л. 408–409.

675. Постановление СНК СССР № 376 от 8 апреля 1944 г. «Об установлении сроков обучения в государственных университетах»[1].

676. Постановление СНК СССР № 377 от 8 апреля 1944 г. «Об учреждении значка "Отличник народного просвещения" в союзных республиках»[2].

677. Постановление СНК СССР № 466 от 25 апреля 1944 г. «Об улучшении условий работы детских домов для испанских детей, находящихся в СССР»[3].

678. Постановление СНК СССР № 692 от 7 июня 1944 г. «О мероприятиях по укреплению Ленинградского ордена Ленина государственного университета»[4].

679. Постановление СНК СССР № 710 от 12 июня 1944 г. «О повышении заработной платы учителям школ для неграмотных и малограмотных и школ повышенного типа для взрослых»[5].

680. Постановление СНК СССР № 750 от 21 июня 1944 г. «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе»[6].

681. Постановление СНК СССР № 778 от 24 июня 1944 г. «Об утверждении Положения о производственной практике учащихся техникумов (средних специальных учебных заведений)»[7].

682. Постановление СНК СССР № 918 от 25 июля 1944 г. «О мероприятиях по обеспечению приёма в высшие учебные заведения и техникумы»[8].

683. Постановление СНК СССР № 928 от 25 июля 1944 г. «О плане приёма в аспирантуру высших учебных заведений в 1944 году»[9].

684. Постановление СНК СССР № 1105 от 16 августа 1944 г. «О призыве молодёжи в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО в 1944 году»[10].

685. Постановление СНК СССР № 1124 от 18 августа 1944 г. «О начале занятий в 5–10 классах семилетних и средних школ»[11].

686. Постановление СНК СССР № 1232 от 10 сентября 1944 г. «Об изменении срока проведения призыва молодёжи в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО в 1944 г.»[12].

687. Постановление СНК СССР № 1672 от 13 декабря 1944 г. «О распространении на учащихся юридических школ пункта "в" статьи 5 Постановления Совнаркома СССР от 15 сентября 1943 г. "О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию"»[13].

688. Постановление СНК СССР № 1714 от 24 декабря 1944 г. «О мероприятиях по укреплению здоровья школьников в период зимних каникул 1944/45 учебного года»[14].

689. Постановление СНК СССР № 1732 от 25 декабря 1944 г. «О мероприятиях по обеспечению своевременной выплаты заработной платы учителям сельских школ и медицинским работникам»[15].

690. Постановление СНК СССР № 1758 от 30 декабря 1944 г. «Об организации вечерних

---

1 Там же. Л. 411.
2 Там же. Л. 412.
3 Там же. Д. 227. Л. 163–166.
4 Там же. Д. 229. Л. 3–7.
5 Там же. Л. 85–88.
6 Там же. Л. 239.
7 Там же. Д. 230. Л. 15–19.
8 Там же. Д. 231. Л. 228–229.
9 Там же. Л. 255–258.
10 Там же. Д. 233. Л. 3–9.
11 Там же. Л. 172.
12 Там же. Д. 234. Л.123.
13 Там же. Д. 239. Л.135.
14 Там же. Л. 274–277.
15 Там же. Л. 333–335.

энергетических и торфяных техникумов Наркомата Электростанций»[1].

691. Приказ НКЗ СССР № 449 от 20 августа 1943 г. «О повышении качества работы яслей в городах, рабочих поселках и при промышленных предприятиях»[2].

692. Постановление СНК РСФСР «О выполнении постановления СНК СССР № 75 от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»» № 865 от 25 ноября 1942[3].

693. Постановление СНК РСФСР «Об утверждении Инструкции НКП РСФСР, Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР, утв. Постановлением СНК РСФСР № 325 от 8 апреля 1943 «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей»; Инструкция НКП РСФСР, Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР[4].

694. Постановление СНК РСФСР «Об утверждении Положения о комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей» № 370 от 14 апреля 1943 г. и Положение о комиссии (в соответствии с постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г.)[5].

695. Постановление СНК РСФСР № 637 от 14 июля 1943 «Об утверждении инструкции об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении»; Инструкция, правила для учащихся, утвержденные СНК РСФСР 2 августа 1943 г.[6].

696. Постановление СНК РСФСР от 11 марта 1944 г. [о развитии детских площадок в колхозах][7].

697. Приказ по Наркомпросу РСФСР № Н-605 от 22 июля 1941 г. «О направлении на работу молодых специалистов»[8].

698. Приказ по Наркомпросу РСФСР № Н-601 от 26 июля 1941 г. «О порядке назначения директоров средних школ и заведующих рай(гор)оно».

699. Инструкция Наркомпроса «В помощь начинающему воспитателю», июль 1941 г. [9]

700. Приказ по Наркомпросу РСФСР № 592 от 25 февраля 1943 г. [об участии организаций народного образования в работе пионерской организации][10].

701. Приказ по Наркомпросу РСФСР № 162 от 16 сентября 1943 г. «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся» и Приказ Наркома просвещения РСФСР № 183 от 29 сентября 1943 г. «О социалистическом соревновании учащихся»[11].

702. Постановление ЦК ВЛКСМ «О мероприятиях комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью и по предупреждению детской беспризорности» [о превращении лагеря

---

1 Там же. Л. 406–407.
2 Педиатрия. – 1943. – № 6. С. 77–79.
3 Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. – 1942. – №6. С. 34–37.
4 О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей. Инструкция Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФР и Наркомюста РСФСР. – М.: Наркомпрос РСФСР, 1943 ; см также: Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – 1943. – № 3. С. 30–38.
5 Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. С. 38–40.
6 Начальная школа. – 1943. № 8–9. С. 1–3 ; Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. – 1943. – №4. С. 46–50 ; Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. – Л., Лениздат. 1944. С. 229–230.
7 Дошкольное воспитание. – 1945. – № 4. С. 4.
8 Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1941. – № 15–16. С. 14.
9 В помощь начинающему работнику / Центральный дошкольный научно-методический кабинет Наркомпроса РСФСР // Дошкольное воспитание. – 1941. – № 8. С. 9–16.
10 Начальная школа. – 1943. – № 7. С. 48–49
11 Начальная школа. № 8–9. С. 47–48

«Артек» во всесоюзную здравницу]. Август 1942[1].

Решения Ленгорисполкома:

703. О расширении сети детдомов, яслей и детских садов от 18 сентября 1941[2].
704. Об организации нормальных занятий учащихся 7–10 классов. Октябрь 1941 г.[3].
705. Об организации новогодних елок от 23 декабря 1941 г. [4].
706. О ликвидации управления пионерских лагерей Исполнительных Комитетов районных советов депутатов трудящихся от 24 октября 1941. Пр. № 53, п. 37[5]. [о передаче имущества ликвидированных пионерлагерей детским учреждениям РОНО].
707. О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью от 7 января 1942. Пр. № 59, п. 4[6].
708. Об увеличении мест в действующих домах малютки на 1275, создать в каждом районе дом малютки от 22 января 1942 г. [7].
709. Об организации завоза топлива, незамедлительных мерах к ремонту водопровода и канализации, отеплении помещений и упорядочивании эксплуатации зданий и помещений детских учреждений от 22 января 1942 г. [8].
710. Об организации обслуживания детей гор. Ленинграда в детских яслях и детских садах (В соответствии с распоряжением СНК СССР от 6 февраля 1942 г.) от 8 февраля 1942 г. [9].
711. Об устройстве детей, оставшихся без родителей, от 13 февраля 1942. Пр. № 61, п. 48[10].
712. О проведении единовременного учета учащихся полных и неполных средних школ от 18 июня 1942. Пр. № 69, п. 67[11].
713. О возвращении в школы детей в возрасте до 14 лет от 23 октября 1942. Пр. № 78, п. 16[12].
714. Об организации общеобразовательных школ взрослых от 10 ноября 1942. Пр. № 79, п. 18[13].
715. О работе школ в 1-м полугодии 1942/43 уч. года от 25 января 1943. Пр. № 83, п. 1-з[14];
716. О всеобщем обязательном семилетнем обучении от 24 марта 1943. Пр. № 87, п. 20[15].
717. О мерах борьбы с детской безнадзорностью от 18 апреля 1943. Пр. № 90, п. 4[16].
718. О подготовке к новому учебному году от 19 июля 1943. Пр. № 95, п. 23[17].
719. Об организации учета детей и подростков в возрасте от 8 до 15 лет включительно и о порядке контроля в г. Ленинграде за выполнением закона о всеобщем обязательном обучении от 5 августа 1943. Пр. № 96, п. 24. Извлечение из Инструкции СНК РСФСР № 637[18].
720. О выполнении решения Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП

---

1 Во имя Победы: эвакуация … С. 333.
2 *Ежов М. В.* Указ. соч. С. 78.
3 Там же. С. 79-80.
4 Там же. С. 79.
5 Бюллетень Ленгорсовета…– 1941. – № 39–40 / 501–502 (12 ноября). С. 4.
6 Бюллетень Ленгорсовета…– 1942. – № 1–2 / 509–510 (30 января). С. 5–7.
7 *Ежов М. В.* Указ. соч. С. 78.
8 Там же.
9 Документ. № 129 // Ленинград в Великой Отечественной войне. Т. 1. – Л., 1944. С. 139 ; Ср. *Ежов М. В.* Указ. соч.
10 Бюллетень Ленгорсовета…– 1942. – № 3–4/ 511–512 (27 февраля). С. 8–9.
11 Бюллетень Ленгорсовета… № 12 / 520 (29 июня). С. 11.
12 Бюллетень Ленгорсовета… № 21–22 / 529-530 (30 ноября). С. 14.
13 Бюллетень Ленгорсовета… № 23 / 531 (20 декабря). С. 12–13.
14 Бюллетень Ленгорсовета... – 1943. – № 3-4 / 535–536 (28 февраля). С. 2–3. См. также: *Ежов М. В.* Указ. соч. С. 116.
15 Бюллетень Ленгорсовета … № 7-8 / 539–540 (30 апреля). С. 10.
16 Бюллетень Ленгорсовета … № 9-10 / 541–542. (30 мая). С. 13
17 Бюллетень Ленгорсовета....№ 15 / 547 (15 августа). С. 4–6.
18 Бюллетень Ленгорсовета... С. 6-8.

(б) «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/ 44 уч. году» в Володарском и Куйбышевском районах от 12 августа 1943. Пр. № 96, п. 3-з[1].

721. О подготовке к новому учебному году школ рабочей молодежи от 23 сентября 1943. Пр. № 99, п. 3-з[2].

722. Об изменении решения Исполкома Ленгорсовета от 24 марта 1943 г. «О всеобщем обязательном семилетнем обучении» от 7 октября 1943. Пр. № 100, п. 67[3].

723. О работе школ и выполнении закона о всеобщем обязательном обучении в Выборгском и Октябрьском районах от 21 октября 1943. Пр. № 101, п. 3-з[4].

724. «О работе школ в 1943/44 уч. году» от 24 февраля 1944[5];

725. «О мерах по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности» от 19 октября 1944[6].

VII. Некоторые постановления в области культуры и идеологии:

726. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» от 18 ноября 1943[7].

727. Постановление ГКО СССР № 31 от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу населения»[8].

728. Постановление СНК СССР № 485 от 10 апреля 1942 г. «О присуждении Сталинских Премий за: а) выдающиеся изобретения и б) коренные усовершенствования методов производственной работы»[9].

729. Постановление СНК СССР № 486 от 10 апреля 1942 г. «О присуждении Сталинских Премий за выдающиеся работы в области науки»[10].

730. Постановление СНК СССР № 487 от 11 апреля 1942 г. «О присуждении Сталинских Премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941 год»[11].

731. Постановление СНК СССР № 914 от 12 июня 1942 г. «О поднятии 14 июня 1942 г. на зданиях Государственного Флага Союза ССР в честь Объединенных Наций»[12].

732. Постановление СНК СССР № 1850 от 18 ноября 1942 г. «О Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки и изобретений, искусства и литературы за 1942 г.»[13].

733. Постановление СНК СССР № 1922 от 3 декабря 1942 г. «О дне Конституции СССР – 5 декабря 1942 года»[14].

734. Постановление СНК СССР № 25 от 7 января 1943 г. «О бесплатной отправке писем военнослужащим и в их адреса»[15].

---

1 Бюллетень Ленгорсовета .... № 17 / 549 (20 сентября). С. 8.
2 Бюллетень Ленгорсовета .... № 18 / 550 (30 сентября). С. 2–3.
3 Бюллетень Ленгорсовета .... № 19 / 551 (20 октября). С. 14.
4 Бюллетень Ленгорсовета .... № 20 / 552 (30 октября). С. 2–4.
5 *Ежов М. В.* Указ. соч. С. 132.
6 Там же. С. 133.
7 Бюллетень Ленгорсовета…– 1943. – № 22 / 554 (30 ноября). С. 1
8 Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность ... Т. 1: 1941–1943. С. 43.
9 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 302а – 309.
10 Там же. Л. 316а – 326б.
11 Там же. Л. 327 – 333.
12 Там же. Д. 202. Л. 58.
13 Там же. Д. 207. Л. 327.
14 Там же. Д. 208. Л. 199.
15 Там же. Д. 210. Л. 50.

735. Постановление СНК СССР № 194 от 21 февраля 1943 г. «О мероприятиях по обеспечению производства художественных фильмов в 1943 году»[1].

736. Постановление СНК СССР № 297 от 19 марта 1943 г. «Об утверждении т. Богоявленского П. И. ответственным секретарём Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков»[2].

737. Постановление СНК СССР № 308 от 19 марта 1943 «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 год». В числе награжденных киносъемочная группа документального фильма «Ленинград в борьбе»: реж. Соловцов В. М., операторы: Богоров А. Л., Погорелый А. И., Страдин В. И., Учитель Е. Ю. [3].

738. Постановление СНК СССР № 341 от 22 марта 1943 г. «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1942 год»[4].

739. Постановление СНК СССР № 342 от 22 марта «О присуждении Сталинских премий за: а) выдающиеся изобретения и б) коренные усовершенствования методов производственной работы за 1942 год»[5].

740. Постановление СНК СССР № 422 от 23 апреля 1943 г. «О государственном централизованном фонде литературы для восстановления библиотек, разрушенных фашистами»[6].

741. Постановление СНК СССР № 493 от 7 мая 1943 г. «Об инструкциях по учёту ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям и колхозам»[7].

742. Постановление СНК СССР № 642 от 7 июня 1943 г. «О поднятии 14 июня 1943 года на зданиях Государственного Флага Союза Советских Социалистических Республик в честь Объединенных Наций»[8].

743. Постановление СНК СССР № 667 от 17 июня 1943 г. «Об инструкциях о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и о порядке определения ущерба, причинённого гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов и их сообщников»[9].

744. Постановление СНК СССР № 993 от 14 сентября 1943 г. «Об организации Совета по делам русской православной церкви»[10].

745. Постановление СНК СССР № 1095 от 7 октября 1943 г. «Об утверждении Положения о Совете по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР»[11].

746. Постановление СНК СССР № 1305 от 22 ноября 1943 г. «О Комиссии по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзникам»[12].

747. Постановление СНК СССР № 1324 от 28 ноября 1943 г. «Об утверждении предложения Совета по делам русской православной церкви при Совнаркоме СССР о разрешении открытия православного богословского института и богословско-пастырских курсов»[13].

---

1 Там же. Д. 211. Л. 42–49.
2 Там же. Д.212. Л. 135–136
3 Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. – 1943. – № 4. С. 53.
4 ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 212. Л. 270–281.
5 Там же. Д. 212. Л. 282–301.
6 Там же. Д. 213. Л. 139–144.
7 Там же. Д. 214. Л. 61–70.
8 Там же. Д. 215. Л. 170а.
9 Там же. Д. 216. Л. 1–10.
10 Там же. Д. 218. Л. 179–180.
11 Там же. Д. 219. Л. 89–92.
12 Там же. Д. 220. Л. 330.
13 Там же. Д. 221. Л. 1–2.

748. Постановление СНК СССР № 1325 от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей»[1].

749. Постановление СНК СССР № 1366 от 9 декабря 1943 г. «О Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки и изобретательства, искусства и литературы за 1943 г.»[2].

750. Постановление СНК СССР № 1410 от 20 декабря 1943 г. «О государственном гимне Советского Союза»[3].

751. Постановление СНК СССР № 49-18с от 13 января 1944 г. «О создании специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров»[4].

752. Постановление СНК СССР № 577 от 20 мая 1944 г. «О производстве киножурналов и документальных фильмов»[5].

Решения Ленгорисполкома:

753. Об образовании Ленинградской Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям г. Ленинграда от 6 мая 1943. Пр. № 91, п. 1. Временное положение[6].

754. О мероприятиях по сохранению г. Ленинграда от 6 мая 1943. Пр. № 90, п. 3-з[7].

---

1 Там же. Л. 3–7.
2 Там же. Л. 188–189.
3 Там же. Д. 222. Л. 46–47.
4 Там же. Д. 223. Л. 108а–108б.
5 Там же. Д. 228. Л. 54–57.
6 Бюллетень Ленгорсовета ... – 1943. – № 11–12 / 541–542 (30 июня). С. 2–3
7 Бюллетень Ленгорсовета ... С. 9

VIII. СПИСОК ИМЕН[1]

ОТ. АЛЕКСИЙ (Симанский Сергей Владимирович) (1877–1970) – митрополит Ленинградский и Новгородский (1933 – 22.01. (4.02) 1945), митрополит Ленинградский (до ноября 1943), согласно завещанию Патриарха, Местоблюститель Русской Православной церкви (РПЦ) (с мая 1944), Патриарх РПЦ (со 2.02.1945).
АНДРЕЕНКО Иван Андреевич (1904–1987) – зам. председателя исполкома Ленинградского горсовета д. т., зав. отделом торговли.
АНШЕЛЕС Илья Маркович (1892 – неизв.), начальник противоэпидемического управления отдела здравоохранения исполкома Ленинградского горсовета д. т. (Ленгорздрава).

БАДАЕВ Георгий Федорович (1909–1950) – секретарь ГК ВКП(б).
БАСОВ Михаил Васильевич (1902–1950) – секретарь ГК ВКП(б) по оборонной промышленности (с марта 1941), заведующий отделом машиностроительной промышленности (с сентября 1943), заместитель секретаря и заведующий отделом военной промышленности Ленинградского горкома ВКП(б) (по март 1946).
БЕЩЕВ Борис Павлович (1903–1989) – начальник Северно-Западного направления Оперативно-эксплуатационного управления НКПС, уполномоченный по Северному (с 23 августа 1941 г. Ленинградскому) фронту НКПС, министр путей сообщения (1948–1977).
БУБНОВ Алексей Александрович (1906–1950) – с мая 1943 секретарь исполкома Ленинградского горсовета д. т.
БУБНОВ Андрей Сергеевич (1884–1940) – член Петроградского ВРК, один из руководителей вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 года, с 1924 года – Начальник Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), с 1929 по 1940 – нарком просвещения.

ВАСИЛЕВСКИЙ Александр Михайлович (1895–1977) – заместитель начальника Генштаба (с 1.09.1941), начальник Генерального штаба СССР, зам. наркома обороны (с мая 1942 по февраль 1945).
ВИНОГРАДОВ Иван Петрович (1880–1955) – председатель постоянной комиссии по здравоохранению исполкома Ленинградского горсовета д. т.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Александрович (1903–1950) – зам. председателя СНК СССР (01.03.1941 – 15.03.1946), член ГКО СССР (03.02.1942 – 1945), председатель Госплана СССР (08.12.1942 – 05.03.1949).
ВОЛЧОК (ВОЛЧЕК) Залман Иосифович (1895 – ?) – зам. зав. отдела по детству Ленгорздрава.
ВОРОНОВ Николай Николаевич (1899–1968) – начальник Главного Управления ПВО (1941), начальник артиллерии Красной армии (19.07.1941 – 1943), командующий артиллерией Красной армии (1943–1946), заместитель наркома обороны СССР.
ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1869) – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда. Зам. Председателя СНК СССР, председатель

1 В списке приведены только персоны руководителей, упоминание которых встречается в тексте.

Комитета обороны при СНК СССР (с 1940), нарком обороны СССР (1934–1940), член ГКО СССР; главнокомандующий войск Северо-Западного направления, командующий войсками Ленинградского фронта (5 – 11 сентября 1941).

ГОВОРОВ Леонид Александрович (1897–1955) – командующий Ленинградской группой войск Ленинградского фронта (с апреля 1942), Ленинградским фронтом (с июня 1942 по 1945).
ГРЕБЕНЩИКОВА Елизавета Анатольевна – к. и. н., зав. Городским методкабинетом, исп. обязанности зав. дошкольным сектором отдела народного образования (1943) исполкома Ленинградского горсовета д. т. (Ленгороно)
ГРУШКО Евгений Семенович (1894–1955) – начальник Управления милиции г. Ленинграда, комиссар милиции 2-го ранга.
ГУЖКОВ Иван Васильевич (1908–1982) – зав. финансовым отделом исполкома Ленинградского горсовета д. т. (Ленгорфо).
ГУТОРОВ Гавриил Петрович – секретарь ГК ВКП(б) по производству обмундирования.

ДМИТРИЕВА В. П. – зав. Отделом школ Ленинградского горкома ВКП(б)

ЖДАНОВ Андрей Александрович (1896–1948) – с 1934 одновременно секретарь ЦК ВКП(б), Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), член Военных Советов Северо-Западного направления и Ленинградского фронта, председатель Комиссии по вопросам обороны Ленинграда.
ЖИГАРЕВ Павел Федорович (1900–1963) – командующий ВВС Красной Армии (1941–1942), командующий ВВС Дальневосточного фронта (1942–1945).
ЖУКОВ Георгий Константинович (1896–1974) – Маршал Советского Союза (с 1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956). Начальник Генштаба (январь – июль 1941), командующий войсками Ленинградского фронта (11 сентября – 5 октября 1941), с августа 1942 зам. Верховного главнокомандующего и 1-й зам. Наркома обороны.

ЗАЛЬЦМАН Исаак Моисеевич (1905–1988) – нарком танковой промышленности СССР, директор Кировского завода
ЗЕМЛЯЧКА Розалия Самойловна (1876–1947) – зам. Председателя СНК СССР (1939–1943).
ЗОЛОТУХИН Петр Васильевич (1897–1968) – председатель школьной комиссии исполкома Ленинградского горсовета д. т., редактор газеты «Ленинградская правда».
ЗУБКОВ Иван Георгиевич (1904–1944) – начальник строительства №5, Герой Социалистического труда.

ИВАНОВ Всеволод Николаевич (1912–1950) – 1-й секретарь Ленинградского ОК ВЛКСМ (октябрь 1940 – февраль 1944), секретарь Ленинградского ГК ВЛКСМ по вопросам пропаганды и агитации (октябрь 1944 – май 1945). Казнен по «Ленинградскому делу», посмертно реабилитирован (1954 г.)[1].
ИСАКОВ Семен Ильич (1904 – ?) – начальник жилуправления исполкома Ленинградского горсовета д. т.

КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893–1991) – председатель Совета по эвакуации (24.06.–16.07.1941), Нарком путей сообщения СССР (1938–1942, 1943–1944).
КАЗАКОВ Петр Федотович (1904 – ?) – Уполномоченный ВЦСПС по Ленинграду и Ленинградской области с 8.06.1942.
КАЗАНЦЕВА Мария Николаевна (1897 – ?) – заместитель наркома здравоохранения СССР по вопросам охраны здоровья детей и женщин (1940 – октябрь 1942).

---

1 Упомянут на Памятнике руководителям Ленинграда и Ленинградской области на Донском кладбище в Москве.

КАЛИНИН Михаил Иванович (1875–1946) – председатель ВЦИК в 1919–1938, председатель ЦИК СССР от РСФСР в 1922–1938, председатель Президиума ВС СССР (1938–1946).
КАПУСТИН Яков Федорович (1904–1950) – секретарь Ленинградского ГК ВКП(б), член Военного Совета Северного фронта, Военного Совета обороны Ленинграда, уполномоченный ГКО СССР по эвакуации заводов, оборудования и кадров Ленинграда в тыл страны.
КЕЙЛИХ Екатерина Александровна (1901 – ?) – секретарь первичной организации ВКП(б) Ленгороно, начальник пионерского лагеря.
КОВРИГИНА Мария Дмитриевна (1910–1995) – заместитель наркома здравоохранения СССР по вопросам охраны здоровья детей и женщин (с 1942).
КОСЫГИН Алексей Николаевич (1904–1980) – заместитель Председателя СНК СССР (с 1940), зам. Председателя Совета по эвакуации (1941), уполномоченный ГКО СССР в Ленинграде по организации снабжения и эвакуации населения, председатель СНК РСФСР (1943–1946).
КУБАТКИН Петр Николаевич (1907–1950) – начальник Управления госбезопасности НКВД по Ленинграду и Ленинградской области (1941–1946).
КУЗНЕЦОВ Алексей Александрович (1905–1950) – член ЦК ВКП(б), 2-й секретарь Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), генерал-лейтенант (1943), член Военного Совета обороны Ленинграда, Военных Советов Северного и Ленинградского фронтов, председатель комиссии по строительству укрепленной полосы, председатель Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, депутат Верховного Совета СССР (с 1937).

ЛАВРИКОВА Евгения Федоровна – заведующая дошкольным сектором Ленгороно (1941–1942).
ЛАГУТКИН Емельян Сергеевич (1900–1979) – начальник МПВО Ленинграда, зам. председателя исполкома Ленинградского горсовета д. т. по МПВО, полковник[1]
ЛАЗУТИН Петр Георгиевич (1905–1950) – уполномоченный Военного Совета Ленинградского фронта по продовольственному снабжению (сентябрь 1941 – июнь 1944), секретарь Ленинградского ГК ВКП(б) по пищевой промышленности.
ЛЕВИН Г. С. (1906 – ?) – заведующий Ленгороно. (с 1941 до 20.04.1943).
ЛЕВИТСКАЯ (ЛЕВИЦКАЯ) Лидия Наумовна, (1899 – ?) – председатель ГК РОКК.
ЛЮБИМОВ Александр Васильевич (1898–1967) – нарком торговли СССР (1939–1946).

МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (1902–1988) – секретарь ЦК ВКП(б).
МАНАКОВ Николай Александрович (1904–1973) – председатель Ленплана, зам. председателя исполкома Ленинградского горсовета д. т.
МАХАНОВ Александр Иванович (1899 – ?) – секретарь ГК ВКП(б) по агитации и пропаганде с апреля 1942.
МАШАНСКИЙ Федор Исаакович (1894–1991) – заведующий Ленгорздравотдела с 17.04.1942.

МЕНДЕЛЕВА Юлия Ароновна (1883–1959) – профессор, директор Ленинградского медицинского педиатрического института (1925–1949).
МЕРЕЦКОВ Кирилл Афанасьевич (1897–1968) – Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Командующий Волховским фронтом (с 17 декабря 1941 – 23 апреля 1942; 9 июня 1942 – 15 февраля 1944), Карельским фронтом (с февраля 1944), 7 (с сентября 1941), 4 армиями (с ноября 1941). Награжден высшим военным орденом «Победа».
МЕРКУЛОВ Всеволод Николаевич (1895–1953) – нарком госбезопасности СССР.
МИТЕРЕВ Георгий Андреевич (1900–1977) – Нарком здравоохранения СССР.
МОЛОТОВ Вячеслав Михайлович (1890–1986) – зам. председателя СНК СССР, нарком иностранных дел.

---

1 ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 67 (Воспоминания Е. С. Лагуткина). Л. 2.

МОСКАТОВ Петр Георгиевич (1894–1969) – Начальник Главного Управления Трудовых резервов СНК СССР с 1940 по 15.05.1946.
МОСОЛОВ Серафим Яковлевич (1903–1957) – консультант-референт председателя исполкома Ленинградского горсовета д. т.

НИКИТИН Петр Ерофеевич (1906–1982?) – заведующий Ленгороно (с 20.04.1943), зав. школьным отделом.
НИКИТСКИЙ Владимир Семенович (1900–1969) – заведующий Ленгорздравотделом (до 1942).

ОСОКИН Василий Васильевич (1894–1960) – Начальник Главного Управления МПВО НКВД СССР, с сентября 1940 по март 1950 гг.

ПАВЛОВ Дмитрий Васильевич (1905–1991) – нарком торговли РСФСР (1939–1946), с 10 сентября 1941 г. уполномоченный ГКО при СНК СССР по снабжению продовольствием войск Ленинградского фронта и населения г. Ленинграда.
ПАМФИЛОВ Константин Дмитриевич (1901–1943) – Начальник Управления по эвакуации населения, зам. председателя СНК РСФСР.
ПАНФИЛЕНКО Антон Иванович (1898 – ?) – бригвоенюрист, военный прокурор Ленинграда (1941–1942)
ПОПКОВ Петр Сергеевич (1903–1950) – председатель исполкома Ленинградского горсовета д. т. (с 1939), председатель ГЭК, председатель Городской Чрезвычайной противоэпидемической комиссии, член Военного Совета обороны Ленинграда.
ПОПОВ Маркиан Михайлович (1902–1969) – генерал армии (1953), Герой Советского Союза (1965), генерал-лейтенант, командующий Северным (22 июня – 22 августа 1941) и Ленинградским фронтами (23 августа – 4 сентября 1941), 61 и 40 армиями (ноябрь 1941 – октябрь 1942).
ПОТЕМКИН Владимир Петрович (1874–1946) – 1-й заместитель Наркома по иностранным делам СССР (1937–1940), Нарком просвещения РСФСР (с 1940), президент АПН РСФСР (с 1943), Депутат ВС СССР.

РАСКИН Леонид Евгеньевич (1897–1948) – директор института усовершенствования учителей гор. Ленинграда (1941–1942).
РЕШКИН Василий Маркович (1899–1973) – зам. председателя Ленгорисполкома, начальник управления «Водоканал» (20.04.1942 – 05.02.1943).

САЛАМБЕКОВ Борис Константинович (1907–1978) – начальник Октябрьской железной дороги (февраль 1942 – 1946), Герой Социалистического Труда (1943).
СЕРДОБИНЦЕВ Б. А. – секретарь ГК ВКП(б) по местной промышленности.
СЕРИКОВ Михаил Кузьмич (1894–1969) – начальник Управления Объединенной Пожарной Охраны УНКВД г. Ленинграда, ген.-майор (1945).
СМИРНОВ Александр Петрович (1902–1965) – секретарь ГК ВКП(б), заведующий отделом кадров Ленинградского ГК ВКП(б), член Городской комиссии по эвакуации населения Ленинграда, член Военного Совета КБФ.
СМИРНОВ Ефим Иванович (1904–1989) – начальник Главного Военно-санитарного управления РККА (1939–1947).
СМИРНОВ Николай Александрович (1904 – ?) – директор треста хлебопечения.
СОЛОВЬЕВ Николай Васильевич (1903–1950) – председатель Ленинградского облисполкома (1938–1946), член Военного Совета Ленинградского фронта.
СТАЛИН (Джугашвили Иосиф Виссарионович) (1879–1953) – Герой Социалистического Труда, Генералиссимус Советского Союза, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК СССР

и ГКО, нарком обороны, Верховный главнокомандующий (с 1941).
СУХОМЕХОВ Павел Терентьевич (1900 – ?) – зав. отделом городского хозяйства, секретарь ГК ВКП(б) по химической промышленности.

ТАЛЮШ Петр Тимофеевич (1902–1950) – секретарь ГК ВКП(б) по электропромышленности (июль 1941 – 1944).
ТРИБУЦ Владимир Филиппович (1900–1977) – Адмирал, д.и.н. Командующий Балтийским флотом (с апреля 1939–1947).
ТУР Александр Федорович (1894–1974) – профессор, зав. кафедрой госпитальной педиатрии ЛМПИ, главный педиатр Ленинграда.

ФАЛИН Анатолий Николаевич (1911–1972) – государственный советник юстиции 3-го класса, уполномоченный НКЮ по Ленинграду с июня 1943 г., с октября 1943 г. военный прокурор Ленинграда (1943–1946).
ФЕДОРОВА Евгения Тихоновна (1901–1979) – заместитель председателя исполкома Ленинградского горсовета д. т. (1940–1949).
ФЕДЮНИНСКИЙ Иван Иванович (1900–1977) – Генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1939), генерал-лейтенант, командующий Ленинградским фронтом (5–26 октября 1941), зам. командующего Ленинградским, Волховским фронтами, командующий 42, 54, 2 уд. армиями (1941–1944).
ФЕЛЬДМАН Арон Израилевич (1902–1963) – начальник Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе.

ХОЗИН Михаил Степанович (1896–1979) – Генерал-полковник, командующий Ленинградским фронтом (26 октября 1941 – июнь 1942).
ХОХЛОВ Иван Сергеевич (1895–1973) – председатель СНК РСФСР (1940–1943).
ХРУЛЕВ Андрей Васильевич (1892–1962) – зам. наркома обороны – нач. Главного управления тыла Красной Армии (1941–1943), начальник Главного управления тыла (май – июнь 1943), тыла Красной Армии (06.1943–1946), нарком путей сообщения (1942–1943).

ШВЕРНИК Николай Михайлович (1888–1970) – секретарь ВЦСПС (июль 1940 – март 1944), с 24.06.1941 зам. Председателя Совета по эвакуации СНК СССР, с 16.07. – 30.12.1941) председатель Совета по эвакуации СНК СССР[1], председатель Главного переселенческого управления (переселенческой комиссии) СНК РСФСР (с 1942), председатель Президиума ВС РСФСР (с 1944), председатель Президиума ВС СССР (19.03.1946 – 15.03.1953).
ШИЛОВ Афанасий Митрофанович (1892–1954) – заместитель начальника тыла (1941–1944), начальник Военно-автомобильной дороги Ленинградского фронта, начальник тыла Ленинградского фронта (1945).
ШУМИЛОВ Николай Дмитриевич (1904–1982) – секретарь ГК ВКП(б) по агитации и пропаганде, с апреля 1942 ответственный редактор газеты «Ленинградская правда».

[1] Встречается и другая датировка с 03 июля по 25 декабря 1941 г. См. Оборона Ленинграда. 1941 – 1945. Документы и материалы…, 2019. С. 696.

IX. СТАРЫЕ НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ УЛИЦ, ПЛОЩАДЕЙ, ПРОСПЕКТОВ, РАЙОНОВ ЛЕНИНГРАДА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (1941–1945)

Старое название – новое название

Воинова ул. – Шпалерная ул.
Войтика ул. – Витебская ул.
Володарский район – Невский район
Воровского пл. – Исаакиевская пл.
Геслеровский пер. – Чкаловский пр.
Дзержинский район – часть Центрального района
Дзержинского ул. – Гороховая ул.
Желябова ул. – Большая Конюшенная ул.
Жертв Революции поле – Марсово поле
Каляева ул. – Захарьевская ул.
Красная ул. – Галерная ул.
Красногвардейский район – Калининский район (с 1936 по 1947 гг.)
Куйбышевский район – часть Центрального района
Лебяжий канал – Лебяжья канавка
Ленинский район – часть Адмиралтейского района
Майорова пр. – Вознесенский пр.
Максимилиановская больница – Городская Максимилиановская больница № 28
Международный пр. – Московский пр.
Михайловская ул. – Салова ул.
Огородникова пр. – Рижский пр.
Октябрьский район – часть Адмиралтейского района
П. Лаврова ул. – Фурштадтская ул.
Приютская ул. – Морской пер.
Профсоюзов бульвар – Конногвардейский бульвар
Рошаля наб. – Адмиралтейская наб.
Рыночная ул. – Гангутская ул.
Слуцкого ул. - Таврическая ул.
Советский пр. – Суворовский пр.
Софьи Перовской ул. – Малая Конюшенная ул.
25 Октября пр. – Невский пр.